ISSN 0236-2910

ВЕСТНИК

МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3. 2011

СЕРИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Основан в январе 1990 г.

Выходит один раз в квартал

№ 3
2011

Серия
«Социологические науки»

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель — Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), свидетельство ПИ № ФСС-38554 от 21 декабря 2009 года

Номер посвящен памяти доктора философских наук, профессора А. И. Сухарева (1931—2010)

В память об ученом. Александр Иванович Сухарев (1931—2010) 4
Вдовин С. М. А. И. Сухарев — ученый и созидатель 5
Полутин С. В. Человек, опередивший эпоху 7
О времени и о себе (выдержки из интервью, 2006 г.) 8
Сухарев А. И., Козин В. В., Сидоркина В. М. Становление и развитие социологии в Мордовии 10

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Козин В. В. Проблемы и перспективы развития политической социологии в российских регионах 18
Дергунова О. С. Роль личности в политике 21
Иявкина О. Н. Оппозиционная деятельность в России 24
Квашанова Е. Ю. Политические предпочтения жителей Республики Мордовия 26
Роздина Ю. О., Долгаева Е. И. Богатство и бедность в политическом сознании россиян 30
Сульдина Н. А. Социальные особенности политического лидерства в России 33

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Мотькин В. Н. Работа с обращениями граждан в вертикали государственного управления 39
Ефанова Е. В. Безопасность и качество жизни в оценках граждан современной России 43
Баранова О. Н. Обеспечение информационной открытости органов государственной власти региона как фактор гармонизации отношений государства и общества 47
Неждянов В. А. П. Сорокин и П. Штомпка: использование процессуального подхода в социологии расселения 50
Долгаева Е. И., Маняхина Е. В. Образ работников правоохранительных органов в общественном мнении горожан 53
Полутин С. В., Щанкина Г. И. Социологические и другие методические подходы к изучению проблем социальной дезорганизации 57
Абрамов А. М. Американская институциональная система инновационной деятельности 61

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Фадеева И. М., Тихонова Е. В. Формирование доверительных отношений в сфере банковских услуг 66
Кирдянкина Т. И. Социально-трудовые отношения в период обострения социально-экономического кризиса 2008–2009 гг. в Республике Мордовия 70
Долгаева Е. И., Сурначева М. А. Динамика социального самочувствия рабочих в условиях финансово-экономического кризиса 73
Мукасеева Н. Н., Мартынов А. И. Развитие малого бизнеса в Республике Мордовия 78
Салмова О. В. Феномен «челночество»: историко-социологический аспект 81
Фофанова К. В., Борисов Д. М. Иностранная трудовая миграция: теоретические подходы к изучению 85
Мишичкина В. П. Применение программно-целевого подхода к привлечению трудовых ресурсов из-за рубежа 91

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Слугина Т. В. Социальная политика современного российского общества 94
Суняйкина О. Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии 98
Абудеева Н. Ю., Богатова О. А. Травма социальных изменений в Республике Мордовия 101
Демьянов Е. А. Социологическое понимание проблемы коррупции 104
Бареев М. Ю., Бурова Ю. В., Судакова А. И., Фролочкина Е. А. Работа Министерства юстиции Республики Мордовия по противодействию сапанистским и иным деструктивным организациям 108
Агишев Р. Р. Использование метода социологического наблюдения при оценке комфортности и информационного сопровождения процедуры предоставления государственных и муниципальных услуг в МФЦ г. Саранска и Рузаевки 111
Якушкин М. В. Проблемы в сфере культурного обслуживания населения в муниципальных районах Республики Мордовия 114
Абрамова Е. А. Деятельность ветеранских и патриотических организаций в Республике Мордовия 117
Сидоркина В. М., Вдовина Е. Н. Туризм как вид досуга 120
Мухаметзянова А. Р. Медико-социальная экспертиза и реабилитация инвалидов в регионе (по результатам фокус группы с женщинами-инвалидами Саранска) 122
Мухаметзянова А. Р. Инклюзивное образование инвалидов: социолого-психологический аспект 127
Сазанов Я. С. Гендерные особенности web-сайтов 131
Богатова О. А. Секулярная религиозность православных верующих в российском регионе (на примере Республики Мордовия) 135

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Пустынникова Л. В. Использование возможностей дополнительного образования в духовно-нравственном воспитании молодежи 142
Калаева Л. П., Максимова Л. Ю. Удовлетворенность населения Республики Мордовия качеством общего образования 145
Иванкина И. В. Качество подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений Республики Мордовия: социологический аспект 149
Козина О. В., Козин В. В. Социально-педагогическая компетентность преподавателей среднего профессионального образования региона 153
Головашов А. В., Шичкин И. А. Удовлетворенность населения Республики Мордовия качеством дополнительного образования детей 157
Рузавина Э. А. Основные подходы к определению понятия «качество высшего образования» 160
Стародубцева Л. В. Социологический аспект развития стремления к карьере у студентов педагогического вуза 162
Фадеева И. М., Морозова Н. Н. Компетентностный подход при подготовке бакалавров и магистров к исследовательской деятельности 167
Касаткина Н. П. Информационный фактор профессиональной ориентированности выпускников школ Республики Мордовия 172
Суковкина Т. Н. Реализация принципов этнокультурного образования в Республике Мордовия 176
Фадеева И. М., Юскаева М. В. Здоровье и профессиональная деятельность: оценки преподавателей 180
Канаева Л. П. Формы участия общественности в управлении образованием 185

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Кирдянов В. Ф., Курков В. М. Формирование гражданской нации и финно-угорские народы России (к 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства) 188
Данилов А. В. Гражданская и этническая идентичность в общественном сознании населения Мордовии 192
Кулешова Г. П., Азисова Н. Н. Адаптационный потенциал и социальное положение семей основных этнических групп регионального социума 197

Азисова Н. Н. Место и роль татарской семьи в этнокультурном пространстве региона 206
Никонова Л. И., Шевцова А. А., Акимова З. И. Традиции и трансформации семейного уклада азербайджанских мигрантов в Мордовии 213

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Полутин С. В. Региональный молодежный субсоциум в предметном поле социологии региона 219
Вишнякова Н. А., Долгаева Е. И. Морально-нравственные ориентации современной молодежи 222
Зинин А. А. Ресурсные притязания молодежи региона (на примере Республики Мордовия) 225
Назарьева С. Е., Долгаева Е. И. Самосохранительное поведение молодежи 229
Москалева Ю. В. Электоральное поведение молодежи (по результатам пилотажного исследования) 233
Трафимова Г. А. Миграционные намерения российских студентов 237
Радаева Н. А. Семья и СМИ в политической социализации молодежи 241
Курочкина М. А., Помелова Н. А. Образ современной политической элиты в сознании студенческой молодежи 245
Дадаева Т. М., Вишнякова Н. А., Иняхина О. Н., Курочкина М. А. Проблемы адаптации иностранных студентов в Мордовии (на примере Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева) 248
Бареев М. Ю. Экстремистские проявления в молодежной среде как одна из проблем современного общества 251
Сидоркина В. М., Головянова Е. И. Свадебная обрядность в социологическом ракурсе 253
Вишнякова Н. А., Помелова Н. А. Образ идеального отца у студенческой молодежи 256
Шумкова Н. В. Изучение молодежных субкультур в структуре регионального социума 259
Французов В. В. Этнокультурная идентичность молодежи Мордовии: опыт пилотажного исследования 262
Упкин С. Г., Дадаева Т. М. Роль и значение сети Интернет в жизни студенческой молодежи: опыт пилотажного исследования 265
Канаева Л. П., Режикова И. Э. Республиканская система поддержки талантливой молодежи 270
Зеткина Ю. В. Наркодевиации в молодежной среде региона: опыт социологического анализа 273
Тюлякова О. И. Влияние СМИ на медиапредпочтения и профессиональные стратегии молодежи в условиях экономического кризиса 276

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ

Сычев А. А. Социально-экологические аспекты глобализации 279
Калачина О. С. Природоохранная деятельность общественных организаций в Республике Мордовия 287

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 290

Главный редактор **С. М. Вдовин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Митькова Ж. В. (ответственный секретарь),
Макаркин Н. П., Фомин Н. Е., Сенин П. В., Мартынова М. Д., Прытков Ю. Н., Котин А. В., Арсентьев Н. М., Полутин С. В., Сидоркина Т. Н., Усанова А. А., Ерофеев В. Т., Режин В. В., Нищев К. Н., Чучаев И. И., Моськин М. В., Сушкова Ю. П., Гуляев И. В., Гуськова Н. Д., Ямашкин А. А., Ломшин М. И., Буренина Н. В., Фомин А. П.

Ответственный за номер: *Помелова Н. А.*

Материалы печатаются в авторской редакции

Технический редактор *Т. А. Сальникова*
Корректоры *Ж. В. Митькова, Е. В. Савойская*
Дизайн обложки *Богдана Колмачева*
Компьютерная верстка *Е. Ф. Кондровой, Л. В. Гростиной*

Адрес редакции: 430005, г. Саранск,
ул. Б. Хмельницкого, 31, кв. 3
Телефон: (8342) 24-25-18
e-mail: vestnik_mrsu@mail.ru

В ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ
(1931—2010)

А. И. СУХАРЕВ — УЧЕНЫЙ И СОЗИДАТЕЛЬ

Трудно найти сферу общественной деятельности Республики Мордовия, в которой Александр Иванович Сухарев не оставил бы заметного следа. Тем более трудно и непривычно говорить о нем в прошедшем времени. Общественности республики и страны он известен прежде всего как ректор Мордовского государственного университета, видный общественный и политический деятель, директор созданного им Научно-исследовательского института регионологии и Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Жизнь Александра Ивановича была полна событий и свершений, оказавших огромное влияние на социально-экономическое и духовное развитие Мордовии, идеями и кропотливой работой по их реализации.

С первых дней ректорства А. И. Сухарев в полной мере проявил себя как теоретик и практик, генератор идей. Он выдвинул и всячески реализовывал идею политехнической модели университета. Стремление предоставлять практико-ориентированное знание, востребованное народным хозяйством, социальной и духовной сферами республики и страны, было «визитной карточкой» МГУ им. Н. П. Огарева. Как философ ректор понимал огромное значение естественно-научного знания и точных наук, предвидел потенциал электроники и вычислительной техники, необходимость развивать междисциплинарные связи, стремился развивать материально-техническую базу университета. Неудивительно, что иногда его называли Александром-строителем. Построенные им научные и учебные корпуса университета, общежития не только дали путевку в жизнь тысячам специалистов, но и украсили Саранск.

За период с 1969 по 1991 г. университет добился значительных результатов в повышении качества подготовки специалистов, совершенствовании образовательного процесса, воспитании студенческой молодежи, развитии научных исследований. Общепринято время ректорства Александра Ивановича Сухарева в истории Мордовского государственного университета называть этапом непрерывного роста.

Университет в полной мере стал центром образования, науки и культуры республики. Именно университету Мордовия сегодня обязана наличием высококвалифицированных кадров практически во всех отраслях хозяйства, значительным научным потенциалом и людьми, которые всю жизнь отдают развитию республики.

А. И. Сухарев как организатор образования и науки в Мордовии был непревзойденным лидером. Умение подчинить свои интересы интересам вуза и республики отличало его всегда. Подчиненным он прививал работоспособность, энергичный и ответственный подход к любому делу. Любой вопрос был на контроле ректора: учебный процесс, строительство общежитий и корпусов, внеучебная деятельность, социальное обеспечение преподавателей, сотрудников и студентов университета. Лозунг всей его жизни — «Прежде думай о Родине, потом о себе». Это кредо ему удалось привить и многим ученикам.

Александр Иванович вел активную научно исследовательскую работу и преподавательскую деятельность. А. И. Сухаревым обоснована идея системного взаимодействия социальной дифференциации и отношений между социальными общностями. Одних из источников развития общества, наряду с противоречиями, является, по его мнению, объективная потребность в гармонии экономической, политической и социальной сфер жизни общества, интересов социальных групп и личностей.

Интеграционные процессы различных направлений региональных исследований привели к созданию А. И. Сухаревым нового научного направления — регионологии, более 60 представителей которого защитили кандидатские и докторские диссертации. Объектом ее исследования он считал территории с различными формами организации и уровнями управления. Созданная им научная школа характеризуется широким спектром направлений исследовательской деятельности. Это социальные отношения и процессы, прикладная социология, географическая демография, пространственная (региональная) экономика, общие вопросы народного образования; методология и методики формирования систем комплексного мониторинга социально-экономического развития регионов; модели гармоничного развития регионов различного уровня управления (муниципальное образование, село, деревня, рабочий поселок, город, республика, округ).

Предположение А. И. Сухарева о востребованности федеральных, региональных и муниципальных программ комплексного социально-экономического развития полностью подтвердилось. Реализация разрабо-

тавной НИИ регионологии под его руководством Федеральной программы экономического и социального развития РМ на 1996—2000 гг. дала республике дополнительный импульс к развитию и на десятилетие определила вектор ее эволюции.

Вся жизнь Александра Ивановича была связана с молодым поколением. Наверное, именно поэтому он всегда близко и всерьез воспринимал проблемы молодежи, старался помочь и словом, и делом. Всячески способствовал тому, чтобы молодой специалист мог максимально раскрыть способности, давал ему возможность проявить себя. Он был удивительным человеком, казалось, для него нет ничего невозможного, после общения с ним каждый из нас верил, что способен «свернуть горы». Личным примером он настраивал на упорство, энергичность, дисциплину и оптимизм в достижении целей.

Александр Иванович всей жизнью подтверждал слова песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Он был рожден, чтобы сделать сказкой обыденное. Земля, на которой родился и жил Александр Иванович, питала его грезы о будущем, об ином, прекрасном мире, и он щедро дарил себя этой земле. Из окон построенного им здания НИИ регионологии прекрасно виден театр оперы и балета — одно из материальных воплощений его мечты о прекрасном будущем. Он являлся примером беззаветного служения Родине, делу образования и науки. Его отличали многогранность таланта организатора, ученого-исследователя и блестящего лектора. Всегда проявлял высочайшую работоспособность, настойчивость в достижении цели, порядочность и объективность. Это был человек, увлеченный своим делом. Его умение сплачивать людей, преодолевать трудности, видеть перспективы, меняющие социальный облик республики, — дар выдающейся личности. Он был открыт и доступен для всех, кто обращался к его жизненному опыту.

Ректор С. М. Вдовин

ЧЕЛОВЕК, ОПЕРЕДИВШИЙ ЭПОХУ

В судьбу верю, но не как в нечто фатальное,
а как в возможность взобрать
и, главное, настойчиво реализовать
определенный вектор жизни.

А. И. Сухарев

Александр Иванович Сухарев... Человек, для которого жизнь началась работой, а работа составляла смысл жизни. Нам еще предстоит оценить многогранную личность Александра Ивановича. Но одно не подлежит сомнению: для науки, образования, культуры, социальной сферы и экономики республики его дела и мысли были определяющими.

Они и сегодня во многом определяют стратегию развития республики, поскольку Александр Иванович обладал уникальным даром научного предвидения и его идеи часто опережали время. При этом он стремился к тому, чтобы интеллектуальный потенциал университета был направлен на решение проблем региона. Под его руководством были разработаны Федеральная программа экономического и социального развития Республики Мордовия (1996—2000 гг.), программы комплексного развития муниципальных образований республики.

Александр Иванович смог объединить фундаментальную теоретическую подготовку с глубоким знанием жизни, ее проблем, что явилось основой созданного им научного направления — регионологии, широко известного в России. Его окружали неравнодушные, талантливые единомышленники, на практике следующие девизу «Прежде думай о родине, а потом о себе». Тысячи, даже десятки тысяч людей считают его своим учителем.

Мне выпало счастье работать с А. И. Сухаревым 30 лет. Всегда поражала исключительная работоспособность Александра Ивановича. Не жалея здоровья, он созидательно работал по 12—16 часов в сутки, без выходных и праздников. Даже в последние дни жизни он думал о перспективах развития университета и республики и буквально рвался на работу.

Александр Иванович обладал удивительным человеческим обаянием. Общение с ним обогащало интеллектуально, духовно, он умел зарядить энергией и оптимизмом.

В октябре 2010 г. университет праздновал очередной день рождения. Александр Иванович, будучи тяжело больным, выступил на собрании коллектива, и это выступление было ярким, аргументированным, нацеливающим на созидательную работу. Зал аплодировал ему стоя...

А. И. Сухарев ушел из жизни год назад, но его эпоха продолжается в его учениках, в его идеях, в памяти тысяч жителей республики и страны.

С. В. Полутин

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ
(выдержки из интервью, 2006 г.)

Этот номер журнала «Вестник Мордовского университета» посвящен памяти А. И. Сухарева. Лучшая память об ученом — развитие учениками его идей и мыслей. Накануне 75-летнего юбилея, беседуя с журналистами, А. И. Сухарев рассказывал о времени и о себе.

О возрасте

«Скажу честно, приход старости не ощущаю. Вся моя жизнь преимущественно связана с молодежью, с их проблемами, с их участием. Я благодарен судьбе за это. Был ректором университета. Сейчас пятнадцать лет являюсь директором научно-исследовательского института, по духу и профессионально близкого мне. Благодарен я и тем людям, которые еще в юности приобщили меня к спорту, а это была хорошая подзарядка на энергичную работу, на выносливость».

О принципиальности в жизни

«Критерий принципиальности для меня один — это победа дела, которому служишь. Родился я под знаком Весов, и природой мне предназначено быть толерантным и уважать мнение оппонента или партнера, с тем чтобы обязательно продвинуться вперед. Я старался и сейчас стараюсь не идти в лобовую атаку. Всегда надо учесть целесообразность той или иной конфронтации, насколько она глубока и насколько может повредить тому делу, с которым связано данное общение, данное взаимодействие. Моя принципиальность исходит не из личного, а из общего интереса. От этой точки зрения я не отступлюсь, чтобы решить проблему, но в процессе движения к решению могу сделать и шаг назад, и в сторону — с тем чтобы или убедить, или продавить, но самое главное — вопрос решить. Иногда мне коллеги говорят: вот Вы здесь уступаете кому-то, а я предлагаю им вместе обсудить, во имя чего я уступаю. Очень важно дать возможность человеку созреть, чтобы он стал сторонником решения проблемы».

О жесткости в отношении к людям

«Было и такое, что приходилось кого-то обижать. Но это было, как правило, в минуты важных переломных моментов, когда уже первая система оказывалась на пределе. Это было и в бытность председателем колхоза на Орловщине, и позже. Но потом переживал и, если обижал людей не по делу, находил способ извиниться. Если обидел публично, то и извинялся публично».

Об отдыхе

«Для отдыха мне хватает ночи. Но, действительно, мне нравится постоянно находиться в работе, быть занятым. Причем мне интересна смена занятий. Заканчиваешь редактировать один документ, начинаешь готовить статью, читаешь книгу. Слушаю музыку, иногда смотрю хорошие фильмы. Хотя я не утверждаю, что мой образ жизни является оптимальным для всех людей».

О карьере

«В девятом, десятом классах я находился на перепутье, у меня были две альтернативы: физика и философия. Они тогда были одинаково популярны в обществе. В итоге избрал философскую стезю. Так что больше думал о получении профессии, чем о карьере».

О поступлении в Московский университет

«На философский факультет МГУ я поступил не сразу, первый заход был не очень удачным, получил „тройку" по немецкому языку. И мне сказали в приемной комиссии, что стипендии не будет. Без стипендии в Москве я оставаться не мог, вернулся в Саранск. Поскольку я был спортсменом, меня пригласили работать в Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете народных комиссаров, но готовился к новым экзаменам. И со второго захода набрал четырнадцать баллов и поступил, стал получать стипендию».

О событиях 1991 г.

«Они более чем драматические, и не столько в моей личной жизни, сколько в жизни страны, партии. Мне разные люди в жизни встречались, но большинство из тех, с кем я сталкивался, искренне любили свою Родину, искренне верили в гуманность идеи социальной справедливости. И я в это верил и верю сейчас. Другое дело, что определенные круги спекулировали и эксплуатировали эти патриотические и гуманистические лозунги. Что касается должности ректора университета, с которой мне пришлось тогда уйти, то в итоге тот накат, который был на меня организован, оказался неоправданно-

ным, каких-то нарушений мной закона не было обнаружено. Но были люди, которые очень хотели смены руководства университета».

О регионологии

«В 1991 г. Москва одобрила программу развития университета до 2000 г., она была ясна, согласована, и я был полон сил, чтобы ее реализовать. А с другой стороны, я благодарен судьбе. Конечно, университет был, есть и останется для меня родным, но я получил возможность удовлетворить профессионально-научный интерес. Имею в виду создание НИИ регионологии. И вот мы уже отметили 15-летие. Институт состоялся, он востребован, коллектив молодой, абсолютное большинство — люди творческие, с замыслами, с идеями».

О политике

«Я считаю себя политиком в широком смысле слова — как один из выразителей интересов созидателей. А сам лично к власти политической не стремлюсь, мне больше импонирует профессиональная деятельность. Но от политики никто не может уйти начисто, тем более человек, занимающийся интеллектуальной деятельностью в гуманитарной, общественной сфере. Лично у меня каких-либо особых амбиций нет. Но так получается, что те люди, которым я верю, которых активно поддерживаю, иногда обращаются ко мне с тем, чтобы на том или ином направлении встать „у станка" или у руля. В данном случае имею в виду и республиканское отделение партии „Единая Россия", и двухтомную энциклопедию „Мордовия", главным редактором которой я был назначен».

Об обсерватории

«В той программе развития университета присутствовали многие объекты. В том числе и обсерватория. Вообще говоря, университет без обсерватории — это не тот университет. Давайте вспомним, как зарождались классические университеты. Наряду с ботаническим садом, вузомузеем, в первую очередь появлялась и обсерватория. Что касается обсерватории в Мордовии, был замысел, и была проведена огромная кропотливая предварительная работа. Нам помогли и космические ведомства, и Астросовет Советского Союза. Были изучены многолетние наблюдения.

Оказывается, на территории Мордовии, особенно в зоне Старого Акшина Старошайговского района, в году больше 250 солнечных дней. В повседневной жизни мы на это как-то не обращаем внимания, вроде всякая погода бывает, „у природы нет плохой погоды" В итоге было принято решение и нашим министерством, и Госпланом России, разработан и утвержден проект, и уже начаты были дренажные работы в зоне усадьбы Огарева. И имя будущей обсерватории дали — Староакшинская.

Знаете, я верю: будет обсерватория в Мордовии, и будет она именно там, где мы и планировали. Мне по душе тенденция, что за последние годы Мордовия стала обретать джентльменский набор цивилизации. Даже не самые крупные регионы имеют основания, чтоб быть цивилизованными, располагать всем основным набором информационных и культурных очагов...».

О корнях

Родился я в селе Белоторске ныне Ямбирского района, а потом семья переехала в Саранск, мне тогда было три года. Моя родная улица в Саранске — улица Ворошилова, через порядок от железной дороги. А все мои предки — из Атемара. И я никогда деревне не изменял. Дипломную работу в МГУ писал на тему «Союз рабочего класса и крестьянства», кандидатская диссертация посвящена сельской интеллигенции, три года был председателем колхоза, затем секретарем сельского райкома партии в Орловской области. И потом, работая в родной Мордовии, которая является аграрно-промышленным регионом, постоянно соприкасался и не перестаю соприкасаться с проблемами нашего села...».

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ В МОРДОВИИ

А. И. Сухарев, В. В. Козин, В. М. Сидоркина

В статье анализируется процесс становления и развития социологии в Мордовии, представлены различные направления социологических исследований, проводимых в регионе, и их проблематика.

О развитии любой отрасли научного знания можно судить по процессу ее институционализации. Ей, на наш взгляд, присущи три основных составляющих: динамика научных публикаций и статус науки в общественном сознании; включенность в систему образования; создание специальных научных организаций, обществ и т. п. Их наличие на региональном уровне обусловливается общей идеологической и социально-политической обстановкой в стране, уровнем развития в ней фундаментальной и прикладной науки. В структуре исторического материализма, считавшегося в странах социализма социологией марксизма, формировалось априорное знание об общих законах общественного развития. Их прикладная составляющая развивалась в рамках научного коммунизма и политэкономии социализма. Заидеологизированность социалистического обществознания определила характер развития социологии, не свободной от мировоззренческих клише и политических мифов. Однако, несмотря на это, поступательное развитие социологии в стране отрицать нельзя. Мордовия в этом отношении исключения не составляла.

Становление профессиональной социологии в республике связано с созданием при кафедре научного коммунизма Мордовского государственного университета в 1968 г. лаборатории социально-экономических исследований. Мордовия в 1960—70-е гг. XX в. характеризуется активным развитием промышленности. Руководство многих промышленных предприятий значительное внимание уделяло становлению и развитию трудовых коллективов. Именно в этот период в республике активно развивается «промышленная социология». На заводах «Резинотехника», «Электровыпрямитель», «Орбита», кабельном и др. были созданы и активно функционировали лаборатории социально-экономических или социально-психологических исследований трудовых коллективов.

К наиболее заметным научно-практическим явлениям этого направления развития социологии в Мордовии следует отнести исследование «Комплексное развитие коллектива предприятия (опыт социологических исследований и социального планирования саранского ордена Трудового Красного Знамени завода „Электровыпрямитель“)». С 1968 г. до середины 1970 г. оно проводилось в несколько этапов. В результате были определены наиболее эффективные формы управления социально-экономическими процессами производственного коллектива, дана характеристика его социально-экономического и культурно-бытового состояния, выявлены резервы роста технико-экономических показателей работы завода и оптимизации научной организации труда, а также проанализированы система материального и морального стимулирования, быт трудящихся и развитие творческой активности членов коллектива [9].

Это было одно из первых в стране исследований подобного рода. Его масштабность и глубина актуальны и сейчас. В отличие от некоторых современных опросов общественного мнения (когда на основании ответов случайно отобранной 1 тыс. чел. делаются выводы об общественном мнении огромной страны) опрос был строго дифференцирован и абсолютно репрезентативен. В многочисленных современных общественно-политических телешоу можно часто слышать такую фразу, как: «Выборка случайная, репрезентативная!». Для заводских и университетских ученых репрезентация была не пустым звуком, а необходимым условием. Высокий научный уровень исследования, практические рекомендации и профессионализм были оценены по достоинству: книга, написанная по результатам исследования, на ВДНХ получила серебряную медаль, были также отмечены и наиболее активные его участники.

В сферу научных интересов социологических служб предприятий и активно с ними сотрудничающих ученых входил широкий

© А. И. Сухарев, В. В. Козин, В. М. Сидоркина, 2011

спектр вопросов, касающихся причин потери рабочего времени, текучести кадров, нарушения трудовой, производственной и плановой дисциплины, возможностей экономии материальных ресурсов, организации питания коллектива предприятия, условий труда, быта и отдыха, социально-психологического климата в коллективах и т. д. Аналитические записки по результатам исследований и сформулированные в них практические рекомендации руководству предприятий часто оказывали положительное воздействие и приводили к позитивным изменениям.

Наряду с этим проводились работы обобщающего характера [2], в частности, продолжались исследования социальной структуры советского общества [3], его региональных социумов. В русле этого научного направления были изданы несколько монографий.

В структуре социологического знания в Мордовии активно развивались субдисциплины, например, этносоциология. Мордовия — многонациональная республика. Поэтому этносоциологические исследования в республике имеют давние традиции. Проблематика этого направления развития социологии в регионе получила довольно детальное освещение [8].

Значительный материал по этнокультурным процессам в мордовских селах был собран в октябре 1924—апреле 1925 г. Были опрошены более 32 тыс. крестьянских хозяйств Пензенской губернии. Многие из них находились в волостях и уездах, позднее вошедших в состав Мордовской автономной области (1930 г.). В 1934 г. под руководством профессора Н. Маториша было проведено исследование, направленное на изучение культурно-бытовых процессов мордовского крестьянства [11]. В анкете нашли отражение вопросы, характеризующие демографическую ситуацию, социальное положение населения, его образовательный уровень, общественно-политическую и трудовую активность, семейные отношения, место и роль женщин, детей в семейных отношениях, уровень религиозности и т. д. [1]. В 1979—1980 гг. было проведено повторное исследование тех же населенных пунктов Мордовии. Основу вопросника составила анкета 1934 г. Анализ результатов исследования выявил значительные изменения, обусловленные героическими и трагическими периодами истории нашей страны. Для проверки объективности и качества полученной информации было проведено повторное исследование в других районах республики, подтвердившее правильность ранее сформулированных выводов и рекомендаций.

В 1973—1974 гг. Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР совместно с Институтом этнографии АН СССР по программе, разработанной В. В. Пименовым, в ряде сел и городов Мордовии проводилось одно из крупнейших в истории республики этносоциологических исследований. Обследованию подверглись 41 населенный пункт республики и 10 поселений городского типа. Структура выборочной совокупности содержала: сельское население — 2 390 чел., городское — 2 580 чел. Из них 199 чел. представляли творческую интеллигенцию (эксперты) [25].

При составлении «Мордовского этнографического вопросника» был использован опыт этносоциологических исследований Ю. В. Арутюняна, Е. И. Клемантьева, О. И. Шкаратана. В поле зрения ученых попал широкий круг вопросов, связанных с функционированием языков, состоянием культуры различных этнических групп, одеждой и другими этническими аспектами населения Мордовии. В том числе она содержала вопросы, касающиеся иерархии этнической принадлежности и оценки уровня этнической консолидации мордовского народа [21]. Этнографическое и этносоциологическое исследование мордовского и русского населения по столь сложной программе было проведено в Мордовии впервые. Анализ собранной информации показал, что она позволяет прояснить ряд теоретических вопросов, связанных с социальным и экономическим генезисом и развитием этнокультурных процессов, а также решить некоторые практические задачи их планирования и управления.

Со второй половины 1970-х гг. актуализируется исследование проблем формирования и развития региональной социально-экономической системы «город—село». Ученые Мордовского государственного университета, и в первую очередь Проблемная научно-исследовательская лаборатория, проводят ряд исследований в сельских районах Мордовии. Особенно значительным оно было в Ромодановском районе. Анкетирование, интервью, работа со статистикой, репрезентативная выборка сел и анализ в них крестьянских хозяйств продолжались более двух лет [19, с. 40]. Особое внимание обращалось на развитие социальной инфраструктуры села. Результатом этих исследований стала разработка планов социально-экономического развития около полутора десятка сел республики (Аникеево Ромодановского района, Дюрки Атяшевского и др.) [24].

В 1985—1986 гг. проводилось статисти-

ко-этнографическое обследование сельского населения Мордовии. В том числе анализировались особенности бытовой культуры, этноконфессиональные и социализационные процессы в регионе. Собранные материалы легли в основу ряда научных публикаций (В. Ф. Вавилин, В. А. Балашов) и диссертационных исследований (Н. Ф. Беляева, Н. В. Шилов и др.) и положили начало новым. В начале 1990-х гг. XX в. произошло пробуждение национального самосознания народов, активизируются этнокультурные и этнополитические процессы.

Ситуация с проведением социологических исследований в стране, и в регионах в частности, существенно изменилась в положительную сторону. Эти изменения носили неоднозначный характер, но в целом были положительными. И дело не только в том, что исчез обременительный контроль: расширилась институциональная база социологических исследований, появилась возможность проводить независимые исследования по любой теме, использования широкого спектра тематических разработок отечественных и зарубежных ученых, стала доступной обширная западная социологическая литература. Социология вошла в государственные стандарты вузовского образования. В Мордовском университете была организована кафедра социологии, с 1992 г. при ней начала функционировать аспирантура. В 1994 г. была создана докторантура, сформирован докторский диссертационный совет по социологии.

Значительным событием, определившим в дальнейшем развитие социологии и проведение социологических исследований в Мордовии, стало создание в 1991 г. Научно-исследовательского института регионологии при Мордовском государственном университете. Главной функцией института на протяжении 20 лет является разработка основных положений научного направления — *регионологии* как специальной теории комплексного экономического, экологического, социального, политического, национального и культурного развития регионов. Основной идеей регионологии является гармонизация социальных отношений, понимаемая не как состояние, а как механизм согласования интересов и преодоления противоречий [22]. Важное место в работе НИИ регионологии занимает разработка федеральных и региональных программ социально-экономического развития регионов. Решение этих непростых задач стало возможным благодаря проведению широкомасштабных прикладных социологических исследований.

Наиболее значимым и крупномасштабным, на наш взгляд, является комплексное социологическое исследование, проводимое уже более 15 лет НИИ регионологии по проекту «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии». Проведены шесть экспедиций, по результатам которых изданы пять сборников и монография [21]. Проблематика исследования включает вопросы экономического положения, качества жизни, доступа населения, его отношения к политическим процессам и властным структурам разного уровня, изменениям в сферах труда, здравоохранения, образования, социального обеспечения и др. Так, исследования социально-экономического положения социальных групп и их самооценки выявили устойчивую, хотя и не очень значительную, динамику повышения адаптации к рыночным условиям и возрастания уровня оптимизма у пожилых людей, женщин, т. е. у тех, кто на начальном этапе социальных преобразований оказался наименее готовым к ним.

Исследование динамики ранжирования населением социальных ценностей выявило устойчивое доминирование базовых ценностей (здоровье, семья, материальное благополучие, безопасность) и не менее устойчивую низкую оценку гражданских ценностей (демократизм, свобода, гражданская активность, патриотизм). Наибольшую динамику и одновременно наименьшую устойчивость показывает отношение к социально-нравственным ценностям (бескорыстие, взаимопомощь, уважение окружающих).

В рамках реализации этого проекта (на каждом этапе были опрошены более 2—2,5 тыс. чел.) исследовался значительный спектр проблем в области этнического развития и межнациональных отношений. Были выявлены факторы конфликта и согласия в межнациональных отношениях, социальная и культурная дистанция в представлениях этнических групп региона, социальное положение русских в полиэтничном регионе и т. д. [13].

При анализе гармонизации межэтнических отношений как социологической проблемы широко использовались результаты исследований Института этнографии АН СССР, выполненных в 1970—1980-е гг. XX в. под общим руководством Ю. В. Арутюняна по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», что дает основание говорить о преемственности этносоциологических исследований советского и постсоветского периодов [4]. Используя богатый эмпирический материал, накопленный в ходе проведения социо-

логических исследований, НИИ регионологии, учеными из других регионов были проанализированы различные аспекты взаимодействия этнических общностей в региональном социуме, основные предпосылки и социальные механизмы гармонизации межэтнических отношений. Исследования этнической проблематики обусловили институционализацию этого направления социального знания. Этносоциология как базовый предмет ведется на ряде факультетов Мордовского университета.

Значительное место в исследованиях социологов республики занимают проблемы семьи. Так, основываясь на ряде социологических исследований, проведенных в 1970–1980-х гг., В. А. Балашов и Л. И. Савинов раскрыли особенности мотивации и характер современных браков, проанализировали типы и структуру современной семьи, проблемы рождаемости, внутрисемейные взаимоотношения, культуру семейного быта, динамику разводов и их причины [3]. В дальнейшем это направление социологических исследований получило более концептуальное развитие и детализацию. Были исследованы социальная детерминированность выбора брачного партнера и эволюция добрачного поведения, эволюция брачно-семейных отношений, репродуктивные установки подрастающего поколения региона, региональные особенности образа жизни семьи и демографического поведения, факторы социально-демографического развития семьи [17]. Следует отметить, что на специальности «Социальная работа» в Мордовском государственном университете предмет «Семьеведение» является одним из базовых [18].

Реформирование российского общества, последствия глубокого экономического кризиса, депопуляция и т. п. существенно актуализировали проблему социальной защиты слабозащищенных слоев населения, в том числе семьи, материнства и детства. Исследованиям этой проблемы в Мордовии также уделяется значительное внимание. Детальному анализу подверглись система социальной защиты населения Мордовии [10], деятельность органов и служб социальной защиты семьи, социальная защита детства, роль социальных служб в планировании семьи, социальная работа с семьями разных типов, семейная конфликтология, фамилистическая культура, социальная работа с детьми в семьях разведенных родителей и т. д. Следует отметить, что разработанный учеными Мордовского государственного университета бланк статистической отчетности по факту отказа детей от родителей официально был признан Министерством социальной защиты населения Республики Мордовия и используется им в практической деятельности. Здесь мы имеем реальный положительный пример взаимодействия науки, власти и практики.

Динамично формируется и гендерная социология. В работах Т. М. Дадаевой, К. В. Фофановой и других авторов анализируются причины и формы гендерной асимметрии в различных сферах жизни, гендерные модели поведения и другие аспекты этой проблематики.

В Мордовии активно развиваются исследования различных аспектов социологии социального пространства. Весьма перспективна, на наш взгляд, проблематика жизненного пространства как понятия и образа культуры, его места и роли в антропологическом и социальном измерениях, а также в контексте социального воспроизводства и морального творчества. Жизненное пространство является как актуальным, так и потенциальным носителем социальных свойств и значений в социальных отношениях, взаимодействиях, а также в системе ценностных ориентаций индивидов и социальных групп. Понимание жизненного пространства в контексте индивидуально-личностного и социально организованного бытия человека позволяет обнаружить социальные свойства пространства, влияющие на характер поведения людей, их образ жизни и строй мысли. Жизненное пространство, его биолого-физические и социальное напол нение обеспечивают многообразие человеческих отношений, существующих в обществе. Жизненное пространство социума имеет сложную структуру и характеризуется сопряженностью различных пространств: физических, экономических, политических, этнических, культурных, конфессиональных, коммуникативных, информационных и др. Для них свойственно несовпадение конфигураций зон и границ. Однако в определенных границах, фиксируемых с различной степенью четкости, сопряженные пространства создают устойчивые целостные территориальные образования. Императивный характер поведения задается логикой адаптации человека и общества в жизненном пространстве. Проблемы социологии пространства получили дальнейшее развитие в трудах ученых республики [15].

При складывающейся постиндустриальной цивилизации общество, оставаясь техногенным и технотронным, все более становится информационным, а информация является важнейшим условием интенсификации

общественного производства и повышения его эффективности. Поэтому вполне продуктивным представляется стремление социологов Мордовии рассматривать пространство как социальную реальность, анализировать его нормативностную регуляцию.

В контексте социологии публицистики рассматривались основы публицистической деятельности в переходном обществе, социально-политические приоритеты региональной публицистики, модели современной региональной публицистики, публицистические формы социологического анализа действительности и т. д. [6]. В Мордовии весьма динамично развивается социология молодежи [16]. Сферой научных интересов ученых этого направления являются проблемы и перспективы становления системы социальной поддержки молодежи Мордовии, криминогенная ситуация в молодежной среде, формирования жизнеспособного поколения молодежи Мордовии, адаптации и интеграции в общество, молодежь в системе социального воспроизводства и т. д. Получили достаточно детальное освещение вопросы возрастных и психологических характеристик молодежи, ее социализации, региональные особенности ее социального положения. Значительное внимание уделено проблемам формирования государственной молодежной политики [12].

С 2002 г. осуществляется мониторинг морально-психологического климата в предпринимательской среде Республики Мордовия. Малое предпринимательство играет важную роль в развитии системы рыночных отношений в России. Оно способно быстро реагировать на изменение спроса. Небольшие размеры малых предприятий, их технологическая, управленческая гибкость позволяют адекватно и своевременно отвечать на изменяющуюся конъюнктуру рынка путем быстрого восприятия технических новинок, перестройки номенклатуры и ассортимента продукции. Узкая специализация на определенном сегменте рынка товаров и услуг, отсутствие управленческих иерархий, возможность начать дело с относительно небольшим стартовым капиталом — это черты малого предпринимательства, являющиеся его достоинствами, повышающими его устойчивость на рынке. Анализ результатов проведенного исследования приводит к выводу о поступательном движении сферы малого предпринимательства республики, несмотря на негативное влияние экономического кризиса [6].

Важным направлением в развитии социологических исследований в республике является социология программирования. В данном случае речь идет не о накапливании априорного знания относительно методологии и методики программирования (безусловно, они являются ее основой), а о тесной взаимосвязи науки и практики. Итоговым документом социологии программирования, на наш взгляд, является конкретная программа развития той или иной отрасли общественных отношений, а ее разработка всегда должна определяться общественной потребностью. Помимо определения целей и задач с высокой долей вероятности просчитываются ожидаемые результаты, сроки их достижения, а также объем необходимых финансовых, материальных, интеллектуальных и других затрат. В качестве наиболее значимых следует назвать «Федеральную программу социально-экономического развития Республики Мордовия до 2000 г.»; «Схему экономического и социального развития и финансового обеспечения Республики Мордовия до 2005 г.»; «Программу развития кооперационных связей в народном хозяйстве республики Мордовия на период до 2005 г.»; республиканскую комплексную целевую программу «Формирование информационного общества в Республике Мордовия в период до 2010 г.»; программу «Улучшение демографической ситуации в Республике Мордовия»; программу «Оптимизация системы государственного и муниципального регулирования экономического и социального развития Республики Мордовия на период до 2005 г.»; «Развитие региональной системы управления персоналом в Республике Мордовия до 2010 г.» и др. Следует отметить и программы социально-экономического развития муниципальных районов республики.

В среднем на каждый регион России приходятся по 3—4 исследовательские организации, основной составляющей профессиональной деятельности которых является оказание социологических и маркетинговых услуг. При всей развитости академической социологии в Мордовии до последнего времени в республике не было ни одной подобной организации. В других регионах сфера социологических и маркетинговых услуг развивалась более активно. Организованный в НИИ регионологии Социопарк, а в 2007 г. как юридическое лицо Научный центр социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (НЦСМ РМ), преодолев «историческую несправедливость» отсутствия в Мордовии организаций, профессионально занимающихся оказанием социологических и маркетинговых услуг, стал одной из столь необходимых форм внедрения на-

учного знания в практику. Его миссия заключается в развитии сферы социологических и маркетинговых услуг в Мордовии, исследовании политических и социально-экономических процессов, конъюнктуры рынка на основе социологической и маркетинговой экспертизы. Уже сейчас материально-техническая база и квалифицированный персонал НИИ регионологии и НЦСМ РМ позволяют проводить различного рода исследования в республике и за ее пределами. Набор оказываемых услуг вполне сравним с соответствующим набором известных всей стране исследовательских организаций, таких как ВЦИОМ, Левада-Центр, Фонд «Общественное мнение».

Заметное место в развитии социологии Мордовии занимает Научный центр социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Его основными задачами являются систематический анализ социальных и экономических процессов для своевременного выявления изменений, происходящих в социально-экономической сфере республики, и факторов, их вызвавших; выявление негативных тенденций, ведущих к формированию и развитию очагов социальной напряженности, и разработка предупредительных мер; осуществление краткосрочного прогнозирования развития важнейших процессов социально-экономической сферы республики; мониторинг выполнения обязательств по соглашениям о социально-экономическом сотрудничестве; мониторинг инвестиционной деятельности производственной и социальной сфер республики; оценка эффективности и полноты реализации законов и других нормативных правовых актов по социально-экономическим вопросам.

Задачи НЦСМ РМ определили проблематику его социологических исследований: «Средства массовой информации Республики Мордовия: доступность, предпочтения населения, эффективность деятельности», «Эффективность предоставления бюджетных услуг населению Республики Мордовия», «Криминальный жаргон в речевой практике», «Реализация приоритетных национальных проектов в Республике Мордовия», «Исследование наркотической ситуации в Республике Мордовия», «Система мониторинга и ежегодных рейтингов исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости». Материалы мониторинговых исследований систематически публикуются в бюллетенях Центра, рассылаются получателям обязательного экземпляра и заинтересованным в мониторинге адресатам, а также в научных изданиях и периодике. Издавались аналитические обзоры «Социально-экономическое развитие Республики Мордовия» по годам [20]. НЦСМ РМ продолжает анализ резервов гармонизации социальных отношений в республике.

Уже более 15 лет студенты Российской Федерации изучают дисциплину под названием «Социология». Произошла и ее формальная институционализация, выразившаяся во включении социологии в систему обучения, разработке Госстандарта специальности, конструировании научного сообщества и выходе немалого количества публикаций, в том числе учебных. Однако существует рассогласованность между преподаванием социологии и социологических исследовательских процессов. Проводимые в Мордовии социологические исследования охватывают широкий спектр проблем. Однако они носят относительно фрагментарный характер. Статус национально-исследовательского университета, где одним из приоритетных направлений является финно-угроведение, предполагает координацию усилий научного социологического сообщества в этом направлении. Первые положительные результаты уже есть.

В 2007 г. в рамках совместного российско-финляндского проекта «О положении финно-угорских народов Российской Федерации», в задачи которого входило исследование широкого круга проблем, связанных с идентичностью, демографическим поведением, экономическим положением, социальным самочувствием и статусом представителей народов финно-угорской языковой семьи в России, был проведен массовый этносоциологический опрос в 13 субъектах РФ. В Мордовии это исследование проводилось О. А. Богатовой [5]. В 2011 г. сотрудниками кафедры социологии Мордовского государственного университета, НИИ регионологии и НЦСМ РМ в рамках гранта РГНФ «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах (социологическая экспедиция)» начал реализовываться крупномасштабный исследовательский проект. Полевые исследования проводятся в республиках Мордовия, Марий Эл и Удмуртской Республике как субъектах финно-угорских регионов Приволжского федерального округа.

В 1992 г. на базе НИИ регионологии при Мордовском государственном университете был создан научно-публицистический журнал «Регионология». Одной из фундаментальных проблем, обсуждаемых на его страницах, является феномен цивилизованного федерализма. Значительное внимание уделяется проблеме разграничения предме-

тов совместного ведения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Редакция журнала также отдает предпочтение освещению управленческих аспектов комплексного развития регионов, проблемах реформирования системы местного самоуправления. Последовательно анализируется процесс формирования концепции системообразующей роли федерализма в преобразовании современной России, причем не только ее государственного устройства, но и всех сфер гражданского общества, например, проблемы развития образования в регионах, региональное научно-техническое развитие и сотрудничество, экономика региона, экология региона и др. На страницах журнала также можно познакомиться с теоретическими аспектами региональных исследований, региональной историей и историографией, результатами региональных социологических исследований, актуальными проблемами провинциальной культуры.

Анализ различных сфер региональных социумов с точки зрения их взаимодействия и взаимосвязи с общественным целым позволяет делать журнал весьма социологичным, так как региональную специфику имеют практически все области социального знания. Поэтому вполне логичным представляется решение ВАК Минобразования России о введении журнала «Регионология» в Перечень научных и научно-технических изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора наук.

Многообразие региональных общественных практик в современной России представляет несомненный интерес и открывает перед региональной социологией обширное исследовательское поле. Однако наряду с открывающимися перспективами приходится сталкиваться с рядом проблем, сдерживающими ее развитие, решить которые региональным социологам еще предстоит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абузов С. С.** Комплексная экспедиция по изучению Мордовии / С. С. Абузов // Революция и современность. — 1935. - № 5. — С. 105—106.

2. **Адушкин И. Е.** Рабочий класс в Мордовии / И. Е. Адушкин. — Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. — 175 с.

3. **Балашов В. А.** Облик современной семьи : соц.-демогр. и этнич. аспекты / В. А. Балашов, Л. И. Савинов. — Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. — 143 с.

4. **Богатова О. А.** Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме / О. А. Богатова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 339 с.

5. **Богатова О. А.** Этническая идентичность и социальный статус населения Республики Мордовия / О. А. Богатова, А. И. Карыгин // Финно-угорский мир. — 2009. — № 1. — С. 92—111.

6. Вопросы нормативно-правового регулирования малого предпринимательства в Мордовии / отв. ред. А. И. Сухарев ; сост.: Д. А. Афонькин, А. В. Голованов [и др.] ; НИИ регионологии. - Саранск, 2008. - 80 с.

7. **Кирячек П. Н.** Социология публицистики / П. Н.Кирячек. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1998. — 88 с.

8. **Козин В. В.** Развитие этносоциологических исследований в Мордовии / В. В. Козин, В. М. Курков // Регионология [Саранск]. — 2004. —№ 4. — С. 190—201.

9. [Комплексное развитие коллектива предприятия (опыт социологических исследований и социального планирования саранского ордена Трудового Красного Знамени завода «Электровыпрямитель»). — Саранск : Мордов. кн. изд-во ; Управление по печати при Совете министров МАССР, 1971. - 263 с.

10. **Кулешова Г. П.** Система социальной защиты населения Республики Мордовия / Г. П. Кулешова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2004. — 214 с.

11. **Маторин Н. М.** Мордовия на путях культурной революции / Н. М. Маторин // Сов. этнография. — 1934. — № 3. — С. 109—118.

12. Молодежная политика в Республике Мордовия // Бюллетень Науч. центра соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. — Саранск, 2004. — № 2.

13. **Мотькин В. Н.** Социальное положение русских в полиэтническом регионе / В. Н. Мотькин // Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Вып. III : Итоги анкетного опроса в 1999 г. / НИИ регионологии. — Саранск : [Б. и.], 2000. — С. 151—163.

14. **Пименов В. В.** Программа этносоциологического исследования этнических процессов в Со-

ветской Мордовии / В. В. Пимснов, Э. К. Васильева, В. Н. Мартьянов [и др.] // Материальная и духовная культура мордвы в XIX – XX вв. – Саранск, 1978. – С. 3–14.

15. **Писачкин В. А.** Информационное пространство социума : структура, трансформация и региональная специфика / В. А. Писачкин, И. Е. Поверинов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 186 с.

16. **Полутин С. В.** Молодежь в системе социального воспроизводства. Социологический анализ / С. В. Полутин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 220 с.

17. **Савинов Л. И.** Семья и общество : история, современность и взгляд в будущее / Л. И. Савинов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1992. – 143 с.

18. **Савинов Л. И.** Семьеведение : учеб. пособие / Л. И. Савинов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 196 с.

19. **Сидоркина В. М.** Из истории становления и развития социологии в Мордовии / В. М. Сидоркина // История в культуре, культура в истории : Материалы V Сафаргалиев. науч. чтений. – Саранск, 2001. – С. 44–51.

20. Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2006 г. Аналитический обзор / под ред. А. И. Сухарева, С. В. Полутина, В. В. Козина ; ФГНУ «НИИ регионологии». – Саранск : [Б. и.], 2007. – 336 с.

21. **Сухарев А. И.** Социальный облик Советской Мордовии : состояние, тенденции развития / А. И. Сухарев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 191 с.

22. **Сухарев А. И.** Основы регионологии : сб. ст. / А. И. Сухарев ; НИИ регионологии. – Саранск, 1996. – 120 с.

23. **Сухарев А. И.** Проблемы регионологии : сб. ст. / А. И. Сухарев ; НИИ регионологии. – Саранск, 2001. – 99 с.

24. Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия : монитор. / науч. ред. А. И. Сухарев ; отв. за вып. О. А. Богатова ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. – Саранск, 2009. – 239 с.

25. **Ферцев П. К.** Социальные проблемы преобразования села на этапе развитого социализма / П. К. Ферцев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 216 с.

Поступила 13.07.11.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В. В. Козин

В статье анализируются проблемы развития политической социологии в российских регионах: становление и развитие смежных субдисциплин; динамика научных публикаций и ее статус в массовом сознании; включенность в систему образования; создание специальных научных организаций, обществ и т. д. Представлены перспективы дальнейшего развития политической социологии в регионах.

За последние 10—15 лет весьма актуализировалась необходимость проведения сравнительных социологических и политологических исследований вообще и региональных исследований в частности. В условиях современных масштабных реформ их сравнительный анализ представляет собой один из наиболее динамично развивающихся разделов политической социологии, хотя шансов создать теорию, обладающую серьезным прогностическим потенциалом, у социологов и политологов не так много.

В связи с этим возникает важный вопрос о связи региональных политико-социологических исследований и политической практики. «Схема, по которой „теоретик изучает, а политик применяет", выглядит пока весьма прямолинейно» [3, с. 7]. Дело в том, что современные российские политики, на наш взгляд, скорее заинтересованы в мифологизации общественных представлений о своей деятельности, нежели в построении учеными адекватных и релевантных моделей. Более того, при проведении опросов общественного мнения заказчиков чаще всего интересует не его объективный анализ, а возможности манипулирования для более эффективного применения всякого рода PR-технологий. Такое отношение к научным исследованиям во многом определяет современную ситуацию с социологическими исследованиями политики, особенно в регионах. Существование во многих субъектах федерации монополистских политических режимов и институциональной централизации научных исследований существенно затрудняет их проведение и выполнение общественной наукой одной из основных своих функций — социальной критики.

Л. Уайтхед полагает, что потребителями социологических и сравнительных политических исследований являются не технические специалисты, а руководители, направляющие и координирующие деятельность политических сообществ, не имеющих опыта самоуправления [4, с. 351]. Это и отражает сложные взаимоотношения между теми, кто политикой реально занимается, пытается «управлять» общественными процессами, и теми, кто политику и эти процессы изучает.

Спрос на результаты исследований политической социологии и социологическую и политическую теорию в перспективе вполне возможен со стороны политических партий. Однако в России партии и общественно-политические движения долгое время в большинстве своем (за некоторым исключением) представляли наспех «склоченные» группировки, имеющие чаще всего условный доступ к институтам государственной власти и осознающие свою уязвимость. Неопределенность их положения связана с неопределенностью перехода страны из одного состояния в другое, что делало неопределенными перспективы развития политической социологии. Создание же мощных партийных фондов по типу фондов ведущих партий Германии или

© В. В. Козин, 2011

США, которые могли бы поддержать долговременные комплексные исследования, — желательная перспектива. Сейчас ситуация несколько иная. Партии, представленные в Государственной Думе РФ, обладают различным административным ресурсом, занимают разное положение в структуре политических отношений. Но их интерес к социологическим исследованиям политической сферы проявляется чаще всего в преддверии избирательной кампании.

Когда заходит речь о региональных социологических и политических исследованиях, то возникает некоторая терминологическая путаница. Регионология все более тяготеет к подробному изучению комплексного развития отдельных субъектов федерации, доходя порой до «институционального краеведения», а с политической регионалистикой в России связывается некая отрасль сравнительной политологии. Часто ее называют политической регионологией. Безусловно, подобное разграничение весьма условно и означает теоретическую незрелость этих субдисциплин. Состояние и перспективы последней хочется назвать обнадеживающими, но ее развитие связано с немалыми трудностями. Однако социолого-политическое изучение российских регионов стало весьма распространенным направлением в системе научного знания.

В процессе институционализации любой науки И. А. Голосенко и В. В. Козловский выделяют три основных составляющих: динамику научных публикаций и статус науки в массовом сознании; включенность в систему образования; создание специальных научных организаций, обществ и т. п. [2, с. 17]. Следует оценить состояние этих составляющих.

При просматривании каталогов новых поступлений по политическим и социологическим наукам встречается огромное число учебников и учебных пособий, выпускаемых различными вузами. В то же время монографий, сборников по результатам научных исследований, подготовленных авторами из провинции, выходит гораздо меньше. Обилие конференций и тезисов не должно обманывать. Отдельные научные успехи соседствуют с общим уровнем, который не очень радует, ведь развитие социологического и политического знания связано (пусть и не непосредственным образом) с развитием гражданских качеств населения, его социологической и политической культурой, возможностями дальнейшего продвижения к демократии. Эти условия для исследований политической социологией не очень благоприятны. Никто: ни власть, ни население не имеют сегодня интереса к развитию общественного знания и по большому счету не верят ни социологии, ни политологии.

Уже с десяток лет студенты нового независимого государства — Российской Федерации (России) изучают дисциплину под названием «Социология». Произошла формальная институционализация этой науки, что выражается как во включении этой дисциплины в систему обучения, так и конституировании научного сообщества, а также, как отмечалось выше, выхода немалого количества публикаций, в том числе учебных. Проблема социологической науки (да и политологической тоже) в России состоит, на наш взгляд, в слабости творческого начала, стремления к исследовательскому поиску, а также стимулов для этого. Разумеется, без включения в исследовательский процесс преподавателей проблемы социологической науки студентами понимаются формально как плохо систематизированная сумма знаний.

К сообществу социологов в регионах (там, где оно есть) можно применить разделение на тех, кто занят в основном преподаванием, и тех, кто задействован в сфере экспертно-аналитической деятельности. Многие пытаются совмещать и то, и другое. Но в регионах и на тех, и на других давит отсутствие достаточной степени автономии, независимости их действий, а также нечеткость границ того, что называется творческим социологическим поиском и социальным заказом. Если быть реалистом, то социолог вряд ли может претендовать на место в «башне из слоновой кости» и заниматься «чистой» наукой. Его суверенитет как исследователя, а также объективность проводимой им научной работы могут обеспечить лишь наличие диверсифицированного спроса на результаты социологических исследований (развитого рынка в «поле политики», по терминологии П. Бурдье). Совершенно очевидно, что в большинстве субъектов Российской Федерации такой рынок отсутствует или плохо развит. Для провинциального исследователя остается, как правило, или прозябание в вузе с нищенской оплатой и необходимостью самоэксплуатации на нескольких работах в целях выживания, или привязанность к крупному заказчику (от власти или бизнеса) в качестве эксперта с неизбежными требованиями лояльности и ограничениями на свободу исследований и высказываний (публикаций). Это несопоставимо с тем, что позволяют себе ведущие московские аналитики. И

тот, и другой вариант не способствуют развитию независимых исследований.

После длительного засилья догматизма в отечественном обществознании социология институционализируется в России практически заново. Несмотря на трудности, по-новому определяется структура социологического знания, появляются новые субдисциплины. Одна из них — политическая регионалистика. По мнению В. Гельмана и С. Рыженкова, эта субдисциплина представляет собой «совокупность исследований как макрополитических институтов и процессов на региональном и местном уровнях (изучение элит, выборов и т. д.), так и специфических аспектов регионального и местного управления, связанных с процессами общенационального масштаба» [1, с. 138]. Ее объектом выступает политика в регионах. В современной России утвердилось понимание трех уровней политики: местного (город, район, село и т. д.), регионального (субъекты федерации) и федерального. При определении предмета политической регионалистики целесообразно следовать традициям М. Вебера и П. Сорокина, считавшими центральными в своих социологических теориях категории «социальное действие» и «социальное взаимодействие». Исходя из этих традиций, можно определить предмет политической регионалистики — «политическое взаимодействие на региональном уровне» [3, с. 18].

Эта субдисциплина специализирована сейчас в основном на изучении проблем региональных и местных выборов, региональных элит, местного самоуправления и т. п. Развитие регионов (субъектов федерации) одной страны во многом схоже, так как они претерпевают воздействие общероссийской тенденции развития. Однако разнообразие реакций регионов на кризис и специфика их собственных трансформаций все более дают о себе знать. Эффекты диверсификации российских регионов в 1990-е гг. проявились достаточно отчетливо. То же мы наблюдаем и сейчас, после кризиса 2008 - 2010 гг. Многообразие региональных социально-политических практик в современной России представляет несомненный интерес и открывает перед политической социологией и политической регионалистикой огромное исследовательское поле. За считанные годы в субъектах федерации возникли несхожие друг с другом политические режимы, а сами регионы стали существенно отличаться друг от друга по уровню социально-экономического развития и траектории политических «транзитов». Но при этом условия для конкуренции в регионах демократических режимов, мягко говоря, неблагоприятны.

При изучении региональной политики (экономической, социальной, образовательной и т. п.) исследователь сталкивается с множеством проблем, имеющих общий системный характер для развития современной социальной науки в России. Российское общество и российская политика (способы и механизмы принятия решений) по-прежнему остаются областью неявного, когда публичная политика является скорее фасадом уже принятых решений и достигнутых договоренностей, а результаты реформ представляют собой разительный контраст с первоначально декларируемыми намерениями. Следствием этого является ситуация, когда политическое руководство и решение экономических проблем осуществляются не в демократически-рыночном духе, а скорее по традиционной «модели обкома» с неизбежными для 1990-х и 2000-х гг. модификациями. Там, где следовало бы быть конкуренции в рамках демократических институтов, происходит в лучшем случае бюрократическое взаимодействие, а то и просто номенклатурный сговор. Демократический фасад это положение маскирует, затрудняет анализ и адекватные действия в рамках гражданского общества. Там, где должна быть политика, господствует бюрократия, к тому же весьма далекая от веберовского идеального типа рациональной бюрократии. Все это существенно затрудняет анализ происходящих в регионах процессов и развитие социологии.

Таким образом, социологии вообще и политической социологии в частности, наряду с открывшимися перспективами приходится сталкиваться с рядом вызовов, существенно сдерживающих их развитие. Во-первых, пока еще слаба теоретико-методологическая и технико-методологическая разработанность ряда субдисциплин, способных учитывать региональную специфику. Во-вторых, в большинстве регионов отсутствуют независимые научные учреждения, изучающие политику в регионах, и их административная централизация. В-третьих, потребительское отношение власти к социологическим исследованиям крайне негативно отражается на научной объективности. В-четвертых, зачастую происходит подмена публичной политики «номенклатурным» сговором. Эти вызовы как практически-политического, так и теоретико-методологического характера требуют от региональных исследователей решения ряда очень непростых задач, с которыми справиться зачастую не удается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гельман В.** Политическая регионалистика : от общественного интереса к отрасли знания? / В. Гельман, С. Рыженков // Социологические исследования в России. Самопознание общества. — Берлин ; М., 1998. — С. 138–187.

2. **Голосенко И. А.** История русской социологии XIX — XX вв. / И. А. Голосенко, В. В. Козловский. — М. : Омега, 1995. 288 с.

3. **Ковалев В. А.** Политическая трансформация в регионе : Республика Коми в контексте российских преобразований / В. А. Ковалев. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2001. — 251 с.

4. **Уайтхед Л.** Сравнительная политология : исследования по демократизации / Л. Уайтхед // Политическая наука : новые направления. — М., 1998. — С. 309–386.

Поступила 13.07.11.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ

О. С. Дергунова

В статье представлены результаты социологического исследования, целью которого было выявление роли личности в политической жизни.

В мае 2010 г. нами было проведено пилотажное социологическое исследование. В опросе приняли участие 50 студентов I–IV курсов очной формы обучения Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева. Целью исследования было выявление степени участия студенчества в политическом процессе.

Прежде всего, для нас важно было выяснить отношение студенчества к выборам, т. е. выборы представляют собой самую простую и доступную форму политического участия. Как показали результаты исследования, в будущем более половины респондентов (64 %) собираются участвовать в выборах. Однако чуть более четверти опрошенных (28 %) отказываются от участия в выборах.

К основным мотивам участия в выборах студенчество относит исполнение требования закона (32 %), мотив подражания (28 %), исполнение гражданского долга (22 %). Желающих посредством выборов повлиять на общественно-политическую жизнь совсем немного — лишь 4 %. Не желают участвовать в выборах в основном потому, что не верят в значимость собственного голоса (56 %) и идею «честных выборов» (38 %).

Таким образом, можно сделать вывод: выборы для студенчества являются формальной процедурой, и в сознании студенчества не представляют реальной возможности что-либо изменить в общественно-политической жизни. Данные факты подтверждают нашу первую гипотезу-основание.

Стоит также отметить, что для большинства опрошенных выборы представляют собой скорее олицетворение чего-то негативного. Так, почти половина опрошенных (46 %) считают, что выборы представляют собой лишь политический спектакль с заранее предрешенным финалом. Треть опрошенных (34 %) согласны с утверждением о том, что выборы – это напрасная трата денег и других ресурсов. В поддержку выборов как института демократии высказались лишь 10 % опрошенных.

Как выяснилось, большинство респондентов (74 %) никоим образом (помимо выборов) не участвуют в политической жизни общества. Стоит отметить относительно большую долю людей (18 %), состоящих в каких-либо общественных движениях (табл. 1).

Также большинство опрошенных (76 %) в случае попрания их прав и свобод не готовы выйти и отстаивать их при помощи радикальных мер, например, участвуя в голодовках, забастовках и т. д. Таким образом, у респондентов проявляется некий страх перед властью.

На основе всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что студенчество характеризуется относительно низкой политической активностью. Это полностью подтверждает нашу гипотезу-основание.

© О. С. Дергунова, 2011

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Каким образом Вы выражаете свое участие в политической жизни общества?»

Вариант ответа	Долл опрошенных, %
Участвую в митингах, демонстрациях и т. д.	2
Письменно обращаюсь в органы государственной власти	0
Занимался проведением избирательной кампании	0
Занимаюсь профессиональной политической деятельностью (депутат, помощник депутата и т. д.)	0
Являюсь членом какой-либо партии	4
Состою в каком-либо общественном движении	18
Не участвую в политической жизни	74
Другое	2

Следующим смысловым блоком нашей анкеты являлся ценностный. Наиболее значимой ценностью в политике, как указали респонденты, является свобода — базис либеральной идеологии. Следом за ним или справедливость и равенство. Распределение ответов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, что из нижеперечисленного должно преобладать в политике?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Стабильность	14
Свобода	30
Равенство	20
Справедливость	26
Порядок	6
Затрудняюсь ответить	4

Наиболее значимыми терминальными ценностями в студенческой среде являются: здоровье (74 %), любовь (72 %), материальное обеспечение (66 %). Все эти ценности наиболее характерны для либеральной идеологии, сложившейся на Западе. К числу значимых инструментальных ценностей респонденты относят независимость (68 %), образованность (64 %) и ответственность (64 %).

Таким образом, можно сказать о подтверждении нашей третьей гипотезы-основания, в которой говорится о том, что ценностные ориентации студенчества носят либеральный характер. Во многом это объясняется возрастными особенностями.

Далее мы пытались напрямую выявить политические взгляды, присущие современному студенчеству. Как выяснилось, большая часть респондентов придерживается либеральных взглядов (24 %). Однако достаточно большое число респондентов поддерживают идеи коммунизма (20 %) и социал-демократии (18 %). Можно констатировать то, что спектр взглядов, присущий современной молодежи, достаточно широк. Дальнейшее распределение ответов можно рассмотреть в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие политические взгляды Вам наиболее близки?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Коммунистические	20
Социально-демократические	18
Либеральные	24
Консервативные	12
Националистические	2
Политические взгляды отсутствуют	20
Затрудняюсь ответить	4

Также в нашем исследовании мы выясняли отношение респондентов к идеям политических партий. Оказалось, что большинство респондентов симпатизирует идеям партии «Единая Россия», хотя стоит отметить, что она является правоцентристской партией, идеи которой основываются на консерватизме. Нам представляется, что в политическом сознании студенчества существует путаница между соотнесением политики партий с той или иной идеологией (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«В какой степени Вам близки взгляды действующих политических партий?»

Партия	Очень близки, %	Скорее близки, %	Скорее не близки, %	Совсем не близки, %	Затрудняюсь ответить, %
«Единая Россия»	18	32	16	14	20
КПРФ	12	28	24	18	18
ЛДПР	16	32	34	22	16
«Патриоты России»	4	16	42	26	14
Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»	4	30	36	22	18
«Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь»	10	24	32	14	20
«Правое дело»	0	14	48	24	12

На основе приведенных выше данных можно сделать вывод, что политическая идентификация студенчества является неопределенной. Это подтверждает нашу четвертую гипотезу-основание.

Таким образом, можно сказать, что в результате проведенного нами исследования подтвердились все гипотезы-основания. И хотя некоторые гипотезы-следствия подтвердились лишь частично, это не повлияло коренным образом на гипотезы-основания. Проведенное исследование позволило нам добиться поставленной цели, а именно: выяснить степень участия студенчества в политическом процессе.

В результате проведенного исследования выяснилось, что во-первых, в политике существует т. н. проблема человеческого измерения. Личность, являясь одновременно и субъектом, и объектом политики, может вы-

ступать в двух ипостасях: личности-лидера и рядового обывателя. Для политической социологии и политологии имеют значение обе ипостаси, однако, личность-лидер в работах рассматривается чаще. На наш взгляд, необходимо перейти от рассмотрения личности лидера к рассмотрению личности именно рядового обывателя, так как именно рядовой обыватель является участником регулярных политических событий.

Во-вторых, исходя из степени активности личности, в политике принято выделять два подхода. В первом подходе личность рассматривается как определяющий вектор политики, сводя последнюю к личным качествам политического лидера. Второй подход принижает роль личности, рассматривая личность собственно как актора политических событий, способного своим участием менять политическую систему.

В-третьих, структура личности достаточно сложна, и каждый компонент может оказать решающее воздействие на ход политической борьбы. Так, если политические партии пойдут вразрез существующих у человека ценностных ориентаций, это приведет только к отторжению личности от них. Поэтому, на наш взгляд, при проведении политических кампаний необходимо максимально учитывать личностные особенности каждого.

В-четвертых, при изучении личности в политике существует помимо проблемы человеческого измерения ряд других. К ним относят, прежде всего, проблему политического участия, которая основывается на тезисе, что каждый человек должен быть субъектом политики. В этом ряду стоит и т. н. проблема «бегства от политики», когда человек стремится не участвовать в политической жизни, сводя свою роль только к объекту политической жизни.

Таким образом, в теоретической части нашего исследования были достигнуты все задачи, а также цель, а именно: выявлена роль личности в политической жизни.

В практической части данной статьи мы выявляли степень участия студенчества в политическом процессе. В результате этого мы пришли к следующим выводам: во-первых, участие в выборах студенчество на уровне сознания считает скорее формальной процедурой, нежели реальным механизмом политического участия.

Во-вторых, студенчество можно охарактеризовать низкой степенью политического участия. Это выражается и в том, что оно не хочет участвовать ни в регулярных политических событиях, ни в каких-либо других политических действиях. Даже ради защиты своих интересов студенчество не готово к радикальным мерам.

В-третьих, у студенчества либеральная система ценностей. Это связано, на наш взгляд, прежде всего с возрастными особенностями.

В-четвертых, говоря о политической идентификации студенчества, стоит сказать, что она достаточно неопределенна. Это выражается в несоответствии с ценностными воззрениями и поддерживаемым идеологическим курсом. Также идеология во многом не соответствует поддерживаемой политике партий.

Таким образом, в результате проведенного практического исследования были достигнуты все задачи, а также цель — выявление степени политического участия. Однако не стоит забывать о том, что проведенное исследование было пилотажным и было важно для апробирования инструментария. Поэтому нельзя говорить о его репрезентативности.

Поступила 13.07.11.

ОППОЗИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

О. Н. Инявина

В данной статье описываются основные проблемы развития оппозиционной деятельности и уровень политической активности в России.

Все чаще можно услышать, что в нынешней российской политической системе нет оппозиции — как системной, выступающей за смену политических сил, стоящих у власти, так и несистемной, отвергающей сложившиеся правила политической игры. Если

© О. Н. Инявина, 2011

на протяжении 1990-х гг. оппозиционные силы (сначала антикоммунистического, а затем коммунистического характера) оказывали структурирующее воздействие и на «спрос», и на «предложение» на российском политическом рынке, то в 2000-е гг. они не просто уступили место более успешным игрокам, но и, по сути, начали исчезать.

В 2003 г. мы наблюдаем разгром всех оппозиционных партий на парламентских выборах и отсутствие значимых альтернатив на президентских выборах 2004 г. Если в начале 1990-х гг. партии старались выдвигать реальные идеологические программы и реагировать на основные политические события, то сегодня оппозиция не может предоставить реальной альтернативы власти. В этой связи интересна проблема 2008 г. — отсутствие сколько-нибудь подходящего и сильного кандидата от оппозиции на пост президента страны.

Так что же мы имеем к настоящему времени? В нашей стране к началу 2011 г. сложилась парадоксальная ситуация, в рамках которой почти вся политическая сфера оппозиционна действующей власти, и в то же время подавляющее большинство политических структур не являются реальной оппозицией. Из всего вышесказанного можно предположить, что оппозиция в России достаточно слаба.

Безусловно, истоки поддержки населением оппозиции также необходимо искать. А исследований в этой сфере практически нет.

В ходе пилотажного исследования на тему «Оппозиционная деятельность в России» авторами были опрошены 53 чел. в возрасте от 18 до 22 лет. В основном это были студенты Историко-социологического института МГУ им. Н. П. Огарева. Целью данного исследования стал анализ проблем развития оппозиционной деятельности в современной России.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что снижается политическая активность граждан. Этому свидетельствует распределение ответов студентов на вопрос: «Вы когда-либо участвовали в митингах, пикетах, демонстрациях или в любых других акциях протеста?». 25 % опрошенных ответили: «Да, участвовали», 72 — «Нет, не участвовали» и 3 % затруднились ответить. Можно предположить, что очевидная «девальвация» массовых уличных акций связана, помимо всего прочего, с убежденностью людей в неэффективности подобных действий, в принципе основанной на собственном опыте или опыте других людей. Большинство опрашиваемых студентов (47 %, 23 % мужчин, 24 % женщин) считают, что оппозиция оказывает слабое влияние на положение дел в России; 13 % (6 % мужчин, 7 % женщин) — оказывает сильное влияние; 23 % (11 % мужчин, 12 % женщин) — не оказывает влияния; 10 % (4 % мужчин, 6 % женщин) — затруднились ответить (рисунок).

Рисунок. Распределение ответов на вопрос: «Оказывает ли политическая оппозиция влияние на положение дел в России?» (%)

Влияние оппозиции на положение дел в стране чаще признается положительным (так считают 61 % опрошенных), нежели отрицательным (35 %). Позитивно оценивающая влияние оппозиция чаще всего говорила о пользе, которую приносит критика властей, давление на них «извне», а также, что это проявление демократии либо констатирует, что в споре рождается истина. Отрицательно оценивающие влияние говорили о том, что оппозиционеры мешают работать правящей партии и Президенту, а также, что оппозиционные партии думают только о себе и своих интересах.

Имена и фамилии самых известных оппозиционеров распределялись следующим образом: респонденты чаще всего упоминали лидеров партий, имеющих парламентское представительство, — Г. Зюганова (39 %) и В. Жириновского (27 %). Кроме того, 9 % опрошенных назвали Г. Явлинского, 5 — И. Хакамаду, по 2 — С. Миронова и Б. Немцова, 1 % — М. Касьянова. Изредка упоминались и иные имена (Э. Лимонов, Д. Рогозин, Н. Харитонов и др.). На сегодняшний день наиболее яркими представителями оппозиции являются партии КПРФ и ЛДПР.

Данные опроса показывают, что в российском обществе на сегодняшний день нет укоренившихся представлений об эффективных, легитимных и апробированных на практике формах диалога власти и общества. Такие формы не предлагает ни сама власть, ни оппозиционные ей политики. Поэтому обыденные представления на этот счет весьма неопределенны. При этом крайне мало тех, кто говорит о необходимости создания структур гражданского общества и действенных судов. Таким образом, люди не считают, что в состоянии изменить ситуацию и, как следствие, чаще всего и не пытаются действовать, публично заявлять о своих проблемах и требовать их решения.

Сделаем несколько выводов. Респонденты отмечают, что в России должна быть оппозиция действующей власти, но к сожалению, как таковой ее не наблюдается. Она, вроде бы, есть, но, вроде бы, ее и нет.

Но хуже всего не то, что политики и партии не могут предоставить реальной оппозиции. А то, что мы сами не хотим отстаивать свои права и интересы. Уровень политической активности почти уже снизился к минимуму. Последние демонстрации и митинги, которые респонденты припоминали, проходили в 1990-е гг. или в СССР.

Опрошенные жалуются, что народ не хочет отстаивать свои права, но сами исключают возможность участия в акциях протеста. Объясняют это убежденностью в неэффективности подобных действий в принципе, основанной на собственном опыте или опыте других людей.

Понижение политической активности наблюдается и в том, что самыми эффективными действиями, которыми граждане могут повлиять на правительственные решения, являются выборы и референдумы. А раньше это были захваты зданий, митинги, забастовки и революции.

Поступила 13.07.11.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Е. Ю. Каштанова

Данная статья посвящена анализу политических предпочтений жителей Республики Мордовия. В ходе исследования рассматривались партийные, клеологические и личностные предпочтения жителей Республики Мордовия, степень их участия в политической жизни страны, социально-психологическое отношение к партиям и уровень доверия к ним, а также факторы, влияющие на формирование политических предпочтений.

Для анализа политических предпочтений в Республике Мордовия в мае 2010 г. было проведено пилотажное социологическое исследование методом анкетного опроса. В опросе приняли участие 50 жителей Республики Мордовия, проживающих на тер-

© Е. Ю. Каштанова, 2011

ритории ГО Саранск. Целью исследования явилось изучение политических предпочтений жителей Республики Мордовия.

Как показали результаты исследования, в целом жители Республики Мордовия не следят за политической ситуацией в стране и мире. Лишь около четверти респондентов склонны интересоваться политической жизнью. Активных участников политической жизни немного — всего 4 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Следите ли Вы за политической обстановкой в стране и мире?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране и мире	24
Внимательно за информацией о политических событиях не слежу, но изредка обсуждаю политические события с друзьями, родственниками	57
Лично участвовал в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, политических движений, политических организаций, митингах, демонстрациях, забастовках и т. д.)	4
Политикой не интересуюсь	15

Любопытным представляется тот факт, что пятая часть опрошенных предпочитают не участвовать в выборах. Таким образом, получается, что потенциальный избиратель в Республике Мордовия не только не хочет участвовать в политической жизни страны, но и пытается уйти от высказывания своей гражданской позиции.

Среди тех, кто выбрал какую-либо партию, подавляющее большинство в целом (86 %) не осведомлено о действующей программе выбранной политической партии. Это вновь говорит о низком уровне «включенности» населения в политическую борьбу. Активных сторонников политических партий (т. е. тех, кто является их членом) среди респондентов оказалось крайне мало — 4 %. Таким образом, на основе всего вышесказанного мы можем констатировать тот факт, что жители Республики Мордовия в основной своей массе являются аполитичными.

Говоря о природе отторжения населения от политики, следует сказать о роли политической социализации. Как показывает практика, политические предпочтения должны формироваться у людей к 18 годам (возраст, позволяющий участвовать в выборах). Однако зачастую люди бывают неподготовленными к участию в политических процессах. На наш взгляд, основную роль для подготовки молодых людей к участию должны взять школа и семья, в более старшем возрасте — средства массовой информации и коммуникации. Но на данный момент, как показали результаты исследования, школа как институт не справляется с формированием политических предпочтений. Лишь 6 % опрошенных указывают ее как основной фактор формирования политических предпочтений.

Семья в этом отношении стоит на более высоких позициях — как основной фактор формирования политических предпочтений ее указала пятая часть опрошенных. Однако следует учитывать тот факт, что в отличие от школы семья является менее ангажированной от политических пристрастий и во многом транслирует политический опыт предыдущих поколений. Основным фактором, повлиявшим на формирование политических предпочтений, как показали результаты исследований, являются средства массовой информации и коммуникации — их указали примерно треть опрошенных (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, оказало наибольшее влияние на Ваши политические предпочтения?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
1	2
Семья	20
Ближайшее окружение (друзья, знакомые и т. д.)	8

Окончание табл. 2

1	2
Школа	6
Средства массовой информации и коммуникации	34
Затрудняюсь ответить	14
Другое	12

Основными же источниками получения информации о политической ситуации выступают: телевидение (84 %), печатные издания (44 %), Интернет (32 %). В семье информацию получают лишь четверть респондентов.

Таким образом, стоит сказать о том, что основными факторами, влияющими на политические предпочтения как на объективном, так и на субъективном уровне, выступают средства массовой информации и коммуникации. Следом за ними как один из весомых факторов располагается семья. Тем самым полностью подтвердилась наша третья гипотеза-основание.

Теперь стоит перейти собственно к анализу политических предпочтений. Первый компонент, который мы рассмотрим, являет собой партийную идентификацию. Как показали результаты нашего исследования, мнения жителей Республики Мордовия по поводу поддержки той или иной партии практически не отличаются от мнений по стране. Большая часть респондентов (36 %) являются сторонниками партии «Единая Россия». Стоит отметить тот факт, что абсолютное большинство респондентов (92 %) доверяют «Единой России». Также немаловажно, что наибольшее количество респондентов (66 %), состоящих в каких-либо политических партиях, состоит именно в «Единой России». Второй по популярности является Коммунистическая партия Российской Федерации (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье, то за какую партию Вы бы проголосовали?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
«Единая Россия»	36
КПРФ	10
ЛДПР	4
«Патриоты России»	2
«Яблоко»	2
«Справедливая Россия»	6
«Правое дело»	2
Не стал бы участвовать в выборах	20
Затрудняюсь ответить	18

Далее респондентам предлагалось указать свое отношение к действующим политическим партиям страны. Как показало исследование, самой «любимой» партией оказалась «Единая Россия», а самой «нелюбимой» — «Правое дело» (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к действующим политическим партиям?»

Партия	Отношусь с симпатией, %	Равнодушен, %	Отношусь с неприязнью, %	Затрудняюсь ответить, %
«Единая Россия»	38	30	12	20
КПРФ	20	36	22	12
ЛДПР	10	40	28	22
«Патриоты России»	8	46	6	40
Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»	6	44	20	30
«Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь»	18	40	8	34
«Правое дело»	4	42	32	22

Большая часть респондентов (54 %) поддерживают политические взгляды премьер-министра Российской Федерации и председателя партии «Единая Россия» В. Путина. Следом за ним по популярности идет Президент РФ Д. Медведев — его поддерживают около трети опрошенных.

Наиболее сложная часть данного исследования была посвящена выделению господствующих в нашем обществе идеологий. Респондентам предлагался ряд суждений, из которых ему было необходимо выбрать наиболее близкое. Затем эти суждения были сгруппированы по принадлежности к «левоправой» шкале. В итоге, как показали результаты исследования, большинство респондентов относят себя к правоцентристским партиям. Однако отрыв от левых и левоцентристских партий относительно невысок (табл. 5).

Таблица 5

Идеологические предпочтения жителей Республики Мордовия

Идеология	Доля опрошенных, %
Левая	30
Левый центр	28
Правый центр	34
Правая	8

Как видно из таблицы, существует некое противоречие между тем, какие партии выбирают респонденты, и между выбираемыми идеологиями. На наш взгляд, именно этот факт является одним из глубинных противоречий современного российского общества, основа которого кроется в первую очередь в ментальности. Дело в том, что политические предпочтения в нашей стране, по сути, еще только формируются, и имеющее историческое прошлое накладывает значимый отпечаток на сегодняшнюю ситуацию.

Подводя итог заключительному блоку нашего анализа, можно сказать, что жители Республики Мордовия поддерживают политику правящей партии «Единая Россия».

Поступила 13.07.11.

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Ю. О. Роздина, Е. И. Долгаева

В современном российском обществе все большее значение принимают проблемы богатства и бедности. Увеличение разрыва между богатыми и бедными, неравное распределение доходов, рост количества людей, находящихся за чертой бедности, — все это ведет к социальной напряженности в социуме. В статье рассматривается проблема богатства и бедности в современной России. Что такое богатство и бедность в политическом сознании россиян? Рассматривается образ богатых и бедных в представлениях студенчества.

В современном российском обществе все отчетливей становится разрыв между богатыми и бедными. Соответственно образуются антагонистические друг другу группы — на одной стороне группа сверхбогачей, на другой — группа сверхбедняков. Государство должно поддерживать баланс между этими двумя группами населения, иначе противостояние между ними может вылиться в конфликт или же в открытую борьбу.

Богатство и бедность являются не только сугубо экономическими показателями, но также и социально-политическими. Их стоит рассматривать в контексте политических реформ, проводимых в нашей стране. Удовлетворенность доходами влияет на комфортность, а также на психологическое самочувствие.

Как правило, люди, имеющие материальные средства, обладают также и определенным уровнем власти. В глазах простого населения это может казаться несправедливым и также обосновывать конфликт.

Изучение данного вопроса среди студенчества особенно актуально ввиду того, что молодые люди, воспитываясь в духе демократии, должны понимать, что социальное неравенство в настоящее время обеспечивается не столько связями с криминалом, сколько личными особенностями богатых. В нашем обществе каждый должен иметь возможность быть обеспеченным, а государство должно предоставлять эту возможность.

Эффективная социальная политика должна сгладить противоречия между богатыми и бедными и не допустить возможного социального конфликта. Важно постоянно изучать отношение к богатству и бедности, так как именно оно является одним из показателей политической напряженности в обществе.

Исследование «Богатые и бедные в политическом сознании россиян» было проведено в мае 2010 г. среди студентов I—V курсов очной формы обучения Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Оно состояло в выявлении отношения студенчества к богатым и бедным через призму политического сознания.

Более двух третей респондентов относят себя к среднему слою (рисунок). При этом большая часть (44 %) не прогнозируют в ближайшее время улучшения или ухудшения своего материального состояния. Около трети опрошенных считают, что финансовое положение в скором времени может ухудшиться. Объясняется данный факт, на наш взгляд, тем, что респонденты до сих пор боятся последствий мирового экономического кризиса и достаточно осторожно смотрят в будущее. Примерно пятая часть все же смотрит в будущее с оптимизмом и надеется на скорое улучшение своего финансового состояния.

Рисунок. Уровень материальной обеспеченности респондентов

© Ю. О. Роздина, Е. И. Долгаева, 2011

Большая часть студентов считают, что их интересы защищаются правящей партией, а именно «Единой Россией». Данный факт, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, двумя причинами: вера во власть и отсутствие на политической арене партий, которые защищали бы интересы именно студенчества. Также студенчество в достаточной степени доверяет левым партиям, а именно КПРФ и «Справедливой России» (табл. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть молодых людей (72 %) не разделяют себя на правых и левых, а наоборот, пытаются совместить эти два направления, что выражается в поддержке взглядов рыночной экономики и социальной справедливости.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какая из политических партий, на Ваш взгляд, отстаивает Ваши интересы?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
«Единая Россия»	38
КПРФ	12
ЛДПР	4
«Патриоты России»	0
Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»	2
«Справедливая Россия»	8
«Правое дело»	0
Затрудняюсь ответить	36

Молодые люди склонны считать, что в настоящее время разрыв между богатыми и бедными существует. На это указали более трети опрошенных. Лишь 12 % считают, что разрыва не существует.

В отношении к разбогатевшим за последние 10 лет людям доминируют безразличие (44 %), неприязнь (18 %) и симпатия (14 %). Молодые люди в этом вопросе занимают порой диаметрально противоположные позиции. Однако, как можно увидеть, большая часть респондентов относятся к богатым без особых чувств, из чего можно сделать вывод о том, что политическая система в целом находится в состоянии равновесия.

К основным причинам, по которым люди становятся богатыми, прежде всего, относят деловую хватку (56 %), наличие связей (50 %) и умение использовать свои шансы (48 %). Можно сказать о том, что на данный момент общество отошло от оценочных суждений 1990-х гг., когда отношение к богатым сводилось к убеждению, что они являются ворами, «блатными», «новыми русскими». На данный момент в первую очередь ставятся личностные качества. Из этого можно заключить, что в современном обществе богатых воспринимают скорее с положительных позиций.

К бедным в основном относятся с безразличием (46 %), сочувствием (26 %) и жалостью (10 %). Основные причины бедности респонденты усматривают в длительной безработице (62 %), невыплате зарплаты на предприятиях и задержке пенсий (54 %), а также семейных неурядицах и несчастьях (48 %). Таким образом, можно увидеть, что молодые люди в основном в проблемах бедности склонны винить не самих людей, а государство. С одной стороны, государство должно обеспечивать эффективную социальную политику, однако, с другой стороны, не должно существовать препятствий для личного обогащения. Бедные в современном обществе выступают скорее объектом сочувствия и жалости, а не осуждения. Поэтому отношение к ним преимущественно положительное.

Период президентства Д. А. Медведева большая часть респондентов оценивает положительно (табл. 2). Во многих сферах жизни, по мнению опрошенных, положение с его приходом к власти только улучшилось, даже несмотря на экономический кризис. Можно сделать вывод, что студенчество доверяет нынешнему Президенту и его политике симпатизируют молодые люди. Также стоит сказать, что большинство респондентов считают, что разрыв между богатыми и бедными имеет тенденцию к уменьшению (62 %).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете положение дел в стране за период президентства Д. А. Медведева?»

Направление	Улучшилось, %	Не изменилось, %	Ухудшилось, %	Затрудняюсь ответить, %
Общее состояние российской экономики	52	30	6	18
Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий	12	62	6	20
Эффективность государственного управления страной	32	20	14	34
Международное положение страны	44	26	12	18
Уровень жизни населения	30	24	18	18
Положение с безработицей	30	22	12	36
Общий психологический климат в стране	24	18	16	22
Состояние демократии в стране	20	26	12	18
Безопасность граждан	16	22	20	22
Борьба с коррупцией	18	32	16	34

При всем при этом большая часть (42 %) респондентов склонны считать, что в нашей стране существует дискриминация, обусловленная материальным положением. Выражается это в том, что, по мнению респондентов, богатых, особенно имеющих доступ во власть, люди ценят выше (52 %). Из этого вытекает и то, что респонденты считают, что богатые имеют привилегии при предоставлении образования своим детям (54 %), лучшие жилищные условия (62 %), лучшее медицинское обслуживание (56 %).

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Проблемы богатства и бедности являются и являлись одними из ключевых проблем в социологии. Богатство и бедность давно перестали быть сугубо экономическими показателями. Наблюдается прямая зависимость между уровнем доходов и стабильностью политической системы. Специфика же богатства и бедности в современной России заключается, прежде всего, в существовании достаточно большого разрыва между богатыми и бедными.

2. В общественном сознании россиян коренится образ того, что богатые представляют собой образованных, но не слишком порядочных людей, которые за счет везения и личных связей достигают успеха в жизни. Бедных людей в основном жалеют и считают, что во многом им либо просто не повезло в жизни, либо о них должным образом не позаботилось государство.

3. Отношение к богатым и бедным среди студенческой молодежи является практически таким же, как и отношение россиян в целом. Богатые люди – это люди, обладающие деловой хваткой, связями и умением использовать свои связи. Однако стоит отметить, что отношение к ним в целом положительное. Бедные в массовом политическом сознании студенчества пользуются сочувствием и жалостью. При этом причины бедности большинство опрошенных видят уже не в личных качествах бедных людей, а в политике государства.

Таким образом, проблема богатства и бедности является достаточно противоречивой и серьезной. Но стоит признать, что на данный момент конфликт между богатыми и бедными не является явным, что обеспечивает стабильность функционирования общества.

Поступила 13.07.11.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В РОССИИ

Н. А. Сульдина

В статье анализируются проблемы развития политической социологии в российских регионах: становление и развитие смежных субдисциплин; динамика научных публикаций и ее статус в массовом сознании; включенность в систему образования; создание специальных научных организаций, обществ и т. д. Представлены перспективы дальнейшего развития политической социологии в регионах.

Роль политических лидеров в обществах, в которых происходят радикальные преобразования, велика. Проблема лидерства для современного российского общества, осуществляющего переход к демократии, представляет несомненный интерес. Дело в том, что в переходных обществах лидеры обретают особый смысл как факторы стабильности, интеграции различных групп интересов, выступают инициаторами самих преобразований. В этих условиях лидеры персонально олицетворяют политический курс, поскольку, как правило, именно они формируют стратегию развития общества, определяют средства ее реализации.

С целью выявления социальных особенностей политического лидерства было проведено пилотажное исследование: «Социальные особенности политического лидерства в России». Так как понятие лидерства имеет множество значений, нами было предложено выбрать респондентам наиболее подходящее определение, с их точки зрения. В результате полученных данных выяснилось, что большинство студентов (42 %) определяют лидерство как управленческий статус, социальную позицию, связанную с принятием решений, как руководящую должность.

Далее решено было выяснить имя политика, с которым ассоциируется сегодня образ России. На рис. 1 видно, что респонденты в первую очередь ассоциируют образ России с премьер-министром Владимиром Путиным. Это может быть связано с сохранившимся доверием к нему как бывшему главе государства. С нынешним Президентом Дмитрием Медведевым образ России ассоциируют около 18 % опрошенных, тогда как Путина упомянули 66 % всех респондентов (рис. 1).

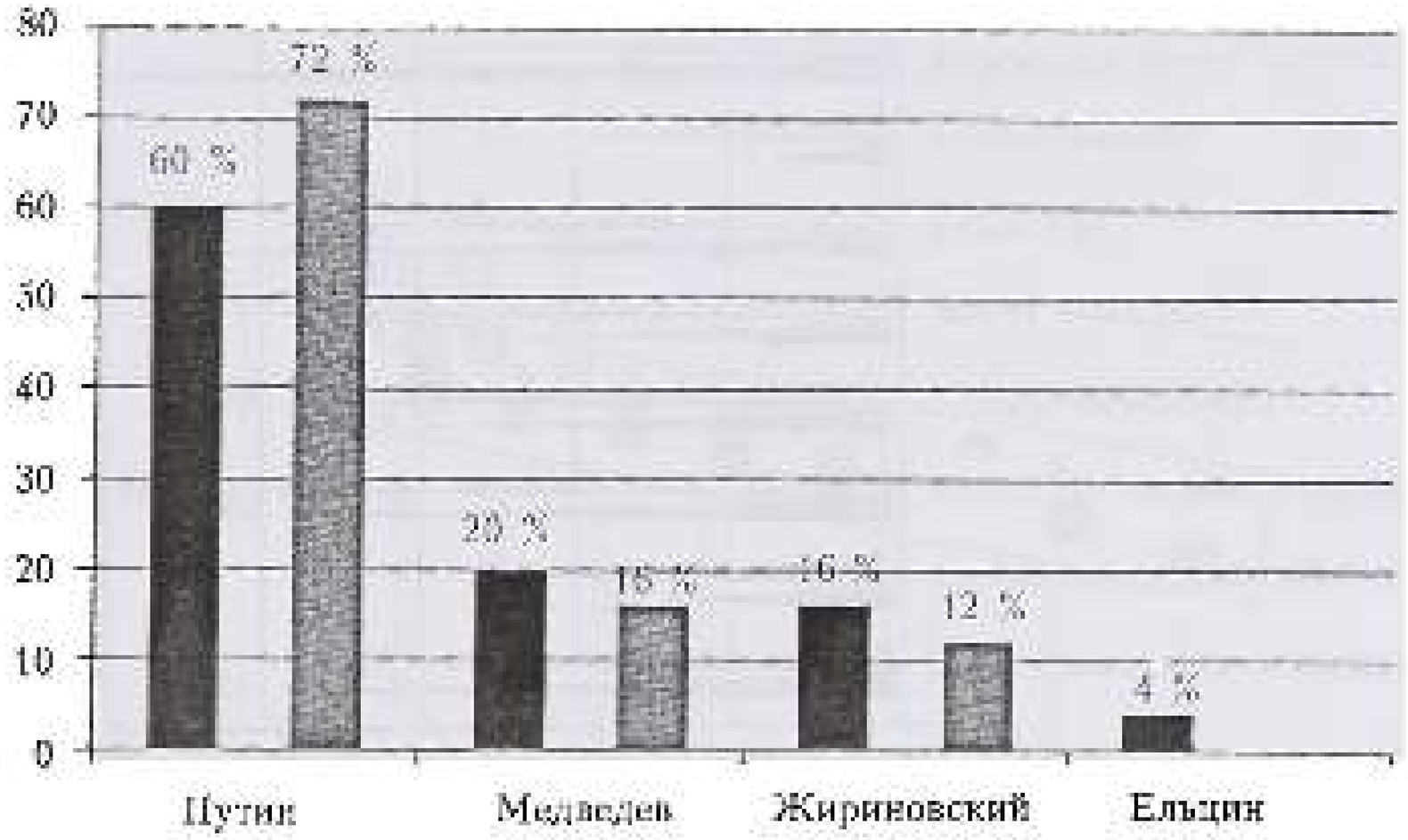


Рис. 1. Политик — образ России, %

© Н. А. Сульдина, 2011

Далее респондентам был задан вопрос: «Для чего становятся политическими лидерами?». По полученным данным можно сделать вывод, что лидерами становятся, в первую очередь руководствуясь личностными интересами (рис. 2).

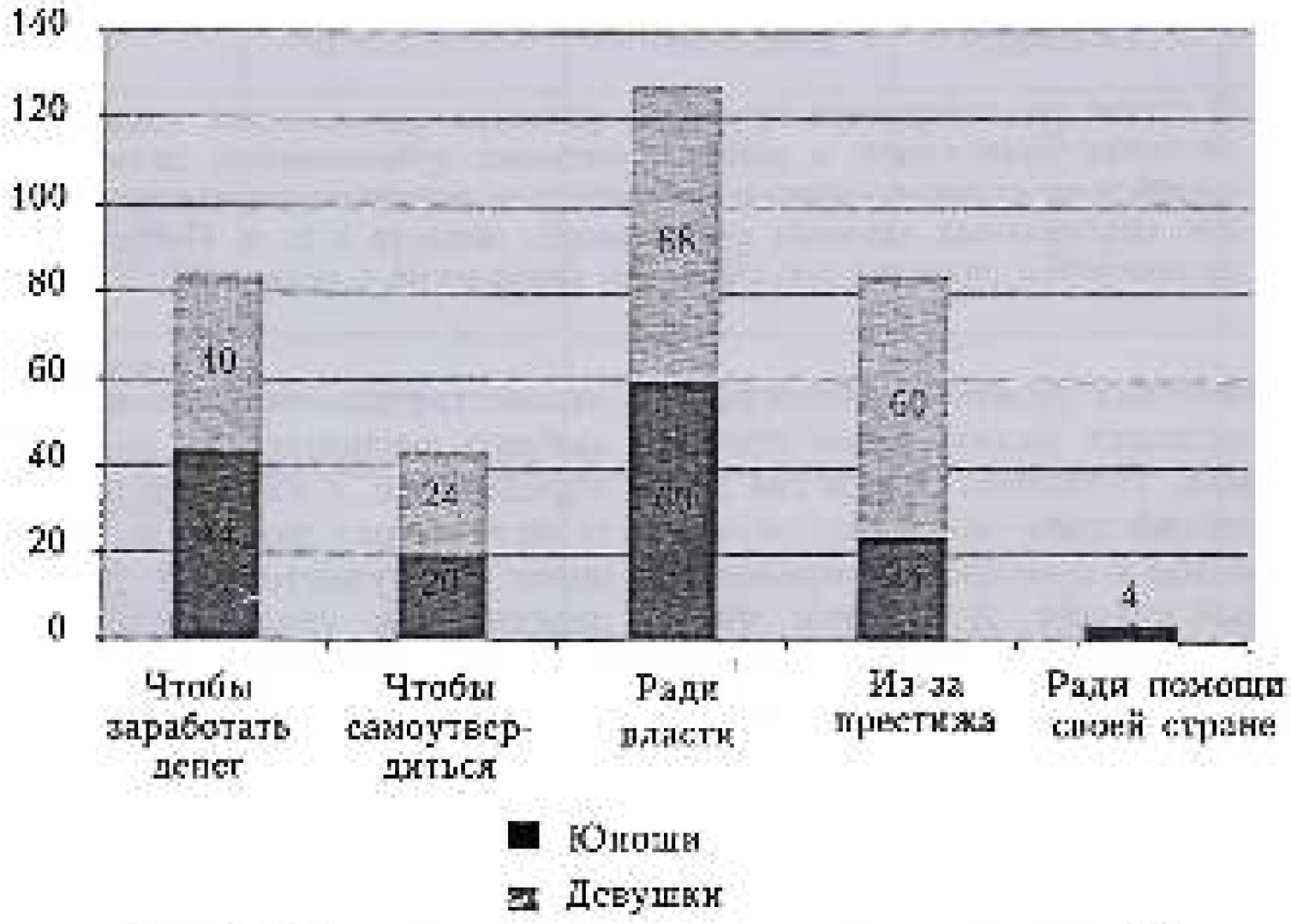


Рис. 2. Для чего становятся политическими лидерами, %

Для проверки гипотезы о том, что политический лидер в первую очередь должен обладать морально-этическими качествами, был задан следующий вопрос: «Что, по Вашему мнению, является главным качеством политического лидера?» (рис. 3).

Рис. 3. Главные качества политического лидера, %

По распределению ответов на рисунке видно, что такие качества, как честность и понимание людей, не являются доминирующими. Однако с распределением 44/30 респонденты отметили именно эти качества. Также большое внимание уделяется оратор-

ским способностям лидера и его трудовому потенциалу — 46 / 44 всех респондентов.

Анализируя симпатичные и не симпатичные характеристики образа Президента Д. А. Медведева, была выдвинута гипотеза о том, что деловые качества президента являются положительным аспектом его образа. Если 48 % всех респондентов политические и деловые качества Президента обозначили как симпатичный компонент образа, то в то же время такой же большой процент опрошенных не довольны внешностью главы государства – этот вариант выбрали 48 % девушек и 40 % юношей. 48 % девушек и 44 % юношей не устраивает телосложение Президента, однако ни один респондент не отнес эту характеристику к положительному аспекту. 4 % юношей отметили, что костюм главы государства является симпатичным компонентом (рис. 4, 5).

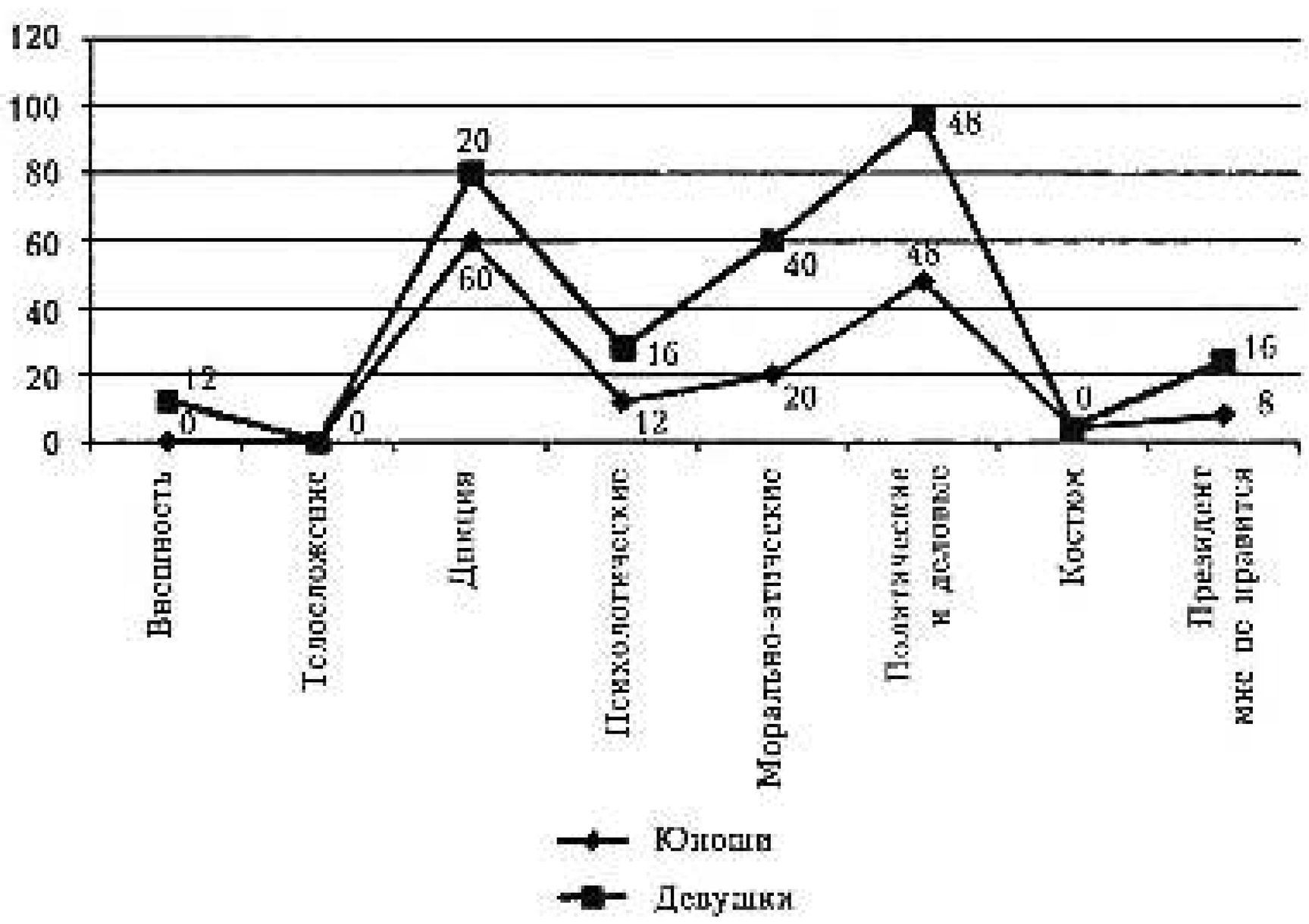


Рис. 4. Характеристики Президента, которые нравятся, %

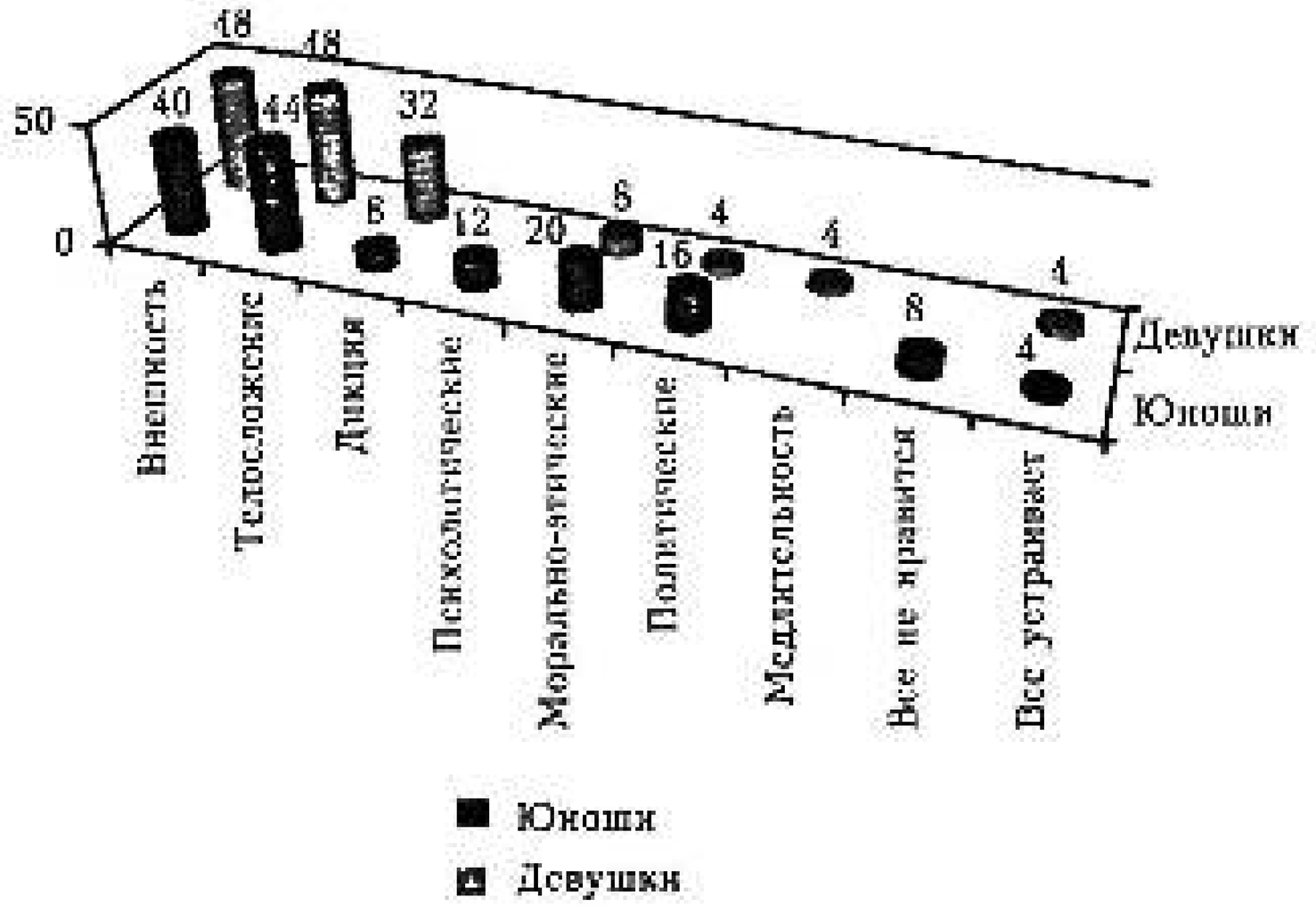


Рис. 5. Характеристики Президента, которые не нравятся, %

Таким образом, можно сделать вывод, что такое отношение к Президенту Д. И. Медведеву сложилось в результате влияния телевидения. Что мы и проверили, задав вопрос о факторах, влияющих на формирование отношения к политическому лидеру. Согласно полученным данным наша гипотеза о том, что при формировании образа доминирующее значение имеет телевидение, подтвердилась (рис. 6).

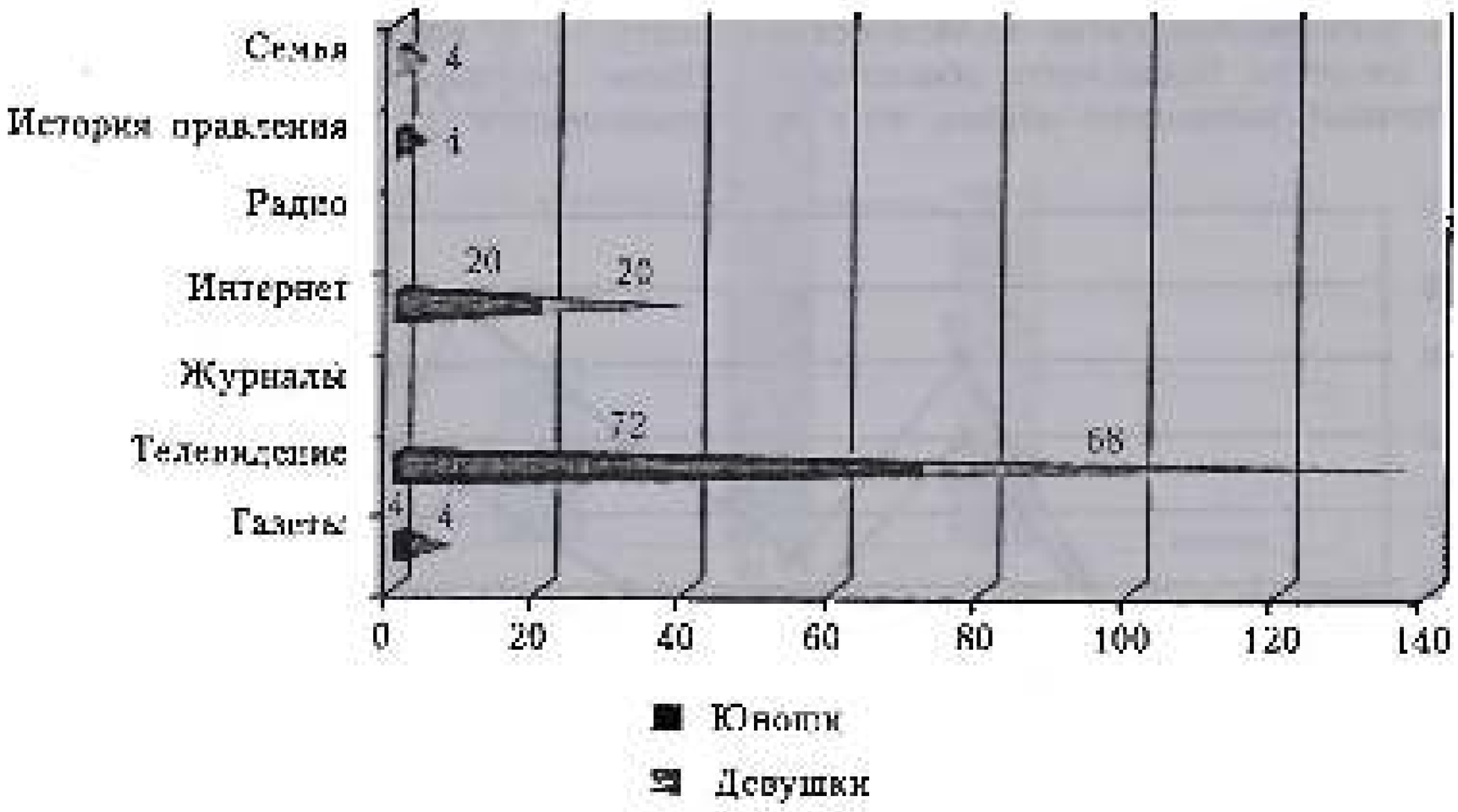


Рис. 6. Факторы влияния, %

По вопросу согласия с политическими взглядами Д. И. Медведева получены данные, из которых видно, что большинство респондентов (60 % девушек и 52 % юношей) разделяют политические взгляды Президента (рис. 7).

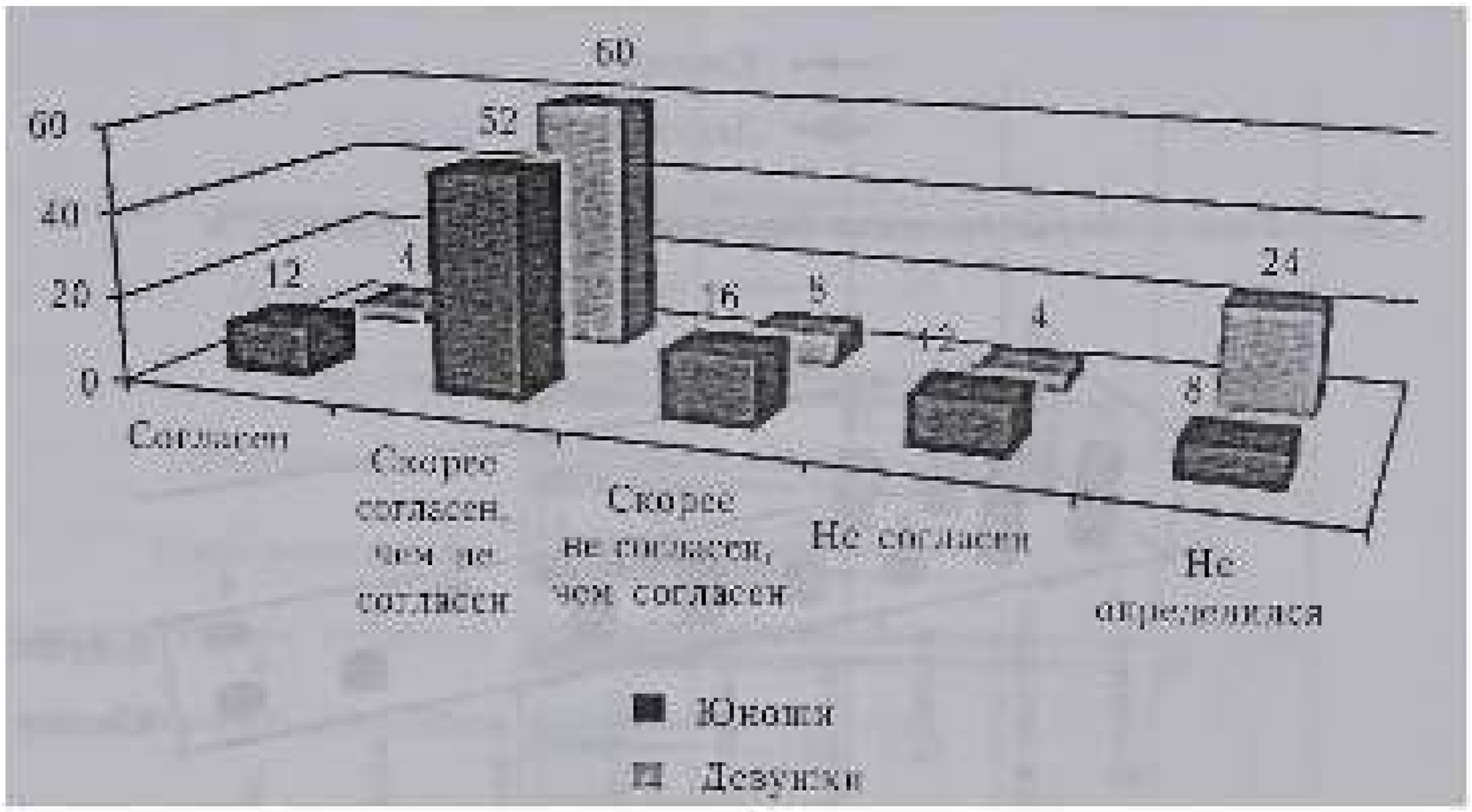


Рис. 7. Согласие с политическими взглядами Президента, %

Для проверки гипотезы об определении главных факторов, участвующих в становлении личности как лидера, был задан вопрос: «Как Вы считаете, что помогает лидерам оказаться у власти?». Как уже было выявлено ранее, молодежь не определяет некие выдающиеся личностные качества как доминирующие в становлении политического лидера. В среднем 42 % опрошенных считают, что лидерами становятся благодаря поддержке с чьей-то стороны, 12 % этим фактором считают бессознательное влечение к власти, а 4 % юношей предполагают наличие криминального элемента. Однако можно сказать, что 20 % опрошенных все-таки придерживаются личностных теорий (рис. 8).

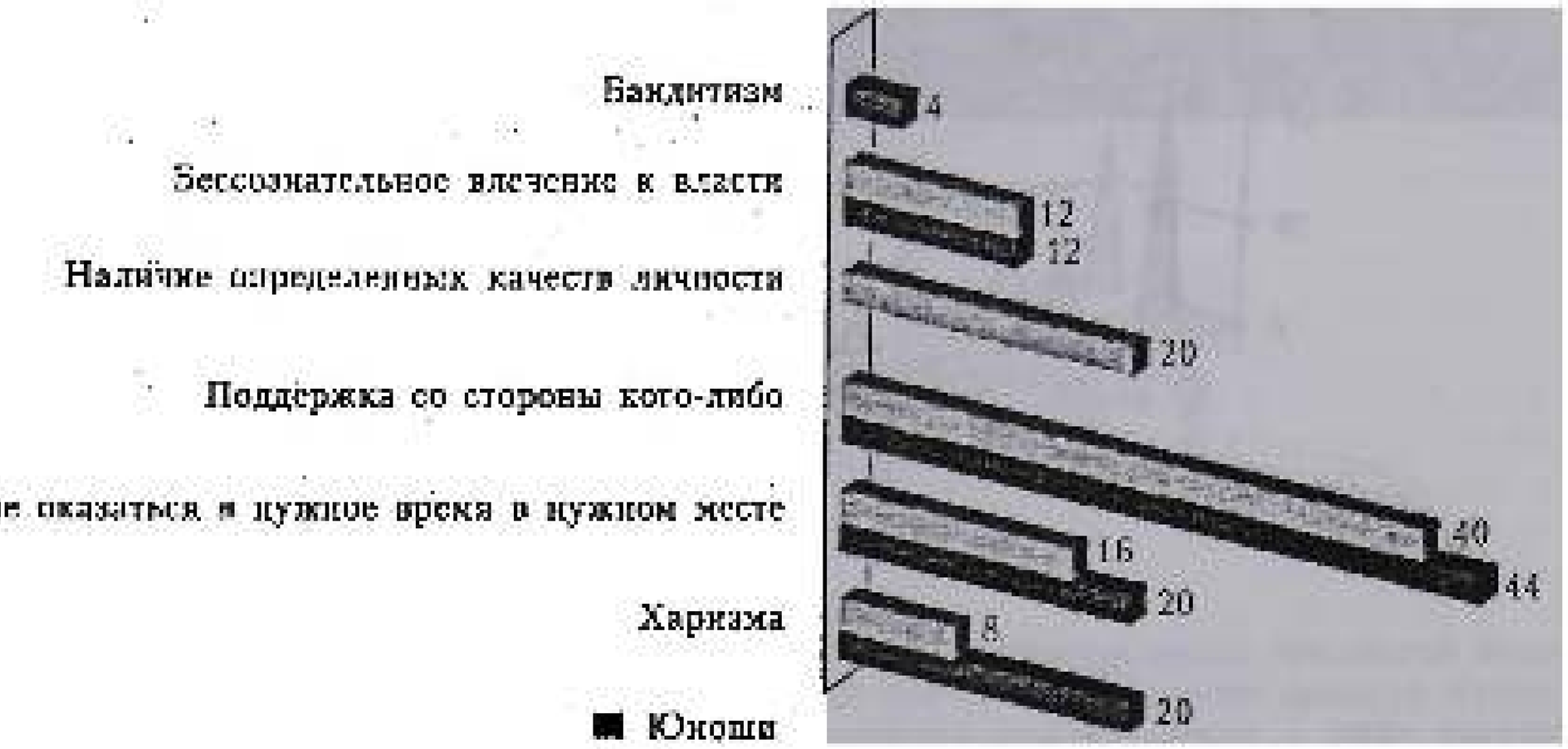


Рис. 8: Что помогает оказаться у власти, %

Еще одним немаловажным аспектом является определение целей политического лидера. Для этого был задан вопрос о том, какие цели прежде всего должен преследовать политический лидер. Этими целями для большинства респондентов являются забота о благосостоянии граждан, повышение качества экономики страны (68,44 % всех опрошенных). На основании этого можно сделать вывод, что основной целью лидера должна быть защита интересов страны и граждан внутри государства (рис. 9).

Рис. 9. Главные цели лидера, %

В заключение нашего исследования для выявления полного портрета лидера мы попросили респондентов назвать самого значимого политического лидера прошлого. Студенческая молодежь определила И. В. Сталина наиболее значимой фигурой в истории страны как харизматического персонажа, обладающего выраженной индивидуальностью. Изучение политического лидерства на протяжении многих столетий является одной из наиболее актуальных проблем (рис. 10).

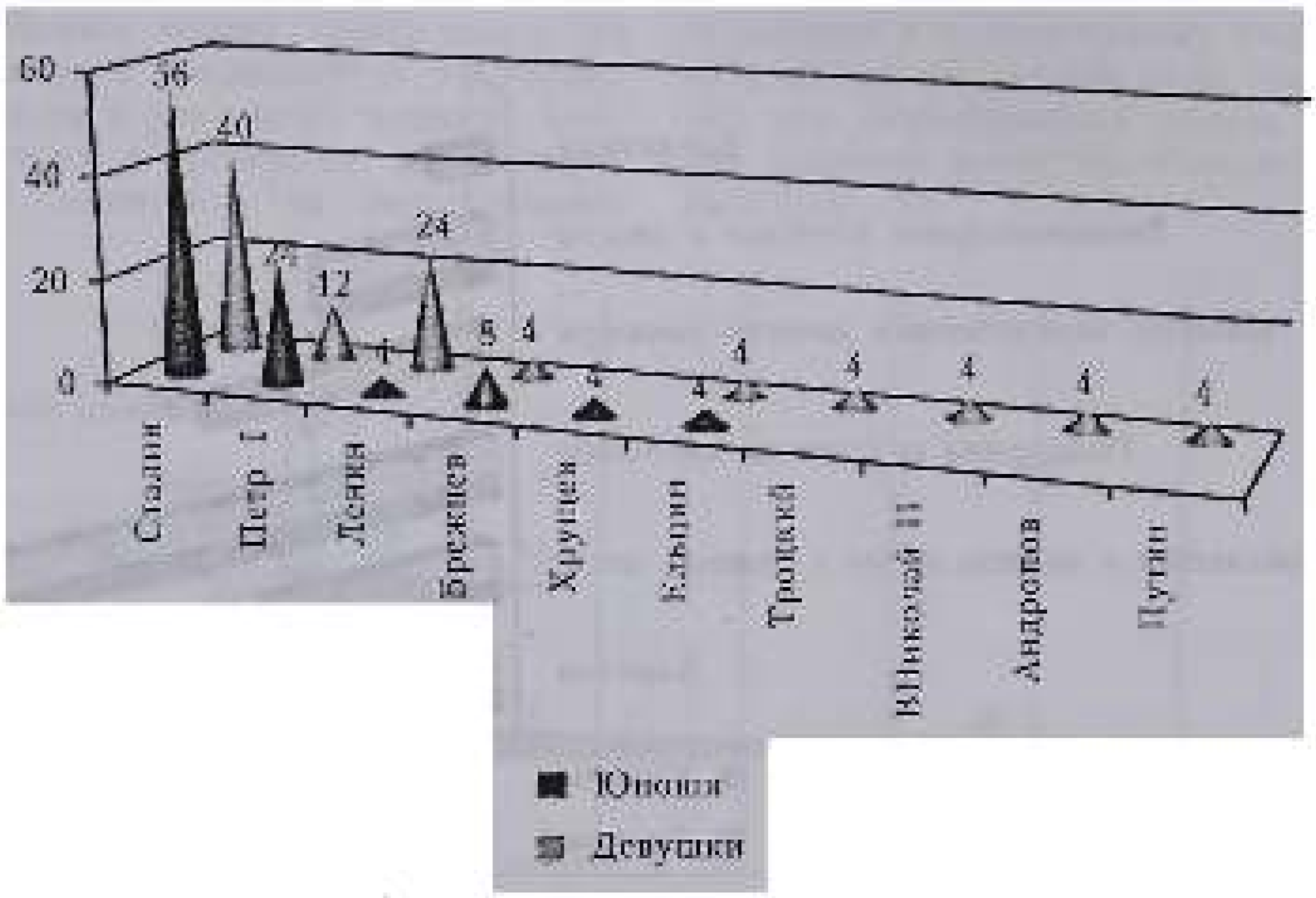


Рис. 10. Политический лидер прошлого, %

В результате исследования были выявлены особенности политического лидерства в России. Выяснилось, что большинство респондентов ассоциируют сегодняшний образ России с В. В. Путиным, что говорит о сохраняющемся доверии к нему как волевому, сильному и энергичному лидеру. В то время как по отношению к Д. И. Медведеву звучали реплики, типа: «Он мне не нравится» (8 % юношей, 16 % девушек), «Все не нравится» (8 %). Что же касается основных характеристик политического лидера, которыми он должен обладать, то респонденты хотят видеть у власти честного человека, понимающего людей, хорошего оратора, который будет заботиться о благосостоянии граждан и государства. Тем не менее, большинство респондентов не верят в выдающиеся способности лидеров, что подтверждается гипотезой. Однако в качестве выдающегося лидера прошлого большинство назвали И. В. Сталина (56 % юношей, 40 % девушек). Этот факт еще раз подтверждает сохранение традиций лидерства вождистского типа, что объясняется близостью лидера-человека, а не политической программы. Также в тройку лидеров прошлого входят Петр I и В. И. Ленин. Это говорит о том, что респонденты хотят видеть у власти волевую личность и реформатора, во время правления которого Россия вновь станет великой державой.

Поступила 13.07.11.

РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ВЕРТИКАЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. Н. Мотькин

Статья посвящена вопросам, связанным с реализацией гражданами Российской Федерации закрепленного за ними Конституцией Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также порядку рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Проанализирована соответствующая нормативно-правовая база и показаны инновационные шаги Президента РФ в этом направлении.

В частности, в статье идет речь о создании единой трехуровневой системы работы с обращениями граждан на базе приемных Президента РФ, в том числе и о приемной Президента РФ в Республике Мордовия.

Демократизация общественной жизни страны и совершенствование ее политической системы являются комплексными многоаспектными процессами, смысл которых, говоря обобщенно, сводится к созданию условий для самореализации свободного и ответственного человека. Решается задача формирования таких государственно-правовых институтов, которые бы органично сочетали в себе и обеспечивали эффективность народовластия (демократию) и надежную защиту прав и свобод человека и гражданина. Ведь наряду с периодическим участием гражданина в референдумах и выборах он должен также иметь гарантированные возможности решать свои жизненные вопросы в государственных органах и органах местного самоуправления через соответствующие конституционно-правовые и административно-правовые механизмы. К подобного рода механизмам относится институт обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления, посредством которого они реализуют свои конституционные права и свободы, добиваются восстановления прав и законных интересов в случае их нарушения, а также активно воздействуют на политику государства и государственный аппарат в формах, предусмотренных Конституцией и Законами Российской Федерации (Ст. 33, 45, 46 и др. Конституции Российской Федерации). За последние десять-пятнадцать лет в нашей стране институт обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления претерпел существенные изменения уже в силу того, что в принципе изменились структура и функции государственного аппарата, а деятельности последнего появились новые социальные приоритеты [2]. Все это, неуклонно развиваясь, вызвало необходимость пересмотреть основные подходы в работе государственных органов и должностных лиц, и, прежде всего, органов исполнительной власти, с обращениями граждан, включая жалобы, заявления и предложения.

Граждане могут влиять на публичную власть и осуществлять контроль над ее деятельностью посредством различных прав и свобод: свободы слова, избирательного права, права на объединение. Однако право на обращение в ряду названных возможностей является наиболее часто реализуемым во взаимоотношениях граждан и государства. Право на обращение является возможностью реализации гражданами своих политических интересов в связи с тем, что основным содержанием права граждан на обращения является участие в политических отношениях. Вместе с тем, право граждан на обращения

© В. М. Мотькин, 2011

не лишено элементов индивидуальной заинтересованности человека в результатах реализации этого права. Следовательно, в какой-то мере право граждан на обращения может быть отнесено и к группе личных прав и свобод.

Для органов власти обращения граждан являются важнейшим источником информации, необходимой для принятия решений, удовлетворения воли и интересов личности, реагирования на желания и потребности общества, своевременного и эффективного средства общения с населением. Право на обращение включает в себя два аспекта: возможность активного влияния гражданина на деятельность государственных органов и органов местного самоуправления и способ восстановления нарушенного права посредством жалоб, заявлений и ходатайств.

В соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривается возможность гражданам обращаться с предложениями для реализации права на управление страной и участие в делах государства, а также с заявлениями о содействии в реализации своих прав и свобод, нарушениях законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц либо с критикой деятельности указанных органов и должностных лиц, а также с жалобами для восстановления либо защиты нарушенных их прав, свобод и законных интересов [3]. В данном нормативно-правовом акте четко прописаны такие положения, как: права гражданина при рассмотрении обращения; гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением; требования к письменному обращению; направление и регистрация письменного обращения; рассмотрение обращения; сроки рассмотрения письменного обращения и др.

Этот же закон с помощью ст. 4 вводит следующие основные термины:

— *обращение гражданина* — направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления;

предложение — рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

— *заявление* — просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

— *жалоба* — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов других лиц;

— *должностное лицо* — лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления.

Нынешним главой государства в свою очередь для укрепления и развития института обращений граждан приняты решения о создании единой трехуровневой системы работы с обращениями граждан на базе приемных Президента Российской Федерации. 7 апреля 2009 г. в Москве по адресу: ул. Ильинка, 23 был открыт первый уровень системы — приемная Президента РФ.

В приемной Президента РФ глава государства и по его поручению руководитель Администрации Президента РФ, его первый заместитель и заместители, помощники и советники Президента РФ, руководители самостоятельных подразделений Администрации осуществляют личный прием граждан с целью обеспечения контроля за рассмотрением их письменных обращений государственными органами или органами местного самоуправления, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращениях вопросов. Личный прием граждан осуществляется с использованием телекоммуникационных технологий — в режиме видеоконференц-связи, что позволяет им без дополнительных расходов реализовать право на личное обращение, а также привлечь к участию в личном приеме без отрыва от рабочего процесса соответствующих должностных лиц государственных органов или органов местного самоуправления.

В конце 2009 г. открыт второй уровень — приемные Президента РФ в федеральных округах (в нашем Приволжском федеральном округе — в Нижнем Новгороде). В приемной Президента РФ в Приволжском

федеральном округе рассматриваются адресованные Президенту РФ письменные и устные обращения граждан, в том числе в режиме видеоконференцсвязи, по вопросам, входящим в компетенцию территориальных органов федеральных органов исполнительной власти межрегионального уровня, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах соответствующего федерального округа. Личный прием граждан ведут полномочный представитель Президента РФ в ПФО Г. А. Рапота, его заместители и помощники, руководители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти межрегионального уровня.

22 ноября 2010 г. во время единого дня личного приема граждан в процессе видеоконференцсвязи со всеми регионами Президент РФ объявил о завершении создания третьего уровня — приемных Президента в 83 административных центрах субъектов РФ. Третий уровень позволяет оперативно совместно с органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления рассматривать адресованные главе государства обращения и решать насущные проблемы россиян. Здесь будет проводиться работа с обращениями граждан по вопросам, входящим в компетенцию территориальных органов федеральных органов исполнительной власти регионального уровня, а также органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, находящихся в пределах соответствующего субъекта РФ. Личный прием граждан будут вести полномочные представители Президента в федеральных округах, их заместители и помощники, главные федеральные инспекторы в субъектах Российской Федерации, руководители территориальных органов федеральных органов исполнительной власти регионального уровня, а также должностные лица субъектов Российской Федерации (руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ), главы муниципальных образований административных центров субъектов РФ.

Так, приемная Президента Российской Федерации в Республике Мордовия была образована и открылась 20 августа 2010 г. на основании распоряжения Администрации Президента Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 1441 «О приемной Президента Российской Федерации в федеральном округе» для реализации полномочий главы государства как гаранта Конституции Российской Федерации и в целях предоставления гражданам Российской Федерации дополнительной возможности пользоваться своими правами и свободами, в том числе правом на обращение в государственные органы, а также для обеспечения согласованного взаимодействия органов государственной власти в работе с обращениями граждан [1]. Приемная Президента РФ в Республике Мордовия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», иными федеральными законами, указами и распоряжениями Президента, распоряжениями Администрации Президента, а также Положением о приемной Президента РФ в федеральном округе [1; 3].

Основными задачами приемной Президента в Республике Мордовия являются:

1) обеспечение своевременного рассмотрения обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, поступивших в приемную и адресованных Президенту РФ;

2) осуществление информационно-справочной, методической и аналитической работы, связанной с рассмотрением обращений заявителей, адресованных Президенту РФ;

3) подготовка на основе анализа и обобщения вопросов, поставленных в обращениях заявителей, соответствующих докладов, а также предложений по устранению причин, порождающих обоснованные жалобы заявителей;

4) участие в подготовке и проведении Управлением Президента РФ по работе с обращениями граждан личного приема заявителей в режиме видеоконференцсвязи Президентом РФ, руководителем Администрации Президента, его первым заместителем и заместителями, помощниками Президента, советниками Президента и руководителями самостоятельных подразделений Администрации Президента.

В приемной Президента РФ в Республике Мордовия принимаются обращения граждан, адресованные Президенту, полномочному представителю Президента РФ в Приволжском федеральном округе, главному федеральному инспектору по Республике Мордовия. При составлении обращения в письменной форме указываются: фамилия, имя, отчество, почтовый адрес, телефон и (или) факс либо адрес электронной почты заявителя для направления ему ответа или уточнения вопроса. Анонимные обращения не рассматриваются. Обращение, составленное в

письменной форме, подлежит регистрации в течение трех дней со дня его поступления в приемную Президента. Обращение подлежит рассмотрению в приемной Президента в 30-дневный срок со дня его регистрации, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Обращения заявителей, поступившие в приемную Президента РФ с адресованные Президенту РФ с поручением о решении по существу поставленных вопросов, могут направляться в соответствующие территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, находящиеся в пределах Приволжского федерального округа, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления в соответствии с их компетенцией с уведомлением об этом заявителей.

Обращения заявителей, поступившие в приемную Президента и адресованные Президенту РФ, содержащие вопросы, относящиеся к компетенции федеральных органов исполнительной власти в требующие их решения, а также внимания Президента РФ, направляются для рассмотрения в Управление Президента РФ по работе с обращениями граждан с уведомлением об этом заявителей. Прием обращений граждан осуществляется работниками приемной Президента РФ в Приволжском федеральном округе без предварительной записи в порядке живой очереди в дни и часы работы приемной. Личный прием граждан в приемной Президента РФ полномочным представителем Президента РФ в Приволжском федеральном округе или по его поручению ответственными работниками аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе, руководителями территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Приволжском федеральном округе (либо должностными лицами по их поручению) организуется по предварительной записи у работников приемной и проводится в соответствии с утвержденным графиком в часы работы приемной. Гражданин может также направить свое обращение, адресованное Президенту РФ, руководителю Администрации Президента РФ, полномочному представителю Президента РФ в Приволжском федеральном округе, по почте или в электронном виде на официальном сайте полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе, заполнив соответствующую форму. Информация о персональных данных авторов обращений, полученных в электронном виде, хранится и обрабатывается с соблюдением требований российского законодательства о персональных данных.

Письменные и устные обращения граждан систематизируются по семи темам: «Государство, общество, политика»; «Экономика» — в том числе вопросы промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, связи, торговли; «Социальная сфера» — в тех числе социальная защита населения, образование, здравоохранение, наука, культура, спорт; «Жилищно-коммунальная сфера»; «Вопросы высшей службы»; «Вопросы законности и правопорядка» — в том числе вопросы деятельности суда, прокуратуры, органов внутренних дел; «Работа с обращениями граждан» — в том числе жалобы на недостатки в организации этой работы в государственных органах, органах местного самоуправления, просьбы о записи на личный прием, запросы о ходе рассмотрения обращений. Полученные данные анализируются, выявляется доля каждой темы в общем количестве обращений граждан.

В целом, безусловно, созданная система приемных Президента Российской Федерации упростит гражданам возможность личного обращения, а видеоконференцсвязь обеспечит доступность любого уровня приемных. А в скором времени, по утверждению начальника Управления Администрации Президента по работе с обращениями граждан и организаций М. Михайловского, будет создано единое информационное пространство (база данных) обращений граждан, адресованных Президенту Российской Федерации, что позволит проводить всесторонний анализ обращений, более объективно оценивать деятельность государственных органов и органов местного самоуправления по обеспечению права граждан на обращение, а также принимать выверенные управленческие решения на федеральном, окружном и региональном уровнях по проблемам, поднимаемым заявителями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Администрация Президента Российской Федерации. Распоряжение. 2 октября 2009 г. № 1441. Москва. О приемной Президента Российской Федерации в федеральном округе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www/qfi-udm.ru/letters/base/poloj_priem_presid.doc. — Загл. с экрана.

2. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

3. Федеральный закон Российской Федерации № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Рос. газ. — 2006. — 5 мая.

Поступила 13.07.11.

БЕЗОПАСНОСТЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ОЦЕНКАХ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е. В. Ефанова

В статье диагностируется общественное отношение граждан современного российского общества по вопросу обеспечения безопасности и благоприятного социально-политического климата в стране. Определяется роль государства как гаранта личностной и национальной безопасности в РФ.

Безопасность представляет собой результат целенаправленного воздействия определенных субъектов политического процесса, причем главным актором ее обеспечения является национальное государство. 2000-е гг. характеризуются сдерживанием темпов демократического строительства в России. Возникновение и обострение ряда угроз (терроризм, утрата экономической самостоятельности страны, ее распад, парламентский хаос) объясняются не поспешностью с развитием демократии в России, а непродуманностью принимаемых политических решений, непросчитанностью их последствий. Подобная политика повлекла за собой утрату веры в государство как субъекта безопасности у значительной части населения России. Мало кто верит, что государство может или готово защищать своих граждан. Подавляющее большинство россиян (81 %) не верят в возможность вовремя получить необходимую помощь от властей в случае возникновения в их жизни опасности и надеются только на себя и своих близких. Таковы данные опроса, представленные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в мае 2006 г. При этом две трети (66 %) опрошенных россиян считают, что жизнь в стране становится год от года все опаснее и только 29 % — что опасностей становится меньше. Лишь 5 % россиян ничего не боятся в современной жизни. Немногим больше граждан (7 %) «вполне уверены в своем будущем». Как отмечали социологи, более оптимистично в этом вопросе настроены в основном молодые респонденты, в то время как зрелое поколение видит все больше опасностей вокруг. Только 18 % участников опроса, который ВЦИОМ провел в апреле 2006 г., заявили, что их безопасность смогут обеспечить органы власти. При этом 8 % респондентов из всех органов власти указали на Президента как на источник надежды в случае опасности. Как отмечают аналитики, люди с достатком полагают, что от опасностей их убережет государство, власть, а бедная часть населения больше уповает на Бога. В то же время данные опроса в сентябре 2006 г. показали, что около половины россиян (45 %) считают, что самым важным для России является обеспечение безопасности и порядка, даже если это затрагивает права и свободы людей, 44 % респондентов полагают, что «...для современной России самое главное — неукоснительное соблюдение прав и свобод человека, без чего невозможны безопасность и порядок» [7].

Наблюдаемый консерватизм в представлениях о сущности безопасности в фактической реализации политики ее обеспечения позволяет сделать вывод, что безопасность по-прежнему в России понимается не как состояние, при котором гарантируется беспрепятственное и успешное развитие всех социальных организмов и общественных структур, создаются оптимальные условия для существования и развития личности, общества и государства, а в традиционном смысле —

© Е. В. Ефанова, 2011

как безопасность в военной сфере. В то же время, анализ безопасности будет неполным, если не упомянуть о таком долговременном факторе, негативно влияющем на развитие общественных отношений в России, как терроризм. Свою актуализацию данная идея впервые получила в Концепции национальной безопасности РФ, где указано: «Серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации представляет терроризм. Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России» [5].

Анализ террористической активности в РФ свидетельствует о волнообразной динамике проявлений терроризма. Так, в 2003 г. по отношению к 2002 г. прирост числа фактов терроризма (Ст. 205 УК РФ) составил 56 %, заведомо ложного сообщения об акте терроризма (Ст. 207 УК РФ) — 15 % и на 98 % выросло количество преступлений по Ст. 208 УК РФ [4, с. 118–119; 8, с. 79; 13, с. 4]. Причем число выявленных лиц, совершивших преступление, незначительно и составляет лишь 14,7 %, по отношению к числу зарегистрированных преступлений. Это объясняется тем, что в условиях противоречивых преобразований, смены сложившихся схем и отношений в области политики, экономики, права, социальной и иных важных сферах жизни государства и общества были утрачены прежние, вырабатывавшиеся десятилетиями механизмы упорядочения и конституционного регулирования отношений между государством, обществом и личностью. Прежняя, социалистическая идеология на государственном уровне предана анафеме, а новой обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. Девальвированы, а по существу утрачены, такие объединяющие и основополагающие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга, коллективизм, интернационализм. В то же время, по данным МВД России, в 2004–2006 гг. на территории РФ наблюдается спад террористической активности. В 2004 г. раскрытие преступлений составляло 1 689 (17,7 %), не раскрыто 7 834, в 2005 — 1 499 (26,5 %), не раскрыто 3 999, в 2006 г. — 626 (30,5 %), не раскрыто 613 [10]. Это говорит о положительной тенденции в борьбе с терроризмом в России.

Данный факт фиксируют и результаты опроса ВЦИОМ в 2008 г., где половина наших сограждан уверены в том, что ситуация в сфере борьбы с терроризмом улучшилась (53 % опрошенных) [3]. При этом каждый четвертый респондент изменений не заметил (25 %). И лишь 6 % россиян считают, что произошли изменения в худшую сторону. Респонденты в возрасте 35–44 лет (58 %) более позитивно, чем, например, опрошенные 60-летние и старше (45 %) оценивают меры по борьбе с терроризмом. По мнению россиян, улучшение ситуации в сфере борьбы с терроризмом связано, прежде всего, с правильной политикой Президента и Правительства (24 %) и более эффективной работой спецслужб, правоохранительных органов (26 %). Каждый пятый респондент отметил, что появилось больше порядка и контроля (19 %). Еще 7 % сослались на то, что люди стали более бдительны, и по 6 % россиян указали на то, что усилилась охрана общественных мест и уничтожили многих главарей банд и бандформирований. Чем старше респонденты, тем чаще причины улучшения ситуации по борьбе с терроризмом они видят в правильной политике Президента и Правительства. То есть уверенность в том, что российские власти смогут защитить население страны от новых терактов, постепенно крепла у соотечественников начиная с 2002 г. и достигла максимального значения к 2008 г. (с 20 до 66 %). Однако серия терактов на Северном Кавказе в 2009 г. резко сократила число оптимистов (с 66 до 49 %), а взрывы в московском метро в 2010 г. подорвали авторитет властей еще больше, отбросив их к ситуации 2005–2006 гг. (36 %) [11]. В феврале 2011 г. ВЦИОМ фиксирует уже 80 % россиян, которые опасаются стать жертвой теракта. Причем каждый третий считает, что терроризм в России искоренить невозможно в принципе [12].

Ухудшение же ситуации в области обеспечения безопасности граждан россияне чаще обосновывают недостаточностью принятых мер безопасности (14 %) и плохой работой силовых ведомств (12 %). В списке причин негативных изменений также были отмечены продолжающиеся террористические акты (11 %), бездействие властей (10 %), коррупция и бюрократия (5 %), а также беззаконие (3 %). В то же время две трети россиян уверены в том, что российские власти смогут защитить население России от новых террористических актов (66 % опрошенных). Однако каждый пятый опрошенный думает иначе: 21 % россиян считают, что власти не справятся с новой угрозой. Таким образом, пока Россия не ликвидирует продолжающийся распад российской государственности и слабость российской государственной власти в целом, не представляется возможным организовать эффективную правоохранительную деятельность с целью поддержания жизненно важных интересов общества, государства и личности. Следовательно, эф-

фективность борьбы с терроризмом всегда будет определяться адекватностью той системы мер, которую создает государство для защиты от этой угрозы, действенность которой в решающей степени зависит от объективности и своевременности выявления изменений, происходящих в содержании, организации и тактике терроризма.

Однако не военные опасности и угрозы в последние годы были приоритетными. Опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении людей к демократии, просчеты при проведении экономических и социальных реформ – первоочередные проблемы страны. Последнее десятилетие стало периодом катастрофической демодернизации страны и социального упадка. То есть наблюдается противопоставление тех сфер жизнедеятельности, в которых реализуются национальные проекты национальной безопасности, а ведь именно качество жизни в конечном счете определяет эффективность системы национальной безопасности.

В этой связи достаточно важным является определение ведущих дестабилизационных факторов современного российского общества для мобилизации населения и эффективной борьбы с существующими угрозами безопасности. Как показали результаты ВЦИОМ в 2004 г. применительно к ситуации в России, чаще всего основными источниками страхов россиян являются: преступность (34 %), рост цен и инфляция (30 %), экономическое положение (26 %), безработица (22 %), терроризм (15 %) [9]. Исходя из этого очевидно: несмотря на то что данные демонстрируют повышенный уровень страха населения перед угрозой терроризма, в общем рейтинге страхов и опасений населения РФ проблема терроризма занимает одно из последних мест. Следовательно, представление о терроризме как одном из важнейших угроз, влияющих на безопасность российского общества, является преувеличенным. На сегодняшний день, согласно данным ВЦИОМ от 2010 г., терроризм занимает второе место в рейтинге угроз (60 %) после наркомании (65 %). Также менее остро стали восприниматься проблемы загрязнения окружающей среды (с 41 % в 2002 г. до 33 %), разгула преступности (с 42 до 28 %), распространения СПИДа (с 24 до 16 %), стихийных бедствий (с 20 до 12 %), крушения самолетов (с 26 до 12 %) и атомной энергетики (с 13 % в 2006 г. до 9 %). Зато, напротив, все более губительными респондентам кажутся автомобильные аварии (с 4 до 33 %), курение (с 9 до 14 %) и расхлябанность, пренебрежение правилами безопасности (с 7 до 12 %) [11].

В начале 2009 г. Россия в качестве гаранта благополучного национального развития перешла к новой государственной политике в области безопасности. Ядром новой «Стратегии национальной безопасности до 2020 г.» является соединение классической внешней политики, политики в области безопасности и военной политики с вопросами внутреннего развития, которое рассматривается наравне с ними в целях обеспечения национальной безопасности. В этой связи политика национальной безопасности должна быть направлена не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по укреплению и развитию прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Национальную безопасность следует рассматривать как триаду, включающую национальное выживание, национальное благополучие и национальное развитие. Иными словами, это не состояние защищенности, а прежде всего, способность сохранять определенные параметры нации — способность к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию. Весь этот круг вопросов имеет непосредственное отношение к проблеме национальной безопасности России, ее общества, государства и личности. В этой связи необходимо в первую очередь ответить на два принципиальных вопроса: как быстро меняющиеся условия влияют на складывающуюся систему опасностей и угроз во всех сферах жизнедеятельности и каким образом можно им противодействовать. Высшим критерием национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинные стабильность и безопасность. То есть запрет конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства — всестороннего развития личности. Соответственно необходима артикуляция государственно-правовой идеологии, которая, по справедливому выражению А. И. Овчинникова, должна включать в себя идею не правового госу-

дарства, а государства нравственного, «государства правды» [6]. Хотя в настоящее время именно с институтом государства связываются исходящие угрозы, только оно способно системно решать проблему безопасности, обладает способностью создать, организовать необходимые для этого силы и средства.

В целом, согласно опросу, проведенному Левада-центром, россияне хотят жить в стране, которую боятся и уважают другие государства. Причем в их ответах наблюдается положительная динамика (63 % в 2000 г. против 75 % в 2008 г.). И наоборот, противоположный вариант (маленькая, но уютная страна) все менее привлекателен для россиян — сторонников такой перспективы стало меньше за этот же период (28 и 19 % в соответствующие годы) [2]. Причем 39 % россиян видят будущую Россию как государство с особым устройством и особым путем развития, в первую очередь вкладывая в данное понятие смысл экономической целесообразности [1]. Речь, таким образом, идет об интегрированной и долгосрочной государственной политике. Именно эта формула составляет фундамент национальных интересов, нацеливает на консолидацию общества, его устойчивое развитие и обеспечение безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будущее России и «особый путь развития» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2008012903.html. — Загл. с экрана.

2. В какой стране хотели бы вы жить? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2008031304.html. — Загл. с экрана.

3. Война с террором : кто одерживает верх? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wciom.ru/index.php?id=268&uid=10625. — Загл. с экрана.

4. **Даниленко Н. Н.** Терроризм : понятие и явление / Н. Н. Даниленко // Закон. — 2005. — № 2. — С. 116—121.

5. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г., № 24) // Безопасность : информ. сб. Фонда нац. и междунар. безопасности. — 2000. — № 1—2.

6. **Пушкарев Е. А.** Безопасность человека в системе политико-правового обеспечения национальной безопасности России / Е. А. Пушкарев // Философия права. — 2007. — № 4. — С. 51—54.

7. Россия — между безопасностью и свободой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wciom.ru/index.php?id=268&uid=3101. — Загл. с экрана.

8. Современный терроризм : состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — 240 с.

9. Стабилизация — не итог, а залог движения вперед [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/769.html. — Загл. с экрана.

10. Терроризм в России. Взгляд изнутри [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.uralpolit.ru/news/urfo/20-07-2006/page_39266.html. — Загл. с экрана.

11. Угроза терроризма и как с ней бороться [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wciom.ru/index.php?id=268&uid=13419. — Загл. с экрана.

12. Угроза терроризма в России и как ее победить [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wciom.ru/index.php?id=268&uid=111350. — Загл. с экрана.

13. **Хлобустов О. М.** О стратегии противодействия терроризму / О. М. Хлобустов // Власть. — 2003. — № 9. — С. 3—9.

Поступила 13.07.11.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНА КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

О. Н. Баринова

В данной статье рассматриваются вопросы информационной открытости органов государственной власти Республики Мордовия, основанные на материалах экспертных опросов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия по оценке web-сайтов органов государственной власти и органов местного самоуправления республики в 2007 -2010 гг. Оценка сайтов проводилась по следующим составляющим: наличие информации, периодичность обновления информации, объем и степень раскрытия информации. В качестве образца взята методика рейтинговой оценки деятельности органов исполнительной власти Ярославской области по критерию открытости.

Индикаторами цивилизованности и открытости государственного устройства страны являются простота и легкость получения гражданами страны необходимой и интересующей их общественно значимой информации как средства обеспечения прозрачности правительства и участия граждан в демократическом процессе. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. На практике наибольший интерес вызывают особенности правового регулирования информации, имеющей социальную значимость. Упоминание некоторых категорий такой информации встречается в нормативных правовых актах. Особое место по степени своей социальной значимости и по уровню правового регулирования в российском обществе занимает информация о деятельности органов государственной власти.

Реформирование системы государственного управления в России является одним из важнейших условий ускорения социально-экономического развития страны. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2008 гг. одной из ключевых проблем функционирования системы исполнительной власти в Российской Федерации выделяет информационную закрытость органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. «Россия — одна из немногих стран, в которой нет законодательно установленных процедур раскрытия и закрытия информации о деятельности государственных органов. Процесс получения информации сложен, значимая для общества информация предоставляется государственными органами зачастую несвоевременно либо вовсе недоступна. При этом практически любая информация по решению государственного органа может быть признана конфиденциальной и не подлежащей опубликованию. Реализация конституционного права граждан на получение информации в связи с этим чрезвычайно затруднена» [1].

Исследования сайтов органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия показали определенные тенденции и закономерности в формировании информационной открытости органов власти республики. Так, анализ оценок экспертов в 2010 г. позволяет выделить 3 группы органов власти по степени информационной открытости: «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Процентное соотношение в данных группах в 2010 г. составило 24,0; 69,0 и 7,0 % соответственно.

На протяжении 2007—2010 гг. большая часть исполнительных органов власти составляет группу «удовлетворительно». Вместе с тем наблюдается положительная динамика изменения процентного соотношения между группами по годам. Например, состав группы «хорошо» в 2007—2010 гг. увеличился на 20,0 %: в 2007 г. в нее входил один орган власти, в 2010 г. — семь.

Наибольшие изменения в 2007 - 2010 гг. произошли в группах «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Так, состав группы «удовлетворительно» резко увеличился на 19,0 %, а группы «неудовлетворительно» — существенно сократился на 26,0 %. Предположительно, это объясняется измене-

© О. Н. Баринова, 2011

шием количественного и качественного состава экспертов, субъективные оценки которых определили соотношение органов власти в группах. В целом происходит смещение процентного соотношения в пользу группы «удовлетворительно» (в 2007 г. — 59,0 %, в 2010 г. — 69,0 %). Вместе с тем за анализируемый период наблюдается уменьшение количества исполнительных органов власти, имеющих низкие баллы: в 2007 г. — 16 органов власти (37,0 %), в 2010 г. — 2 органа власти (7,0 %).

В группу «хорошо» (итоговый балл органа власти находится в пределах от 3,45 до 4,44 балла) вошли 7 исполнительных органов власти, что составило 24,0 % от всех оцениваемых органов власти. В группу «удовлетворительно» (оценочный балл находится в пределах от 2,45 до 3,44 балла) вошли 20 исполнительных органов власти, что составляет 69,0 % от всех оцениваемых органов власти (в 2009 г. — 17), в группу «неудовлетворительно» (оценочный балл находится в пределах 1,45–2,44 балла) — 2 органа власти. Тройку лидеров в рейтинге исполнительных органов власти по критерию открытости в 2010 г. составили: Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия (1-е место), Государственный комитет Республики Мордовия по труду и занятости населения (2-е место) и Министерство экономики Республики Мордовия (3-е место).

В результате исследования среди органов местного самоуправления по степени информационной открытости также выделяются три группы: «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В 2010 г. большая часть органов местного самоуправления Республики Мордовия вошла в группу «удовлетворительно».

Группу «хорошо» составили 3 органа местного самоуправления, группу «неудовлетворительно» — 7 органов местного самоуправления. В целом зафиксирована тенденция повышения оценочных баллов органов местного самоуправления. Так, например, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. в группе «хорошо» наблюдается повышение на 9,0 %; а в группе «неудовлетворительно» — снижение на 9,0 %.

Лидерами среди муниципальных образований на протяжении 2007–2010 гг. являются ГО Саранск — 4,03 балла (1-е место), Атяшевский — 3,84 балла (2-е) и Дубенский — 3,46 балла (3-е место) районы. В целом в 2010 г. комплексная оценка исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости составила 2,94 балла (таблица).

Таблица

Средний балл по компонентам оценок исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия

Критерий	Компоненты оценки	Средний балл компонента оценки			
		2007 г.	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*
1	2	3	4	5	6
K-I	Адресные данные (телефоны, почтовые адреса, адреса электронной почты) органа, его структурного подразделения и подведомственных ему организаций, в том числе подразделений по работе с обращениями граждан	3,88	4,15 (+)	4 (–)	4,19 (+)
	Обзоры обращений граждан и организаций в орган, обобщенная информация о результатах рассмотрения таких обращений и принятых мерах	1,62	1,60 (–)	1,25 (–)	1,53 (+)
	Сведения об основных показателях, характеризующих ситуацию в отрасли, входящей в сферу ведения соответствующего органа, и динамику ее развития в районе	2,04	2,21 (+)	3,03 (+)	2,69 (–)
K-II	Сведения о календарных планах мероприятий, проводимых органом	1,93	1,95 (+)	1,82 (–)	2,37 (+)
	Законы РФ и РМ, нормативные правовые акты органа, принятые по вопросам его деятельности	2,42	2,04 (–)	2,43 (+)	3,12 (+)
	Сведения о решениях судов о признании недействующими нормативных правовых актов органа	1,63	1,48 (–)	1,14 (–)	1,35 (+)

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
R-II	Сведения об официальных мероприятиях, проводимых с участием руководства органа	2,01	1,95 (–)	1,95	2,43 (–)
	Сведения о реализации федеральных, республиканских и муниципальных целевых программ, входящих в сферу ведения соответствующего органа	2,05	1,99 (–)	1,86 (–)	2,14 (–)
	Сведения о законодательных инициативах, проекты законов и нормативно-правовых актов, программах	1,95	1,80 (–)	1,6 (–)	2,36 (+)
	Сведения о руководстве и должностных лицах органа (краткие биографические справки)	3,46	3,63 (+)	3,5 (–)	3,55 (+)
	Перечни информационных систем общего пользования и банков данных, находящихся в ведении органа, а также перечни информационных ресурсов и услуг, предоставляемых гражданам и организациям органом по вопросам его компетенции	1,96	2,00 (+)	1,76 (–)	1,94 (+)
	Справочная информация о задачах и функциях органа	3,71	3,38 (–)	3,12 (–)	3,51 (+)
	Сведения об официальных визитах и рабочих поездках, переговорах и деловых встречах руководителей органа	1,59	1,79 (+)	1,59 (–)	1,95 (+)
	Сведения о результатах проверок, проведенных органом в подведомственных организациях, а также проверок, проведенных в самом органе	1,39	1,58 (+)	1,2 (–)	1,39 (+)
Комплексная оценка исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости		2,65**	2,72**	2,75**	2,94**

Уменьшение (–) или увеличение (+) среднего балла компонента оценки по сравнению с предыдущим годом.

** Комплексный расчет компонентов оценки всех органов власти Республики Мордовия по критерию открытости.

Эксперты высоко оценивали наличие на сайтах такой информации, как справочные данные министерств, ведомств, органов местного самоуправления (4,19 балла); сведения, отражающие информацию о задачах и функциях органов власти, нормативно-правовые акты РМ и РФ (свыше 3 баллов); сведения об официальных мероприятиях, о реализации республиканских программ, входящих в сферу ведения соответствующего органа власти, сведения о законодательных инициативах и т. д. (от 2 до 3 баллов). Вместе с тем, по оценкам экспертов, наиболее приближены к нулевому баллу (т. е. отсутствию информации на сайте) сведения, отражающие обзоры обращений граждан и обобщенная информация о их результатах, сведения о решениях судов, перечни информационных услуг и ресурсов, предоставляемых гражданам, сведения о результатах проверок в органе власти (от 1 до 2 баллов).

По оценкам экспертов, в целом информационная открытость интернет-ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия находится на среднем уровне. Большинство экспертов оценивают сайты и вебстраницы на портале органов государственной власти Республики Мордовия от 2 до 3 баллов. Лишь Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия достигло отметки 4 балла.

В рейтинге органов государственной власти по критерию открытости наиболее высокие позиции занимают: Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, Государственный комитет Республики Мордовия по труду и занятости населения, Министерство экономики Республики Мордовия, Министерство спорта, физической культуры и туризма Республики Мордовия, Министерство торговли и предпринимательства Республики Мордовия, Министерство финансов Республики Мордовия и Министерство образования Республики Мордовия. В рейтинге органов местного са-

моуправления, по оценкам экспертов, высокие показатели информационной открытости характерны для Атяшского, Дубенского муниципальных районов и ГО Саранск.

Наблюдается повышение текущего уровня открытости органов государственной власти и органов местного самоуправления по сравнению с результатами опросов 2007—2009 гг. за счет увеличения количества предоставленной информации в Интернете (адресных данных органа власти; сведений об основных показателях, входящих в сферу ведения органов; сведений о руководстве, задачах и функциях органов власти).

По-прежнему низко эксперты оценивают перечни информационных ресурсов и услуг, предоставляемых гражданам и организациям по вопросам компетенции органа власти, а также обзоры обращений граждан и организаций.

В связи с этим основные направления совершенствования и развития информационной открытости органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия могут быть следующие:

— повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах общественного развития: оперативное информационное обновление сайтов, создание условий и обеспечение предоставления государственных услуг в электронном виде, в том числе с использованием Интернета;

— развитие инфраструктуры публичного (общественного) доступа населения к сайтам, а также средств информационно-справочной поддержки и обслуживания населения («телефон доверия», телефон «горячей линии», открытие государственными служащими своих страниц в социальных сетях, создание блогов, видеоблогов и т. д.);

— подготовка и повышение квалификации служащих в сфере информационных технологий; развитие образовательной инфраструктуры и методического обеспечения; повышение статуса служб информации и повышение квалификации их специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006—2008 годах : одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 окт. 2005 г. № 1789-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.akdi.ru/econom/program/46.htm. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

П. СОРОКИН И П. ШТОМПКА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИИ РАССЕЛЕНИЯ

В. А. Нежданов

Социология расселения рассматривается как социологическая теория среднего уровня, субъектом-объектом которой является процесс расселения социальных групп — социально-территориальных общностей, которые с точки зрения системно-синергетического подхода можно называть социально-территориальными системами.

Возросший в последние годы интерес к миграционным процессам в России отодвинул на второй план проблемы расселения и градостроительного планирования. Социология расселения находится в состоянии скрытого протекания процессов накопления нового теоретического знания. В настоящее время мирно сосуществуют различные подходы к социологии расселения в академической и вузовской науке. Вузовские учебные пособия, как правило, трактуют социологию расселения как область социологического знания, которая изучает генезис (происхождение, процесс образования), сущность и об-

© В. А. Нежданов, 2011

щие закономерности развития и функционирования города и деревни как целостных систем. В таком понимании социология расселения соответствует социологии города и деревни как социологии территориальных общностей, которая рассматривает вопросы социально-территориальной структуры и социально-территориальной организации общества [9].

Это вполне объяснимо, поскольку традиционные школы социологии расселения во главе с Н. А. Аитовым (планирование социального развития города), О. И. Шкаратаном (социальная структура городского населения, социальное воспроизводство городских территориальных общностей) и В. И. Староверовым работают в другом направлении. Наиболее популярная московская школа социологии деревни (благодаря оригинальным методикам и многовариантности подходов), возглавлявшаяся В. И. Староверовым, до сих пор ссылается на устаревшую классификацию систем расселения по смешанному административно-хозяйственному критерию:

— внутрихозяйственные системы расселения;
— межхозяйственные системы расселения;
— районные системы расселения;
— межрайонные системы расселения;
— областные системы расселения;
— межобластные системы расселения;
— национальные системы расселения;
— региональные системы расселения;
— агломерации.

Хотя классическая работа Н. А. Аитова «Отношение по расселению» (1987) до сих пор не потеряла актуальности (системный подход к ТО, проблемы социального и регионального развития), на практике осталась только одна научная школа, которая до настоящего времени занимается проблемами исследования территориальных общностей в процессе социальной трансформации. Речь идет о Новосибирской школе социологии, основанной Т. И. Заславской и А. Г. Аганбегяном. В 1990-х гг. эту работу возглавила Е. Е. Горяченко. Интересы исследователей сместились в сторону изучения внутренней структуры территориальных общностей разного типа (не только сельских, но и городских), а также механизмов их функционирования и развития в процессе радикальных преобразований [3; 7].

В то же время существуют такие теории среднего уровня, как социология урбанизации, социология миграции, где приоритетом исследования является социальный процесс. Параллельно составляются учебные программы, где социология расселения представлена как дисциплина, изучающая социальный процесс в совокупности с исследованием демографических процессов развития социума, а социология территориальных общностей рассматривается отдельно как социология города и деревни.

В академических словарях и энциклопедиях также встречается различное понимание социологии расселения. В социологической энциклопедии под редакцией Г. Ю. Семигина расселение населения понимается как *процесс* распределения и перераспределения населения по территории (а также как результат этого процесса – сеть поселений), а социология расселения – как наука о *пространственных формах* организации общества [2].

Более насыщенным является «экономическое» определение расселения: «Расселение — определяемое способом производства *размещение людей* в соответственно формируемой системе развернутых в пространстве и во времени условий жизнедеятельности в совокупности их материальных и духовных компонентов, направленных на удовлетворение основных потребностей человека». Даже такое простое и претендующее на процессуальность определение социологии расселения как отрасли социологии, «...изучающей связь между социальным развитием людей и их положением в системе расселения», грешит статическим характером, определяемым «положением», а не динамикой [6].

Трактовка социологии расселения как социологии города и деревни порождает соблазн смешивания социологии села (деревни) и аграрной социологии, социологии города и социологии урбанизации, что порождает запутанность в изучении данных вопросов. Более простой путь — разделить социологию структур и институтов и социологию процессов, рассматривая социологию расселения как социологию процесса в совокупности с другими процессами социальной динамики — миграцией, урбанизацией, профессионализацией (непрерывный процесс профессионально-квалификационного становления личности) и т. д.

Вопросы изучения социальных структур и социальных институтов можно рассматривать в рамках социологии территориальных общностей, которая исследует проблемы социально-территориальной структуры и социально-территориальной организации общества. Такое понимание ситуации в академической и вузовской науке, а также в образовательной практике соответствует положению о функционировании диссертационных советов по социологической специальности 22.00.04. «Социальные структуры, социальные институты и процессы».

Рассматривая социологию расселения как социологию процесса, логично обратиться к книге известного польского социолога Петера Штомпки «Социология социальных изменений». Штомпка считает, что процессуальный подход к социальным проблемам приобретает в последнее время доминирующее значение. В соответствии с этой концепцией социум является не столько объектом, сколько своего рода «полем возможностей» социальных субъектов. Ключевой единицей анализа становится «событие», раскрывающееся в действиях социальных субъектов, последствия которых являются многовариантными [4].

В свое время великим русским ученым П. А. Сорокиным было дано классическое определение социального процесса: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или „эволюции", короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных и качественных характеристик» [8].

С точки зрения синергетики — междисциплинарного научного направления, целью которого было изучение универсальных, свойственных системам самой разной природы (в том числе и социальным), закономерностей процессов самоорганизации и спонтанного порядкообразования, системы расселения являются сложными открытыми структурами в нелинейных средах. Такие структуры представляют собой синтез упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне [5].

Процесс расселения как объект социологического анализа можно рассматривать, с одной стороны, как процесс социального взаимодействия людей (на социальном микроуровне), т. е. как обязательный атрибут любого социального явления, а с другой — как серию дискретно-континуальных событий, образующих целостную систему в динамике (на социальном макроуровне).

В последнее время появляются «новые», модные наименования социологии расселения, например, «экистическая социология», «экисоциология», происходящих от термина «экистика» (наука о расселении), введенного греческим теоретиком архитектуры Доксиадисом в 1950-х гг. XX в. Логично называть эту теорию традиционно — социология расселения, — поскольку такое терминологическое сочетание давно используется отечественными социологами и применяется в образовательной практике по социологии [1].

Итак, социология расселения может рассматриваться как социологическая теория среднего уровня, субъектом-объектом которой является процесс расселения как социальное взаимодействие в пространстве-времени, а предметом — социальная динамика, т. е. изменение «объектных» и «субъектных» характеристик социальных групп — социально-территориальных общностей, которые с точки зрения системно-синергетического подхода можно называть социально-территориальными системами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Василькова В. В.** Порядок и хаос в развитии социальных систем : Синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. — СПб. : Лань, 1999. — 480 с.

2. **Горяченко Е. Е.** Территориальная общность в изменяющихся условиях / Е. Е. Горяченко // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике : материалы к XIII социол. конгрессу. — Новосибирск, 1994. — Ч. 1. — С. 63–86.

3. **Касьянов В. В.** Социология : учеб. пособие / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко, С. И. Самыгин. — Ростов н/Д, 2000. — 512 с.

4. **Попов А. И.** Эволюция расселения : города, агломерации, мегаполис / А. И. Попов // Соц.-полит. журн. — 1997. — № 6. — С. 35–47.

5. **Сорокин П.** Социальная и культурная динамика / П. Сорокин. — СПб. : РХГИ, 2000. — 1056 с.

6. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / руковод. науч. проекта Г. Ю. Семигин. — М. : Мысль, 2003. — Т. 1. — 694 с. ; Т. 2. — 863 с.

7. **Фролов С. С.** Социология / С. С. Фролов. — М. : Логос, 1998. — 359 с.

8. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. ; под ред. В. А. Ядова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.

9. **Юдина Т. Н.** Социология миграции : к формированию нового научного направления / Т. Н. Юдина. — М. : Дашков и К°, 2004. — 399 с.

Поступила 13.07.11.

ОБРАЗ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГОРОЖАН

Е. И. Долгаева, Е. В. Манякина

В статье рассматриваются результаты социологического исследования общественного мнения о работниках правоохранительных органов г. Саранска, проведенного в 2010 г. Анализируется образ милиции, который сложился в массовом сознании.

Правоохранительная система как социальный институт выполняет функции по обеспечению безопасности, стабильности общества, действенности социального контроля. Вместе с тем, работники этих структур представляют собой социально-профессиональную группу, которая от имени власти защищает права граждан от преступных посягательств. В связи с этим общественное мнение о ней выступает одним из показателей качества взаимодействия общества и государства.

С 1 марта 2011 г. в России вступил в действие Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в соответствии с которым в российских правоохранительных органах происходят существенные изменения, направленные в первую очередь на улучшение работы с гражданами. Частью реформы стало изменение привычного гражданам названия «милиция» на «полиция» [1].

В последние годы средства массовой информации часто критиковали милицию, представляя ее как обособленную от общества организацию, безразличную к людям. Вместе с тем многие россияне верят, что среди сотрудников правоохранительных органов есть порядочные люди, честно исполняющие свой долг. На наш взгляд, социологическое исследование на эту тему позволяет не только получить более объективную информацию, но и в будущем оценить эффективность нового закона.

В 2010 г. нами проведен социологический опрос жителей г. Саранска, цель которого — охарактеризовать образ российской тогда еще милиции, сложившийся в общественном мнении горожан. Опрошено 100 жителей г. Саранска с погрешностью измерения не более ±9 %. Выборка репрезентирует состав жителей г. Саранска по признакам пола и возраста.

Большинство респондентов (60 %) убеждены, что в обществе преобладает в той или иной степени отрицательное отношение к милиции (табл. 1). Противоположное мнение (о положительном отношении) — встречается в десятки раз реже (3 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какое отношение к работникам милиции сегодня преобладает среди населения России?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Положительное, скорее положительное	3
Безразличное	35
Отрицательное, скорее отрицательное	60
Затрудняюсь ответить	2
Итого	100

Эти оценки, на наш взгляд, свидетельствуют о широкой распространенности в российском обществе стереотипа, в соответствии с которым принято негативно относиться к милиции.

Вместе с тем, отвечая на конкретный вопрос о том, как милиция Саранска справляется со своими обязанностями (табл. 2), абсолютное большинство горожан (83 %) оценили ее работу на «удовлетворительно» и «хорошо». Лишь 15 % назвали ее плохой или очень плохой.

© Е. И. Долгаева, Е. В. Манякина, 2011

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, работает сегодня милиция в г. Саранске, как она справляется со своими обязанностями?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Отлично	0
Хорошо	30
Удовлетворительно	53
Плохо	12
Очень плохо	3
Затрудняюсь ответить	2
Итого	100

По нашему мнению, это говорит о том, что личный опыт граждан часто противоречит сложившемуся стереотипу исключительно негативного восприятия милиции, что подтверждают и другие результаты исследования.

Участников опроса, которым лично приходилось взаимодействовать с сотрудниками милиции, попросили припомнить, какое впечатление осталось у них от последнего такого контакта (табл. 3). О положительном и скорее положительном впечатлении заявили 59,4 % респондентов, об отрицательном и скорее отрицательном — 32,5 %.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какое впечатление у Вас осталось от последнего общения с сотрудниками милиции?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Положительное, скорее положительное	59,4
Отрицательное, скорее отрицательное	32,5
Затрудняюсь ответить	8,1
Итого	100

Самым близким к гражданам сотрудником МВД является участковый милиционер. Около 40 % опрошенных никогда его не видели и примерно столько же — общались с ним. В том числе 24 % утверждают, что видели своего участкового в течение последнего года. У большинства горожан, которые общались с участковым (78,6 %), сложилось о нем положительное или скорее положительное впечатление (табл. 4), лишь у 9,9 % общение с сотрудником милиции вызвало негативные эмоции.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какое впечатление у Вас осталось от встречи с Вашим участковым милиционером?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Положительное, скорее положительное	78,6
Отрицательное, скорее отрицательное	9,9
Затрудняюсь ответить	11,5
Итого	100

Точнее всего отношение граждан к милиции можно оценить по тому, насколько люди склонны к контакту с ней, готовы полагаться на нее и прибегать к ее помощи. Чтобы выяснить это, мы предложили участникам опроса представить, что у них украли кошелек с месячной зарплатой, пенсией или стипендией (табл. 5). Лишь пятая часть респондентов (21 %) обратились бы в милицию в такой ситуации, почти половина (47 %) не стали бы этого делать, а 32 % респондентов вообще затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что у Вас украли кошелек, в котором была Ваша месячная зарплата (пенсия, стипендия). Вы бы стали или не стали в такой ситуации обращаться в милицию?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Не стал бы обращаться в милицию	47
Обязательно обратился бы в милицию	21
Затрудняюсь ответить	32
Итого	100

Горожан, которые в такой ситуации отказались бы от помощи милиции, попросили пояснить, почему они поступили бы именно так. Оказалось, что большинство (84 %) не верят в то, что милиция сможет найти кошелек, остальные считают, что у правоохранительных органов есть дела поважнее или просто не хотят зря тратить время. Все это говорит о том, что граждане сомневаются в профессиональных качествах милиции, а может быть, вообще ей не доверяют.

В связи с этим респондентам задан вопрос, ощущают ли они лично беспокойство, тревогу, когда к ним обращаются сотрудники милиции (табл. 6). Треть опрошенных (34 %) признали, что испытывают такие чувства, однако 66 % ничего подобного не ощущают.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что на улице или дома к Вам обратились сотрудники милиции. Что Вы почувствуете в такой ситуации?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Ничего особенного не почувствую	66
Почувствую беспокойство, тревогу	34
Итого	100

Респонденты, испытывающие негативные эмоции при встрече с сотрудниками милиции, в основном объясняли это возникновением у них невольного чувства вины (76,5 %) или тем, что опасаются плохих известий о близких (70,6 %). Около трети отметили, что негативные эмоции появляются, потому что милиционеры ведут себя грубо, агрессивно, вымогают взятки (29,4 %), а 17,6 % респондентов заявили, что это реакция на обращение к ним любого человека в форме.

Заметим, что из всех ответивших на этот вопрос, только 3 % имели личный негативный опыт общения с милиционерами. Значит, их беспокойство может быть результатом распространенности отрицательного образа милиционеров в обществе.

Вместе с тем в российской системе правоохранительных органов действительно много проблем (СМИ часто писали о взяточничестве и других преступлениях среди милиционеров). Мы поинтересовались у респондентов, в чем главная причина проблем. Мнения горожан разделились (табл. 7): 35 % считают, что в этих проблемах виноваты руководители МВД, потому что не могут навести порядок в милиции; 31 % полагают, что милиция отражает пороки, характерные для всего общества; 25 % выделяют в качестве причины плохой отбор кадров в милицию. Лишь 9 % опрошенных объяснили эти проблемы низкой зарплатой милиционеров.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «В последнее время много говорят о проблемах, которые существуют в милиции (взятки, преступления среди милиционеров и др.). Как Вы думаете, в чем главная причина этих проблем?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Низкая зарплата милиционеров	9
Плохой отбор кадров в милицию	25
Милиция — это часть общества: там происходит то же самое, что везде	31
Виноваты руководители МВД — не могут навести порядок в милиции	35
Итого	100

Большинство опрошенных (69 %) считают, что в целом милиция в Саранске работает так же, как и в других городах России (табл. 8). Примерно пятая часть (19 %) полагают, что местная милиция действует лучше, чем в остальных населенных пунктах России.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, в Саранске милиция работает лучше, хуже или так же, как в других городах России?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Лучше, скорее лучше	19
Так же, как везде	69
Хуже, скорее хуже	11
Затрудняюсь ответить	1
Итого	100

Вместе с тем, когда горожан спросили, доверяют ли они в целом милиции, распределение ответов оказалось далеко не столь однозначным (табл. 9): более половины опрошенных в той или иной степени не доверяют ей — 56 %.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом, насколько Вы лично доверяете милиции?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Полностью доверяю	8
Скорее доверяю	31
Скорее не доверяю	41
Совсем не доверяю	15
Затрудняюсь ответить	5
Итого	100

Таким образом, мнение жителей Саранска о милиции крайне противоречиво. С одной стороны, большинство из них уверены, что в обществе у милиции сложилась негативная репутация, и не доверяют ей. Может быть, поэтому многие не хотят обращаться в милицию из-за кражи кошелька и испытывают негативные эмоции, когда к ним обращаются милиционеры.

В то же время, когда речь заходит о реальном опыте общения с милиционерами и участковыми, об оценке работы городской милиции, мнение граждан часто оказывается противоположным. Выясняется, что милиция в Саранске работает неплохо, после общения с милиционерами остаются в основном положительные впечатления.

Все это показывает, что личный опыт граждан по взаимодействию с милицией часто противоречит сложившимся общественным стереотипам. Это не означает, что в работе милиции нет проблем. Однако, по мнению граждан, они вызваны скорее недостатками в руководстве милицией и проблемами всего общества.

Для улучшения репутации милиции (а теперь полиции) и ее взаимодействия с населением необходимы не только меры административного и законодательного характера, но и соответствующая информационная политика. Нужно, чтобы граждане узнавали из средств массовой информации не только о милиционерах-преступниках, но и о милиционерах-героях, тех, кто профессионально выполняет свои обязанности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон РФ № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. «О полиции» // Рос. газ. – 2011. – 8 февр.

Поступила 13.07.11.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ

С. В. Полутин, Г. И. Щанкина

Авторы статьи обращают внимание читателей на проблемы социальной дезорганизации в российском обществе и необходимость их решения с помощью превентивных мер и сочетания методов исследования различных наук. Именно такой подход использован при изучении масштаба распространения немедицинского употребления наркотиков в Республике Мордовия, который выявлен на основе данных социологического исследования с применением метода «повторного захвата».

Всякое общество вне зависимости от времени существования, территориального положения и других факторов участвует в едином целостном процессе социальной модернизации, направленном на развитие цивилизованного общества. Современный этап развития российского общества также подвержен данному процессу, целью которого является вовлечение России в единую мировую экономическую систему, единое мировое сообщество. Но он имеет свои особенности, проявляющиеся в изменении существующих социальных институтов, постепенной девальвации традиционного и привычного образа жизни людей, и приводит к ослаблению систем социального контроля. Современную социальную ситуацию в обществе характеризуют три тенденции: снижение числа правонарушений, алкоголизма, семейного насилия, суицида; непрерывный рост наркомании, проституции, игромании; распространение криминальной социальности [1, с. 22].

© С. В. Полутин, Г. И. Щанкина, 2011

В сложившихся условиях специалисты и общественность должны направить свои усилия на профилактику социальных девиаций, выявление и устранение их причин. Методологическая основа управления процессом социальной профилактики отклоняющегося поведения представлена в антропоцентристских теориях Ч. Ломброзо, У. Шелдона; психоаналитических теориях Э. Фромма, З. Фрейда; теории аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертона, А. Коэна; теории стигматизации Г. Беккера; теории социального конфликта Л. Козера и др.

Многокомпонентная структура социальных девиаций заставляет использовать комплексные методические подходы. Выявление масштабов распространенности социальных девиаций возможно социологическими, статистическими методами, а также методами изучения скрытого контингента девиантов. К ним относятся: номинационные методы и метод «повторного захвата» [2]. *Номинационные методы* основаны на принципе получения информации от представителей интересующей исследовательской группы населения об их знакомых, относящихся к этой же группе, с возможностью дальнейшего контакта с ними. Данные методы обладают рядом существенных преимуществ. Они избавляют от необходимости создавать большую выборку благодаря изначальной ориентированности на целевой контингент. К недостаткам данных методов относится трудность оценки степени репрезентативности полученной выборки.

Метод «повторного захвата» позволяет произвести оценку масштабов распространенности девиаций с определенной степенью надежности. В основе метода лежит разработанная более столетия тому назад методика определения размера популяций диких животных, включавшая в себя «пометку» случайно взятых из популяции особей и возвращение их обратно. Впоследствии из этой же популяции берется другая случайная выборка и в ней подсчитывается число ранее помеченных животных. Предполагается, что пропорция меченых особей во второй выборке такая же, как и во всей популяции [2]. Определение распространенности методом «повторного захвата» основано на анализе неполных перекрестных таблиц. «Неполных» означает, что в таблицах всегда присутствует неизвестное значение, которое требуется вычислить и которое соответствует числу индивидуумов, не присутствующих ни в одном из списков. «Перекрестных» означает, что рассматривается пересечение двух или более списков (выборок).

Метод «повторного захвата» использовали авторами с группой исследователей ИИИ регионологии в ходе мониторинга распространенности немедицинского употребления наркотиков в Республике Мордовия. Объектом исследования были: различные категории населения Республики Мордовия в возрасте от 11 до 40 лет; потребители наркотических средств; студенты вузов. По результатам формализованного интервью «Отношение населения к потреблению наркотиков в Республике Мордовия» (2009 г.) выявлено: в ходе массового опроса (1 197 респондентов) — 71 постоянный потребитель наркотиков; в ходе опроса несовершеннолетних социально-реабилитационных центров г. о. Саранск и городского поселения Рузаевка (44 респондента) 1 потребитель наркотиков; в ходе опроса студентов вузов г. о. Саранск (381 респондент) — 27 потребителей наркотиков.

Кроме того, проведено формализованное интервью «Потребители наркотических средств» (428 респондентов) и экспертный опрос по данной проблеме. По итогам опросов выявлено соотношение потребителей наркотиков мужского и женского пола РМ, которое составляет 8 : 1.

Результаты социологического исследования, проведенного в Республике Мордовия в 2009 г., обработаны в программе SPSS statistics 17.0 методом «повторного захвата», который предназначен для выявления скрытого контингента лиц, употребляющих наркотики и наркотические средства. Медицинским персоналом кабинета профилактики наркоманий, кабинета по организации лечения женщин, специалистом по информатике Республиканского наркологического диспансера (РНД) подготовлены списки больных наркоманией и потребителей наркотических средств, взятых на учет впервые в жизни с установленным диагнозом в 2007, 2008, 2009 гг., а также лиц из группы риска. Из картотеки выбраны амбулаторные карты больных, взятых на учет в 2007—2009 гг. Составлена таблица, где отражены фамилия, имя, отчество больных, год рождения, год взятия на учет и обращения больных за медицинской помощью, на ЭАО и др. в 2008 и в 2009 гг. В таблице отмечены знаком (+) обращения больного по данным амбулаторных карт. Идентификация лиц, присутствующих в трех выборках, осуществлялась по табл. 1, где «х» — скрытое количество потребителей наркотических средств.

Таблица 1

Перекрестная таблица

Выборка 3		Выборка 1			
		Присутствуют		Отсутствуют	
				Выборка 2	
		Присутствуют	Отсутствуют	Присутствуют	Отсутствуют
	Присутствуют	a	b	e	f
	Отсутствуют	c	d	g	x

В 2007 г. специалистами РНД выявлены в г. о. Саранск 229 потребителей наркотиков, в том числе взяты на учет 203 чел. Из числа выявленных 229 чел. в 2008 г. обратились за лечением 48 чел. Выявлен поправочный коэффициент по г. о. Саранск — 229 : 48 = 4,8. Всего состояли на учете в 2007 г. 1 099 чел. Предполагаемое число потребителей наркотиков в 2008 г. по г. о. Саранск было рассчитано так: 1 099 × 4,8 = = 5 275 чел.

В 2008 г. выявлены потребители наркотических средств по г. о. Саранск — 217 чел., из них 196 чел. взяты на учет. Из числа выявленных 217 чел. в 2009 г. обратились за помощью в лечении 58 чел. (271 : 58), или 26,7 %, т. е. 1 : 3,7 (поправочный коэффициент). Число потребителей наркотических средств, состоящих на учете в 2009 г., по г. о. Саранск — 1 151 чел., по РМ — 1 524 чел. Применяя поправочный коэффициент 3,7, реальное число потребителей в 2009 г. по г. о. Саранск равно: 1 151 × 3,7 = 4 281 чел., по РМ — 1 524 × 3,7 = 5 638 чел.

Наличие в исследовании трех выборок позволяет применить к полученным данным регрессионного анализа. Таким образом вычислить скрытое количество потребителей наркотических средств «x» возможно, используя для обработки данных статистический пакет программы SPSS statistics 17.0. Для этого полученные результаты 2009 г. представляем в виде перекрестной таблицы (табл. 2). По РМ используются две выборки: выборка 1 — количество лиц, состоящих на учете в наркодиспансере : 1 524 чел.; выборка 2 — количество выявленных в ходе социологического опроса постоянных и не постоянных потребителей наркотиков: 1 125 — 428 (присутствуют в выборке 1) = 697 чел.

Таблица 2

Выборка 1	Выборка 2	Количество
1	2	1 524
2	1	697
2	2	x

Обработав в программе SPSS statistics 17.0, получаем следующую таблицу (табл. 3).

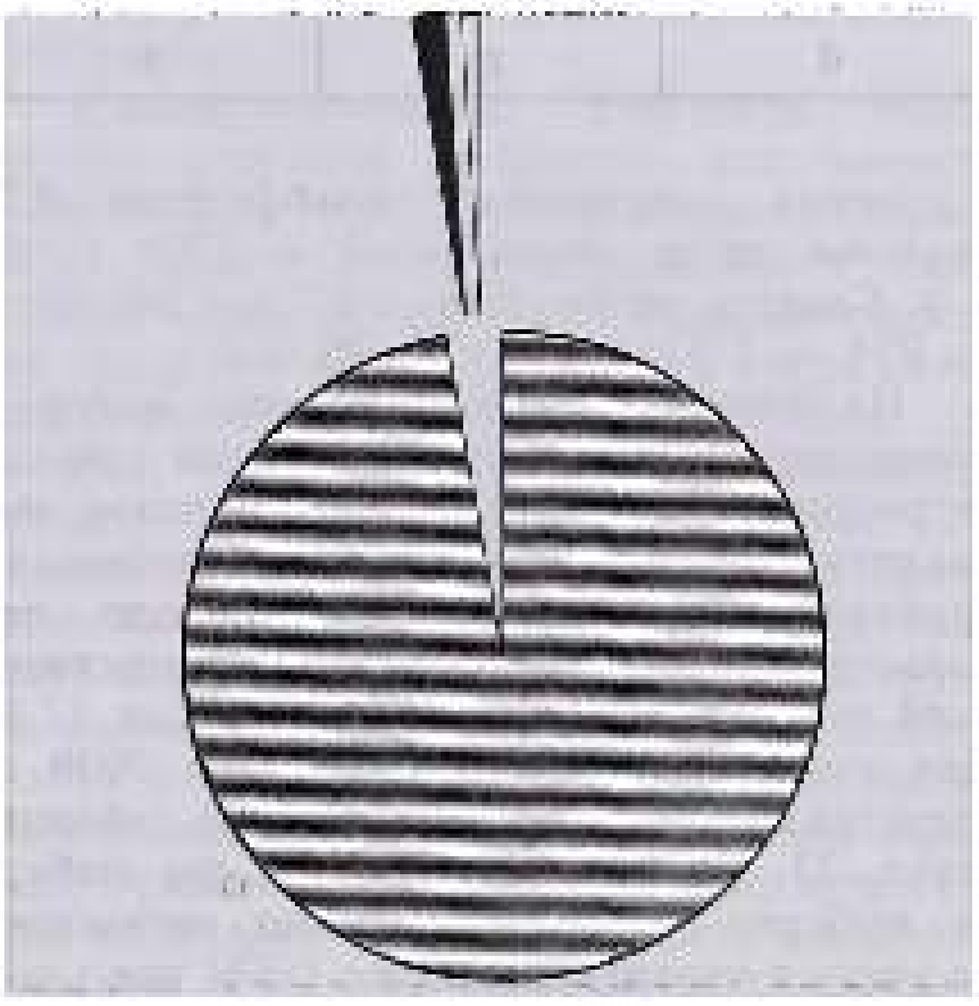
Таблица 3

	Неизвестное число	Всего	ДИ 95 %	Население РМ (11 – 40 лет)	Распространенность на 100 тыс. населения	ДИ 95 %
Потребители	3 318	5 536	5 259 – 5 813	340 289	1 626,8	1 546 – 1 708

Подсчет неизвестного числа. Программа SPSS указала диапазон неизвестной величины (приблизительно от 700 до 1 500 чел.). В Ms Excel мы высчитали среднее значение — 1 100 чел., т. е. эти люди не попали ни в одну из выборок и являются скрытыми потребителями наркотических средств. Складываем: 1 524 + 697 = 2 218. Далее узнаем неизвестное число: 2 218 + 1 100 = = 3 318. Всего: 3 318 – 2 218 = 5 536, т. е. ре-

альное число потребителей по РМ в 2009 г. — 5 536 чел. Рассчитываем поправочный коэффициент по РМ, т. е. соотношение предполагаемого числа потребителей наркотиков к числу состоящих на учете в 2009 г.: 5 536 : 1 524 = 3,6.

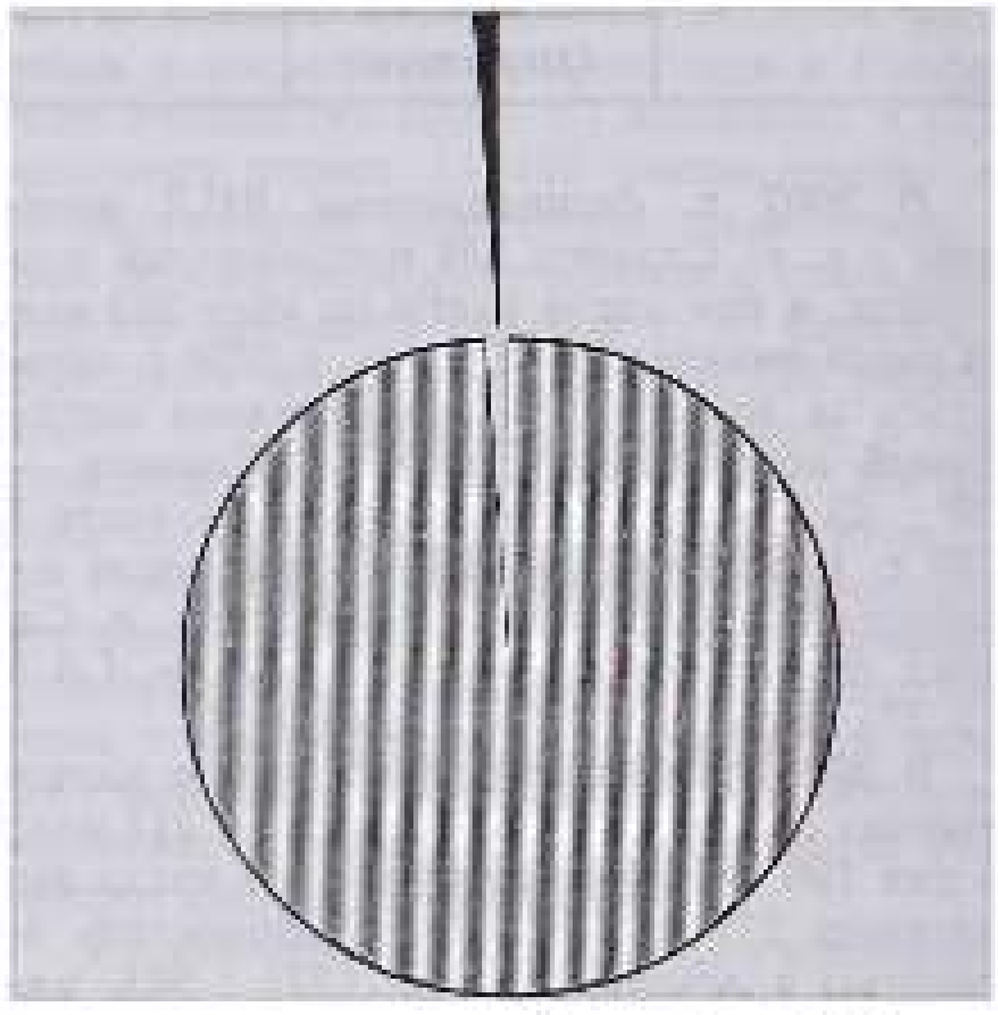
Полученные данные позволяют нам выявить соотношение чисел потребителей наркотиков в РМ, рассчитанных по перекрестной таблице и социологическим методом в программе SPSS. Соотношение числа потребителей наркотиков в РМ, рассчитанных РНД эпидемиологическим методом с помощью перекрестной таблицы (1 524 × 3,7 = 5 638 чел.) и социологическим методом в программе SPSS (5 536 чел.) к численности населения возраста 11—40 лет, свидетельствует о масштабах распространенности немедицинского употребления наркотических средств в РМ в 2009 г. (рисунок).



■ Численность населения (11—40 лет) РМ

■ Число потребителей наркотиков в РМ, рассчитанных в программе SPSS

□ Число потребителей наркотиков в РМ, рассчитанных РНД с помощью перекрестной таблицы



■ Численность населения (11—40 лет) РМ

■ Число потребителей наркотиков в РМ, рассчитанных РНД с помощью перекрестной таблицы

Рисунок. Распространенность немедицинского употребления наркотических средств в РМ

Как видим, доли потребителей наркотических средств в РМ в 2009 г., выявленные разными методами, не имеют серьезных различий.

Таким образом, сочетание различных методических подходов в изучении социальной дезорганизации дает возможность определить поправочный коэффициент (соотношение известного и скрытого числа) для расчета реальной численности социальных девиантов и определить масштабы социальной дезорганизации и ее тенденции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Амен А. Ф.** Проблемы профилактики наркомании в молодежной среде / А. Ф. Амен, М. В. Жукова, Е. В. Фролова // Педагогика. — 2004. — № 4. — С. 21—29.

2. **Кошкина Е. А.** Современные эпидемиологические методы мониторинга распространенности употребления наркотиков : Нац. науч. центр наркологии / Е. А. Кошкина, В. В. Киржанова, Ю. Н. Ружников [и др.] ; науч. ред. : М. Г. Цетлин. — М., 2005. — 245 с.

Поступила 13.07.11.

АМЕРИКАНСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

А. М. Абрамов

В статье анализируется американская инновационная система и американская институциональная система инновационной деятельности. Особый акцент делается на элементах институциональной системы инновационной деятельности.

На протяжении последних двадцати лет в России не существует целостной национальной инновационной системы, применяемые государственные инструменты региональных и федеральных властей носят «разрозненный» характер. Доказательством является конечный результат инновационной деятельности – доля инновационной продукции. В настоящее время инновационная продукция занимает в ВВП России меньше 1 %, а в Италии, Испании, Португалии – от 10 до 20 %, в Финляндии – 30 % [3]. Если не произойдет коренного перелома, то Россия никогда не сможет стать развитой страной и выйти в мировые лидеры. Последние несколько лет государством и обществом была осознана необходимость инновационного развития и взят курс на модернизацию. Особое значение в данном процессе отводится созданию эффективной национальной инновационной системы (НИС).

В институциональном аспекте НИС представляет собой комплекс институтов, участвующих в создании, производстве, передаче и использовании новых знаний (фирмы, элементы технологической и экономической инфраструктуры, научно-исследовательская система), а также элементы, непосредственно и опосредованно влияющие на инновационный процесс (государственная экономическая политика, система образования и переподготовки, конкурентные рынки, финансовая и информационно-телекоммуникационная системы и т. д.) [6]. Организационно-функциональная и экономическая инфраструктура НИС должна координировать все составляющие инновационной деятельности, содействуя адаптации промышленности, науки и образования к рыночным условиям, обеспечивать саморазвитие научно-технической и промышленной сфер [4, с. 108].

Положительный опыт создания эффективной НИС имеется у США. Именно поэтому в статье рассмотрены и проанализированы основные элементы американской инновационной системы и элементы американской институциональной системы инновационной деятельности.

В 1970-х гг. процесс инновационной деятельности состоял из этапов:

– исследования, проходившего в лабораториях университетов или научно-исследовательских институтов и обычно финансируемых крупными компаниями, агентствами штата или федерального правительства;

– внедрения в технологическую систему, проходившего на основе экспериментальных отделов крупных компаний, с участием ученых высшей школы;

– коммерциализации разработок крупными компаниями.

Данный процесс характерен для гражданской продукции. Процесс инновационных разработок в военной сфере проходил в специальных лабораториях под жестким контролем специальных органов.

В 1970-х гг. появлялись инновационные разработки, ставшие результатом взаимосвязи университетов и промышленных предприятий. Особой ценностью являлось неформальное общение между рабочими предприятий и учеными из университета. В процессе производства перед рабочими возникали определенные технологические проблемы, кроме этого они на практике сталкивались с техническим несовершенством многих технологий. Общаясь и обмениваясь опытом и уникальной информацией, ученые получали материал для дальнейших исследований и заказ со стороны руководителей промышленных предприятий. В 80-х и 90-х гг. XX в. процесс был затруднен из-за крайней «зарегулированности».

С началом XXI в. в университетах и других институтах высшего образования наметилась тенденция к активизации инноваа-

© А. М. Абрамов, 2011

* *Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2010–2013 годы». Государственный контракт № 14.740.11.0225.*

ционной деятельности. Параллельно этому процессу происходит формирование мелких и средних компаний, разрабатывающих и внедряющих новые технологии. Одной из крупных структур по выпуску специалистов, занимающихся в этой области, является Программа по предпринимательству и инновациям (Sloan Program) при Массачусетском технологическом институте (Massachusetts Institute of Technology) [2, с. 56].

Современными элементами американской институциональной системы инновационной деятельности являются:

1. Национальные системы конкурсов, которые проводятся, как правило, общественными организациями. Эффективными среди них являются конкурсы идей и венчурных проектов. Итогом становятся поддержанные проекты, наработанные контакты, развитие экономической культуры, создание атмосферы конкуренции, которая является важнейшей составной частью инновационной культуры. Примером является MIT$100K (mit100k).

2. Элементы инновационной инфраструктуры. Центром инновационной системы являются университеты-технопарки. Суть системы — свести деньги с идеями.

Институты венчурного капитализма создают условия доступности большого объема денег на открытом рынке, этим пользуются создатели инновационных компаний. Бизнес-ангелы делят все идеи и продукты на три категории: 30—50 тыс. долларов за идею за бизнес-план, 500 тыс. долларов за бизнес-план за прототип, 1 млн долларов за прототип на внедрение. Основные компетенции венчурных капиталистов: высокая готовность рисковать деньгами, умение оценивать перспективность идей, четкая оценка риска и стоимости бизнеса на каждом этапе развития, доступ к дешевым и долгим деньгам (пенсионные фонды, инвестиционные банки и т. д.).

Основными институциональными генераторами идей выступают лучшие американские университеты, большинство из которых частные. В США существует разделение университетов на «высшую лигу» и «всех остальных». Университеты «высшей лиги» — это известные на весь мир мировые центры образования, науки. Внутри исследовательского университета инновационная цепочка включает в себя:

– *систему отбора выпускников школ.* Отбор производится преимущественно заочно на базе общенациональных тестов, академической успеваемости в школе, письменной работы, отражающей идеи, которые абитуриент хотел бы реализовать, а также развернутого резюме, включающего характеристики его талантов и жизненных достижений за пределами академической успеваемости. Задача — отобрать наиболее талантливых и активных студентов;

– *обучение.* В процессе обучения много внимания уделяется дискуссиям и критическому анализу идей, созданию атмосферы свободного диалога, где ни одна точка зрения не отвергается «с порога», но при этом подвергается сомнению и критическому анализу. В ведущем технологическом вузе страны — Массачусетском технологическом институте (МТИ) — большое внимание уделяется внедрению форм активного обучения, а также «обучения через действие» и компьютерного моделирования. Одним из важных частей процесса подготовки инноваторов является обучение технологиям групповой работы и интеллектуального штурма.

В первый год или два года пребывания в университете студенты не имеют жесткой специализации. Это время посвящено освоению фундаментальных областей знания (естественные науки, общественные и гуманитарные науки), развитию кругозора и формированию общих и системных компетенций. Определение по факультетам происходит к концу первого (например, МТИ) или второго (например, Стэнфорд) года обучения на основе механизма, напоминающего внутреннюю биржу труда (студент выбирает факультет, факультет выбирает студентов). С учетом более позднего поступления в вуз с 18 лет эта система предполагает, что выбор специальности осуществляется в 19—20 лет. Это обеспечивает большую осознанность выбора. В большинстве своем обучение является платным. И хотя талантливый абитуриент может не иметь личных средств для обучения (банки выдают кредиты на обучение только на основании факта зачисления в престижный вуз), он понимает, что, так или иначе, он рискует собственными деньгами, делая выбор. Образовательные кредиты пользуются популярностью ввиду высокой стоимости высшего образования и невозможности семьи со средним достатком оплатить его. Трехуровневая система подготовки (бакалавр, магистр, доктор) делает ее гибкой и в национальном масштабе менее затратной. Человек, как правило, получает бакалавриат в одном университете, магистратуру — в другом, а докторскую степень — в третьем, благодаря чему достигается обмен между представителями различных научных школ и особенностей подготовки в каждом из университетов, а также прививает легкость пере-

менты образа жизни (социальную мобильность);

— *проживание*. Большинство студентов живут вне дома — в кампусе. Это дешевле, чем арендовать жилье. Положительным результатом проживания в кампусе выступают: большая самостоятельность студентов, большая плотность контактов и обмена информацией;

— *вовлеченность в практическую деятельность по специальности*. Она достигается через развитую систему обязательных исследовательских курсов, практик и стажировок, привлечение в качестве ассоциированных профессоров лучших практиков, большой объем учебной нагрузки (около 50 %), приходящейся на работу в лабораториях и опытных предприятиях университета. Крупные компании ежегодно в летнее время нанимают на конкурсной основе магистрантов и аспирантов на 6—12 недельные практики, где они работают над исследованиями, в которых заинтересована компания. Интеграция бизнеса и высшей школы создает новые формы организационных структур, примером служит Biodesign Innovation Program при Медицинском центре в Стэнфорде. Целью подобных лабораторий является достижение надлежащего уровня практического опыта специалиста, который позволит группе специалистов определять технологические проблемы в своих областях деятельности, чтобы впоследствии найти решение этих проблем;

— *исследования*. Лучшие университеты имеют в своем составе мощные современные лаборатории, в которых осуществляются реальные фундаментальные и прикладные исследования, финансируемые не только за счет университета, но также за счет грантов исследователям и исследовательским коллективам, благотворительных пожертвований, заказов со стороны государства и бизнеса. Крупнейшие университетские лаборатории (например, лаборатория нанотехнологий в университете Беркли) имеют общенациональный статус, там работают магистранты и аспиранты со всей страны под руководством лучших профессоров;

— *университетскую систему продажи инноваций*. Одна из важных точек соприкосновения венчурного капитализма с университетами включает в себя бюро по патентованию и лицензированию инноваций в масштабе всего университета. Далее бюро продает инновации бизнесу, размещая информацию в Интернете, проводя конференции или адресные переговоры. Продажа осуществляется крупной компании либо в форме start up венчурному бизнесу. Доходы от продажи лицензий делятся примерно в равных долях между университетом, факультетом и изобретателем. Авторские права на 100 % принадлежат университету, этот пункт специально закрепляется в уставе университета и трудовых договорах с преподавателями. Второй составной частью системы продажи университетских инноваций является консалтинговое агентство, которое помогает готовить бизнес-планы для start up. Важная функция системы — навигация для бизнеса, которому она представляет экспертную информацию об инновациях и перспективах их использования. Существование такой объединенной в масштабе университета системы выгодно самому университету (прибыль и статус), изобретателям (лучшая переговорная позиция во взаимоотношении с компаниями, дополнительные бесплатные сервисы) и бизнесу (навигация, репутация контрагента, снижающая риски для венчурного бизнеса);

— *бизнес-школу*, которая выполняет функции не только одного из факультетов университета, но и важного элемента университетской инновационной системы, распространяя в нем культуру коммерческого отношения к делу и концентрируя внутри себя как академических экспертов в области экономики и бизнеса, так и ассоциированных бизнесменов и менеджеров крупных компаний. Таким образом, бизнес-школа выполняет своеобразную функцию посредника на уровне институтов и личных контактов между бизнесом и университетом. Интенсивность образовательного процесса в программах по бизнесу, администрированию и управлению намного выше, чем в данном университете на других курсах, именно поэтому к процессу обучения приступают только наиболее талантливые и работоспособные студенты. Образовательные программы данного типа включают в себя различные методики, способствующие формированию определенного мышления и личностных качеств. К таким методикам относятся: неформальное общение между студентами и преподавателями, продолжающееся после занятий; техники, дающие студентам чувство избранности и ценности сообщества, к которому они принадлежат; постоянное подчеркивание необходимости саморазвития и жизненного успеха; общение с состоявшимися предпринимателями, которое происходит систематически и вводит студентов в новые сферы бизнеса и управления; применение восточных методик психофизической тренировки и т. д.;

— *университетские венчурные фонды*. Некоторые крупные университеты (напри-

мер, Стэнфорд) обладают крупным венчурным капиталом до 700 млн долларов.

Частью американской инновационной системы выступают крупные компании. Внутри них существуют подразделения, занимающиеся внедрением и выводом на рынок новой продукции (бизнес-группы) во временной перспективе от 1,5 – 3 лет и лаборатории, работающие над технологиями, которые могут быть внедрены через 5 – 10 лет. Между ними существуют внутрикорпоративные бизнес-инкубаторы, которые заняты разработкой опытных образцов новой продукции на базе новых технологий.

Очень важна инфраструктурная характеристика — плотность социальных сетей. Все компоненты существуют одновременно в концентрированном виде на локальной территории (например, «Силиконовая долина», Бостон). Они тесно переплетены друг с другом, причем не только на институциональном уровне, но и на уровне человеческих контактов. По масштабам своей деятельности они могут рассматриваться как регионы науки. Три самых известных из них — «Силиконовая долина» (Silicon Valley), «Бостонский маршрут-128» (Rout-128), «Северокаролинский треугольный парк» (Triangle Park). Эти технопарки прошли уже все стадии развития, характерные для таких территорий, и достигли полной зрелости [1, с. 6]. Такие территориальные технопарковые структуры побудили к созданию подобных структур в других штатах Америки и странах мира. «Силиконовая долина» — зона с самой высокой концентрацией дислокации компаний hi-tech, которая и сейчас продолжает свое успешное развитие. Это крупнейший в США и самый известный в мире технопарк, производящий 20 % мирового объема средств вычислительной техники и компьютеров. Именно здесь, по оценкам разных экспертов, сосредоточено 15 % промышленного и 30 % конструкторского потенциала всей мировой информатики [5, с. 17 – 39].

3. Развитая законодательная база: сильное патентное право и антимонопольное законодательство, либеральное законодательство о банкротстве, налоговая система, стимулирующая прирост капитала. Мгновенная заявительная регистрация, прозрачная для собственника и инвестора, позволяющая привлекать финансирование за долю в компании, которая делает процедуру защищенной для тех, кто даст деньги, и для тех, кто отдает долю.

4. Информационная инфраструктура: государственные аналитические и статистические публикации, частные отраслевые журналы, интернетовские конференции и другие элементы.

5. Особая новаторская и бизнес-культура, в которую входят такие черты, как:

— *социальная мобильность*. Готовность переехать туда, где условия жизни, ведения бизнеса, уровень образования лучше, при этом полагаться только на собственные силы;

— *отсутствие боязни начинать start up, склонность к риску*. Сознание работает на достижение успеха, если что-то не получается, это рассматривается как опыт, который пригодится в будущих проектах. Идет бесконечный поиск новых возможностей, идей;

— *сочетание конкуренции и сотрудничества*. Сотрудничество и взаимодействие между фирмами развито до необычайной степени. В то же время, уход из компании и создание компании конкурента не воспринимаются как предательство;

— *система мотивации*. Продвижение по карьерной лестнице осуществляется после достижения определенных результатов (опыт работы, возраст не имеют существенного значения). Сотрудники могут получить пакет акций компании, что помогает им эффективнее работать.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что основную роль в американской инновационной системе имеют взаимосвязи между институтами — элементами институциональной системы инновационной деятельности. Инновационное развитие является результатом сложных взаимных связей, формировавшихся между составными элементами инновационной системы (предприятиями, университетами и др.) на протяжении десятков лет. Стоит отметить, что процесс институционализации инновационной деятельности в США носил сложный характер и происходил под воздействием либеральных ценностей и рыночной экономики. Американская инновационная система показывает свою эффективность на протяжении уже нескольких десятков лет, доказательством этого является самая высокая доля наукоемкой продукции в ВВП, самое большое количество нобелевских лауреатов и др. Именно поэтому России необходимо более детально изучить опыт США. Институциональные преобразования в НИС — важнейший момент повышения конкурентоспособности российской экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Арефьев П. В.** Институциональные различия становления инновационной инфраструктуры в мире и особенности ее формирования в России / П. В. Арефьев, Г. А. Барышева // Изв. Том. политехн. ун-та. Серия «Экономика» [Томск]. — 2009. — Т. 314, № 6. — С. 5—12.

2. **Игнатов И. И.** Современные тенденции развития инновационного образования в США / И. И. Игнатов // Наука. Инновации. Образование. Вып. 4. — М. : Знак, 2008. — С. 43—58.

3. Независимая газета : общеполит. газ. — 2007. — 24 янв.

4. **Своеволин В. Ю.** Формирование инновационной экономики России как основы постиндустриального общества : институционально-эволюционный подход / В. Ю. Своеволин // Journal of Institutional Studies (Журн. институциональных исслед.). — 2010. — Т. 2, № 1. — С. 100—111.

5. **Appold S. J.** Location patterns of US industrial research : Mimetic isomorphism and the emergence of geographic charisma / S. J. Appold // Reg. studies. — Oxford etc., 2005. — Vol. 39, № 1. — P. 17—39.

6. **Lundvall B. A.** National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / B. A. Lundvall. — L. : Pinter Publishers, 1992. — 342 p.

Поступила 13.07.11.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

И. М. Фадеева, Е. В. Тихонова

В статье предпринимаются попытки определения уровня доверия населения Республики Мордовия к сфере банковских услуг. В данной работе отражены результаты полевого исследования, проведенного в марте 2011 г.

Доверие в настоящее время стало одним из наиболее часто используемых понятий при описании социальных и экономических отношений в современной России. Оно является одним из составляющих компонентов устойчивости общественных отношений. Выступая сложным общественным феноменом, доверие имеет многоуровневую природу. Доверие сегодня считается одной из востребованных тем в философии и социально-экономических науках, поскольку этот фактор выступает социальным механизмом, обеспечивающим не только социальное развитие и социальный порядок, но и эффективность экономической деятельности субъектов рынка.

В социологической науке существует своя позиция при объяснении феномена «доверие». В работах русских социологов (Н. И. Кареев, Н. М. Коркунов и др.) категория «вера» рассматривается чаще всего как религиозный аспект, а понятия «вера» и «доверие» употребляются чаще всего как синонимы.

В понятии «доверие» принято отражать практику повседневных отношений между людьми. В этой связи в социологических исследованиях при изучении самых различных проблем отечественные ученые довольно часто обращались к явлению доверия, указывая на его чрезвычайную важность для установления позитивных отношений между людьми.

Анализ научной литературы (Н. Луман, Э. Гидденс, Д. Коулмен, А. Смит, А. Маршалл и др.), посвященной проблеме социального доверия, дает основания выделить два подхода к изучению данного феномена. В рамках первого направления социальное доверие выступает показателем межличностного доверия на макроуровне и является отражением культуры доверия к социальному капиталу общества (Н. Луман, Э. Гидденс, Д. Коулмен и др.). Во втором, социально-психологическом подходе, обобщенное доверие рассматривается как предрасположенность к нему (А. Смит, А. Маршалл).

В рыночных условиях доверие наполняется экономическим содержанием, поскольку именно оно придает дополнительную психологическую ценность продукции и услугам организации, увеличивает удовлетворенность потребителей, противодействует конкурентам, выступает поддерживающим фактором во время кризиса, привлекает инвесторов и партнеров.

Любая крупная компания (организация) должна заслужить доверие со стороны общества. Рост конкуренции на рынке услуг заставляет руководство банковских организаций заботиться о том, как они воспринимаются обществом. Сегодня ни для кого не секрет, что создание партнерских отношений помогает потребителю воспринимать деятельность банка и его услуг не только с точки зрения коммерческого продукта, но и тех социальных эффектов, которые они имеют. Для этого потребитель сравнивает деятельность различных организаций банковской сферы, выделяет те или иные их отличия, оценивает привлекательность и надежность, которые в последующем выражаются в доверии.

В банковской сфере доверие со стороны клиента является главным условием успешного бизнеса, не случайно именно в этой сфе-

© И. М. Фадеева, Е. В. Тихонова, 2011

ре уделяется повышенное внимание деловой репутации и репутационным рискам. Почти половина (44 %) респондентов по всему миру заявляют о том, что их уровень доверия к банковскому сектору за 2010 г. снизился. Таковы данные исследования компании Ernst & Young (E&Y) «Новая эра клиентских ожиданий», в рамках которого были опрошены более 20,5 тыс. клиентов банков [1]. Данное явление связано с произошедшим в 2009 г. мировым финансовым кризисом.

Многие эксперты связывают перспективы дальнейшего развития банковской системы России с качественным и количественным ростом розничного сектора финансовых услуг. Очевидно, что по мере насыщения рынка и удовлетворения потребительского спроса конкуренция между банками будет возрастать, а услуги — унифицироваться. В этой ситуации будут выигрывать те банки, которые смогли сформировать доверие к себе.

Банковская система Республики Мордовия за последние 20 лет стремительно развивалась и укреплялась, продолжая тенденцию роста до октября 2008 г. Ухудшение ситуации в банковской сфере обозначилось в середине октября 2008 г. Стал наблюдаться значительный отток денежных средств населения с банковских счетов, большинство коммерческих банков республики приостановили выдачу кредитов. В это время также была практически приостановлена ипотечная программа.

Ситуация за два года несколько выровнялась. И в марте 2011 г. нами было проведено исследование с целью определения уровня доверия населения Республики Мордовия к сфере банковских услуг. В опросе приняли участие физические лица — потребители услуг Саранского филиала банка «Возрождение». Общий объем выборки составил 100 респондентов в возрасте от 20 до 70 лет. Основными конкурентами банка «Возрождение» на рынке РМ, по мнению респондентов, выступают: Сбербанк России, АККСБ «КС Банк», ОАО АКБ «Актив Банк».

Среди критериев, определяющих выбор банка, лидирующее место занимают удобство месторасположения и надежность — по 33 % соответственно. Менее важными факторами респонденты считают известность банка и его успешную политику. Также опрошенными были отмечены следующие позитивные, на их взгляд, факторы: отсутствие поручительства и «навязывания» услуг данного банка работодателем или учебным заведением. У большинства населения Республики Мордовия банк «Возрождение» ассоциируется с надежностью (44 %) и безопасностью (28 %). Среди других факторов отмечены стабильность, качество, которые проверено временем. Для оценки услуг банка был предложен ассоциативный эмоционально окрашенный ряд, из которого респонденты выбрали следующие: «гармония», «спокойствие», «уравновешенность».

Слоган банка «Возрождение»: «Банк, который всегда с тобой». Он вызывает достаточно высокий уровень доверия среди опрошенных (50 %). Наименьший уровень доверия вызывает слоган Сбербанка России: «Всегда рядом» (10 %). На наш взгляд, это вызвано психологическим фактором восприятия слогана, который индивидуализирует услуги банка, приближает их к конкретному клиенту (табл. 1).

Таблица 1

Доверие потребителей банковских услуг к слоганам банков

Наименование банка	Слоган банка	Доля респондентов, %
Банк «Возрождение»	«Банк, который всегда с тобой»	50
Сбербанк России	«Всегда рядом»	10
«Альфа-Банк»	«Банк для смелых людей»	20
АККБ «КС Банк»	«Открыт для каждого»	20

По мнению респондентов, залогом доверительных отношений выступают престиж и репутация банка в Республике Мордовия (27 %), возраст банка (23 %), многолетнее пользование определенными банковскими продуктами в семьях клиентов (15 %), а также их отзывы о деятельности данного банка (15 %).

Рассматривая основные факторы привлекательности банка на финансовом рынке, была предложена шкала (от 1 до 5 баллов), где присутствовали определенные характеристики банка (табл. 2).

Таблица 2

Основные факторы привлекательности Саранского филиала банка «Возрождение»

Фактор	Оценки респондентов, баллы
Престижность банка	3,5
Надежность банка	4,3
Обязательность банка	3,7
Информационная открытость	3,8
Проводимые банком социальные акции	2,7
Удовлетворенность соотношением «цена — качество»	3,2
Фирменный стиль банка	3,9
Филиальная сеть	4,2
Культура обслуживания	4,3
Материально-техническое оснащение (работающие компьютеры, терминалы)	3,8
Скорость обслуживания (отсутствие очередей)	3,2
Скорость обратной связи (принятия решений)	3,4
Внешний вид персонала	3,9
Компетентность персонала	3,7
Уровень требовательности руководства банка к персоналу	4,1

Анализ показывает, что наивысший балл получили такие характеристики, как надежность банка (4,3) и культура обслуживания (4,3). На последнем месте оказался такой фактор, как «проводимые банком социальные акции» (2,7).

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что Саранский филиал банка «Возрождение» воспринимается потребителями как банк с достаточно высоким качеством обслуживания и уровнем надежности по сравнению с конкурентами. В 2007 г. банк был удостоен премии «Компания года — 2007» в номинации «Репутация и доверие», что говорит о достаточно высокой престижности банка и уровня доверия клиентов.

Банк «Возрождение» последовательно реализует политику социальной ответственности в регионах, где осуществляют деятельность филиалы банка, с каждым годом расширяя их направленность. Реализуя множество благотворительных и спонсорских программ в сфере культуры, социального развития, спорта и образования, банк рассматривает их не как дань моды, а как продолжение тех же принципов, которых придерживается в ведении бизнеса, — принципов внимательного и чуткого отношения к клиентам и партнерам. Однако значительная информация остается внутренней до тех пор, пока о ней не узнает общественность. На основе результатов исследования можно сделать вывод о том, что общественность не достаточно осведомлена о тех социальных акциях, которые проводятся банком. Следовательно, руководству банка необходимо уделять больше внимания вопросам информирования через средства массовой информации о его деятельности и проводимых мероприятиях, размещая статьи не только рекламного, но и социального характера.

Существуют определенные барьеры, препятствующие развитию доверительных отношений между банком и его клиентами. По мнению респондентов, главным фактором складывающейся ситуации в банковской сфере является экономическая нестабильность в стране (39 %). На втором месте — отсутствие развитых традиций, опыта доверия, а также отсутствие у руководства понимания социального эффекта доверительных отношений (по 15 % соответственно).

В СМИ (в том числе и в региональных) довольно часто отражается информация о развитии и деятельности банков и их филиалов. Наряду с позитивной может отражаться и негативная информация. При этом отноше-

ние к исследуемому банку при появлении негативных публикаций изменится у 50 % опрошенных, и у такого же количества респондентов она останется неизменной. В свою очередь доверие к банку могут снизить такие факторы, как нестабильность стоимости услуг, непрофессионализм сотрудников и ставки по кредитам, депозитам (табл. 3).

Таблица 3

Факторы, снижающие доверие к банкам

Фактор	Доля респондентов, %
Непрофессионализм сотрудников	42
Нестабильность стоимости услуг	41
Ставки по кредитам, депозитам	17
Отзывы	0

В настоящее время большую часть респондентов устраивает обслуживание в отделениях изученного банка. Однако, по их мнению, в своей деятельности банку необходимо в первую очередь улучшить тарифную сетку (54 %) и уровень обслуживания (23 %) (табл. 4).

Таблица 4

Факторы, нуждающиеся в улучшении, по мнению респондентов

Фактор	Доля респондентов, %
Тарифная ставка	54
Уровень обслуживания	23
Информирование потребителей	15
Развитие филиальной сети	8
График работы	0
Спектр услуг	0

При возникновении ситуаций, когда работа банка и обслуживание в нем респондентов не устраивали, 70 % из них никуда не обращались. Только 10 % писали жалобу на сайте банка, 20 % высказывали свои недовольства непосредственно в отделении.

В связи с высокой скоростью развития сети Интернет происходит «втягивание» все большего количества людей в среду использования интернет-технологий и ресурсов. Сайт — одно из современных средств передачи информации, важнейшее коммуникативное средство, дающее большие возможности в области поиска и привлечения клиентов. В настоящее время многие компании используют данный ресурс в рекламных целях.

Несмотря на развитие данного вида коммуникации, 70 % опрошенных клиентов банка «Возрождение» не посещают сайт банка, 10 % посещают его крайне редко, 10 % используют его редко и только 10 % пользуются сайтом активно.

Таким образом, самым важным для клиентов при формировании доверия к банку в лице его работников является «качество обслуживания». Потребители ожидают от персонала квалифицированной консультации, точности и скорости выполнения операций, а также высокой культуры общения. Поскольку требовательность клиентов к качеству обслуживания возрастает, банку необходимо уделять этому фактору большое внимание. Среди критериев оценки персонала также немаловажным является «ответственность» персонала. Следовательно, потребители хотят иметь дело с профессиональными сотрудниками банка.

Оценивая фактор доверия банку, больше доверяют банку женщины (100 %), чем мужчины (60 %). Общее же число выразивших доверие банку составляет 80 %. Если экстраполировать данную ситуацию на всю сферу банковских услуг, то следует признать, что уровень доверительных отношений населения к банкам Республики Мордовия доста-

точно высок. Банковскими услугами пользуются в большей степени потребители, состоящие в браке (в том числе в гражданском браке) — 70 %, имеющие высшее образование (50 %) и доход от 10 000 рублей (50 %). Стратегическим ориентиром в работе банка «Возрождение», на наш взгляд, должно являться удовлетворение потребностей (клиентов) на основе предоставления профессиональных услуг с наивысшей степенью надежности и качества.

Таким образом, для создания цивилизованных взаимоотношений и необходимого уровня партнерства необходимо понимать значимость доверия и развивать доверие между банками и их клиентами. Благодаря персональному подходу к каждому клиенту и наиболее «удобным» для потребителей условиям по всем предлагаемым продуктам банк будет заслуживать репутацию как надежного и стабильного.

Проблемы развития доверия связаны с особенностями современного состояния общества. В настоящее время существенно изменена природа доверия. Поведение современного человека в меньшей степени детерминировано внешними санкциями, традициями и безусловными авторитетами. Источником доверия в современном обществе уже не могут, как прежде, выступать родственные и религиозные связи. Природа доверия кроется в добровольном желании людей поступать в соответствии со своим опытом и личными ожиданиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. K & Y : Доверие населения к банкам в мире снижается [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusbalt.ru/business/2011/03/04/825390.html. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008—2009 гг. В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Т. И. Кирдяшкина

В статье представлены результаты мониторинга рынка труда Республики Мордовия в период обострения мирового социально-экономического кризиса. Исследована динамика изменения масштабов безработицы и неполной занятости. Определена роль государственного регулирования рынка труда посредством законодательных и программно-целевых механизмов.

В социологии труда к экономической социологии труд рассматривается с точки зрения его значения для развития общества в целом, социальных групп и отдельных индивидуумов как средство обретения целой совокупности статусов, с которыми неразрывно связана повседневная жизнь человека. При этом, экономические, психологические и правовые аспекты взаимосвязей индивидуумов и социальных групп в процессах, обусловленных трудовой деятельностью, характеризуются социально-трудовыми отношениями, где рынок труда является механизмом согласования интересов субъектов этого рынка [1, с. 316].

По определению Международной организации труда (МОТ), которого придерживаются многие зарубежные профсоюзы и специалисты по труду, рынок труда — это сфера, где предприниматели и трудящиеся совместно ведут переговоры, коллективные или индивидуальные, относительно заработной платы и условий труда. Данное определение носит институциональный характер, т. е.

© Т. И. Кирдяшкина, 2011

ориентируется на трудовые отношения и механизмы установления цены труда. Рынок труда как элемент рыночных отношений является одним из регуляторов и индикаторов благополучия общества в целом и эффективности социально-экономических преобразований [3, с. 26].

В настоящее время в России ставится цель формирования социально ориентированной рыночной экономики, в рамках которой занятость выступает в качестве механизма обеспечения конституционного права человека на труд и достойные условия жизни. При этом, рынок труда как важнейшая сфера социально-экономической жизни мгновенно реагирует на изменения экономический ситуации в обществе.

Экономический кризис, начавшийся осенью 2008 г., в Республике Мордовия привел к более чем двукратному росту безработицы (с 2,4 % в 2008 г. до 5,4 % в 2009 г.). За 2009 г. общая численность безработных, учитывая незанятых, ищущих работу самостоятельно, без обращения в службы занятости (в соответствии с методикой МОТ они классифицируются как безработные), составила 25,2 тыс. человек, или 5,4 % от экономически активного населения [2].

По оперативной информации Госкомзанятости в течение 2009 г. в качестве безработных зарегистрированы 17,7 тыс. человек, что в 1,8 раза больше, чем в течение 2008 г. В 2009 г. в Мордовии численность безработных граждан, состоящих на регистрационном учете, увеличилась на 2,8 тыс. человек (на 54,8 %) и составила 8,0 тыс. человек (на 1 января 2010 г.). Уровень регистрируемой безработицы в республике, по данным на 1 января 2010 г., — 1,7 % от численности экономически активного населения, что на 0,6 процентных пункта выше уровня безработицы соответствующего периода 2009 г.

Темпы роста безработицы были максимальными в мае—июне 2009 г. К третьему кварталу 2009 г. численность официально зарегистрированных безработных увеличилась почти в 1,5 раза по отношению к началу 2009 г. В августе наметилось некоторое снижение численности безработных. Однако уровень общей безработицы за данный период значительно увеличился и к концу 2009 г. составил 220,2 % к предыдущему периоду. Следующая волна роста безработицы началась в декабре 2009 г., в течение месяца темп роста составил 108 %, к началу 2010 г. — 154,8 %.

За период с 1 сентября 2008 г. по 1 января 2010 г. при увеличении фактической численности безработных женщин произошло значительное снижение их доли (с 66,8 до 60,6 %) в общей численности безработных граждан. Подобная динамика отмечается и среди других наиболее уязвимых категорий населения за аналогичный период. В том числе, произошло снижение доли сельского населения среди безработных при увеличении численности (с 44,1 до 40,7 %), которое объясняется низкой численностью трудоспособного населения и меньшей интенсивностью движения рабочей силы на селе.

В течение 2009 г. произошло увеличение доли (с 19,3 до 23,8 %) и численности (с 997 до 1 901 человек) безработной молодежи, являющейся наиболее уязвимой категорией на рынке труда. Таким образом, негативные процессы на рынке труда привели к значительным социальным последствиям, отразившимся в первую очередь на наиболее уязвимых группах населения, поскольку потеря занятости это не просто потеря дохода, это выпадение из сети привычных сообществ и снижение качества жизни.

Снижение объемов производства, оказания услуг, приостановка деятельности предприятий привели к увеличению масштабов неполной занятости работников. Практически все промышленные предприятия в той или иной степени отреагировали на кризис сокращением штатов, вынужденными отпусками и неполным рабочим днем.

Максимальное значение показателей наблюдалось в январе 2009 г., когда в режиме неполной рабочей недели работали 10,7 тыс. человек, находились в простое 7,3 тыс. человек, в отпусках без сохранения заработной платы — 0,5 тыс. человек. По состоянию на 29 декабря 2009 г. в 79 организациях республики были установлены режимы вынужденной неполной занятости для 6,3 тыс. человек. Из них 0,3 тыс. человек находились в простое, 0,3 тыс. человек — в отпусках без сохранения заработной платы, 5,7 тыс. человек работали неполный рабочий день. Наибольшие размеры неполной занятости отмечаются на предприятиях обрабатывающих производств.

По данным Госкомзанятости на 20 января 2010 г., с начала высвобождения (октябрь 2008 г.) были уволены 8 485 человек, 97 организаций ввели режим неполного рабочего времени для 7 122 работников (36,2 % от среднесписочной численности).

В 2009 г. выбытие работников на 28,3 % превышало прием новых кадров. Численность работников, принятых на рабочие места, снизилась по сравнению с 2008 г. на 15,6 % и составила 43,6 тыс. человек, численность выбывших — 58,5 тыс. человек. По

мнению В. В. Радаева, весьма существенны и причины, вызвавшие потерю работы. Здесь нужно отличать: добровольный уход «по собственному желанию»; выход на пенсию; или увольнение «по решению администрации». Последнее в свою очередь может означать временное высвобождение без разрыва трудовых отношений и окончательное увольнение — в результате сокращения самого рабочего места или с целью привлечь на него другого работника. Каждый случай утраты работы приводит к специфическим последствиям с точки зрения времени нахождения вне рынка труда и условий, на которых происходит возвращение к занятости [4].

В общей численности выбывших работников 74,1 % составляют уволившиеся по собственному желанию (за 2008 г. — 80,3 %). Рост численности работников, выбывших в связи с сокращением численности в 2009 г. составил 258,6 % к предыдущему году. Тогда как пиковое значение роста численности работников, находящихся в вынужденных отпусках и работающих в режиме неполного рабочего времени, приходилось на 2008 г. и составляло 300 % и 272,2 % соответственно к уровню 2007 г. Снижение спроса на труд или количества труда, которое работодатели желают нанять на данный период времени за определенную ставку заработной платы, также является показателем нарастания кризиса рынка труда. По данным Государственного комитета по труду и занятости РМ ежегодно заявленная работодателями потребность в работниках на конец года соответствовала или превышала уровень предыдущего года, а в 2008 г. данный показатель заметно снизился и составил 67,7 %.

Таким образом, в период 2008—2009 гг. явно прослеживается нарастание кризисных явлений на рынке труда, когда скрытая безработица постепенно перерастает в институциональную, что и подтверждается резким повышением уровня как общей, так и регистрируемой безработицы в 2009 г. на 2,3 п.п. и 0,5 п.п. соответственно.

Необходимым условием рыночной экономики является государственное регулирование рынка труда с целью минимизации отрицательных моментов рыночного механизма, в данном случае последствий социально-экономического кризиса. Это обусловлено тем, что в России в системе отношений между работодателями и работниками постоянно присутствует государство, которое в свою очередь также является крупным работодателем.

Регулируемый рынок труда характеризуется наличием широкой законодательной и нормативной базы, определяемой как непосредственно государством, так и соглашениями на разных уровнях между предпринимателями и трудящимися. Законодательная база, регулирующая рынок труда, включает в себя законодательные и нормативные документы федерального и местного уровня. Основными регулирующими документами являются: Конституция РФ, КЗоТ РФ, Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [2].

Механизмом реализации декларируемых в законодательстве целей выступает программная и нормотворческая деятельность государства в лице его исполнительных органов (министерств, ведомств, региональных органов). На республиканском уровне реализуются: «Республиканская целевая программа содействия занятости населения Республики Мордовия на 2009—2011 годы», Республиканская ведомственная целевая программа «Профессиональное обучение женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, на 2008—2011 годы», Ведомственная целевая программа «Профессиональное обучение безработных инвалидов на 2008—2011 годы» [2].

Для осуществления выработанной Правительством Российской Федерации политики по сохранению занятости населения постановлением Правительства Республики Мордовия от 12 января 2009 г. № 4 была утверждена «Программа дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда Республики Мордовия, на 2009 г.». В целях реализации Программы дополнительных мероприятий Правительство Республики Мордовия приняло все необходимые нормативно-правовые акты [2].

В связи с изменением ситуации в основных видах экономической деятельности, а также в организациях республики постановлениями Правительства Республики Мордовия от 29 июня 2009 г. № 290 и от 28 сентября 2009 г. № 414 внесены поправки в Программу, которые согласованы с Минздравсоцразвития России и Межведомственной рабочей группой по мониторингу ситуации на рынке труда Правительства Российской Федерации [2]. Для преодоления негативных последствий влияния мирового социально-экономического кризиса были утверждены подобные программы на 2010 и 2011 гг.

Среди мероприятий, вводимых с целью снижения социальной напряженности в трудовой сфере, используются следующие:

– опережающая переподготовка работников, находящихся под риском увольнения;

— направление на обучение;

— подготовка программ развития общественных и временных работ;

— временное трудоустройство молодежи;

— оказание услуг консультативного характера;

— содействие самозанятости безработных граждан.

Таким образом, функционирование рынка труда Республики Мордовия в период кризиса характеризуется: значительным расширением масштабов безработицы; обострением противоречий в сфере трудовых отношений и увеличение масштабов скрытой безработицы. При этом, активная государственная политика занятости является механизмом, обеспечивающим сохранение оптимального уровня безработицы, необходимого для поддержания стабильной социальной ситуации в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Генкин Б. М.** Экономика и социология труда : учеб. для вузов / Б. М. Генкин. — М. : Норма, 1998. — 384 с.

2. Государственный комитет Республики Мордовия по труду и занятости населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zangm.ru. — Загл. с экрана.

3. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения / под ред. Р. И. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. — М. : Экон. фак. МГУ, ТЕИС. — 2008. — 458 с.

4. **Радаев В. В.** Экономическая социология. Курс лекций : учеб. пособие / В. В. Радаев. — М. : Аспект Пресс, 1997. — 368 с.

Поступила 13.07.11.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ РАБОЧИХ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Е. И. Долгаева, М. А. Сургучева

В статье анализируются результаты социологических опросов, проведенных в 2009 и 2010 гг., рассматривается динамика социального самочувствия рабочих и степень их социальной адаптации к условиям мирового финансово-экономического кризиса.

Рабочие сыграли большую роль в истории страны, но их место в общественной жизни российского общества за последние 20 лет кардинально изменилось. Произошел переход от парадигмы рабочего класса как основы коммунистической идеологии к парадигме класса наемных работников как части капиталистической системы. В то же время эта социально-профессиональная группа остается одной из самых массовых и является перспективным объектом для социологических исследований.

Мировой финансовый кризис повлиял не только на экономическую ситуацию в России, но и на социальное самочувствие большинства ее населения. Негативные экономические тенденции больше всего отразились на производственных отраслях, вызвав безработицу и неполную занятость. Все эти проблемы не могли не проявиться в социальном самочувствии рабочих. Чтобы проверить это, в 2009 и 2010 гг. нами проведены два социологических исследования рабочих Ардатовского светотехнического завода (п. Тургенево Ардатовского района Республики Мордовия). Предприятие является одним из наиболее динамично развивающихся в России и Мордовии. Под его торговой маркой выпускается более 800 различных модификаций осветительных приборов. В производстве используются последние научные разработки, современные технологии мирового уровня.

© Е. И. Долгаева, М. А. Сургучева, 2011

На заводе трудятся более 1 000 человек. Продукцией «АСТЗ» оборудованы Бушерская атомная электростанция (Иран), Мутновская и Братская гидроэлектростанции, Балаковская и Калининская атомные электростанции.

Цель исследований, проведенных по единой методике, состояла в том, чтобы определить основные тенденции изменения социального самочувствия рабочих промышленного предприятия в условиях финансово-экономического кризиса. В каждом социологическом исследовании опрошены 105 респондентов с погрешностью измерения не более ±9 %. Выборка представляет состав рабочих завода по признакам пола и цеха. Метод сбора социологической информации — анкетный опрос по месту жительства респондента. Для более глубокого изучения некоторых оценок респондентов в 2010 г. применен метод неформализованного интервью (15 человек).

Оценка рабочими своей жизни в целом за время кризиса стала существенно оптимистичнее. Например, по сравнению с 2009 г. респонденты в три раза чаще оценивали свою жизнь позитивно (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?», %

Варианты ответов	2009 г.	2010 г.
Вполне устраивает, по большей части устраивает	5,7	20,9
В чем-то устраивает, в чем-то нет	54,3	59,0
По большей части не устраивает, совершенно не устраивает	34,3	16,2
Затрудняюсь ответить	5,7	3,9
Итого	100	100

Возможно, это связано с тем, что в начале кризиса рабочие (как и большинство россиян) ожидали его негативных последствий и были растеряны. В 2010 г. ситуация в республике и на предприятии стабилизировалась. На заводе произошло небольшое повышение заработной платы, что могло вызвать рост оптимистичных оценок.

Положительная динамика наблюдается и в оценке респондентами своего материального положения (табл. 2). Количество опрошенных, которые назвали свой достаток средним, выросло почти в два раза, а доля ответов «плохое» и «очень плохое» снизилась почти в пять раз.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?», %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
Очень хорошее, хорошее	1,0	1,0
Среднее	43,8	81,9
Плохое, очень плохое	52,4	11,4
Затрудняюсь ответить	2,8	5,7
Итого	100	100

В ответах респондентов стало меньше социального негативизма (табл. 3). По сравнению с 2009 г. они реже отмечали, что не хватает денег (на 9,6 %), уверенности в завтрашнем дне (на 7,6 %), здоровья (на 13,3 %). На 19 % снизилась доля упоминаний о том, что недостает порядка и законности.

Вместе с тем, в 2010 г. респонденты в четыре раза чаще жаловались на недостаток свободного времени. Результаты неформализованного интервью с рабочими подтвердили, что кризис заставил многих из них больше работать в подсобном хозяйстве и подрабатывать. Скорее всего, поэтому некоторые ощущают недостаток времени. Вот так характеризует ситуацию одна из работниц завода: *«В этом году мы стали развивать подсобное хозяйство. Впервые завели кроликов, еще планируем завести кур. Так что, надеюсь, с голода не умрем»*. Некоторые ищут дополнительные заработки: *«Сразу после окончания рабочего дня на заводе я прямиком направляюсь в автосервис. Я там подрабатываю. Домой попадаю в лучшем случае уже поздно вечером. И по выходным вынужден работать в сервисе. А куда деваться? Деньги нужны»*.

Оптимистичнее оказалась в 2010 г. оценка респондентами своего места в обществе (табл. 4). Около половины из них (48,6 %) отнесли себя к средней части среднего слоя, что на 13,4 % больше, чем в 2009 г.

Таблица 3

Динамика ответов на вопрос: «Чего Вам больше всего не хватает в жизни сегодня?», %*

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
Денег, высокой заработной платы	86,7	77,1
Жилья	16,2	23,8
Нормальной, хорошей работы, работы по специальности	26,7	25,7
Уверенности в завтрашнем дне, стабильности	71,4	63,8
Здоровья	37,1	23,8
Свободного времени	5,7	26,7
Понимания, общения	9,5	8,6
Семьи, детей	1,0	6,7
Порядка, законности	47,6	28,6
Образования, знаний, опыта	7,6	6,7
Затрудняюсь ответить	1,0	0

* Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Таблица 4

Динамика ответов на вопрос: «К какому слою общества Вы себя относите?», %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
1	2	3
К высшему	0	1,9
К высшей части среднего слоя	1,9	5,7
К средней части среднего слоя	35,2	48,6

Окончание табл. 4

1	2	3
К низкой части среднего слоя	34,3	17,1
К низкому слою	11,4	7,7
Затрудняюсь ответить	17,2	19,0
Итого	100,0	100,0

Все это позволяет утверждать, что в 2010 г. удовлетворенность рабочих жизнью в целом существенно возросла по сравнению с 2009 г. Это связано с тем, что негативные ожидания, характерные для начала кризиса, не подтвердились, более того — многие смогли адаптироваться к новой ситуации, занимаясь подсобным хозяйством и подрабатывая.

В то же время рост позитивных настроений не отразился на уверенности респондентов в завтрашнем дне (табл. 5). В 2010 г., как и в предыдущем, лишь около трети опрошенных утверждали, что смогут изменить свою жизнь к лучшему в течение ближайшего года.

Таблица 5

Динамика ответов на вопрос: «Сможете ли Вы изменить что-либо в своей жизни к лучшему в ближайший год?», %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
1. Да	32,4	35,2
2. Нет	36,2	42,9
3. Затрудняюсь ответить	31,4	21,9
Итого	100,0	100,0

Практически не увеличилась доля рабочих, планирующих больше работать и зарабатывать (в 2009 г. — 55,9 %, в 2010 г. — 56,8 %) (табл. 6). Почти в три раза меньше стало тех, кто стремится открыть свой бизнес, на 16,6 % снизилось количество желающих искать дополнительную работу и в два раза — планирующих больше работать в подсобном хозяйстве.

Таблица 6

Динамика ответов на вопрос: «Что именно Вы планируете изменить в своей жизни за ближайший год?, %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
1	2	3
Больше работать и больше зарабатывать	55,9	56,8
Поменять работу	35,3	35,1
Найти дополнительную работу	38,2	21,6
Открыть свое дело, бизнес	14,7	5,4
Получить образование, повысить квалификацию	17,6	24,3
Больше работать в подсобном хозяйстве	26,5	10,8

Окончание табл. 6

1	2	3
Улучшить жилищно-бытовые условия	41,2	40,5
Изменить семейное положение	20,6	21,6
Обогатить свой образ жизни	17,6	27,0
Сменить место жительства	14,7	13,5
Затрудняюсь ответить	5,9	5,4

* Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Стабильной остается доля респондентов, которые хотели бы поменять работу (около 35 %). Скорее всего, они не очень довольны своей профессией. Что именно их не устраивает? Результаты обоих опросов показывают, что для рабочих труд означает не возможность самореализации или интересное дело, а в первую очередь заработок (около 90 %), стабильную занятость (43 %) и защиту от безработицы (около 30 %). Многие (около 40 %) недовольны возможностями профессионального роста на предприятии, большинство (более 80 %) считают себя социально незащищенными.

По сравнению с 2009 г. почти в два раза снизилась доля опрошенных, называющих рабочие профессии престижными (табл. 7), а количество сторонников противоположной точки зрения превысило 50 %

Таблица 7

Динамика ответов на вопрос: «Считаете ли Вы престижными рабочие профессии?», %

Вариант ответа	2009 г.	2010 г.
Да, скорее да	40,0	22,9
Нет, скорее нет	49,5	57,1
Затрудняюсь ответить	10,5	20,0
Итого	100	100

Все это позволяет утверждать, что удовлетворенность респондентов трудом по-прежнему невысока и почти не изменилась за время кризиса. Вместе с тем, в обоих исследованиях более половины респондентов (53 %) выразили надежду, что ситуация изменится, и в будущем рабочие профессии станут пользоваться большим уважением в обществе.

Таким образом, в условиях мирового финансового кризиса социальное самочувствие рабочих Ардатовского светотехнического завода оказалось противоречивым. С одной стороны, в их настроениях наметилось множество позитивных изменений: они произошли в оценке жизни в целом, материального положения и принадлежности к социальным слоям российского общества. Рабочие адаптируются к сложным условиям кризиса, находят способы выхода из неблагоприятной ситуации прежде всего через работу в подсобных хозяйствах и дополнительные заработки. С другой стороны, многие в той или иной степени не довольны своей работой, считают ее непрестижной, а около трети — стремятся ее поменять.

На наш взгляд, эти тенденции можно распространить на большинство представителей рабочих профессий России, чье социальное самочувствие было противоречивым и до кризиса. Однако сегодня именно от этой социально-профессиональной группы во многом зависит успех модернизации производственной сферы страны. В условиях дефицита рабочих кадров необходима целенаправленная государственная политика по повышению социального статуса и престижа рабочих профессий.

Поступила 13.07.11.

РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Н. Н. Мукассева, А. И. Мартынов

В статье рассматривается современное состояние малого бизнеса в Республике Мордовия, проведен анализ его развития в разрезе муниципальных образований Республики Мордовия, выявлены основные его проблемы.

Малое предпринимательство является неотъемлемой частью рыночного общества. Это обусловлено не только суммарными объемами производства и рабочих мест малого предпринимательства, обеспечивающими экономическую и социальную стабильность общества, но и его природой, нацеленной на созидание и развитие.

Развитие малого бизнеса призвано решить ряд социально-экономических проблем: создание условий для обеспечения политической стабильности в обществе, образование среднего класса, снижение безработицы, рост доходной части бюджетов всех уровней и т. д. Улучшение общей среды деятельности субъектов малого предпринимательства возможно при наличии полной, достоверной и своевременной информации о состоянии дел в этом секторе экономики. Лишь объективная информация позволит властным структурам формировать и проводить эффективную политику поддержки малого предпринимательства [1].

Наиболее характерной для малого предпринимательства Республики Мордовия является деятельность в области оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (23,6 % от общего количества малых предприятий), 19,2 % предприятий малого бизнеса занимаются строительством, 16,8 % — сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством. В Мордовии развитию малого предпринимательства уделяется большое внимание.

Опыт работы многих организаций свидетельствует о том, что успешность их деятельности и конкурентоспособность зависят не только от размеров материальных и финансовых ресурсов, имеющихся в их распоряжении, но и от кадрового потенциала этих организаций. Чем выше уровень его развития с точки зрения совокупности его профессиональных знаний, навыков, способностей и мотивов к труду, тем эффективнее функционирует организация. Одним из основных параметров, определяющих ценность трудовых ресурсов на предприятии, является уровень образования персонала. Около 55 % сотрудников предприятий малого бизнеса преобладают лица со средним специальным и незаконченным высшим образованием, 25,7 — с высшим образованием, при этом 10,3 — высшее экономическое образование, 7,9 — высшее техническое, 1,4 — высшее юридическое, 6,1 % — послевузовское. Почти 50 % предпринимателей не занимаются обучением персонала и повышением его квалификации. Главная причина — отсутствие в этом необходимости.

Наиболее пристальное внимание обучению персонала уделяется на малых предприятиях Дубенского, Ельниковского, Инсарского, Старошайговского районов. Острее всего проблема обучения персонала стоит в Теньгушевском, Лямбирском, Большеигнатовском и Атюрьевском районах. По мнению 35,5 % предпринимателей, для подготовки высококвалифицированных кадров сферы малого предпринимательства в первую очередь необходимо создание специализированной системы повышения квалификации и подготовки кадров. Между тем уровень квалификации работника во многом предопределяет успех предприятия на рынке. Повышая квалификацию и приобретая новые знания и навыки, персонал становится более конкурентоспособным на рынке труда и получает дополнительные возможности для профессионального роста как внутри своей организации, так и вне ее [2].

В настоящее время большинство (63,6 %) предпринимателей работают в условиях достаточно жесткой конкуренции и только для 25,4 % конкурентное положение на рынке не вызывает опасения (Краснослободский, Кадошкинский, Старошайговский, Ковылкинский районы). Предприниматели муниципальных районов основным своим конкурентным преимуществом считают широкий ассортимент товаров и услуг, более низкие цены, лучшее обслуживание клиентов.

© Н. Н. Мукассеева, А. И. Мартынов, 2011

Малый бизнес имеет ряд параметров, отличающих его от крупного. Основным различием являются источники финансирования. К основным источникам финансирования малого бизнеса также относится банковский кредит, который предоставляется непосредственно и в рамках специальных программ, с привлечением специализированных программ, специализированных финансовых структур при поддержке государства. 40,5 % предпринимателей используют этот источник финансирования в качестве основного. Финансирование малого бизнеса также осуществляется за счет личных сбережений учредителей или средств, зарабатываемых ими в других фирмах (21,8 %), и средств, взятых в долг у друзей, знакомых, родственников (21,3 %). Различий в источниках финансирования в зависимости от местности (городская, сельская) не наблюдается. Предприниматели муниципальных районов Мордовии, также как Саранска и Рузаевки, основным источником финансирования называют вложения из собственной прибыли [1].

Основной проблемой, стоящей перед предприятиями малого бизнеса в Мордовии, является поиск оборотных средств. Наиболее острой является проблема высоких налогов (39,1 % — Ельниковский, Атюрьевский, Рузаевский, Кадошкинский, Старошайговский и Дубенский районы), аренда помещений (33,1 %), сбыт продукции — 15,3, выплата процентов и возврат кредитов — 13,0 %.

Вопросы конкуренции в качестве проблемы в большой степени отмечают предприниматели Кадошкинского района (75,0 %), а также значительная часть респондентов из Темниковского (54,5 %) и Старошайговского (50,0 %) районов. Актуальность проблемы аренды помещений характерна практически для всех районов республики, особенно ярко эта тенденция выражена в Ардатовском (55,6 %) и Теньгушевском (50,0 %) районах. Административные барьеры выступают в качестве препятствия для бизнеса для значительной части опрошенных в Кочкуровском районе (66,7 %).

Проблема отсутствия информационной поддержки не является в целом актуальной для муниципальных районов республики, однако, на нее обратила внимание значительная часть предпринимателей в Теньгушевском и Атюрьевском районах (66,7 %). Особые затруднения с выплатой процентов и возвратом кредитов испытывают предприниматели Кочкуровского (66,7 %), Большеберезниковского (57,1 %) и Инсарского (50,0 %) районов. Проблемы защиты прав собственности и криминогенной обстановки в сфере бизнеса практически не оказывают влияния на деятельность предпринимателей, что является свидетельством эффективной работы соответствующих ведомств по обеспечению законности и правопорядка в сфере малого предпринимательства.

По мнению предпринимателей, в первую очередь в Республике Мордовия необходимо стимулировать такие направления, как: производственную деятельность — 57,8 %, медицину — 34,1, коммунальные услуги — 31,8, розничную торговлю — 26,0, строительство — 21,1, бытовые услуги — 20,6, услуги общественного питания — 15,3 %. Большинство предпринимателей муниципальных районов и г. Саранска республики склонны оценивать свои перспективы как оптимистичные, более удовлетворительными — в Дубенском, Ельниковском, Атяшевском и Большеберезниковском районах.

Залогом эффективной деятельности малых предприятий является способность быстрой адаптации к изменяющейся конъюнктуре рынка, производственной мобильности и проявлению инновационной активности. В связи с этим возрастает роль личностных качеств человека, занимающегося малым бизнесом, а также его моральная стойкость и творческий потенциал.

Не каждому представителю сферы малого предпринимательства удается на протяжении длительного времени адекватно и своевременно реагировать на меняющиеся рыночные условия. Лишь 6 % занимаются предпринимательской деятельностью более 16 лет. Наибольшее число респондентов (35,2 %) занимаются предпринимательской деятельностью от 1 года до 5 лет. В качестве позитивной тенденции, свидетельствующей о достаточно стабильном развитии сферы малого предпринимательства, следует отметить тот факт, что довольно значительная часть (33,1 %) занимается малым бизнесом от 6 до 10 лет; 19,9 — от 11 до 15 лет; 5,8 % — менее 1 года.

В условиях объявления борьбы с коррупцией в качестве одной из центральных задач на современном этапе развития России особую важность приобретает установка на принципиальное неприятие коррупции, а также моральная готовность противодействовать этому негативному явлению со стороны представителей всех слоев населения, в том числе представителей малого бизнеса. В настоящее время не все предприниматели республики готовы принимать участие в антикоррупционных действиях. 39,7 % опрошенных признают, что они не готовы к подобным действиям, 22,7 % не считают подобную деятельность нужной. Тем не менее определен-

ная часть предпринимателей Дубенского, Ельниковского, Большеберсеневского и Инсарского районов готова принимать участие в «круглых столах», экспертных советах по противодействию коррупции (21,3 %). Менее значительные группы предпринимателей готовы к личному участию в антикоррупционных митингах и демонстрациях (9,7 %), даче показаний против коррупционеров (7,6 %) и финансированию антикоррупционных общественных организаций или отдельных акций (4,3 %). Солидарность в готовности финансировать антикоррупционные общественные организации продемонстрировали представители малого бизнеса Атюрьевского, Большеигнатовского и Темниковского районов (по 33,3 %).

Итак, можно сделать вывод, что без развития малого предпринимательства невозможно становление рыночных отношений в России. Это связано с тем, что малый бизнес может быстро адаптироваться к изменениям конъюнктуры рынка, осваивать новые виды товаров и услуг, а следовательно, в короткие сроки осуществлять воспроизводство и приращение капитала, переключая его с одного производства на другое, внедряясь в новые сферы деятельности [2].

Формирование кадрового потенциала является одной из первостепенных задач для такой динамично развивающейся сферы деятельности, как малое предпринимательство. Сформировавшиеся в прежних условиях методы управления, знания, умения и навыки отдельных руководителей и сотрудников способны существенно тормозить экономические и организационные нововведения. Однако число предпринимателей, уделяющих внимание повышению квалификации и использующих различные формы обучения персонала, в последние годы существенно возросло. Все больше предпринимателей республики убеждаются в том, что внедрение производственных инноваций и современных технологических достижений невозможно без соответствующего квалификационного уровня сотрудников. К сожалению, в среде малого предпринимательства недостаточно развита практика стажировки на других предприятиях, способствующая обмену идеями, опытом и овладению необходимыми технологическими навыками. В связи с этим для предпринимателей возросла необходимость создания специализированной системы повышения квалификации и подготовки кадров.

Анализируя поведение предприятий малого бизнеса на региональном и межрегиональном рынках, можно констатировать незначительное снижение уровня конкуренции. Конкурентное преимущество достигается в основном за счет расширения ассортимента товаров и услуг. Вместе с тем в среде малого предпринимательства республики нередки случаи нечестной конкуренции.

Одним из важнейших механизмов взаимодействия малого бизнеса и органов государственной и муниципальной власти являются государственные программы поддержки малого предпринимательства. На эффективность взаимодействия субъектов малого бизнеса с органами государственной и муниципальной власти отрицательное воздействие продолжают оказывать административные барьеры. Чаще всего они возникают при контроле и надзоре за текущей предпринимательской деятельностью.

Наиболее серьезными проблемами, стоящими перед предпринимателями республики на протяжении нескольких лет, являются высокий уровень налогов и вопросы аренды помещений. В качестве позитивного момента следует отметить тенденцию к значительному снижению криминогенной обстановки в сфере малого бизнеса [1].

Анализ основных источников финансирования малого бизнеса региона продемонстрировал, что таковыми являются вложения из собственной прибыли, банковские кредиты, личные сбережения учредителей и средства, заработанные в других фирмах. По-прежнему основная масса предпринимателей не использует в полной мере возможность финансовой поддержки со стороны фондов развития предпринимательства.

Более эффективному развитию социально-экономических процессов и формированию позитивного социально-психологического климата в малом предпринимательстве Мордовии будет способствовать реализация следующих мероприятий:

— повышение уровня информированности предпринимателей об особенностях и преимуществах государственных программ поддержки малого предпринимательства;

— активизация деятельности по развитию взаимодействия предприятий малого бизнеса и специализированных организаций по поддержке малого предпринимательства;

— оптимизация нормативно-правовой базы государственного регулирования малого предпринимательства;

— упрощение государственных регулирующих процедур в отношении малого предпринимательства;

— сокращение и четкая регламентация проверок предприятий малого предпринима-

тельства, проводимых различными ведомствами;

— упрощение регистрации предприятий, сокращение количества лицензируемых видов деятельности;

— проведение среди представителей малого бизнеса мероприятий по пропаганде антикоррупционной деятельности;

— стимулирование и поддержка внедрения представителями малого предпринимательства технологических и управленческих инноваций;

— развитие и повышение эффективности инфраструктуры поддержки малого предпринимательства Республики Мордовия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Изряднова О.** Малое предпринимательство в России : состояние и проблемы / О. Изряднова, Е. Фомина, Д. Казанцев // Рос. экономика : тенденции и перспективы. — 2009. — № 7. — С. 52—57.

2. **Шестоперов О.** Современные тенденции развития малого предпринимательства в России / О. Шестоперов // Вопр. экономики. — 2001. — № 4. — С. 65—83.

Поступила 13.07.11.

ФЕНОМЕН «ЧЕЛНОЧЕСТВО»: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. В. Салмова

В статье рассматривается феномен «челночество» в историческом и социологическом аспектах. Статья дает представление о торговцах городских рынков как социальной группе. Также освещаются исторические этапы становления «челноков» как особого явления общественной жизни.

Торговая деятельность выступает определяющим фактором в системе рыночного хозяйствования любой страны. С переходом к свободным рыночным отношениям все большее значение приобретают торговая сфера и коммерческая деятельность с их потенциальными возможностями. Преобразования в экономике в свою очередь оказывают непосредственное влияние на социальную действительность.

Соответственно представляется возможным совместить макросоциологическую концепцию активистской социологии, которая построена на представлении о том, что субъекты социальных отношений способны оказать воздействие на изменения в социуме, и микросоциологический подход, основанный на рассмотрении повседневной жизни отдельно взятой группы людей. Для меня в данном случае интересно рассмотреть торговцев городских рынков как феномен, появившийся и начавший набирать обороты в условиях социальных трансформаций, связанных с распадом СССР.

Явление «челночество», на мой взгляд, интересно для социологов тем, что в этой группе вырабатывались и продолжают вырабатываться стратегии приспособления к изменяющимся условиям жизни. В среде торговцев городских рынков еще в 1980-е гг. XX в. начали формироваться такие постсоветские ценности, как индивидуализм, карьеризм, предпринимательская инициатива, стремление к обогащению и т. д.

Тем не менее, важно отметить, что феномен «челночество» больше привлекал внимание СМИ, нежели серьезных исследователей. Недаром и само наименование группы «челноки» стало результатом освещения этого явления в популярных газетах и журналах.

Данная группа людей рассматривается социологами в основном как движение лиц,

© О. В. Салмова, 2011

избравших активную поведенческую стратегию экономического поведения. С точки зрения социума, они выполняли и выполняют функции ликвидации дефицита товаров народного потребления, а также формирования новых социальных практик, ценностей и институтов.

Население с относительно низким образовательным, культурным и интеллектуальным уровнем, без профессии и с низким социальным статусом имело возможность проявить себя, заработать хорошие деньги, начать свое дело в качестве торговцев на городских рынках. Однако среди первых «челноков» были также учителя, медицинские работники, инженеры, студенты, пенсионеры. При этом торговля рассматривалась ими как временный вид заработка. В советское время коммерция ассоциировалась со спекуляцией, связывалась с чем-то незаконным и даже в некоторой степени аморальным. Отсюда положение «челноков» зачастую было двусмысленным, в силу того что изначально имея социально одобряемую профессию, они вынуждены были заниматься презираемым в обществе промыслом.

Можно сказать, что деятельность «челнока» протекала в условиях стресса и неопределенности. Им приходилось строить отношения и взаимодействовать с людьми, обладавшими различными социальными статусами. Соответственно торговцы были вынуждены приспосабливаться не только к рыночной конъюнктуре, но и к меняющимся социальным и политическим событиям. Отсюда стратегия поведения в обществе торговцев городских рынков связана, на мой взгляд, с наличием ряда личностных характеристик: способностью к мобильности, готовностью к риску, аналитическим подходом к информации о социальном окружении и т. д.

Как и любое явление, «челночество» характеризуется положительными и отрицательными чертами и особенностями. С одной стороны, торговцы городских рынков во многом создали в торговой сфере рыночную ситуацию, повлияли на разрушение монополии цен, дали возможность потребителям с низкими доходами найти приемлемые по цене товары. С другой стороны, движение «челноков» оказало существенное влияние на развитие процессов маргинализации и депрофессионализации в обществе. Как считают некоторые социологи, «челноки» существуют не благодаря, а вопреки деятельности государственных институтов, хотя и ориентированы на рациональный тип экономического поведения: самодостаточный, предприимчивый, инициативный [3, с. 41].

Можно сделать вывод, что активная жизненная и поведенческая стратегия субъекта оказывает влияние на трансформационные процессы, затрагивающие все общество в целом. Соответственно не только акторы макроуровня изменяют социальную ситуацию, но и акторы мезоуровня, и даже микроуровня.

Надо отметить, что если в 1990-е гг. XX в. феномен «челночество» был массовым и единовременным, то к настоящему времени эта социальная группа, хотя и сохранилась как форма самозанятости населения, но значительно трансформировалась ее сущность, так как расширилась география торговых поездок, изменились условия торговли, снизилась «рисковая» составляющая бизнеса. За последнее время появились новые рынки, в несколько раз увеличилось количество торговых мест. Тем не менее, навыки, полученные «челноками» за годы ведения бизнеса в тяжелых условиях переходного периода, а также накопленные средства позволяют им успешно конкурировать на рынке. «Челночное» движение оформилось в относительно небольшое стабильное сообщество постоянных участников. Многие имеют площади в престижных торговых точках, привлекают к бизнесу членов семей, используют наемную рабочую силу. Вполне возможно, что этот вид деятельности приносит помимо материальных благ еще и моральное удовлетворение. Возможность самостоятельно планировать свою деловую активность, режим работы позволяет им проявить свои способности, реализовать свой потенциал. Для многих «челноков» торговля стала постоянным способом заработка и основной профессией.

Надо отметить еще одну очень важную перемену в обществе, связанную с тем, что изменился также и социальный статус торговцев городских рынков. Так, по мнению О. Жилкина, «челноки» повлияли на общественное мнение, подняли если не престиж профессии, то уровень общественной терпимости, понимания того, что они выполняют важную социальную функцию и способны создавать рабочие места для себя и членов своих семей, не претендуя на средства государственных социальных программ [2, с. 165].

Если обратиться к истории, то можно заметить, как менялся статус людей, занимающихся торговой деятельностью, от одной эпохи к другой, от одного правителя к другому, и как менялось отношение общественности к представителям рассматриваемой группы. Так, например, купечество как особый социальный слой, занимающийся торговлей, пользовалось большим уважением в Древней

Руси. С XIII в. появляется термин «торговец». Процесс роста купечества был прерван монголо-татарским нашествием и возобновился в Северо-Восточной Руси на рубеже XIII–XIV вв.

Развитие городов и численный рост купечества привели к выделению наиболее богатых и влиятельных торговцев в Москве, Новгороде, Пскове, Вологде, Твери, Нижнем Новгороде и других городах. Эта социальная группа в то время была в почете среди населения и пользовалась привилегиями, что, несомненно, свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе торговцев.

Во второй половине XVI в. купечество вместе с ремесленниками и мелкими торговцами городов было объединено в сословие посадских людей, в котором купцы составляли богатое меньшинство. Ко времени отмены в России крепостного права процесс первоначального накопления капитала заканчивается, соответственно это находит свое отражение в потере купцами прибыли. Появляется новый слой торгующих крестьян, которые начинают конкурировать с купцами за покупателей. Численность купечества в России сокращается. Если в XVIII в. купечество было сословием, и купеческое звание передавалось по наследству, то потом это звание, в сущности, покупалось. Соответственно если звание не передавалось по наследству, то купечество превращалось из сословия в социальный класс, что влекло за собой и перемены в их социальном статусе. Изменяется и отношение государства к купечеству. В начале XIX в. у купцов была отобрана монополия на розничную торговлю. Еще одними представителями предпринимателей в сфере торговли того времени была группа торгующих крестьян, социальный статус которых повысился в начале XIX в. в связи с разрешением на ведение сначала «мелочной», а затем и оптовой торговли.

Если говорить о людях, занятых в сфере торговли, то при советском строе в ходу был термин «социалистическая предприимчивость». А в дополнение к нему — спекуляция и другие виды незаконной деятельности. То есть традиционно в советском менталитете это понятие балансировало на грани законной и противозаконной деятельности [5, с. 35].

В истории развития торговой деятельности советского периода принято выделять три крупных этапа: НЭП, первые послевоенные годы и завершение перестройки.

Исследователь истории развития группы торговцев рынков И. В. Щербакова выделяет семь периодов в данном процессе [6, с. 45]:

– первый период развития частного предпринимательства, в том числе и в сфере торговли, приходится на 1917–1920 гг. и характеризуется институциональным кризисом, связанным с борьбой за выживание представителей различных слоев российского общества в условиях гражданской войны.

Этот этап связан с движением «мешочников». «Мешочничество» как нелегальное самоснабжение населения преследовались властями. Под запрет попадали мелкие товарообменные операции, а также доставка и распространение продовольствия и предметов широкого потребления [1, с. 23];

– период НЭПа, длившийся с 1921 г. и примерно до 1927 г., представляет собой второй этап развития торгового предпринимательства, когда государство реализовывало стратегию поддержки малого предпринимательства с целью последующей замены частного управления на государственное;

– третий период (1927 г. – начало 1940-х гг.) сопровождался сокращением доли легальных частных предприятий во всех отраслях экономики и серьезным продовольственным кризисом. В связи с этим начался разгул спекуляции, что вынуждало предпринимателей в торговой сфере к повышенной бдительности и полной нелегальности;

– четвертый период включает войну и послевоенные годы. Тяжелое военное положение в экономике дало толчок к юридической и фактической отмене большинства постановлений, запрещающих производство и реализацию продуктов с личных подсобных хозяйств. Это время, как ни странно, привело к легализации частного предпринимательства в сферах торговли и услуг;

– пятый период охватывает 1947 г., когда государство вновь спровоцировало спад частного предпринимательства, особенно в торговой сфере. Из-за денежной реформы накопления обесценились, зарплаты уменьшились, а розничные цены выросли. Формально государство поддерживало свободную торговлю, но деятельность теневого сектора не прекратилась;

– шестой этап продолжался до середины 1980-х гг. и характеризовался стабилизацией и даже развитием нелегального предпринимательства;

– последний период, длившийся со второй половины 1980-х до начала 1990-х гг., связан с легитимацией многих форм предпринимательской деятельности, отменой санкций за спекуляцию, открытием границ. Это послужило толчком к появлению «челночества», так как иногда некоторые привилегированные слои населения (например, партий-

ные лица, работники посольств, актеры и т. д.) сбывали вещи, привезенные из-за рубежа.

И. В. Щербакова, подходя к рассмотрению феномена «челночество» с исторической точки зрения, делает вывод о том, что «...предпринимательская деятельность в СССР — традиционный способ выживания или получения прибыли в условиях дефицита товаров» [6, с. 50—51]. Таким образом, можно предположить, что активная торговая деятельность в переходный период — это не уникальное изобретение 1990-х гг., а скорее повторяющаяся реакция адаптации к изменяющимся условиям существования.

Однако, на мой взгляд, вопрос по поводу будущего социальной группы торговцев городских рынков остается на сегодняшний день открытым, потому что нельзя с полной уверенностью определять тенденции развития данного феномена в российском, а точнее сказать, в постсоветском пространстве. Приведет ли развитие новых рыночных форматов, связанное, прежде всего с активным распространением сетевой торговли, к «вымиранию» данной социальной группы или «челноки» будут продолжать удовлетворять потребности общества пусть даже и не в таких объемах, как несколько лет назад? Например, как считают С. Г. Климова и И. В. Щербакова, занимающиеся исследованием взаимоотношений между государством и торговцами городских рынков, челночная торговля в России, пройдя несколько этапов эволюции, приобрела устойчивые черты сектора занятости, использующего избыточную рабочую силу [4, с. 390].

Таким образом, важность изучения феномена «челночества» не вызывает сомнений. Однако необходим комплексный анализ этого явления, учитывающий не только объективные показатели, в основном связанные с экономическими и социальными характеристиками «челноков» (уровень дохода, образование, профессиональные навыки и т. д.), но и субъективные, такие как мотивация, установки, стратегии поведения, психологические аспекты образа мыслей, мировоззрения, личностные качества и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Давыдов А. Ю.** Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг. : Мешочники / А. Ю. Давыдов. — СПб. : Наука, 2002. — 341 с.

2. **Жилкин О. Н.** Челночество в России : новая жизненная стратегия в период экономических реформ (на примере Иркутской области) / О. Н. Жилкин // Неформальная экономика в постсоветском пространстве : Проблемы исследования и регулирования / под ред. И. Олейниковой, О. Пасешкова. — СПб., 2003. — С. 164—172.

3. **Иванов В. В.** «Челночный» бизнес в Казани / В. В. Иванов, Ю. Ю. Комлев, Л. Г. Тодчинский // Социол. исследования. — 1998. — № 11. — С. 40—44.

4. **Климова С. Г.** «Челночество» и государство : этапы эволюции отношений / С. Г. Климова, И. В. Щербакова // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М., 2008. — Вып. 7. — С. 389—405.

5. **Радаев В.** Что значит «принять предпринимательское решение»? / В. Радаев // Обществ. науки и современность. — 1995. — № 1. — С. 33—39.

6. **Щербакова И. В.** Экскурс в историю предпринимательства в СССР / И. В. Щербакова // Социол. исследования. — 2008. — №. 4. — С. 44—52.

Поступила 13.07.11.

ИНОСТРАННАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

К. В. Фофанова, Д. М. Борисов

Рассмотрены основные подходы к определению понятия «трудовая миграция», проанализированы теоретические подходы, объясняющие феномен иностранной трудовой миграции. Определены ориентиры теоретической модели исследования трудовой миграции, основанной на системном подходе.

В академическом сообществе исследование проблем трудовой миграции входит в круг интересов различных наук: истории, социологии, экономики, демографии, антропологии, политологии и т. д. Инструментов только одной дисциплины недостаточно, поэтому необходим системный подход при изучении трудовой миграции. Каждое из научных направлений имеет собственные подходы, теории и методы исследования, что накладывает определенный отпечаток на саму проблему исследования.

В отечественной и зарубежной научной литературе не существует единства мнений относительно определения понятия «миграция», специалисты насчитывают около 40 дефиниций [13, с. 14]. В буквальном смысле слово «миграция» означает совокупность перемещений, имеющих целью перенести место пребывания кого-либо [3]. В современной научной практике встречаются следующие определения понятия «миграция». М. С. Бликнова предлагает понимать под миграцией «...любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или несколькими административно-территориальными единицами независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности» [1, с. 17]. Исследователи С. К. Бондырева, Д. В. Колесов считают, что миграция — это «...естественное проявление мобильности человека, мотивированное его стремлением к улучшению условий своего существования, к более полному и надежному удовлетворению своих потребностей» [2, с. 38]. В рамках социологического подхода миграция связана с мобильностью, с переходом индивида или социального объекта из одной социальной позиции в другую. Одной из форм горизонтальной мобильности, по мнению П. Сорокина, является территориальная мобильность [11].

По мнению Л. Л. Рыбаковского, имеющиеся определения миграции можно распределить на три группы [9, с. 11]. К первой группе относятся определения, смешивающие различные виды движения населения, в частности, миграционное и социальное. Этот подход был достаточно широко распространен в конце XX в. Здесь к миграции относят отраслевое, территориальное, профессиональное и социальное движение [9, с. 8]. «...Говоря об этой точке зрения в целом, следует подчеркнуть, что суть состоит в том, что все определения, в которых миграция приравнивается к различным видам движения, по существу, смешивают территориальное и социальное движение. Здесь происходит отождествление разных явлений: перемещения людей по территории и перемещения людей по образовательным группам, профессиям, отраслям, предприятиям и т. д. Действительно, это все перемещения, но перемещения, имеющие разный характер и тем более результат» [9, с. 9].

Ко второй группе относят определения миграции, связанные с территориальным перемещением населения. При этом «...рассматривая миграции лишь как территориальные перемещения населения, следует заметить, что они весьма различны и по расстоянию между местом выхода и местом вселения, и по статусу тех объектов, между которыми происходят перемещения мигрантов, и по срокам, на которые перемещаются люди, и по целям, которые они при этом преследуют. Перемещения могут происходить как внутри населенного пункта, так и между населенными пунктами различного социально-экономического статуса, внутри и между территориями различного таксономического значения. При этом перемещения могут совершаться добровольно, принудительно и вынужденно. В их основе могут лежать экономические, экологические, социальные, политические, религиозные и иные факторы. Миграции могут отличаться не только в зависимости от обусловливающих их факторов и методов перемещения, но и от их направлений, целей и т. д. Всем этим и обусловлива-

© К. В. Фофанова, Д. М. Борисов, 2011

ется многообразие определений миграции населения» [9, с. 9].

К третьей группе относятся подходы, включающие в миграцию различные виды территориального движения населения. «Сюда относят переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на работу или учебу за пределы населенных мест, прибытие в тот или иной район на временные, в том числе и сезонные, работы, поездки в командировки, отпуск и другие перемещения» [9, с. 9]. К миграции также относят такой процесс пространственного движения населения, который ведет к его территориальному перераспределению. В этом случае отнесение пространственного перемещения к миграции определяется фактическим переселением из одной местности в другую и в ряде стран формальной регистрацией в новом месте жительства. При этом происходит соединение места жительства со сферой приложения труда, учебы или иной деятельности в одном населенном пункте [9, с. 10].

Одним из основных критериев миграции населения выступает пересечение административных границ территорий (государства, области, города и т. д.). В соответствии с таким подходом выделяют внешнюю миграцию, то есть с территории другого государства и внутреннюю миграцию, то есть внутри одного государства. Т. Н. Юдина говорит о целесообразности социологического понимания миграции, настаивая прежде всего на ее субъективной стороне — групповой солидарности и ее развитии, мотивации поведения мигрирующих субъектов [12, с. 106].

Важнейшим теоретическим вопросом в научной литературе является проблема типологизации миграции. В соответствии с макро- или микроуровнем теории типологии служат для деления миграционных потоков, моделей поведения на макроуровне и дифференцирования мигрантов на микроуровне. Заметим, что ученые разработали многочисленные типологии миграций, которые стали обязательным элементом социологии миграций. Они позволяют намного яснее понять как процессы принятия решения, так и сами миграции. Типологии миграций отражают принципиальное положение о том, что неправильно думать «о мигранте» как об универсальном концепте или генерализованном типе пространственной мобильности людей.

Типологии миграций первоначально плодотворно использовались в антропологии миграций. Вначале при построении типологии в качестве переменной использовали время или, точнее, продолжительность пребывания в стране-реципиенте. На этом основании Н. Гинзалес предложил выделять пять типов миграций: сезонные; скорее временные, чем сезонные; текущие; продолжительные и постоянные. Выделенные типы замещали более ранние, когда миграции отождествлялись с постоянными процессами эмиграции и иммиграции. В тот же период были выделены трудовые миграции как форма экономических передвижений людей, дирижируемых так называемыми выталкивающими и привлекающими факторами или спросом и предложением на рынке труда; и вынужденные миграции как ответ на политический конфликт (войну) или давление (преследование) [14]. Одна из классификаций мигрантов предложена экспертами ООН, в нее входят пять групп: иностранцы, допущенные в страну въезда для получения образования и обучения; мигранты, въезжающие на работу; мигранты, въезжающие по линии объединения семей, создания новых семей; мигранты, въезжающие на постоянное поселение; иностранцы, допущенные в страну въезда из гуманитарных соображений (беженцы, лица, ищущие убежища и др.). Каждая из этих групп включает в себя от 2 до 5 различных категорий. Однако и эта классификация не охватывает все многообразие категорий международной миграции населения: например, в ней нет ответа на вопрос, кого считать эмигрантом или иммигрантом.

Между перечисленными типологиями мигрантов существуют точки пересечения, которые указывают на трудности в создании как теории миграций, так и в попытке сведения всего разнообразия подходов к «генерализированной» модели. Вместе с тем, имеющиеся типологии позволяют увидеть многогранность миграции как социокультурного явления и оценить ее последствия.

Международная трудовая миграция регулируется Конвенцией о защите прав всех трудящихся и членов их семей, принятой резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеей от 18 декабря 1990 г., которая в статье 2 определяет термин «трудящийся-мигрант» как «...лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [6]. Общее понятие уточняется в определении отдельных категорий мигрантов. Выделяются приграничные, сезонные трудящиеся, трудящийся, занятый на стационарной прибрежной установке, трудящийся, работа которого связана с переездами, трудящийся на проекте», «трудящийся целевого найма». К трудовым мигрантам относят также трудящихся, работающих не по найму. Согласно конвенции к данному типу

мигрантов относят тех, кто занимается «...вознаграждаемой деятельностью, отличной от работы по договору найма, и который обеспечивает за счет такой деятельности средства своего существования, работая, как правило, самостоятельно или совместно с членами своей семьи, а также любого иного трудящегося-мигранта, признаваемого трудящимся, работающим не по найму, в соответствии с применимым законодательством государства работы по найму или двусторонними или многосторонними соглашениями» [6]. Следовательно, трудовая миграция является сущностной характеристикой постоянной и краткосрочной миграции, сезонной, маятниковой миграции.

Определяющим признаком трудовой миграции, как отмечает И. В. Ивахнюк, является «...продажа мигрантом своей рабочей силы в стране въезда, при этом смена места жительства не является обязательной» [5, с. 16]. В основе феномена временных трудовых миграций за рубеж лежит как раз то, что работник уезжает в страну с более высоким уровнем жизни, с более достойной оплатой труда, тогда как на зарабатываемые им там доходы живет его семья, и он сам после возвращения. С. В. Рязанцев предлагает использовать следующее определение «трудовой миграции» — «...это временные перемещения населения с целью работы в другом регионе или стране с периодическим возвращением к обычному или постоянному месту жительства независимо от способа и легитимности пересечения границы и трудоустройства, времени и периодичности работы, то есть без окончательного переселения в регион или страну трудоустройства» [10, с. 35—36]. В основе определения «трудовая миграция» заложен признак территориального перемещения населения, мотивационное намерение которого заключается в изменении условий занятости путем переезда в другую местность и заключения нового трудового договора.

Одной из первых теорий, объясняющих миграцию, была теория «выталкивающих» и «притягивающих» факторов, предложенная Э. Ли. В рамках этой теории под «притягивающими» факторами понимаются благоприятные факторы, которые привлекают мигрантов в другую страну. К числу благоприятных факторов относятся более высокая заработная плата, более высокий уровень и качество жизни. Под «выталкивающими» факторами — бедность, безработица, низкие заработные платы, которые вынуждают людей мигрировать в страны с лучшими условиями жизни. При этом решение о миграции определяется не столько наличием самих факторов, сколько субъективным индивидуальным восприятием этих факторов потенциальным мигрантом. Данная теория подвержена критическим замечаниям со стороны современных исследователей, считающих, что данная теория не исчерпывает понимание причин миграции. По нашему мнению, эта концепция во многом позволяет объяснить тенденции и причины трудовой миграции из стран СНГ в Россию.

Согласно теории мировых систем, представленной Д. Массеем, М. Кастл, Х. Элтоник, международная миграция соответствует политической и экономической организации расширяющегося глобального рынка, и поэтому международная миграция является естественным результатом глобализации и развития рынка [8, с. 189]. В основе данной теории можно увидеть сходство с идеей Т. Парсонса об эмерджентных свойствах, о связи социального действия с общим контекстом социальной системы, в рамках которой оно происходят.

Наиболее вероятна миграция между бывшими колониальными державами и их колониями. Причина этого в том, что в период колонизации были установлены административные, коммуникационные, инвестиционные, культурные каналы связи, которые развивались независимо от внешней конкуренции. Это привело, как считает Е. Ю. Садовская, «...к формированию специфических транснациональных рынков и культурных систем, которые продолжали функционировать даже после распада империй или колониальных держав» [8, с. 190]. Сторонники данной теории полагают, что международная миграция имеет мало общего с различиями в размерах заработной платы и уровнем занятости между странами. Миграция проистекает из динамики создания рынков и политической структуры глобальной экономики, она фиксирует неравномерность социального изменения и развития.

Данная теория также во многом объясняет трудовую миграцию в России из стран СНГ. В настоящее время страны СНГ представляют собой единую миграционную систему, сложившуюся после распада Советского союза. Как отмечает Е. Ю. Садовская, «...современные торговые и экономические связи, безвизовое пространство между новыми независимыми государствами активизируют мобильность рабочей силы, и, используя накопленные знания и профессиональный опыт, трудовые мигранты — рабочие и специалисты свободно перемещаются между странами и секторами/отраслями экономики — туда, где их труд наиболее востребован. Общее

языковое пространство (знание русского языка было обязательным в советской школе) делает мигрантов из бывших стран Союза „русофонами", по аналогии с „англофонами" и „франкофонами" из других стран, и облегчает их выезд, поиск работы, адаптацию и интеграцию в схожей социокультурной среде» [8, с. 191]. Россия стала центром постсоветской миграционной системы и привлекает мигрантов из всех стран СНГ, прежде всего Украины, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана. Таким образом, положения теории мировых систем находят свое подтверждение в миграционных перемещениях на постсоветском пространстве.

Особое место в процессе анализа и оценки теорий о причинах миграции занимает историко-структурный подход как альтернатива неоклассическому экономическому подходу. Исследователь С. Касла высказал мысль о том, что специфические траектории движения мигрантов располагались в пределах контекста глобальных и национальных экономических систем. Миграция им рассматривается не как единичное событие, а как динамический процесс, объемы и направления которого определялись государственным регулированием и уровнем индустриального развития отдельных стран. Таким образом, в соответствии с историко-структурным подходом распространение глобального капитализма послужило укреплению неравенства и усилению социально-экономической стратификации. Вместо прогресса и модернизации бедные страны попали в «ловушку» внутри мощной геополитической структуры, которая укоренила их бедность [1, с. 57].

Многоаспектность международной миграции требует многоуровневого анализа, охватывающего макро- и микроуровни. К макроуровневой теории по проблеме осмысления трудовой миграции относится неоклассическая экономическая теория, согласно которой миграция вызвана географическими различиями в предложении и спросе на рабочую силу. Представители неоклассического подхода микроуровневой теории фиксируют внимание на процессах микроуровня, решениях, принимаемых индивидуально, либо в семье и домохозяйстве. В рамках теории принятия решений причина международной трудовой миграции заключается в разнице уровня заработной платы между странами и движением рабочей силы в страны с высокой зарплатой и обратным движением капитала. Следовательно, объем международной трудовой миграции коррелирует с величиной разрыва между реальным заработком мигранта по месту выезда и ожидаемым по месту въезда. Разница в заработной плате заставляет рабочих из низкооплачиваемых регионов перемещаться в высокооплачиваемые регионы.

Наиболее характерной чертой неоклассической теории выступает измерение преимуществ и издержек миграции с точки зрения экономических результатов на индивидуальном уровне. Данная теория игнорирует значение государственного воздействия на развитие миграционных процессов.

Б. Томасом была предпринята попытка синтеза кейнсианского и неоклассического подхода в рамках теории «обратной связи экономических циклов», которая основное внимание акцентировала на макроуровневом анализе международной трудовой миграции [16]. Согласно данной теории направление миграции рабочей силы из страны в страну определяется обратным чередованием циклических фаз экономического развития тех или иных стран. Суть перемещения иностранной рабочей силы из одной страны в другую вызвана простой разницей существующих на данный момент позитивных или негативных экономических условий внутри этих стран, прежде всего, уровнем заработной платы. Вместе с тем «...реальная практика выявила слабости данного теоретического подхода» [7, с. 298]. Так, например, в 1960-е гг. трудовая миграция из развивающихся стран в экономически развитые страны Европы имела возвратный характер, обусловленный экономическими причинами. Однако с начала 1970-х гг. после импорта рабочей силы все большее число мигрантов стало уклоняться от возврата в свою страну.

Неоклассические экономические микроуровневые теории акцентировали внимание на стремлении работника к максимализации дохода от своей занятости. Согласно теории люди направляются туда, где они рассчитывают получить наибольший доход от своего труда, так что в целом трудовые потоки направлены из стран с низким уровнем оплаты труда в страны с более высокой заработной платой. Эффектом от процесса становится сокращение предложений рабочей силы, что приводит к повышению заработной платы, в то время как приток иностранных трудовых мигрантов повышает предложение рабочей силы и соответственно снижает уровень заработной платы. Поток продолжается до тех пор, пока не наступит равновесие, не исчезнет разница в заработных платах, за исключением остатков, отражающих издержки перемещения как материальные, так и психологические.

К числу теорий миграции нового поколе-

ния относится альтернативный подход, получивший название «новая экономика трудовой миграции». Возникновение данного подхода обусловлено иным взглядом на взаимодействие социальных, экономических, культурных условий, объясняющих транснациональные перемещения. По мнению О. Старка, международная трудовая миграция является средством, с помощью которого человек со скромными средствами может преодолеть или восполнить нехватку рынка капитала, кредита или страхования [15, с. 173—178]. В центре этого подхода лежит растущий интерес к циркулярной миграции и репатриации доходов в виде денежных переводов или сбережений. Ключевым компонентом в этом процессе становится не переезд за пределы своей страны на постоянное место жительства с целью максимализации материальных доходов, а перемещение в другую страну временно с целью накопления денежных средств для решения конкретных экономических вопросов дома после возвращения.

Вместе с тем неоклассические экономические подходы, представленные в современной социологической литературе, не дают полного объяснения явлению трудовой международной миграции. Мы считаем, что эти теории необходимо рассматривать не как альтернативные, а как комплементарные, дополняющие друг друга при объяснении феномена трудовой миграции. Их фокус внимания сосредоточен на экономических причинах миграции и не в полной мере объясняет социокультурные, политические последствия данного явления.

Другая теория — сегментированного рынка труда — фокусирует свое внимание на источниках международной миграции, заключенных в спросе на рабочую силу в современных промышленных обществах. Иммиграция обусловлена не выталкивающими факторами — низкой заработной платой, безработицей, а факторами притяжения в принимающих странах, потребностью в иностранных рабочих.

Обращаясь к сущности международной трудовой миграции, мы исходим из понимания того, что процесс миграции побуждает социальное взаимодействие как важный источник адаптации интеграции мигрантов в принимаемое сообщество. Д. Массей отмечает, что «...как только начинается процесс миграции, появляется новая социальная инфраструктура, контролируемая непосредственно ее участниками, что дает толчок к развитию миграции, создавая бесконечный процесс, известный как кумулятивная причинная обусловленность» [8, с. 154]. Мигранты, которые уезжают впервые, не имеют социальных связей, и для них процесс миграции является дорогостоящим, особенно, если приходится уезжать в другую страну нелегально. Поэтому, как отмечает Д. Массей, первыми международными мигрантами были не низшие слои общества, а люди со средним достатком. После того как первые мигранты уехали, затраты на миграцию их друзей и родственников, оставшихся на родине, существенно снизились. В результате родственных и дружественных связей иностранный мигрант на новом месте жительства попадает в группу людей с определенными социальными связями.

Д. Массеем была разработана теория миграционных сетей. В рамках этой теории исследователь определяет миграционную сеть как совокупность межличностных отношений, в которых мигранты взаимодействуют со своими семьями, друзьями или соотечественниками, которые остались в их странах [1, с. 59]. Как отмечает М. С. Бликнова, «...эти интеракции делают миграцию более легкой посредством уменьшения издержек и свойственных ей рисков» [1, с. 59].

Следует отметить, что идеи теории миграционных сетей повлияли на развитие теории кумулятивной причинности. Согласно данной теории с течением времени процесс распространения миграционных сетей становится самовоспроизводящимся, поскольку каждый факт миграции способствует созданию социальной инфраструктуры, стимулирующей дальнейшее миграционное движение.

Необходимо выделить конфликтологический подход к исследованию миграционных процессов, разработанный российским исследователем А. В. Дмитриевым. Он отмечает, что «...с учетом меняющейся роли миграции в жизни всего мирового сообщества и каждой страны-реципиента необходимо рассматривать общество не как постоянно гладко функционирующую систему, а как систему, занимающую особое место в пределах неизбежных притязаний групп, сопровождающихся перемириями и столкновениями» [4, с.18]. Суть данного подхода, по мнению исследователя, заключается в том, что «...конфликт, связанный с миграцией, обычно касается взаимодействия двух основных участников: постоянных жителей (резидентов), с одной стороны, и мигрантов — с другой» [4, с. 22]. Противоречия между местным населением и трудовыми мигрантами являются источником напряжения, которое возникает даже в тех случаях, если отсутствуют действия той или иной стороны. Перманентным основанием такого конфликтогенного ха-

рактера мигрантов можно считать социокультурную чужеродность трудовых мигрантов.

Рассмотренные социологические подходы основаны на объективно-субъективных, структурно-динамических компонентах. Так исследование причинно-следственных взаимосвязей миграции на макроуровне позволяет сопоставить масштабы, направления, интенсивность миграционных потоков между регионами с различными параметрами социально-экономического развития территорий. В рамках микроуровневых теорий изучается миграционная реакция трудовых мигрантов, семей или домохозяйств на изменение тех или иных показателей, условий жизни, важных с точки зрения принятия решений о трудовой миграции.

Теоретическая модель исследования трудовых мигрантов должна сведенять анализ макро- и микроуровня трудовых миграций, рассматривая миграционный феномен в динамике, начиная с мотива принятия решения, реализации миграций, последствий в принимающем сообществе. Ключевым становится понимание того, каким образом иностранные трудовые мигранты получают доступ к участию в жизни принимающего сообщества, сохраняют связи с посылающей страной и выстраивают свои жизненные траектории внутри и вне этих сообществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Блинова М. С.** Современные социологические теории миграции населения / М. С. Блинова. — М. : КДУ, 2009. — 160 с.

2. **Бондырева С. К.** Миграция (сущность и явление) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. — М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2007. — 296 с.

3. Демографический многоязыковой словарь. — Нью-Йорк : ООН, 1978. — 846 с.

4. **Дмитриев А. В.** Миграция : конфликтное измерение / А. В. Дмитриев. — М. : Альфа-М, 2007. — 416 с.

5. **Ивахнюк И. В.** Международная трудовая миграция / И. В. Ивахнюк. — М. : Экон. ф-т МГУ, ТЕИС, 2005. — 286 с.

6. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/convents/migrant.htm. — Загл. с экрана.

7. Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М. : Центр миграцион. исслед., 2007. — 370 с.

8. Миграция и развитие. Доклады и статьи ведущих сессий и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13—15 сент. 2007 г. : сб. ст. / гл. ред. В. А. Ионцев. — М. : Би Эль Принт, 2007. — 255 с.

9. **Рыбаковский Л. Л.** Миграция населения. Вып. 5 : Стадии миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский ; под общ. ред. О. Д. Воробьевой (Приложение). — М. : [Б. и.], 2001. — 160 с.

10. **Рязанцев С. В.** Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии : тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев. — М. : Формула права, 2007. — 576 с.

11. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.

12. **Юдина Т. Н.** О социологическом анализе миграционных процессов / Т. Н. Юдина // Социол. исследования. — 2002. — № 10. — С. 102—109.

13. **Юдина Т. Н.** Социология миграции : к формированию нового научного направления / Т. Н. Юдина. — М. : Дашков и К°, 2003. — 399 с.

14. **Gonzales N. L.** Family organization in five types of migratory wage labor / N. L. Gonzales // American Anthropologist. — 1961. — Vol. 63.

15. **Stark O.** Migration decision making : A review article / O. Stark // Journ. of Development Economics. — 1984. — № 14. — P. 251—259.

16. **Thomas B.** Migration and Economic Growth : The Study of Great Britain and Atlantic Economy / B. Thomas. — Cambridge : Cambridge University Press, 1973. — 498 p.

Поступила 13.07.11.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПОДХОДА К ПРИВЛЕЧЕНИЮ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

В. П. Мишичкина

В статье обосновывается применение программно-целевого подхода к процессам привлечения дополнительных трудовых резервов в регион. Делается акцент на отборе территорий вселения Саранской агломерации с учетом перспектив их развития.

Программа Республики Мордовия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, разработанная Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития Республики Мордовия. Основанием применения программно-целевого подхода к процессам привлечения дополнительных трудовых резервов послужила социально-демографическая ситуация в республике, которая остается сложной долгие годы.

Характер ситуации традиционно определялся высокой миграцией населения (в том числе насильственной). Отрицательный естественный прирост населения был зафиксирован в сельской местности Мордовии уже на рубеже 1985 г., а в 1992 г. — для всего населения региона.

Деформация половозрастной структуры населения в XX в. оказывает существенное влияние на современную динамику демографических процессов и будет определять ее в ближайшем будущем. Особенно заметно проявлялись последствия этой деформации в середине 1960-х гг. прошлого века, когда резкий спад числа рождений был связан с вступлением в возрастную группу наибольшей детородности (20 ÷ 29 лет) малочисленных контингентов, родившихся в военные годы. Второй спад пришелся на конец 1980 — начало 1990-х гг., когда в активный детородный возраст вошло поколение их внуков, родившихся в конце 1960-х гг. XX в.

Республика Мордовия характеризуется низкой рождаемостью, которая с 1992 г. не достигает уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Естественная убыль населения имеет устойчивый и долговременный характер. В последние годы ежегодное превышение умерших над родившимися в республике постепенно снижается и составляет около 7 тыс. человек.

Демографическая ситуация в республике негативно сказывается на трудовом потенциале. Несмотря на наличие официально зарегистрированных безработных, регион нуждается в самых разнообразных кадрах: от высококвалифицированных специалистов и управленцев до работников неквалифицированного труда. Кроме того, недостаток трудовых ресурсов будет ощущаться и на вновь открываемых предприятиях, создаваемых в ходе реализации инвестиционных проектов на территории республики.

Главная цель Программы — оказание всестороннего содействия полноценному и осознанному процессу переселения в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом, способствующему решению стратегических задач социально-экономического развития республики. Основными задачами реализации Программы являются: обеспечение социально-экономического развития Республики Мордовия; сокращение дефицита трудовых ресурсов; улучшение демографической ситуации; увеличение миграционного притока населения в республику; закрепление переселенцев в Мордовии, обеспечение их социально-культурной адаптации и интеграции в российское общество.

Программа дополняет систему мер по стимулированию рождаемости, снижению смертности и регулированию миграции, направленную на стабилизацию численности населения республики и восполнение трудовых ресурсов.

Для реализации Программы определены приоритетные территории вселения и инвестиционные проекты, предполагающие привлечение дополнительных трудовых ресурсов из числа соотечественников с возможностью оказания содействия в предоставлении жилья, наделении земельными участками и других мер социальной поддержки пересе-

© В. П. Мишичкина, 2011

лениям. Для обеспечения сбалансированного подхода к отбору территорий будущего проживания с учетом региональной специфики органами государственной власти проведен комплексный анализ и отбор территорий вселения с учетом перспектив их развития.

При выборе территорий вселения учитывались следующие факторы:

— финансово-экономический потенциал и уровень жизни населения;

— демографический потенциал;

— степень развития инженерной инфраструктуры;

— обеспеченность социальной инфраструктурой;

— наличие жилья и перспектива приобретения или его строительства;

— перспективы развития производственного и сельскохозяйственного секторов (реализация инвестиционных и национальных проектов).

Для участия в Программе в Республике Мордовия сформированы три территории вселения с учетом целевого характера направления миграционных процессов: Инсарский район, Чамзинский район и ГО Саранск, входящие в проект переселения «Саранско-Чамзинская агломерация». Крупные города и образованные ими городские агломерации — одна из важнейших форм территориальной организации производительных сил России, обусловленная в значительной мере условиями хозяйственного освоения ее территории. Они являются благоприятной средой для формирования наиболее важных элементов рыночной инфраструктуры, становления новых экономических отношений.

Производственный комплекс Саранской агломерации представляет собой сложную многоотраслевую систему, состоящую из множества предприятий различного размера и профиля, как определяющих его специализацию в территориальном разделении труда, так и обслуживающих основные производства. В условиях перехода экономики на рыночные отношения территориальный производственный комплекс агломерации обладает наибольшей устойчивостью и способностью к адаптации в силу его диверсифицированности и возможности перераспределения функций и различных ресурсов (например трудовых) между различными элементами агломерации. Саранская агломерация имеет также развитую научно-производственную базу, хотя и недостаточно обеспеченную высококвалифицированными кадрами. Наличие этих элементов (ресурсов), сконцентрированных на достаточно компактной территории, дает более благоприятную возможность структурной перестройки хозяйства агломерации и ее отдельных элементов в соответствии с рыночными требованиями. Концентрация на компактной и инфраструктурно обеспеченной территории разнопрофильных и разномасштабных объектов является основой для активной межхозяйственной и межотраслевой кооперации, позволяющей максимально реализовать агломерационный эффект. Следует отметить, что в отличие от прошлых лет в настоящее время практически сняты все преграды для такого взаимодействия (прежде всего ведомственные, внеэкономического характера и др.).

Город Саранск — ядро агломерации — выполняет организационную, регулирующую роль. Саранск также выступает как центр формирования новых рыночных структур, обслуживающих близлежащие территории, распространения инноваций и подготовки кадров.

Сформировавшаяся в предшествующие годы развитая инженерно-транспортная инфраструктура в Саранско-Рузаевско-Чамзинской зоне на фоне территорий с низкой плотностью таких объектов в большей мере соответствует новым экономическим отношениям, позволяя эффективно перераспределять различные ресурсы и продукцию (в том числе информацию) между ее элементами, обеспечивая мобильность всей системы в условиях постоянно меняющейся конъюнктуры рынка. Развитая социальная инфраструктура, наличие большого количества разнопрофильных учреждений профессиональной подготовки и переподготовки кадров различного уровня позволяют целенаправленно формировать необходимые для развития рыночных отношений и новых сфер деятельности трудовые ресурсы.

Территориальная сближенность поселений в Саранской агломерации, их благоприятная транспортная взаимодоступность являются важными условиями формирования в ее границах единого рынка труда. Параллельно с ним развивается и рынок жилья. В связи с этим имеется возможность перераспределения населения между элементами агломерации, снижаются показатели безработицы в отдельных ее поселениях и таким образом в значительной степени уменьшается острота социально-экономического кризиса.

Агломерация как специфическая форма территориальной организации хозяйства и расселения обладает рядом серьезных преимуществ, связанных с так называемым агломерационным эффектом. Он включает несколько составляющих: эффект концентрации производства и органически связанный с ним эффект специализации, кооперирования и комбинирования в условиях территориальной близости предприятий, эффект со-

вместного использования инженерной и социальной инфраструктуры. Кроме экономической, следует отметить и социальную эффективность, связанную с возможностями более полной и разнообразной занятости населения, обеспечения относительно равных и благоприятных условий жизни. Таким образом, использование структурных особенностей агломерации дает возможности для опережающего перехода к инновационному типу развития, усилению социальной ориентации производства.

Сценарий перспективного развития агломерации ориентирован на прогрессивные сдвиги в отраслевой структуре промышленности с приближением ее к типу наукоемкого производства при существенном усилении социальной ориентации. Такой подход обусловлен не только совокупностью благоприятных предпосылок, включая уже созданный мощный потенциал передовых отраслей. Не менее важно и то, что именно город Саранск может стать зоной «прорыва» к инновационному типу развития экономики. Это предполагает следующие принципиальные направления совершенствования экономической базы агломерации:

– приоритетное формирование инновационных сфер деятельности; диффузию передовых технологий в другие виды производства, транспортную и инженерную инфраструктуры, опережающее развитие средств связи, обработки и передачи информации;

– корректировку системы подготовки и переподготовки кадров, постоянную их адаптацию к новым условиям и требованиям;

– усиление взаимодействия между образованием, наукой и производством, в том числе путем создания таких новых форм территориальной организации, как технополисы, техпарки, инкубаторы малого бизнеса и др.;

– опережающее развитие социально ориентированных сфер и видов деятельности, таких как сфера услуг, рекреация, пищевая и легкая промышленность.

Динамика занятости и формирование рынка труда в перспективе в значительной степени будут зависеть от решения экономических проблем как в границах агломерации, так и по стране в целом. Фактор структурной динамики будет при этом действовать в двух направлениях: высвобождения рабочей силы и создания на нее дополнительного спроса. Возникают следующие задачи: разработка экономически обоснованного прогноза ситуации на рынке труда в агломерации и оценка потребности в различных категориях специалистов на предстоящий период.

Подъем уровня занятости населения возможен при условии развития производства и требует масштабных капиталовложений. Основными направлениями работы по смягчению ситуации на рынке труда являются: 1) стимулирование самозанятости населения, поддержка малого бизнеса и предпринимательства; 2) развитие инфраструктуры рынка труда; 3) создание единого рынка труда агломерации и его включение в объединенный рынок труда России; 4) создание и совершенствование системы переподготовки кадров; 5) финансовая поддержка предприятий, сохраняющих и создающих новые рабочие места из средств фонда занятости; 6) организация общественных работ; 7) социальная поддержка безработных (выплата им пособий и компенсаций, содействие в поиске работы и т. д.).

В случае стабилизации экономических процессов в агломерации, улучшения уровня жизни населения и его уверенности в будущем данная тенденция может измениться и привести к нормализации демографического воспроизводства.

Проект переселения «Саранско-Чамзинская агломерация» представлен тремя муниципальными образованиями республики (территориями вселения), участвующими в реализации Республиканской программы по оказанию содействия добровольному переселению в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом: «Ичалковский муниципальный район», «Чамзинский муниципальный район», «ГО Саранск», численность населения в которых составляла на 01.01.2010 г. 369 203 человек. Привлечение соотечественников на выбранные территории вселения Саранской агломерации обусловлено наличием инвестиционных проектов, требующих квалифицированных специалистов и рабочей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Миничкина В. П.** Формирование миграционной привлекательности региона в рамках программно-целевого подхода / В. П. Миничкина // Регионология [Саранск]. – 2007. – № 1. – С. 53–63.

2. Программа Республики Мордовия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 03.10.2011 г., № 347). – Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

Поступила 13.07.11.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Т. В. Слугина

В статье рассматриваются результаты социологического исследования, посвященного выявлению мнений студентов о проводимой в нашей стране социальной политике.

Социальная политика современного российского общества, которая формировалась в постперестроечный период, не смогла противодействовать нахлынувшим социальным проблемам. Российская Федерация, провозгласив в главном законе страны свою социальную направленность, шла к ней крайне непоследовательно. В результате этого к середине 1990-х гг. мы наблюдали снижение численности людей с доходами ниже прожиточного минимума; усиление дифференциации населения по доходам; напряженность на рынке труда; рост задолженности по выплате заработной платы, пенсий и социальных пособий; демографическую проблему; снижение доступности бесплатной медицинской помощи и качества оказываемых услуг; увеличение количества безработных; близкую к состоянию общей стагнации систему образования; низкий уровень качества жизни россиян. В своих посланиях как В. В. Путин, так и Д. А. Медведев призывали решительно бороться с образовавшимися социальными проблемами. Однако меры, которые принимаются для сглаживания этих противоречий, на данный момент представляются недостаточно эффективными.

Все это делает актуальным и необходимым изучение социальной политики, особенно сейчас, в период экономического кризиса, и требует принятия адекватных мер путем реформирования общественной жизни, проведением эффективной социальной политики государства. Реформирование общественной жизни глубоко затрагивает не только механизм управления обществом, но и весь комплекс интересов личности, трудовых коллективов, классов, народностей, социальных и профессиональных групп и слоев населения. Среди факторов, способствующих гармонизации интересов личности и общества, гарантирующих защиту интересов человека, его прав и свобод, особое место принадлежит социальной политике государства и всей инфраструктуре социальной работы с различными группами населения.

С целью выявления мнений о социальной политике в современном российском обществе в мае 2010 г. было проведено методом анкетного опроса пилотажное социологическое исследование под названием «Социальная политика современного российского общества». В опросе приняли участие студенты I—V курсов очной формы обучения Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. В процессе исследования выявлялась степень социальной защищенности студентов, мнения об услугах здравоохранения и образования, а также их отношение к приоритетным национальным проектам.

Актуальность данного исследования обусловливалась, во-первых, тем, что социальная политика, являясь приоритетным направлением развития государства, направлена по большей своей части на молодежь — поэтому необходимо выявить в первую очередь именно их мнения; во-вторых, уровень социальной защищенности является важным показателем общества, и по нему можно судить о векторе его развития (так, низкий уровень социальной защищенности во многих странах, в частности, в Англии, Франции, России и т. д., привел к революции). Таким

© Т. В. Слугина, 2011

образом, мнения о проводимой социальной политике должны стать формообразующим фактором дальнейшего ее развития.

Стоит отметить, что в данном исследовании фигурировали два основных компонента социальной политики — здравоохранение и образование, так как они в большей степени касаются именно студенчества. Были выдвинуты несколько гипотез. Первая из них заключалась в тезисе, что студенты не чувствуют себя социально защищенными.

Было выявлено, что большая часть респондентов считает, что государство не защищает ничьих интересов. Треть опрошенных полагают, что в нашем государстве защищаются только интересы богатых (рис. 1). При этом важен тот факт, что ни один из опрошенных студентов не считает, что государство на данный момент обеспечивает защиту всех слоев общества. Данные социальные факты свидетельствуют, что средний класс, к коему относятся и студенты, в глазах респондентов оказывается незащищенным. Далее респондентов просили дать оценку уровню социальной защищенности. Как и следовало ожидать, большинство респондентов (64 %) считают, что они недостаточно защищены. Пятая часть опрошенных считает, что они вообще не защищены, и лишь 10 % оценивают уровень своей социальной защищенности достаточно высоко.

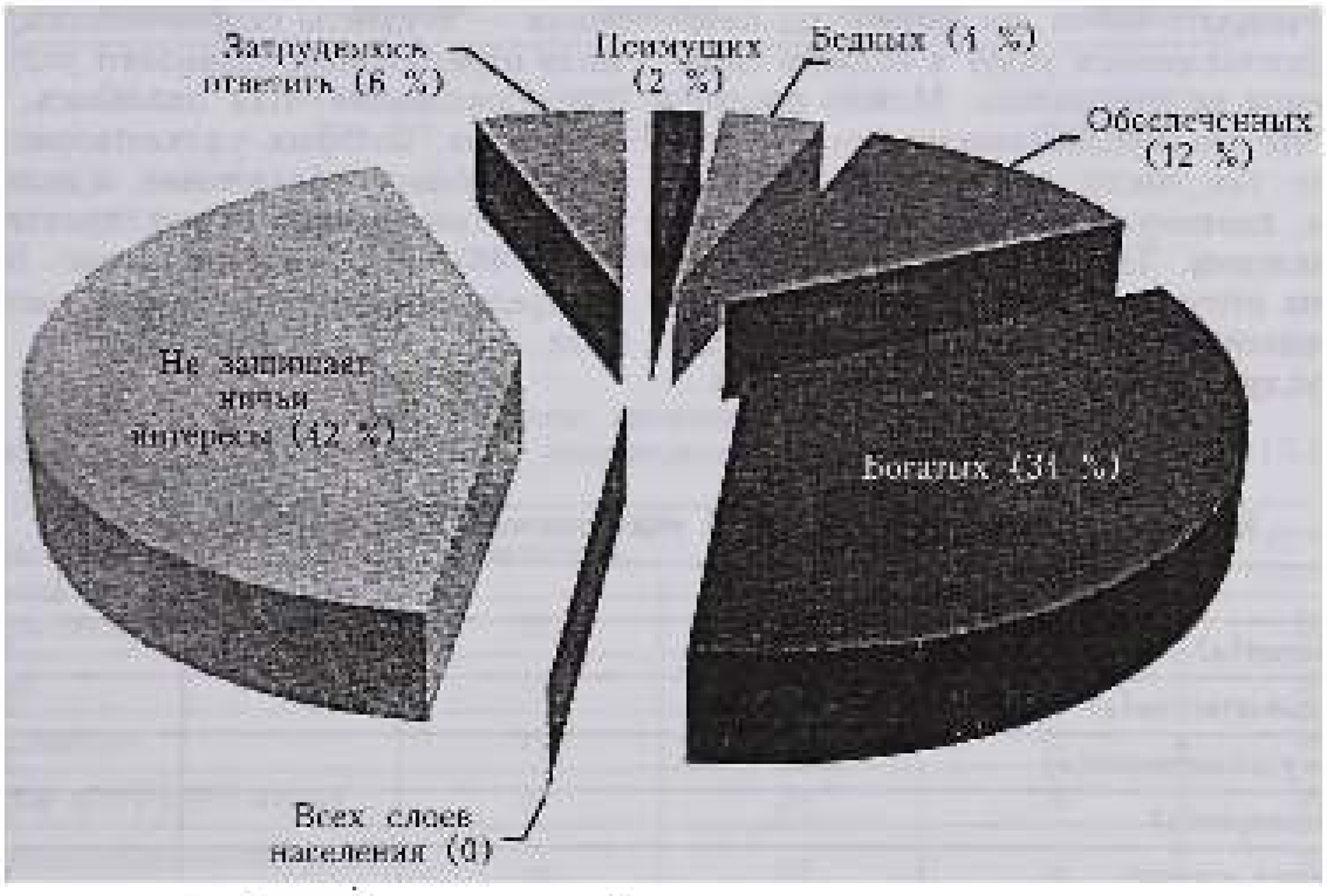


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, чьи интересы защищает государство?»

Однако достаточно занятным представляется тот факт, что, не дождавшись предоставления каких-либо социальных гарантий от государства, более половины респондентов (52 %) будут пытаться самостоятельно решить свои проблемы. Около трети опрошенных (34 %) намерены пустить все на самотек. Студентов же, желающих бороться за свои права и выражающих социальную активность (готовых обратиться в суд; поддержать партию или общественное движение, выступающих за их права; принять участие в референдуме или выборах для смены власти), оказалось совсем немного — в общей сложности 10 %.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о подтверждении выдвинутой гипотезы — студенты не чувствуют себя социально защищенными.

Вторая гипотеза заключалась в том, что студенты скорее отрицательно, нежели положительно оценивают услуги здравоохранения. Для ее подтверждения нам необходимо было рассмотреть уровень удовлетворенности респондентов услугами здравоохранения и оценку качества предоставляемых услуг в этой сфере.

Как показали результаты исследования, большая часть респондентов оценивают услуги в области здравоохранения отрицательно (64 %). Треть респондентов оценивают их положительно. Однако стоит учитывать, что

лишь небольшое количество опрошенных дали однозначные ответы на поставленный вопрос. Распределение ответов можно рассмотреть в табл. 1.

Таблица 1

Удовлетворены ли Вы качеством оказываемых Вам услуг здравоохранения?

Вариант ответа	Всего, %
Удовлетворен(а)	4
Скорее удовлетворен(а)	30
Скорее не удовлетворен(а)	52
Не удовлетворен(а)	12
Затрудняюсь ответить	2

Абсолютное большинство респондентов (92 %) считают, что за последний год качество предоставляемых услуг в области здравоохранения не изменилось. Можно предположить, что это обусловливается тем, что студенты не так часто пользуются данными услугами, поэтому и не видят перемен в их предоставлении. Таким образом, была подтверждена вторая гипотеза — студенты скорее отрицательно, нежели положительно оценивают услуги в области здравоохранения.

Третья гипотеза касалась услуг образования — студенты скорее положительно, нежели отрицательно оценивают услуги в области образования. Как оказалось, доля респондентов, которых удовлетворяет качество услуг в области образования, и доля тех, кого, наоборот, не удовлетворяет, практически равны — 46 и 42 % соответственно. Конкретное распределение ответов можно рассмотреть в табл. 2.

Таблица 2

Удовлетворены ли Вы качеством оказываемых Вам услуг образования?

Вариант ответа	Всего, %
Удовлетворен(а)	20
Скорее удовлетворен(а)	26
Скорее не удовлетворен(а)	32
Не удовлетворен(а)	10
Затрудняюсь ответить	12

Более половины опрошенных (52 %) сочли, что качество услуг в области образования совершенно не изменилось. Пятая часть респондентов считают, что качество услуг улучшилось, еще столько же — что ухудшилось.

Таким образом, можно сделать вывод, что третья гипотеза не нашла своего подтверждения. Однако стоит констатировать, что в студенческой среде преобладает скорее нейтральное отношение к услугам в области образования. На наш взгляд, во многом это обусловливается непосредственной вовлеченностью в процесс образования и его субъективной оценкой в целом. Очевидно, что немаловажную роль здесь играют симпатии и антипатии.

Четвертая гипотеза заключалась в том, что студенты скорее негативно оценивают политику в области приоритетных национальных проектов. Доли тех, кто одобряет и не одобряет политику в области приоритетных национальных проектов, как и предполагалось, оказались практически равными, и поэтому данный критерий не даст достаточно полной оценки (рис. 2). Поэтому целесообразным представлялось выяснить, как респонденты оценивают состояние дел в различных сферах в период с момента начала реализации приоритетных национальных проектов (январь 2006 г.) и по сей день.

В целом респонденты отметили ухудшение во всех сферах: в области здравоохранения, образования, сельского хозяйства, строительства доступного жилья, в жилищно-коммунальном обслуживании, демографической ситуации (табл. 3). Прежде всего, на наш

взгляд, на такую оценку повлияли последствия мирового экономического кризиса. Сами по себе показатели в данных сферах не являются плохими, однако в массовом сознании коренится понимание того, что с приходом кризиса жизнь ухудшилась.

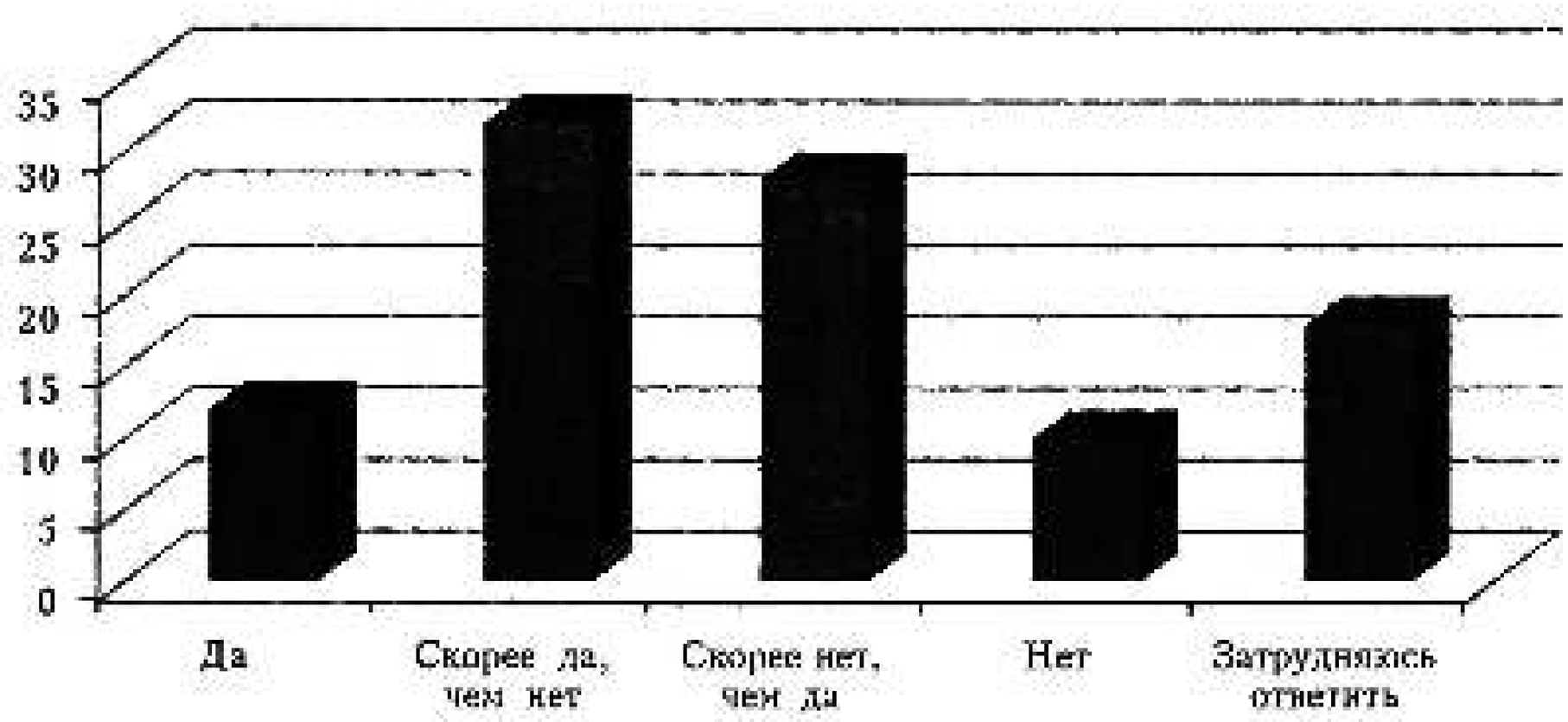


Рис. 2. Поддерживаете ли Вы в целом политику государства в сфере приоритетных национальных проектов? (%)

Таблица 3

Какие изменения в обществе произошли, по Вашему мнению, с начала реализации приоритетных национальных проектов (январь 2006 г.)? (%)

Вариант ответа	Позитивные	Негативные	Ничего не изменилось	Затрудняюсь ответить
В медицинском обслуживании	22	38	18	22
В образовании	18	36	22	24
В сельском хозяйстве	14	28	22	36
В строительстве доступного жилья	24	26	24	26
В жилищно-коммунальном обслуживании	10	52	16	22
В демографической ситуации	22	24	22	32

Также респонденты в целом отметили, что приоритетные национальные проекты не способны изменить к лучшему различные сферы жизни: состояние здоровья, уровень образования, обеспечение продуктами питания, жилищные условия, материально-финансовое положение (табл. 4) (вопрос предполагал несколько вариантов ответа). На наш взгляд, это вновь связано с состоянием экономического кризиса.

Таким образом, на основе вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что четвертая гипотеза о том, что студенты скорее негативно оценивают политику в области национальных проектов, полностью нашла свое подтверждение.

Подводя итоги исследования, посвященного выяснению мнений студентов о проводимой в нашей стране социальной политике, остановимся на следующих выводах:

1) студенты не чувствуют себя социально-защищенными;

2) студенты скорее положительно оценивают услуги в сфере здравоохранения;

3) студенты нейтрально оценивают услуги в сфере образования;

4) студенты скорее негативно оценивают политику в области приоритетных национальных проектов.

Таблица 4

Позволят ли приоритетные проекты изменить к лучшему следующие сферы Вашей жизни (жизни Вашей семьи)? (%)

Вариант ответа	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Состояние здоровья	32	54	14
Уровень образования	28	56	16
Обеспечение продуктами питания	18	62	20
Жилищные условия	22	60	18
Материально-финансовое положение	12	68	20

Поступила 13.07.11.

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ» В СОЦИОЛОГИИ

О. Н. Суняйкина

Данное понятие представляет собой эмоционально-оценочное отношение индивида к окружающей социальной реальности и своему месту в ней. На уровне социальных групп и общностей это понятие отражает социальные настроения и степень социальной стабильности/нестабильности социума.

Понятие социального самочувствия в социологии имеет сравнительно недавнюю историю. Вышедшая в середине 1960-х гг. монография Б. Д. Парыгина «Общественное настроение» является одним из первых исследований в изучении данного понятия [4]. Аналогом данного определения в зарубежных исследованиях является субъективное благополучие subject well benign, которое обращает внимание исследователей к субъективному состоянию общества и отдельных социальных групп [5, с. 26].

Термин «социальное самочувствие» уже вошел в научную терминологию, однако до сих пор существуют проблемы четкого определения понятия. Для целей социологического анализа, его трактования выделены две традиции. Первая связана с использованием данного термина, скорее, интуитивно и метафорически; вторая, уходящая корнями в изыскания российских ученых начала XX в.: В. М. Бехтерева, П. П. Викторова, Л. Н. Войтоловского и Л. И. Петражитского, — с «психологизацией» социального самочувствия. Более близкая к обыденному знанию, без серьезной теоретической базы первая традиция изучения понятия «самочувствия человека» трактует его как «состояние физических и душевных сил человека» в целом, акцентируя внимание, скорее, на экзистенциональном и нравственном состоянии человека.

Вторая традиция трактования социального самочувствия в психологическом аспекте рассматривает его как систему субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности. Включает в себя как общую качественную характеристику (позитивное, пограничное, негативное самочувствие), так и частные переживания, различно локализованные (дискомфорт в разных частях тела, затруднения при выполнении действий, трудности понимания) [2].

В медицине и валеологии социальное самочувствие интерпретируется как субъективный показатель, отражающий уровень фи-

© О. Н. Суняйкина, 2011

зических и психических возможностей человека [1, с. 13]. Самочувствие рассматривается здесь как совокупность всех физиологических ощущений индивида, состояние его здоровья, которое оказывает существенное воздействие на деятельность человека и качество самочувствия (позитивное, пограничное, негативное (патологическое)) [1, с. 15].

Социологическая традиция изучения социального самочувствия получила развитие примерно с 1980 — начала 1990-х гг., которые были ознаменованы в отечественной социологии расцветом эмпирических исследований. Однако большинство публикаций этого периода отмечены недооценкой комплексного характера, кажущейся простотой понятия. На этом фоне следует выделить исследование Л. Я. Рубиной и Т. Б. Берядниковой, которые связывают социальное самочувствие с отражением в сознании и действиях людей состояние социума. А. С. Балабанов рассматривает социальное самочувствие на уровне социальных деятелей [Приводится по: 2, с. 117].

И. В. Охременко феномен социального самочувствия рассматривает как особое состояние массового сознания, как «...социально-психологическое состояние удовлетворенности или неудовлетворенности социальным бытием» [Цит. по: 1, с. 11].

Г. М. Орлов понимает социальное самочувствие как «...исходный и динамичный комплекс установок личности на осмысленные изменения и преобразования собственной жизни». Автор исходит из того, что методические подходы к выявлению структуры самочувствия должны предполагать анализ двух основных сфер жизнедеятельности: социально-экономической и социально-политической [Цит. по: 1, с. 12].

Е. В. Тучков произвел операционализацию понятия «социальное самочувствие», в которую включил и анализ социальной напряженности, классифицированной им как «...интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением» [Цит. по: 1, с. 12]. Им выделены пять блоков социальной напряженности: экономический, социальный, демографический, экологический и политический, из которых, по экспертной оценке, в условиях Центра России преобладающее значение имеют три: экономический, социальный и политический. Конкретизация состава этих блоков и исследование региональных различий соответствующих индикаторов позволило Е. В. Тучкову предложить систему предельно допустимых значений региональных показателей социальной напряженности. Таким образом, можно говорить не только о «работоспособности», но и об эффективности применения понятия «социальное самочувствие» для анализа феномена социального поведения.

В концепции о социальном настроении Ж. Т. Тощенко и С. Харченко рассматривают социальное самочувствие в качестве базового элемента, первого уровня социального настроения и включает в себя «...актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение» [5, с. 29]. Таким образом, сущность понятия социального самочувствия они связывали с субъективным отражением чувственного, душевно-нравственного состояния, физических и психических возможностей человека. Исходя из такого понимания социального самочувствия, О. Л. Барская предложила следующую типологию социального самочувствия.

Первый тип социального самочувствия определяется О. Л. Барской как «карьера». Принадлежащие к этой группе люди рассчитывают на продвижение по службе, карьерный рост и прочее. В этом типе явно просматривается тенденция к переменам.

Ко второму типу, названному «мобилизация», этот же исследователь относит людей, находящихся в состоянии ожидания перемен в сочетании с представлением о путях решения возникающих проблем.

Третий тип социального самочувствия назван О. Л. Барской «стабильностью». Для его представителей маловероятна потеря нынешнего рабочего места, так же как занятие предпринимательством и карьерный рост.

Четвертый тип социального самочувствия — «негативные ожидания». Это предполагаемая потеря работы, а также возможностей и желания заняться бизнесом, отсутствие в перспективе позитивных изменений [2, с. 119].

В отечественной социологии существуют также несколько подходов, которые определяют социальное самочувствие как удовлетворенность человека различными сторонами жизни. Сторонники данного подхода рассматривают социальное самочувствие как отражение образа жизни. Также существует подход, в котором социальное самочувствие рассматривается как «...интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, отношение к окружающей действительности, субъективные ее стороны».

Тем не менее социальное самочувствие — достаточно сложный показатель социального микрооощущения, и он не сводим исключительно к уровню дохода, к осозна-

нию себя бедным, среднеобеспеченным или обеспеченным [3, с. 7].

Я. Н. Крупец считает, что для анализа социального самочувствия следует выделять критерии, охватывающие более широкий пласт показателей: 1) уровень жизни: доход; материальное положение, обеспеченность; занятость и безработица; гарантированность социальной защиты; свободное время, отдых; воспитание детей; 2) состояние здоровья; 3) эмоционально-психологическое состояние; 4) социальные самоощущения: идентификация; состояние комфортности; социальные ценности; 4) уровень беспокойства и надежды на помощь; 5) уровень гражданской активности; 6) жизненные стратегии: выживания; развития, самореализации; благополучия; интеграции отношения к «чужим»; самооценка потенциала: профессионального, социального опыта, личностных качеств. Каждый блок завершается оценкой существующей жизненной ситуации, построением планов на будущее в перспективе [3, с. 7].

Т. Т. Тарасова, развивая представления о показателях и индикаторах социального самочувствия, выделяет следующие факторы, влияющие на социальное самочувствие, — социально-экономические, политические, миграционные. Так, в частности, показатели социально-экономического блока факторов, по ее мнению, отражают уровень социальной адаптации населения к социально-экономическим и политическим трансформациям, степень удовлетворенности материальным положением, уровень социального оптимизма/пессимизма также определяет рейтинг наиболее значимых для населения социально-экономических и политических проблем. Политический блок дает возможность оценивать отношение населения к главным государственным институтам на федеральном и региональном уровнях, определять политические ориентации граждан [Приводится по: 2, с. 118].

Социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые в свою очередь являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения. Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие. Оно включает в себя богатый спектр факторов: удовлетворенность жизненными условиями, самооценку людьми повседневного настроения, всевозможные текущие и перспективные оценки экономического положения страны, материального благосостояния семей, показатели социального оптимизма касательно сферы экономики, политической ситуации, позиции относительно курса экономических реформ, степень доверия ведущим политическим деятелям и политическим структурам [3, с. 8].

Н. Н. Кобозева считает, что особенности социального самочувствия как социологического понятия состоят в следующих положениях. Первой особенностью, по ее мнению, является преобладание так называемого внешнего локуса контроля, при котором люди видят источник своих переживаний в социальном окружении. Состояние социального самочувствия зависит от самооценки личности, оценки своего потенциала, собственной материальной обеспеченности и сравнения себя с другими.

Второй особенностью является то, что состояние социального самочувствия имеет объективное и субъективное основание. Объективное отражает аспекты эмоционально-оценочного отношения индивидов к системе существующих социальных взаимоотношений и своему социальному статусу, измеряется через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний. Субъективное основание отражает восприятие индивидом благополучия собственной жизни и измеряется через удовлетворенность/неудовлетворенность своими жизненными достижениями, условиями существования. Она определяет социальное самочувствие как органичное сочетание субъективных и объективных жизненных факторов, физиологических и психологических возможностей личности, позитивных и негативных условий формирования жизненной стратегии.

Третьей особенностью характеристики социального самочувствия является зависимость от внешних условий и внутреннего состояния человека, что объясняет взаимосвязь социального самочувствия и социальной адаптации. В понимании этого исследователя социальное самочувствие — это фактор и показатель адаптации личности. Изменение одного влечет за собой перемены в другом. В этом и заключается бивалентность изучаемого явления [2, с. 120].

Таким образом, несмотря на отсутствие четкого определения понятия социального самочувствия, можно интерпретировать его как состояние оценочного характера, субъективное восприятие реальности и себя в ней относительно тех или иных ситуаций, проблем, событий, происходящих в сфере социальной жизни, т. е. там, где наиболее четко проявляются мотивационные факторы поведения и действия. Наиболее значимыми для анализа социального самочувствия представ-

ляются следующие показатели: 1) уровень жизни: доход; материальное положение, обеспеченность; занятость и безработица; гарантированность социальной защиты; качество свободного времени; 2) эмоционально-психологическое состояние; 3) социальные самоощущения: идентификация; состояние комфортности; социальные ценности; 4) жизненные и адаптационные стратегии; 5) самооценка потенциала: профессионального, социального опыта, личностных качеств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Головаха Е. Н.** Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. Н. Головаха, Н. М. Панина // Вестн. обществ. мнения. — 2005. — № 6. — С. 10—15.

2. **Кобозева Н. Н.** Социальное самочувствие как социологическая категория / Н. Н. Кобозева // Вестн. Ставропол. гос. ун-та [Ставрополь]. — 2007. — № 50. — С. 117—122.

3. **Крупец Я. Н.** Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социс. — 2004. — № 3. — С. 5—10.

4. **Парыгин Б. Д.** Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. — М. : Мысль, 1966. — 327 с.

5. **Тощенко Ж. Т.** Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социс. — 1998. — № 1. — С. 21—35.

Поступила 13.07.11.

ТРАВМА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Н. Ю. Абудеева, О. А. Богатова

В статье анализируются последствия постсоветских социальных изменений в аспекте социальных патологий, обосновывается релевантность концепции «травмы социальных изменений» П. Штомпки к изучению социального развития российского региона на примере Республики Мордовия.

В социологии под социальными изменениями понимаются преобразования, происходящие с течением времени в организации, структуре общества, образцах мышления, культуре и социальном поведении. Это переход социального объекта из одного состояния в другое; существенная трансформация социальной организации, социальных институтов; рост многообразия социальных форм и др. [2, с. 113].

Изменения — это различия между тем, что представляла система в прошлом, и тем, что стало с ней через определенный период времени. «Одно время социальное изменение идеализировалось как бесспорно положительное, способствующее прогрессу. Опыт двадцатого века, в невероятном масштабе сконцентрировав социальное изменение, настоящего века изменений, производит иное впечатление» [7, с. 6]. Так появилась идея, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной травмы. Несмотря на очевидную актуальность, теоретическую и практическую значимость изучения травмы социальных изменений, особенно в новых условиях развития российского общества, в социологической науке это понятие на сегодняшний день разработано слабо.

Теорию травматических социальных изменений применимо к бывшим социалистическим странам подробно развивает один из лидеров современной мировой социологии, выдающийся польский ученый Петр Штомпка. Признаками травматогенных изменений, согласно Штомпке, являются резкие, внезап-

© Н. Ю. Абудеева, О. А. Богатова, 2011

ные изменения, происходящие в короткое время; изменения, охватывающие многие сферы общественной жизни; глубокие и радикальные изменения, затрагивающие фундаментальные ценности общества; в моду входят новации, противоречащие традициям и укоренившимся ценностям; травматические изменения чаще всего оказываются нежелательными для общества, вызывающими изумление, шокирующими людей [7, с. 8]. На фоне этих изменений возникает культурная дезорганизация и дезориентация, что приводит к возникновению симптомов травмы.

Петр Штомпка выделяет три сферы проявления травмы в резко изменяющемся обществе на примере Польши. Это сфера демографическая, сфера социальной структуры и собственно культурная сфера. Мы находим симптомы культурной травмы в современном российском обществе во всех трех сферах, выделенных Штомпкой. Рассмотрим региональные особенности травмы социальных изменений на примере Республики Мордовия.

Биологическая, или *демографическая травма*, выделенная Штомпкой, характеризуется ростом числа заболеваний, психических расстройств, падением рождаемости, ростом смертности и пр. Общеизвестны негативные демографические изменения, наступившие в результате общественных трансформаций в нашей стране. Они регулярно отмечаются в Государственных докладах о состоянии здоровья населения.

Демографическая ситуация в Республике Мордовия и миграционный отток в кризисные годы привели к значительному уменьшению численности населения (на 13 % за 20 последних лет). Особенно сильно сократилось сельское население — на 20 % [5].

Республика Мордовия выделяется в ПФО высокими темпами естественной убыли населения (6 ‰ в 2008 г.), хуже ситуация только в Нижегородской области. Рождаемость в республике самая низкая среди регионов ПФО — на 20 % ниже среднероссийской. Депопуляция началась с 1992 г. и затем усиливалась. Ситуация в Саранске (коэффициент естественной убыли — 2,1 ‰) намного лучше за счет более молодой возрастной структуры и, как следствие, пониженного коэффициента смертности [5].

Возрастная структура населения сдвинута в сторону пожилых возрастов (22,4 % населения, в среднем по стране — 21,0 %). И ближайшие годы доля этой категории будет расти вследствие низкой рождаемости и постарения большой когорты населения старшего трудоспособного возраста. Ожидаемая продолжительность жизни в быстро стареющей Мордовии, как и в соседней Пензенской области, выше среднероссийской. Это следствие низких показателей младенческой смертности (менее 6 на 1 000 родившихся), но прежде всего – менее сильной алкоголизации, что снижает смертность мужского трудоспособного населения от внешних причин [5].

Симптомы *травмы в сфере социальной структуры* проявляются в нарушении ранее устоявшихся социальных связей. Изменившаяся структура общества и новые экономические отношения, «заставшие врасплох» большую часть населения, полностью опрокинули привычную стратификацию населения.

Анализируя социально-политические установки жителей Мордовии, выявляется ощущение несправедливости сложившегося в стране уровня социального неравенства. Для большинства граждан самыми значимыми являются различия по доходам; многие считают, что из-за материального положения ущемляются их права [6, с. 19].

Оценка деятельности власти и уровень доверия к ней жителей Мордовии выглядят следующим образом: большинство населения в целом положительно оценивают деятельность государственной и муниципальной власти. Однако замечая реальные меры, предпринимаемые государством, пока не ощущают их положительного влияния на качество своей жизни [6, с. 15 – 16].

Третья сфера — *культурная* — понимается Штомпкой как *«раны на теле культуры»*, по его собственному выражению, в самом широком смысле слова, включающем коренные и травмирующие изменения уклада жизни, обычаев, традиций, характера массовых коммуникаций, языковые новации и т. п. [8]. П. Штомпка к таким симптомам относит: синдром отсутствия / недостатка доверия к социальным институтам или отдельным гражданам; апатию, ощущение своего бессилия, что выражается в отсутствии интереса к общественным делам, синдром ориентации на сегодняшний день и ностальгию о прошлом, недоверие к нынешним лидерам; состояние беспокойства и наличие страхов; горячие массовые дискуссии и мобилизация социальных движений [3].

По результатам трех мегаопросов «Георейтинг» ФОМ предпринял попытку реконструкции пространства социальной атмосферы в российских регионах. Респонденты отвечали на вопросы о доверии между людьми, о солидарности, личной ответственности, благотворительности, толерантности, готовности к протестам, локусе ответственности.

По результатам анализа данных были обнаружены пять мировоззренческих синдромов, в разной степени распространенных среди сегодняшних россиян: гражданский — ответственность, социальная активность, солидарность (9 % населения); патерналистский — отсутствие ответственности, слабая социальная активность, солидарность (9 %); обывательский — социальная активность при отсутствии солидарности и ответственности (31 %); партикулярный (индивидуалистский) — ответственность, социальная активность при отсутствии солидарности (20 %); депривированный («социальное гетто») — отсутствие и ответственности, и социальной активности, и солидарности (21 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что во всех регионах России доминируют либо обывательский, либо депривированный мировоззренческие типы [1].

Анализ полученных данных позволил зафиксировать травмирующее влияние экономического кризиса на климат гражданских отношений и обнаружить социальные координаты активной «интолерантности». Если толерантные обыватели берут на себя ответственность за свою судьбу, считают, что большинству людей можно доверять и что в нашей стране высокий уровень согласия и сплоченности, к протестной активности они не склонны. Интолерантные обыватели не доверяют большинству людей, заявляют о разобщенности россиян, ответственность за свою судьбу возлагают на обстоятельства. Среди них каждый третий готов принять участие в акциях протеста, а каждый второй сталкивается с ситуациями, которые вызывают у него потребность в акциях протеста [1].

В ходе анализа результатов «Георейтингов» 2007 и 2009 гг. были выделены четыре типа регионов по отличию мировоззренческих укладов их граждан: «обывательский» (37 % населения), «обывательско-депривированный» (23 %), «обывательско-партикулярный» (20 %) и «обывательско-патерналистский» (20 %) [1]. Республику Мордовия относят к регионам с «обывательско-депривированными» мировоззренческими укладами населения.

Согласно результатам массовых опросов населения по технологии Георейтинга Республика Мордовия, наряду с Тамбовской и Омской областями, относится к первой группе регионов, в которых предпосылки для формирования гражданского общества характеризуются как очень неблагоприятные. Эта группа характеризуется слабой выраженностью практически по всем индикаторам за исключением уровня ощущения личной безопасности, значение которого находится в целом по группе на скорее среднем уровне. Однозначно низкие значения имеют индикаторы социального доверия, предрасположенности к общественной солидарности и коллективным действиям, участия в общественных объединениях и других НКО, гражданских инициативах. Республика Мордовия имеет низкие значения индикаторов уровня ответственности, а также уровня добровольчества и частной филантропии. Средние значения наблюдаются по индикатору ощущения личной безопасности [1].

Необходимо отметить, что нравственное состояние современного российского общества последних лет выглядит очень тревожным. А. Ю. Юревич определяет моральный уровень российского общества начала XXI в. как «моральную деградацию», отмечая при этом падение нравов российского общества. Суицид, наркомания, алкоголизм, коррупция, насилие, преступность свидетельствуют о болезненном состоянии общества [9, с. 70—71].

В заключение отметим необходимость создания благоприятных условий для формирования гражданского общества, улучшать показатели потенциала гражданского участия населения, а именно доверия, солидарности, согласия и сплоченности, готовности к совместным действиям, а также мера ответственности граждан. Необходимо определить пути духовного возрождения населения регионов и российского общества в целом как ключевого фактора оздоровления и духовного возрождения нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский климат в Российской Федерации : социография регионов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hse.ru/news/recent/18194954.html. — Загл. с экрана.

2. **Козырев Г. И.** Социальные процессы и изменения / Г. И. Козырев // Социол. исследования. — 2005. — № 3. — С. 113—119.

3. Культурная травма : социально-психологические аспекты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.psychology.rsuh.ru/archive/emelyanova2.doc. — Загл. с экрана.

4. **Мерсиянова И. В.** Российское гражданское общество в региональном измерении / И. В. Мерсиянова // Мониторинг общественного мнения. — 2009. — № 4 (92). — С. 44—45.

5. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/portraits/ord.shtml. — Загл. с экрана.

6. Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия : моногр. / науч. ред. проф. А. И. Сухарев ; отв. за вып. О. А. Богатова ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. — Саранск, 2009. — 240 с.

7. **Штомпка П.** Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социол. исследования. — 2001. — № 1. — С. 6—17.

8. **Штомпка П.** Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социол. исследования. — 2001. — № 2. — С. 3—12.

9. **Юревич А. В.** Нравственное состояние современного российского общества / А. В. Юревич // Социол. исследования. — 2009. — № 10. — С. 70—79.

Поступила 13.07.11.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

Е. А. Демьянов

В статье рассматриваются особенности изучения проблемы коррупции в качестве социальной проблемы, анализируются особенности социологического подхода к рассмотрению данного явления, приводится типология различных проявлений коррупции и особое внимание уделяется необходимости выявления причин, формирующих те или иные проявления изучаемой проблемы.

Приступая к рассмотрению проблемы коррупции, следует прежде всего соотнести это понятие с термином «взяточничество». В обыденной практике эти слова используются как синонимы, нередко их путают даже специалисты. Поэтому нам необходимо уяснить, что с точки зрения социологического анализа *коррупция и взяточничество совпадают лишь частично*: возможна коррупция без взяток (и даже вообще без денег), возможна «просто взятка», не носящая характера коррупции.

Так, например, преподаватель, поддавшийся на уговоры студента и поставивший ему за взятку зачет, еще не является коррупционером. А вот группа преподавателей, регулярно ставящая зачеты «своим» студентам по взаимной рекомендации, уже представляет собой коррупционную сеть, даже если взятки ими не практикуются. При этом следует заметить, что уголовно-правовая теория и практика подобного различия не проводит: любое должностное преступление расценивается как коррупционное. Попробуем, исходя из сказанного выше, дать определение данному явлению: *коррупция* — это социальная практика, состоящая в использовании служебного положения в личных целях, носящая систематический и возобновляемый характер, в которую вовлечен широкий круг лиц в условиях согласия общества на данную форму поведения.

Анализ проблемы коррупции свидетельствует о том, что эта социальная патология проявляется в двух принципиально различающихся формах. В первом случае коррупция является неким «дополнительным шансом» для получателя каких-либо благ. В качестве примера тут можно привести студента, имеющего возможность выучить предмет и сдать его честно, либо, в случае неудачи, получить зачет за взятку. Вторую, более тяжелую, форму коррупции представляют собой ситуации, в которых у лица, получающего государственную услугу, не остается выбора и оно лишается возможности добиться результата честным путем. Примером в этом случае может являться такая процедура прохождения

© Е. А. Демьянов, 2011

экзаменов в ГИБДД, при которой легально получить права не смог бы и чемпион по автогонкам. Эти формы проявления коррупции вызывают различную степень социального напряжения в обществе и требуют разных форм противодействия им на практике. Следует отметить, что различие в формах коррупции было известно еще законодательству средневековой Руси под названиями *«мздоимство»* и *«лихоимство»*.

Исторические факты коррупции известны с тех пор, как зародился бюрократический аппарат, в частности, со времен Древнего Египта. Впервые с коррупцией в ее тотальной и разрушительной форме столкнулся Древний Рим. Он был первым государством, создавшим систему министерств и ведомств, а также государственную службу в форме, близкой к современной. Практически сразу римская власть была поражена коррупцией, чему способствовали нестабильность верховной власти и общий аморализм «верхушки» общества.

Средневековая Европа почти не знала коррупции из-за слабости государственной власти, которая не имела массового чиновничьего аппарата и не решала почти никаких вопросов, кроме военных. И в последующем европейским странам был свойствен сравнительно «декоративный» характер власти, что также не создавало условий для развития коррупции. В результате этого европейское общество выработало гражданские механизмы и социальные отношения, вплоть до настоящего времени препятствующие широкому развитию данной патологии.

В отличие от европейских стран Россия изначально отличалась мощной государственностью. Это одновременно и способствовало коррупции, и вело к тому, что противодействие этому явлению рассматривалось властью как одна из государственных функций. Впервые наказание за взяточничество было введено фактически в момент создания централизованного русского государства в Судебнике Ивана III. Тем не менее XVII в. дал нам пример антикоррупционных социальных взрывов (Медный и Соляной бунты), вызванных махинациями бояр, повлекшими резкий рост цен.

Активную борьбу с коррупцией вел Петр I. Во-первых, ужесточались уголовное преследование, во-вторых, вводились европейские механизмы управления, якобы свободные от коррупции. Однако по обоим направлениям его ожидал провал: в ответ на ужесточение наказаний казнокрадство приобретало отчаянно смелый характер, а европейские механизмы управления, не соответствующие отечественным социальным отношениям, быстро коррумпировались. Кроме того, вместе с иностранцами в страну были занесены европейские модели коррупционного поведения. Эта кампания борьбы с коррупцией закончилась тем, что преемники Петра вообще отменили жалованье чиновникам, предоставив им жить за счет взяток.

В дальнейшем размах отечественной коррупции периодически слабел и снова усиливался. Первая мировая война в начале XX в. велась в условиях тотальной коррупции, что послужило важным фактором последовавшего революционного взрыва в 1917 г. Режим вызвал к себе настолько глубокую ненависть, что подтолкнул общество к попытке построения принципиально новой модели власти. Однако и советской модели была свойственна эта проблема, прежде всего такой механизм, как *блат* — безденежная форма коррупции, заключающаяся в распределении благ среди родственников и близких участников коррупционной сети.

Эпоха постсоветских экономических реформ фактически легализовала коррупционные отношения. Их развитие достигло такой степени, что несет угрозу национальной безопасности и заставляет высшие российские власти уделять этому вопросу все больше внимания, в частности, вводить требование об обязательном включении в тематику преподаваемых юристам и управленцам дисциплин изучения вопроса коррупции.

Более глубокому пониманию социальных основ проблемы коррупции способствует рассмотрение различных современных ее разновидностей [1, с. 78]. По Г. А. Сагарову, выделяются четыре культурно-географических типа коррупции: западноевропейский, азиатский, африканский, латиноамериканский. Рассмотрим их подробнее.

1. **Латиноамериканский тип**, характерной чертой которого является иностранное вмешательство. Соединенные Штаты считают Латинскую Америку сферой своих экономических интересов и неограниченно вмешиваются во внутренние дела этих стран, подкупая чиновников, партии и правительства либо организуя военные перевороты. Нарицательным стал термин «банановая республика», изначально означающий страну, которая под силовым и коррупционным давлением США перевела свое хозяйство исключительно на выращивание бананов, скупаемых «за бесценок» компанией «Юнайтед фрут».

Несмотря на географическую удаленность, данный тип коррупции был остро актуален для России в 1990-е гг., когда Соеди-

пенные Штаты активно внедрялись в наше экономическое пространство с целью получения контроля над нефтегазовой сферой. Однако в последующем отечественные политические и экономические элиты отстояли «коррупционный суверенитет» страны.

2. **Африканский тип** представляет собой «коррупционный беспредел». Власть в этом случае захватывается и удерживается силой исключительно в целях прямого разграбления ресурсов страны. В результате непрекращающейся борьбы военных группировок за власть во многих странах Африки население ходит босиком по месторождениям алмазов, вымирая от нищеты и голода. Иностранное вмешательство (как в предыдущем типе) в данных условиях почти невозможно, так как с лидерами африканских хунт невозможно договориться.

3. **Азиатский тип** коррупции отличается нормативной урегулированностью. Коррупция является нормой, но она ограничена в проявлениях. Кому и сколько «положено брать», закреплено традициями, поэтому попытка «брать не по чину» встретит острое неприятие общества.

В основе подобного отношения к коррупции лежит клановость. Представим себе семейный клан, дела у которого идут не лучшим образом. Представители клана собираются на совет и решают исправить эту ситуацию. Из всего клана выбираются несколько способных мальчиков, клан собирает им средства на хорошее образование и отправляет в престижные иностранные вузы. По их возвращении им находят (за взятку) перспективное место работы и подбирают невесту из семьи со связями. После этого перспективной клановой молодежи остается только делать карьеру, чтобы потом многократно возместить своему клану расходы и стать его опорой. Разумеется, эти долги возмещаются из средств, получаемых коррупционным путем, но общество смотрит на это едва ли не с одобрением: «Они же не для себя берут, они семью поддерживают».

Такие отношения характерны прежде всего для Центральной Азии, однако прослеживаются и в вестернизированных странах, таких как Япония и Корея, но в заметно облагороженной форме. В Советском Союзе восточный тип коррупции процветал в азиатских и закавказских республиках, в современной России этот тип коррупции свойствен некоторым северокавказским регионам.

4. **Западноевропейский** тип коррупции представляет собой должностную проституцию, фактически это торговля незаконными услугами. Общество относится к таким действиям предельно негативно. Для европейского политика или чиновника даже подозрение в коррупции более опасно, чем любой сексуальный скандал, и фактически означает конец карьеры. Ярким примером является судьба Дэвида Бланкетта, слепого от рождения министра внутренних дел Англии. Он был любимцем всей нации, но информация о незаконном использовании служебного положения (ускорил получение визы прислуге) мгновенно стоила ему как должности, так и популярности.

Причиной такого острого отношения к коррупции (и в целом западной законопослушности) являются рыночные отношения, на протяжении многих столетий формировавшие менталитет европейского общества. Рыночная экономика, при которой каждый человек является конкурентом всех остальных, своим главным условием определяет равенство условий. Любое незаконное действие вашего конкурента — это не только его успех, но и ваши денежные потери. Поэтому равенство обеспечивают сами участники рыночных отношений, к тому же крайне жестко.

Например, в средневековом чешском законодательстве пивоварам разрешалось варить по дюжине бочек пива в неделю. У кого оно будет вкусным, у кого нет — покупатель разберется, но такое ограничение обеспечивает честную конкуренцию. Если кто-то сварит тринадцатую бочку пива, его в этой бочке утопят другие пивовары. Такие порядки за сотни лет сформировали законопослушного западного человека, мотивация которого нам часто не ясна. Российские преподаватели, уехавшие работать на Запад, столкнулись с шокировавшей их ситуацией. Часто на экзамене к ним обращались студенты со словами: «Господин профессор, мне кажется, мой сосед списывает, проверьте». И эта ситуация является нормой. Почему? Очень просто: получив дипломы, студенты выйдут на рынок труда. «Честный» с четверкой получит плохое место работы, «списавший на „пять“» — хорошее. Получается, что у честного «копеечку отняли». Так лучше он этого заранее не допустит.

В такой ситуации, когда каждый видит в коррупционере личного врага, коррупция не может достичь широких размеров. Тем не менее в странах Европы коррупция есть, но она сосредоточена на высшем политическом уровне, предельно завуалирована и выступает в респектабельных формах, например, это включение в совет директоров банка в обмен на налоговые льготы, миллионный гонорар за мемуары и т. д.

Какое же место в этом ряду занимает Россия? Очевидно, имея некоторые черты восточного и европейского, иногда приближаясь к латиноамериканскому типу, наша коррупционная культура имеет индивидуальные особенности. Для нашей страны (и, вероятно, еще для Италии) свойственна *агентская модель* коррупции.

Она означает, что собственник общенациональных ресурсов (народ в его историческом понимании, включая поколения предков и потомков) доверяет распоряжение ими некоим агентам, в качестве которых выступают чиновники и должностные лица, представляющие государство. Эти ресурсы (образование, здравоохранение, лесные, минеральные ресурсы и т. д.) доверяются в целях рационального управления и приумножения. Однако у части агентов в ситуации недостаточного контроля возникает соблазн наладить регулярный взаимовыгодный обмен вверенными им ресурсами, как собственными. В результате формируется устойчивая и возобновляемая коррупционная социальная сеть. Денежные отношения в этой сети второстепенны, они возникают, как правило, лишь если к услугам коррупционеров обращается некто, не входящий в данную сеть.

Контакты, ведущие к коррупционным связям, формируются на основе дружеских, неформальных связей. Недаром первый научный очерк особенностей отечественной коррупции получил название «Тепло душевных отношений». В нашем обществе утвердилась культура взаимоотношения граждан к представителей государства, основанная на стремлении использовать или сформировать личностные связи и неформальные отношения, что создает благоприятные условия для массовой коррупции [2, с. 18].

До сих пор мало изученным вопросом остается виктимология коррупции, т. е. ответ на вопрос: «Кто же является ее жертвой?». Исходя из агентской модели вредные последствия от коррупции очевидны: средства, направляемые на возобновление общенациональных ресурсов, «осваиваются» должностными лицами в своих целях. Таким образом, жертвой коррупции является все общество, включая будущие поколения, лишаемые ресурсов для достойного уровня жизни. Казалось бы, при этом «агенты», присвоившие общенациональный ресурс, выглядят относительно благополучно. Однако есть аспект, благодаря которому даже их следует отнести к жертвам коррупции.

Возьмем как пример сотрудника ГИБДД, который за счет взяток живет высокообеспеченно. Но ему лучше других известно, сколько на дороге «откупившихся» водителей, позволяющих себе нарушать все мыслимые правила. Поэтому ему страшно переходить дорогу и еще страшнее отпускать ребенка в школу одного. Он знает, что в обществе, где все делается за взятку и по связям, он в выигрыше только «на своем уровне», а если за рулем окажется родственник человека уровнем выше, он останется без наказания. Это порождает ощущение социального дискомфорта, подрывающего качество жизни даже у относительно успешных коррупционеров.

Таким образом, жертвой коррупции является все коррумпированное общество в целом, включая коррупционеров. Причиной является невозобновимость социально значимых ресурсов и снижение качества жизни из-за непрерывно тревожащего чувства социального риска жизни в данном обществе.

Практическое социологическое изучение коррупции имеет смысл только в качестве определения направлений антикоррупционной политики. Прежде всего необходимо пресечение наиболее острых проявлений коррупции, деморализующих общество. Недопустимо сохранение и возобновление ее открытых, демонстративных форм. Первым условием борьбы с этим явлением должна стать пропаганда неприемлемости коррупционных действий. Эффективная борьба с коррупцией возможна только при привлечении к ней широких слоев граждан, для чего необходимо утверждение в обществе антикоррупционного стандарта социального поведения.

При этом недопустимо слепое копирование чуждых отечественной культуре антикоррупционных механизмов. Достаточно напомнить, что такие тотально коррумпированные механизмы, как ЕГЭ или конкурсы на госзакупки, были внедрены (а точнее скопированы из западной практики) именно с целью сокращения коррупции. По этой причине необходимо тщательное изучение особенностей отечественных управленческих отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антикоррупционная политика : учеб. пособие для студентов вузов по специальностям «Управление», «Экономика», «Право», «Социология», «Политология» / Регион. обществ. фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ) ; под ред. Г. А. Сатарова. — М. : РА «СПАС», 2004. — 368 с.

2. **Сатаров Г. А.** Тепло душевных отношений : кое-что о коррупции / Г. А. Сатаров // Обществ. науки и современность. — 2002. — № 6. — С. 16—27.

Поступила 13.07.11.

РАБОТА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ САТАНИСТСКИМ И ИНЫМ ДЕСТРУКТИВНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

М. Ю. Бареев, Ю. В. Бурова, А. И. Судакова, Е. А. Фролочкина

В данной статье анализируется влияние существующих религиозных организаций деструктивного характера на молодежь и общество в целом. Раскрывается роль Министерства юстиции РМ в противодействии экстремизму и сатанизму как одному из его проявлений. Дается социологический анализ обозначенной проблемы.

В современной России возникает большое количество антисоциальных молодежных движений, поэтому существует необходимость их детального изучения и борьбы с ними. Серьезный общественный резонанс получила деятельность сатанистской организации на территории Республики Мордовия. Данная субкультура представляет реальную угрозу обществу, поскольку ее деятельность нарушает права и свободы человека и гражданина и, как следствие, противоречит Конституции. Кроме того, сатанизм влияет на развитие культуры общества в целом, отрицая ценности и устои, принятые в обществе, разрушает личность и приводит к ее полному разложению, деградации, упадку. Результатом такого вмешательства может быть не только гибель отдельной личности как важной ячейки социума, но и полное разрушение общественного сознания, общества в целом и ликвидации всех его духовных ценностей. Именно поэтому существует реальная необходимость профилактики экстремистских проявлений и идеологий. Это и является одним из направлений деятельности правоохранительных органов на территории Республики Мордовия.

Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет деятельность по следующим направлениям, имеющим непосредственное отношение к исследуемой проблеме:

— принимает в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, в том числе отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий, торгово-промышленных палат, религиозных организаций, иных юридических лиц;

— осуществляет контроль за соответствием деятельности некоммерческих организаций, в том числе отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций, их уставным целям и задачам, за соответствием деятельности филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации;

— организует при государственной регистрации религиозных организаций проведение государственной религиоведческой экспертизы, образует в этих целях экспертный совет и утверждает положение о нем.

Во многом работа Министерства юстиции РМ направлена на противодействие деструктивным организациям в молодежной

© М. Ю. Бареев, Ю. В. Бурова, А. И. Судакова, Е. А. Фролочкина, 2011

среде. Так, в настоящее время осуществляется тесное сотрудничество Минюста и Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации в рамках работы научно-практического совета по изучению вопросов, связанных с предупреждением этноконфессиональных конфликтов и экстремистских проявлений, нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения при СВФ РПА Минюста России. Одним из итогов работы в данном направлении стало социологическое исследование, проведенное по репрезентативной выборке, которая составила 1 168 чел., проведенное в декабре 2009 г.

В январе-феврале 2011 г. в рамках работы научно-практического совета по изучению вопросов, связанных с предупреждением этноконфессиональных конфликтов и экстремистских проявлений, нравственному и патриотическому воспитанию подрастающего поколения при СВФ РПА Минюста России при нашем непосредственном участии было проведено исследование, посвященное исследованию субкультур на территории РМ по репрезентативной выборке, которая составила 382 чел. В результате было выявлено, что по гендерным особенностям доминируют в вузах девушки — 61,5 % (юношей 38,5 %). По сравнению с предыдущим исследованием число девушек выросло на 1,6 %, число юношей уменьшилось на 1,6 %. Этот показатель отражает естественное соотношение мужского и женского населения на территории Республики Мордовия.

Социальный статус семей опрашиваемых определяется прежде всего понятием «рабочий» — 38,5 %, затем «государственный(ая), муниципальный(ая) служащий(ая)» — 20,8 %, предприниматель(ница) — 19,5 %. Менее 10,0 % опрашиваемых заявили, что принадлежат к работникам коммерческих структур (8,6 %), фермерам (3,1 %), руководителям коммерческих организаций (3,1 %), руководителям государственных (акционерных) предприятий (организаций) (2,9 %), ИТР и служащим (2,1 %). Лишь малый процент приходится на долю военнослужащих — 1,3 %.

Исследование показало, что 66 % опрошенных проживают в городе, 34 % — относятся к сельскому населению. По сравнению с предыдущим исследованием число проживающих в городе выросло на 4,1 %, количество сельского населения уменьшилось на 4,1 %. Это значит, что сельская молодежь стремится проживать в городе, где проходит процесс социального становления. Однако при этом численность сельского населения падает интенсивнее, чем городского.

По уровню личного материального благосостояния 66,4 % опрошенных отнесли себя к среднему уровню, 10,9 % заявили, что имеют уровень благосостояния «ниже среднего», 11,7 — «выше среднего», 2,6 — «низкий» уровень, 3,6 % — «очень низкий». И только 4,7 % опрошенных отнесли себя к «высокому уровню личного материального благосостояния». Подобные цифры свидетельствуют о том, что в период дестабилизации социально-экономических отношений молодежь, определяющая высшее и среднее специальное образование, по-прежнему ориентируется на средний доход. Кроме того, необходимо отметить, что по сравнению с результатами предыдущего исследования число опрошенных со средним уровнем дохода уменьшилось на 2,6 %, с уровнем дохода ниже среднего — увеличилось на 0,9 %, с уровнем дохода выше среднего — увеличилось на 2,7 %. Также сократилось количество опрошенных с высоким и очень низким уровнями доходов — на 3,7 и 1,6 % соответственно. Вместе с тем незначительно упало количество респондентов с низким уровнем дохода — на 1,4 %.

Знания молодежи о функционирующих в Республике Мордовия субкультурах распределены следующим образом: скинхеды (9,5 %), готы (14,3), панки (6,2), реперы (13,2), рокеры (7,5), эмо (14,2), готники (13,1), металлисты (6,6), нацисты (3,3), антифашисты (2,6), сатанисты (5,8), трейсеры (3,7 %). Подобные цифры не вызывают тревогу, потому что о существовании субкультур, деятельность которых играет положительную роль, молодежь осведомлена лучше, чем о деятельности субкультур, содержащих в себе негативное влияние.

Необходимо отметить, что вместе с тем больше половины опрошенных считают, что деятельность субкультур не оказывает существенного влияния на общество (51,0 %). Немногим меньше (40,6 %) опрошенных согласны с наличием существенного влияния подобной деятельности и лишь 8,3 % уверены в полном отсутствии какого-либо влияния.

Роль контролирующих организаций не всегда эффективна, поэтому 71,4 % опрошенных считают, что необходимо усилить контроль правоохранительных органов республики за деятельностью субкультур, так как принадлежность к некоторым из них иногда может подтолкнуть человека к совершению неправомерных действий. За ослабление контроля высказались 1,3 % респондентов, и 27,3 % респондентов считают вышеуломяну-

тый контроль достаточным и не требующим изменений. По сравнению с предыдущим опросом достаточно серьезно увеличилось числи сторонников усиления контроля (на 11,4 %).

В связи с этим возникает необходимость конкретизировать, какие именно субкультуры могут подтолкнуть к совершению неправомерных действий. При подобном уточнении были получены следующие данные: скинхеды — 72,1 %, уличная молодежь (гопники) — 44,8, сатанисты — 66,4, нацполлисты (нацисты) — 60,9, готы — 39,8, эмо — 36,7, панки — 20,1, антифашисты — 32,8, металлисты — 8,9, рокеры — 4,2, рэперы — 5,5, трейсеры — 3,0 %. По сравнению с предыдущим опросом отметим усиление негативного отношения к готам (16,8 %) и усиление позитивного мнения об антифашистах (20,8 %).

Необходимо отметить, какие именно субкультуры, по мнению респондентов, создают реальную угрозу возникновения экстремистских проявлений. Большинство опрошенных (18,5 %) считают, что подобную угрозу создают нацисты. Меньше негатива вызывают такие субкультуры, как трейсеры и рэперы.

Анализируя условия самовыражения молодежи, респонденты отметили, что на современном этапе развития общества в большинстве случаев 34,1 % тверди уверены в такой возможности, 55,5 % с неуверенностью заявляют о возможности самореализации и 10,4 % говорят о невозможности самореализации. Подобные цифры раскрывают другую проблему, связанную со способами самореализации современной молодежи, что очень часто происходит через агрессию и жестокость. По сравнению с предыдущим исследованием отметим увеличение количества сомневающихся в своих возможностях.

Далее мы посчитали необходимым выяснить, как изменяется духовный уровень общества на современном этапе. Большинство респондентов (87,2 %) считают, что он стремительно понижается.

Не менее важным моментом является вопрос регистрации брака. 42,4 % считают, что брак необходимо регистрировать сразу, 54,7 — необходимо регистрировать, но после определенного периода совместной жизни. И лишь 2,9 % респондентов считают, что нет необходимости регистрировать брак вообще.

Интересным может быть результат опроса по вопросу, касающемуся бессмертия души. 61,7 % уверены, что душа человека бессмертна, а значит, мы можем говорить с уверенностью о религиозности этой группы молодежи. Однако существует и другая проблема: 38,3 % отвергают бессмертие, а значит, мы не можем назвать эту группу религиозной.

Отсутствие религиозности, падение духовности дадут дальнейший прогресс социальным порокам, предотвратить которые трудно уже сегодня. Например, в числе причин наркотической и алкогольной зависимости молодежи 14,3 % участников анкетирования называют проблемы в личной жизни, 15,0 — затяжные стрессовые ситуации, 15,9 — отсутствие устойчивых интересов и занятий, 10,6 — состояние одиночества и скуки, 12,6 — невроз и связанную с ним неуверенность в своих силах, 12,1 — различные депрессивные состояния, протекающие не только как временная реакция, но и как болезнь, 10,0 — отсутствие постоянной работы, 7,9 — отсутствие семьи, 1,6 % — хроническую усталость. По сравнению с прошлым исследованием выявляется тенденция увеличения доли эмоциональных и личностных причин, в частности проблемы в личной жизни (29,7 %), отсутствие семьи (9,1 %).

Исследование было бы неполным без выяснения взглядов респондентов на понятие «сатанизм». 36,2 % убеждены, что сатанизм — это религиозная секта. Чуть меньше (29,6 %) считают, что сатанисты — это кучка людей с психическим помешательством, 11,6 % признают сатанизм религиозным объединением нетрадиционного толка, 7,4 — субкультурой, 4,3 — неформальной экстремистской молодежной организацией, 10,9 % — притоном, прикрывающимся религиозным антуражем.

Причины вступления молодежи в организации деструктивного характера требуют пристального изучения. Наиболее распространенными причинами оказались попытка выделиться из общей массы и попытка найти в этом религиозном учении оправдание всем своим негативным наклонностям (25,4 и 24,7 % соответственно). Самой редкой причиной является поиск новых знакомых.

На наш взгляд, необходимость взаимодействия Минюста с правоохранительными органами обусловлена следующим: выявление уклонения лиц от регистрации религиозных организаций, общественных объединений. Объединение усилий упомянутых служб в борьбе с правонарушениями позволяет сконцентрировать их силы, средства и технические возможности, охватить поисковой работой большее число объектов, лучше использовать возможности каждого из этих органов для предупреждения, выявления и пресечения преступлений. Решение данной задачи зависит от успешного взаимодействия Минюста и правоохранительных органов.

Представляется, что взаимодействие Минюста и правоохранительных органов должно проявляться в следующих мероприятиях:

– принятии совместных нормативных правовых актов по вопросам, отнесенным к их ведению;

— реализации механизма осуществления отдельных юридических процедур, планировании и проведении совместных мероприятий, направленных на решение задач взаимодействия сторон;

— методологическом взаимодействии по вопросам, отнесенным к совместному ведению и основным направлениям взаимодействия сторон;

— координации усилий по выявлению, пресечению и предотвращению нарушений законодательства незаконными религиозными организациями;

— проведении совместных совещаний и научно-практических семинаров.

Поступила 13.07.11.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ КОМФОРТНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В МФЦ г. САРАНСКА И РУЗАЕВКИ

Р. Р. Агишев

В статье раскрываются особенности использования социологического наблюдения при оценке комфортности и информационного сопровождения процедуры предоставления государственных и муниципальных услуг в МФЦ г. Саранска и Рузаевки, дается анализ основных результатов проведенного исследования.

Использование социологического наблюдения при исследовании деятельности многофункциональных центров (далее МФЦ) позволяет с достаточно высокой степенью объективности оценить, насколько качество оказываемых государственных и муниципальных услуг (в частности, уровень комфортности и информационного сопровождения процедуры предоставления услуг) соответствует требованиям, заявленным в регулирующих нормативно-правовых актах (Устав МФЦ, Положение об МФЦ, Стандарты качества оказываемых услуг, Административные регламенты и т. д.).

В Республике Мордовия подобное исследование было осуществлено в 2009–2010 гг. на базе МФЦ г. Саранска и Рузаевки. Предметом социологического исследования стали внешне наблюдаемые показатели доступности, комфортности и информационного сопровождения процедуры получения услуг, перечень которых был разработан в соответствии с Примерным положением о многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Мордовия (утверждено распоряжением Правительства Республики Мордовия от 6 апреля 2009 г. № 142-р).

Рассмотрим каждый из показателей более подробно.

Территориальная доступность. В 2009–2010 гг. пешеходная доступность объектов мониторинга (за исключением МФЦ г. Рузаевки) не изменилась. Наиболее высокой пешеходной доступностью по-прежнему обладает МФЦ г. Саранска, в непосредственной близости (5–8 минут ходьбы) от которого расположены остановки общественного транспорта. Более того, учреждение находится в центре города, что позволяет посетителям без дополнительных пересадок легко попасть в нужный городской район.

© Р. Р. Агишев, 2011

В сравнении с 2009 г. существенно улучшилась территориальная доступность МФЦ г. Рузаевки, что связано как с удачным расположением здания, так и с отдельными организационными решениями (гражданин приобрел возможность получать широкий спектр государственных и муниципальных услуг не по месту расположения исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления (как в 2009 г.), а в одном учреждении).

Парковочные места. За 2009–2010 гг. совершенно не изменился уровень парковочной доступности объектов мониторинга: по-прежнему не были обнаружены полноценные парковочные площадки.

Наиболее актуальна проблема свободных парковочных мест для МФЦ г. Саранска. Расположенный на одной из центральных и наиболее оживленных улиц города МФЦ близко соседствует с комплексом правительственных зданий и целым рядом популярных магазинов, посетители которых, как правило, занимают практически все свободные парковочные места у обочины проезжей части.

Менее значима данная проблема для МФЦ г. Рузаевки. Не обладая специально выделенной для получателей услуг стоянкой, МФЦ г. Рузаевки в то же время располагает значительными потенциально свободными парковочными площадями (крупная стоянка близко расположенного автовокзала).

Вход в здание. Фасад здания МФЦ г. Саранска отличается высоким уровнем комфорта (с точки зрения функциональности, эстетичности): исследования 2009 и 2010 гг. полностью подтверждают данный вывод. В учреждение ведет отдельный вход (не совмещенный со входом в иные организации) с удобной низкой лестницей и достаточно широким пандусом. Информационная вывеска, расположенная на фасаде здания, предлагает посетителям широкий спектр справочной информации, которая особенно востребована на начальном этапе процедуры получения государственных и муниципальных услуг – полное и точное название, режим и график работы. Сведения комфортно воспринимаются благодаря четкому, крупному и контрастному цвету шрифта.

Не меньшей комфортностью отличается фасад здания МФЦ г. Рузаевки. После реконструкции многофункциональный центр получил в распоряжение легко идентифицируемый вход, который оборудован в полном соответствии с требованиями Примерного положения об МФЦ. На фасаде зафиксированы две информационные таблички, в полном объеме информирующие посетителя о графике и режиме работы, адресе, контактных телефонах, электронной почте учреждения.

Помещение. Для посетителей МФЦ г. Саранска и Рузаевки в 2010 г. были созданы достаточно комфортные условия: обслуживание граждан осуществляется на нижнем этаже в специально выделенном(ых) помещении(ях), места ожидания оборудованы значительным количеством стульев, имеются столы для заполнения бланков и оформления документов, в здании работают бесплатные туалетные комнаты (в МФЦ г. Рузаевки планируется выделение отдельного туалета для граждан с ограниченными возможностями). В сравнении с 2009 г. уровень комфорта в помещениях МФЦ г. Саранска практически не изменился: для посетителей, ожидающих приема и находящихся на приеме, по-прежнему созданы максимально удобные в данных обстоятельствах бытовые условия.

Значительные изменения в уровне комфортности помещения произошли в МФЦ г. Рузаевки. В настоящее время в учреждении посетитель располагается в гораздо более приемлемых условиях, чем это было в 2009 г. по месту расположения органов исполнительной и муниципальной власти в городском поселении Рузаевка. В то же время при большом количестве посетителей в МФЦ г. Рузаевки уровень комфорта снижается: не хватает мест для сидения, становится тесно и жарко.

Организация ожидания приема заявителей

МФЦ г. Саранска. В 2009–2010 гг. здесь произошли серьезные изменения в сфере внедрения в практику работы с посетителями новейших информационно-мультимедийных технологий: успешно осваивается система электронного документооборота, разрабатываются основные принципы и порядок межведомственного электронного обмена документами, функционируют мультимедийные информационные экраны и система звукового оповещения.

В 2010 г. в учреждении в полном объеме заработала электронная система управления очередью. Если ранее «электронная очередь» обслуживала только часть услуг, то в настоящее время она охватывает весь спектр государственных и муниципальных услуг.

По-прежнему наиболее широкий спектр предоставляемых дополнительных услуг отмечен в МФЦ г. Саранска: услуги нотариата, оплата пошлин и сборов, коммунальных, телефонных и иных платежей, ксерокопирование документов, юридические и справочно-консультационные услуги. В 2010 г. в МФЦ

г. Саранска произошло значительное снижение численности посетителей, ожидающих приема и выдачи документов. Практически исчезли очереди в операционных залах, в частности перед окнами служб, оказывающих наиболее востребованные услуги (регистрация собственности и регулирование земельных отношений).

МФЦ г. Рузаевки. Несмотря на недавнее появление, МФЦ г. Рузаевки уверенно занял лидерские позиции в сфере внедрения в практику работы с посетителями новейших информационных технологий. В учреждении полноценно функционируют мультимедийный информационный терминал, а также система звукового оповещения посетителей, оборудованы эргономичные окна с удобными местами для сидения и раскладки документов. Несмотря на то что созданы все базовые условия для подключения электронной системы управления очередью, она пока не функционирует.

В МФЦ г. Рузаевки в настоящее время оказывается несколько меньший объем дополнительных услуг, чем в МФЦ г. Саранска. В частности, здесь (в МФЦ г. Рузаевки) граждане могут получить консультацию о процедуре получения государственных и муниципальных услуг, воспользоваться услугами банкомата (получение денежных средств, оплата некоторых видов услуг и т. д.), сделать ксерокопию необходимых документов.

Следует отметить, что в МФЦ г. Рузаевки помимо традиционной услуги ксерокопирования предоставляется возможность платного оформления заявлений физическим и юридическим лицам, подготовки проектов договоров мены, дарения, купли-продажи, распечатки документов с электронных носителей с исправлением текста, ламинирование документов, брошюрование листов.

Условия и порядок информирования заявителей

МФЦ г. Саранска. Информационная наглядность, размещенная на бумажных носителях, в МФЦ г. Саранска по-прежнему остается наиболее распространенной формой информирования граждан об особенностях процедуры предоставления государственных и муниципальных услуг.

Результаты исследования (как в 2009, так и в 2010 г.) позволяют констатировать исключительную полноту и разнообразие информации, размещенной на стендах данного учреждения. Здесь по-прежнему представлен значительный объем справочной документации, детально описывающий процедуру предоставления государственных и муниципальных услуг.

Дизайн настенных стендов в МФЦ г. Саранска в 2009 – 2010 гг. существенно не изменился и по-прежнему оставляет самое благоприятное впечатление. Подобная реакция, скорее всего, вызвана гармоничным сочетанием функциональности и эстетичности при оформлении справочных материалов. В частности, информационные стенды в учреждениях единообразны в компоновке материала, внешнего вида и расположения, что позитивно воспринимается посетителем.

Помимо информационных стендов, представляющих собой традиционную форму информирования граждан, посетители МФЦ г. Саранска могут воспользоваться услугами первого в республике информационного городского киоска (инфомата). Инфомат, установленный в МФЦ г. Саранска, представляет собой мультимедийный автомат на базе компьютера в элегантном антивандальном корпусе. Данное устройство предназначено для предоставления широкого комплекса информационных услуг: знакомство с информацией обо всех видах услуг, оказываемых органами муниципальной, региональной и федеральной власти; получение справочной информации о нахождении органов власти, режиме и графике их работы; предоставление иной социально значимой информации.

МФЦ г. Рузаевки. Настенная информационная наглядность в МФЦ г. Рузаевки, как и в МФЦ г. Саранска, представляет собой основное средство информирования посетителей об особенностях процедуры оказания государственных и муниципальных услуг. Оформление стендов выгодно отличается опрятным внешним видом (чистотой поверхности, аккуратностью расположения элементов) и компоновкой материала (размер и цвет шрифта, использование графических элементов, фотографий для акцентирования информации).

Содержание информационных стендов в учреждении практически не отличается от справочной информации, размещенной в МФЦ г. Саранска.

В процессе информирования в МФЦ г. Рузаевки в 2010 г. была тесно задействована информационная панель-монитор, которая знакомила ожидающих приема граждан с разнообразными сведениями справочного характера.

Информационная доступность через Интернет. По-прежнему интернет-сайтов нет ни у одного объекта мониторинга. В МФЦ г. Саранска и МФЦ г. Рузаевки информация размещена на электронных сайтах соответствующих администраций и

характеризуется достаточной полнотой. Гражданин, имеющий выход в Интернет, может здесь ознакомиться с информацией общего характера (местонахождение, телефон, факс, электронная почта, сведения о руководстве), со спецификой оказываемых услуг (названия услуги, административный регламент, сроки предоставления, ответственный за оказание услуги орган власти), с целевыми документами (законодательные акты, распоряжения, приказы, а также их проекты, имеющие прямое или косвенное отношение к режиму деятельности МФЦ).

Таким образом, анализ результатов социологического наблюдения, осуществленного в МФЦ г. Саранска и Рузаевки в 2009–2010 гг., позволяет констатировать, что в многофункциональных центрах достигнут достаточно высокий уровень комфортности получения государственных и муниципальных услуг. И то же время в области решения таких задач, как организация эффективного информационного взаимодействия между ведомствами и МФЦ и оказания услуг гражданам в электронном виде, изменения не носят качественного характера.

Поступила 13.07.11.

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

М. В. Якушкин

В статье проводится анализ недостатков, выявленных в сфере культурного обслуживания в ходе социологического опроса. Выделены проблемы, характерные для большинства районов республики, а также проблемы, носящие локальный характер. Приведены рекомендации по оптимизации ситуации в данной отрасли.

В 2009–2010 гг. в рамках исследования «Оценка населением Республики Мордовия эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов» сотрудниками ГУ «НЦСЭМ РМ» было проведено социологическое исследование, в ходе которого респондентам предлагалось оценить качество предоставляемых муниципальных услуг и выделить наиболее существенные проблемы в той или иной сфере обслуживания. Анализ недостатков в сфере культурного обслуживания позволил определить динамику актуальности отдельных проблем в различных районах республики.

Результаты опроса, проведенного в 2010 г., показали, что для большинства районов республики (особенно для Атюрьевского района – 49,3 %) актуальной продолжает оставаться проблема устаревшей материально-технической базы учреждений культуры. Кроме того, этот недостаток часто отмечали опрошенные в Чамзинском, Ельниковском, Атяшевском и Кочкуровском районах. В Лямбирском районе, являвшемся в 2009 г. лидером по частоте упоминания варианта ответа «устаревшая материально-техническая база учреждений культуры», в 2010 г. ситуация улучшилась (в 2009 г. – 53,4 %, в 2010 – 40,9 %). Позитивная динамика, выраженная в существенном снижении актуальности проблемы неудовлетворительного состояния материально-технический базы учреждений культуры, наблюдается в Ромодановском (в 2009 г. – 50,1 %, в 2010 г. – 34,7 %), Ардатовском (в 2009 г. – 47,9 %, в 2010 г. – 24,3 %), Торбеевском (в 2009 г. – 46,7 %, в 2010 г. – 23,4 %), Ковылкинском (в 2009 г. – 41,6 %, 2010 г. – 26,8 %) и Темниковском (в 2009 г. – 39,5 %, в 2010 г. – 24,1 %) районах.

В 2010 г. разницу в количестве учреждений культуры в городской и сельской местности отметили наибольшее число респондентов в Старошайговском районе (23,5 %). Достаточно высока доля опрошенных, обра-

© М. В. Якушкин, 2011

тивших внимание на этот недостаток, в Чамзинском, Теньгушевском, Лямбирском, Зубово-Полянском и Большеберезниковском районах. В остальных муниципальных образованиях данные показатели не превышают 18,0 %. Лишь в Кадошкинском районе наблюдается снижение значимости указанной проблемы (в 2009 г. – 23,3 %, в 2010 г. – 15,9 %).

По данным опроса 2010 г., во многих районах республики население обеспокоено проблемой однообразия предоставляемых услуг культуры. Наибольшая доля респондентов, обративших внимание на этот недостаток, выявлена в Чамзинском районе (25,9 %), а также Инсарском, Теньгушевском, Зубово-Полянском районах и г. о. Саранск. Лидер 2009 г. по данному показателю – Кадошкинский район – демонстрирует улучшение ситуации (в 2009 г. – 35,4 %, в 2010 г. – 22,9 %), но при этом остается в числе «проблемных» территорий. Существенно улучшил позиции Рузаевский район (в 2009 г. – 26,6 %, в 2010 г. – 15,5 %). В Атяшевском районе, напротив, зафиксировано значительное ухудшение показателя (в 2009 г. – 6,8 %, в 2010 г. – 21,6 %). В остальных районах выявлены несущественные изменения.

В 2010 г., как и в 2009 г., жителей районов республики в малой степени волнует проблема низкого профессионального уровня работников культуры. Чаще всего данный недостаток упоминали опрошенные в Атюрьевском (17,8 %), Инсарском (13,7 %) и Большеберезниковском (11,8 %) районах. Ситуация по данному показателю улучшилась в Теньгушевском (в 2009 г. – 15,9 %, в 2010 г. – 10,6 %) и Темниковском (в 2009 г. – 11,0 %, в 2010 г. – 7,2 %) районах. Показатели других муниципальных образований не превышают 10,0 %.

Проблема высоких цен на услуги более актуальна для жителей г. о. Саранск. Тем не менее динамику по отмеченному показателю в Саранске можно считать положительной (в 2009 г. – 33,6 %, в 2010 г. – 25,3 %). Укрепление данной тенденции будет свидетельствовать о постепенном установлении разницы в ценах на услуги в коммерческих и бюджетных учреждениях культуры.

В 2010 г. в ряде районов Мордовии доля респондентов, обративших внимание на регулярность работы учреждений культуры, превысила 10,0 %: в Зубово-Полянском (12,3 %), Атюрьевском (11,6 %), Инсарском (10,8 %) и Большеигнатовском (10,2 %) районах. Такой недостаток, как плохое отношение к посетителям (грубость, невнимательность), беспокоит незначительную часть опрошенных во всех районах республики.

По результатам исследования 2010 г., проблема неудобного графика учреждений культуры является незначительной для большинства муниципальных образований. Лишь в Ковылкинском районе ее отметили 10,0 % респондентов.

В 2010 г. проблема неразвитости самодеятельности волнует незначительную часть населения республики. Тем не менее 20,1 % респондентов в Атюрьевском районе обратили на нее внимание (в 2009 г. – 10,5 %). Определенный рост актуальности данной проблемы наблюдается также в Инсарском, Большеигнатовском и Большеберезниковском районах. Доля опрошенных, затруднившихся отметить недостатки в деятельности учреждений культуры, в 2010 г. наиболее высока в Рузаевском, Темниковском, Большеигнатовском и Зубово-Полянском районах.

На открытый вопрос о том, что не устраивает население в культурном обслуживании, респонденты в районах республики чаще всего отмечали его отсутствие, а также закрытие клубов в селах. На аварийное состояние зданий клубов указывали опрошенные в Ардатовском, Лямбирском, Краснослободском, Атюрьевском, Зубово-Полянском, Ичалковском, Большеигнатовском, Рузаевском, Чамзинском, Дубенском, Кадошкинском и Атяшевском районах, на плохое отопление зданий клубов или его отсутствие – в Дубенском, Рузаевском, Большеигнатовском; на старое музыкальное оборудование клубов и его отсутствие – в Большеигнатовском, Кочкуровском, Темниковском районах; на старый библиотечный фонд – в Лямбирском, Большеигнатовском и Ичалковском; на то, что мало проводится культурных мероприятий, – в Зубово-Полянском, Лямбирском, Краснослободском, Темниковском, Большеигнатовском и Ковылкинском районах. Кроме того, население Ковылкинского, Темниковского, Ичалковского, Чамзинского и Атюрьевского муниципальных районов отметило, что молодежи в селах негде проводить свободное время.

Исследование позволило установить, что в зависимости от места проживания респондентов в ряде районов республики имеются различия в частоте упоминания проблемы устарелой материально-технической базы культурных учреждений. Например, в Инсарском (село – 50,3 %, райцентр – 23,8 %), Кадошкинском (село – 48,7 %, райцентр – 19,3 %), Краснослободском (село – 42,7 %, райцентр – 17,7 %), Старопайгинском (село – 36,5 %, райцентр – 16,5 %) районах

чаще отмечали этот недостаток сельчане, а в Большеигнатовском (село — 17,4 %, райцентр — 50,9 %) и Атюрьевском (село — 41,2 %, райцентр — 60,4 %) районах — жители райцентров. Кроме того, в Большеигнатовском районе наблюдается положительная динамика по данному показателю среди респондентов сельской местности: по сравнению с 2009 г. его значение снизилось на 14,4 %.

В 2010 г. однообразие предоставляемых услуг беспокоит в большей степени жителей райцентров Темниковского (село — 9,5 %, райцентр — 33,1 %), Атюрьевского (село — 12,7 %, райцентр — 28,9 %), Большеберезниковского (село — 12,8 %, райцентр — 27,3 %), Кадошкинского (село — 14,1 %, райцентр — 29,7 %) районов. Причем в Кадошкинском районе у жителей райцентров наблюдается снижение остроты данной проблемы на 17,8 % по сравнению с 2009 г.

Как и в 2009 г., значительных различий в ответах респондентов в зависимости от их пола при выборе проблем в сфере культурного обслуживания в районах республики не отмечается, за исключением распределения ответов мужчин и женщин на вопрос об устарелой материально-технической базе культурных учреждений в Ковылкинском (мужчины — 13,3 %, женщины — 39,0 %) и Торбеевском (мужчины — 14,4 %, женщины — 31,3 %) районах.

На недостатки в культурном обслуживании чаще обращают внимание респонденты с высшим образованием. Так, например, проблема устарелой материально-технической базы учреждений культуры больше волнует опрошенных с высшим образованием и меньше — со средним. Существенная разница в ответах наблюдается в Ельниковском (12,1 % респондентов со средним образованием против 50,0 % — с высшим), Кочкуровском (23,5 и 60,6 % соответственно), Большеигнатовском (8,5 и 36,8 %) и Краснослободском (15,0 и 41,4 %) муниципальных районах. Кроме того, значительные изменения выявлены в доле респондентов, имеющих среднее образование и обращающих внимание на данную проблему, в Атюрьевском (увеличилась на 30,8 %), Большеигнатовском (уменьшилась на 29,9 %), Ельниковском (уменьшилась на 39,5 %), а также высшее профессиональное — в Большеигнатовском (уменьшилась на 22,2 %), Торбеевском (уменьшилась на 38,5 %) муниципальных районах.

Как и в 2009 г., проблема устаревшей материально-технической базы учреждений культуры в районах республики волнует респондентов разных возрастных групп. Особо актуальна она для опрашиваемых в возрасте от 30 до 49 лет в Чамзинском (54,9 %), Кочкуровском (52,8 %), Инсарском (43,1 %), Кадошкинском (39,2 %), Большеигнатовском (37,1 %), Ичалковском (30,8 %) районах и для молодежи в Темниковском районе (36,8 %).

Разница в количестве учреждений культуры в городской и сельской местности в основном не устраивает опрошенных младшей и средней возрастных групп в Атяшевском (от 18 до 29 лет — 14,0 %; от 30 до 49 лет — 22,1 %; от 50 лет и старше — 9,3 %); Большеберезниковском (31,7; 18,0 и 12,8 % соответственно), Большеигнатовском (22,9; 8,3 и 7,1 %), Лямбирском (29,5; 17,4 и 11,2 %) муниципальных районах. Причем в Атяшевском районе доля жителей в возрасте от 30 до 49 лет, указавших на эту проблему, в 2010 г. увеличилась на 17,0 %.

В большинстве районов Республики Мордовия однообразие предоставляемых услуг культуры чаще отмечает молодежь. Данная тенденция наблюдается в Кадошкинском (от 18 до 29 лет — 33,3 %; от 30 до 49 лет — 21,1; от 50 лет и старше — 19,8 %), Старошайговском (24,2; 16,5 и 14,3 % соответственно) и Темниковском (34,5; 18,3 и 9,8 %) муниципальных районах. В 2010 г. в Кадошкинском районе доля молодых респондентов, указывающих на этот недостаток, снизилась на 13,0 %.

Вариант ответа «все устраивает» чаще выбирают молодые люди в Ардатовском, Атюрьевском, Большеигнатовском, Зубово-Полянском, Ковылкинском, Кочкуровском, Ромодановском, Рузаевском и Чамзинском районах; респонденты в возрасте от 30 до 49 лет — в Дубенском, Ельниковском, Кадошкинском, Теньгушевском, Торбеевском районах и в г. о. Саранск; опрошенные старшей возрастной группы — в остальных муниципальных образованиях.

Неформализованные ответы респондентов в районах часто сводятся к констатации отсутствия или закрытия учреждений культуры на селе, неудовлетворительного состояния зданий, отсутствия капитального ремонта и т. д. Подобные изменения могут быть связаны с непростой экономической ситуацией, сложившейся в последние годы, и с недостатком возможности в отдельных муниципальных районах улучшения качества предоставляемых услуг культуры. В условиях недостатка финансирования учреждения культуры постепенно приходят в упадок или вообще ликвидируются (особенно в селах). Развитие данной тенденции будет способство-

вать дальнейшему снижению уровня удовлетворенности населения качеством услуг культуры.

В целях оптимизации качества культурного обслуживания органам местного самоуправления рекомендуется:

— в районах с высоким уровнем концентрации недостатков в сфере культурного обслуживания уделять особое внимание развитию и функционированию учреждений культуры, находящихся за пределами районных центров;

— учреждениям культуры активнее устанавливать взаимодействие с коммерческими и негосударственными организациями иного профиля деятельности на основе принципов спонсорства и партнерства;

— продолжать осуществлять мероприятия по модернизации материально-технической базы учреждений культуры в районах республики;

— расширять перечень предоставляемых учреждениями культуры услуг, учитывая запросы представителей всех слоев населения.

Поступила 13.07.11.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕТЕРАНСКИХ И ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Е. А. Абрамова

Статья представляет собой обзор деятельности ветеранских и патриотических организаций Республики Мордовия за 2008—2010 гг. и их роль в формировании и развитии гражданского общества. При этом особое внимание уделено влиянию ветеранских и патриотических организаций на патриотическое воспитание учащихся, молодежи и населения республики.

В рамках некоммерческого сектора Мордовии активно функционируют более 20 ветеранских и патриотических общественных организаций. Их тесное взаимодействие с органами власти республики делает совместную работу более скоординированной, позволяет находить правильные, сбалансированные решения.

Наиболее активными объединениями ветеранов являются Мордовское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов (Совет ветеранов) и Мордовская республиканская общественная организация ветеранов войны и военной службы (Комитет ветеранов). Их основные функции — защита гражданских, социально-экономических и личных прав пенсионеров, ветеранов войны и труда; социальная поддержка ветеранов, оказание им помощи в медицинском, бытовом и культурном обслуживании; патриотическое воспитание молодежи и населения в целом.

Благодаря реализации республиканской целевой программы «Старшее поколение» на 2008—2010 гг. при активном участии общественных организаций различные виды адресной помощи ежегодно получают более 25 тыс. ветеранов войны. В 2009 г. 47 ветеранам выданы сертификаты на безвозмездные субсидии для проведения ремонта индивидуальных жилых домов. Полностью завершена работа по обеспечению легковыми автомобилями участников ВОВ. Для удовлетворения потребностей ветеранов в социальных услугах создана многопрофильная сеть учреждений социального обслуживания.

В период подготовки к 65-летию Победы для ветеранов, проживающих вдали от крупных поселений, было принято решение осуществить республиканскую адресную акцию «Ветеранам глубинки — народное внимание и заботу». К этой работе были привлечены спонсоры, благотворительные и молодежные организации, трудовые коллективы, школы и другие учебные заведения, задействованы органы местной власти муниципальных образований республики. По месту жительства проведены внеплановые обследования врачами пожилых людей, не имеющих

© Е. А. Абрамова, 2011

возможности явиться в районную поликлинику.

За 2008–2009 гг. увеличилось количество обращений ветеранов в общественные организации. При их содействии ветеранам оказывается конкретная адресная помощь. Так, в 2009 г. 99,7 % обратившихся ветеранов получили медицинскую поликлиническую помощь; 95,0 % — технические средства реабилитации; 100 % — льготные рецепты. Учитывая значимость работы с ветеранами и членами их семей, Совет ветеранов республики совместно с Министерством социальной защиты населения РМ и в дальнейшем планирует работу по усилению их социальной поддержки, улучшению социально-экономических условий жизни, разработке предложений по совершенствованию законодательства в области их социальной защиты.

Результатом совместной работы ветеранских, патриотических организаций и органов власти является республиканская целевая программа «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия, на 2007–2010 гг.». В реализации программы принимают активное участие 26 городских и районных советов и комитетов ветеранов, 85 ветеранских клубов, патриотические организации Мордовии.

В целях патриотического воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях республики создано большое количество школьных музеев, комнат и уголков боевой и трудовой славы. В 2008 г. начали работать четыре вновь созданных музея, в 2009 г. открылись еще пять. Школьники вместе с ветеранами ведут шефство над 250 обелисками. С 2010 г. в Мордовии реализуется новый социальный проект: саранские школьники и студенты — волонтеры «Молодой Гвардии» — сказывают помощь по уходу за пациентами в Республиканском госпитале для ветеранов войн.

Большую работу по взаимодействию с ветеранами проводят молодежные поисковые отряды. Так, более 25 лет существует и реализует проекты гражданско-патриотического направления Мордовское республиканское патриотическое объединение «Поиск», насчитывающее более 1 000 бойцов. В 2008 г. объединение победило в конкурсе «Перспектива года», а в 2009 г. «Поиск» выиграл грант Президента РФ по проекту «Тимуровцы — ветеранам», который предусматривает оказание социальной помощи пожилым гражданам республики.

Ежегодно увеличивается количество поисковых экспедиций на места боевых действий времен Великой Отечественной войны. С 2007 по 2009 г. их число возросло с 10 до 14. Всего поисковиками Мордовии найдены и преданы земле останки более 3,5 тыс. советских солдат. В рамках подготовки к празднованию 65-й годовщины Великой Победы в 2009 г. был проведен межрегиональный слет поисковых отрядов. Победителями слета признаны поисковики Ичалковского, Чамзинского, Ромодановского, Старошайговского и Ельниковского районов Мордовии. В 2009 г. в ходе реализации программы «Организация возрождения всероссийского тимуровского движения по оказанию помощи ветеранам и вдовам погибших и умерших участников ВОВ, локальных войн и конфликтов» проведена операция «Тимуровский десант», где участвовали 60 поисковых отрядов общей численностью более 1 000 бойцов и оказана «тимуровская» помощь более 400 ветеранам. В республике впервые летом 2009 г. начал работать инструктивно-садировительный полевой лагерь «Юный патриот».

Активную работу ведет РОСТО (ДОСААФ) по патриотическому воспитанию и подготовке граждан по военно-учетным специальностям для Вооруженных сил России. Организация насчитывает 2 018 членов и 29 первичных организаций. В 2009 г. ДОСААФ приняла участие в международных сборах «Ушаковцы, вперед!», республиканских военно-спортивных играх среди отрядов «Движение юных патриотов» в рамках всероссийского проекта для детей из детских домов и школ-интернатов, военно-патриотических играх «Сын полка».

Задачу патриотического воспитания молодежи успешно решает республиканская организация «Морское собрание Республики Мордовия имени адмирала Ф. Ф. Ушакова». По ее инициативе на базе школы № 30 г. Саранска активно работает морской клуб «Гардемарин», открыты кадетские классы в школах Ельниковского и Темниковского районов, Военно-морской музей имени вице-адмирала А. С. Шиндяева в Краснослободском районе.

В марте 2010 г. в рамках деятельности Комиссии Общественной палаты России по сохранению и развитию отечественной культуры в Саранске состоялось заседание круглого стола, посвященное воспитанию патриотизма у детей и подростков на примере героического прошлого нашей страны. Оно прошло под девизом «Гордость за прошлое — надежда на будущее». При этом подчеркивалось, что лишь усилиями общественности и самих граждан, а также конкретными делами можно добиться улучшения духовного

климата, привить молодому поколению чувство гордости и уважения к великой истории России.

Активностью в военно-патриотическом воспитании молодежи отличаются клуб исторического фехтования и реконструкции «Владычный полк», клуб русского рукопашного боя имени святого благоверного князя Александра Невского, архивно-поисковая группа «Броня», входящие в состав МРМОО «Союз православной молодежи Мордовии». «Владычный полк» организовал и провел в 2009 г. межрегиональный турнир-фестиваль традиционной военно-исторической культуры и ратоборств народов России «Весенние ристания», в котором участвовали около 400 представителей военно-исторических клубов России. Кроме того, в течение 2009 г. члены клуба приняли участие в шести военно-исторических фестивалях за пределами республики.

В Мордовии функционирует общественная организация участников боевых действий на территории Афганистана и Чеченской Республики, а также в других странах в разные периоды нашей истории — Мордовское республиканское отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство». В республике 6 683 ветерана и 111 инвалидов боевых действий в Афганистане и Чечне, 126 семей погибших защитников Отечества в войнах, случившихся после Великой Отечественной войны. Основными задачами организации являются: сплочение ветеранов, социальная адаптация и реабилитация участников войн в Афганистане и Чечне, работа с родителями и семьями погибших военнослужащих, патриотическое воспитание молодежи.

В 2008 г. «Боевое братство» совместно с Комитетом солдатских матерей выиграло грант Президента РФ на сумму 700 тыс. руб., благодаря которому была оказана материальная и социальная помощь малоимущим и социально незащищенным семьям погибших и умерших военнослужащих в мирное время и в горячих точках, ветеранам боевых действий. Если в 2008 г. на лечение в госпиталь были направлены 117 ветеранов боевых действий и 17 родителей погибших военнослужащих, то в 2009 г. — соответственно 123 и 21. Вместе в 2009 г. члены «Боевого братства» организовали работу летнего лагеря для трудновоспитуемых подростков.

Высокую степень эффективности работы ветеранских и патриотических общественных организаций в Мордовии выявил проведенный в феврале 2010 г. анкетный опрос экспертов по изучению состояния гражданского общества в Республике Мордовия. 46 % опрошенных дали высокую оценку их работе, такое же число респондентов — среднюю оценку, что является лучшим показателем среди всех некоммерческих организаций республики. Опрос показал, что самые эффективные способы влияния на повышение социальной активности населения — экономическая поддержка общественных инициатив со стороны органов государственной власти (76 % опрошенных) и информирование населения в средствах массовой информации о конкретных проектах, акциях, проводимых с участием НКО (70 % опрошенных).

Деятельность общественных организаций, направленная на воспитание патриотических ценностей, позволяет решить многие проблемы в отношении подрастающего поколения, причем не только педагогического, но и нравственного характера. Нужно отметить, что в последнее время в республике повышается активность ветеранских и патриотических НКО, усиливается их влияние на общественно-политическую жизнь в регионе. Ярким тому примером стало празднование Россией в 2010 г. события государственного и духовно-нравственного значения — 65-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Поступила 13.07.11.

ТУРИЗМ КАК ВИД ДОСУГА

В. М. Сидоркина, Е. Н. Вдовина

В статье рассматриваются место туристической деятельности в структуре досуга и особенности отношения населения к туризму как виду отдыха на современном этапе.

Досуг как обширная и значимая часть социального времени исследуется социологией достаточно активно. Однако проблема эта неисчерпаема, так как современная действительность активно меняет виды и приоритеты досуговой деятельности. В западной, и особенно американской социологии, уже более полувека исследователи отмечают, что ценность свободного времени, досуга имеет тенденцию к росту, а некоторые утверждают, что она превысила ценность работы.

В российском обществе этот феномен отсутствует. Итоги масштабного социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2009 г., показывают, что «...второсортность свободного времени и досуга по отношению к работе — устойчивый стереотип российского общественного сознания. Во всяком случае, и 15 лет назад доля людей, полагающих, что „самое важное — это работа, а досуг нужен для того, чтобы восстановить силы для нее", был вдвое больше доли тех, для кого самым важным было „то, чем человек занимается в свободное время"» [2, с. 105]. Несмотря на это, досуг и для россиян является ценностью, хотя для большинства и не приоритетной.

Существуют несколько определений досуга, но если вычленить общее, то досуг — это свободное время, предполагающее свободу выбора видов деятельности в целях удовлетворения разнообразных потребностей. Поскольку и потребностей, и способов их удовлетворения множество, структура досуга разнообразна. Так же много возможностей классификации видов досуга. Наиболее традиционным является деление досуга на активный и пассивный.

Туризм относится к активным видам досуга, причем в современном российском обществе он занимает весьма скромное место среди других видов рекреационной деятельности. По мнению крупнейших операторов, на рынке туристических услуг потребителями этих услуг являются примерно 5 % потенциально возможных клиентов, что намного ниже мирового уровня. Работники туристических фирм Мордовии считают, что в нашей республике этот показатель еще ниже — не более 4 %. Это объясняется рядом причин, среди которых на первом месте стоит низкий уровень жизни, лишающий значительную часть населения возможности путешествовать. Вместе с тем в современном мире туризм — самый стабильно развивающийся сектор экономики, серьезно влияющий на социально-экономическое развитие многих стран мира. Для 38 % государств туризм — главный источник дохода, а для 83 % стран туризм является одним из пяти основных источников дохода.

По определению Всемирной туристской организации туризм — это «...деятельность людей, путешествующих и останавливающихся в местах вне их обычного окружения на период не более последовательного года для досуга, бизнеса или с другими целями, не сопряженными с деятельностью, подлежащей вознаграждению в месте пребывания» [3]. В европейской традиции популяризации и упрощения дефиниций туризм определяется «...как теория и практика всех видов деятельности, связанных с развлечениями, предоставлением услуг и удовлетворением потребностей туристов. Туризм — это в то же время фундаментальный технический комплекс, основывающийся на научных принципах, целью которых является предоставление серии услуг для личности, которая посвящает свободное время путешествиям, превращаясь при этом в туриста или экскурсанта» [1, с. 11].

Однако в традиционном представлении это все-таки путешествия, и современная индустрия туризма предлагает большое разнообразие видов и способов путешествий. Их можно классифицировать (и такая классификация существует) по способам передвижения (автотуризм, водный и пр.), проживания (в кемпингах, отелях, палатках и др.), по целям (религиозный или паломнический, познавательный, экологический и др.), массовости, организованности и другим основаниям. В частности, если рассматривать туристические потоки с точки зрения стоимости, то выделяют элитный, среднебюджетный и мало-

© В. М. Сидоркина, Е. Н. Вдовина, 2011

бюджетный диапазон предпочтений. По мнению экспертов, не менее 80 % отдыхающих по путевкам или самодеятельно жителей Республики Мордовия относятся к среднебюджетной категории, 4—5 % ориентированы на элитный отдых и около 15 % — на малобюджетный. Но наиболее часто в силу популярности и массовости выделяют такие виды, как экскурсионные туры, круизные (морские и речные), туры на лечение (санаторно-курортные), спортивные (имеющие сезонную специфику), морские (отдых на море) и пешеходные (иногда их называют самодеятельным, или палаточным туризмом). Они имеют развитую инфраструктуру, хорошо рекламируются и их популярность постоянно растет.

Проведенное в марте нынешнего года социологическое исследование, включающее экспертный и пилотажный опросы, позволило выявить некоторые аспекты отношения населения к проблеме туристического отдыха. Пилотажный опрос проводился среди студентов университета. В качестве экспертов выступали руководители и инструкторы туристических секций, работники и руководители туристических агентств, имеющие стаж работы в сфере туризма не менее пяти лет.

Прежде всего у 80 % опрошенных (как экспертов, так и студентов) слово «туризм» ассоциируется с путешествием с рюкзаком и палаткой, для 15 % — это любые путешествия, для остальных — поездки в другие города и страны в познавательных целях. Все без исключения отметили, что им нравится путешествовать. Но реально путешествовали только все эксперты, а из студентов — 38 %, причем преимущественно в гости к родственникам и друзьям в разные города нашей страны, и лишь 9 % действительно путешествовали.

Самый массовый в советское время вид туризма — палаточный, по выражению одного из экспертов, «буквально обрушился» в начале 1990-х гг. и не восстановился за последующее время. Более того, у него практически нет перспектив. Хотя эксперты, профессионально занимающиеся палаточным туризмом, отмечают в последние годы некоторый рост интереса к этому виду со стороны молодежи, но он незначителен. И дело здесь не только в материально-экономических причинах: отсутствии развитой инфраструктуры, проблеме доходов — этот вид туризма самый дешевый. Фундаментальными причинами следует считать, во-первых, сформировавшуюся у населения потребность в комфорте вообще и на отдыхе в особенности, во-вторых, отсутствие пропаганды — туристическим фирмам он невыгоден, образовательные учреждения не имеют ни желания, ни денег для его поддержки.

Наиболее массовыми видами туризма на современном этапе являются оздоровительный (санаторно-курортный) и отдых на море. На них приходится от 80 до 90 % всех туристов. По мнению экспертов, эти виды еще долго будут оставаться преобладающими, так как имеют ряд преимуществ. Во-первых, они наиболее полно отвечают сложившемуся еще в советское время стереотипу об идеальном отдыхе для жителей страны с преобладанием длинной зимы: солнце, море, пальмы. Оздоровление в санаториях тоже можно отнести к сложившемуся стереотипу о полезности такого отдыха, подкрепленного реальной практикой улучшения самочувствия и даже выздоровления при некоторых болезнях.

Во-вторых, инфраструктура этих видов отдыха хотя и пострадала в 1990-е гг., но начался и активно продолжается процесс не только восстановления, но и создания ее новых элементов: построены и строятся как элитные санатории и отели, так и небольшие домашние пансионаты с более или менее полным набором комфорта и услуг с ценовым диапазоном от очень дорогого до вполне доступного. Путевки перестали быть дефицитом. По сравнению с советским периодом географический диапазон морского отдыха в нашей стране стал меньше, зато расширяются традиционные курортные зоны вне моря.

В-третьих, реально доступными стали зарубежные (как ближнее, так и дальнее зарубежье) морские курорты и санаторный отдых. А то, что часть этих курортов (например, Египет) работает в круглогодичном режиме, делает их особо привлекательными. Даже в кризисные годы, по сведениям экспертов из туристических агентств, поток туристов из нашей республики почти не уменьшился, лишь снизилась ценовая планка предпочтений. Туристы предпочитали ехать в более дешевые отели и санатории, но отдых не отменяли, что еще раз подтверждает ценность досуга.

Еще одним активно развивающимся видом туризма является экскурсионный, значительное место в котором занимает автобусный. Близко к нему по функциям стоит еще один перспективный вид — круизный (морской и речной). В России развит преимущественно речной, и он год за годом растет, но пока развит значительно меньше, чем, например, автобусный. Экскурсионный туризм удовлетворяет не только потребность в активном отдыхе, но и стремление к новым знаниям, впечатлениям, развлечениям. Отвечая на во-

прос: «Если бы Вам предложили бесплатное путешествие, куда бы Вы хотели отправиться?», почти $^2/_3$ опрошенных студентов назвали разные зарубежные страны, дополняя ответ: «Хочется посмотреть мир». Остальные называли различные регионы России.

Итак, туризм в структуре досуговой деятельности населения занимает пока скромное место, хотя потенциал его велик: путешествовать хотят многие, а молодежь практически вся. Главным сдерживающим фактором является низкие доходы значительной части населения. Не менее значимым представляется и сформировавшийся у российского населения за многие десятилетия перекос предпочтений от активных видов досуга к пассивным. Более того, упоминавшееся ранее исследование Института социологии РАН выявило наметившуюся тенденцию «одомашнивания» досуга. Снижается доля россиян, проводящих свободное время вне дома, и растет число тех, для кого досуг в кругу семьи или наедине с телевизором и компьютером предпочтительнее [2, с. 112—116]. Вместе с тем эксперты в оценке перспектив туризма оптимистичны, предполагая рост отдельных его направлений и всей индустрии туризма в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Монтанер Х. Монтехано.** Структура туристического рынка : учеб. пособие : пер. с исп. / Х. Монтехано Монтанер. — Смоленск : Изд-во СГУ, 1997. — 230 с.

2. Российская повседневность в условиях кризиса : моногр. / Ин-т социологии РАН ; ред.: М. К. Горшков, Р. Крумм, Н. Е. Тихонова. — М. : Альфа-М, 2009. — 272 с.

3. Туризм как вид деятельности человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.revolution.allbest.ru>Спорт и туризм>00012712_1.html. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ В РЕГИОНЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУППЫ С ЖЕНЩИНАМИ-ИНВАЛИДАМИ САРАНСКА)

А. Р. Мухаметзянова

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с использованием качественного метода — группового фокусированного интервью с женщинами-инвалидами. Обсуждался круг вопросов по наиболее острым проблемам инвалидов: медико-социальная экспертиза, ведомственные различия в решении проблем инвалидов, широкий спектр вопросов реабилитации инвалидов, их правовая грамотность, жилищные вопросы, льготное лекарственное обеспечение, восприятие собственной инвалидности.

Научно-исследовательский институт регионологии при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда провел социологическое исследование с использованием метода фокусированного группового интервью для выявления наиболее широкого спектра проблем реабилитации и медико-социальной экспертизы инвалидов в регионе (с точки зрения самих инвалидов). Наряду с упомянутой, в ходе исследования была поставлена цель изучить перспективы развития служб реабилитации инвалидов в регионе.

Группа была составлена с таким учетом, чтобы обеспечить гомогенность состава, т. е. она была однородной по полу, социальному статусу и практически по возрасту. Особен-

© А. Р. Мухаметзянова, 2011

но важно было соблюсти однородность по полу, так как опыт применения метода фокус-групп показывает, что для обсуждения деликатных и интимных тем нужно набирать гомогенные по признаку пола группы, поэтому на первую (пилотажную) фокус-группу были приглашены только женщины-инвалиды.

Всего была проведена одна фокус-группа с пятью женщинами-инвалидами трудоспособного возраста, проживающими в Саранске, трое из которых воспитывают детей-инвалидов, у остальных близкие родственники также имеют статус инвалида. Дискуссия продолжалась 1 ч 52 мин в соответствии с заранее разработанным гайдом. В результате исследования были получены качественные данные, которые позволяют охарактеризовать ситуацию по реабилитации и медико-социальной экспертизе (МСЭ) инвалидов в регионе без измерения и количественной оценки степени распространенности проблем в указанной сфере.

В ходе исследования были выделены две группы инвалидов по их отношению к осмыслению проблем медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов. К первой можно отнести тех, кто осмысливает вышеуказанные проблемы в более широком контексте, не только фиксируясь на свои субъективные переживания инвалидности, но и затрагивая сферу организации, управления социальной защиты и реабилитации инвалидов, ко второй — инвалидов, опирающихся в осмыслении вышеуказанных проблем в основном на личный опыт решения проблем в этой области, субъективное переживание своей инвалидности и инвалидности членов своей семьи.

В целом атмосферу фокусированного группового интервью можно оценить как формально бесконфликтную, но по некоторым невербальным жестам и высказываниям участников можно предположить, что во время дискуссии сформировалась в некоторой степени иерархия отношений между участниками. Это выразилось в том, что появившийся лидер «улаживал» начинающиеся споры или переводил беседу в другое русло, проявляя свою компетентность и приводя яркие примеры-истории, которые привлекали всеобщее внимание.

На основе рукописи транскрипта фокус-группового интервью представляется возможным выделить следующие блоки (проблемные точки) анализа:

1. *Инстанции, в которые инвалиды чаще всего обращаются с просьбами о помощи*

Среди перечисленных информантами ведомств и учреждений наиболее часто встречаются: Министерство здравоохранения Республики Мордовия, Министерство социальной защиты населения Республики Мордовия, Министерство экономики Республики Мордовия, Министерство финансов Республики Мордовия, районные отделы социальной защиты населения г. Саранска, а также такие структуры, как Правительство Республики Мордовия, Администрация Ленинского района г. Саранска и некоторые другие.

Среди инстанций отдельно выделяются частные предприниматели, но в этом случае не упоминаются организации и фамилии.

Характерным для большинства высказываний является то, что от Министерства здравоохранения Республики Мордовия помощь поступает чаще и быстрее, чем от Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия, хотя именно последнее ведает полномочиями по организации экспертизы и реабилитации инвалидов. В подтверждение можно привести такое высказывание: *«Ну, вот Министерство здравоохранения* ***идет, конечно,*** *на уступки, идет на помощь... Министерство социальной защиты тяжеловато идет, очень тяжеловато, там к Юдакову не пробьешься никогда, не пробьешься, всегда он или в разъездах, или нет, очень тяжело пробиться к нему, прийти на прием, поговорить. К Людмиле Владимировне еще можно прийти, попросить насчет путевок...».* На основе высказываний информантов вся эта ситуация представляется как местная региональная особенность, специфика организации процесса реабилитации инвалидов.

Упоминание фамилий конкретных лиц, занимающих должностные посты, информантами без указания должностей позволяет предположить, что, во-первых, решение своих проблем они прежде всего связывают с отдельными личностями, т. е. решают их на персональном уровне; во-вторых, во многих случаях не считают нужным запоминать и дифференцировать ведомства (учреждения), в которые обращались, даже когда ведомство известно, предпочитают называть конкретные фамилии, так как в одном ведомстве (учреждении) одновременно могут оказаться люди, диаметрально противоположно относящиеся к инвалидам, что имеет часто решающее значение на отношение указанных структур к инвалидам.

Также на обращение к чиновникам высших инстанций влияет такой фактор: чиновники местных инстанций отказывают инвалидам в просьбах помочь деньгами, транс-

портом, аргументируя тем, что таких много. В районных отделах социальной защиты населения отказывают и поэтому многие инвалиды обращаются к чиновникам высших инстанций. Если их просьбы удовлетворяются, то это вызывает недовольство местных чиновников в районных отделах социальной защиты населения.

2. *Проблемы медико-социальной экспертизы инвалидов*

Существует такая особенность в нашем регионе, что на медико-социальную экспертизу направляют исключительно врачи, хотя сам вид экспертизы подразумевает и направление в связи с социальной недостаточностью из территориальных центров социальной поддержки населения. Но, по всей видимости, для нашей страны, отличавшейся еще в недавнем прошлом медицинским подходом к инвалидности, силены традиции обращения за социальными услугами и материальной помощью уже при наличии статуса инвалидности, а не только в связи с социальной недостаточностью. Хотя в условиях, когда в силу ограниченных ресурсов постановка группы инвалидности растягивается на годы, было бы целесообразнее оказывать необходимые социальные услуги людям без статуса инвалидности, относя их к категории людей с ограниченными возможностями здоровья. Такая работа будет способствовать профилактике и сокращению масштабов социальных дисфункций человека с ограниченными возможностями и его семьи.

Негативное отношение к инвалидам непосредственно при прохождении МСЭ вызывает ухудшение их морального и физического состояния при освидетельствовании. На это указывают многочисленные реплики: *«Я как плакала там, я... Мне обидно за ребенка было, очень обидно. Они, во-первых, как сказать прям тоже, прям, я так скажу, очень, какие слова они мне говорили, вот»; «Очень много трудностей на этом ВТЭКе, очень много»; «Если он врач, он должен разговаривать с инвалидом как врач, а не кричать, как на базаре»; «Если человек инвалид, становится еще большим инвалидом»* и др. В связи с такой ситуацией для усовершенствования работы бюро МСЭ предлагаются в первую очередь такие меры: наладить общение членов бюро МСЭ и инвалидов (*«Вот общение, зашел человек, идет на ВТЭК, как-то радостно встретить, ну, не радостно, надо чтобы приятно было, мягко как-то, там посмотришь, но кричать — это невозможно, выгоняют даже, я видала же выталкивают, берут и просто больного человека выталкивают»*); сократить очереди людей, ожидающих освидетельствования.

На вопрос модератора об обращении за разработкой индивидуальной программы реабилитации (ИПР) все участники дискуссии ответили отрицательно, и лишь через некоторое время одна участница сказала, что обращалась. Ее нежелание говорить о том, что она обращалась и ей отказали, позволяет предположить, что и в этом случае отношение к ней было, мягко говоря, нетактичным. А при условии, что остальные участники либо вообще не знают об ИПР, либо не считают ее чем-то необходимым для реабилитации инвалида, деятельность бюро МСЭ по разработке ИПР очень неэффективна с учетом других затруднений (отсутствие базовой федеральной программы реабилитации инвалида и др.). Официально отказ был обоснован тем, что информант является инвалидом II группы. Такое обоснование нарушает Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ [1].

3. *Проблемы реабилитации инвалидов*

3.1. С самого начала разговора о процессе реабилитации речь зашла о реабилитационном центре для инвалидов. Но в ходе разговора выяснилось, что даже информант, принадлежащий к группе, которая осмысливает проблемы реабилитации инвалидов в более широком контексте, ориентируясь не только на свои субъективные переживания инвалидности, называет центром реабилитации отделение дневного пребывания Территориального центра социальной поддержки населения Пролетарского района. На самом деле вопрос о строительстве комплексного центра реабилитации для инвалидов стоит очень остро и в ходе дискуссии неоднократно подчеркивался: *«...потому что сейчас об этом так много говорится, об этом центре, никто этого центра не открывает, когда у человека есть стремление этот центр открыть, его не поддерживают, когда нету, значит, его все поддерживают. Вот на том уровне как-то надо этот вопрос решать»*. Но открыть реабилитационный центр своими силами не представляется возможным: *«Ну, ведь, извините, нужна поддержка других, как бы чиновников»*. Важным для понимания процесса реабилитации инвалидов является тезис о том, что в реабилитации самое главное — ранняя диагностика.

3.2. Проблема лекарственного обеспечения является очень насущной, так как практически все лекарства покупаются. Отчетливо выделяются периоды перебоев с лекар-

ствами по льготным рецептам. Из-за сложного механизма получения лекарств инвалиды отказываются от лекарств по льготным рецептам (особенно самых дешевых) и покупают сами (*«...но мне было стыдно раз, лишний раз, я покупала за деньги»*).

3.3. Проблема жилья для инвалидов состоит в том, что, во-первых, квартиры и дома, где проживают инвалиды, находятся в аварийном состоянии (*«...вообще этот дом скоро упадет на них...»*), во-вторых, отсутствует дополнительная жилая площадь для инвалидов с заболеваниями, при наличии которых инвалид имеет право на отдельную комнату в соответствии с законодательством Российской Федерации. Например, на вопрос модератора о дополнительной площади одна из участниц дискуссии сказала: *«...на Юго-Западе есть семья, в которой проживают два туберкулезных... значит, инвалиды они уже, больные туберкулезом, но здоровый мальчик есть. Представляете, не дают квартиру, т. е. они живут в однокомнатной трое — один здоровый и двое больных. Ну, хоть запущена она, эта болезнь, она же заглушается, но не вылечивается. Живут, квартиру им не дают: живите так. Ну, это, конечно, права опять инвалидов...»*. Проблема специального жилья для инвалидов вообще не была затронута, что свидетельствует о том, что в ситуации с вышеописанными трудностями и получении жилья инвалидам «не до жиру» — были бы относительно пригодное жилье, т. е. не в аварийном состоянии и с соблюдением санитарных норм.

3.4. Обеспечение инвалидов по причине общего заболевания автомобилями «Ока» по льготной цене представляет огромную трудность. Об этом зашла речь и дискуссии. Выяснилось, что если с обеспечением автомобилями инвалидов ВОВ наблюдается довольно стабильная ситуация, то с обеспечением инвалидов от общего заболевания — намного хуже, что подтверждается информацией из Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия.

3.5. Проблема высшего образования отмечается как одна из важных, поскольку в Мордовии нет средних специализированных учебных заведений для инвалидов, а высшее образование дает хотя бы какую-то уверенность и поддержку в жизни. Но и в этом случае встречаются существенные трудности: *«Учеба, вот если поступают у нас сейчас, вроде, сказал Макушкин, что инвалиды, даже со втор... с третьей группой. Я не знаю, в том году мы, вроде, одного мальчика устраивали, но, правда, вторая группа у него, а по льготам он прошел. Но в общем тяжело было, тяжело поступить»*. Затем, перечеркивая себе, та же участница фокус-группы говорит: *«...только вторая группа может поступить, и то не все»*. Настораживает тот факт, что появляются нарушения законодательства в отношении поступления инвалидов в вузы как в положительную, так и отрицательную сторону, так как это создает возможности для манипуляции, основанной на позитивной дискриминации инвалидов.

4. Особенности социального обслуживания инвалидов

Участники фокус-группы разделились во мнениях по поводу отношения к социальным работникам, обслуживающим инвалидов на дому, и их обязанностям. Некоторые из них определенное время выступали в их качестве. Одна из информанток: *«Я, например, когда начала работать, я ходила к женщинам, у нас лежачие женщины. И мне вдруг социальный работник заявляет: „Вы что, у нас социального работника нет, что ли...“ Я спрашиваю, например: „Лидия Алексеевна, к Вам социальной работник приходит?“, она говорит: „Приходит“, а я говорю: „Ну, какое у Вас отношение?“ Она говорит: „Что я могу с ней поговорить?“ Она поставила, например, банку молока, купила мяса мне и ушла, до свидания». Она говорит: „У меня еще пять человек“... Конечно, и как может человек лежачий адаптироваться в такой атмосфере, да? Допустим, приходит социальный работник, что такое заключается социальный работник...». Другая информантка: «...раб»*. Как видно из примеров, инвалиды сами же и помогают инвалидам, т. е. источник реабилитации инвалидов опять же в самих инвалидах.

5. Восприятие своей инвалидности (самоидентификация инвалидности)

Восприятие своей инвалидности участниками фокус-группы отличается тем, что открыто называет себя инвалидом только один человек, остальные так или иначе выражают инвалидность в терминах, не употребляемых в реабилитологии: *«...здоровье тоже (у меня) не очень, не важно»*, *«...в нашей организации мы из-за болезни нашей»*, *«...мои недостатки»*.

Особенно показательным является тот факт, что одна из участниц отметила, что инвалидов у нас в Саранске, скорее всего, 80 %. После уточнения модератора, ссылаясь на личный опыт, она опустила планку до «каждого третьего». Таким образом, нахождение в инвалидной среде сильно влияет на мироощущение человека с ограниченными воз-

можностями здоровья, что и является наиважнейшей причиной для поиска путей интеграции инвалидов в региональный социум.

В связи с вышесказанным необходимо поддерживать те попытки консолидации усилий самих инвалидов, которые проявляются в среде общественных организаций инвалидов. Об этом свидетельствуют такие цитаты. Лидия Михайловна: «*Вообще, мне кажется, в одиночку ничего не решишь, еще вот хорошо, что есть организации, а какие-то, но действительно есть, в какие ты пойдешь, а в какие не пойдешь, в общем которые действительно общаются, инвалиды встречаются, там и здесь, у нас и здоровые ходят (есть). Все мы общаемся (в кругу просто находим общий язык... общение, и решать, конечно, проблемы надо сообща.* Другие поддержали: «*Сообща, сообща... объединяться, то есть организация, вот собрались несколько организаций, вышли там на телевидение, пригласили прессу. Ну, что-то, что-то, хоть один-два вопроса, но решим, а так, поодиночке, ничего не решим...*».

Жизненный путь инвалида невозможно типизировать, как и восприятие своей инвалидности. Индивидуальная судьба инвалида является ключом к пониманию его проблем и потребностей и позволяет выявить новые социальные факторы, оказывающие влияние на решение проблем реабилитации и интеграции инвалидов в общество. Активный или пассивный тип социального поведения инвалида определяется его личностными особенностями, а не инвалидностью как таковой.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать следующие основные выводы. Результаты дискуссии свидетельствуют о том, что осознание инвалидами таких понятий, как «реабилитация» и «интеграция», только начинается, вследствие чего присутствуют нечеткое разделение этих понятий, поливариантная их интерпретация, упрощенное понимание.

Упоминание фамилий конкретных лиц, занимающих должностные посты, информантами без указания должностей позволяет предположить, что, во-первых, решение своих проблем они прежде всего связывают с отдельными личностями, т. е. решают их на персональном уровне; во-вторых, во многих случаях не считают нужным запоминать и дифференцировать ведомства (учреждения), в которые обращались. Даже когда ведомство известно, предпочитают называть конкретные фамилии, так как в одном ведомстве (учреждении) одновременно могут оказаться люди, диаметрально противоположно относящиеся к инвалидам, что часто имеет решающее значение на отношение указанных структур к инвалидам. Особенно необходимо отметить то, что дискуссия по реабилитации инвалидов нередко сводилась к рассмотрению проблем современного социально-экономического положения инвалидов, ресурсному обеспечению их социальной защиты, что в определенной степени нивелирует суть самого процесса реабилитации инвалидов.

Рекомендации. Государственной службе медико-социальной экспертизы в лице Объединенного бюро медико-социальной экспертизы Республики Мордовия необходимо активнее проводить работу по информированию инвалидов о сути и важности индивидуальных программ реабилитации инвалида, а также использовать дополнительные ресурсы для обеспечения нормальной (не перегруженной) работы бюро медико-социальной экспертизы. При освидетельствовании инвалидов достаточное количество времени должно уделяться работе реабилитолога, социального работника и психолога бюро МСЭ. В свете развития концепции независимой жизни нужно налаживать уважительные и доверительные отношения между освидетельствуемыми и различными специалистами бюро МСЭ (врачи-эксперты и др.). Для этого к работе бюро МСЭ необходимо привлекать представителей общественных организаций инвалидов и районных отделов социальной защиты населения.

Правительству РМ целесообразно взять на особый контроль льготное обеспечение инвалидов лекарствами и реабилитационной техникой (коляски и т. д.), так как перебои с их поставкой и льготным предоставлением, а также сложный механизм получения конечными потребителями (инвалидами) вызывают напряженность и конфликтные ситуации между различными группами инвалидов в зависимости от причин инвалидности и наличия льгот.

Не менее тяжелой остается ситуация с жильем для инвалидов. Аварийное состояние и отсутствие положенной по законодательству РФ отдельной комнаты инвалидам с социально опасными заболеваниями (туберкулез и др.) создает угрозу общественному здоровью и значительно ухудшает положение семьи инвалида, в том числе здоровых ее членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rg.ru. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИНВАЛИДОВ: СОЦИОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Р Мухаметзянова

В статье представляются результаты социологических исследований, проведенных автором как в рамках самостоятельного социологического исследования «Готовность инвалидов к интеграции в общество», так и в процессе полевых социологических исследований в ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ», прежде всего многолетнего повторяющегося социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений». Также представлен краткий обзор подходов к образованию инвалидов.

На необходимость включения детей с отклонениями в развитии в среду обычных детей указывал еще в начале XX в. Л. С. Выготский: «Чрезвычайно важно с психологической точки зрения не замыкать аномальных детей в особые группы, но возможно шире практиковать их общение с остальными детьми <...> глубоко антипедагогично правило, сообразно которому мы, в целях удобства, подбираем однородные коллективы аномальных детей. Делая это, мы идем не только против естественной тенденции в развитии таких детей, но, что гораздо более важно, мы лишаем аномального ребенка коллективного сотрудничества и общения с другими, стоящими выше него детьми, усугубляем, а не облегчаем ближайшую причину, обусловливающую недоразвитие его высших функций» [2, с. 52].

Образовательная интеграция детей с нарушениями развития — процесс, в который вовлечены все высокоразвитые страны мира. В ряде стран мира, начиная примерно с 1970-х гг., ведется разработка и внедрение пакета нормативных актов в отношении расширения образовательных возможностей инвалидов.

В недавней истории образовательной политики США и Европы получили свое развитие несколько подходов: десегрегация школ, расширение доступа к образованию (widening participation), интеграция, мейнстриминг (mainstreaming), инклюзия (от англ. inclusion — включение) [5, с. 38—39].

Мейнстриминг относится к такой стратегии, когда ученики с инвалидностью общаются со сверстниками на праздниках, в различных досуговых программах, а если они даже и включены в классы массовой школы, то прежде всего для того, чтобы повысить свои возможности социальных контактов, но не для достижения образовательных целей.

Интеграция означает приведение в соответствие потребностей детей с психическими и физическими нарушениями с системой образования, остающейся в целом неизменной: массовые школы не приспособлены для детей-инвалидов (причем ученики с инвалидностью, посещая массовую школу, не обязательно учатся в тех же классах, что и все остальные дети).

Инклюзия — это наиболее современный термин, который толкуется следующим образом: это реформирование школ и перепланировка учебных помещений таким образом, чтобы они отвечали нуждам и потребностям всех без исключения детей.

Упомянутые подходы основываются на нескольких теоретических школах: теория социальной справедливости, прав человека,

© А. Р. Мухаметзянова, 2011

теория социальных систем в отношении к развитию человека, социальный конструктивизм, информационное общество, структурализм, социальная критика.

Инклюзивное образование сегодня с полным правом может считаться одним из приоритетов государственной социальной политики России: ведь от того, насколько взрослые и дети включены в практики взаимопомощи, преодоления стереотипов и защиты человеческого достоинства, во многом зависят степень социальной сплоченности и зрелость гражданственности в обществе. Наиболее обширное исследование во всероссийском масштабе, посвященное анализу социально-экономических факторов и механизмов инклюзии, опыта инклюзивных школ, а также разработке модели интеграции детей-инвалидов в школы общего образования, проведено Центром социальной политики и гендерных исследований в 2007–2008 гг. [3].

Образование лиц с инвалидностью, именно так предписывает называть инвалидов Конвенция о правах инвалидов [4], не подчеркивая, но и не отрицая их проблемы, позволяет включиться в трудовую деятельность, быть социально значимыми гражданами, обеспечить свое благосостояние, духовный и творческий рост. Иначе говоря, это особый социальный ресурс, имеющий первостепенное значение, целенаправленно действующий на уменьшение изоляции и экономической зависимости.

Но организация системы общедоступности образования для лиц с инвалидностью в РФ не соответствует принципам Конвенции ООН о правах инвалидов: она устанавливает жесткие барьеры, закрепляя и так существующее неравенство и сегрегацию. По мнению экспертов, именно эта, внутренне сложная и многообразная, категория людей служит своего рода социальным индикатором истинной доступности образования для населения в целом [1, с. 6].

Изучению отдельных вопросов и было посвящено социологическое исследование «Готовность инвалидов к интеграции в общество», проведенное в декабре 2009 – феврале 2010 г. на кафедре социологии университета им. Н. П. Огарева аспирантом А. Р. Мухаметзяновой при активном содействии Министерства социальной защиты населения РМ. По итогам опроса в районах, городах и поселках городского типа республики опрошены 390 инвалидов трудоспособного возраста, что составляет 102,6 % от заявленного объема квотно-территориальной выборки. Состав опрошенных граждан репрезентирует численность инвалидов трудоспособного возраста всех категорий, проживающих в Мордовии, в возрасте от 18 до 54 лет для женщин и от 18 до 59 лет для мужчин, а также долю каждого района в общей численности инвалидов трудоспособного возраста. Статистическая погрешность результатов составляет не более ±5 %.

В блоке вопросов «Образование» респондентам были предложены как вопросы, отражающие современное состояние (трудности в обучении, необходимость помощи в обучении), так и отражающие уровень удовлетворенности инвалидов своим образованием, и дальнейшие перспективы его получения. Особого внимания заслуживает вопрос о возможностях обучения детей со специальными образовательными потребностями в рамках обычной и специальной системы образования.

Подавляющее большинство респондентов (92 %) ответили, что не учатся в настоящее время. Те, кто учится и испытывает трудности в обучении, чаще всего выбирали следующие причины: «материальные затруднения» (3,9 %), «трудно добираться до учебного заведения, нужен специальный транспорт» (1,5 %). Обучающиеся инвалиды чаще всего нуждаются в помощи: членов семьи (18,1 %), однокурсников (34,6 %), благотворительных организаций (33,3 %) и сотрудников учебного заведения (30,8 %). Гораздо в меньшей степени они нуждаются в помощи друзей и родственников (19,2 %), тем более коллег по работе (7,7 %). Это, по всей вероятности, связано с тем, что инвалиды не могут одновременно работать и учиться.

Большинство инвалидов (59,4 %) удовлетворены своим уровнем образования, если прибавить к ним еще и тех, кто скорее удовлетворен (16,4 %), то это составляет три четверти всех опрошенных и отражает высокий образовательный уровень респондентов – 26,2 %, имеющих высшее образование, и 29,3 % – среднее профессиональное. Остальные респонденты-инвалиды ответили, что закончили 8–9 классов (6,4 %), 10–11 классов (19,5 %), получили начальное профессиональное образование (17,0 %). Совсем не имеют образования 1,5 % опрошенных инвалидов.

Незначительное число инвалидов имеют желание продолжить учебу. В ближайшее время на это готовы лишь 3,4 % респондентов, в отдаленной перспективе не намного больше – 6,0 %. Это объясняется следующими основными причинами: состояние здоровья (37,2 %), просто «нет желания учиться» (36,6 %). В два раза реже называли причи-

ны — недостаток материальных средств (18,0 %) и возраст респондентов: по их мнению, учиться поздно или нет необходимости (18,0 %). Причем мы специально не предлагали респондентам такую причину, как возраст, чтобы изначально не делать ее приоритетной и, таким образом, побудить их самих определять насколько важен возраст для продолжения обучения. Ведь в последние годы становится важным непрерывное обучение, в том числе и для людей с инвалидностью.

Самым сложным вопросом блока «Образование» стал вопрос о том, в какой образовательной среде (каких конкретно учреждениях) должны обучаться большинство детей-инвалидов и детей с проблемами здоровья, имеющими специальные образовательные потребности. Мы просили респондентов, учитывая собственный опыт или опыт близких, друзей, знакомых, выбрать вариант образовательной среды для этих детей, позволяющий увеличить для них возможность равного доступа к образованию.

Наиболее часто избираемыми стали следующие варианты: «в общеобразовательных учреждениях в обычном классе при поддержке группы специалистов» (25,5 %), «в специальных (коррекционных) группах (классах) общеобразовательных учреждений» (24,7 %). Менее популярны были варианты, предложенные как модель и практически не использующиеся в настоящее время: «в специальных (коррекционных) дошкольных и школьных учреждениях по месту жительства» (19,8 %), «на дому при помощи технологии дистанционного образования» (11,7 %).

В настоящее время в республике во многих населенных пунктах недостаточно специальных (коррекционных) дошкольных и школьных учреждений с точки зрения их транспортной доступности и близости к месту проживания детей-инвалидов, поэтому нельзя назвать их учреждениями по месту жительства. Вместе с тем именно такой вариант малокомплектной сети специальных учреждений является эффективным по мнению специалистов, также необходимым признается дистанционное образование, которое только начинает внедряться [6, с. 67].

Особого внимания заслуживает вариант обучения детей инвалидов в специальных (коррекционных) учреждениях интернатного типа по профилю нарушения, так как это было в советской системе образования. Несмотря на довольно большие сложности с финансированием и функционированием этих учреждений, пятая часть опрошенных (19,8 %) по-прежнему считают их основной образовательной, а значит и социальной, средой для детей-инвалидов.

Обобщая все полученные результаты, можно констатировать, что среди половины опрошенных инвалидов (50,2 %) поддерживается идея развития инклюзивного (включенного) образования, но и не отрицается возможность других путей получения образования (сегрегированного пути — в интернате, новых — с использованием новых технических средств, позволяющих создавать виртуальное пространство).

В рамках пятого этапа социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений» (2005) респондентам задавался вопрос об отношении к инвалидам в ситуации взаимодействия с ними на работе, в процессе обучения, соседства и проезда в общественном транспорте. Результаты ответа на вопрос: «Острой социальной проблемой является увеличение числа лиц с ограниченными возможностями. В связи с этим какова будет Ваша реакция в следующих ситуациях?» позволяют провести замер уровня толерантности по отношению к лицам с ограниченными возможностями (инвалидам) в Республике Мордовия. Обращает на себя внимание факт, что практически во всех ситуациях взаимодействия почти половина респондентов равнодушно или нейтрально реагируют на ситуации взаимодействия с лицами с ограниченными возможностями (инвалидами) в перечисленных сферах жизни (таблица).

Таблица

Реакция респондентов на ситуации взаимодействия с инвалидами, %

1	2	3
Работа лиц с ограниченными возможностями в одной организации с Вами	Скорее положительная	28,1
	Мне все равно	43,5
	Скорее отрицательная	10,9
	Затрудняюсь ответить	17,5

Окончание таблицы

1	2	3
Работа лиц с ограниченными возможностями в одном помещении с Вами	Скорее положительная	23,1
	Мне все равно	45,9
	Скорее отрицательная	12,9
	Затрудняюсь ответить	18,1
Проживание лиц с ограниченными возможностями по соседству с Вами	Скорее положительная	26,2
	Мне все равно	51,5
	Скорее отрицательная	6,3
	Затрудняюсь ответить	16,0
Обучение лиц с ограниченными возможностями вместе с Вашим ребенком в одном учебном заведении	Скорее положительная	29,5
	Мне все равно	39,6
	Скорее отрицательная	13,1
	Затрудняюсь ответить	17,8
Работа лиц с ограниченными возможностями в одном помещении с Вами	Скорее положительная	28,1
	Мне все равно	53,6
	Скорее отрицательная	4,9
	Затрудняюсь ответить	13,4

Интересно, что наименьшая доля отрицательных реакций наблюдается в ситуациях проживания с инвалидами по соседству и присутствия их в общественном транспорте. В то время как процент нейтрального отношения к ним в этих же ситуациях самый высокий из всех представленных вариантов взаимодействия.

Немного усиливается отрицательная реакция в ситуации работы с инвалидами в одном помещении по сравнению с ситуацией работы в одной организации с ними — с 10,9 до 12,9 %, и уменьшается доля скорее положительно реагирующих на ситуацию взаимодействия в одном помещении — с 28,1 до 23,1 % соответственно. В целом наблюдается тенденция, что чем теснее и долговременнее предполагается взаимодействие, тем больше встречается отрицательных реакций.

Можно отметить, что чем выше уровень образования респондентов, преимущественно незаконченное высшее и законченное высшее образование, тем больше возрастает удельный вес нейтрального и отрицательного отношения к инвалидам и соответственно снижается процент положительных реакций. Исключение составляет только вопрос о совместном обучении детей-инвалидов и других детей, в этом случае процент положительных реакций возрастает с 27,1 % среди лиц, получивших неполное среднее образование, до 31,1 % среди респондентов с высшим образованием. Можно предположить, что респонденты с высшим образованием в большей степени склонны понимать ценность образования для детей-инвалидов и относятся к их совместному обучению со своими детьми более благосклонно.

Среди женщин по сравнению с мужчинами больше отметивших, что реакция будет «скорее положительная», и меньше ответивших «мне все равно» на все представленные ситуации. Также немного меньше тех, кто ответил «скорее отрицательная» реакция, за исключением двух ситуаций: проживания по соседству с инвалидами и присутствия их в общественном транспорте.

На все предложенные варианты взаимодействия сельчане реагируют более положительно, чем горожане. В то же время доля нейтральных и тем более отрицательных реакций ниже.

Учет возраста респондентов свидетельствует о том, что чем старше возрастная группа, тем больше положительных реакций и меньше вариантов «мне все равно» и «скорее отрицательно», и только в ситуации присутствия инвалидов в общественном транспорте процент отрицательных реакций снижается не так уверенно — незначительно. Наибольший процент положительных реакций (29,5 % опрошенных) отмечается в ситуации совместного обучения детей-инвалидов с детьми респондентов в одном учебном заве-

дении. В оценке этой ситуации взаимодействия также отмечается наибольший процент отрицательных реакций респондентов (13,1 %) и наименьший процент равнодушной реакции (39,6 %), что свидетельствует о том, что эта ситуация является наиболее проблематичной и вызывающей неоднозначную (амбивалентную) оценку.

В двойственном восприятии людей с ограниченными возможностями, амбивалентных установках по отношению к ним видятся скрытые возможности улучшения процесса и сглаживания последствий социальной интеграции инвалидов, где интегрированное образование выступает одним из основных институтов и представляет собой закономерный и логичный вариант трансформации институтов общего и специального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Андреев Л. В.** Образование лиц с ограниченными возможностями в контексте Программы ЮНЕСКО «Образование для всех» : опыт России / Л. В. Андреев, Д. И. Бойков, Е. Ф. Войлокова [и др.]. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 81 с.

2. **Выготский Л. С.** Проблемы дефектологии / Л. С. Выготский. — М. : Просвещение, 1995. — 475 с.

3. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования : механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. — Сер. «Научные доклады : независимый экономический анализ», № 205. — М. : Моск. обществ. науч. фонд ; Центр социальн. политики и гендерных исследований, 2008. — 224 с.

4. ООН и инвалиды — Развитие и права человека для всех [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/russian/disabilities/backgrounde08.pdf. — Загл. с экрана.

5. **Романов П. В.** Политика инвалидности : Социальное гражданство инвалидов в современной России / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. — Саратов : Науч. кн., 2006. — 260 с.

6. **Худоренко Е. А.** Лица с ограниченными возможностями здоровья. Проблемы образования и инклюзии / Е. А. Худоренко // Социол. исследования. — 2010. — № 9. — С. 65–70.

Поступила 13.07.11.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ WEB-САЙТОВ

Я. С. Сазанов

В статье анализируются гендерные особенности web-сайтов как с точки зрения тематики сайтов, так и с точки зрения пользователей Интернета. Виртуальные ресурсы современного общества во многом воспроизводят гендерные отношения и гендерные стереотипы реального общества. Однако процессы глобализации в виртуальной реальности происходят гораздо быстрее.

В настоящее время Интернет «нестрит» тематическими сайтами, на которых каждый желающий может познакомиться с интересующей его информацией, скачать необходимые файлы или просто найти единомышленников в той или иной области жизнедеятельности. Мы обратили внимание на то, что большинство интернет-сайтов имеют гендерную специфику с точки зрения тематики и с точки зрения пользователей.

Прежде чем перейти к анализу сайтов, обратимся к теории вопроса. В социальных науках можно выделить две теоретические позиции относительно роли и сущности Интернета: антропоморфизм и медиаморфизм. Антропоморфизм восходит к идеям органопроекции, согласно которым орудия и вещи, создаваемые человеком с помощью орудий, есть проекция его органов (Э. Капп, М. Маклюэн, П. Флоренский). Медиаморф-

© Я. С. Сазанов, 2011

физм, напротив, предполагает, что в глобальных сетях возникают принципиально отличные от человеческих организованности (Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, И. Пригожин, Э. Тоффлер). Напряжение между этими двумя позициями, по мнению автора, будет определять стратегию развития информационно-коммуникативных средств и их теоретико-методологический анализ в будущем.

Существует некоторый опыт проведения эмпирических исследований Интернета с точки зрения гендера. Как правило, изучение гендерных аспектов интернет-пространства можно осуществлять на трех уровнях: гендерные особенности использования технических средств Интернета; гендерные особенности интернет-ресурсов и гендерные отличия интернет-пользователей. К самым первым со всей уверенностью можно отнести исследование О. Н. Арестовой и А. Е. Войскунского «Исследование половых различий при работе с Интернетом на примере российских пользователей» [1].

Зарубежные исследователи чаще обращаются к изучению гендерных особенностей восприятия и использования технических средств Интернета. Так, современные исследования английских ученых доказывают, что оформление, навигация, частота обновления информации так же важны для восприятия одного и того же сайта разными гендерными группами. Было выявлено, что мужчины и женщины по-разному относятся к одним и тем же сайтам. Ученые из британского университета Гламоргана (University of Glamorgan) пришли к выводу, что в своей массе мужчинам и женщинам нравятся совершенно разные веб-сайты. Первые предпочитают прямые линии, спокойные цвета и в небольшом количестве, «формальные» шрифты. Представительницы прекрасного пола больше тяготеют к округлым формам, буйству красок и «легкомысленному» оформлению. Мужчины, в отличие от женщин, также предпочитают формальный язык текстов. А еще в процессе исследований выяснилось, что каждый пол тянется на сайты, разработанные представителями своего пола [3].

В обществе сферы и области жизнедеятельности являются гендерно маркированными. Так, политика, экономика, спорт, автомобили, компьютеры, техника, мобильная связь, игры, алкоголь считаются более мужскими, а психология, семья, воспитание, косметика, кулинария, мода, шопинг — женскими сферами. Но существуют и гендерно нейтральные сферы: архитектура, искусство, образование, отдых, секс, книги, кино, дизайнерское направление, садоводство и. д. Подобное маркирование можно отнести и к сайтам Интернета.

Проанализируем с точки зрения гендерной специфики сайты в Интернете. Сегодня идет постоянное увеличение числа женщин среди пользователей Сети, что интересно в сопоставлении того факта, что значительное время Интернет оставался исключительно мужской средой. По современным прогнозам многих зарубежных и отечественных исследователей существует тенденция проникновения его в смешанную сферу. Можно заметить, что на типично «мужских» сайтах активно регистрируются женщины, они стали также проявлять интерес не только к автомобилям, но и к технике, программному обеспечению, играм, спорту и т. д. Примером может служить такой сайт, как http://www.oavto.ru/, где представлена необходимая информация из области автоиндустрии. На сайте есть раздел под названием «Женский уголок», где не только есть интересные советы по вождению, но и представлены исследования, касающиеся женщин за рулем. Также появились и женские сайты автолюбительниц (http://www.womencar.ru/s.php/59.htm), где содержатся статьи, посвященные вождению и мировые новости из автоиндустрии.

С учетом того, что персональный компьютер стал неотъемлемой частью нашей жизни, сайт http://www.psyberia.ru/psyhudiary/content.htm содержит раздел, посвященный компьютерной грамотности женщин. Вероятно, авторы сайта считают, что представительницы «слабого» пола еще не полностью владеют азами работы с компьютером, поэтому для них здесь находится программное обеспечение, которое может пригодиться при использовании компьютера. На «женских» сайтах стали размещать и программное обеспечение, касающееся их повседневной жизни (диета, личное здоровье, различные диетики и т. д.). Такой ресурс предоставляет возможность скачать необходимый софт.

На просторах Интернета также были обнаружены сайты и форумы, где главной темой является любовь к сигаретам. Курение долгое время считалось только мужским занятием, однако сегодня активными курильщиками являются и женщины. На сайтах информация посвящена не только продвижению сигарет, здесь существуют форумы, где женщины активно делятся опытом и своими историями о курении (сколько сигарет они выкуривают в день, с какого возраста начали курить и т. д.). Если войти по первой ссылке, то можно увидеть фотографии курящих женщин и красочно-романтичные рассказы о дамах с сигаретами [2].

Многих представительниц прекрасного пола можно заметить и на форумах, касающихся мобильной связи (http://www.forum.china-iphone.ru/). Женщинам стали интересно получать ответы на волнующие их вопросы, они также являются активными собеседниками по многим темам!

В свою очередь мужчины так же активно включаются в сферы жизни, которые раньше считались прерогативой женского пола. Мужчины пользователи активно регистрируются на сайтах, посвященных воспитанию детей. Примером может служить сайт http://www.otzy.ru/ где рассматриваются вопросы отцовства. На сайте есть полезная информация для будущих пап, дневники отцов и форум, где можно задать вопрос или просто поделиться опытом в воспитании ребенка.

Одним из новых направлений, которое активно осваивается мужчинами, стала косметика и парфюмерия. Современные мужчины стали должным образом уделять внимание внешности, ухаживать за собой. Сегодня это повседневная норма. Появление различных кремов и гелей в мужском обиходе раньше выглядело бы неприемлемым, но глобальные тенденции задают правила для всех [5]. В современном мире появился такой тип мужчин, как метросексуалы, — это современные модники, характерными чертами которых являются нарциссизм, связь с городской культурой потребления и по-новому определяемая сексуальная ориентация. Именно этот набор признаков был свойствен и денди XIX в. — вспомним тщеславие Брамммела и консьюмеризм графа д'Орсе, или как Барбе д'Оревильи писал о денди андрогинах, натурах «неопределенного духовного пола» [7]. Возникновение такого направления в моде, как унисекс, сейчас никого не удивляет, что можно проследить в стиле одежды, в парфюме и в моде в целом.

Что касается таких тематик сайтов, как кино, книги, образование, работа, бизнес, музыка (за исключением некоторых направлений), кулинария, здесь можно обнаружить, что оба пола имеют примерные соотношения [9]. Такие направления очень тесно связывают и мужчин, и женщин, так как появляются общие интересы, общие темы для общения. Сейчас никого не удивит тот факт, что во главе компании может стоять женщина. Все больше женщин достигают таких успехов в бизнесе, которые раньше показались бы ошеломительными. Скажем одну из крупнейших в мире компаний (PepsiCo) возглавляет женщина — уроженка Индии Индра Нуйи [8]. Сайты, содержащие информацию для обоих полов, все более приобретают популярность, так как на этом «поле» сходятся две точки зрения, два разных мира.

Все эти тенденции говорят о некоторой «унификации» интернет-пространства. То, что раньше принадлежало одному из полов, становится общедоступным для другого. В глобальном мире современному человеку независимо от половой принадлежности необходимо уметь оперировать большим количеством информации, которая присутствует на тематических сайтах. Использование интернет-ресурсов сопровождается некоторыми особенностями со стороны пользователей, а именно анонимностью, затруднительностью эмоциональных компонентов участников коммуникации, что максимально сглаживает не только гендерные, но и социальные отличия в целом.

Появление Интернета привело к распространению глобализации, переходу в информационное общество. Приведем мнения двух ученых, которые занимались проблемой глобализации. Ж. Бодрийяр высказал мнение о том, что «...глобализация ведет мир к все большей дискриминации. Будет класс привилегированных — в основном из белой расы, хотя он может включать и представителей других культур. То есть будут хозяева создающейся сети — денег, информации, технологий — и будут изгои, которых абсолютное большинство. Иными словами, глобализация — это отход от демократии, и неравенство будет нарастать по мере обострения демографических проблем. До сих пор мы имели дело с традиционными противоречиями — слаборазвитые страны, третий мир и так далее. Эти противоречия разрешались через мировые кризисы» [Цит. по: 6].

М. Кастельс утверждал, что «...элиты информационального общества могут рассматриваться как пространственно ограниченная сетевая субкультура, в которой формируется стиль жизни, позволяющий им унифицировать собственное символическое окружение по всему миру». Складывающиеся в пространстве потоков слои материальной поддержки формируют инфраструктуру того общества, которое М. Кастельс называет информациональным. Говоря о глобализации, М. Кастельс писал, что информациональное общество развивается на фоне ускоряющихся и противоречивых процессов глобализации, процессов, затрагивающих все точки земного шара, вовлекая или исключая из общего социального, символического и экономического обмена [4].

Таким образом, развитие гендерных исследований web-ресурсов позволит шире по-

нять предназначение Интернета, глубже изучить особенности применения гендерного подхода к его анализу. Современное понимание гендера может быть изменчивым, это показывают структурные и информационные особенности сайтов. Те сферы жизнедеятельности, которые были под влиянием одного из полов, становятся общедоступными для другого, стираются четкие грани между мужским и женским, что ясно прослеживается и в интернет-пространстве. Более глубокое объяснение обнаруженных фактов требует дополнительных широкомасштабных социологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ассоциация научных и учебных организаций — пользователей компьютерных сетей передачи данных — РЕЛАРН : исследование интернет-пользователей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.relarn.ru. — Загл. с экрана.

2. Женщины — любительницы тонких сигарет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.smokingirl.ru/blogs/0/personalnyi-blog-ES-lyubitelnicy-sigaret—Q. — Загл. с экрана ; http://www.smokingirl.info/cgi-bin/index.cgi?action=forum&board=brands&op=display&num=104. — Загл. с экрана ; http://www.ph4.ru/lady_ladysoft.ph1?a=wsoft. — Загл. с экрана.

3. Исследование британских ученых web-сайтов : гендерные особенности оформления [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rus.delfi.lv/news/technology/internet/article.php?id=11946177. — Загл. с экрана.

4. **Кастельс М.** Информационная эпоха . экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000. — 608 с.

5. Косметика для мужчин : косметические средства для мужчин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cosmother.narod.ru/articles/cosmetics_for_mankind.html. — Загл. с экрана ; http://www.acm-spb.ru/service/men_cosmetics.html. — Загл. с экрана ; www.lambre.name/stat/stat_moda_for_men.htm. — Загл. с экрана.

6. **Самарская Е. А.** Жан Бодрийяр и его вселенная знаков [Электронный ресурс] / Е. А. Самарская. — Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/b-2/Baudrillard.html. — Загл. с экрана.

7. Современные тенденции развития мужчин : понятие метросексуал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gorinkop.ru/publish/open_article/3893. — Загл. с экрана.

8. Финансовые известия : Компанию возглавит Индра Нуйи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.finiz.ru/economic/article1043361. — Загл. с экрана.

9. Электронный журнал, сайты кино, домашней работы и любителей книг : косметические средства для мужчин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.jur-jur.ru/. — Загл. с экрана ; http://www.denisfilimonov.ru/2005/12/01/bytmuzhskayaizhenskayarabota.html. — Загл. с экрана ; http://www.kinopoisk.ru/, www.booklandija.ru. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

СЕКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

О. А. Богатова

В статье подводятся основные итоги социологического исследования «Религиозность и этничность в Республике Мордовия», обосновывается характеристика Мордовии как типичного православного региона и объекта для социологического изучения современной секулярной религиозности населения.

В постсоветской России к числу актуальных предметов социологического исследования относится изучение религиозности населения, которое пережило советскую политику государственного атеизма, но вместе с тем трансформировалось под воздействием советской модели секуляризации, которая, при всех ее особенностях, представляла собой выражение общемировой тенденции к секуляризации, т. е. автономизации социальных институтов и культуры современного общества по отношению к религии. Теория секуляризации, разработанная М. Вебером, П. Бергером, Т. Парсонсом, Р. Беллой, Д. Мартином, Б. Уилсоном и рядом других западноевропейских и американских исследователей, представляет собой составную часть как социологии религии, так и «большого нарратива» общей социологической теории современного общества.

Социологическая дискуссия относительно «десекуляризации» и «постсекулярности» современного общества, имевшая место в 1980–90-е гг. XX в., позволила заново уточнить содержание понятий «секуляризации», «секуляризма», «секулярного общества». Так, Ч. Тейлор, характеризуя в книге «Секулярный век» современное общество как секулярное, утверждает, что оно является светским в трех значениях: 1) освобождение «публичного пространства» в различных сферах общественной жизни — экономической, политической, культурной, образовательной, профессиональной — как от религиозного обоснования деятельности социальных институтов при помощи ссылки на «конечную», сакральную реальность, так и от авторитета религиозных предписаний, замещаемых в аспекте мотивации социального поведения рациональными соображениями, специфичными для каждой сферы, — максимизация прибыли, благо большинства и т. д.; 2) упадок религиозной веры и практики, выражающийся, в частности, в том, что часть верующих разочаровывается в религии и не посещает церкви; 3) проблематизация религиозной веры как таковой, превращение ее в предмет сознательного личного выбора наряду с другими вариантами, тогда для традиционного мировоззрения выбор между верой и неверием фактически невозможен [10, p. 2–3].

Британский социолог Б. Уилсон усматривает сущность секуляризации в «...процессе перемещения собственности, власти, деятельности, как явных, так и латентных функций, от институтов со сверхъестественным обоснованием к институтам (часто новым), соответствующим эмпирическим, рациональным, прагматическим критериям» [11, p. 11], а также «...сдвиге локуса принятия социально значимых решений от элит, претендующих на особый доступ к волеизъявлениям сверхъестественных сил, к элитам, легитимирующим свою власть при помощи референции к другим основам в области политики, экономики, знания и иных социальных институтов, что, в свою очередь, предполагает приватизацию религии» [11, p. 12]. Представления о сверхъестественном не могут исчезнуть полностью, но в секуляризированном обществе они функционируют на уровне индивидуальных склонностей либо публичной моралистической риторики, не являясь более детерминантами социальных действий [11, p. 19].

Б. Уилсон показывает, что те тенденции, которые П. Бергер считает признаками десекуляризации (подъем фундаменталистских религиозных движений, включая протестантский и исламский фундаментализм, динамика посещаемости богослужений в развитых странах, феномен «публичных религий», декларирующих лояльность по отношению к правам человека и другим светским и демо-

© О. А. Богатова, 2011

кратическим ценностям) [9, p. 2–4], находят объяснение в рамках теории секуляризации. В частности, он рассматривает подъем фундаменталистских движений как оборотную сторону секуляризации – способ социальной адаптации населения развивающихся стран к процессу модернизации и приобщения их к рационализированной и секуляризированной религии (протестантский фундаментализм, в частности, пентидесятничество), либо доказательство утраты доминирующих позиций религиозного мировоззрения в исламских странах, выражающегося в неспособности восстановления своего авторитета без применения нелегального насилия (исламский радикализм) [11, p. 17]. Рост посещаемости богослужений также не свидетельствует о принципиальном изменении социальных функций религии и ее взаимоотношения со светскими институтами и практиками, так как секуляризация, в его понимании, не означает неизбежного упадка религиозной веры или снижения внешних проявлений религиозности в виде посещения храмов и участия в ритуалах. Религиозные установки глубоко укоренены в иррациональной части человеческой сущности, которая сопротивляется рационализации внешнего порядка · страхах, надеждах, мечтах, желаниях, поиске «корней» в народных традициях и фольклоре, потребности в групповой принадлежности [11, p. 18]. Несмотря на доминирование в секуляризированном обществе интеллектуальных, научно-технических и практических начал над эмоциональными и моральными, люди продолжают обращаться к религии для решения своих эмоциональных и моральных проблем.

Основоположник «антропологии секуляризма» Т. Асад акцентирует основное внимание как на тесной взаимосвязи категорий «секулярного» и «религиозного», которые, по его мнению, частично совпадают вследствие общей для религии и светской идеологии (секуляризма) тенденции к сакрализации каких-либо феноменов или ценностей, так и на их различиях [7, p. 186–187]. Он объясняет различия между «светским» и «религиозным» принципами организации общества, исходя из постструктуралистской концепции «дисциплинарной власти» и видя основное содержание секуляризации в минимизации дисциплинарных функций религии и ее замещении в качестве инструмента власти и социального контроля «натурализированной властью» либеральных и демократических идеологий [8, p. 114, 122].

Таким образом, секулярное общество – это общество, где автономия большинства социальных практик и институтов по отношению к религии, приватизация религиозности, свобода в определении отношения индивида к религии реализованы не только на организационном и процедурном уровне, но и на уровне мотивации социальных субъектов. Вследствие этого можно говорить о секуляризации не только общества, но и самой современной религиозности. Белорусский исследователь Д. К. Бсаник в этой связи использует применительно как к православным, так и католикам в постсоветской Белоруссии термин «секулярный (партикулярный) верующий», описывая таких верующих в качестве носителей «расколотого» религиозного сознания, которые «...при декларировании себя верующим (почти половина опрошенных граждан), высокой оценке роли религии в сохранении традиции и культуры (более трети опрошенных), признании нравственной функции религии (более 40 %) <...> не живут церковной жизнью, т. е. не связаны с организационной структурой своей веры» [1, с. 129], а также слабо ориентируются в догматах своей веры, не придавая им особенного значения [1, с. 130] и крайне редко руководствуются в своих поступках религиозными мотивами [1, с. 130].

С нашей точки зрения, «секулярная» религиозность, превращаясь в предмет сознательного выбора, не ограничивается выполнением традиционных предписаний, а становится также объектом индивидуальных исканий и творчества. Результатом их может явиться приверженность как ортодоксальной версии той или иной религии, так и различным «гетеродоксальным» (отличным от официально признанных руководством конфессии) верованиям, индивидуальный религиозный опыт и связанные с ним глубокие эмоциональные переживания и личностные трансформации, которые становятся доступными любому из рядовых верующих.

Поэтому религиозность современных российских православных верующих на уровне религиозных представлений, а также мотивации поведения включает в себя как религиозные (конфессиональные православные ценности), так и светские установки и ценности, в том числе: приоритет индивидуального выбора в регулировании верующими степени своей связи с приходскими общинами и подчинения авторитету духовенства различных уровней, а также регулирований собственного ритуального поведения; установку на произвольную индивидуальную интерпретацию религиозных догматов; установку части православных верующих на самостоятельное, помимо прихода, выстраивание

своих отношений с Богом; «целерациональное» отношение к религии как средству решения практических повседневных проблем; приоритет светских ценностей во внекультовом поведении верующих, выражающийся, например, в выборе большинством православных в экспериментальных регионах внеконфессиональных курсов светской этики или истории мировых религий в ходе эксперимента по введению преподавания основ религиозной культуры и светской этики в средней школе в 2009 – 2010 гг.

Применение количественных методов к изучению религиозных феноменов позволило разработать ряд социологических и социально-психологических методик, применяемых в массовых опросах. Многомерные теоретические схемы исследования религиозности, включающие целый ряд показателей, были разработаны Ф. Хюгелем (модель, включающая традиционное (историческое), рациональное и интуитивное (религиозный опыт) измерения), Дж. Праттом (традиционное, рациональное, мистическое и практическое (моральное) измерения), Ч. Глоком (идеологическое (верования), ритуалистическое (практики), интеллектуальное (религиозные знания), чувственное (религиозный опыт) измерения, а также измерение, характеризующее социальные последствия религиозности для индивида), У. Боос-Нуннинг (переменные «религиозного знания» и «связи с приходом») [12, p. 213–215].

Наиболее близка к схеме У. Боос-Нуннинг в отечественной социологии методика изучения религиозной активности и конфессиональной вовлеченности православных В. Ф. Чесноковой, адаптированная Ю. Ю. Синелиной для мусульман [4, с. 6; 6, с. 30], ключевым элементом которой является индекс воцерковленности, характеризующий не только уровень культовой активности, но и степень подчинения образа жизни и поведенческих установок верующего религиозным требованиям, «...добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение устанавливаемого в ней образа жизни и образа мыслей» [6, с. 18], что представляет собой, на наш взгляд, аналог связи с определенным приходом. Эта методика основывается на таких показателях, как регулярность посещения церкви (мечети), соблюдения постов, чтения религиозных текстов, молитв, а также исповеди и причащения (для христиан). При этом В. Ф. Чеснокова отмечает, что в полном смысле православными следует считать лишь две наиболее конфессионализированные группы верующих (воцерковленных и полувоцерковленных) [6, с. 32].

Проблема критериев измерения религиозности и ее уровня в современной России остается дискуссионной. Мониторинговые исследования религиозности, проводимые такими всероссийскими социологическими центрами, как ФОМ, РОМИР, «Левада-центр», фиксируют разрыв между почти всеобщей декларируемой конфессиональной религиозностью и стабильно низким уровнем конфессиональной активности и вовлеченности верующих.

Так, во всероссийском опросе Левада-центра, проведенном в 2009 г., 73 % респондентов на вопрос: «Какую религию Вы исповедуете?» назвали себя православными, 6 % — мусульманами, по 1 % — католиками и протестантами, 0,1 % буддистами, 11 % ответили, что не исповедуют никакой религии, а 6 % назвали себя атеистами [3, с. 138]. Однако при этом, давая субъективную оценку уровня собственной религиозности, большинство из них ответили, что считают себя «не слишком религиозными» (56 %) или «совершенно не религиозными» (16 %), 19 % — «довольно религиозными» и лишь 4 % респондентов сочли себя «очень религиозными» [3, с. 139]. Среди респондентов, относящих себя к православным, 3 % посещали церковь каждую неделю и 11 % — каждый месяц, 1 % причащались каждую неделю и столько же — не менее одного раза в месяц, 62 % никогда не постились даже во время Великого поста [3, с. 140]. На вопрос: «Участвуете ли Вы в жизни какой-либо церковной общины?» 91 % православных ответили «нет», 8 % — «время от времени», и только 1 % — «регулярно» [3, с. 141].

Интерпретируя данные собственных всероссийских исследований, Д. Е. Фурман и К. Каариайнен отмечают наличие в современном российском обществе «неправославного консенсуса», а также во многом формальный и поверхностный характер религиозности большинства российских верующих и делают вывод о том, что доля «традиционных» православных верующих среди населения России крайне незначительна: не более 7 % по данным массового опроса населения России в 1999 г. и 8,8 % в 2005 г. [2, с. 59].

Результаты массового опроса, проведенного под нашим руководством по репрезентативной региональной выборке (N = 1 000) в Республике Мордовия в августе — сентябре 2009 г. с целью исследования взаимоотношения религиозной, этнической и гражданской идентичности в рамках научно-исследовательского проекта «Религиозность и этничность в Республике Мордовия» (грант РГНФ 09–03–23306 а/в), позволили полу-

чить данные, сопоставимые с данными всероссийских опросов.

Опрос показал, что верующими считают себя 90 % респондентов (без учета «колеблющихся» между верой и неверием), 2,6 % респондентов можно отнести к «колеблющимся» (вариант ответа «я еще не сделал выбора между верой и неверием»), 2,2 % относятся к религии безразлично, 4,8 % отнесли себя к неверующим, а один респондент (0,1 %) затруднился с ответом. Из числа респондентов, считающих себя верующими, к православным отнесли себя 91,2 %, к мусульманам — 6,6 %, к протестантам — 0,3 %, к католикам — 0,1 %, ни к какой религии себя не относили 0,6 % (6) респондентов, язычников в опросе выявлено не было. К православным относят себя вне зависимости от отношения к религии 95 % респондентов мордовской национальности и 90,1 % русских, а к мусульманам — 80,9 % татар.

Доля конфессиональных («полностью воцерковленных») верующих среди православных в республике составляет 8,3 %, среди мусульман — 37,7 %. Сравнивая полученные результаты с данными, полученными в ходе исследования ИСПИ РАН 2006 г., можно отметить несколько меньший уровень воцерковленности по сравнению с общероссийскими данными, которые приводит в своей статье Ю. Ю. Синелина (15,5 % полностью воцерковленных) [5, с. 91]. По нашему мнению, такое несовпадение обусловлено тем, что во всероссийском исследовании размер этих групп православных был рассчитан на основании только трех показателей, общих для православных и мусульман, за исключением реже всего выполняемых верующими религиозных требований, таких как соблюдение постов и причащение.

Самый распространенный в Мордовии вид религиозной активности — посещение богослужений в храмах (их ежемесячно и чаще посещают 6,4 % православных и 8,2 % опрошенных мусульман), наименее распространенный — исповедь и причащение — ежемесячно практикуют всего 0,7 % православных. Таким образом, несмотря на наличие определенных религиозных традиций, сохранявшихся даже в советское время, религиозность большинства верующих в Мордовии не оказывает существенного влияния на их образ жизни и не предполагает регулярной и интенсивной культовой активности. В этом отношении реальное религиозное поведение «воцерковленных» и других групп верующих различается не столь сильно, как это можно было бы заключить, относя их к этим категориям.

Общий уровень религиозности (около 90 %) является примерно одинаковым как в городской, так и в сельской местности. Среди воцерковленных респондентов отмечается повышенная в сравнении со средним значением по выборке (55,0 %) доля женщин: 72,2 %, среди полувоцерковленных она составляет 29,5 %. Следовательно, в настоящее время воцерковленные верующие в Мордовии, как и в советское время, остаются достаточно специфической и обособленной социальной группой, большую часть которой составляют пожилые женщины.

Около 90 % православных верующих из числа опрошенных в той или иной степени верят в такие догматы христианства, как сотворение мира, божественная сущность и спасительная миссия Иисуса Христа, возможность общения с Богом посредством молитв. Несколько меньшая часть православных (около 70 %) верит в существование рая и ада, а также жизнь после смерти, причем около 25 % православных в них «не верят» или «скорее не верят». Веру в колдовство, приметы и гороскопы также разделяют в той или иной степени более 40 % православных.

Таким образом, часть опрошенных верующих в Мордовии, зная и принимая на веру некоторые основные положения своих религиозных традиций, не имеет четкого представления о специфике различных вероучений, а также склонна принимать на веру и нерелигиозные идеи (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Верите ли Вы в следующие утверждения?», в % от числа опрошенных (православные верующие)

Утверждение	Верю	Скорее верю, чем не верю	Скорее не верю, чем верю	Не верю	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4	5	6
В то, что Иисус Христос воскрес из мертвых	65,4	21,3	5,8	4,3	3,2
В то, что Иисус существовал в действительности	68,1	22,0	4,5	3,1	2,4

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
В то, что Бог сотворил мир	64,9	20,3	7,0	5,0	2,8
В то, что Бог отвечает на молитвы верующих	66,8	21,4	5,8	3,7	2,4
В то, что Иисус Христос — сын Божий	67,0	20,9	5,9	3,2	3,0
В жизнь после смерти	43,1	26,3	16,7	7,6	6,3
В существование Рая и Ада	44,7	25,7	15,8	7,3	6,5
В воскресение мертвых после конца Света	28,9	22,5	24,3	14,8	9,4
В переселение душ после смерти	22,8	27,1	26,7	14,1	9,2
В связь судьбы человека со звездами, под которыми он рожден, гороскопы	19,5	24,2	29,0	23,4	3,9
В колдовство (магию)	27,5	18,7	27,2	23,0	3,7
В то, что приметы (например, разбитое зеркало, число 13) позволяют предсказывать будущее	24,7	23,4	28,4	20,0	3,5

Также не прослеживается значительного влияния религиозных убеждений воцерковленных верующих на их ценностные ориентации. В сознании населения Мордовии доминируют ценности, которые можно отнести к светским и «материалистическим»: семья (79,6 % респондентов) и здоровье (76,7 %). Значительно меньшая доля опрошенных указывает в числе приоритетных такие моральные («постматериалистические») ценности, как любовь (21,7 %) и взаимопомощь (20 %), а почти столько же — материальный достаток (17,6 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие из приведенных ниже ценностей являются для Вас наиболее значимыми?» (не более трех ответов) в зависимости от отношения респондентов к религии, в % от числа опрошенных

1	Верующий, стараюсь соблюдать религиозные обычаи и обряды	Верующий, но не соблюдаю религиозных обычаев и обрядов	Православные	Неверующие	В среднем по массиву
	2	3	4	5	6
Бескорыстие	8,1	9,1	8,5	6,3	8,6
Взаимопомощь	18,6	22,6	20,7	16,7	20,0
Семья	79,4	79,4	79,1	85,4	79,6
Здоровье	78,2	76,8	77,6	72,9	76,7
Любимая работа	12,8	13,4	13,4	18,8	13,5
Любовь	22,7	21,3	22,0	25,0	21,7
Образование	3,5	4,3	3,9	4,2	3,8
Патриотизм	4,9	3,8	4,1	0	4,2
Частная собственность	1,2	0,6	0,9	0	1,1
Наличие материального достатка	16,5	18,5	16,9	16,7	17,6
Свобода мыслей, демократизм	1,4	0,9	1,2	4,2	1,5
Социальная справедливость	6,5	8,1	7,2	6,3	7,0

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Спокойная размеренная жизнь	13,0	12,3	13,0	6,3	12,4
Чистота природной среды	7,2	8,7	8,3	8,3	6,3
Уважение окружающих	4,6	2,8	3,3	2,1	3,5
Ценности религии	1,6	1,1	1,2	0	1,3
Гражданская активность	1,2	1,1	1,1	0	1,3
Принципиальность	3,2	3,4	3,2	0	3,4
Другое	0,2	0,2	0,2	0	0,3
Затрудняюсь ответить	0	0,2	0	0	0,1

Принимая во внимание, что иерархия этих ценностей одинакова как у разных групп верующих, так и у неверующих, можно сделать вывод, что верующие респонденты не вкладывают в такие понятия, как «любовь» и «взаимопомощь» специфически конфессиональ ного содержания. «Ценности религии» относятся к числу наименее предпочитаемых (1,3 %), а такая ценность, в наибольшей степени соответствующая религиозным идеалам аскезы и самоотречения, как «бескорыстие» (8,6 %), уступает по значимости двум другим «материалистическим» ценностям: «любимой работе» (13,5 %) и «спокойной размеренной жизни» (12,4 %).

«Ценности религии» относятся к числу наименее предпочитаемых как у неверующих респондентов, так и у различных групп верующих. Следовательно, поведение большинства православных респондентов регулируется не религиозными нормами и правилами, а скорее личными интересами и «светскими» ценностями. Это можно заключить, исходя как из содержания самих наиболее предпочитаемых ценностей, так из отсутствия зависимости ценностных предпочтений респондентов от их конфессиональной принадлежности или отношения к религии в целом. Таким образом, ценностно-мотивационная структура сознания верующих не дает оснований для выводов о подчинении их социального поведения и образа жизни влиянию и контролю «традиционных» конфессий.

В целом социологические данные о религиозности населения Мордовии демонстрируют более высокий уровень религиозности по показателям религиозной веры по сравнению с данными всероссийских исследований, в частности, Левада-центра. В то же время для большинства православных верующих Мордовии характерна относительно низкая активность религиозного поведения, некоторая размытость религиозных представлений и слабое влияние религиозных ценностей на ценностно-мотивационную структуру сознания православных верующих. Если недостаточная осведомленность в религиозных догматах объясняется отсутствием религиозного образования и воспитания (хотя в постсоветский период большинство православных верующих в Мордовии получили возможность восполнить этот пробел путем обучения в воскресных школах, на катехизаторских курсах для мирян, чтения церковной литературы, Библии и т. д.), то относительно низкая значимость религиозных ценностей и минимальная конфессиональная активность на фоне почти полностью восстановленной церковной инфраструктуры показывают, что современные православные Мордовии признают авторитет Церкви и ее предписания относительно образа жизни практически в той степени, в которой сами считают необходимым с точки зрения своих интересов.

Следовательно, данные опроса показывают, что Мордовия как типично православный регион является также и типично секулярным регионом, который вполне может служить объектом для изучения современной секуляризированной религиозности. Безусловно, такое исследование предполагает более углубленное изучение мнения самих верующих, их мотивов, интерпретаций собственного религиозного сознания и поведения на основе как количественных, так и качественных социологических данных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Безнюк Д. К.** Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси / Д. К. Безнюк // Социол. исследования. — 2006. — № 2. — С. 128—133.

2. Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. К. Кларкайнена, Д. Фурмана. — М. ; СПб. : Летний сад, 2007. — 400 с.

3. Общественное мнение — 2009. — М. : Левада-Центр, 2009. — 208 с.

4. **Синелина Ю. Ю.** Изменение религиозности населения России. Православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян / Ю. Ю. Синелина. — М. : Наука, 2006. — 112 с.

5. **Синелина Ю. Ю.** Православные и мусульмане : сравнительный анализ ценностных ориентаций / Ю. Ю. Синелина // Социол. исследования. — 2009. — № 4. — С. 89—95.

6. **Чесноков В. Ф.** Тесным путем : процесс воцерковления населения России в конце XX века / В. Ф. Чесноков. — М. : Академ. проект, 2005. — 304 с.

7. **Asad T.** Religion, Nation-State, Secularism / T. Asad // Nation and Religion : Perspectives on Europe and Asia / P. van der Veer and H. Lehmann (eds.). — Princeton : Princeton University Press, 1999. — P. 178 - 196.

8. **Asad T.** The Construction of Religion as an Anthropological Category / T. Asad // A Reader in the Anthropology of Religion / Michael Lambek (eds.). — Oxford, 2008. — P. 110 - 126.

9. **Berger P. L.** The Desecularization of the World : A Global Overview / P. L. Berger (eds.) : The Desecularization of the world : Resurgent Religion and World Politics. — Washington, D. C. : The Ethics and Public Policy Center and Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1999. — P. 1—18.

10. **Taylor C. A.** Secular Age. The Belknap Press of Harvard University Press / C. A. Taylor. — Cambridge, Massachusetts and London, England, 2007. — 860 p.

11. **Wilson B.** Secularization : The Inherited Model / B. Wilson // The Sacred in a Secular Age : Toward Revision in the Scientific Study of Religion / Phillip E. Hammond (eds.). — London, England, 1985. — P. 9—20.

12. **Wulff D. M.** The Psychology of Religion : Classic and Contemporary Views / D. M. Wulff. — N. Y. : John Willey & Sons, 1997. — 750 p.

Поступила 13.07.11.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Л. В. Пустынникова

В статье анализируется роль системы дополнительного образования в духовно-нравственном воспитании молодежи, систематизируется практический опыт данной деятельности в ЗАТО г. Саров.

Учреждения системы дополнительного образования на фоне общих социальных условий выгодно отличаются от других учреждений добровольностью обучения в них, общедоступностью, открытостью, демократичностью, большой гибкостью, вариативностью и эмоциональной насыщенностью учебно-воспитательного процесса. В ряде случаев дополнительное образование становится фактором реабилитации личности за счет компенсации школьных неудач достижениями в дополнительном образовании. Серьезную тревогу вызывают вопросы духовного и нравственного воспитания молодежи. При определении направлений нравственного воспитания важно понять, как молодое поколение сегодня определяет характер и содержание завтрашнего дня, насколько несет в себе дух нового времени.

Для полноты картины освоения молодежью г. Сарова основных нравственных ценностей мы провели социологическое исследование. Молодым людям было предложено составить пирамиду ценностей. В результате получилось следующее: семья — 81 %, здоровье — 66, деньги — 53, образование — 51, работа — 36, карьера — 35, любовь — 27, патриотизм — 25, милосердие — 13, коллективизм — 7 %. Как показал анализ, для респондентов большое значение имеют традиционные ценности: семья и здоровье. Вместе с тем молодежь осознает, что для комфортного существования необходимы деньги, а чтобы получить высокооплачиваемую работу, необходимо качественное образование. Обращает на себя внимание факт, что такие ценности, как милосердие, патриотизм и коллективизм, имеют сравнительно низкий рейтинг. В пирамидах нет ценности «Россия» (один раз встретилось «„вытащить" Россию»), отсутствуют, за редким исключением, любовь к ближнему, мудрость, вера в Бога и духовность. Это и есть результат потери исторических корней города (связь с Саровской обителью) и пока еще не сформировавшихся традиций наукограда. Данные объективно отражают картину и помогают спланировать работу как на уровне Департамента по делам молодежи и спорта, так и на уровне подведомственных учреждений.

Основная цель духовно-нравственного воспитания в условиях многопрофильных учреждений системы дополнительного образования — способствовать формированию активного отношения современной молодежи к тому, что окружает и воздействует на нее, на основе согласования собственных стремлений с объективными закономерностями развития природных и социальных систем. Такая активность может иметь различные проявления.

В отношении к людям — доброта, отзывчивость, забота, чуткость. Планируя работу кружков декоративно-прикладного творчества Центра внешкольной работы, преподаватели обращают внимание не только на практическую сторону занятий, но и на пользу для души. Свою задачу они видят в том, чтобы привить воспитанникам интерес к народному творчеству, изучить культурные традиции и мастерство предыдущих поколений, а также спадать особый духовный па-

© Л. В. Пустынникова, 2011

строй путем включения в социально полезную деятельность. Так, традиционной стала акция «Преодоление», которая проходит в декаду инвалидов на базе клубов по месту жительства. В рамках акции проводятся мастер-классы для ребят с ограниченными возможностями здоровья, игровые программы, ярмарка-продажа работ воспитанников, на вырученные деньги оказывается адресная помощь. О проведении акции знают и педагоги, которые планируют работу кружков, и родители, которые являются помощниками при изготовлении работ, и дети — участники и организаторы акции.

Логическим продолжением акции «Преодоление» стал проект Молодежного центра «Город — единство непохожих», цель которого — содействовать развитию процесса реабилитации и социальной адаптации молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, показать жителям города, что в наших силах помочь им найти место в жизни, преодолеть трудности и реализовать возможности. В рамках образовательной программы дополнительного образования «Мост» организована работа клуба общения для людей с ограниченными возможностями «Лотос». В этом году проведена уже вторая спартакиада для детей-инвалидов, благодаря которой были выявлены талантливые ребята.

Видимо, в нашей жизни стало мало доброты, радости, дружбы, взаимопонимания, а молодое поколение желает видеть разноцветный, яркий мир. Задача педагогов учреждений дополнительного образования заключается в создании особого эмоционального фона процесса образования, который связан с творческим характером коллективно-творческой деятельности, позитивным настроением, благоприятным психологическим климатом, обеспечивающим чувство защищенности, безопасности, комфорта. Так появились проекты «Дари улыбку детям» (реализуется в клубе «Мечта» и детском отделении клинической больницы) и «Улыбнись, малыш!» (участники акции с целью создания благоприятной эмоциональной атмосферы в детской поликлинике раздавали маленьким пациентам собственноручно разрисованные шарики).

В отношении современной молодежи к обществу — бережное отношение ко всем элементам общественной среды, чувство ответственности. Весенняя неделя добра стала традицией. Если за доброе начинание взяться сообща, добро войдет в сердце каждого! Все творения начинаются с простой идеи, которая может внезапно прийти и легко пролететь мимо — остается ее только поймать. Идея, посетившая сотрудников Департамента по делам молодежи и спорта, не только была «поймана», но и посажена в благодатную почву. Быстро дала всходы, расцвела и подарила плоды. За короткий срок календарь добрых дел превратился во внушительную папку, содержащую информацию о более чем 100 добрых делах, которые жители и организации города делают в последних числах апреля: акции «Чистый двор», «Чистые парки», «Чистый лес», «Серебряные ключи», приведение воинских захоронений в порядок, посадка клумб, оборудование «волшебных комнат» в городских общежитиях, молодежная горячая линия «Позвони, и тебе помогут» и т. д.

В отношении к труду — трудолюбие, дисциплинированность. В рамках образовательной программы «Пятая четверть» ежегодно работают две выставки: «Абитуриент XXI века» и «Найди свой путь». Воспитанники Молодежного центра рассказывают ровесникам об особенностях рынка труда, востребованных профессиях, о вузах страны и города, изучают профессиограммы различных специальностей, а в летний период работают на Молодежной бирже труда.

Для того чтобы обеспечить молодому поколению дополнительные возможности духовного и нравственного развития, специалисты Молодежного центра предложили новое направление работы, ориентированное на культурологический аспект истории христианства в сочетании с трудовой деятельностью, направленной на восстановление исторических памятников русского православия. Опыт реализации программы показал, что именно такое сочетание духовного развития и трудового воспитания способствует оздоровлению внутреннего мира молодого человека.

На территории Костромской области работает летний трудовой лагерь «Золотое кольцо». Главной целью проекта является создание условий для духовного и нравственного воспитания молодежи посредством трудовой деятельности, направленной на восстановление храмов и монастырей, находящих в Золотое кольцо России.

В отношении к самому себе — требовательность, самокритичность, простота, скромность, стремление вести здоровый образ жизни. Большую роль в формировании личностно-волевых качеств, так необходимых современному человеку, играют общественные объединения, деятельность в которых позволяет не только проявлять инициативу в решении проблем сверстников, проводить конкретные творческие мероприятия, но и

предъявлять определенные требования к себе.

Сегодня наработан позитивный опыт работы с волонтерами. На базе Молодежного центра открыт волонтерский клуб «Инсайт». Его деятельность строится на основе учебно-тематического плана. Спиральный принцип построения программы предполагает постепенное расширение и углубление знаний, совершенствование полученных умений и навыков, их отработку на практике посредством организации и проведения городских мероприятий, акций, ролевых игр, диспутов, деятельности агиттеатра и т. д. В течение всего года работают молодежная линия «Ровесник — ровеснику», информационная служба и служба персональных консультантов. Ребята провели социальный опрос в рамках городской акции, посвященной Всемирному дню борьбы со СПИДом, и акции «Твой выбор», посвященной компьютерной и игровой зависимости.

В отношении к Родине — патриотизм, сохранение культурного наследия, бережное отношение к природе.

На базе клуба по месту жительства «Факел» работает вокальный клуб авторской песни «След» для ребят 12—16 лет. Клуб посещают и выпускники прошлых лет. В образовательную программу входит цикл занятий по формированию духовно-нравственных ценностей у молодежи, который проходит в форме бесед и литературно-музыкальных гостиных по темам: «Музыка души» (авторская песня как форма духовного общения); «Белый Ангел» (православные традиции в авторской песне); «Будет ласковый дождь» (тема любви в авторской песне); «Ночной разговор» (о жизненном предназначении человека, его ответственности перед людьми и Вечностью, скоротечности и преемственности жизни; творчество Б. Ш. Окуджавы); «Журавлиная родина» (тема родной земли в авторской песне); «Вспомните, ребята» (тема войны в авторской песне) с последующим свободным обсуждением услышанного. Активное участие в подготовке и проведении программ принимают воспитанники третьего и четвертого годов обучения, имеющие хорошие навыки владения гитарой и голосом, а также достаточно большой репертуар авторской песни. Остальные учащиеся, их друзья и родители являются активными слушателями, так как раздел «Духовные беседы и слушание музыки» входят в основную образовательную программу клуба. Участие этой группы в данном цикле заключается не только в слушании, но и в обязательном обсуждении заданной темы после каждой программы. Часто занятия проходят в форме выездных вечеров-встреч со школьниками и социально незащищенными группами людей в городе и за его пределами. Концертная группа с акустическими гитарами мобильна и может работать в различных условиях.

Процесс ценностного ориентирования молодежи на духовно-нравственные ценности протекает более эффективно, если в рамках образовательной микросреды творческого объединения будет создано специальное пространство воспитания. Участие ребят в работе ориентационного центра «Уроки добротолюбия» в роли обучающих (волонтеров) позволяет достигнуть большего эффекта в усвоении информации о духовно-нравственных ценностях и в осознанном изменении поведения в соответствии с этими ценностями (образами). Развитие и духовно-нравственное воспитание происходят в процессе проживания, т. е. его погружения в определенную систему ценностей (в нашем случае — ценностей православной культуры, раскрываемых в лучших образцах авторской песни). В процессе активной творческой деятельности, происходит осмысление духовно-нравственных ценностей и их перевод во внутренний план, когда они, становясь ценностными ориентациями личности, начинают выполнять функцию регулятора поведения и поступков молодого человека. Хорошую практику ребята получают, являясь организаторами фестиваля православно-патриотической песни «Русь святая» и участниками конкурсных концертов.

В тесной связи с клубом «След» работают ансамбль «Забава» и студия декоративно-прикладного творчества «Берегиня». Задача педагогов — привить детям интерес к народному творчеству, традициям русского народа через освоение навыков песнопения, подхватывая библейское «Не хлебом единым жив человек...». Праздники Рождества и Пасхи, исполненные глубокого смысла, помогают детям ощутить духовные корни, прикоснуться к великой тайне бытия. В течение нескольких лет проходят «Рождественские вечера» и пасхальные выставки. Каждая работа — результат погружения в эпоху, изучения культурных традиций и мастерства предыдущих поколений. Она создает у воспитанников особый духовный настрой. Так происходят овладение опытом предков, их нравственными и духовными традициями, формирование собственной картины мира.

Активность молодых связана с выбором форм позитивного или протестного поведения. В свою очередь атмосфера учреждений

дополнительного образования наиболее благоприятна для развития творческих способностей воспитанников посредством установления взаимопонимания, педагогического сопровождения активности иных граждан, перехода к отношениям творческого соучастия в едином процессе духовно-нравственного воспитания. Для этого у учреждений дополнительного образования есть все возможности: нормативно-правовая база, особая среда, квалифицированные кадры, материально-техническая база.

Поступила 13.07.11.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ КАЧЕСТВОМ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. П. Капаева, Л. Ю. Максимова

В статье анализируются данные социологического опроса населения об удовлетворенности качеством общего образования в Республике Мордовия, проведенного ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» в 2010 г.

Качество общего образования является одним из показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Мордовия. Социологическое исследование, проведенное в 2010 г., показало, что уровень общей удовлетворенности качеством общего образования в целом по республике составляет 82,9 %. Снижение уровня удовлетворенности произошло в Чамзинском (на 12,0 %), Рузаевском (на 11,2 %), Атюрьевском (на 10,9 %), Атяшевском (на 9,3 %), Краснослободском (на 8,0 %), Лямбирском (на 7,6 %), Большеберезниковском (на 7,4 %), Ромодановском (на 7,3 %) и Кадошкинском (на 6,8 %) муниципальных районах. В остальных районах, а также в г. о. Саранск наблюдается незначительный рост.

По результатам исследования нами был составлен рейтинг муниципальных образований Республики Мордовия по уровню общей удовлетворенности населения качеством общего образования. В 2010 г. 10 муниципальных районов Мордовии улучшили позиции в рейтинге: Ардатовский (на 16 позиций), Ичалковский (на 10), Торбеевский (на 6), Кочкуровский (на 5), Инсарский (на 4 позиции) и т. д. По сравнению с 2009 г. ухудшили показатели 13 районов республики: Чамзинского (опустился на 11 позиций), Атюрьевского (на 5—6), Краснослободского (на 4—5), Атяшевского и Большеберезниковского (на 4 позиции) и т. д. Ковылкинский район остался на прежнем месте (табл. 1).

Таблица 1

Динамика рейтинга муниципальных образований РМ по уровню общей удовлетворенности населения качеством общего образования

Муниципальный район (городской округ)	Место в 2009 г.	Место в 2010 г.	Динамика (число позиций)
1	2	3	4
Ардатовский	18	2	16
Атюрьевский	16—17	22	–5...–6
Атяшевский	1	5	–4
Большеберезниковский	9	13	–4

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Большеигнатовский	13	12	3
Дубенский	12	11	1
Ельниковский	6—7	8	−1...−2
Зубово-Полянский	14	17	−3
Инсарский	20	16	4
Ичалковский	11	1	10
Кадошкинский	22	23	−1
Ковылкинский	10	10	0
Кочкуровский	23	18	5
Краснослободский	16—17	21	−4...−5
Лямбирский	5	9	−4
Ромодановский	2	6	−4
Рузаевский	8	15	−7
Старошайговский	6—7	3—4	3
Темниковский	19	20	−1
Теньгушевский	4	3—4	1
Торбеевский	13	7	6
Чамзинский	3	14	−11
Саранск	21	19	2

Вариант ответа «удовлетворен(а)» выбрали респонденты из Ардатовского (84,6 %), Ичалковского (73,2 %), Атяшевского (69,3 %), Ромодановского (68,3 %), Лямбирского (67,6 %), Торбеевского (66,9 %), Ельниковского (63,5 %), Старошайговского (61,0 %), Чамзинского (60,3 %), Кочкуровского (59,8 %) и Рузаевского (58,2 %) районов. Лидерами по числу упоминаний ответа «Скорее удовлетворен(а)» в 2010 г. стали Ковылкинский (45,1 %), Теньгушевский (38,9 %), Инсарский (35,5 %), Большеигнатовский (34,2 %), Старошайговский (30,0 %), Дубенский (29,3 %), Большеберезниковский (28,0 %), Зубово-Полянский (27,9 %) муниципальные районы и г. о. Саранск (53,0 %). Среднереспубликанский показатель уровня неудовлетворенности в целом по сравнению с 2009 г. увеличился лишь на 1,8 %.

В 2010 г. существенных различий в данных показателях не произошло, лишь сельчане продемонстрировали меньшую удовлетворенность качеством общего образования — 62,5 %. В целом жители райцентров более требовательны к качеству обучения детей.

Население Республики Мордовия, отвечавшее на вопрос: «Что Вас прежде всего не устраивает в посещаемом Вашим ребенком (детьми) образовательном учреждении?», в 2010 г. чаще отмечало следующее: «образовательная программа слишком сложная» (29,3 %); «в учреждении старая мебель» (29,2 %); «отсутствие капитального ремонта помещения» (26,8 %) (табл. 2).

В целом по республике заметно выделяется проблема отсутствия учебной литературы (24,6 % ответов). От 10 до 20 % родителей отметили, что их не устраивает отсутствие оборудования в образовательном уч-

реждении, а также то, что не внедряются современные образовательные технологии. От 5 до 10 % ответов пришлось на такие варианты, как «требование вознаграждения на какие-либо нужды», «неумение педагога наладить контакт с родителями и учащимися», «несоответствие образовательных программ современным требованиям», «невысокий уровень культуры педагогов», «низкий уровень профессиональных знаний педагогов».

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что Вас прежде всего не устраивает в посещаемом Вашим ребенком (детьми) образовательном учреждении?» (в целом по Республике Мордовия), % (2010 г.)

Вариант ответа	Показатель
В учреждении старая мебель	29,2
Не внедряются современные образовательные технологии	10,1
Невысокий уровень культуры педагогов	6,0
Несоответствие образовательных программ современным требованиям	6,7
Неумение педагога наладить контакт с родителями и учащимися	8,0
Низкий уровень профессиональных знаний педагогов	5,8
Образовательная программа слишком сложная	29,3
Отсутствие капитального ремонта помещения	26,8
Отсутствие оборудования	17,8
Отсутствие учебной литературы	24,6
Требование вознаграждения на какие-либо нужды	8,1
Другое	5,9

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

В 2010 г. наблюдалась существенная разница между среднереспубликанским значением и районными показателями частоты упоминания тех или иных проблем. Чаще, чем в среднем по республике, жаловались на слишком сложную образовательную программу опрошенные из Атюрьевского (51,4 %), Теньгушевского (47,7 %) и Торбеевского (45,3 %) муниципальных районов. Старая мебель в образовательных учреждениях не устраивает респондентов из Ардатовского (55,8 %), Кочкуровского (52,5 %), Кадошкинского (51,1 %), Ромодановского (43,7 %), Дубенского (9,8 %) муниципальных районов.

Отсутствие капитального ремонта в образовательных учреждениях беспокоит жителей Кадошкинского (48,9 %), Ромодановского (44,8 %), Атюрьевского (41,7 %) и Ардатовского (40,7 %) муниципальных районов. Вместе с тем только 7,1 % респондентов из Темниковского муниципального района обратили внимание на данную проблему. Отсутствие учебной литературы чаще отмечали опрошенные из Инсарского (41,9 %) и Большеберезниковского (38,1 %) районов. На отсутствие оборудования жаловались респонденты из Ардатовского (30,2 %) и Ромодановского (29,9 %) муниципальных районов республики. На то, что не внедряются современные образовательные технологии, чаще указывали жители Темниковского (25,7 %) и Старошайговского (19,8 %) муниципальных районов. Требование вознаграждения на какие-либо нужды отметили 32,8 % респондентов из г. о. Саранск, что в четыре раза больше среднереспубликанского значения. Неумение педагога наладить контакт с родителями и учащимися отметили 18,2 % опрошенных, что в 2,2 раза больше, чем в целом по Мордовии. Несоответствие образовательных программ современным требованиям в 2,7 раза чаще, чем в целом по республике, упоминали жители Темниковского района (18,6 %). На невысокий уро-

вень культуры педагогов указали 11,0 % респондентов из Атюрьевского муниципального района. Если в целом по республике низкий уровень профессиональных знаний педагогов упомянался редко (5,8 %), то в 3,6 раза чаще — в Большеигнатовском районе (21,1 %), более чем в 2 раза — в Зубово-Полянском (12,4 %) и Дубенском (12,2 %) муниципальных районах.

В 2009 г. и жителей райцентров, и сельчан прежде всего не устраивала старая мебель в учреждениях. В 2010 г. сельчан прежде всего не устраивала слишком сложная образовательная программа (31,6), а жителей райцентров — старая мебель (32,4 %). Жители райцентров чаще, чем сельчане, отмечали отсутствие: капитального ремонта помещений школ (29,2 и 26,1 % соответственно), учебной литературы (26,6 и 21,8 %), оборудования (18,7 и 17,9 %), несоответствие образовательных программ современным требованиям (7,3 и 5,3 %), требование вознаграждения на какие-либо нужды (7,8 и 4,9 % соответственно) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что Вас прежде всего не устраивает в посещаемом Вашим ребенком (детьми) образовательном учреждении?» в разрезе «райцентр — село» (в целом по Республике Мордовия), %, 2010 г.

Вариант ответа	Райцентр	Село
В учреждении старая мебель	32,4	27,8
Не внедряются современные образовательные технологии	10,7	10,7
Невысокий уровень культуры педагогов	5,7	6,4
Несоответствие образовательных программ современным требованиям	7,3	5,3
Неумение педагога наладить контакт с родителями и учащимися	6,9	7,7
Низкий уровень профессиональных знаний педагогов	4,6	6,9
Образовательная программа слишком сложная	27,6	31,6
Отсутствие капитального ремонта помещения	29,2	26,1
Отсутствие оборудования	18,7	17,9
Отсутствие учебной литературы	26,6	21,8
Требование вознаграждения на какие-либо нужды	7,8	4,9
Другое	5,2	5,0

Примечание. Сумма по столбцам превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

На открытый вопрос о том, что не устраивает родителей в получаемом их детьми общем образовании, около 200 чел. (7,2 %) ответили, что их все устраивает. Остальные респонденты чаще высказывали недовольство проведением ремонта в школах за счет родителей, отсутствием бесплатных учебников. Население районов республики не устраивает закрытие школ. Родителей беспокоит, что дети вынуждены ездить в соседние населенные пункты. В Большеигнатовском муниципальном районе респонденты взволнованы тем, что детей возят в образовательные учреждения по разрушенным дорогам, в Ичалковском — что их поздно привозят домой, голодных. Состоянием зданий школ обеспокоены опрошенные из Рузаевского, Темниковского, Краснослободского и Кадошкинского муниципальных районов. Плохое отопление в школах отмечали родители учащихся в Темниковском, Ельниковском, Большеигнатовском муниципальных районах, организация питания не устраивает респондентов из Ичалковского, Кадошкинского муниципальных районов и г. о. Саранск. В Рузаевском районе опрошенные отмечали отсутствие кружков и секций для организации досуга детей. Некоторые родители по-прежнему против ЕГЭ.

Таким образом, можно сделать выводы. В 2010 г. респонденты-родители по-прежнему высоко оценивали качество обще-

го образования детей: в среднем по республике уровень общей удовлетворенности составлял 82,9 %. Лидерами по этому показателю в 2010 г. стали семь районов: Ардатовский, Атяшевский, Ичалковский, Ромодановский, Старошайговский, Теньгушевский и Торбеевский (здесь уровень удовлетворенности в целом качеством общего образования детей выше 88 %). Показатели ниже среднего по республике (менее 78 %) в 2010 г. зафиксированы в Атюрьевском, Кадошкинском, Краснослободском, Темниковском районах и г. о. Саранск. По основным недостаткам образовательных учреждений наблюдается следующая тенденция: в 2010 г. снизилась доля респондентов, отмечающих старую мебель в учреждении и отсутствие капитального ремонта; вместе с тем участились жалобы на слишком сложную образовательную программу. Среди районов республики недовольство слишком сложной образовательной программой более всего возросло в Ардатовском муниципальном районе, старой мебелью в образовательных учреждениях — в Кочкуровском, отсутствием капитального ремонта помещений — в Чамзинском.

Отметим, что в образовательных учреждениях Республики Мордовия необходимо создавать условия для более комфортного пребывания детей, развивать материально-техническую базу, а также совершенствовать инновационные технологии. Органам местного самоуправления соответствующих муниципальных районов необходимо обратить особое внимание на решение данных проблем.

Поступила 13.07.11.

КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. В. Ивашкина

В статье представлен анализ оценок качества подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений руководителями профессиональных образовательных учреждений и предприятий (организаций) Республики Мордовия.

Реализация функций воспроизводства образовательной и профессиональной структуры кадров обеспечивается институтами системы образования, уровень развития которых определяет потенциал воспроизводства. Система профессионального образования сегодня столкнулась с проблемами, связанными с деятельностью в условиях рыночной конкуренции, в том числе на рынке труда.

В контексте решения задач подготовки кадров, востребованных на региональном рынке труда, и повышения эффективности профессионального образования республики посредством совершенствования взаимодействия системы профессионального образования и предприятий (организаций) в июле-августе 2009 г. НИИ регионологии Мордовского государственного университета проведено социологическое исследование «Комплексное взаимодействие профессиональных образовательных учреждений и предприятий (организаций) Республики Мордовия». Одной из задач исследования была оценка качества подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений республики руководителями учебных заведений и предприятий (организаций).

Оценка уровня подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений является важным индикатором эффективности функционирования системы профессионального образования. Так, мнения руководителей профессиональных образовательных учреждений по этому вопросу поде-

© Н. В. Ивашкина, 2011

лились почти поровну: 52,6 % считают его высоким, 47,4 % — низким. Характерно, что наиболее высоко оценили уровень подготовки выпускников руководители учреждений высшего профессионального образования (75,0 %), средним считают его большинство руководителей начального профессионального образования (86,7 %). На наш взгляд, это объясняется тем, что контингент поступающих и обучающихся в системе начального профессионального образования ниже, чем в среднем и тем более высшем профессиональном образовании, да и материальная база последних намного лучше. Следует отметить, что ни один из респондентов этой группы не оценил уровень подготовки выпускников как низкий.

Интересным представляется сравнение оценок уровня подготовки выпускников руководителями профессиональных образовательных учреждений и руководителей предприятий и организаций как непосредственных потребителей. Здесь выявлены разногласия в мнениях. Так, работодатели в большей степени оценивают уровень подготовки выпускников как средний. И если руководители средних и высших профессиональных учебных заведений оценили уровень как высокий более чем у половины выпускников (59,1 и 73,0 % соответственно), то работодатели отметили меньшую долю выпускников с таким уровнем подготовки (6,9 и 30,3 %). Среди работодателей 14,3 % указали на то, что уровень подготовки выпускников начального профессионального образования является низким. Принимая во внимание потребность на рынке труда именно в квалифицированных рабочих кадрах, можно констатировать особую социальную значимость проблем с качеством подготовки в сегменте начального профессионального образования. Наблюдается противоречивая ситуация. С одной стороны, руководители профессиональных образовательных учреждений иногда завышают оценку уровня подготовки выпускников, с другой — работодатели предъявляют завышенные требования к выпускникам.

В ходе интервью с руководителями предприятий (организаций) были учтены как положительные, так и отрицательные оценки качества подготовки выпускников профессиональных образовательных учреждений. Так, высоко оценили уровень подготовки выпускников медицинского профиля (Министерство здравоохранения РМ: «О качестве подготовки специалистов с высшим и средним медицинским образованием в учебных заведениях республики свидетельствует тот факт, что руководителями большинства учреждений отрасли, в том числе крупных многопрофильных стационаров, являются выпускники университета»), сельскохозяйственной направленности (ОАО «Талина»: «Для нас превосходно готовят кадры средние специальные учебные заведения»).

Были и противоречивые оценки, когда эксперты сравнивали подготовку выпускников разных уровней образования (ОАО «Рузхиммаш»: «Следует отметить, что сотрудничество с техникумом даже более эффективное, чем с вузом, так как там практики больше и получается так, что выпускники техникума больше знают, чем выпускники вуза») и одного уровня (ОАО «Станкостроитель» «Мы сотрудничаем с профессиональным училищем № 33 и профессиональным лицеем № 21, вроде бы профиль подготовки одинаков, готовятся в основном станочники широкого профиля металлообработки. Следует отметить, что уровень подготовки студентов лицея № 21 значительно выше, чем у студентов ПУ № 33. Ребята из лицея приходят более подготовленными как в плане дисциплины, так и в плане профессионального мастерства. С ними мы работаем качественно»).

Были высказаны критические замечания и по поводу подготовки специалистов в вузах (ОАО «Станкостроитель»: «...нам бы хотелось более тесного сотрудничества с РИМ МГУ им. Н. П. Огарева, так как это по нашему профилю. Но вот в Рузаевке мы никак не найдем контакты. Очень маленькая численность тех, кто приходит на практику. Допустим, по договору мы просим определенное количество студентов, а присылают нам одного-двух, чаще даже девушек, хотя предпочтение мы отдаем юношам. Я даже не знаю, куда они уходят. Хотелось бы оттуда больше и студентов на практику, и специалистов».

Руководители предприятий высказали и конкретные претензии к отдельным специалистам (ОАО «Талина»: «Проведя анализ работы молодых специалистов, занятых на предприятиях агрохолдинга „Талина" мы выявили основные недостатки в подготовке выпускников, а именно: юристы в основном узко специализированны, слабо представляют порядок составления документации; экономисты — неуверенные пользователи ПК, не имеют практических навыков работы с „1С"; относительная невысокая подготовка в вопросах налогового учета, платежных систем, бухгалтерского учета по отраслям (торговля, сельское хозяйство); у строителей слабые навыки работы с проектной документа-

цией и специализированными программами по автоматизации производственного процесса; слабые навыки организации работы первичного звена (рабочих); не знают порядок оформления исходно-разрешительной и исполнительной документации; зоотехники и ветеринары не имеют навыков работы на современных фермах, не обладают специальной теоретической подготовкой по отдельным направлениям, недостаточно знаний по племенному учету, не владеют техникой искусственного осеменения, низкий уровень знаний по ветеринарии; агрономы: поверхностные знания по технологии растениеводства; технологи (мясопереработка): средняя теоретическая подготовка, не хватает практических навыков»).

Несоответствие качества подготовки выпускников требованиям работодателей влечет за собой проблему переподготовки специалистов. Так, в ответах на вопрос: «Примерно какую долю выпускников, работающих у Вас, Вам приходится переучивать?» — более половины экспертов указали на альтернативы, предполагающие переобучение работающих у них выпускников. Причем по уровням образования распределение ответов практически аналогично: о том, что приходится переучивать большинство выпускников профлицеев и профучилищ, заявили 20,0 % экспертов, выпускников колледжей и техникумов — 21,4, вузов — 22,6 %. Альтернативу «меньше половины» по выпускникам НПО выбрали 24,0 % экспертов, по выпускникам СПО — 25,0, ВПО — 22,6 %.

Вместе с тем доля экспертов, указывающих на то, что переучивать приходится почти всех, уменьшается в соответствии с более высокой ступенью образования. Если по выпускникам НПО этот показатель составляет 8,0 %, то по выпускникам СПО — 3,6 %. Относительно выпускников с высшим образованием эта альтернатива экспертами не отмечена. Таким образом, чем выше уровень полученного образования у выпускников, работающих на предприятиях (в организациях), тем реже возникает необходимость в их переучивании.

Необходимость переучивать выпускников учреждений профессионального образования не только является индикатором несоответствия уровня подготовки требованиям предприятий и организаций, но и характеризует ряд негативных процессов: слабую взаимосвязь образовательных учреждений и потребителей образовательных услуг; недостаточную мотивацию выпускников к трудовой деятельности; несоответствие профессиональной структуры выпускников учебных заведений и структуры спроса работодателей.

Основными причинами несоответствия структуры выпускников профессиональных образовательных учреждений и структуры спроса работодателей на рабочую силу руководители профессиональных образовательных учреждений считают низкий размер заработной платы у молодых специалистов (78,9 %), недостаточную координацию и взаимосвязь рынка труда и рынка образовательных услуг (47,4 %) и отсутствие точного прогноза по приоритетным специальностям на среднесрочную и долгосрочную перспективу (45,6 %).

Экспертами отмечены и иные причины, такие как «высокие требования работодателей к уровню профессии», «искаженное понятие у родителей о будущем детей», «необходимость менять критерии оценки успеха в СМИ», «непрестижность для выпускников школ востребованных рабочих профессий», «неоправданно большое число подготавливаемых юристов и экономистов во всех вузах и учреждениях СПО, следует готовить только востребованных специалистов, таких как зоотехники, ветеринары, строители, инженеры», «узкий рынок вакансий».

Большинство экспертов-работодателей (71 %) указали перечень требований, предъявляемых кадровыми службами предприятий (организаций) к индивидуальным и профессионально-квалификационным качествам принимаемых специалистов и работников. Среди требований, связанных со спецификой отрасли, часто называются дисциплинированность, аккуратность, эмоциональная устойчивость, нематериальная мотивация к работе, умение решать нестандартные задачи, стремление учиться и т. д. Однако самым распространенным требованием, обозначенным многими экспертами, является наличие стажа и опыта работы. Исходя из этого шансы на трудоустройство выпускников на существующие вакансии значительно снижаются.

Тем не менее в качестве главных требований, которые предъявляются предприятиями выпускникам в настоящее время, указываются высокий уровень практической подготовки (55,3 %) и теоретических знаний (52,6 %), высокая работоспособность (55,3 %), умение работать в команде и на благо команды (52,6 %), умение и желание учиться (36,8 %). Сравнительно меньше востребованы умение брать ответственность на себя (21,1 %) и коммуникабельность (7,9 %).

Следовательно, развитие практикоориентированных компетенций является одним из условий повышения уровня подготовки кадров в соответствии с требованиями работодателей.

Это лишний раз доказывает, что необходим конструктивный диалог бизнеса и образования. В связи с этим экспертам был задан вопрос: «Что следует изменить в системе профессионального образования, для того чтобы выпускники отвечали требованиям работодателя?» Руководители профессиональных образовательных учреждения ответили, что для этого необходимы улучшение материально-технической базы профессиональных образовательных учреждений (72,4 %), увеличение целевой подготовки специалистов на основе трехсторонних (образовательное учреждение — предприятие — студент) договоров (41,4 %) и обеспечение организации практики студентов на передовых предприятиях (41,4 %).

Отличия во взглядах на эту проблему среди руководителей учреждений образования разных уровней состоят в том, что руководители высших профессиональных учреждений, помимо улучшения материально-технической базы и увеличения целевой подготовки специалистов, отметили как наиболее значимую проблему расширения практики стажировок преподавателей на передовых предприятиях и организациях (45,0 %). Руководители учреждений СПО важным считают необходимость обеспечения участия ведущих специалистов организаций работодателей в учебном процессе и совместных научно-технических разработках (30,4 %). Руководители учреждений НПО отмечали значимость изменения содержания и повышения уровня профориентационной работы среди учащихся общеобразовательных школ (40,0 %).

В глубинных интервью руководители профессиональных образовательных учреждений и предприятий (организаций) также высказали предложения относительно повышения качества подготовки выпускников. Так, по мнению руководителей профессиональных образовательных учреждений, эти изменения должны носить в основном организационный характер. Была отмечена необходимость разработки программы развития отдельных отраслей экономики на среднесрочную перспективу: «Эффективность совместной деятельности значительно возрастет, если предприятия и образовательные учреждения получат возможность опираться на план перспективного развития отраслей и предприятий республики хотя бы на 2—3 года вперед. На основе таких прогнозов можно точно планировать перечень профессий, количество подготавливаемых работников, качественный уровень их подготовки» (ПЛ № 21); в создании центров развития отдельных отраслей и более заинтересованного отношения работодателей к системе профессионального образования: «То есть работодателям не смотреть на нас как на младших братьев, а как на равноправных партнеров» (Саранский государственный промышленно-экономический колледж), «Необходимо в первую очередь изменить сознание, нужно понять, что подготовка кадров — это наша общая задача» (Саранский строительный техникум).

Руководители предприятий (организаций) высказывали мнение, что повышение качества подготовки выпускников во много зависит от ответственности преподавателей и студентов: «В первую очередь ответственность и принципиальность самого преподавателя, которые больше всего повлияют на качество обучения. С другой стороны, требуя от преподавателей полной отдачи, следует им и соответственно платить. Частенько у нас по России получается, что строим для животных комплексы в сельской местности с европейским оснащением, а в то же время в школах, училищах и в университетах, можно сказать, убожество. То есть для человека, для его комфорта, удобства делается мало. Студент должен входить в аудиторию — все должно быть идеальным, красивым» (ОАО «Рузхиммаш»); «Уровень подготовки стал хуже. Это зависит и от преподавателей, и от студентов, и те и другие стали относиться к процессу обучения более халатно» (ОАО «Станкостроитель»).

Таким образом, повышение качества подготовки кадров и их трудоустройство обусловлены расширением направлений сотрудничества между работодателями и профессиональными образовательными учреждениями, позволяющих согласовывать образовательные услуги с требованиями работодателей.

Поступила 13.07.11.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

О. В. Козина, В. В. Козин

На основе данных социологического исследования определен уровень социально-педагогической компетентности преподавателей среднего профессионального образования в Республике Мордовия.

На современном этапе развития общества на образование возлагается особая ответственность, поскольку в условиях информационного общества необходимы высококвалифицированные специалисты, а уровень интеллектуального развития общества становится стратегическим ресурсом. В основополагающих государственных документах начала XXI в. инвестиции в образование и повышение качества человеческого капитала рассматриваются как важнейшее условие развития всех секторов российской экономики и социальной политики. Подчеркивается, что именно социальный заказ общества и государства будет определять направления развития и изменения системы образования России в первом десятилетии XXI в. Это предполагает модернизацию содержания и структуры профессионального образования в соответствии с требованиями основных отраслей промышленности, сферы услуг, культуры, армии, государственной службы.

В этом контексте глубокие изменения претерпевают принципы, структура и функции профессионального образования, повышается роль социально-педагогических ценностей, человеческого фактора в развитии различных сфер социальной практики, становлении государственно-общественного управления образованием. Развивающемуся обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, быть мобильными, динамичными, конструктивными специалистами, обладать развитым чувством ответственности за судьбу страны. Чтобы реализовать эту цель, следует не только обновить содержание и технологии образования, но и подготовить преподавателя, способного решать сложные социально-педагогические задачи. Однако изучение результатов психолого-педагогических и социологических исследований [1] и анализ реальной педагогической практики показывают, что педагогическое сообщество не совсем готово к решению этих задач, ибо профессиональная компетентность современного педагога и его ментальность недостаточно соответствуют требованиям модернизации базового образования. Возникла необходимость в качественно иной подготовке педагога, позволяющей сочетать фундаментальность профессиональных базовых знаний с инновационностью мышления и практико-ориентированным, исследовательским подходом к разрешению конкретных образовательных проблем [2].

В рамках новых требований критерием качества профессиональной деятельности преподавателя становится профессиональная компетентность. Сосредоточенность образования на компетентностном подходе обусловлена особыми требованиями современного общества к преподавателю. Однако для российской образовательной системы компетентностный подход не является принципиально новым. Как и в большинстве европейских стран, элементы этого подхода всегда были в России неотъемлемой частью системы управления качеством обучения и профессиональной подготовки кадров.

Профессиональная компетентность рассматривается, с одной стороны, в качестве интегрального критерия качества профессионального обучения и профессиональной деятельности, с другой — как свойство личности, для которой характерны высокое качество выполнения трудовых функций, культура труда и межличностных коммуникаций, умение инициативно и творчески решать профессиональные проблемы, а также готовность к принятию управленческих решений, к адаптации в новых условиях деятельности. Компетентность в данной модели рассматривается как совокупность компетенций. Профессиональные компетенции рас-

© О. В. Козина, В. В. Козин, 2011

сматриваются как совокупность знаний, умений и навыков, которые непосредственно характеризуют специалиста в профессиональной области. Личностные компетенции характеризуют специалиста как личность (личностно-психологические характеристики — моральные, деловые и психологические качества, необходимые для занятия определенным видом деятельности; характеристики здоровья и физической подготовки; характеристики культурного развития). Представленная модель содержит разработанные кластеры компетенций: достижение результатов, работа с информацией, работа с людьми, личностное самосовершенствование, управление человеческими ресурсами, самоорганизация и др. [4, с. 34]. По мнению В. Г. Онушкина и Е. И. Огарева, «компетентность — категория оценочная, она характеризует человека как субъекта специализированной деятельности, где развитие способностей человека дает ему возможность выполнять квалифицированную работу, принимать ответственные решения в проблемных ситуациях, планировать и совершенствовать действия, приводящие к рациональному и успешному достижению поставленных целей» [2].

Социально-педагогическую компетентность преподавателя, на наш взгляд, можно определить как его способность к эффективной реализации в образовательной практике системы социально одобряемых ценностных установок и достижению наилучших педагогических результатов за счет профессионально-личностного саморазвития. В связи с этим необходимо отметить, что вопросы социально-педагогической подготовки в основном отражены в работах на тему специфики подготовки будущих специалистов социальной сферы. При этом вопросы формирования социально-педагогической компетентности преподавателя среднего профессионального образования (СПО) до сих пор остаются недостаточно изученными.

Решение этих вопросов сдерживается рядом противоречий: 1) между потребностью современного общества в педагогах, способных эффективно применять социально-педагогические технологии, и отсутствием теоретического обоснования и научно-методического обеспечения их подготовки к освоению социально-педагогических технологий; 2) между пониманием необходимости формирования и развития социально-педагогической компетентности преподавателя СПО и недостаточным методическим оснащением этого процесса; 3) между очевидной недостаточностью социокультурной направленности деятельности преподавателя СПО в современных условиях и неразработанностью основ его социально-педагогической деятельности; 4) между обострением в обществе социальных проблем и недостаточной разработанностью педагогического обеспечения подготовки преподавателя СПО для применения социально-педагогических технологий в работе с учащимися среднего специального учебного заведения.

В условиях становления рыночной экономики стало ясно, что развиваться в дальнейшем могут те учебные заведения, которые обеспечивают подготовку специалистов, способных участвовать в производстве продукции, конкурентоспособной на мировом рынке. Это, по мнению П. Н. Осипова, определило стратегическую задачу профессионального образования — обеспечение разноуровневого качества подготовки специалистов, соответствующих мировым стандартам. Конкурентоспособность специалиста стала сегодня основным требованием к его подготовке [3]. Это определяет и центральную задачу непрерывного профессионального образования — повышение качества подготовки специалистов до мирового уровня.

Для выявления уровней развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО в феврале 2010 г. нами был проведен опрос преподавателей отделения среднего профессионального образования Института национальной культуры (СПО ИНК) Мордовского государственного университета. Респондентам было предложено оценить отношение к профессии, дать самооценку сформированности умений педагога-мастера, осуществить самоанализ социально-педагогической компетентности.

В процессе организации и проведения исследования мы столкнулись с проблемами, главными из которых являются слабая методологическая база исследуемой тематики, отсутствие опыта и методики исследования социально-педагогической компетентности преподавателей СПО. Этим объясняются небольшой набор используемых тестов и опора на самоанализ преподавателей. Преподавательский состав СПО ИНК небольшой, его основную часть составляют женщины (70 %), поэтому гендерный аспект остался вне поля нашего зрения.

Важно отметить, что основная масса опрошенных преподавателей не имеют научной степени (80 %), причем лишь 26 % из них являются аспирантами или соискателями. Эти данные могут быть показателем не-

достаточной мотивационной направленности на повышение научной квалификации.

Поскольку профессиональная компетентность во многом зависит от отношения человека к этой профессии, мы сочли необходимым предложить педагогам ответить на вопросы анкеты «Оценка отношения к профессии». Особого внимания здесь заслуживают оценка общественного значения труда педагога, отношение к социальной полезности собственной преподавательской деятельности, а также поиск возможностей для повышения эффективности педагогической деятельности. Общественное значение труда педагога в основном было оценено высоко (70 %), 30 % опрошенных оценили его «не низко, но и не высоко», причем зависимости от возраста, стажа и половой принадлежности не прослеживается.

Над социальной полезностью собственной преподавательской деятельности «достаточно часто» задумывается 71 % опрошенных, «очень часто» — 18 %. Здесь прослеживается некоторая закономерность: наибольшее значение этому вопросу придают преподаватели в возрасте 35—39 лет, имеющие стаж работы 10—15 лет. Этому вполне можно найти объяснение. Так называемое «профессиональное выгорание», усталость наступают через 15 лет после начала профессиональной деятельности. В данном случае преподаватели еще не перешагнули этот порог, опыт накоплен большой, возраст — продуктивный. Отсюда заинтересованность и оптимизм в отношении к профессии.

Интересную закономерность удалось выявить в результате анализа ответов относительно поиска возможностей для повышения эффективности педагогической деятельности: «очень часто» это пытаются делать преподаватели (23,5 %), имеющие либо небольшой педагогический стаж (до 5 лет) в возрасте до 25 лет, либо стаж от 25 лет и более. Молодые преподаватели не имеют опыта, поэтому вынуждены находиться в постоянном поиске новых форм и методов работы. Педагоги с солидным стажем, благодаря опыту, осознают значимость педагогического труда и понимают, что его эффективность зависит от постоянной работы над собой и поиска новых педагогических средств и возможностей. Следует отметить, что преподаватели, имеющие педагогический стаж до пяти лет в возрасте 25—30 лет, ответили, что «не редко, но и не часто» проявляют активность в поиске новых форм работы. «Достаточно часто» задумываются о повышении эффективности своей педагогической деятельности 53 % опрошенных.

Самооценка сформированности умений педагога-мастера осуществлялась по трем позициям: педагогическое проектирование, организаторские и коммуникативные умения и аналитические умения. Основная часть опрошенных преподавателей достаточно высоко оценили собственные профессиональные умения. Лишь 12 % респондентов отметили у себя умения «ниже среднего» в педагогическом проектировании (умение проектировать и планировать развитие личных качеств ученика в соответствии с периодами учебного процесса, отбирать в соответствии с условиями деятельности наиболее важный материал, планировать деятельность учащихся), в сфере организаторских и коммуникативных умений (находить себе помощников и направлять их усилия на достижение поставленной цели), в аналитических умениях (анализ процесса формирования коллектива воспитанников). Проблемы подобного рода могут быть связаны не только с отсутствием опыта работы, но и со слабой психолого-педагогической (теоретической) и методической подготовкой преподавателя.

Представляет интерес тот факт, что некоторые из перечисленных «слабых» позиций у большинства преподавателей оценены как имеющие высокий уровень развития умения (отбор важного материала в соответствии с условиями деятельности). Среди организаторских и коммуникативных умений наивысшую оценку получили «умение формировать коллектив учащихся и организовывать его деятельность» и «умение подходить к учащемуся с верой в его лучшие качества».

Что касается аналитических умений, то именно эта позиция наиболее высоко оценена респондентами. Преподаватели высоко оценили умения анализировать собственную работу, перестраивать деятельность в связи с изменившимися обстоятельствами. Однако анализ деятельности учащихся, процесса формирования коллектива воспитанников вызывает у респондентов некоторые трудности. Возможно, это объясняется несоответствием «понимания» необходимости постоянного развития и совершенствования имеющихся психолого-педагогических знаний и умений реальному положению дел.

В процессе самоанализа социально-педагогической компетентности преподаватели достаточно высоко («да») оценили свои профессиональные качества. «Способность к сочувствию, сопереживанию» отметили у себя 76 %, 65 % считают, что умеют применять психолого-педагогические знания на практике (это несколько противоречит дан-

ным предыдущей анкеты). Способность к самоанализу и стремление к самопознанию и самосовершенствованию отметили у себя 59 % опрошенных. Высоко (53 %) оценены «умение ориентироваться в сложных педагогических ситуациях», «наличие теоретических знаний по педагогике и психологии», а также «гибкость и умение налаживать отношения с учащимися, родителями и коллегами». Меньшая группа респондентов дала еще более высокую оценку своим профессиональным качествам («да, в достаточной степени»). Этой категории преподавателей присуща «способность и готовность к научно-исследовательской работе» (47 %), стремление к творчеству (41 %), общительность (35 %). В слабой степени ориентируются в сложных педагогических ситуациях 6 % преподавателей. Отмечают у себя низкий уровень психолого-педагогических знаний 12 %, а 29 % считают, что у них слабо развита способность и готовность к научно-исследовательской работе. Мало используют в работе современные педагогические технологии 17,6 %.

Анализ результатов опроса позволяет сделать вывод о том, что преподавателям СПО ИПК присущ в основном средний (репродуктивный) уровень развития социально-педагогической компетентности, предполагающий наличие теоретических знаний, которые не всегда успешно применяются на практике. Низкий уровень в «чистом виде» не выявлен. Высокий (креативный) уровень проявляется в виде отдельных «элементов», однако не хватает целостности, нет единства теории и практики, не используются в необходимом объеме современные социально-педагогические технологии. Педагоги не владеют в достаточной степени соответствующими знаниями и практическими навыками работы над собой, не имеют возможности использовать готовые психолого-педагогические комплексы по профессиональному саморазвитию, поскольку проблема развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО пока только обозначена и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, если сравнить результаты, полученные в процессе опроса преподавателей СПО, можно отметить относительно *субъективный характер полученной информации*. С одной стороны, получается, что преподаватели больше способны к аналитической деятельности и испытывают некоторые проблемы в выстраивании отношений с учащимися в учебно-воспитательном процессе, с другой — они отметили у себя наличие таких качеств и характеристик, которые позволяют грамотно организовать педагогическое общение и добиваться успехов в педагогической практике. Наблюдается общая тенденция не только к противоречиям в сознании педагогов, но и к ее завышению. Профессиональные амбиции, присущие большинству опрошенных преподавателей, лишь тогда могут быть полезны, когда педагог реально осознает необходимость постоянной работы над собой в личностном и профессиональном плане, когда будет стремиться к самоанализу и саморазвитию, а каждый достигнутый уровень станет ступенью к достижению следующего. Необходимы дальнейший анализ этой проблемы и создание соответствующих условий для развития социально-педагогической компетентности преподавателей СПО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Анисимов П. Ф.** Основные направления модернизации среднего профессионального образования на рубеже веков / П. Ф. Анисимов // Среднее проф. образование. — 2000. — № 8. — С. 3–11.

2. **Онушкин В. Г.** Образование взрослых : междисциплин. словарь терминологии / В. Г. Онушкин, Е. И. Огарев. — СПб. ; Воронеж : ИОВ РАО, 1995. — 232 с.

3. **Осипов П. Н.** Профессиональное развитие студента (социально-психологический аспект) / П. Н. Осипов. — Казань : Школа, 2002. — 196 с.

4. **Реан А. А.** Психология познания педагогом личности учащихся / А. А. Реан. — М : Высш. шк., 1990. — 80 с.

Поступила 13.07.11.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ КАЧЕСТВОМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

А. В. Голованов, И. А. Шичкин

В статье анализируются показатели удовлетворенности населения Мордовии качеством дополнительного образования детей в 2010 г. Обозначены актуальные проблемы системы дополнительного образования и сформулированы практические меры по их решению.

Дополнительное образование детей как составная (вариативная) часть общего образования позволяет обучающемуся приобрести устойчивую потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Главным индикатором качества здесь является уровень удовлетворенности населения данным видом образования. В целом по Республике Мордовия уровень общей удовлетворенности населения качеством дополнительного образования детей в 2010 г. составил 87,1 %. Это свидетельствует о стабильно высокой эффективности функционирования системы дополнительного образования в Республике Мордовия.

Лидирующие позиции по уровню общей удовлетворенности качеством дополнительного образования детей в Мордовии в 2010 г. занимали Ардатовский, Ичалковский, Ромодановский, Темниковский, Торбеевский районы, а также г. о. Саранск (здесь этот показатель выше 92,0 %). Самый высокий — у Ардатовского района (98,8 %). Близки к средним республиканским значениям (от 82,0 до 92,0 %) Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Елыпковский, Инсарский, Кочкуровский, Краснослободский, Рузаевский, Старошайговский и Теньгушевский районы. К группе территорий, где уровень общей удовлетворенности качеством дополнительного образования детей ниже, чем в среднем по Мордовии (ниже 82,0 %), относятся Зубово-Полянский, Кадошкинский, Ковылкинский, Лямбирский, Чамзинский районы.

За 2009—2010 гг. в разрезе «райцентр — село» в среднем по республике сложилась следующая динамика. Если совокупное число респондентов, удовлетворенных качеством дополнительного образования, в райцентрах увеличилось с 85,1 % в 2009 г. до 88,4 % в 2010 г., то в селах оно уменьшилось с 88,9 % в 2009 г. до 83,3 % в 2010 г. Что касается совокупного числа опрошенных, не удовлетворенных услугами дополнительного образования, то в райцентрах оно уменьшилось с 11,5 % в 2009 г. до 7,2 % в 2010 г., в селах увеличилось с 7,7 % в 2009 г. до 10,9 % в 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены качеством дополнительного образования, получаемого Вашим ребенком (детьми)?» в разрезе «райцентр — село» в целом по РМ, % от числа опрошенных, 2010 г.

Вариант ответа	Райцентр	Село
Удовлетворен(а)	61,5	63,0
Скорее удовлетворен(а)	26,9	20,3
Скорее не удовлетворен(а)	4,3	6,2
Не удовлетворен(а)	2,9	4,7
Затрудняюсь ответить	4,4	5,8

© А. В. Голованов, И. А. Шичкин, 2011

При анализе ответов в зависимости от места проживания респондентов (райцентр — село) в 2010 г. получены следующие результаты. В 14 из 22 районов жители райцентров по уровню общей удовлетворенности оценивают качество дополнительного образования выше, чем жители сел. Наибольшее различие в количестве ответов отмечено между жителями райцентра и сел в Ельниковском районе. Если в райцентре уровень общей удовлетворенности составил 91,3 %, то в селах — 61,1 %. В целом население республики высоко оценивает качество дополнительного образования детей. Вместе с тем родителями отмечены отдельные минусы, среди которых чаще всего встречается недостаточное материально-техническое оснащение образовательного процесса: отсутствие необходимого оборудования, новой мебели и капитального ремонта помещений. Сюда же относятся низкая активность руководителей образовательных учреждений по внедрению современных образовательных технологий, отсутствие учебной литературы, высокая плата за обучение, неудобный график занятий, недостаточное количество кружков. Многие респонденты сельских населенных пунктов выражали неудовлетворенность отдаленным расположением учреждений дополнительного образования, в связи с чем родители вынуждены отказываться от подобных услуг.

Так, в целом по Республике Мордовия в 2010 г. наличием в учреждениях дополнительного образования старой мебели обеспокоены 28,9 % респондентов. Незначительно возросло число опрошенных, указывающих на отсутствие современных образовательных технологий в учреждениях дополнительного образования (в 2009 г. — 11,0 %, в 2010 г. — 12,4 %). Невысокий уровень культуры педагогов (воспитателей) в 2010 г. отметили 4,1 % респондентов. На 2,9 % реже упоминается и низкий уровень профессиональных знаний педагогов (воспитателей): в 2010 г. этот недостаток в работе учреждений дополнительного образования указали 4,8 % опрошенных (табл. 2). В некоторых районах произошло существенное (более чем на 10,0 %) повышение или понижение уровня удовлетворенности населения в целом по сравнению с 2009 г. Значительный рост уровня удовлетворенности в 2010 г. наблюдается в Атюрьевском (на 39,8 %), Темниковском (на 23,2 %), Кадошкинском (на 12,6 %) и Торбеевском (на 11,9 %) муниципальных районах.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что Вас прежде всего не устраивает в качестве дополнительного образования, получаемого Вашим ребенком (детьми)?», (в целом по Республике Мордовия), 2010 г.

Вариант ответа	Показатель, %
В учреждениях старая мебель	28,9
Не внедряются современные образовательные технологии	12,4
Невысокий уровень культуры педагогов (воспитателей)	4,1
Несоответствие образовательных программ современным требованиям	5,0
Неумение педагога (воспитателя) наладить контакт с родителями	4,4
Низкий уровень профессиональных знаний педагогов (воспитателей)	4,8
Образовательная программа слишком сложная	9,7
Отсутствие капитального ремонта помещения	29,6
Отсутствие оборудования	27,6
Отсутствие учебной литературы	10,0
Требование вознаграждения на какие-либо нужды	3,7
Другое	12,9

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Увеличение объемов финансирования модернизации материально-технической базы учреждений дополнительного образования Атюрьевского района в 2010 г. способствовало значительному снижению по сравнению с 2009 г. доли респондентов, отметивших следующие недостатки: «в учреждении старая мебель» (частота упоминания проблемы снизилась на 23,5 %), «отсутствие оборудования» (на 22,7 %) и «отсутствие капитального ремонта помещения» (на 15,8 %). Таким образом, это привело к существенному (на 39,8 %) возрастанию уровня общей удовлетворенности населения качеством дополнительного образования детей в Атюрьевском районе.

В Темниковском районе рост уровня общей удовлетворенности населения качеством дополнительного образования детей на 23,2 % может быть связан с внедрением современных образовательных технологий и повышением общего профессионально-квалификационного уровня педагогов. Увеличение доли положительных оценок на 12,6 % в Кадошкинском районе обусловлено появлением в учреждениях дополнительного образования современного оборудования и учебной литературы.

В Торбеевском районе на фоне повышения общей удовлетворенности качеством дополнительного образования детей в 2010 г. наблюдалось увеличение числа респондентов, недовольных отсутствием оборудования (на 21,8 %), старой мебелью (на 16,9 %) и отсутствием капитального ремонта помещений (на 14,5 %). Это обстоятельство объясняется тем, что многие респонденты, в целом отмечая высокое качество системы дополнительного образования, выражали недовольство отдельными ее недостатками. Существенное (более чем на 10,0 %) снижение уровня удовлетворенности качеством дополнительного образования детей в 2010 г. зафиксировано в Чамзинском (на 23,9 %), Лямбирском (на 16,5 %) и Ковылкинском (на 13,7 %) районах.

Несмотря на уменьшение общего уровня удовлетворенности качеством дополнительного образования детей в Чамзинском муниципальном районе, 34 чел. указали в анкетах отсутствие каких-либо недостатков. Кроме того, в 2010 г. здесь наблюдалось заметное снижение численности неудовлетворенных отсутствием оборудования в учреждениях дополнительного образования (на 45 %). Однако в отличие от Торбеевского муниципального района в Чамзинском многие респонденты, выражая общую неудовлетворенность качеством дополнительного образования детей, затруднялись с конкретизацией негативных аспектов.

Основной причиной снижения уровня удовлетворенности населения качеством дополнительного образования детей в Лямбирском районе, возможно, стало увеличение в 2010 г. доли родителей, не довольных отсутствием оборудования (на 24,2 %), существующим уровнем внедрения современных образовательных технологий (на 12,3 %), не умением педагога наладить контакт с родителями (на 10,4 %) и сложной образовательной программой (на 7,9 %). Рост числа отрицательных отзывов респондентов из Ковылкинского района может быть связан с увеличением недовольства населения старой мебелью в учреждениях дополнительного образования (на 25,6 %) и отсутствием капитального ремонта помещений (на 13,4 %).

Исходя из остроты обозначенных проблем в качестве рекомендаций по повышению уровня удовлетворенности родителей качеством дополнительного образования детей в муниципальных районах Мордовии можно предложить меры по повышению уровня материально-технического обеспечения учреждений дополнительного образования, в том числе осуществление капитального ремонта помещений, замену старой мебели и приобретение современного оборудования.

В отдельных муниципальных образованиях респонденты чаще отмечали проблемы, на решение которых должны направить усилия соответствующие органы местного самоуправления. Администрациям Ардатовского, Атяшевского, Большеигнатовского, Ельниковского, Зубово-Полянского, Ичалковского, Кадошкинского, Ковылкинского, Кочкуровского, Темниковского, Теньгушевского и Торбеевского муниципальных районов необходимо уделить внимание проблеме капитального ремонта учреждений дополнительного образования. Для учреждений дополнительного образования Большеберезниковского, Дубенского, Ичалковского, Краснослободского, Лямбирского, Ромодановского, Теньгушевского и Торбеевского районов актуальна проблема недостатка оборудования.

Администрациям Ардатовского, Атяшевского, Зубово-Полянского, Кадошкинского, Ковылкинского, Кочкуровского, Краснослободского и Торбеевского районов следует рассмотреть вопрос о замене старой мебели в учреждениях дополнительного образования детей. Руководству Большеигнатовского, Ельниковского, Краснослободского и Ромодановского и Старошайговского районов необходимо решить вопрос об обеспечении уч-

реждений дополнительного образования учебной литературой. Администрациям Зубово-Полянского, Инсарского, Лямбирского, Ромодановского, Рузаевского, Старошайговского и Темниковского районов следует усилить работу по внедрению современных инновационных образовательных технологий в учреждениях дополнительного образования детей. В Инсарском, Кадошкинском и Большеигнатовском районах целесообразно организовать транспортное обеспечение детей сельских населенных пунктов, регулярно посещающих учреждения дополнительного образования.

Поступила 13.07.11.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Э. А. Рузавина

В статье проанализированы различные подходы к определению понятия «качество высшего образования». В результате качество образования определено как фундаментальная характеристика образования, объединяющая систему показаний, ориентированных на разные цели, разных пользователей, разные управляющие воздействия.

Образование является важнейшей сферой социальной жизни. Оно формирует интеллектуальное, культурное, духовное состояние общества, а значит, вопрос качества предоставляемых образовательных услуг актуален, в том числе при подготовке новых специалистов и переподготовке профессионалов. Выделяют несколько парадигм в отношении понятия качества системы образования, которые сложились в современной западной практике: функционалистская, структуралистская, феноменологическая. Подробнее рассмотрим идеи представителей каждого направления.

Теория функционализма Т. Парсонса опирается на идеи Э. Дюркгейма, который подчеркивал, что главной функцией образования является передача ценностей господствующей культуры. Функционалисты сделали попытку охарактеризовать образование как социокультурную систему, подобную личности, обществу, выполняющую в социуме определенные функции. Согласно функционализму система образования отбирает людей в соответствии с их способностями и дает им соответствующую квалификацию [9, с. 38]. С точки зрения функционализма система образования способствует выполнению множества функций в обществе. Как известно, Т. Парсонс выделял четыре основные функции любой социальной системы в обществе: экономическую, политическую, социального отбора и социального контроля. Понимая образование как одну из общественных социальных систем, функционалисты считали, что эти же функции выполняет образование. В рамках такого утверждения сформировалась теория человеческого капитала, согласно которой образование — это капиталовложение человека в собственное будущее. Функционалисты утверждали, что между интеллектом и успехом человека существует приблизительное соответствие.

Разрабатывая собственную концепцию капитала, П. Бурдье ввел такое понятие, как «символический капитал». Официальное признание выражается через присвоение званий, степеней, титулов. Например, диплом о среднем или высшем образовании представляет собой частицу общепризнанного и гарантированного символического капитала, действительного на любом рынке [6, с. 225]. В 90-е гг. XX в., опираясь на идеи П. Бурдье, Дж. Коулмен в работе «Формы капитала» выделил три «капитала», влияющие на получение человеком образования: финансовый, человеческий и социальный. Финансовый измеряется семейным бюджетом, который позволяет сделать выбор на рынке образовательных услуг. Человеческий опреде-

© Э. А. Рузавина, 2011

лятся уровнем образования родителей, который выступает потенциалом для образовательной среды ребенка. Социальный капитал более важен для образования ребенка [Приводится по: 4, с. 55].

Феноменологическая парадигма анализирует повседневную деятельность в системе образования: влияние на процесс обучения статуса родителей, происхождения, личности преподавателя; процесс социального взаимодействия; цели, мотивы, намерения учащихся. Данная парадигма предполагает изучение микроуровня социальных феноменов в системе образования, которая в большей степени характерна для британской социологии. Рассматривая корреляты индивидуального успеха в образовании, необходимо различать такие феномены:

1) психометрические факторы (условно — «индивидуальный уровень интеллектуального развития»);

2) культурное влияние семьи (наследование и воспроизводство ценностей, целей и других критических важных культурных образцов);

3) уровень благосостояния и материальный достаток в семье («фамильный экономический статус»);

4) влияние учреждения образования на динамику личных достижений.

Последний фактор является одним из основных предметом микросоциологии образования, поскольку в «большой» социологии система образования рассматривается как «черный ящик», имеющий «вход» и «выход». Внутри этой системы происходят феноменальные преобразования экономических, культурных и социальных характеристик «входящего объекта» (учащегося) в новые «выходные» характеристики [8, с. 55].

В. Добрынькова определяет качество образования как соответствие учебно-дисциплинарной динамики формам культурной институциональной практики, подчеркивая, что при отсутствии качества образования утрачивается смысл образования как социального института [2, с. 239].

Е. А. Лебедева и Г. Скок при определении качества образования на первое место ставят качество ценностей, целей и норм, где цель формируется в русле заявленных ценностей при условии возможности проверки ее достижения [7, с. 106]. М. М. Поташник предлагает рассмотреть понятие «качество образования» с позиций теории ресурсов, определяя качество образования личности как соотношение цели и результата образовательной деятельности, если цели заданы операционально и спрогнозированы в зоне ближайшего развития обучаемого [9, с. 33].

В социологии образования критериями качества образования определены: во-первых, профессиональная компетентность и менталитет как глобальная характеристика мировоззренческих и поведенческих параметров личности; во-вторых, стремление к наиболее полной жизненной самореализации с учетом собственных способностей. Н. Загвязинский объединяет показатели качества образования в следующие группы: знания, умения и навыки; личностное развитие; компетентность учителей и руководителей образовательных учреждений; престиж учебного заведения в социуме; отрицательные эффекты образовательного процесса [3, с. 24]. Л. Давыдов рассматривает качество образования на локальном подуровне (группы) субъект-субъектных отношений (обучаемый — обучающий), где формируются все его основные слагаемые [1, с. 50].

Наиболее часто при определении понятия «качество образования» выделяют три основных вектора: качество содержания образования, качество результатов образования (образованности личности) и качество образовательных технологий (методов обучения и воспитания). Их дополняют структурные элементы качества образования: качество целей образования; качество условий их достижения (материально-технических, методических, информационных, организационных, социально-бытовых); качество профессорско-преподавательского состава (персонала), качество образовательных программ, качество абитуриентов и студентов; корпоративная этика и культура учебного заведения; имя, «бренд» вуза, обеспечивающий привлекательность своих специалистов на рынке труда; собственно управления учебным заведением (менеджмент).

Э. Кайнова считает, что основу понимания рассматриваемой категории составил ряд положений, важнейшими из которых являются: качество как совокупность отдельных свойств образовательного процесса; качество динамично и в то же время структурно; качество связано с количеством (это выражается в категории меры); качество социальных процессов обусловливает их пригодность для удовлетворения потребностей одновременно обучаемых и обучающихся [5, с. 90].

Проведенный анализ различных подходов к определению сущности понятия «качество образования» позволил определить качество образования как фундаментальную характеристику образования, включающую

систему показателей, ориентированных на разные цели, разных пользователей, разные управляющие воздействия. Таким образом, обеспечение качества высшего образования предполагает поддержание качества высшего образования как результата, как процесса, как образовательной системы на уровне не ниже установленных норм, требований, стандартов. На наш взгляд, важнейшими факторами, условиями и ресурсами, позволяющими достичь целей качества, являются: учебно-методическая среда, материальная база, способности персонала, мотивация и подготовленность студентов, финансовое обеспечение, информационное обслуживание, т. е. совокупность всех базовых элементов образовательной деятельности высшего профессионального учебного заведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Давыдов Л.** Слагаемые качества образования / Л. Давыдов // Alma mater (Вестн. высш. шк.). — 2004. — № 11. — С. 49—50.

2. **Добреньков В. И.** Общество и образование / В. И. Добреньков, В. Я. Нечаев — М. : ИНФРА-М, 2003. — 381 с.

3. **Жигалев Б. А.** Педагогическая система оценки качества образования в вузе : современное состояние и перспективы развития / Б. А. Жигалев // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского [Н. Новгород]. — 2009. — № 1. — С. 24—29.

4. **Зборовский Г. Е.** Социология образования : учеб. пособие / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. — М. : Гардарики, 2005. — 383 с.

5. **Кайнова Э. Б.** Качество образования и способы его измерения / Э. Б. Кайнова ; науч. ред. Ю. В. Шаронин. — М. : АПКиППРО, 2006. — 120 с.

6. **Кравченко А. И.** История социологии : учебник / А. И. Кравченко. — М. : Проспект, 2006. — 408 с.

7. **Лебедева Е. А.** Управление качеством учебного процесса и деятельности преподавателя на основе учета удовлетворенности потребителей образовательных услуг / Е. А. Лебедева, Г. Б. Скок // Университетское управление : практика и анализ. — 2005. — № 1. — С. 104—108.

8. **Налетова И. В.** Социология образования : учеб. пособие / И. В. Налетова ; ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. — 154 с.

9. Управление качеством образования / под ред. М. М. Поташника. — М : Пед. о-во России, 2000. — 448 с.

Поступила 13.07.11.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ СТРЕМЛЕНИЯ К КАРЬЕРЕ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Л. В. Стародубцева

В статье рассматривается проблема карьерной стратегии будущих педагогов, анализируются факторы, влияющие на процесс развития стремления к карьере и возможности его оптимизации. Особое внимание уделяется педагогическому вузу как фактору, влияющему на карьерные устремления студентов.

Одним из факторов успешности жизни в современном обществе становится самореализация и достижение индивидом высокого положения. Это не только материальные возможности, властные полномочия, но и прежде всего результат плодотворной и целенаправленной профессиональной карьеры. Сегодня обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способ-

ные к сотрудничеству, готовые к постоянному личностному и карьерному росту, социальной и профессиональной мобильности, удовлетворению индивидуальных потребностей в соответствующем образовании [1].

В контексте модернизационных процессов современной России возрастает социокультурная роль учительства, связанная с обучением и воспитанием подрастающего поколения. Конкретного ученика воспитывает конкретный учитель, и качество знаний каждого ученика будет зависеть от качества профессиональной подготовленности и мастерства каждого учителя. Таким образом, актуализируется проблема обеспеченности системы образования молодыми квалифицированными кадрами. От их успешной интеграции в сферу профессиональной деятельности зависят стабильное устойчивое функционирование системы образования и дальнейшее инновационное развитие общества.

Карьера — один из показателей индивидуальной профессиональной жизни человека, достижение желаемого статуса и соответствующего ему уровня и качества жизни, а также достижение известности и славы. По сути, карьера представляет собой суждения работника о собственном будущем, основные пути самовыражения и удовлетворения трудом; поступательное продвижение по служебной лестнице в рамках организационной иерархии, изменение навыков, способностей, квалификационных характеристик и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью работника. Успешно построенная карьера позволяет человеку добиться признания собственной неповторимости, значимости для других людей, для общества в целом. Наиболее активную позицию при этом занимает современная молодежь. Она связывает удачную трудовую жизнь с такими атрибутами карьеры, как значительный материальный уровень, престиж профессии, достижение профессионального мастерства [1].

Основы устойчивости карьерных устремлений закладываются еще в годы обучения; важную роль здесь играет система профессиональной ориентации. В широком плане термин «социально-профессиональная ориентация» означает определение личностью своего места в социуме. Исследования показали, что социальная ориентация опережает профессиональную. Молодой человек, прогнозируя видение себя в той или иной социальной группе, определяет для себя наиболее привлекательную сферу профессиональной деятельности.

Очень важно выявить, что же является мотивом того, что молодой человек остановил выбор на педагогическом вузе. Образовательной политикой должен учитываться тот факт, что проникновение в педагогическую сферу людей, не способных к не желающих работать в ней, будет иметь негативные последствия, а в будущем — еще в большей степени, чем сейчас. Следовательно, успешный профессиональный отбор молодежи для подготовки учительских кадров во многом зависит от мотивации к педагогической деятельности. В структуру профессиональной педагогической мотивации входят как внешние (мотив достижения), так и внутренние (ориентация на процесс и результат) мотивы.

Мотив поступления в педагогическое учебное заведение определяет качество подготовки к труду учителя и дальнейшие профессиональные намерения выпускников. Исследование мотивов выбора педагогического учебного заведения у студентов и абитуриентов показало, что важными факторами во время выбора специальности являлись конкурс и относительная легкость поступления. У многих студентов просто не было другого выбора и возможности поступить на более престижный факультет. Фактором, оказавшимся на последнем месте, является соответствие своим склонностям. Таким образом, в педагогическом вузе оказываются студенты, у которых отсутствует положительная ориентация на педагогическую профессию.

В 2008 г. был проведен анкетный опрос студентов Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, а также Ичалковского и Зубово-Полянского педагогических колледжей, направленный на изучение социального статуса педагогов. Общее число опрошенных студентов — 91 чел. Анкета содержала вопрос о мотивах, которыми руководствовались студенты при выборе профессии. Большинство из них (47,5 %) отметили, что при выборе профессии руководствовались советом близких, 32,5 % выбрали профессию по душе, 12,5 % ориентировались на условия труда, 5,0 % выбрали педагогическую профессию, так как считают, что это интересная, творческая работа, и 2,5 % устраивает уровень заработной платы педагога.

Высокие требования, предъявляемые к педагогу, не сочетаются со случайностью выбора. Коллектив педагогического вуза берет на себя важную задачу по формированию устойчивых профессиональных интересов у будущих учителей. Когда речь идет о жела-

ции быть учителем, то имеется в виду единство стремления принести максимальную пользу обществу и удовлетворенности от общения с учащимися. Но, как показывают результаты этой работы, выполнить эту задачу удается не более чем в половине случаев.

Ответы на вопрос об уровне престижа профессии педагога в современном обществе распределились следующим образом: 2,5 % — очень высокий; 15,0 % — высокий; 40,0 % — средний; 22,0 % — ниже среднего; 17,5 % — низкий; 3,0 % — очень низкий. Очень часто не первоначально избранная молодыми людьми профессия является причиной заставляющей менять вид трудовой деятельности. Желание работать по избранной специальности, педагогическая направленность личности сталкиваются с реальной школьной средой, социальным статусом учителя в обществе. Отрицательная школьная селекция начинается уже в вузе и определяется отношением государства и власти к системе образования и к педагогам. Так, большинство опрошенных студентов (59,3 %) ответили, что положение работников образования за последние десять лет изменилось к худшему.

Один из важных моментов, способствующих привлечению талантливой молодежи к профессии учителя, — профессиональная ориентация на профессию учителя в школе. Именно в детском, подростковом и юношеском возрасте формируются интеллект, ценностные установки. Склонность к какой-либо деятельности появляется в результате развития интереса к ней. Ранняя профессиональная ориентация на педагогическую работу способствует ее устойчивости и формированию профессионально значимых качеств учителя. Таким образом, процесс профессиональной социализации, который начинается с начальной профессиональной подготовки, имеет особое значение в плане дальнейших карьерных стратегий. Приобретение профессии — важный элемент включения молодежи в систему общественных отношений. Профессиональное становление специалиста — длительный и многогранный процесс, обусловленный многими факторами: социально-экономическими, политическими, правовыми, медицинскими, педагогическими, психологическими, организационно-управленческими и т. д. На выбор профессии влияют такие факторы, как ее социальный престиж, возможность устроиться на работу, высокая и стабильная оплата труда, желание получить хорошую профессиональную подготовку.

Профессиональная социализация рассматривается как двуединый процесс, который представляет собой интериоризацию социальных норм, свойственных социальной среде определенного профиля, и самоидентификацию личности, сопровождающуюся осознанием ею субъектно-объектной роли во взаимодействии с профессиональной средой. Процесс профессионального самоопределения молодежи проходит три периода: обучение в школе, профессиональная ориентация, мотивированный профессиональный выбор; обучение в профессиональном учебном заведении — овладение теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками, апробация профессионального выбора, развитие профессиональных способностей; начало профессиональной деятельности — закрепление и развитие полученных в школе и профессиональном учебном заведении знаний умений и навыков, приобретение опыта работы по специальности, окончательное утверждение в выбранной профессии.

Становление студента как специалиста зависит и от внутренних условий — это и представления о профессии, критерии ее оценки, представления о собственном профессионализме. Детерминируется этот процесс противоречиями между необходимостью выбора профессии и недостаточным уровнем обобщенного самосознания и неопределенностью представлений о профессии. Важную роль в профессиональной социализации играет направленность личности на определенный предмет труда, которая обнаруживается в интересах, увлечениях и т. п. Также одним из важнейших факторов профессиональной социализации будет являться ближайшее окружение. То влияние, которое оно оказывает на личность в процессе профессионального становления, будет определяться господствующим моральными нормами и ценностями.

Для успешной профессиональной социализации и решения профессиональных задач необходимо сочетание теоретических и практических положений педагогики и психологии. Отсутствие интегративных связей между дисциплинами приводит к тому, что при достаточных знаниях молодые специалисты испытывают затруднения в конкретных педагогических ситуациях в процессе учебно-воспитательной деятельности. Интеграция в разнообразных формах синтеза междисциплинарных исследований имеет значение как для процесса формирования профессиональной компетенции будущих специалистов в процессе обучения, так и в после-

дующей профессиональной социализации. Общепрофессиональная подготовка студентов педагогических вузов направлена на формирование системного видения педагогической реальности и деятельности в ней на основе гуманистических ценностных ориентаций. Это предполагает интеграцию общекультурного, предметного, психолого-педагогического знания в содержании общепрофессиональной подготовки будущего учителя.

На вопрос анкеты для студентов педагогических заведений в отношении дальнейших профессиональных планов были получены следующие ответы: 16,5 % — «буду продолжать обучение и овладевать будущей специальностью»; 31,5 % — «буду продолжать обучение с перспективой работы по другой специальности»; 15,5 % — «разочаровался в будущей профессии в процессе обучения»; 36,5 % — «не принял окончательного решения».

Из-за невысокой оценки обществом и государством учительской профессии снижается социальный статус учителя и педагогических образовательных учреждений. В процессе обучения у студентов происходит рассогласование между первоначальными профессиональными ожиданиями и реальными представлениями о характере выбранной профессии. В результате большая часть студентов не намерены заниматься педагогической деятельностью по окончании учебного заведения. Как альтернативу они называют возможность работать не по полученной специальности или получить дополнительное образование.

Профессиональная социализация в процессе подготовки в образовательном учреждении может осложняться неудовлетворенностью результатами учебы, потерей привычного статуса в группе сверстников, сомнениями в правильности выбора будущей профессии. Так, на вопрос о том, как изменилось представление о будущей профессии, ответы студентов распределились следующим образом: 30,0 % — изменилось к лучшему; 37,5 % — не изменилось; 25,0 % — изменилось к худшему; 7,5 % — сложно ответить.

В процессе обучения в педагогическом образовательном учреждении у некоторых студентов происходит утрата профессиональных ориентиров. Увеличивается число тех, кто не считает профессию педагога призванием и поэтому нацелен только на получение среднего или высшего профессионального образования как такового, а также тех, кто рассматривает учебу как способ решения личных проблем, например, получение отсрочки от службы в армии. Нахождение в педагогической среде людей, не заинтересованных в своей профессии, может привести к существенному снижению качества учительского сообщества, что скажется на качестве образования в целом. Важно для повышения эффективности обучения создать такие психолого-педагогические условия, в которых студент может занять активную личностную позицию и в полной мере проявиться как субъект учебной деятельности.

Как показывает опыт, у выпускников педагогических вузов процесс профессиональной социализации может затянуться, и умение решать профессиональные задачи появляется после нескольких лет практической деятельности. Одна из причин – нарушение принципа междисциплинарности в процессе обучения будущих специалистов. Следовательно, будущий педагог должен быть подготовлен к реализации включения во все виды педагогической деятельности. Это требует владения системой знаний, имеющих интегративный характер, т. е. соединяющих в себе психологические, педагогические и методические аспекты. Таким образом, профессиональная подготовка в педагогическом образовательном учреждении – главный этап формирования личности будущего педагога, поскольку приобретаемые в этот период профессиональные знания влияют на его дальнейшую профессиональную деятельность.

В процессе профессионального общения будущие специалисты приобретают профессиональный опыт социального взаимодействия, вырабатывают собственную систему профессиональных ценностных ориентаций. За время учебы в процессе изучения профессиональных дисциплин и прохождения практик формируются профессиональная направленность, мотивы, ценности, в которых выражаются отношение к профессиональной деятельности, система интегративных знаний, которая будет являться основой будущей педагогической деятельности и успешного карьерного роста молодого специалиста. Формируется целевая установка учителя на карьерный рост, которая носит гуманизированный характер и больше связана не с ориентацией на получение власти и самоценность карьеры, а на карьеру как инструмент самореализации, творческого потенциала, социального престижа профессии. Современному обществу небезразлично, кто будет работать с подрастающим поколением: равнодушный к детям и делу безынициативный исполнитель или стремящийся к максимальному раскрытию творческого и карьерного потен-

циала профессионал. Не вызывает сомнения тот факт, что успех модернизации российской системы образования будет зависеть прежде всего от профессионального участия каждого педагога в инновационной деятельности, от его творческого отношения к делу.

Чтобы студенты смогли освоить педагогическую деятельность в полную силу, развить профессиональные способности, необходима организация образовательного процесса на современном уровне, дающая возможность развития инновационного потенциала. Решение данных вопросов будет способствовать повышению качества педагогических кадров.

В целях подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов образования, способных к профессиональной мобильности и участию в инновационной деятельности (в качестве рядовых исполнителей, инициаторов или организаторов), необходимо создание высокотехнологичной информационно-образовательной среды, условий для реализации творческого потенциала педагогов, которые будут содействовать расширению их профессионально-педагогического кругозора, образовательных и исследовательских потребностей, раскрытию их творческого потенциала, овладению инструментарием научного познания, а также нахождению каждым обучающимся оптимального индивидуального маршрута повышения квалификации и готовности к инновационной деятельности.

Переход к педагогической деятельности, освоение новых социальных ролей, связанных с ним, работа в незнакомом коллективе, изменение привычного ритма жизни сопровождаются определенными сложностями, затрудняющими успешную интеграцию в профессиональную среду. При большом объеме знаний возникают проблемы при их применении в практической деятельности. Значимость уровня профессионального развития и самообразования как необходимого условия успешной профессиональной деятельности подчеркивается и студентами, и молодыми педагогами. Карьерный рост в педагогической сфере напрямую связан с повышением уровня образования.

В процессе профессионального взаимодействия будущие специалисты приобретают опыт социального взаимодействия и вырабатывают собственную систему профессиональных ориентаций и ценностей. Студенческие годы оказывают влияние на оценку правильности сделанного профессионального выбора, формируют удовлетворенность выбранной профессией. В процессе освоения профессиональных дисциплин и прохождения практики у студентов формируются профессиональная направленность, система мотивов, в которых выражается отношение к профессиональной деятельности. Мотивы выбора профессии не только определяют позицию личности по отношению к избираемой профессии, но и оказывают влияние на профессиональную направленность и потребность профессионального роста. В связи с этим наиболее перспективным направлением становится подготовка будущих специалистов к целенаправленному развитию профессиональной карьеры с учетом требований рынка труда и отличающейся личностно ориентированной направленностью.

Таким образом, подготовка в профессиональном педагогическом образовательном учреждении — это основной этап в построении карьерной стратегии, поскольку приобретаемые в этот период компетенции влияют на дальнейшую профессиональную деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Научно-методологические основы развития профессиональной карьеры студента вуза и технологии ее реализации : монография / под ред. В. В. Кадакина, С. В. Кутняк, Д. В. Жуиной ; Мордов. гос. пед. ин-т. — Саранск, 2010. — 156 с.

Поступила 13.07.11.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

И. М. Фадеева, Н. Н. Морозова

Обоснованы роль высшей школы в развитии современной общества, построенного на знаниях, взаимосвязь внедрения двухуровневой системы образования и формирования инновационной экономики в России. Рассматриваются новые требования к исследовательской деятельности и личности ученого, перспективы двухуровневой системы образования в формировании компетенций исследователя.

В условиях формирования постиндустриального общества основанного на знаниях, качественно меняются социальная значимость и роль научной деятельности, происходит переосмысление научного знания, механизмов его формирования и использования в деятельности научных коллективов. Именно поэтому динамичное социально-экономическое развитие нашей страны напрямую зависит от научной и инновационной сфер, от степени их встраивания в интеграционные международные сети, способные объединить человеческий капитал, ресурсы государства и бизнеса. Формирование современного рынка квалифицированной рабочей силы, который одновременно является рынком знаний, в условиях инновационной ориентации экономики требует решения совокупности проблем, связанных с развитием высшей школы, интеграции образовательной и исследовательской деятельности, а также интеграции образования с бизнесом и производством.

Российская высшая школа выполняет важную общественную задачу, привлекая научные и научно-педагогические кадры к решению актуальных для общества вопросов, является своеобразной площадкой для воспитания высококвалифицированных кадров, обладающих значительным творческим потенциалом. Этому способствуют организационная структура учебной деятельности в вузе, вовлечение значительной части обучающихся в научно-исследовательскую деятельность, в проектную групповую работу, в процессе которой формируются профессиональные компетенции, знания и навыки коллективного взаимодействия, личностные качества. В современном обществе возрастают значимость партнерских отношений и создание сетей организаций, посредством которых вузы, другие субъекты рынка, некоммерческие организации могут эффективно сотрудничать для реализации взаимопересекающихся интересов. Однако одной из причин, тормозящих создание в России инновационной экономики, остается человеческий фактор. Это выражается, в частности, в позиции многих российских ученых и преподавателей, не принимающих концепцию ориентации на потребителя или возникновение партнерства между сообществом ученых и бизнесом.

Переход на двухуровневую систему образования в России был связан с необходимостью более тесной интеграции системы образования с рынком труда, с одной стороны, и сопоставления дипломов российских и зарубежных вузов — с другой. Внедрение двухуровневой системы, традиционной для некоторых европейских стран, таких как Великобритания или Нидерланды, достаточно сложно проходит в нашей стране. Здесь данный процесс завершился в 2011 г. с внедрением Федеральных образовательных стандартов высшего профессионального образования (стандартов третьего поколения) и осуществлением набора на соответствующие программы с присвоением степеней бакалавра и магистра. Нововведения способствуют развитию российской научно-инновационной сферы, так как требуют участия молодых квалифицированных кадров, использования их интеллектуального и личностного потенциала, благодаря которому молодые люди гораздо эффективнее адаптируются к современным требованиям, чем старшие поколения. Поэтому перспективы развития экономики в России связываются с формированием нового поколения кадров, ориентированных на инновационный сектор.

* Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010–2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

© И. М. Фадеева, Н. Н. Морозова, 2011

Современному обществу необходимы самостоятельные, критически мыслящие личности, умеющие творчески решать возникающие проблемы, обладающие навыками самообразования и самообеспечения. Уровень и качество образования при этом определяются способностью разрабатывать принципиально новые решения поставленных задач. Поэтому образование с позиций компетентностного подхода — это формирование опыта, направленного на решение значимых для личности проблем с использованием имеющихся в культуре социума достижений и осмысления собственного опыта обучаемых [2]. В системе высшего образования России, как и в странах Евросоюза, уже давно назрела необходимость получения нового качества образовательных результатов. Эта ситуация связана с невозможностью повышения качества образования за счет экстенсивного роста объема информации, подлежащей усвоению. В зарубежной и отечественной практике существует довольно много подходов к целям и образовательным результатам. Один из таких подходов определяет интегративные качества личности как наиболее значимые результаты образования.

В образовательной системе многих стран в последние годы наметился переход от «знаниевой» модели обучения, цель которой — основные знания, умения и навыки (ЗУН), к «компетентностной», цель которой — формирование социально и профессионально компетентной личности [3]. В данном контексте усвоение готовых знаний становится не целью, а одним из вспомогательных средств при подготовке бакалавров и магистров. Идея компетентностного подхода не является новой для отечественного образования. В работах И. Я. Лернера, В. В. Краевского, М. Н. Скаткина, П. Г. Щедровицкого и их последователей четко прослеживается направленность образования на освоение обобщенных способов деятельности. Однако достижения ученых не стали основой при разработке государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования предыдущих поколений, типовых учебных программ, систем контроля и т. д. По мнению известного педагога В. И. Байденко, подобная жесткая ориентация системы образования исключительно на результаты «сужает миссию высшего образования, его этическую и духовную функции, его направленность на развитие личности, сохранение, наследование и развитие ценностного „ядра нации“» [1, с. 29].

Для разделения общего и индивидуального в содержании образования на основе компетентностного подхода используют понятия «компетенция» и «компетентность». Первое понимается как совокупность взаимосвязанных качеств личности, заданных по отношению к определенному кругу предметов или процессов и необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним; второе определяется как владение человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [4]. Таким образом, компетенции выступают как цели образовательного процесса, а компетентность — как результат, совокупность личностных качеств специалиста. Компетентностный подход позволяет создать сквозную модель специалиста, согласующую между собой интересы личности и общества и позволяющую построить систему опережающей трансляции требований рынка труда и запросов социума в образовательное пространство. Только путем непрерывной корректировки выраженного в понятиях компетенций образа профессионала и трансляции этой коррекции через систему критериев в виде цели для сферы образования можно «приучить» структуру образования к постоянному обновлению и самосовершенствованию. Эта трансляция должна осуществляться через систему государственных образовательных стандартов [1].

Развитие научного потенциала личности — это сложный длительный целенаправленный процесс формирования умений самостоятельной работы, углубление базы знаний как в области интересов, так и в области специализации с целью выработки устойчивой потребности в самостоятельном творческом поиске. Компетентностная модель бакалавра/магистра представляет собой описание присущего каждому уровню образования набора компетенций. Ниже мы предлагаем модель исследовательских компетенций, которые необходимы для научно-исследовательской работы в процессе подготовки профессионала с высшим образованием и дальнейшей научно-практической деятельности. Для этого целесообразно выделить общие и профессиональные компетенции бакалавра-исследователя и магистра-исследователя.

К общим компетенциям (базовым, ключевым, универсальным и т. д.) относят способности, основанные на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретаются во всех типах образовательной практики; владение методологией и терминологией из отдельных областей знаний. Общие компетенции, необходимые для профессиональной и научной деятельности, целесообразно раз-

делить на инструментальные, межличностные и личностные.

К инструментальным компетенциям (имеющим психологическую основу и инструментальную функцию) относят когнитивные способности, т. е. понимание и использование идей и мыслей; методологические способности: организацию времени, принятие решений, выбор стратегии учебы и т. д.; технологические навыки (включая использование различных технических средств и работу с компьютером); лингвистические навыки.

Одним из интегральных компонентов среди базовых инструментальных компетенций выступает информационная компетентность. Ее содержание включает в себя владение конкретными навыками по использованию различных технических устройств и компьютерных технологий, умение извлекать информацию из различных источников, представлять ее в обобщенном виде и эффективно использовать; развитие умений аналитической переработки информации; знание особенностей информационных потоков в своей предметной области и т. д.

Рассматривая инструментальные компетенции в исследовательской деятельности с точки зрения деятельностного подхода, в котором исходным методом изучения психики выступает анализ преобразований психического отражения личности в процесс деятельности, их в свою очередь мы подразделяем на следующие группы:

— компетенции в приобретении знаний;

— компетенции в предвидении результатов, построении гипотезы;

— компетенции в выборе оптимальных путей решения проблемы и их реализации;

— компетенции в критическом оценивании и объяснении полученных результатов.

Межличностные компетенции отражают социальные навыки и способность реализовать их в исследовательской деятельности. От степени сформированности межличностных компетенций зависит возможность исследователя работать в команде, адекватно выстраивать межличностные отношения, а также проявлять приверженность к общественным и этическим требованиям. Возможность формирования межличностных компетенций во многом зависит от физических, психических, интеллектуальных, волевых особенностей человека, которые расширяют или сужают диапазон возможностей выбора и соответственно диапазон развития коммуникативных потенций личности. Коммуникационная компетентность личности определяет эффективность ее включения в процессы социокультурной коммуникации, выступая необходимым и достаточным условием для актуализации и реализации субъектом различных функций культуры в обществе.

В. И. Байденко выделяет системные компетенции, относящиеся к системе в целом и позволяющие видеть части в их связи и единстве [1, с. 35]. К ним он относит лидерские качества, креативность, способность работать самостоятельно, стремление к успеху, инициативность, предпринимательский дух и ряд других. Учитывая, что вышеуказанные компетенции относятся к интегративным качествам личности, предлагаем определять их как личностные.

Наряду с общими, выделяют профессиональные компетенции, под которыми понимается готовность и способность целесообразно действовать, самостоятельно решать задачи и проблемы, оценивать результаты своей деятельности. Общепрофессиональные компетенции носят инструментальный характер; что позволяет выполнить ряд действий или проявить определенные качества личности: логично и последовательно представить освоенные знания в определенной области; контекстуализировать новую информацию и дать ее толкование; продемонстрировать умение осуществлять поиск информации через библиотечные фонды, компьютерные системы информационного обеспечения, периодическую печать; иметь способность понимать результаты экспериментальных и других способов проверки научных теорий; вносить оригинальный вклад в предметную область и т. д.

Учитывая непрерывность и преемственность процесса образования, интеграцию высшего образования и научно-исследовательской работы, считаем целесообразным развести исследовательские компетенции по разным уровням системы образования. Механизм формирования компетентности бакалавра-исследователя к магистра-исследователя есть последовательное достижение человеком более высокого уровня развития в процессе решения профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности и профилем подготовки [4—5].

Данный механизм можно проследить, сравнивая профессиональные компетенции в научно-исследовательской и проектной деятельности по направлению подготовки 040100 «Социология» при подготовке бакалавров и магистров (табл. 1, 2).

Таблица 1

Сравнительная характеристика профессиональных компетенций в научно-исследовательской деятельности по направлению подготовки 040100 «Социология»

Компетенции бакалавра-исследователя	Компетенции магистра-исследователя
Участие в подготовке и проведении фундаментальных и прикладных социологических исследований на этапах планирования, сбора, обработки и анализа данных	Способность самостоятельно формулировать цели, ставить конкретные задачи научных исследований в фундаментальных и прикладных областях социологии и решать их с помощью современных исследовательских методов с использованием новейшего отечественного и зарубежного опыта и с применением современной аппаратуры, оборудования, информационных технологий
Интерпретация данных социологических исследований, другой эмпирической информации с использованием объяснительных возможностей социологической теории	Способность осваивать новые теории, модели, методы исследования, навыки разработки новых методических подходов с учетом целей и задач исследования
Участие в подготовке обзоров и аннотаций Участие в подготовке отчетов, аналитических записок, профессиональных публикаций, информационных материалов по результатам исследовательских работ Участие в представлении результатов исследовательских работ, выступление с сообщениями и докладами по тематике проводимых исследований	Способность и готовность профессионально составлять и оформлять научно-техническую документацию, научные отчеты, представлять результаты исследовательской работы с учетом особенностей потенциальной аудитории

Таблица 2

Сравнительная характеристика профессиональных компетенций в проектной деятельности по направлению подготовки 040100 «Социология»

Компетенции бакалавра-исследователя	Компетенции магистра-исследователя
Способность составлять и представлять проекты научно-исследовательских и аналитических разработок в соответствии с нормативными документами Умение обрабатывать и анализировать данные для подготовки аналитических решений, экспертных заключений и рекомендаций Способность и готовность к планированию и осуществлению проектных работ в области изучения общественного мнения, организации работы маркетинговых служб	Способность составлять и представлять проекты научно-исследовательских и аналитических разработок в соответствии с нормативными документами Умение обрабатывать и анализировать данные для подготовки аналитических решений, экспертных заключений и рекомендаций Способность и готовность к планированию и осуществлению проектных работ в области изучения общественного мнения, организация работы маркетинговых служб, проведения социальной экспертизы политических и научно-технических решений

Развитие компетенций в научно-исследовательской и проектной деятельности предполагает достижение элементарной и функциональной грамотности обучающихся еще на довузовском уровне, когда формируются первоначальные знания, мировоззрение и определенные модели поведения, необходимые для последующего профессионального образования. На этом уровне предполагается овладение наиболее общими способами деятельности, в том числе научно-исследовательской, направленными на познание и преобразование тех или иных объектов действительности.

На уровне подготовки бакалавра ставится задача формирования на базе общего среднего образования таких компетенций, которые позволяют человеку наиболее полно и продуктивно реализовать себя в конкретных видах профессионально-трудовой деятельности, соответствующих общественно необходимому разделению труда и рыночным механизмам стимулирования наиболее эффективного и конкурентоспособного функционирования работника той или иной квалификации и профиля. Предполагается ориентация на применение и организацию знания, на стратегию повышения гибкости в

пользу расширения возможностей трудоустройства и диапазона выполняемых задач, бесконечное разнообразие профессиональных и жизненных ситуаций. Достижение вышеобозначенных целей возможно при постановке в приоритетное положение междисциплинарно-интегрированных требований к результату образовательного процесса. В области научно-исследовательской деятельности — это участие в подготовке и проведении фундаментальных и прикладных социологических исследований на этапах планирования, сбора, обработки и анализа данных и их интерпретация с использованием объяснительных возможностей социологической теории. Предполагается участие бакалавров-социологов в подготовке обзоров, аннотаций, отчетов, аналитических записок, профессиональных публикаций, выступления с сообщениями и докладами.

При подготовке магистра развитие исследовательских компетенций происходит на качественно ином уровне и выражается в переходе к свободному научному поиску с опорой на имеющуюся базу компетенций, сформированную на основе первой ступени профессионального образования. Предполагается овладение культурой научного поиска и получения научных результатов, где соблюдаются этические нормы профессионального поведения, происходит адекватная оценка личного участия в развитии науки и общества в целом, вносится вклад в непрерывный социокультурный процесс на микро-, мезо-, макро- и мегауровнях. Здесь должно происходить формирование индивидуального менталитета личности — устойчивых, глубинных основ мировоззрения, ценностных структур и поведенческих моделей, которые придают личности ученого свойство уникальной неповторимости в сочетании с открытостью для непрерывного обогащения собственных ментальных характеристик и способностей к всесторонней самореализации.

Исследовательские компетенции выражаются в способности самостоятельно формулировать цели, ставить конкретные задачи научных исследований в фундаментальных и прикладных областях социологии и решать их с помощью современных исследовательских методов с использованием новейшего отечественного и зарубежного опыта и применением современного оборудования и информационных технологий. При подготовке магистра делается акцент на возможность осваивать новые теории, модели, методы исследования, в результате чего формируются навыки разработки новых методических подходов с учетом целей и задач исследования. В плане представления результатов исследовательской работы требуется способность и готовность профессионально составлять и оформлять научно-техническую документацию, научные отчеты.

Представленная модель формирования исследовательских компетенций бакалавра/магистра по социологическому направлению должна стать основой для создания эффективной системы развития профессиональной компетентности через освоение навыков исследовательской деятельности, реализацию творческих способностей, улучшение качества получаемого образования, а также повышение результативности и эффективности научно-исследовательского процесса в целом. Качество научно-исследовательской работы молодежи рассматривается как стратегическое средство непрерывного повышения качества подготовки в условиях двухуровневого профессионального образования, укрепления научного потенциала вуза, его развития в современных динамично изменяющихся условиях.

На современном этапе, когда образование превращается в главный стратегический ресурс развития как общества в целом, так и отдельно взятого человека, становится необходимым создание научно обоснованных технологий партнерского взаимодействия всех субъектов образовательной деятельности. При этом ученые должны обладать всеми навыками, необходимыми для поддержки развития бизнеса. В новых экономических условиях необходимо, используя мировой и отечественный опыт, формировать эффективную систему взаимовыгодных партнерских отношений между вузами и бизнесом. Национально ориентированная, связывающая свою судьбу с Россией часть отечественного бизнеса начинает понимать собственную социальную ответственность, демонстрирует заинтересованность в развитии отечественной высшей школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Байденко В. И.** Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы) : метод. пособие. — Изд. 2-е / В. И. Байденко. — М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. — 114 с.

2. Баскаев Р. М. О тенденциях изменений в образовании и переходе к компетентностному подходу / Р. М. Баскаев // Высш. образование сегодня. – 2007. – № 1. – С. 10–15.

3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040100 Социология (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 марта 2010 г. № 230 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru. – Загл. с экрана.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040100 Социология (квалификация (степень) «магистр»), утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2010 г. № 42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru. – Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ*

Н. П. Касаткина

На основе данных социологического исследования характеризуются особенности профессиональных предпочтений выпускников общеобразовательных школ Республики Мордовия. Анализируется взаимосвязь профессиональных предпочтений респондентов с их информированностью о профессиях.

Проблема профессиональной ориентированности молодежи в последние годы приобретает большую научно-практическую значимость, особенно в аспекте дисбаланса профессиональной структуры подготовки кадров и актуальных потребностей экономики. Проблемы соотношения специалистов с гуманитарным и инженерным образованием, острый дефицит последних озвучиваются как важнейшие в контексте стратегии модернизации современного российского общества.

Профессиональная ориентация представляет собой процесс осознания индивидом существующих в обществе конкретных видов трудовой деятельности – профессий, собственных склонностей и способностей к одному или нескольким из них, путей или средств овладения знаниями и навыками, необходимыми для выполнения профессионально-трудовых функций [2, с. 353]. Этот процесс обусловлен множеством факторов: влиянием семьи, школы, референтной группы, СМИ. Исследователи профессиональной ориентации молодежи выявили взаимосвязь профессиональных предпочтений с социальным положением, полом, принадлежностью, социальной идентичностью молодого человека и т. д. [1, с. 122–123]. В целом исследования в этой области констатируют усложнение социокультурного мира молодежи и, как следствие, усложнение процесса профессионального выбора. Эти тенденции актуализируют изучение формирования профессиональной ориентированности молодежи как многофакторного процесса.

С целью изучения социально-профессиональных, образовательных ориентаций учащейся молодежи и факторов, влияющих на их особенности, в апреле-мае 2010 г. нами было проведено социологическое исследование «Профессионально-образовательные стратегии выпускников одиннадцатых классов школ Республики Мордовия». Исследование проводилось методом анкетного опроса. Объем

© Н. П. Касаткина, 2011

Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010–2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

выборки составил 520 чел. при генеральной совокупности в 4 380 чел. и вероятности превышения 5 %-й ошибки выборки в 4,0 %. Была использована одноступенчатая гнездовая выборка по типам общеобразовательных учреждений и типам населенных пунктов.

Исследование показало, что спектр привлекательных для выпускников профессий соответствует устоявшимся в последние годы предпочтениям молодежи. Лидируют специальности социально-гуманитарного и экономического профиля. Доля респондентов, ориентированных на гуманитарно-социальные специальности, в два раза превышает долю ориентированных на естественные и технические специальности (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг групп специальностей, указанных респондентами в качестве наиболее привлекательных

Укрупненные группы специальностей	Чел.	%
Гуманитарно-социальные	150	28,8
Экономика и управление	115	22,1
Естественные и технические	73	14,0
Здравоохранение	37	7,1
Строительство и архитектура	27	5,2
Информатика и вычислительная техника	26	5,0
Военное дело, правоохранительная сфера, защита в ЧС	22	4,2
Культура и искусство	12	2,3
Образование и педагогика	12	2,3
Сельское хозяйство	8	1,5
Рабочие специальности*	6	1,2
Не определились с профессиональными предпочтениями	32	6,2

*Объединены такие профессии, как автомеханик, водитель, машинист, проводница т. д.

Анализ ответов на открытый вопрос: «Какая профессия Вас привлекает больше всего?», — во-первых, показывает разнообразие наименований профессий (около 60), указанных респондентами; во-вторых, неустойчивость профессиональных ориентаций части выпускников, перечисляющих в качестве привлекательных несколько профессий из совершенно разных областей деятельности (например, модельер, менеджер, экономист, юрист или инженер, адвокат, программист). Часто профессии, указанные в качестве привлекательных, не совпадают с выбранными специальностями.

В качестве важных факторов, связь с которыми оценивалась в ходе данного исследования (помимо таких, как место проживания, состав семьи респондента, уровень семейного капитала (материальная обеспеченность, уровень образования и характеристики занятости родителей), был исследован информационный фактор профессиональной ориентированности выпускников. Анализ *информационного фактора* в контексте нашего исследования включал измерение уровня информированности респондентов о наиболее привлекательных профессиях, определение основных источников информации, влияющих на формирование представлений о профессиях. В качестве основных характеристик, определяющих общее представление о профессиях, указанных респондентами в качестве привлекательных, использовались такие индикаторы, как информированность о содержании и условиях труда, размере заработной платы, требованиях, предъявляемых к способностям и личным качествам, возможных местах трудоустройства по профессии, перспективах карьерного роста.

На основе ранжирования средневзвешенных коэффициентов по трехбалльной шкале оценок («знаю все» — 2, «имею самое общее представление» — 1, «не знаю» — 0) выявлено, что в наибольшей степени выпускники информированы о требованиях, предъявляемых профессией к способностям и личным качествам, в наименьшей — о размере заработной платы (табл. 2).

Таблица 2

Степень информированности о различных аспектах профессий, %

Характер информации	Знаю все	Имею самое общее представление	Не знаю	К	Р
Содержание и условия труда	19,1	72,5	8,4	1,1	4
Размер заработной платы	18,7	62,4	18,9	0,99	5
Требования, предъявляемые к способностям и личным качествам	36,7	53,5	9,8	1,27	1
Возможные места трудоустройства по профессии	27,5	60,0	12,5	1.15	2
Перспективы карьерного роста	28,7	56,0	15,3	1,13	3

Примечание. К — средневзвешенный коэффициент по трехбалльной шкале; Р — ранг.

Исходя из трехбалльной шкалы оценок был вычислен интегральный показатель — индивидуальный индекс информированности, характеризующий уровень информированности относительно максимально возможного значения, принятого за единицу. Средним по выборке индексом информированности является значение 0,55. Причем оно встречается наиболее часто, его распространенность — 27,9 %. Расчет средних значений индекса информированности по группам специальностей показал, что наиболее информированными являются респонденты, ориентированные на профессии сфер здравоохранения, строительства и архитектуры, информатики и вычислительной техники, образования и педагогики, сельского хозяйства. Наименее информированными являются респонденты, ориентированные на рабочие профессии (табл. 3).

Таблица 3

Средний индекс информированности по группам специальностей

Укрупненные группы специальностей	Индекс информированности
Гуманитарно-социальные	0,57
Экономика и управление	0,53
Естественные и технические	0,52
Здравоохранение	0,6
Строительство и архитектура	0,66
Информатика и вычислительная техника	0,62
Военное дело, правоохранительная сфера, защита в ЧС	0,55
ультура и искусство	0,55
Образование и педагогика	0,64
Сельское хозяйство	0,65
Рабочие специальности	0,36

В качестве источников информации, повлиявших на информированность о профессии, рассматривались телевидение; печатные СМИ; ресурсы Интернета; рекламные плакаты; специальные брошюры; дни открытых дверей в вузах, колледжах, техникумах и т. д.; рассказы родителей, друзей, знакомых; занятия по профессиональной ориентации в школе; информация от представителей учебных заведений, приглашающих на обучение; наблюдения за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте. Основным источником информации для всех респондентов стали рассказы родителей, друзей и знакомых (64,5 %). Важным источником информации является Интернет (39,3 %). Кроме того, информированность респондентов в значительной степени определяется наблюдениями за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте (34,9 %) (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг источников информации, влияющих на профессиональную ориентацию

Источник информации	Показатель, %
Рассказы родителей, друзей, знакомых	64,5
Ресурсы Интернета	39,3
Наблюдение за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте	34,9
Телевидение	33,3
Дни открытых дверей в вузах, колледжах, техникумах и т. д.	25,4
Информация от представителей учебных заведений, приглашающих на обучение	20,2
Печатные СМИ	15,9
Специальные брошюры	15,3
Занятия по профессиональной ориентации в школе	8,3
Рекламные плакаты	3,7

Роль информации, полученной на мероприятиях по профессиональной ориентации учебных заведений профессионального образования (дни открытых дверей в вузах, колледжах, техникумах и т. д.), и информации от представителей учебных заведений, приглашающих на обучение, можно оценить как более значимую, чем роль информации, полученной на занятиях по профессиональной ориентации в общеобразовательной школе. Самое незначительное влияние на формирование представлений о профессиях оказывает информация, получаемая из печатных СМИ, специальных брошюр, рекламных плакатов.

Рассмотрим, в каких группах специальностей перечисленные источники информации упоминаются наиболее часто. Рассказы родителей, друзей, знакомых в большей степени определяют представления о профессии у респондентов, ориентированных на группы специальностей здравоохранения, информатики и вычислительной техники, строительства и архитектуры, военного дела, правоохранительной сферы, защиты в ЧС. Примечательно, что доля упоминаний ресурсов Интернета среди респондентов, ориентированных на специальности информатики и вычислительной техники, составляет 73,1 %, что выше, чем по остальным группам. Ресурсы Интернета сравнительно часто использовались и респондентами, ориентированными на специальности таких сфер, как строительство и архитектура (63,0 %), экономика и управление (56,5 %), культура и искусство (41,7 %). Телевидение как источник информации чаще отмечали респонденты, ориентированные на профессии, связанные с культурой и искусством (50,0 %), здравоохранением (45,9 %), военным делом, правоохранительной сферой и защитой в ЧС (40,9 %), а также гуманитарно-социальные (40,0 %) и экономические (34,8 %) специальности. Информация, полученная из наблюдений за трудовой деятельностью специалистов на их рабочем месте, в большей степени повлияла на информированность респондентов, ориентированных на специальности сфер здравоохранения (59,5 %), информатики и вычислительной техники (57,7 %), образования и педагогики (41,7 %). Дни открытых дверей в вузах, колледжах и техникумах повлияли

на информированность о профессии у респондентов, предпочитающих естественные и технические специальности (35,2 %), гуманитарно-социальные (30,7 %), специальности сфер образования и педагогики (33,0 %), здравоохранения (32,4 %).

Таким образом, анализ информационного фактора позволяет сделать вывод о том, что в целом уровень информированности выпускников одиннадцатых классов недостаточен. Это является следствием дожинирования семьи, близкого окружения и визуальных средств массовой информации в процессе формирования профессиональных ориентаций и низкой институционализации системы информирования учащихся школ о различных аспектах профессиональной и социально-трудовой сфер общества. Вместе с тем исследование показало возрастающее влияние профориентирующей роли учреждений профессионального образования, особенно по специальностям, не популярным среди молодежи (образование и педагогика, естественные и технические специальности).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Рей** Д. «Все знать» и «никогда не быть уверенным» : габитус семьи и учреждения и выбор относительно высшего образования / Д. Рей // Вопр. образования. — 2008. — № 2. — С. 122–135.

2. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. — М. : НОРМА — ИНФРА-М, 1998. — 672 с.

Поступила 13.07.11.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Т. Н. Суконкина

Статья посвящена анализу модернизации современной системы образования. Особое внимание уделяется реализации принципов этнокультурного образования в Республике Мордовия. Этнокультурное образование способствует формированию толерантной личности, защищающей этнокультурный плюрализм и готовой к диалогу в сфере межэтнических отношений. Основные принципы этнокультурного образования — равноправие всех учащихся, толерантность, диалогичность, уважение к признание всех существующих культур. Этнокультурное образование — один из возможных путей развития системы образования в России, стремящейся создать современное правовое государство.

В настоящее время в России происходит модернизация системы образования, осуществляется процесс вхождения в мировое образовательное, информационное, культурное пространство. Модернизация образования невозможна без существенных изменений как в педагогической теории, так и в содержании и организации учебно-воспитательной работы образовательных учреждений. Постепенно изменяется образовательная парадигма. Содержание образования обогащается новыми знаниями, умениями и навыками, развитием у обучаемых способностей к инкорпорированию новейшей социально-экономической и культурной информацией, к творческому решению проблем науки и рыночной практики. Эта тенденция коснулась и образовательных технологий, которые призваны быть адекватными современному уровню общественного знания.

Во многих регионах наблюдается рост национального самосознания и одновремен-

© Г. Н. Суконкина, 2011

но межэтнической разобщенности и расслоения городского и сельского населения. Одним из естественных механизмов гармонизации межэтнических отношений и преодоления нарастания негативных тенденций в обществе была и остается система образования. Возвращение к этничности, определенная переоценка роли и значения отдельных национальных культур и влияние этих процессов на самосознание народов являются общей закономерностью для содержания культурологического образования. На одну из приоритетных позиций выдвигается необходимость глубокого освоения огромного этнокультурного и народно-педагогического опыта как составной и неотъемлемой части духовной культуры каждого народа.

В вузах, училищах и колледжах культуры и искусства, где содержание образования не только ориентировано на семью как главное звено воспитания, но и тесно связано с изучением, освоением и технологией создания культурных ценностей (поэтический и песенный фольклор, семейный быт, народные ремесла и промыслы, игровой опыт и т. д.), этнокультурная подготовка помогает аккумулировать межпредметные связи, выполняет функции системообразующего фактора в реализации образовательных программ [3, с. 27]. По мнению М. Уолцера, государственные образовательные учреждения, собирая под одной крышей детей, родители которых принадлежат к различным религиозным и этническим общинам, по определению нейтральные в отношении ко всем общинам, поэтому должны с пониманием преподносить историю и философию существующего толерантного режима. Такие образовательные учреждения способны удовлетворять потребности представителей всех общин путем простого признания множественности культур и донесения до учащихся сведений о каждой из них [9, с. 33].

Содержание, основные направления и уровни этнокультурного образования определяются сегодня социальным заказом со стороны государственных, негосударственных (общественных) и коммерческих структур; этнокультурное образование призвано формировать специалиста гуманитарного профиля, который хорошо разбирается не только в истории общества, культуры и искусства, религии, современном обществоведении, культурологии, педагогике, искусствоведении, религиоведении, но и в проблемах этноса и межэтнических отношений. Контакты представителей различных национальностей, проживающих на территории отдельно взятого региона — Республики Мордовия, в различных сферах жизнедеятельности (политика, экономика, религия, быт и т. д.) — это контакты национальных культур, в процессе которых проявляются причины и следствия национально-этнических культурных различий. Поэтому в содержании и организации учебно-воспитательного процесса учитываются существующая в регионе межэтническая ситуация, необходимость формирования у будущих специалистов умений и навыков межнационального общения.

В условиях глобализации, с одной стороны, идет усиление этнического фактора, с другой — распад этносов. Молодое поколение теряет самобытность, не знает культуру, своих корней. Самый верный и оптимальный способ сохранения и использования языков — реальное многоязычие, т. е. знание родного языка наряду с государственным языком, а также владение международными языками, толерантное отношение к народам, живущим в регионе, стране. Однако этнокультурное образование не сводится только к изучению родного языка. Оно подразумевает преподавание национальных языков, истории родного края и родной культуры как в форме учебной дисциплины, так и посредством факультативов и кружков, но обязательно в контексте изучения культуры России. Этнокультурное образование должно быть холистическим и включать все стороны жизни общества на различных уровнях; должно быть активизирующим, а не нацеленным на кризисы; превентивным и корректирующим, а не просто диагностическим; продолжающимся и прогрессивным [10, с. 81]. Этнокультурное образование направлено на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном сообществе, и на передачу этого наследия, а также инновационных новообразований молодому поколению [5, с. 56]. Иными словами, это способ приобщения обучающихся к различным культурам с целью формирования единого глобального сознания, позволяющего непосредственно взаимодействовать с представителями иных этносов и интегрироваться в мировую культурно-образовательную среду.

Мордовия, как и вся Российская Федерация, представляет собой поликультурный регион. Национальный состав населения республики, согласно 2002 г., выглядит следующим образом: русские — 60,8 %, мордва — 31,9 %, татары — 5,2 %, украинцы — 0,5 %, армяне, белорусы, чуваши — 0,1 %, прочие — менее 0,1 % [4, с. 49]. К понятиям, означающим многообразие национального

состава, сегодня добавляется многоконфессиональность. На конец 2009 г. в Республике Мордовия действовали 353 религиозные организации, представляющие 9 конфессий [7, с. 4]. Однако наиболее влиятельной на территории Мордовии по-прежнему остается Русская православная церковь. В связи с этим одной из основных целей, реализуемых органами государственной власти Республики Мордовия в тесном сотрудничестве с национальными культурными организациями, является сохранение национальных языков и приобщения к их изучению широких слоев населения.

Особое значение придается изучению национальных языков в дошкольных учреждениях и средних учебных заведениях. В ряде дошкольных учреждений Саранска и республики организованы кружки по изучению мордовских языков. Ряд детских садов работают на основе специальных программ, позволяющих детям усваивать основы мордовской культуры. В настоящее время в республике 161 школа работает по учебному плану для школ с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения. Во всех школах с русским языком обучения со второго класса изучают мордовские (мокшанский и эрзянский) языки. Татарский язык преподается в различной форме в 32 школах, обучение на нем ведется лишь в одной начальной школе. Подготовка педагогических кадров для татарских школ осуществляется в вузах Саранска и Ичалковском педагогическом училище. В МГПИ им. М. Е. Евсевьева открыта специальность «Родной (татарский) язык и литература». Кроме того, в 2009 г. Министерство образования Республики Мордовия и Мордовский республиканский институт образования выиграли гранты совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества», главным партнером которой является Министерство регионального развития Российской Федерации, по проектам «Межрегиональный образовательно-оздоровительный этнокультурный лагерь „Живи, родной язык!" для учащихся мордвы (мокши, эрзи) и татар Республики Мордовия и регионов Российской Федерации с компактным проживанием мордовского населения» и «Создание национально культурно-образовательного пространства как фактор социализации в общеобразовательных учреждениях Республики Мордовия и регионов Российской Федерации с компактным проживанием мордовского населения» [1].

Таким образом, сегодня система образования Республики Мордовия располагает всеми необходимыми условиями для обеспечения языковых прав и этнокультурных образовательных потребностей обучающихся, и признана на европейском уровне. Знаковым событием стало проведение 31 октября 2007 г. в Поволжском центре культур финно-угорских народов Межрегионального семинара-совещания работников дошкольных учреждений на тему национально-регионального компонента в учреждениях дошкольного образования. Значима роль и вузов Мордовии. В 2009 г. МГУ им. Н. П. Огарева получил статус национального исследовательского университета. Одним из приоритетных направлений его деятельности заявлены фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения: социальное, национальное, конфессиональное многообразие финно-угорских народов, координация международной деятельности в области образования и искусства, осуществление обмена студентами из финно-угорских стран, издание научных трудов, проведение международных конференций. Статус национального исследовательского университета позволит вузу реализовывать научно-исследовательские проекты по реконструкции и документированию художественного творчества финно-угорских народов, а также укреплять межэтнические отношения. Студенты и преподаватели примут активное участие в праздничных мероприятиях, посвященных 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства [2].

Многоконфессиональность и полиэтничность выдвигают на передний план задачу поддержания толерантных отношений между людьми, принадлежащими к различным конфессиям и этносам. Это требование времени, отражающее одну из ценностей современной жизни. Соответственно, эти задачи должны быть включены в приоритеты этнокультурной образовательной политики. Важнейшей тенденцией сегодня становится обновление и обогащение содержания учебных программ поликультурной направленностью. Реализация этнокультурного образования требует разработки и одновременной реализации четких единых механизмов модернизации региональной этнокультурной образовательной политики. Этнокультурное образование предполагает построение образования на принципе культурного плюрализма, признании равноценности и равноправия всех этнических и социальных групп, составляющих данное общество, на недопустимости дискриминации людей по признакам нацио-

кальной или религиозной принадлежности, пола или возраста. Это помогает обратить разнообразие общества в полезный фактор его развития, обеспечивает более быструю адаптацию человека к меняющимся условиям существования, помогает ему сформировать более многогранную картину мира. Обеспечение культурологической направленности образования и введение поликультурного компонента в различные учебные дисциплины будет способствовать:

1) глубокому и всестороннему овладению учащимися культурой своего народа;

2) формированию у учащихся представления о многообразии культур в России и мире; чувства национального самосознания, достоинства, чести посредством развития «исторической памяти», побуждения интереса к малой родине, истории своего народа;

3) воспитанию позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим прогресс человечества и условия для самореализации личности;

4) созданию условий для интеграции учащихся в культуры других народов;

5) развитию умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур;

6) развитию этнотолерантности;

7) формированию осознанных, позитивных ценностных ориентаций личности учащегося по отношению к собственной российской культуре, мультикультурной по природе;

8) воспитанию уважения к истории и культуре своего и иного народа;

9) использованию этнопедагогической среды как основы для взаимодействия личности с элементами других культур;

10) формированию способности учащегося к личностному и культурному самоопределению [6].

Однако большинство этих задач возможно решить на уровне начального и среднего образования, когда детям прививается правильное представление о поликультурности общества и происходит воспитание человека, способного успешно функционировать в разных культурах. Но именно в вузах толерантность становится не просто одной из задач высшего образования, нацеленного на признание равенства и объединения представителей разных народов, культур, религий, но и важнейшим элементом социализации личности в современном обществе. Этнокультурному образованию, реализуемому в вузах, присущи новые качественные характеристики:

а) обеспечение равных прав и возможностей в получении образования для всех расовых, этнических и социальных групп, функционирующих в обществе;

б) направленность на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности;

в) акцент на взаимосвязи культур, усвоение национально-культурных ценностей, сосуществование различных культур в плюралистической среде, адаптация с иными культурными ценностями [8].

Таким образом, этнокультурное образование — это образование, создающее равные для всех этносов возможности реализации культурных потребностей, приобщающее молодежь к культурным и нравственным ценностям других стран и народов. Этнокультурное образование формирует личность, признающую культурный плюрализм и активно содействующую ему, стремящуюся защищать этнокультурное многообразие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив материалов газеты «Эрзянь мастор» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.crzia.saransk.ru/arhiv.php?nom11=331. — Загл. с экрана.

2. Директор Института национальной культуры МГУ им. Огарева Татьяна Сидоркина: «Наш институт уникален» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.finugor.ru/?q=node/13445. Загл. с экрана.

3. **Ишакова А. Ф.** Этнокультурные аспекты подготовки педагогов профессионального образования / А. Ф. Ишакова, В. Д. Лобанев, В. Ф. Тропин // Среднее проф. образование. — 2009. — № 6 (июль). — С. 26–29.

4. Национальный состав и владение языками, гражданство : в 14 т. — М. : Статистика России, 2004. — Т. 4, кн. 1. — 945 с.

5. Новые ценности образования : Тезаурус. — М. : РАО, Ин-т пед. инноваций, 1995. — Вып. 1. — 198 с.

6. **Палаткина Г. В.** Мультикультурное образование : современный подход к воспитанию на народных традициях / Г. В. Палаткина // Педагогика. — 2002. — № 5. — С. 41.

7. Прокуратура предупреждает об опасности религиозного экстремизма // Изв. Мордовии [Саранск]. — 2009. — 15 окт.

8. **Смирнова Р. В.** Мультикультурное образование в современных условиях развития общества : сущность и качество / Р. В. Смирнова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wecomm.ru/structure/?idstructure=9. — Загл. с экрана.

9. **Уолцер М.** О терпимости / М. Уолцер. — М. : Идея-пресс, 2000. — 160 с.

10. **Фарман И. П.** Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / И. П. Фарман. — М. : Ин-т философии РАН, 1999. — 244 с.

Поступила 13.07.11.

ЗДОРОВЬЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОЦЕНКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ*

И. М. Фадеева, М. В. Юскаева

В статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия «здоровье». Особое внимание уделено специфике профессии преподавателя и ее влиянию на состояние здоровья. Приводятся данные эмпирического исследования, выявляющего факторы ухудшения здоровья данной профессиональной группы.

Понятие «здоровье» — распространенный и общепринятый, но до сих пор не имеющий однозначного определения термин, в настоящее время является объектом пристального внимания исследователей различных научных областей: социологов, экономистов, психологов, философов, культурологов, физиологов и клиницистов. П. И. Калью в работе «Сущностная характеристика понятия „здоровье" и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация» рассматривает 79 определений понятия здоровье человека, сформулированных представителями научных дисциплин в разное время и в различных странах мира. Приведенный перечень, как пишет автор, далеко не полный, но даже представленные определения поражают многообразием трактовок и разнообразием признаков. П. И. Калью выделяет ряд научных подходов к определению понятия «здоровье», которые соответствуют той или иной концептуальной модели.

1. *Медицинская модель* здоровья предполагает определение, содержащее лишь медицинские термины, при этом здоровьем считается отсутствие болезней и их симптомов.

2. *Биомедицинская модель здоровья* предполагает отсутствие органических нарушений и ощущения нездоровья, имеющих определяющее значение для характеристики здоровья с точки зрения жизнедеятельности и здоровья человека.

3. *Биосоциальная модель здоровья* включает рассмотрение биологических и социальных признаков, которые рассматриваются в единстве, при этом социальным признакам отдается приоритетное значение.

4. Ценностно-социальная модель предполагает рассмотрение здоровья как основополагающей ценности, необходимой для удовлетворения материальных и духовных потребностей, участия в труде и социальной жизни, в экономической, научной, культурной и других видах деятельности [3].

П. И. Калью подчеркивает, что здоровье в более ранних определениях рассматривается как состояние, в то время как отечественные и зарубежные ученые последних десятилетий все чаще описывают его как динамический процесс.

К факторам, которые затрудняют более полное и четкое формулирование определения понятия «здоровье», относят сложность и многогранность феномена «здоровье»; непостоянство уровня здоровья человека; сочетание биологического, социального и психологического элементов, оказывающих воздействие на здоровье индивида; трудности количественного измерения элементов, характеризующих здоровье; относительность человеческих знаний [1, с. 19]. Вместе с тем Г. С. Никифоров считает, что правильную позицию занимают те ученые, которые, интерпретируя понятие «здоровье», не пытаются абсолютизировать причастность к нему

* Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010—2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

© И. М. Фадеева, М. В. Юскаева, 2011

только категории состояния или процесса. Например, этому принципу следует академик В. П. Казначеев, полагающий, что здоровье индивида есть динамическое состояние, процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни [Приводится по: 5, с. 43]. Наиболее распространенным является определение Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [4]. Оно достаточно широкое и характеризует идеальное состояние человека, за что нередко критикуется в научной литературе.

Под *физическим здоровьем* понимают физическое благополучие, отсутствие болезни или нетрудоспособности, а также наличие у человека достаточного количества энергии и жизненных сил для выполнения повседневных задач. Важным условием поддержания физического здоровья является отсутствие нагрузок, вызывающих чрезмерное утомление [6, с. 40]. *Психическое здоровье* — состояние благополучия, при котором человек может реализовать собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь сообщества [4]. *Общественное здоровье* — совокупное состояние людей, проживающих в пределах какой-либо территории (региона, страны) [2, с. 135].

С социологической точки зрения здоровье — это мера социальной активности и деятельного отношения человека к окружающему миру, позволяющая выполнять социальные функции, профессиональные роли и обеспечивать социальное благополучие и общественное развитие. В последнее время особое внимание исследователей привлекает вопрос здоровья работников интеллектуальной сферы, в частности преподавателей, что обусловлено спецификой влияния этого вида профессиональной деятельности на современного человека и общество в целом.

Специфика профессии преподавателя заключается в интеллектуализации его труда и высоком уровне ее креативности, требующих большого объема знаний, творческой активности и напряженности психических функций. Для нее характерны следующие особенности:

— высокая степень ответственности за развитие общества, качество образовательной и научной деятельности;

— социализация и профессионализация подрастающего поколения;

— Перегламентированный рабочий график, периодическое нервно-эмоциональное напряжение;

— неравномерность нагрузки, необходимость принятия нестандартных решений;

— большой объем и неравномерность поступления информации;

— необходимость творческого подхода к профессиональной деятельности;

— напряжение памяти, внимания ввиду постоянного поиска, восприятия большого объема информации, ее систематизации и воспроизведения;

— дефицит двигательной активности и ее нерациональная организация.

В основу анализа состояния здоровья преподавателей положено социологическое исследование на основе экспертного опроса, проведенного в декабре 2010 г. в Зубово-Полянском педагогическом колледже. Целью исследования являлось определение состояния здоровья преподавательского коллектива и выявление факторов, оказывающих воздействие на состояние их здоровья.

Было опрошено 37 преподавателей — 35 женщин (94,6 %) и двое мужчин (5,4 %). Возраст респондентов был различным: от 23 до 30 лет — 2 чел. (5,4 %), от 31 до 40 лет — 12 чел. (32,4 %), в возрасте от 41 до 50 лет — 20 чел. (54,0 %) и старше 50 лет — 3 чел. (8,2 %).

По мнению 55,6 % опрошенных, ценность здоровья в современном обществе возрастает, что, на наш взгляд, обусловлено ухудшением состояния здоровья населения страны в целом и повышенным вниманием к здоровому образу жизни в средствах массовой информации. Считают, что отношение к здоровью как ценности в современном обществе не меняется, 33,3 % респондентов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что ценность здоровья в современном обществе возрастает?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
1	2
Да	38,9

Окончание табл. 1

1	2
Скорее да, чем нет	16,7
Скорее нет, чем да	25,0
Нет	8,3
Затрудняюсь ответить	11,1

Здоровье человека формируется в зависимости от его возрастных особенностей и образа жизни. Безусловно, по мере возраста функциональные возможности организма снижаются и именно поэтому лишь небольшая доля респондентов считают себя практически здоровыми (16,7 %). Эту группу составляют в основном преподаватели в возрасте от 23 до 30 лет. Незначительные отклонения в состоянии здоровья имеют 44,4 % опрошенных. Респонденты, имеющие хронические заболевания (38,9 %), находятся в возрасте старше 51 года (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Имею незначительные отклонения в состоянии здоровья	44,4
Имею хронические заболевания	38,9
Считаю себя практически здоровым человеком	16,7

Подавляющее большинство опрошенных преподавателей (61,1 %) отметили тенденцию ухудшения состояния здоровья. Значительное ухудшение состояния здоровья отмечают респонденты в возрасте старше 50 лет (8,3 %), что, на наш взгляд, связано с возрастными особенностями организма и невозможностью справляться с большим объемом нагрузки. Указали, что состояние их здоровья в течение последних пяти лет не изменилось, 22,3 % опрошенных, и часть респондентов отметила незначительное улучшение и значительное ухудшение состояния здоровья за указанный период времени (по 8,3 % соответственно) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось состояние Вашего здоровья за последние пять лет?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Немного ухудшилось	61,1
Практически не изменилось	22,3
Несколько улучшилось	8,3
Значительно ухудшилось	8,3

Профессиональная деятельность занимает важное место в ценностной иерархии человека, поэтому профессиональный фактор определяет не только отношение индивида к работе, но и его влияние на здоровье. Трудовая занятость в рыночных условиях определяется соответствием человека занимаемой должности, что в свою очередь вызывает постоянные напряжение и нередко стрессы. Таким образом, работа и условия ее организации оказывают непосредственное влияние на здоровье человека. Это подтверждается и результатами нашего исследования: на необходимость посвящать работе много времени указали 20,0 % опрошенных преподавателей (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие объективные факторы ухудшают состояние Вашего здоровья?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Частые стрессы	54,3
Качество медицинских услуг	54,3
Уровень материального благосостояния	28,6
Необходимость много времени посвящать работе	20,0
Психологическая атмосфера в коллективе	11,4
Условия трудовой деятельности	8,6

Факторами ухудшения здоровья служат и частые стрессы, в том числе в профессиональной сфере (54,3 %). Определенная часть опрошенных не удовлетворена психологической атмосферой в коллективе и считает данный фактор существенным при оценке его влияния на здоровье (11,4 %). Следующим по значению стоит фактор «условия трудовой деятельности» (8,6 %). Парадоксальной можно считать ситуацию относительно оценки респондентами качества медицинских услуг. Принято считать, что медицина направлена на улучшение состояния здоровья населения. Однако качество предоставляемых медицинских услуг, по мнению большей части опрошенных преподавателей (54,3 %), объективно ухудшает состояние их здоровья. Неблагоприятное воздействие на состояние здоровья 28,6 % респондентов оказывает уровень материального благосостояния. Этот показатель объясняется, с одной стороны, невысоким уровнем оплаты труда преподавателей, с другой — значительным преобладанием в выборке старших возрастных групп (старше 41 года — 62,2 %). Поскольку восстановление и укрепление здоровья требуют возрастающих ресурсов индивида, уровень его материального благосостояния с возрастом становится все более значимым. Образ жизни человека во многом определяет состояние его здоровья. По данным исследования, 72,2 % преподавателей считают необходимым ведение здорового образа жизни (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым ведение здорового образа жизни?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Да, это необходимо	72,2
Скорее да, чем нет	27,8

Большая часть опрошенных (82,9 %) считают эффективной мерой поддержания своего физического здоровья ежегодный отпуск. Однако в течение отпуска большинство из них не имеют возможности полноценного отдыха: в силу невысокого уровня материального благосостояния они не отдыхают на курортах, в санаториях и домах отдыха. Несмотря на то что респонденты достаточно низко оценивают качество предоставляемых медицинских услуг, регулярный профилактический медицинский осмотр является, по их мнению, способом поддержания здоровья (68,6 %). На наш взгляд, это связано с тем, что перечисленные выше меры не требуют существенных усилий со стороны индивида и ресурсных затрат. Более половины опрошенных (57,1 %) осознают необходимость отказа от вредных привычек (алкоголь, никотин), так как явно они наносят существенный вред здоровью.

Двигательная активность также имеет большое значение для здоровья преподавателей, поскольку их физическая активность в профессиональной деятельности минимальна. Более половины опрошенных (54,3 %) для поддержания физической формы используют прогулки на свежем воздухе, небольшая часть преподавателей (17,1 %) регулярно занимаются спортом. Низкая доля заня-

мающихся спортом, на наш взгляд, объясняется недостатком времени для этого, а также сложившихся стереотипом поведения старшего поколения. Более активны в этом плане молодые преподаватели.

Одной из мер поддержания здоровья является организация правильного питания. Однако отношение к данному фактору неоднозначное: его отметили только 37,1 % опрошенных. Позицию «оптимальный график работы», который способствует улучшению состояния здоровья и предотвращает чрезмерное утомление, указали лишь 11,4 % преподавателей. На наш взгляд, это объясняется не столько отсутствием перегрузок в рабочем графике преподавателя, сколько невозможностью их влияния на этот процесс (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры Вы предпринимаете для поддержания физического здоровья?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Ежегодный отпуск	82,9
Регулярный профилактический медицинский осмотр	68,6
Отказ от вредных привычек (алкоголь, никотин)	57,1
Прогулки на свежем воздухе	54,3
Регулярные занятия спортом	17,1
Правильное питание	37,1
Оптимальный график работы	11,4

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Что касается моделей здоровьесохранительного поведения, то большинство преподавателей (77,1 %) считают необходимым регулярно проходить профилактический медицинский осмотр (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым регулярно проходить профилактический медицинский осмотр?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Да, это необходимо	77,1
Скорее да, чем нет	14,3
Скорее нет, чем да	5,7
Нет, не считаю это необходимым	2,9

При анализе вопроса, касающегося частоты обращения за медицинской помощью, выяснилось, что подавляющее число респондентов (72,2 %) обращаются к врачам только в случае необходимости, вариант ответа «регулярно» имеет достаточно низкий показатель (5,6 %) (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вам приходится обращаться за медицинской помощью к врачам?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Эпизодически (по мере необходимости)	72,2
Один-два раза в год	22,2
Регулярно	5,6

Как было указано выше, профессиональная деятельность преподавателей имеет свою специфику, которая отражается на состоянии их здоровья, зависящего как от субъективных, так и от объективных факторов. К первым можно отнести образ жизни, режим сна и отдыха, морально-психологический климат в коллективе и т. д. Объективными факторами будем считать объем нагрузки, график работы, успешность профессиональной карьеры и др. Результаты исследования показывают, что здоровье преподавателей имеет тенденцию к ухудшению, обусловленную недостаточным вниманием к его поддержанию, отсутствием ориентации на здоровый образ жизни и невысоким уровнем материального благосостояния.

Наблюдаются некоторые расхождения между осознанием (высокие значения) необходимости поддержания здоровья и возможностями, действиями (низкие значения) по его осуществлению. В связи с этим создание благоприятной среды для профессиональной деятельности сотрудников и вклад в улучшение их здоровья со стороны организации, формирование корпоративной культуры, ориентированной на здоровье, должны стать одним из приоритетных направлений социальной политики учебного заведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Журавлева И. В.** Новые подходы к развитию сферы общественного здоровья / И. В. Журавлева // Социология медицины. — 2008. — № 2. — С. 19–24.

2. **Зобов Р. А.** Человекознание : самореализация человека : учебник / Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев ; под. общ. ред. В. Н. Келасьева. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. — 2008. — 461 с.

3. **Калью П. И.** Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения : обзорная информация / П. И. Калью. — М. : ВНИИМИ, 1988. — 220 с.

4. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.who.int/entity/ru/ — Загл. с экрана.

5. Психология здоровья : учеб. для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб. : Питер. 2006. — 607 с.

6. **Рыжов А. Я.** Понятие «здоровье» и «профессиональное здоровье» применительно к категории преподавателей вуза / А. Я. Рыжов // Вестн. ТвГУ [Тверь]. — 2009. — № 14. — С. 38–48.

Поступила 13.07.11.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЕМ

Л. П. Канаева

В статье выявляется потенциал общественного участия, позволяющий сделать рекомендательные шаги по построению целостной государственно-общественной системы управления развитием образования на принципах демократичности; анализируются основные причины, сдерживающие развитие государственно-общественного управления образованием в РМ.

В истории России идея государственно-общественного управления имеет достаточно глубокие корни: епархиальные училищные советы, волостные общины, попечительские советы гимназий и реальных училищ, земские управы. Школы, в управлении которыми участвовали эти организации, как правило, имели многоканальное финансирование, которое предназначалось для удовлетворения потребности в книгах, пособиях, для награждения учителей и учеников, жалованья учащихся, содержания школ, повышения

© Л. П. Канаева, 2011

квалификации учителей. В свою очередь общество предъявляло к институту образования все более высокие требования, заставляя перестраиваться, искать новые формы и методы обучения, расширять содержание образования.

Аналогичная ситуация складывается в современной России. Перед образованием ставятся новые задачи, изменяются его содержание и формы, складываются новые институты гражданского общества и социальные группы, готовые вкладывать в систему образования различные ресурсы. Их запросы могут быть обусловлены как личной заинтересованностью, так и социальной необходимостью. В чем специфика сегодняшней ситуации? Интересы общества и государства в области образования не всегда совпадают с отраслевыми интересам самой системы образования, а потому определение направлений модернизации и развития образования не может ограничиваться рамками образовательного сообщества и образовательного ведомства.

Понимание роли государственно-общественных отношений предполагает согласование и определение представлений о возможностях государственной и общественной составляющих и складывающихся между ними договорных отношений. Государственная составляющая образования должна гарантировать обеспечение доступности и равных возможностей получения полноценного качественного образования. В общественной составляющей можно выделять внутренние (внутреннее профессиональное сообщество, ученическое самоуправление и т. д.) и внешние (представители родителей, бизнеса, общественных организаций, ассоциации выпускников, национально-культурных сообществ, фонды развития и т. д.) компоненты.

Общественность — это организованные структуры, отражающие интересы социальных групп в области образования и не подчиненные органам управления образованием. Структуры могут быть как постоянными (ассоциации, союзы, советы, некоммерческие партнерства), так и временными (собрания, совещания, конференции). Выражать интересы определенных социальных групп в сфере образования могут также специалисты, изучающие образовательные запросы и проблемы населения (социологи, психологи, организаторы образования). Эту группу специалистов можно определить как группу экспертов по социальным проблемам образования. К общественности можно отнести и группу экспертов по вопросам управления образовательными системами, независимых от органов управления образованием. Потребность общественности в управлении образовательными системами зависит от уровня организованности самой общественности, от наличия структур, представляющих ее интересы, в том числе от экспертных структур. Поэтому разнообразные меры, позволяющие изучать общественное мнение, привлекать общественность к аттестации образовательных учреждений, к экспертизе образовательных результатов, организовывать общественное обсуждение проблем образования — необходимое условие повышения уровня общественной активности в сфере образования. Важнейшим направлением в связи с этим является поддержка создания различных общественных структур в сфере образования, в том числе ассоциаций образовательных учреждений, педагогов-новаторов, активно внедряющих инновационные образовательные программы, привлечение их к решению проблем образования. Сложнее обстоит дело с формированием потребности органов управления образованием в привлечении общественности к принятию управленческих решений. На практике руководители образовательных учреждений и руководители более высокого ранга стремятся ограничить участие общественности в управлении, опасаясь некомпетентного и агрессивного вмешательства в сферу образования и опасаясь утраты хотя бы части властных полномочий. Но модернизация образования — это общенациональная задача, она не должна и не может осуществляться как ведомственный проект. Интересы общества и государства в области образования не всегда совпадают с отраслевыми интересам самой системы образования, а потому определение направлений модернизации и развития образования не может замыкаться в рамках образовательного сообщества и образовательного ведомства.

Сегодня роль общественных организаций, общественного участия в управлении образованием явно недооценена и используется недостаточно. Вместе с тем благодаря реализации мероприятий национального проекта «Образование» удалось существенно продвинуться от простого финансового участия общественности в деятельности образовательного учреждения до понимания роли общественности в управлении образовательным учреждением. Важным результатом приоритетного проекта «Образование» стал выявленный потенциал общественного участия — массовой доброжелательной поддержки, помощи, проведения общественной экспертизы, участия в обсуждениях, без чего проект оказался бы не только обедненным,

но и невозможным. Расширение общественного участия в управлении образованием ориентировано на широкий круг субъектов региональной системы образования, которые можно объединить в группы:

— Министерство образования Республики Мордовия, муниципальные органы управления образованием, органы местного самоуправления;

— администрация, педагогические работники, учащиеся общеобразовательных учреждений;

— родительская общественность, потенциальные социальные партнеры, представители органов общественно-государственного управления образованием, благотворительных и общественных организаций.

Опыт, накопленный за последние годы в процессе модернизации образования, позволяет сделать решительные шаги по построению целостной государственно-общественной системы управления развитием образования. Этот опыт показал, что общественная форма управления образованием перспективна, и это, по сути, — возвращение ранее утерянных функций. Однако достижение целей, поставленных национальным проектом, а именно внедрение новых управленческих технологий и в целом формирование нового стиля функционирования и развития, связано с решением ряда социальных проблем в сфере образования, к которым относятся и низкий материальный и социальный статус педагога, и разрыв между системой образования и общественными институтами. Эти проблемы обусловили реализацию комплексного проекта модернизации образования в республике. В рамках проекта модернизации в региональной системе образования происходят институциональные изменения в сфере управления. Идея перехода к государственно-общественным формам управления образованием находится в русле главных целей данного проекта, обладает мощным потенциалом единения в деле улучшения качества образования. Предоставление общественным институтам возможности реального влиятельного участия в процедурах отбора передовых школ и учителей является шагом на пути превращения школы в общественно открытую и общественно значимую систему. Внедрение новаций в образовательное пространство делают участие гражданских институтов в управлении образованием необходимым и возможным. Впервые за последние десятилетия у родителей и иных представителей общественности появилась возможность участвовать в управлении образовательными учреждениями, в решении вопросов, от которых зависят настоящее ребенка, развитие его личности и характера. Спектр общественного участия должен расшириться за счет возрождения сотрудничества общеобразовательных учреждений с предприятиями и организациями.

Существующие сегодня проблемы, связанные с отсутствием необходимых правовых, экономических и управленческих знаний у членов общественных структур, а также с неготовностью общественных институтов к взаимодействию с образовательными институтами, можно считать определяющими основные направления совершенствования механизмов общественного участия в процессе управления образованием. Накопленный в республике опыт общественного участия в управлении образованием позволяет сегодня выйти на новую ступень развития государственно-общественного управления — законодательно оформить формы общественного участия в сфере общего образования — и осуществить переход к демократическому управлению образованием. Дальнейшее развитие государственно-общественного управления образованием, в частности развитие системы Управляющих советов, позволит повысить ответственность родителей, учеников, учителей и власти за собственное будущее, будущее школы, села, района, города. В долгосрочном плане — позволит формировать молодого гражданина России с активной жизненной позицией, станет неотъемлемой составляющей создаваемого в России гражданского общества.

Поступила 26.04.11.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ И ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ (К 1000-ЛЕТИЮ ЕДИНЕНИЯ МОРДОВСКОГО НАРОДА С НАРОДАМИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА)

В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков

Статья посвящена анализу формирования гражданской нации в России к проблемам финно-угорских народов.

Последние десятилетия XX и начала XXI в. характеризуются бурными политическими, геополитическими и этническими переменами, важнейшими из которых стали рост этнического национализма во многих многонациональных государствах. Реальное тому подтверждение — распад СССР, Югославии, появление новых независимых государств, в том числе Российской Федерации, кровавые межэтнические столкновения в Молдове, Косове, Закавказье и на Северном Кавказе. Процесс демократических реформ в стране сопровождался ростом национального самосознания, стремлением народов к различным формам самоопределения и развития. В этих условиях перед страной встала задача формирования новой национальной политики, которая смогла бы ответить на вызовы времени.

Сегодня в противовес многолетним утверждениям, в СССР впервые в истории цивилизации был разрешен национальный вопрос, а советский народ — новая историческая общность людей десятков национальностей страны, выдвигаются суждения о том, что в России не было и нет национальной политики. Последнее по сути неверно. Национальная политика и в царской России, и в Советском Союзе, и ныне существовала и существует. Вопрос в другом: насколько эта политика действенна, в какой мере отражает интересы всех без исключения народов страны, не запаздывает ли она, плетясь в хвосте событий этнополитического характера. Просчеты и ошибки в ней могут надолго затормозить продвижение многонационального государства вперед. Все это актуально и для современной России.

Вся история нашей страны есть история многонационального поликультурного государства. Объединение российских земель началось еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют летописные и иные источники. Уже в «Повести временных лет» говорятся о многонациональности славянского государства. Этнический принцип собирания Российской империи связан, очевидно, с исторической реальностью, практикой вхождения народов и государств в состав будущей России. Летописи свидетельствуют, что наряду со славяно-русскими племенами в Древнерусском государстве имелись племена «иных языцы». Простое перечисление народов подтверждает, что мордва, как и наши соседи, проживала совместно с русскими более 1 000 лет. Празднование в 2012 г. 1000-летия единения мордвы (мокши и эрзи) прежде всего со славянами и другими народами — исторические событие, реальность, а не выдумка ученых и политиков, как утверждают некоторые критики.

В ходе многовекового взаимодействия и сотрудничества народов страны этническая энергия сплачивала весь российский народ в единый суперэтнос, который мы называем гражданской нацией. Все этносы страны, а их около 200, исторически «обречены» развиваться вместе и в тесном взаимодействии. Большинство народов России, в том числе финно-угорские, исторически сложившиеся этнические общности, т. е. коренные народы, дисперсно проживающие на различных тер-

© В. Ф. Кирдяшов, В. М. Курков, 2011

риториях государства. Однако благодаря собирательной роли русской нации сохранилось единство и многообразие различных этносов, народов, приверженцев различных религий и культур. Вместе с тем следует учитывать, что в современной России существует опасный клубок противоречий, угрожающий ее целостности, — крайние формы этнического национализма и сепаратизма. Сложность процессов в межнациональных отношениях порождает, с одной стороны, противоречия, обусловленные стремлением каждого народа к самоутверждению, к самоидентификации, к этнической самобытности, с другой — существует объективный процесс интеграции общества в целом в единую российскую гражданскую нацию, обусловленный сложившейся духовной общностью народов, потребностью согласованного проведения экономических, социальных, политических и культурных реформ в федеративном государстве, сохранения и упрочения общероссийской государственности всех народов.

Концепт «гражданская нация» утвердился в Европе в эпоху французской революции конца XVIII в. Историко-политический анализ показывает, что это понятие широко использовалось в эпоху формирования буржуазных республик вместо феодальных, династических, религиозных и иных образований. В государствах Нового времени вместе с утверждением единого рынка и массового образования распространялись культурно-языковое единообразие (например, единый литературный язык), общие гражданские и правовые нормы, а вместе с тем и общая идентичность. В самом общем виде гражданская нация — многоэтничное образование с разной степенью культурной и политической консолидации. Подавляющее большинство наций-государств включают несколько, а иногда и десятки этнических общностей (американская, канадская, китайская и др.) Обычно язык и культура наиболее многочисленной этнической общности обретает доминирующий (а иногда официальный) статус в гражданском обществе, а язык и культура малых групп не ликвидируется, а остается и используется их представителями.

После распада СССР советский народ – новая историческая общность людей, как тогда называли общность советских граждан, перестала существовать. Масса людей на огромном постсоветском пространстве лишилась опоры, которая выполняла функцию национальной идентичности. Сегодня нет сомнения в том, что «россияне» как гражданская нация пока находится на стадии становления. Гражданская идентичность в стране ослаблена. В условиях социально-экономического, политического и мировоззренческого кризиса 1990-х гг. произошла опасная мобилизация «периферийных» идентичностей, которая представляла реальную угрозу национальной безопасности и повышала в стране уровень ксенофобских настроений.

Крах коммунистических режимов в странах так называемого мирового социализма привел к идеологическому вакууму, который стал с успехом заполняться идеями и концептами, называемыми националистическими. К сожалению, в России вместе с крахом коммунизма были дискредитированы и идеи гражданской нации, выражавшиеся в концепции советского народа. Этот факт в значительной степени повлиял на активизацию идей этнической нации и этнического национализма, ключевую роль в которой играли этнические элиты. Именно они повели борьбу за сохранение группы как целостности, за сохранение культурных границ между группой и иноэтничным окружением, с тем чтобы предотвратить ее аккультурацию и ассимиляцию. При этом элиты, отвергая личный интерес и индивидуальные культурные и политические предпочтения представителей этнического сообщества, делали главный акцент на групповой идентичности («Мы — мордва»). Поддерживая диктат группы над личностью, элиты фактически выступали не за интересы группы, а за оттеснение с политического или культурного поля этнически чуждых конкурентов. Именно эти элиты стали инициаторами создания этнонациональных организаций, выступавших от имени российских финно-угров, разрабатывали их идейные позиции.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений финно-угров и важной составляющей их идеологии являются попытки формирования некоей новой идентичности — финно-угорского мира. Эта идея не является культурной новацией, а имеет основания в идейных поисках представителей нарождавшихся культурных элит Финляндии и Эстонии, которые существовали еще в XIX в. и действовали после обретения этими странами государственной независимости в 1920–1930-е гг. Возникла идеализация, романтизация представлений о финно-угорском братстве. Именно в Эстонской Республике впервые стали праздновать Дни родственных народов. Постсоветские элиты восточнофинских народов сравнительно легко признали культуртрегерскую роль западных партнеров либо в силу прагматических личных соображений, либо в надежде,

что контакты с Финляндией, Эстонией и Венгрией станут стимулом для догоняющей модернизации, в которую будут вовлечены финно-угорские регионы.

По мнению Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной, концепт финно-угорского мира как нового культурного сообщества был искусственным продуктом идейных исканий интеллектуальных элит и вместе с тем имел основания в культурных стереотипах и исторической традиции. Этот концепт строился на восприятии финно-угорского мира как особой идентичности [1, с. 199]. Образованные круги Венгрии, Финляндии и Эстонии придали миф о финно-угорском сообществе как объединяющую силу.

Распад СССР и процесс суверенизации способствовали ускоренному политическому позиционированию национальных движений. Уже в 1992 г. в Сыктывкаре состоялась учредительная конференция полномочных представителей национальных форумов (съездов, общественно-политических и национально-культурных движений, учредивших Ассоциацию финно-угорских народов (АФУН) и заявивших в принятой декларации о начале формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства. В мае 1992 г. в Ижевске состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов, на котором было заявлено, что «Съезд является высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации [1, с. 200–201]. В том же году в Сыктывкаре состоялся первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, на котором был создан Консультативный комитет финно-угорских народов со штаб-квартирой в Хельсинки. Именно здесь было заявлено о «возрождении финно-угорского мира».

Декларирование языкового, исторического и культурного родства финно-угорских народов и конструирование на этой основе новой идентичности – финно-угорского мира — по сути, попытка расширения группы солидарности и поиск внешних ресурсов для сохранения слабеющих политических позиций этнических антрепренеров в национальных республиках и автономиях России. Причем это направление политической интеграции с середины 1990-х гг. стало основным в деятельности этнонациональных движений финно-угров. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что после второго Всероссийского съезда финно-угорских народов в 1995 г. целых десять лет эти съезды не проводились, хотя по Уставу они должны были проходить раз в четыре года. Между тем заседания Консультативного комитета финно-угорских народов регулярно проводились в столицах российских финно-угорских республик, Финляндии, Венгрии и Эстонии. То же самое касается Всемирных конгрессов финно-угорских народов, проводимых регулярно и все с большим размахом и представительностью.

Другая точка зрения — финно-угорский мир не миф. Об этом, по мнению ряда ученых, говорит тот факт, что, кроме Всемирных конгрессов, проводятся форумы Молодежной ассоциации финно-угорских народов (МАФУН), фестивали финно-угорских театров, телевизионных фильмов, съезды финно-угорских писателей, Общества дружбы и т. д. Доктор исторических наук из Коми А. Попов пишет: «Понятие „финно-угорский мир" становится более содержательным в качественно новом контексте формирования информационно-культурного пространства. Можно сказать, что в этот период информационно-культурное пространство становится чрезвычайно „плотным" по сравнению с предыдущим временем. „Мир" становится действительным миром, то есть единым сообществом» [Цит. по: 1, с. 203].

Идея финно-угорского мира созвучна другим паннационалистическим идеям и является одной из форм идеологии политизированной этничности. «Объектом лояльности в этом случае, – отмечает В. Малахов, – выступает не нация, а некая „сверхнация", точнее, паннациональное общество» [Цит. по: 1, с. 204]. В политическом плане международное финно-угорское движение претендует на то, чтобы стать исправительственной организацией, интегрированной в структуры ООН. Сегодня эти претензии отчасти реализованы, поскольку при ООН создан Форум коренных народов, в котором финно-угорские народы имеют своих представителей.

Что касается идеологии, то здесь сохраняется неопределенность, ибо она до сих пор не оформилась в ясную и общепризнанную систему идеологических построений, которые доказывали бы, что делает финно-угорский мир реальным сообществом, выстраивали бы систему приоритетов финно-угорского движения, объясняли бы, как соотносятся понятия «нация» и «финно-угорский мир», обосновывали бы необходимость «мира». Так, по мнению Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной, эта идея — миф, ибо «родственными народами» становятся не те, контакты с которыми являются наиболее интенсивными (у карелов, коми и мордвы более половины браков заключается с русскими), и не те, с которыми у российских финно-угров историче-

ская судьба и реальная культурная близость, а те народы, которые только лингвистически близки друг другу. Но лингвистическая классификация есть объединение народов в некие сообщества по формальным признакам, а не по существенным характеристикам культуры. В результате родственными становятся народы, территориально не граничащие друг с другом, исповедующие разные религии, имеющие разную социальную структуру, политические и культурные традиции [1, с. 205–206]. По сути, это конструкция, когда этнические антрепренеры пытаются изменить восприятие большинства и идеологически обосновать образ финно-угра как образ «другого». Этот «другой» должен иметь совершенно иные культурные ценности. Не случайно и в Марий Эл, и в Мордовии, и в Удмуртии возрождается неоязычество как религия этих народов (в противовес христианству как чуждой религии).

Историческое и культурное мифотворчество стало важной составной частью идеологии этнонациональных движений. Миф, играющий инструментальную роль, обслуживает конкретные современные задачи, будь то территориальные претензии, требования политического самоопределения или сохранения культурного наследия. А чего стоят размышления об историческом героическом прошлом! Этноисторические мифы, связанные с «конструированием великого прошлого», построены по схеме оппозиции — «свой» — «чужой», где «свой» героизируется. По мнению ряда исследователей, время панналионалистских конструкций уходит. Мы знаем, что идеи панславизма и пангерманизма потеряли актуальность, панарабизм также доказал несостоятельность, а попытки реанимировать пантюркизм показывают, что подобные идеи не находят широкой поддержки, ибо не отражают реалий современного глобализированного мира.

Мы согласны с позицией Ю. П. Шабаева, утверждающего, что причина усиливающегося внимания этнонациональных лидеров к идеологической конструкции финно-угорского мира связана с очевидным кризисом этнонациональных движений, который признается многими их активистами. Идеология и практика движений вольно или невольно противопоставляла интересы титульного населения республик и округов интересам доминантного большинства, интересам развития гражданского общества и гражданской нации [1, с. 220–221]. По мнению авторов книги «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ), финно-угорский мир не является реальным сообществом, каковым его пытаются представить этнические антрепренеры и некоторые ассоциированные с ними исследователи. Этот конструкт есть типичный образец политического мифа, который может сыграть и созидательную роль. Но пока он воспринимается в большей мере как политический инструмент, и в этом отношении между всеми задействованными в процесс его конструирования сторонами достигнут негласный консенсус. Основные и наиболее знаковые события, демонстрирующие реальность «мира», организуются при политической поддержке местных и национальных властей и нередко обретают характер межгосударственных акций. На повседневной жизни людей сотрудничество в рамках финно-угорского мира никак не отражается, а потому конструкт не может быть принят и усвоен массовым сознанием. Но заинтересованных в сохранении мифа еще довольно много. Однако процессы глобализации и общеевропейской интеграции делают концепцию финно-угорского мира ограниченно востребованной, поэтому она все более ориентируется на российских потребителей [1, с. 216–217].

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что финно-угорский мир существует. Его можно рассматривать в контексте суперэтнического образования. Следовательно, суператнос как система (группа близкородственных этносов и отношений между ними — это реальность, поэтому, как и всякому этническому целому, суператносам присущ национализм. Другой вопрос: каков характер этого национализма? Чего в нем больше — элементов гражданского или этнического национализма? Будучи делегатом многих съездов и конгрессов финно-угорских народов, один из авторов данной статьи В. Ф. Кирдяшов, убеждается в мысли, что практически все финно-угорские народы России считают себя прежде всего гражданами нашей страны, а потом уже представителями того или иного этноса. Гражданами финно-угорского мира никто себя не называл. Но среди лидеров национальных движений финно-угорских народов есть ярые сторонники крайних форм этнического национализма, выражающегося в отрицании первичности гражданского национализма, обвиняющих великий русский этнос в геноциде финно-угорских народов не только в прошлом, но и в настоящем (на такой позиции стоят некоторые лидеры национального движения «Фонд спасения эрзянского народа» в Республике Мордовия).

Очевидно, что современная национальная политика должна учитывать, каким об-

разом соединять гражданские и этнические интересы, этничность и гражданство, ибо нация и национальность рассматриваются и как этничность, и как гражданство, т. е. они имеют как этнический, так и государственно-политический смысл. В условиях многонациональной России это равновесие должно поддерживаться государственной национальной политикой. Именно она должна обеспечивать гармонию этнонациональных и государственно-национальных интересов. Здесь нет никакого умаления роли и значения этнополитических движений и организаций. У них свои цели, но общее в их деятельности — это формирование гражданской нации и гражданского национализма, но не за счет ликвидации этносов, этнических движений. Разумеется, национальная политика государства не может не учитывать и интересы близкородственных народов, имеющих всемирные или федеральные общественно-политические организации. Имеются в виду не только финно-угорские, но тюркоязычные народы, народы Севера и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Шабаев Ю. П.** Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ) / Ю. П. Шабаев, А. М. Чарина. — СПб. ; М., 2010. — 309 с.

Поступила 13.07.11.

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ

А. В. Данилов

В статье рассматривается соотношение гражданской и этнической идентичности в общественном сознании населения Мордовии, по данным социологического опроса жителей Саранска. Исследуется общественное мнение о российском государстве.

В современных российских условиях, когда общегосударственное сознание только начинает складываться, имеет смысл использовать определение государственно-гражданской или национально-гражданской идентичности, предложенное Л. М. Дробижевой. Такая идентичность включает не только лояльность по отношению к государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм) [3, с. 10].

В марте 2011 г. нами было проведено пилотажное социологическое исследование гражданской идентичности россиян методом анкетирования. Опрошены 100 жителей Саранска старше 18 лет. Национальный и возрастной состав респондентов соответствует структуре жителей города. Исследование касалось нескольких аспектов проблемы. Во-первых, следовало определить, насколько сильны у населения те или иные идентичности (гражданские, этнические, религиозные), и выявить место гражданской идентичности в этой матрице. Для решения использовалась методика, предложенная польскими учеными К. Косалой совместно с М. Грабовской, Т. Шавелем и Е. Колбовской [1, с. 75], адаптированная нами для анкетного опроса. Во-вторых, необходимым представлялось выявление наличия связей и степени близости населения с определенными социальными группами, объединенными по признакам религиозной, этнической или гражданской общности. В-третьих, нужно было изучить образ россиян как единой нации и России как основы этой нации в сознании населения. Одной из основных гипотез нашего ис-

© А. В. Данилов, 2011

следования было определяющее значение российского государства в формировании гражданской идентичности населения. Проверяя это предположение, мы задали респондентам несколько вопросов о современном состоянии России в цивилизационном измерении. В-четвертых, мы хотели выявить наиболее важные интегрирующие и дезинтегрирующие факторы идентичности в сознании горожан.

Актуальность этнической идентичности. Первые два вопроса были направлены на определение того, является ли этническая идентичность определяющей, доминирующей для людей. Распределение ответов показывает, что только треть респондентов считают, что в настоящее время человеку обязательно нужно чувствовать себя частью какой-либо национальной группы. Если взглянуть на эти данные в зависимости от национальности, мы увидим, что наиболее «космополитичны» татары — 80,0 % опрошенных считают, что человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-либо национальной группы. Для русских и мордвы этот процент ниже и приблизительно одинаков — 55,7 % и 53,0 % соответственно.

Интерес представляет и анализ ответов в зависимости от возраста. В ходе исследования респонденты были разделены на три возрастные группы — молодежь (до 30 лет включительно), взрослое население (31—54 года для женщин и 31—59 — для мужчин) и люди старшей возрастной категории (55 лет и старше — для женщин, 60 лет и старше — для мужчин). Выяснилось, что от младшего возраста к старшему увеличивается доля респондентов, отметивших необязательность ощущения себя частью национальной группы: 50,0 % молодежи, 57,2 % взрослого населения и 61,5 % лиц старшего возраста. Лишь для четверти опрошенных их национальность имеет большое значение и для трети — некоторое. Около 40,0 % утверждают, что их национальность не имеет для них никакого значения.

Я-идентичности. «Я-идентичность» — условное название личностной самоидентификации. Подобная методика использовалась в международном российско-польском исследовании идентичностей, но тогда вопрос задавался в ходе интервью. Мы постарались максимально адаптировать его для анкетного опроса, чтобы ответ не вызывал трудностей у респондентов и в то же время показывал реальное положение вещей.

Прежде всего по результатам исследования мы можем сделать очень важный вывод: наиболее сильной идентичностью для респондентов оказалась гражданская. Абсолютное большинство (98 %), отвечая на вопрос: «Можете ли Вы сказать о каких-либо из перечисленных характеристик: „Это я"?» — отметили характеристику «россиянин». В том числе 89 % выбрали ответ «да» и 9 % — «скорее да».

Этнические идентичности в соответствующих национальных группах (вариант ответа «русский» для русского населения, «мордвин» для мордвы) также проявляются очень сильно: 95,0 % русских и 76,5 % мордвы ответили утвердительно. Кроме того, значительное число респондентов мордовской национальности — 20,6 % — отметили вариант «скорее да». Таким образом, в сумме получено 100 % положительных ответов у русских и 97,1 % — у мордвы. У татар этот показатель также равен 100 %, однако полностью утвердительно ответили лишь 60,0 % респондентов.

Следующей интересующей нас идентичностью выступили надпациональные общности, имеющие этническую природу: славянские, финно-угорские и тюркские народы. Здесь также имеет смысл брать распределения ответов только в зависимости от национальности респондента: вариант «славянин» — для русских, «финно-угр» — для мордвы и «представитель тюркских народов» — для татар. Наибольший процент был выявлен для русского населения: 55,7 % ответивших «да» и 18,0 % — «скорее да» в сумме дают 73,7 % положительных ответов на этот вопрос. Для мордвы этот показатель значительно ниже — 35,3 % ответов «да» и 20,6 % — «скорее да», всего 55,9 % положительных ответов. Татары относят себя к представителям тюркских народов еще реже: только пятая часть респондентов отвечают положительно.

В распределении по возрасту зафиксировано падение числа полностью утвердительных ответов («да») в старшей возрастной группе для характеристики «россиянин». Молодые люди и взрослое население показали примерно одинаковый результат — 90,6 % и 92,9 % ответов «да» соответственно, а вот в старшей возрастной группе этот показатель составил лишь 80,0 %. Соответственно, здесь выше доля тех, кто ответил «скорее да».

Ожидаемые соотношения результатов получены для характеристик «советский человек» и «гражданин мира». Мы предполагали, что они окажутся своеобразными полюсами: советское прошлое будет более значимым в старшей возрастной группе, а глобальное, космополитичное будущее — среди

молодежи. Действительно, лишь 18,0 % молодых людей выбрали положительный ответ для характеристики «советский человек», причем только 3,0 % определенно ответили «да». Среди взрослого населения получены 62,0 % положительных ответов (в том числе 35,7 % ответов «да»). В старшей возрастной группе 92,0 % положительных ответов (в том числе 69,0 % ответов «да»). Для характеристики «гражданин мира» распределение положительных ответов следующее: 62,5 % молодежи, 52,4 % взрослых и 20,7 % пожилых людей.

Мы-идентичности. «Мы-идентичность» — условное название групповых идентичностей. В этой сфере также наблюдается лидерство гражданской идентичности, хотя и не столь «бескомпромиссное», как для «Я-идентичностей». Большинство респондентов (76 %) отметили значительную связь с группой «россияне», еще 19 % — некоторую связь. Этнические идентичности рассмотрим для соответствующих этнических групп. Большинство русских (82 %) говорят о значительной связи со своим этносом, еще 18 % — о некоторой. В сумме это составляет 100 %. У мордвы эти показатели составляют соответственно 79, 18 и 97 %, у татар — 60, 40 и 100 %.

Таким образом, этнические идентичности являются значительным интегрирующим фактором для соответствующих этнических групп. Однако для всего общества таким фактором является только гражданская идентичность: сравним 76 %, отметивших значительную связь с россиянами и 69 % — с русскими, 36 % с мордвой, 8 % — с татарами. Поэтому ставка на этническую идентичность в государственной национальной политике означала бы в стратегической перспективе дезинтеграцию общества, его фрагментарность. Вместе с тем одним из интегрирующих факторов может стать русский народ, что связано не только с его исторической ролью в жизни страны, но и с преобладанием русских в структуре населения.

При анализе мы-идентичностей особый интерес представляют распределения ответов для общностей «славяне», «финно-угры», «тюркские народы» для соответствующих национальностей. Наибольшая степень идентичности выявлена у русских: значительную связь со славянами отмечают 46 % опрошенных. У мордвы этот показатель в полтора раза ниже — только 30 % отметили значительную связь с финно-уграми. Для татар этот показатель равен нулю. Однако если суммировать варианты «в некоторой степени» и «в значительной степени», получим следующие результаты: 70 % русских чувствуют связь со славянами, 80 % мордвы — с финно-уграми и 40 % татар — с тюркскими народами.

Российская государственность. Целью следующего блока вопросов было изучение мнения населения относительно вопросов, связанных с российской государственностью. Мы исходили из предположения, что российская государственность является одной из основ гражданской идентичности, следовательно, изучение образа России в сознании населения является важным направлением анализа гражданской идентичности. Первый вопрос этого блока касался предоставления самостоятельной государственности народам, проживающим на территории Российской Федерации. Мы наблюдаем возрастание частоты ответов от положительных к отрицательным: 8 % ответили «да, народы России должны иметь самостоятельную государственность», 15 % — «скорее да», 23 % — «скорее нет» и 49 % — «нет», 5 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Всего получены 23 % положительных ответов и 72 % — отрицательных. Продолжая тему, мы спросили респондентов, должны ли республики, входящие в Российскую Федерацию, иметь право выхода из нее. В результате мы получили четверть положительных (15 % «да» и 11 % «скорее да») и 68 % отрицательных ответов (22 % «скорее нет» и 46 % «нет»).

Следующий вопрос касался того, что представляет собой Россия в территориальном отношении. Подавляющее большинство респондентов (80 %) считают, что Россия — это вся территория Российской Федерации. Для оставшейся пятой части респондентов распределение следующее: 11 % опрошенных полагают, что Россия — это вся территория бывшего СССР (причем частота выбора этого ответа возрастает от младшей возрастной группы к старшей), всего 5 % уверены, что Россия — это территория Российской Федерации за исключением национальных республик в ее составе. Далее следовал один из наиболее фундаментальных вопросов всей российской истории: является ли Россия частью Западной или Восточной цивилизации или она представляет собой самостоятельную цивилизацию? К Западу Россию отнесли 5 % населения, к Востоку — всего 3 %. В самых популярных ответах Россия определялась как особенная, самостоятельная цивилизация. Половина респондентов уверены, что Россия — уникальное государство, особая православная цивилизация. Около трети опрошенных считают Россию

евразийской цивилизацией, объединяющей восток и запад.

Разумеется, мы не могли не спросить респондентов, каким они видят будущее России. В результате мы можем констатировать скорее оптимистичные настроения: только 9 % опрошенных полагают, что Россия обречена на распад. Существование России в нынешних границах в будущем прогнозируют 39 % опрошенных, почти столько же предвидят процесс объединения народов вокруг России. Примечательно, что самой пессимистичной группой является молодежь, а наиболее оптимистичной — пожилые люди.

Самоопределение россиян. Еще один блок вопросов касался самоопределения россиян. Во-первых, мы спросили, считают ли респонденты россиян единой нацией. В результате получены две трети положительных ответов и треть отрицательных. Существенных различий мнений в зависимости от возраста или национальности респондентов не зафиксировано. Большинство опрошенных (58 %) убеждены, что россиянином является тот, кто воспитан на российской культуре и считает ее своей, около половины (48 %) важным критерием отнесения к россиянам назвали любовь к России. Чуть более трети полагают, что россиянином можно считать тех, у кого есть российское гражданство, и чуть менее трети относят к россиянам тех, кто считает себя россиянином. На этот вопрос можно было дать несколько ответов.

Следующий вопрос был продолжением данной темы: мы спросили, является ли россиянином тот, кто родился и вырос в России, усвоил ее традиции и культуру, но в настоящее время постоянно проживает за рубежом. Здесь, на наш взгляд, тоже проявилась значимость российской культуры для респондентов: две трети опрошенных ответили на этот вопрос положительно, и только треть — отрицательно. Продолжая тему интеграции сообществ людей в единую гражданскую нацию, мы задали прямой вопрос: «Что более всего объединяет россиян?», на который можно было дать несколько ответов. Большинство (69 %) считают важнейшим интеграционным фактором русский язык. Около половины респондентов (49 %) отметили также общность территории, культурные традиции (50 %), общее прошлое настоящее и будущее (52 %), менталитет и национальный характер (47 %). Интеграционный потенциал в русском народе видят 33 % респондентов, в православии — 36 %. Остальные варианты ответов набрали 10 % и менее: общие друзья (8 %), общие враги (10 %), государственная символика (8 %), национальные лидеры: Президент, Председатель Правительства и т. д. (10 %).

Следующим был вопрос о том, что более всего разъединяет россиян. Вариантов ответа могло быть несколько. Подавляющее большинство респондентов (82 %) считают, что это — расслоение на богатых и бедных. По 48 % опрошенных отметили в качестве источников дезинтеграции общества падение уровня духовности и культуры и часто встречающуюся несправедливость, 40 % — невысокий авторитет властей. Чуть менее трети респондентов выделили в качестве таковых национализм и националистические настроения. Большую группу ответов выбрали 16—18 % опрошенных: это и огромные, мало связанные друг с другом территории, и приверженность разным религиям, и многонациональность, и политические взгляды и ориентации.

Таким образом, наиболее важные факторы и интеграции, и дезинтеграции находятся под относительным контролем общества и государства. Позитивное воздействие, содействие, поощрение первых и активная деятельность по уменьшению влияния вторых — такими должны быть не только основные направления национальной политики, но и всей внутренней политики государства в целом.

Эмоциональные аспекты идентичности. Одним из важных моментов идентичности является ее эмоциональное переживание. Это, с одной стороны, чувство близости, о котором мы уже говорили выше, с другой — чувство гордости или стыда за «своих». В первую очередь мы спросили, гордятся ли респонденты тем, что они — россияне. Подавляющее большинство (88 %) ответили положительно и только незначительная часть — отрицательно или затруднилась ответить. Далее мы попросили респондентов вспомнить, были ли за последнее время моменты или события, благодаря которым они испытывали гордость за свою страну, воодушевление, и попросили назвать их. Гордость за страну испытывают чуть более половины опрошенных. Основными событиями, вызвавшими положительные эмоции, были спортивные победы и достижения, получение права провести Олимпиаду-2014 в Сочи и чемпионат мира по футболу 2018 г. Такие ответы дали 70 % опрошенных. Еще одним событием, вызвавшим чувство гордости за страну, стал ввод войск в Южную Осетию для защиты мирных граждан — так ответили 11 %

опрошенных. Также указывались подписание договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, деятельность В. В. Путина и работа российских спасателей в стране и за рубежом.

Чувства стыда и разочарования последними событиями испытывают 58 % респондентов. Среди событий, вызвавших такие эмоции, чаще всего отмечались теракт в Домодедово, провалы в спорте, экономические проблемы с различными формулировками (инфляция, низкая заработная плата, обнищание населения, пугающий уровень расслоения общества на богатых и бедных), коррупционные скандалы. Отмечалось, но не так часто, что респондентов расстроили проект реформы образования, результаты выборов, гибель подводной лодки «Курск». Популярным ответом был «терроризм» без ссылок на последние теракты. Мы сознательно не стали объединять варианты «терроризм» и «теракт в Домодедове», так как первое — явление современной жизни, некий параметр эпохи, а второе — одно из его проявлений.

В завершение нашего исследования мы спросили о том, как изменилось российское общество за последние 4—5 лет: стало ли оно более сплоченным или разобщенным или же ничего не изменилось? Более половины опрошенных отметили, что российское общество сегодня менее солидарно, сплоченно, чем некоторое время назад. Противоположной точки зрения придерживаются лишь 10 %, а 21 % полагают, что за это время ничего не изменилось.

Обществу, наряду с национальной государственностью, является одной из основ гражданской самоидентификации, непосредственно гражданского самосознания. От социального самочувствия человека внутри этого общества напрямую зависит, будет ли индивид включен в единый процесс развития гражданской нации. Следствием невключения в общество-нацию больших социальных групп могут быть антагонизация классов, рост социальной напряженности и другие, еще менее приятные явления.

Говоря о гражданской идентичности не только как об универсальной для отдельно взятой страны, но и как об одной из основ современного мира, мы обязательно должны упомянуть о моменте некого единства всех «гражданских наций». Это единство заключается прежде всего в самой идее гражданства, а также в демократических ценностях. Это свобода и примат личности, неприкосновенность частной собственности, коллективная ответственность всех членов общества.

Если мы стремимся сконструировать «сверху» новую российскую идентичность — гражданскую, то обязательно должны позаботиться о том, чтобы она не выпадала из мирового процесса и Россия вновь не оказалась в изоляции. Возможно, идентичность советского человека была одним из самых лучших политических и социальных проектов, однако она во многом оставила Россию на задворках Нового мира, когда рухнула биполярная система. Чтобы найти общий язык, российскому народу и государству пришлось в срочном порядке изучать и усваивать западные нормы и ценности, реорганизовывать политическую, экономическую системы да и всю жизнь. Это процесс до сих пор не закончен, его завершенность в принципе трудно оценить, и именно это, на наш взгляд, является одной из основных причин медленного течения процессов гражданской консолидации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Данилова Е. Н.** Гражданские и этнические идентификации в России и Польше / Е. Н. Данилова // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России : сб. / отв. ред. В. С. Магун. — М., 2006. — С. 74—103.

2. **Кузнецова А. В.** Гражданский патриотизм — основа формирования новой российской идентичности / А. В. Кузнецова, Е. А. Кубышкая. — М. ; РИЦ ИСПИ РАН, 2005. — 328 с.

3. Российская идентичность в Москве и регионах / отв. ред. Л. М. Дробижева. — М. : Ин-т социологии РАН ; МАКС Пресс, 2009. — 268 с.

Поступила 13.07.11.

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ОСНОВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Г. П. Кулешова, Н. Н. Азисова

Статья посвящена актуальной проблеме изучения социального положения этнически разнообразных типов семьи в современном региональном социуме, ее материального благосостояния, социальной позиции и жизненных стратегий, что необходимо для развития эффективной семейной и национальной политики региона.

Социальное положение семьи в обществе – один из ключевых показателей уровня развития социума. От степени решения проблем, связанных с жизнедеятельностью, зависят социальный прогресс и общественная стабильность. В основе анализа оценки социально-экономического положения и адаптационного потенциала основных этнических групп населения Республики Мордовия лежат данные нескольких социологических исследований: «Гармонизация социальных отношений в Республике Мордовия» (1995, 1999, 2002); «Мониторинг системы социальной защиты населения в Республике Мордовия» (2002), «Городская семья в начале третьего тысячелетия» (2003) и «Семья в современном обществе» (декабрь 2010), что позволило авторам проследить динамику изменения изучаемых позиций. Проблема материального благосостояния семей Республики Мордовия рассматривалась с точки зрения следующих показателей: оценка экономического и финансового состояния своей семьи, среднедушевого дохода в сравнении с прожиточным минимумом, основные источники средств существования и перспективы изменения экономического и финансового положения в течение ближайшего времени.

Обобщенным показателем материального благосостояния семьи является понятие «жизненный уровень», или «достаток». По данным социологических исследований «Гармонизация социальных отношений в Республике Мордовия», при оценке экономического и финансового положения своей семьи в 1995 г. 52,6 % респондентов отметили, что оно не устраивает их совсем, в 1999 г. 58,8 % респондентов считали собственное материальное положение неудовлетворительным. По данным исследования 2002 г., число таких респондентов сократилось почти на 20,0 % и составило 37,2 %, а число опрошенных, которых отчасти устраивает собственное экономическое положение, увеличилось на 16,0 %. В 2010 г. респонденты отметили, что материальное положение семьи их вполне устраивает (9,8 %), скорее устраивает (40,9 %), скорее не устраивает (35,3 %), совершенно не устраивает (10,8 %).

С 1995 по 2010 г. делались определенные замеры оценки социально-экономического положения населения республики. Так, сравнивая результаты исследования «Семья в современном обществе» (2010) с предыдущими, необходимо отметить, что доля тех, кого совершенно не устраивает материальное положение семьи, заметно сократилась (58,8 % в 1999 г. против 10,8 % в 2010 г.). В 2002 и 2010 гг. наиболее недовольными своим финансовым положением были работники бюджетной сферы (43,4 и 44,6 % соответственно), рабочие промышленных предприятий (46,4 и 42,0 %), работники сельскохозяйственных предприятий (50,0 и 45,0 % соответственно). Среди них в равной доле представлены все национальности, проживающие в республике. Ответы респондентов, характеризующих денежный доход своих домохозяйств, в национальном разрезе отражены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов в соответствии с доходами, % (2002 г.)

Какие из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризуют Ваши денежные доходы?	Русские	Мордва	Татары	Определение
1	2	3	4	5
Денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать	1,6	2,6	–	«Состоятельные»

© Г. П. Кулешова, Н. Н. Азисова, 2011

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает у нас трудностей, однако покупка квартиры или автомашины нам сейчас недоступна	2,2	1,6	16,0	«Обеспеченные»
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	26,8	22,0	35,8	«Средне-обеспеченные»
Денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания	42,6	39,7	32,9	«Бедные»
Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг	24,8	31,5	15,3	«Нищие»
Затруднились ответить	2,0	2,6	–	

Исходя из анализа исследования видно, что среди респондентов русской и мордовской национальности около 4 % тех, кого можно отнести к категории состоятельных и обеспеченных, почти 25 % среднеобеспеченных и немногим более 40 % бедных. Необходимо отметить, что почти 50 % респондентов татарской национальности можно отнести к категории обеспеченных и среднеобеспеченных.

Что изменилось за прошедшие годы? Согласно результатам исследования 2010 г. для 25 % респондентов беспроблемна покупка товаров длительного пользования, а 50 % отметили, что располагают денежными средствами, достаточными для приобретения необходимых продуктов и одежды. Таким образом, можно говорить о значительном улучшении материального и финансового положения домохозяйств республики. Оценка материального благосостояния основных этнических групп республики заметно изменилась (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов в соответствии с доходами, % (2010 г.)

Какие из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризуют Ваши денежные доходы?	Русские	Мордва	Татары	Определение
1	2	3	4	5
Денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать	5,7	2,3	–	«Состоятельные»
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает у нас трудностей, однако покупка квартиры или автомашины нам сейчас недоступна	23,3	26,1	29,0	«Обеспеченные»
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать	45,3	56,8	54,8	«Средне-обеспеченные»
Денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания	18,9	9,1	9,7	«Бедные»
Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг	3,1	3,4	–	«Нищие»
Затруднились ответить	3,8	2,3	6,5	

Необходимо отметить, что татарские семьи не относили себя к состоятельным ни в 2002, ни в 2010 гг., в то время как число обеспеченных среди них немного выше. Если в 2002 г. почти 75 % опрошенных по субъективным оценкам считали себя бедными или нищими, то в 2010 г. этот показатель уменьшился в несколько раз. Что касается татар-

ских семей, то среди них нет относящих себя к категории нищих, т. е. тех, кому денег не хватает даже на покупку продуктов питания. Социальный состав бедных представлен в основном рабочими, колхозниками, служащими и пенсионерами всех национальностей.

Сравнивая денежные доходы респондентов по данным исследований «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия», проведенных в 1995, 1999, 2002 и 2010 гг., необходимо отметить, что происходит дальнейшая дифференциация населения по имущественному признаку. Увеличивается число респондентов, которых можно отнести к людям с высоким и средним достатком, и число респондентов с достаточно низкими доходами. Также было выявлено некоторое несоответствие доходов опрошенных и их субъективной оценки: 8,3 % зажиточных респондентов считают среднедушевой доход своей семьи ниже прожиточного минимума, а около 2 % «бедных» — наоборот, значительно выше этого уровня. Это говорит о завышенности (или о заниженности) потребностей. В целом же оценка среднедушевого дохода соответствует структуре указанных доходов респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами среднедушевого дохода в сравнении с прожиточным минимумом, % (2002 г.)

Критерий оценки	Русские	Мордва	Татары
Значительно выше	6,2	6,5	7,0
Равен	19,5	11,8	26,8
Ниже	41,0	47,4	37,0
Значительно ниже	29,6	29,8	28,1
Затрудняюсь отметить	3,6	6,5	3,1

В ходе исследования выявлена особенность: среди респондентов довольно распространено представление о прожиточном минимуме как о таком уровне доходов, который обеспечивает только физическое выживание. Такого мнения придерживаются более 25 % респондентов каждой национальности (табл. 4).

Таблица 4

Определение респондентами прожиточного минимума, % (2002 г.)

Критерий оценки	Русские	Мордва	Татары
Это уровень доходов, обеспечивающий человеку только физическое выживание	26,9	27,0	28,7
Это уровень доходов, обеспечивающий человеку скромное, но более или менее приличное существование	29,5	24,3	29,4
Это уровень доходов, обеспечивающий человеку нормальное, безбедное существование	39,0	36,5	38,7
Затрудняюсь ответить	4,6	12,2	3,2

Отвечая на вопрос об изменении уровня доходов за последний год, в 2010 г. 40,2 % респондентов отметили, что он не изменился, 28,9 % считают, что он понизился, 22,7 % — вырос, 8,2 % — затруднились ответить. Распределение ответов в национальном разрезе показано в табл. 5.

Таблица 5

Распределение оценки изменения уровня доходов, % (2010 г.)

Вариант ответа	Русские	Мордва	Татары	Другие национальности
Выросли	20,9	21,8	30,0	25,0
Снизились	26,5	31,0	23,3	50,0
Не изменились	41,8	39,1	40,0	—
Затрудняюсь ответить	8,9	8,0	6,7	25,0

В ходе нашего исследования были получены интересные результаты о связи стратегий выживания и уровня материального благосостояния. Более активные стратегии адаптации к новым экономическим условиям используют респонденты с хорошим материальным достатком: более половины из них используют любую возможность подработать, трудятся в нескольких местах, занимаются торговлей. Использование более активных стратегий населением принесло положительные результаты, что в целом сказалось на уровне материального благосостояния этнических групп. Респонденты с более низким материальным достатком ориентируются на пассивные стратегии выживания: берут деньги в долг, получают помощь от родственников, продают накопленные сбережения, работают на даче, чтобы обеспечить себя продуктами питания.

Надо отметить, что в 2002 г. стратегии самозащитного поведения, которыми наименее обеспеченные представители всех национальностей пользовались для улучшения личного материального положения, оказались более разнообразными, чем стратегии остальных групп населения. Эти стратегии содержали больше пассивных или деструктивных действий, активные и конструктивные действия встречались реже. Важную роль в определении статусной позиции индивида и выборе тех или иных стратегий выживания имели ресурсы, находившиеся в его расположении (табл. 6).

Таблица 6

Действия, предпринятые для улучшения материального положения (% от общего числа респондентов), 2002 г.

Стратегия поведения	Состоятельные	Обеспеченные	Среднеобеспеченные	Бедные	Нищие
1	2	3	4	5	6
Использую любую возможность подработать	50,0	61,5	31,0	21,3	27,3
Много работаю на даче, обеспечиваю себя некоторыми продуктами питания	—	7,7	38,8	50,7	50,4
Работаю в нескольких местах	25,0	7,7	1,6	—	—
Вынужден(а) занимать деньги	—	—	3,1	6,3	14,4
Продаю накопленные сбережения	—	—	—	1,4	2,2
Получаю помощь от родителей, детей	—	—	7,0	7,2	2,2
Ничего не предпринимаю	—	—	6,2	5,3	2,2
Занимаюсь мелкой торговлей	25,0	7,7	1,6	—	—
Сдаю внаем недвижимость	—	—	—	1,0	—

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6
Распродаю имущество	—	—	—	—	—
Продаю выращенные на даче продукты	—	—	—	—	—
Больше обслуживаю себя сам(а)	—	7,7	9,3	5,8	3,6

Такие неэффективные стратегии поведения, как трата сбережений и распродажа имущества, распространены не очень широко, однако все же встречаются у наименее обеспеченных респондентов. Например, тратили сбережения 1,4 % бедных и 2,2 % нищих респондентов. С учетом совокупности всех факторов, в том числе душевого дохода, накопленного имущества, можно сказать, что это люди, обедневшие в последнее время, т. е. «новые бедные». Не случайно $^2/_3$ из них отметили, что их материальное положение за последний год ухудшилось. Такая позиция, как «доходы от сдачи имущества в аренду», становится более популярной в 2010—2011 гг., чем в 1999 или 2002 гг. Причем предпочитают сдавать в аренду имеющееся имущество все без исключения представители этнических групп. В ходе исследования мы попытались определить основные источники доходов респондентов. Ответы показаны в табл. 7.

Таблица 7

Основные источники средств существования респондентов, %

Источник средств существования респондентов	Русские	Мордва	Татары
Заработная плата на основном месте работы	62,4	72,7	53,2
Доходы от другой трудовой деятельности	1,3	2,6	10,0
Государственное пособие	1,6	1,3	3,1
Пенсия	24,1	13,5	24,9
Алименты	—	4,3	—
Доходы от индивидуальной трудовой деятельности	2,3	1,3	3,1
Личное подсобное хозяйство	1,9	3,3	6,2
Случайные (временные) заработки	1,6	2,6	—
Стипендия	4,2	—	—

Подавляющее большинство респондентов, как видно из табл. 7, имеют фиксированные доходы: заработную плату, пенсию, стипендию, государственное пособие. Однако необходимо отметить, что 10,0 % респондентов татарской национальности, кроме основного места работы, имеют доходы от другой трудовой деятельности. Среди русских таких 1,3 %, среди мордвы — 2,6 %. Индивидуальной трудовой деятельностью занимаются 3,1 % опрошенных татарской национальности, 2,3 % русской и 1,3 % мордовской национальности.

Абсолютное большинство населения России ориентировалось на пассивные формы самозащиты в период перехода к рыночным отношениям. По данным социологического исследования, более 70 % респондентов не были ориентированы на активную социально-экономическую защиту. При ответе на вопрос: «Какими способами Вы пользуетесь для решения своих социально-экономических проблем?» — ответы по национальным группам распределились следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Способы решения социально-экономических проблем населением, % (2002 г.)

Вариант ответа	Русские	Мордва	Татары
Использую любую возможность подработать	29,4	35,1	45,6
Много работаю на даче, обеспечиваю себя некоторыми продуктами питания	42,6	35,2	30,1
Работаю в нескольких местах	0,6	1,2	5,9
Вынужден(а) занимать деньги	6,8	5,5	3,1
Продаю накопленные сбережения	0,3	0,2	–
Получаю помощь от родителей, детей	6,1	3,6	–
Ничего не предпринимаю	5,2	2,0	–
Занимаюсь мелкой торговлей	1,0	5,2	12,1
Сдаю внаем недвижимость	0,3	–	–
Распродаю имущество	–	–	–
Продаю выращенные на даче продукты	–	5,2	3,0
Больше обслуживаю себя сам(а)	6,5	5,5	–

Для русских чаще, чем для других национальных групп, характерна ориентация на пассивные формы адаптационного поведения. Они в большей степени надеются на участие в общественном производстве, государственную, общественную помощь, социальные программы, благотворительность, а также на семейно-локальные средства самозащиты (личное подсобное хозяйство, дачный участок и др.). В большинстве своем они не сориентированы на активную социально-экономическую защиту.

Использование активных форм социально-экономического поведения в большей степени характерно для представителей татарской национальности, 45,6 % из которых используют любую возможность подработать, более 10,0 % занимаются торговлей и почти 6,0 % работают в нескольких местах.

Одним из показателей материального благосостояния являются расходы на продукты питания. Результаты исследования показывают, что каждый четвертый респондент тратит на питание более половины доходов, каждый третий — почти все, каждому десятому денежных средств не хватает на питание. Менее половины семейного бюджета расходуют на питание только $^{1}/_{10}$ часть опрошенных.

Почти $^{2}/_{3}$ респондентов постоянно экономят на продуктах питания, стараются покупать дешевые, $^{1}/_{10}$ респондентов питаются очень скудно, им часто бывает нечего есть. Среди тех респондентов, кто хорошо питается, 40,4 % татар и около 30,0 % русских и мордвы. Экономят на продуктах питания немногим более половины представителей каждой национальности (табл. 9).

Таблица 9

Оценка респондентами качества питания, %

Оценка	Русские	Мордва	Татары
1	2	3	4
Ем все, что нравится	5,8	5,3	–
Хорошо питаюсь, но не могу покупать дорогие продукты	27,1	28,9	40,4

Окончание табл. 9

1	2	3	4
Экономлю на продуктах питания, стараюсь покупать дешевые	53,5	53,9	50,3
Питаюсь скудно, часто бывает нечего есть	11,6	9,2	9,3
Затрудняюсь ответить	1,9	2,6	—

В условиях социально-экономической трансформации российского общества возросла возможность различных «жизненных рисков». Каждый индивид по-своему реагирует на подобные негативные изменения, реакция может быть более или менее пассивной. Более того, начальные условия такой реакции могут быть различными: у людей могут или не могут быть друзья или родственники, к которым можно обратиться за помощью в трудной ситуации. За помощью же к институтам можно обращаться или не обращаться в зависимости от их наличия и доверия к подобным учреждениям. В ходе исследования мы попытались выяснить, каким образом люди на практике справляются с ухудшением положения.

В оценках достижения социально-экономической устойчивости, жизненных перспектив отражается общая социальная неустроенность людей в нашем обществе, их неуверенность в завтрашнем дне. Наблюдения показали, что в 2002 г. жители Республики Мордовия были настроены достаточно пессимистично. Более половины опрошенных русской и мордовской национальности отметили, что не видят перспектив изменения жизненной ситуации к лучшему. Наиболее оптимистично настроенными оказались представители татарской национальности. Среди них почти половина респондентов надеются на лучшее и уверены, что сумеют стабилизировать свое экономическое положение (табл. 10).

Таблица 10

Оценка респондентами жизненных перспектив, % (2002 г.)

Определение	Русские	Мордва	Татары
Обрел социально-экономическую стабильность	4,5	5,3	6,2
Надеюсь на лучшее и уверен, что сумею стабилизировать свое экономическое положение	39,4	26,3	47,5
Не вижу перспектив изменения жизненной ситуации	56,1	68,4	46,3

Исследователи отмечают, что адаптационный потенциал отдельных сельских семей тормозится неприятием рыночных условий, патерналистской ориентацией, отсутствием собственной активности, опущением безысходности и безразличия [1]. К дезадаптированным семьям (по указанным признакам) относят примерно 10—12 % сельских семей, а к крайне слабо адаптированным — более 20 %. Для большинства сельских семей характерна вынужденная адаптация как средство выживания. Ориентация на собственные силы часто свидетельствует не о более успешной адаптации, а о разочаровании в государстве и других социальных институтах.

Для диагностики социально-психологического состояния членов общества важное значение имеет информация о конкретных действиях, которые они готовы предпринимать для улучшения материального положения при отсутствии социальной поддержки со стороны государства, органов социальной защиты.

Как показывают социологические исследования 1999—2010 гг., уменьшилось число респондентов, которые в преодолении жизненных затруднений полагаются прежде всего на себя. Число пассивно настроенных людей, которых ожидают изменений, не проявляя какой-либо собственной активности, выросло на 8 %. Доля тех, кто связывает решение собственных проблем с изменением характера государственной власти, также увеличилась. В 1999 г. она составляла 4,4 %,

в 2002 — 7,5, в 2010 г. — 15,0 %. Наиболее пассивны представители русской и мордовской национальности. Среди них наибольшее число ответивших, что в условиях недостаточной социальной защищенности они ничего предпринимать не будут, т. е. выберут пассивную стратегию выживания (соответственно 20,4 и 28,9 %) (табл. 11).

Таблица 11

Действия, предпринимаемые респондентами в условиях недостаточной социальной защищенности, %

Предполагаемое действие	Русские	Мордва	Татары
Буду пытаться решить все проблемы, не дожидаясь помощи государства	54,0	50,0	63,8
Мне нужна помощь только в трудоустройстве	7,4	10,5	9,4
Буду требовать через суд помощи от государства, реализации своих прав	3,2	1,3	3,1
Приму участие в референдуме, выборах для отмены этой государственной власти	5,8	2,6	6,3
Войду в любое движение и поддержу любую партию, которая выражает интересы малообеспеченных слоев населения	9,1	6,6	6,3
Ничего предпринимать не буду, буду ждать	20,4	29,8	14,4

Использование естественных источников помощи также является показателем уровня социальной самозащиты. Понятие «естественные источники помощи» включает в себя взаимоотношения между родственниками, друзьями, соседями и знакомыми, которые являются основой социального устройства общества. Ответы на вопрос: «К кому бы Вы обратились за помощью в трудной жизненной ситуации?» — показаны в табл. 12.

Таблица 12

Выбор источника помощи в трудной жизненной ситуации, %

Вариант ответа	Русские	Мордва	Татары
Надеюсь только на себя	53,0	53,2	65,2
Родственники	34,1	35,4	28,1
Соседи	1,3	2,6	–
Друзья	5,5	1,5	3,1
коллеги по работе	0,6	–	–
Общественные организации	–	–	–
Религиозные организации	0,3	–	3,1
Представители местной власти	0,6	3,8	–
Руководство организации	0,3	2,6	–
Благотворительные организации	–	–	–
Учреждения системы социальной защиты	2,3	2,6	3,1

Итак, более половины респондентов каждой национальности ответили, что надеются только на себя, около 40 % в случае трудной жизненной ситуации обратились бы за помощью к ближайшему социальному окружению, т. е. «естественным источникам помощи».

Оказание помощи — процесс не односторонний: здесь присутствуют как минимум два добровольных участника — тот, кто оказывает помощь и тот, кому ее оказывают. Табл. 13 поможет оценить отношение к восприятию помощи людьми разных национальностей и готовность ее оказать.

Почти половина опрошенных отрицательно относятся к принятию помощи. Это может быть рассмотрено как своеобразная стратегия поведения, которая направлена на защиту от ложного унижения. Однако около 80 % респондентов готовы оказать помощь другим в трудной жизненной ситуации.

Таблица 13

Отношение респондентов к принятию помощи, %

Вариант ответа	Согласен(а)			Не согласен(а)		
	русские	мордва	татары	русские	мордва	татары
Если Вы зависите от помощи других людей, они обычно меньше Вас уважают	45,0	46,1	59,4	55,0	53,9	40,6
Когда кто-то предлагает Вам помощь, в большинстве случаев это не соответствует его реальным намерениям	43,4	44,7	53,1	56,6	55,3	46,9
Если бы люди крепче стояли на собственных ногах, всем было бы лучше	93,9	89,5	93,8	6,1	10,5	6,3
Я обычно сам(а) справляюсь со своими проблемами, не люблю по этому поводу беспокоить семью	67,9	69,7	81,3	32,1	30,3	18,8
Если Вы обратитесь за помощью, это может заставить людей думать о Вас хуже	24,3	30,3	19,4	75,7	69,7	80,6

Нам было необходимо узнать, что в настоящее время осложняет жизнь семей различных этнических групп в Республике Мордовия. Распределение ответов не взялось неожиданным: людей по-прежнему беспокоят низкие доходы (48,1 %), что говорит об увеличивающейся экономической дифференциации населения («бедные беднеют, богатые богатеют»); опасение потерять работу (29,0 %); бытовые трудности (27,6 %) и вследствие всего этого — усталость, переутомление (26,6 %). На безысходность и отсутствие перспектив в жизни указали 10,9 % населения.

Таким образом, социально-экономическая дифференциация населения в Республике Мордовия продолжает увеличиваться. Перераспределение общего объема денежных средств складывается в пользу высокодоходных групп населения. Выросли такие показатели уровня жизни, как средняя начисленная заработная плата, среднедушевой и реальный денежный доход, соотношение среднедушевого денежного дохода к величине прожиточного минимума, покупательная способность. Все это говорит о повышении уровня жизни населения. Однако это повышение затрагивает только часть населения, другая часть же населения республики (бюджетная сфера, пенсионеры, студенты и др.) находится в довольно сложном финансово-экономическом положении. Произошло заметное изменение структуры доходов большинства населения Республики Мордовия, и значительная часть доходов сегодня может быть отнесена к результатам самообеспечения. Немалую часть семейного бюджета для значительной доли населения составляют дополнительные заработки, доходы от временной работы, натуральное самообеспечение с подворий, огородов, садовых участков, учет которых в доходах сильно затруднен). Такому самообеспечению населения необходимы содействие государства, его помощь и защита.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Холостова Е. И.** Сельская семья и социальная работа / Е. И. Холостова, Е. М. Черняк, Г. Н. Чулина. — М. : Дашков и К°, 2005. — 240 с.

Поступила 13.07.11.

МЕСТО И РОЛЬ ТАТАРСКОЙ СЕМЬИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Н. Н. Азисова

В статье рассматриваются место и роль татарской семьи в условиях современной полиэтничной среды региона. Несмотря на то что татарская семья представляет в целом российскую семью, наблюдаются особенности в ценностных ориентациях, установках, традициях.

Родство и семья — неразрывные социальные институты, служащие важнейшим стержнем построения человеческой культуры, своеобразным механизмом передачи сострадания, взаимопонимания, взаимопомощи. Через них воспринимаются традиции и обычаи, многовековой опыт преемственности и сохранения культурного постоянства, т. е. реализуется закон социального детерминизма.

Татары как этническая группа с древних времен проживают на территории Республики Мордовия и являются коренным народом, их численность, по данным переписи 2002 г. составляет 46,3 тыс. чел. — 5,2 % от общего числа населения региона. Население Республики Мордовия полиэтнично, а отношения между этносами на протяжении веков (в 2012 г. в Республике Мордовия пройдут праздничные мероприятия, посвященные 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства) складывались как дружеские и добрососедские.

В Мордовии татары издавна проживали компактно в более чем 130 сельских населенных пунктах. Их численность отмечалась во всех переписях населения. Традиционными занятиями татар Мордовии были пашенное земледелие, скотоводство, охота, бортничество. Землевладение и землепользование были общинными: пахотные земли, луга и леса распределялись между отдельными хозяйствами, как правило, по числу мужчин. Преобладала трехпольная система земледелия. Возделывали в основном рожь, овес, ячмень, яровую пшеницу, просо, полбу, гречиху, горох, чечевицу, лен, коноплю. Разводили лошадей, коров, овец, коз, кур, гусей, уток. Подсобными являлись пчеловодство, рыболовство, охота, садоводство и огородничество (выращивали лук, морковь, свеклу, тыкву, редьку, в отдельных хозяйствах — огурцы, капусту, томаты; с середины XIX в. основной огородной культурой стал картофель). Как и другие народы края, татары осваивали различные ремесла и промыслы, в том числе кожевенный, ювелирный и золотошвейный. С XVIII в. занимали ведущее место в торговле. В одежде татар, как и во всей материальной культуре, сочетались традиции степных кочевников и оседлых народов. В пище татар преобладали мучные и мясо-молочные изделия.

Изучение татарского населения Мордовии началось с середины XX в. В 1955—1965 гг. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова (Казань) проводил на территории республики фольклорную, диалектологическую и этнографическую экспедиции. Анализировать жизнедеятельность татарской семьи в той или иной степени можно, базируясь на результаты опроса Научно-исследовательского института регионологии «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1994—2008). Конкретных социологических исследований по татарам, в том числе татарской семье, в рес-

© Н. Н. Азисова, 2011

публике не проводилось. Недостаточна информация в целом по характеру семейных взаимоотношений: мотивы вступления в брак и создания семьи, репродуктивные ориентации, положение мужа и жены, распределение обязанностей, семейные ценности, причины разводов и другая важная информация. Этим и обусловлен выбор темы нашего исследования.

В декабре 2010 г. в Республике Мордовия автором проведен анкетный опрос «Семья в современном обществе», в котором участвовали 400 семей. Сбор первичной социологической информации осуществлен с помощью очного анкетирования. Такой выбор продиктован возможностью получения социально значимой информации от довольно большой группы людей в сжатые сроки. В ходе опроса приняли участие 57 % русских, 31 % мордовских, 10 % татарских семей и 2 % семей других национальностей, 65 % из которых проживают в городах и 35 % — в сельской местности, что в целом соответствует этнической структуре и территориальной локализации населения республики. В опросе участвовали как молодые семьи, так и семьи, прожившие в браке более 20 лет (до 1 года — 14,1 %; от 1 года до 5 лет — 29,0, 6—10 лет — 11,2, 11—20 лет — 21,2, более 20 лет — 24,5 %. Для полного представления о современной татарской семье Мордовии нами рассматривались ее состав, образование членов семьи, материальное положение, состояние в браке, репродуктивные установки, характер семейно-родственных отношений, установки на семейные ценности, а также роль и место в этнокультурном пространстве региона.

Профессиональный состав татарских семей пестрый: 25,8 % — работники коммерческих организаций; 16,1 % — работники производственных предприятий; 12,9 % — работники бюджетной сферы; 12,9 % — инженерно-технические работники; 6,5 % — работники правоохранительных учреждений и военнослужащие; 6,5 % — индивидуальные предприниматели, фермеры; 3,5 % — руководители и заместители руководителей организаций и структурных подразделений и др. Мужчины чаще заняты в сфере коммерции и индивидуального предпринимательства, женщины — в бюджетной и производственной сферах. Уровень образования супругов достаточно высок, хотя и различается. Высшее образование имеют 58,0 % женщин (для сравнения — 50,0 % русских и 51,0 % мордвы) и только 36,0 % мужчин (39,6 и 30,5 % соответственно). Среди мужчин распространено среднее специальное (32,3 %) и начальное профессиональное (19,4 %) образование, а среди женщин — среднее специальное (25,8 %) образование. Высокий уровень образования во всех основных этнических группах, скорее всего, обусловлен наличием большого количества вузов в республике.

Постсоветский период развития российского общества характеризуется быстрым расслоением общества, причем дифференциация доходов становится все более значительной. Продолжается расслоение общества на небольшую группу богатых, средних и значительную часть бедных. Объективные показатели материального положения семей часто не совпадают с их субъективными самооценками и возможностями решать личные проблемы. Поэтому очень важно знать, как семьи оценивают собственное материальное положение, какими источниками пользуются для решения возникающих проблем. Ответы на данный вопрос показаны в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов в соответствии с доходами, % (2010 г.)

Вариант ответа	Русские	Мордва	Татары	Категория
1	2	3	4	5
Денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать	5,7	2,3	—	«Состоятельные»
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает трудностей, однако покупка квартиры или автомашины сейчас недоступна	23,3	26,1	29,0	«Обеспеченные»

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	45,3	56,8	54,8	«Среднеобеспеченные»
Денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания	18,9	9,1	9,7	«Бедные»
Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг	3,0	3,4	–	«Нищие»
Затрудняюсь ответить	3,8	2,3	6,5	

По собственным оценкам опрошенных семей, состоятельных среди них в среднем менее 4,0 %, причем русских семей в два раза больше, чем мордовских. Татары же себя к числу состоятельных граждан вообще не отнесли, вероятно, в силу природной сдержанности или в силу причины не казаться «богаче других».

Анализ доходов семей различных этнических групп показал несколько иную картину по сравнению с субъективными самооценками респондентов. Так, семьи с доходами менее 10 тыс. руб. (находящиеся за чертой бедности) в исследуемой совокупности составляют 13,6 %. Следует отметить, что существует тенденция к сокращению числа бедных и увеличению числа более обеспеченных семей, о чем свидетельствуют данные табл. 2. Как видим, доходы татарских семей в совокупности практически не отличаются от доходов других этнических групп.

Таблица 2

Совокупный доход семьи за последний месяц, %

Вариант ответа	Все семьи	Русские	Мордва	Татары
До 5 000 руб.	4,0	4,3	1,9	5,0
От 5 001 до 10 000 руб.	9,6	10,6	9,3	5,0
От 10 001 до 20 000 руб.	52,5	51,0	50,0	65,0
От 20 001 до 30 000 руб.	24,9	21,3	33,2	20,0
От 30 001 до 50 000 руб.	7,3	9,6	5,6	5,0
Выше 50 001 руб.	1,7	3,2	–	–

Ответы на вопрос: «Кто в вашей семье зарабатывает больше?» показаны в табл. 3.

Таким образом, можно сделать вывод, что во всех семьях сохраняется положение, где мужчина является основным добытчиком семьи и его доходы гораздо выше, чем у жены.

Таблица 3

Распределение доходов в зависимости от пола, %

Вариант ответа	Все семьи	Русские	Мордва	Татары
Жена	8,6	9,0	6,3	3,7
Муж	70,4	66,5	74,7	77,8
Оба в равной степени	16,9	19,3	15,8	14,8
Затрудняюсь ответить	4,1	5,2	3,2	3,7

Абсолютное большинство семей, принимавших участие в опросе (88,0 %), состоят в официально зарегистрированном браке. Самая большая доля семей, живущих в официальном браке, — среди татар (96,8 %), на втором месте — мордва (94,3 %), на третьем — русские (84,3 %), среди представителей не основных этнических групп таковых половина. Несмотря на эмансипацию современных женщин, данная цифра стабильно держится последние годы. Лишь чуть более 10,0 % всех семей предпочитают не узаконивать отношения (15,7 % русских, 5,7 % мордвы и 3,2 % татар). По этническому составу татарская семья неоднородна. Из всех опрошенных семей 77,0 % отметили, что их брак межнациональный, в 13,0 % семей жена — русская, в 10,0 % — мордовка. Это свидетельствует о том, что татары традиционно предпочитают брак с представителями своей национальности, что наблюдается на протяжении всего изучаемого периода. Среди исследуемых групп большинство (91,0 %) указали на первичность их брачного союза: 89,6 % русских, 92,9 % мордвы и 96,8 % татар.

Идеальным возрастом вступления в брак для девушки 57,6 % респондентов считают 18—23 года, в то время как 40,4 % опрошенных назвали возраст от 24 до 28 лет. Идеальным возрастом для жениться мужчины 70,0 % участвующих в опросе назвали от 24 до 28 лет. Сохраняется стереотип, характерный для традиционной патриархальной семьи, что мужчина — добытчик, хозяин, поэтому, вступая в брак, он должен иметь как минимум хорошее образование и стабильную работу, соответственно и материальный достаток для содержания семьи.

Понятия женского идеального возраста в семьях разных этнических групп не совпадают. Как и сотни лет назад, татары предпочитают более молодых невест (71,0 %), в то время как среди них нет идеализирующих более старший возраст невесты (старше 29 лет). По идеальному возрасту мужчин этнические особенности не выявлены. В ответе на вопрос о смене фамилии невестой большинство представителей всех этнических групп (74,0 %) практически солидарны: женщина, выходя замуж, должна взять фамилию мужа. Так и поступили большинство (70,0 %) женщин.

В Республике Мордовия демографическая ситуация характеризуется сложными количественными и качественными изменениями численности, состава и воспроизводства населения. Высокая смертность и ухудшение здоровья привели к сокращению продолжительности жизни, а соответственно и численности населения. По предварительным результатам переписи населения 2010 г., с 2002 г. численность населения сократилась на 54 тыс. чел.

Несмотря на все усилия государства, неблагоприятной остается ситуация с рождаемостью, хотя некоторые положительные сдвиги за последние пять лет наметились. Как и в зарубежных государствах, часть молодых семей в Мордовии сегодня сознательно откладывают рождение не только второго, но даже первого ребенка. Из общего числа опрошенных семей 75,0 % указали на наличие детей: 35,0 % имеют одного, 34,0 % — двоих, 6,0 % — троих и более детей.

Ценности семьи уникальны. Большинство из них воспроизводятся и реализуются в основном в сфере брачно-семейных отношений. Например, всю глубину и полноту таких ценностей, как материнство, отцовство, детство, родство, человек способен понять и воплотить только будучи членом семьи. Вне семьи испытать эти ценности в полной мере ему не дано.

Совершенно необходимыми для создания семьи, по мнению опрошенных, являются (ответы ранжированы по степени убывания):

— любовь (81,5 %);
— уровень доходов (53,7 %);
— согласованность семейных и личных планов (45,3 %);
— жилье (41,9 %).

Опыт совместного быта (6,4 %) и сексуальных отношений (8,7 %) имеет значение для очень малого числа респондентов. Татарские семьи данные позиции не отмечали. Чуть более четверти татарских семей признавали необходимость общей культуры и уровня образования. Представители других национальностей (4,4 % русских и 5,7 % мордвы) практически не обращали на это внимания. Семья как социальный институт и ее члены используют далеко не все возможности: только часть ценностей воплощается в жизнь. Данный процесс сопровождается постоянно возникающими сложностями, многообразными преградами и издержками.

Вопрос о том, чем лучше руководствоваться при вступлении в брак — рассудком или чувствами, — для респондентов является неоднозначным. Приверженцев как одной, так и другой точки зрения практически поровну (47,8 и 45,5 % соответственно), 7,0 % семей затруднились ответить. По отношениям в семье можно судить о качестве других семейных сфер ценностей. Прерывистые, конфликтные отношения сопровождают неустоявшиеся или недостигнутые супругами цен-

ности. Наоборот, ровные и гибкие творческие отношения присущи тем семейным парам, которые в своей деятельности воплотили желаемые ценности. Через отношения начинает формироваться система ценностей семьи, точно так же ценности формируют всю структуру отношений. Поэтому при изучении ценностных ориентаций отношения всегда представляют особый интерес.

Удовлетворенность семейными отношениями в той или иной степени выразили 84,9 % респондентов (48,3 % вполне удовлетворены, 36,6 % скорее удовлетворены). Причем мужчины удовлетворены больше (93,5 %), чем женщины (81,6 %). Это объясняется тем, что женщина предъявляет больше требований к себе, детям и семье и чаще выражает недовольство. К сожалению, как показывают исследования, современные мужчины реже бывают дома и меньше участвуют в воспитательном процессе.

В русских и мордовских семьях семейные отношения устраивают одинаково 84,0 % женщин. Что касается степени удовлетворенности другой половины семьи, то картина также практически одинакова: 83,6 % русских и 87,3 % мордовских мужчин удовлетворены семейными отношениями. В татарских семьях удовлетворены отношениями в семье 100 % мужчин и 96,0 % женщин. Как показывают наблюдения, татарские женщины более терпеливы, большинство из них воспитаны в традициях, когда мужчина — глава семьи и основной добытчик. На наш взгляд, поэтому удовлетворенных семейными отношениями среди респондентов татарской национальности значительно больше. Описывая отношения в семье, мужчины и женщины характеризуют их неодинаково. Так, мужчины дают более положительную характеристику и менее склонны к идеализации семейных отношений. Иногда женщинам кажется, что они разговаривают с мужьями на разных языках, поэтому логична и оценка семейных отношений: среди мужчин (6,6 и 17,2 % соответственно) практически в три раза меньше утверждающих о непонимании друг друга (табл. 4).

Таблица 4

Субъективная оценка респондентами семейных отношений, %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Мы очень хорошо ладим друг с другом	27,6	19,7
Мы находим общий язык, даже если случается, что наши мнения расходятся	61,8	53,7
Мы часто не понимаем друг друга	6,6	17,2
Наши отношения плохие, мы постоянно ссоримся	–	3,4
Затрудняюсь ответить	3,9	5,9

Рост профессиональной занятости женщин, определяемый не только экономическими, но и в значительной степени социально-психологическими факторами, роль которых имеет явную тенденцию к возрастанию по мере расширения образования женщин, оказал сильное влияние на регламентацию семейной жизни и брачных отношений. Это в свою очередь вызвало ослабление репродуктивной активности семей. Как показывают многочисленные исследования последних лет, в обществе распространен эгалитарный тип семьи, дифференциация труда между полами в общественной и семейной жизни исчезает, уступая место интеграции супружеских ролей и высокой степени их взаимозаменяемости. Поэтому становится актуальным вопрос о сочетании профессиональных и семейных обязанностей как для женщин, так и для мужчин. Для определения восприятия разделения труда в семье респондентам был задан вопрос: «Как распределяются обязанности между супругами в Вашей семье?». Ответы показаны в табл. 5.

Результаты исследования показывают, что в семье существуют как гендерно окрашенные, так и гендерно нейтральные виды домашних обязанностей, которые выполняют оба супруга. Из перечисленных обязанностей самая «мужская» — зарабатывание денег. На это указали 48,4 % опрошенных семей, хотя в русских семьях данная обязанность чаще распределяется между обоими супругами (47,4 %). Самой почетной женской обязанностью в большинстве семей является распределение средств на текущие расходы (68,0 %). Остальные виды домашних обязанностей являются эгалитарными.

Распределением средств на крупные расходы в большинстве семей занимаются оба супруга (65,7 %). Только в половине татарских семей оба супруга принимают в этом участие, а 41,7 % указали, что это обязанность мужа. Почти 46,0 % респондентов отметили, что домашние дела выполняет жена, в то же время очень высока доля семей, в которых эти обязанности выполняют оба супруга (43,1 %).

Таблица 5

Распределение семейных обязанностей между супругами, %

Обязанность	Кто выполняет	Все семьи	Русские	Мордва	Татары
Зарабатывание денег	Жена	4,9	3,2	4,3	8,0
	Муж	**48,4**	44,8	**52,7**	**52,0**
	Оба супруга	43,9	**47,4**	43,0	36,0
	Затруднялись ответить	2,8	4,5	–	4,0
Распределение средств на крупные расходы	Жена	16,4	17,6	14,4	8,3
	Муж	16,8	14,4	15,6	41,7
	Оба супруга	**65,7**	**67,3**	**67,8**	**50,0**
	Затруднялись ответить	1,1	0,7	2,2	–
Распределение средств на текущие расходы	Жена	**68,0**	**63,3**	**70,1**	**87,5**
	Муж	3,3	3,3	2,3	4,2
	Оба супруга	28,0	32,7	26,4	8,3
	Затруднялись ответить	0,7	0,7	1,1	–
Воспитание детей	Жена	33,5	35,8	29,2	39,1
	Муж	1,1	0,6	2,2	–
	Оба супруга	**59,6**	**57,0**	**64,0**	**52,2**
	Затруднялись ответить	5,8	6,6	4,5	8,7
Решение вопросов о проведении досуга, выходных, отпуска	Жена	15,0	11,9	16,3	16,7
	Муж	5,4	6,0	4,3	8,3
	Оба супруга	**68,6**	**70,9**	**67,4**	**62,5**
	Затруднялись ответить	11,0	11,2	12,0	12,5
Дела, связанные с домашним хозяйством	Жена	**45,9**	**47,7**	**42,4**	**45,8**
	Муж	7,1	5,2	6,5	12,5
	Оба супруга	**43,1**	**41,8**	**47,8**	**41,7**
	Затруднялись ответить	3,9	5,2	3,3	–
Поддержание отношений с родственниками	Жена	17,7	17,6	15,6	20,8
	Муж	5,3	4,6	4,4	8,3
	Оба супруга	**70,9**	73,2	71,1	66,7
	Затруднялись ответить	6,0	4,6	8,9	4,2

Необходимо отметить, что эгалитарный тип семейных отношений является характерным для всех семей основных этнических групп республики. Уходит в прошлое жесткая патриархальная модель, определяющая разделение «мужских» и «женских» домашних обязанностей. Ценности семьи зависят и от целого ряда других факторов: национальных и региональных обычаев и традиций, религии, значимости родства и т. д. Несомненно, важен и субъективный фактор: супруги сами выбирают семейные ценности, ими определяется ход борьбы между индивидуальными и семейными, между семейными и общественными ценностями.

Исторически сложилась, что татарские семьи в большинстве своем были очень религиозными, соблюдали традиции и обычаи ислама. Исходя из результатов нашего исследования можно утверждать, что такая тенденция сохраняется и в настоящее время, так как 86,0 % опрошенных отметили, что считают себя верующими и исповедуют ислам. Хотя доля практикующих мусульман среди них крайне низкая — всего 20,0 %. В то же время большинство отмечают, что посещают мечеть только по большим праздникам, таким как Ураза-байрам и Курбан-байрам.

Насколько сохраняется татарский язык как средство общения в татарских семьях? В условиях полиэтничной среды, когда учеба, работа, общение проходят в русскоязычной среде, сохранить родной язык для многих народов бывает очень трудно. Если в семье этому не будут придавать огромное значение, то ни государство, ни общественные организации не смогут содействовать процессу ассимиляции. Анализируя общение членов семьи на родном языке, можно интерпретировать, что большая часть татарского населения (64,0 %) разговаривает на родном языке (табл. 6), хотя существует тенденция утраты языка по разным причинам. Причины, по которым члены семьи не общаются на родном языке, как объективные, так и субъективные (табл. 7). Многие родители не знают татарский язык, потому что их не обучили родители родители, живущие в городской среде и следующие моде разговаривать только на русском как дома, так и в других местах общения. Сложнее обстоят дела в мордовских семьях, где только 29,8 % членов семьи разговаривают на мордовском языке (см. табл. 6). Утрачено огромное поколение людей, которые не знают родной язык, язык предков. Для возрождения его в семье необходимы совместные усилия правительства республики, общественности и семьи.

Таблица 6

Общение членов семьи на родном языке, %

Вариант ответа	Русские	Мордва	Татары
Общаются только супруги	12,5	19,1	20,0
Общаются родители и дети	64,0	29,8	64,0
Дети понимают родной язык, но не разговаривают на нем	2,9	13,8	4,0
Нет	20,6	37,2	12,0

Таблица 7

Причины, по которым не разговаривают на родном языке дома, %

Причина	Русские	Мордва	Татары
Супруги разных национальностей	33,3	27,9	33,3
Не считают это нужным	29,4	36,1	22,2
Родной язык знает только один из супругов	19,6	36,0	22,2
Другое	17,6	–	22,2

В современной татарской семье сохранилась традиция отмечать национальные и религиозные праздники. На это указали 89,3 % татар. Широкую известность и популярность сохраняют такие религиозные праздники, как Ураза-байрам и Курбан-байрам, национальный праздник Сабантуй менее значим. Религиозные и национальные праздники в современных татарских семьях Республики Мордовия сопровождаются обязательным приготовлением национальных блюд — это пярямячи, салма, чак-чак, эчпочмак, бялеш, шурпа. Многие блюда мусульманской кухни, например манты и самса, настолько прижились в татарской среде, что их можно отнести к традиционным татарским блюдам региона. Религиозные и национальные татарские праздники поддерживаются представителями всех национальностей республики. Не только в сельской, но и городской среде соседи охотно угощают друг друга традиционными национальными блюдами, приглашают друг друга в гости. Это возможно только в условиях дружеских отношений, которые сложились на протяжении тысячелетней истории гостеприимной мордовской земли.

Активную поддержку семье в сохранении самобытности татарского народа, сохранения им традиций, обычаев, культуры оказывают муфтияты республики, региональная национально-культурная автономия татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки»), Мордовская республиканская общественная организация татарских женщин Республики Мордовия «Чулпан» («Утренняя звезда») и другие государственные и общественные организации. Необходимо отметить, что семью и семейные ценности отличает динамизм, поскольку на них оказывают влияние социокультурные условия. Воспринимая их, семья адаптируется и, по возможности, регулирует степень их воздействия с учетом интересов и потребностей. Это отражается в изменении положения семьи по отношению к материальным ценностям, традиционным и новым устоям, в разрешении конфликта между семьей и обществом, между индивидом и семьей.

Поступила 13.07.11.

ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНОГО УКЛАДА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ МИГРАНТОВ В МОРДОВИИ

Л. И. Никонова, А. А. Шевцова, З. И. Акимова

На основе полевого экспедиционного материала, собранного в Республике Мордовия в семьях мигрантов-азербайджанцев из государств Закавказья (Армения, Азербайджан) авторы рассматривают традиционное представление о семье как фактор сохранения этнической идентичности. «Оторванная от корней» традиционная семейная обрядность мигрантов трансформируется под влиянием универсальной западной городской культуры, инокультурного, иноязычного и иноэтничного окружения. В этих сложных условиях традиционные семейные связи, семейная и свадебная обрядность, наряду с привычной системой питания, выступают в роли этнического маркера, сохраняя и презентуя этническую идентичность эмигрантов в инокультурной среде. Особое внимание уделено межнациональным бракам, которые стали одной из стратегий адаптации.

Создание семьи у народов Закавказья считается важным этапом в жизни не только молодежи, но и всего социума в целом. В прошлом у азербайджанцев браки заключались преимущественно по сговору и по выбору родителей [18, с. 165]; желания сыновей и тем более дочерей в расчет не принимались. Теперь браки, как правило, заключаются по обоюдному выбору молодых людей, изменился и характер добрачных отношений. У народов Закавказья наряду с общинными прослеживались патронимические связи [3, с. 129; 9, с. 216]. Вхолившие в патронимии родственные семьи старались селить-

© Л. И. Никонова, А. А. Шевцова, З. И. Акимова, 2011

ся рядом, часто образуя отдельный квартал в селении. Чрезвычайной крепостью и сегодня отличаются родственные узы, в том числе между родственниками, по общероссийским меркам довольно дальними. Патриархальные устои закавказского семейного уклада, свойственные в первую очередь большим неразделенным семьям, в полной мере сохранялись до первых десятилетий XX в. Тем не менее уже в концу XIX–XX в. преобладающим типом семьи повсеместно в закавказском регионе стала нуклеарная семья, в которую нередко включались родственники главы семьи. Общекавказской традицией было получение девушкой приданого.

И в наши дни рождение новой семьи для мигрантов из Закавказья, живущих в условиях новой этнокультурной и социально-экономической реальности, — важнейшее событие и праздник для родственников и свойственников, участвующих в проведении многоэтапного свадебного цикла, имеющего разнообразные этнорегиональные вариации. Заключение брака у азербайджанцев — дело, освященное традицией и религиозными нормами, т. е. богоугодное, «дозволенное каждому» [10, с. 133]. «Семья — ключ к счастью», — гласит пословица [Цит. по: 5, с. 178]. Традиционно преобладает эндогамный брак, характерны как кросскузенные, так и ортокузенные союзы [2, с. 124]. Правом на полигамный брак, юридически закрепленным за мусульманами в Российской империи, пользовался лишь небольшой процент состоятельных людей [4, с. 26]. Препятствиями для заключения брака служили париатские запреты для определенных категорий ближних родственников, искусственное родство (усыновление, побратимство, молочное родство, брак с семьей кирвы человека, принимавшего непосредственное участие в обряде обрезания сына) [10, с. 134]. Бытовали обычаи левирата и сорората, в том числе объясняемые с практических позиций: чтобы избежать расходов на новую свадьбу. При этом уровень долгожительства достаточно высок [13, с. 115].

У азербайджанцев Республики Мордовия заключение брака — ответственное, важное событие в жизни молодожонов и их семей; в диаспоре зафиксированы эндогамные браки, но отношение к ним среди молодежи отрицательное: «Молодежь сейчас на двоюродных-троюродных не смотрит, ищет [супруга или супругу] подальше» [Цит. по: 20, с. 33]. Возрастная очередность при заключении браков сыновей и дочерей, как и у армян, стала формальностью; пожилые информанты вспоминали о сорорате и левирате, но такие семьи в современной азербайджанской диаспоре Мордовии не зафиксированы. По общеисламской традиции, жених и невеста должны соответствовать друг другу по возрасту и достатку семей [10, с. 133].

Традиционный патриархальный семейный уклад азербайджанцев во многом похож на армянский; специфика (например, имущественные права, развод и т. п.) определяется нормами ислама [17, с. 253; 19, с. 329]. Старшая женщина (*бейк ана*), как и у армян, руководила хозяйственными работами в доме, символами ее власти были ключи от кладовой и половник [6, с. 466]. Информанты отмечают: «У нас заработок и благосостояние семьи лежит на мужчине, а быт — на женщине, она хозяйка в доме, но если принимается какое-то серьезное решение, в семье обычно советуются со старшими — за ними последнее слово»; «Семью возглавлял старший мужчина — отец, дед, реже старший брат. Женщины не имели на это права, если не было сына, семью отдавали под опеку кого-либо из родственников-мужчин. Глава семьи сам, один владел всей землей, скотом, другим имуществом семьи. Формально он мог единолично решать все вопросы, но на деле, как правило, советовался со старшей женщиной — женой или матерью. Он отвечал за деньги, хозяйство, вопросы женитьбы и замужества детей, выделения их имущества. Дети, невестки слова ему возразить не смели» [Цит. по: 13, с. 120–121]. Сохранилось представление о традиционном разводе по париату, мэхре (сумма денег, оговоренная брачным договором, которую выплачивали женщине, если развод совершался не по ее вине. — *Прим. авт.*); правах на детей, избегании. Эти нормы почти ушли в прошлое и на родине информантов [1, с. 56]. Выраженный статус главы семейства азербайджанки воспринимают вполне спокойно: «А что, он ведет хозяйство, обеспечивает семью, заботливо относится к детям и если принимает решение, то вначале обдумает» [Цит. по: 13, с. 122].

Обычай, по которому мужчины и женщины не садились вместе за стол [3, с. 140], соблюдают только при гостях-мужчинах; в повседневной жизни семья трапезничает вместе. Многие аспекты семейного уклада азербайджанцев сходны с бытом лезгин [21, с. 24]. В наши дни к старшим членам рода относятся подчеркнуто внимательно: уступают дорогу, скрывают от них неприятности, не спорят, родственников приглашают на семейные торжества, навещают по праздникам; в их присутствии не принято сидеть в небрежных позах. Особенность этнологического

интервью в азербайджанских семьях — две беседы, так как если в доме не было «хозяина», жена, как правило, не решалась без его согласия отвечать на вопросы. Приходилось ждать решения главы семьи и интервьюировать повторно. Смешанные семьи более открыты в этом плане.

Тесные семейно-родственные связи, помогающие при первичной адаптации мигрантов из Закавказья, оказывают большое влияние и на формирование новых социально-экономических сетей в формирующемся мигрантском сообществе. Родственники и земляки помогают с работой, жильем, регистрацией вновь прибывшим переселенцам, поддерживают их. Объединению малых семей способствуют морально-нравственные факторы: тесное родственное единство, привязанность друг к другу и постоянная взаимопомощь — лучшие семейные традиции выходцев из Закавказья.

Для современных азербайджанцев региона характерны малые семьи. В настоящее время традиционный принцип минората [6, с. 465] в значительной степени нарушен, с родителями живет тот из сыновей, кто остается в родном селении, не обязательно младший. Членами семьи считаются не только те дети, которые живут вместе с родителями, но и те, кто живут отдельно и имеют собственные семьи. Как правило, сохраняются постоянные связи между дядей и племянниками, между двоюродными братьями. Обычно молодые люди, приезжающие на учебу (работу) в город из сельской местности, живут в семьях родственников, которые заботятся о них как о родных детях. Связи поддерживают с родственниками и знакомыми из других регионов.

Азербайджанцы вступали в брак довольно рано. Юношей женили в 17—23 года, девушек выдавали замуж в 13—14 лет. Иногда разница в возрасте между невестой и женихом составляла 15—20 лет. Женились и выходили замуж все позже, а официальный брачный возраст, установленный на территории СССР, изменил положение в отношении девушек, которые выходили замуж с 18, а в определенных ситуациях — с 16 лет. В наши дни у азербайджанцев картина изменилась в сторону еще большего увеличения брачного возраста, особенно у горожан: замуж выходят в среднем в 19—22 года, жених обычно старше невесты на 2—5 года. Информанты в РМ дают шутливое определение минимального брачного возраста девушки: «Если бросить в девушку папахой и она не упадет, можно выдавать замуж». Известны случаи заключения браков, когда невеста училась в последнем классе школы, в то время как жених был старше нее на 8—12 лет. При этом в целом по России создание брачного союза к 25 годам уже перестало быть нормой, которой следует большая часть населения; средний возраст вступления в первый брак у мужчин составляет 26,2, у женщин — 23,5 года [15, с. 146].

Азербайджанцам было известно колыбельное и условное обручение [18, с. 165]. Часто невесту (жениха) рекомендуют родители: «Когда обоюдное решение [детей и родителей] — это проще, спокойнее» [Цит. по: 12, с. 71]. В случае выбора мужа для дочери отец может быть более категоричным. Считается, что мужчина должен обеспечить материальную сторону брака, поэтому вначале он старается трудоустроиться, быть независимым от родителей, иметь жилье, а потом уже думать о женитьбе и детях. Известны случаи похищения невесты. При выборе брачного партнера большое значение придается образованию жениха, достатку его семьи, размеру и стабильности дохода, наличию жилья, личным качествам (честность, умение ладить с людьми, терпимость, трудолюбие, предприимчивость). От невесты ожидают как «традиционных» женских качеств — скромности, целомудрия, послушания, хозяйственности, желания рожать детей, так и «диплома», т. е. владения той или иной специальностью. Хотя все же важнейшей сферой «деятельности» женщины большинство опрошенных, не задумываясь, назвали семью.

Четко регламентированное половозрастное разделение труда (представление о мужских и женских обязанностях по хозяйству), бытовавшее на родине мигрантов из Закавказья (особенно это характерно для выходцев из сельской местности), в Мордовии соблюдается менее строго. Информанты вспоминали, что мужчина, которого заставали за выполнением «женской работы», подвергался насмешкам и осуждению со стороны односельчан. В некоторых семьях в присутствии гостей жена безмолвно обслуживает их и мужа — главу семьи и хозяина дома, дети ведут себя «тише воды, ниже травы». Но в кругу семьи муж спокойно помогает жене вымыть посуду, проверяет уроки у дочери и укладывает спать самых маленьких, т. е. занимается делами, прежде немыслимыми для кавказского мужчины. В то же время даже в смешанных семьях некоторое разделение обязанностей существует. Например, в большинстве случаев именно мужчины и в городе, и в селе ходят на рынок, так как считается неприличным для женщины носить

тяжести, а также торговаться с мужчинами-продавцами. Пожилые люди выполняют посильную работу по дому или на приусадебном участке, присматривают за внуками, готовят пищу. Мнение, что женская сфера деятельности должна ограничиваться только домашним хозяйством и воспитанием детей, постепенно меняется.

В ходе исследования выявлена отчетливая тенденция к увеличению числа межнациональных браков, в которые вступают выходцы из Закавказья. Чаще мужчины женятся на местных жительницах — русских и мордовках. Если армяне и грузины объясняют потенциальную возможность таких брачных союзов «общей верой», то для азербайджанцев конфессиональный фактор, скорее, препятствие. Русские (мордовские) жены обычно отмечают положительные качества мужей-азербайджанцев: «не пьет, не скандалит», «работящий», «все в дом», «терпимо и уважительно относится к людям, независимо от нации», «почитает старших», выделяя некоторую «строгость по отношению к семье, особенно к дочерям» [22, с. 143]. В прошлом в Закавказье межнациональные браки не одобрялись ни религией, ни социумом (накануне распада СССР в Азербайджане таких браков было всего около 7 %) [16, с. 238]. В любом случае межнациональные браки чаще становятся жизненным выбором русских невест, а не женихов [7, с. 192]. Среди азербайджанцев РМ межнациональных браков немало, хотя предпочтение отдается все же «своим», соэтникам. Межнациональные браки становятся одной из стратегий адаптации мигрантов, так как брак с местной жительницей дает очевидные преимущества, позволяя мигранту обрести новые родственные и социальные связи, карьерные, деловые перспективы, стать «своим» в сложившемся микросоциуме [8, с. 70]. Заключение подобных брачных союзов почти всегда связано с преодолением стереотипов, активной «подстройкой» под супруга, требует решимости и ответственности обеих сторон [23, с. 14]. Информанты отмечают: бывают случаи, когда женятся из-за прописки (регистрации). Таких людей обычно осуждают, хотя и «за глаза». По данным социологов, фиктивные браки допускают 50 % россиян, 39 % против подобных отношений [15, с. 151].

Наибольшее число знакомств азербайджанцев, женившихся на русских и мордовках, произошло по месту работы, учебы, в местах проведения досуга [13, с. 116]. Так, Ильхам Байрамов познакомился с будущей супругой Людмилой, русской по национальности, на Саранском телевизионном заводе «Спектр», где работал после окончания Бакинского техникума (1984). В их семье, ныне проживающей в с. Хитровка Старошайговского района, трое сыновей. Эмин Гусейнов заочно учился в Саранском машиностроительном техникуме (1987—1989) и одновременно работал на заводе СИС-ЭВС, где познакомился с эрзянкой Татьяной Земсковой из с. Старое Ардатово. Свадьбу сыграли в Азербайджане по местному обычаю.

Если в России неполная семья — практически норма (23 % всех домохозяйств с детьми до 18 лет) [15, с. 147], то в Азербайджане доля таких семей значительно ниже. Значительно выше в среднем по России показатели внебрачной рождаемости. Многое зависит и от семейных традиций места исхода. Мигрантов из Азербайджана также отличают крепкие семьи и декларируемое осуждение разводов. Среди молодежи в межнациональных союзах наблюдается тенденция совместного проживания без официальной регистрации отношений. Родившемуся ребенку обычно дают фамилию отца. Многие информанты старшего возраста отрицательно относятся к сожительству, подчеркивая, что такая ситуация возможна тогда, когда женщина «не уважает себя», не имеет чувства собственного достоинства, а ее родные «не заступились за свою девочку». Такой судьбы для дочери не желает никто. Порой молодые мигранты вступают в новые отношения с жительницами Мордовии, переставая при этом помогать жене и детям на родине. Разводы осуждают [2, с. 202], но при этом в среде мигрантов к ним относятся проще, чем в Азербайджане [22, с. 143]. Для большинства женщин развод означает снижение уровня жизни. Семью, состоящую из разведенной женщины и ее детей, информанты воспринимают как неполноценную, несчастную независимо от самоощущения самой «несчастной».

В Закавказье семья без детей считается неполноценной, положение женщины в микросоциуме, ее психологический комфорт во многом определяются наличием у нее детей, особенно сыновей [14, с. 14—15]. Бездетность женщины воспринимается как несчастье. Среднее число детей в азербайджанских семьях РМ — двое-трое (есть семьи с четырьмя-пятью детьми). При этом Мордовия — один из субъектов Федерации, где доля несовершеннолетних детей, живущих в однодетных семьях, составляет более половины от общего числа детей [15, с. 143]. Азербайджанки обычно рожают первого ребенка в 20—23 года, в 36—37 лет деторождение обычно заканчивается; у мужчин первый ребенок появляется в 27—30 лет, младший в

старших поколениях — на 45—52-м году жизни, в средних — на 38—39-м году.

В современных семьях мигрантов из Закавказья обычно между братьями и сестрами устанавливаются равные, дружеские отношения, хотя мальчики по-прежнему пользуются большей свободой: они чаще, чем девочки, посещают кино, проводят много времени, играя на улице и т. д. Наибольшим авторитетом среди братьев и сестер, как и в прошлом, пользуется старший брат. Этот статус и одновременно ответственность за младших сохраняются за ним на протяжении всей жизни. Раньше в многодетной крестьянской семье не уделялось особого внимания уходу за детьми и их воспитанию. С ростом достатка и культуры положение изменилось. В семьях выходцев из Закавказья значительное число родителей посильно помогают школьному обучению детей: проверяют выполнение домашних заданий, ориентируют детей, в том числе дочерей, на получение образования.

Для российских азербайджанцев пол ребенка не имеет большого значения, однако в самом Азербайджане власти и общественность серьезно обеспокоены практикой селективных абортов, когда семьи, желающие иметь сына, прерывают беременность, если становится известно о женском поле плода. В наши дни на 47 новорожденных девочек в Азербайджане приходятся 53 мальчика, в то время как нормальное соотношение полов среди новорожденных составляет 49 мальчиков на 51 девочку. Действенной мерой, по мнению председателя меджлиса Азербайджана Х. Раджабли, может стать запрет УЗИ с целью определения пола плода [Приводится по: 11, с. 2]. В религиозных семьях, в соответствии с исламской традицией, воспитание осуществляется согласно нормам и правилам религии и морали, причем приобщение к ним начинается с первых дней жизни ребенка [10, с. 146].

В многонациональной Мордовии выходцы из Закавказья проживают рядом с другими этносами, которые воспринимают их как народы с уникальной культурой. Безусловно, в условиях иноэтнического окружения и под влиянием универсальной урбанистической культуры семейный быт мигрантов подвергся трансформации. Однако остается в силе основной стержень традиционной семьи, представление о ее высоком статусе, что позволяет говорить о сохранении, позитивном восприятии и репрезентации своей этнической идентичности. В целом выходцы из Закавказья создают крепкие и дружные семьи, много внимания уделяют детям, заботятся о стариках, что находит положительный отклик у их новых соседей — русских и мордвы. Относительно малая доля разводов семей мигрантов, довольно большое число семей, где воспитанием детей заняты не только родители, но и старшее поколение, играющее важную роль в передаче детям положительных нравственных норм, национального самосознания, этнических традиций, тесные семейно-родственные связи среди мигрантов позволяют надеяться на то, что семейный институт у народов Закавказья в Мордовии останется устойчивым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Аббасов А. А.** Образ жизни в новых городах Азербайджана / А. А. Аббасов. — Баку : Элм, 1987. — 199 с.

2. **Азербайджанцы** : ист.-этногр. очерк / ИАЭ АН Азербайджана. — Баку : Элм, 1998. — 304 с.

3. **Алекперов А. К.** Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. — Баку : Изд-во АН АзССР, 1960. — 252 с.

4. **Аралов Д. Ю.** Мусульманский брак в правовой системе Российской империи / Д. Ю. Аралов // Ислам и право в России : материалы науч.-практ. семинара «Мусульманское право в мире и России (Сев. Кавказ, Поволжье) / сост. и ред. И. Л. Бабич, Л. Т. Соловьева. — М., 2004. — Вып. 2. — С. 23—34.

5. **Дадашзаде М. А.** Духовная культура азербайджанского народа в средние века (историко-этнографическое исследование) / М. А. Дадашзаде. — Баку : Элм, 1985. — 214 с.

6. **Карпов Ю. Ю.** Азербайджанцы /Ю. Ю. Карпов // Многонациональный Петербург : История. Религии. Народы / ред. И. И. Шангина. — СПб., 2002. — С. 456—469.

7. **Корнеева С.** Межнациональные браки в современной России : взгляд социолога / С. Корнеева // Этнодиалоги : альманах. — 2009. — № 1 (30). — С. 189—199.

8. **Корякин К. В.** Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае / К. В. Корякин // ЭО. — 2006. — № 1. — С. 62—72.

9. **Косвен М. О.** Пережитки матриархата у народов Кавказа / М. О. Косвен // СЭ. — 1936. — № 4—5. — С. 216—218.

10. Мусульманские праздники и обряды. — М. : Ленок, 2002. — 176 с.

11. Нет — абортаж? // Азербайдж. конгресс. — 2011. — 18 марта. — С. 2.

12. **Никонова Л. И.** Близкий сосед лучше дальнего родственника / Л. И. Никонова, А. Ф. Мельник // Центр и периферия : науч.-публиц. журн. [Саранск]. — 2008. — № 4. — С. 68—73.

13. **Никонова Л. И.** Этнокультурная адаптация эмигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л. И. Никонова, А. Ф. Мельник ; отв. ред. В. А. Юрченков. — Саранск, 2007. — 176 с.

14. **Пчелинцева Н.** У кого детей много, тот счастлив от Бога / Н. Пчелинцева, С. Касумова // Этносфера. — 2008. — № 8 (119). — С. 14—15.

15. Российская семья в цифрах и фактах // Этнодиалоги : альманах. — 2009. — № 1 (30). — С. 142—160.

16. **Рунаев Р. Ю.** К вопросу об этнической определенности сознания личности / Р. Ю. Рунаев, И. Хусейн // Современные исследования социальных проблем : материалы III Общерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Красноярск, 2011. — Вып. 2. — С. 238—240.

17. **Сарабский Г. К.** Старый Баку / Г. К. Сарабский. — Баку : Язычы, 1982. — 253 с.

18. **Смирнова Я. С.** Брак по сговору на Кавказе : формы и эволюция / Я. С. Смирнова // ЭО. — 2006. — № 6. — С. 165—169.

19. **Торнау Н.** Изложение начал мусульманского законоведения : репринт. изд. 1850 г. / Н. Торнау. — М. : Адир, 1991. — 476 с.

20. **Шевцова А. А.** «Без мужа женщина, что лошадь без узды» : выбор брачного партнера в семьях азербайджанских мигрантов в Республике Мордовия / А. А. Шевцова // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия : материалы междунар. науч.-практ. конф., 5—6 апр. 2011 г. — Пенза ; Баку, 2011. — С. 32—35.

21. **Шевцова А. А.** В жизни не должно быть ни одного дурного дня. Семейное счастье по-лезгински / А. А. Шевцова // Этносфера. — 2010. — № 5. — С. 24—27.

22. **Шевцова А. А.** «Не женского ума дело» : гендерные стереотипы в межнациональных браках выходцев из Закавказья (по материалам этнографических экспедиций в Республику Мордовия) / А. А. Шевцова // В мире научных открытий. Сер. Гуманитарные и общественные науки [Красноярск]. — 2011. — № 4 (16). — С. 137—144.

23. **Шепелева Л.** Религия и брак — понятия объединяющие. Межконфессиональные семейные союзы : «за и против» / Л. Шепелева // Национальный акцент : работы победителей Всерос. конкурса «СМИротворец-2009». — М., 2010. — С. 14—17.

Поступила 17.10.11.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СУБСОЦИУМ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ РЕГИОНА

С. В. Полутин

В статье рассматривается предметная область социологии региона, ее связь с регионологией, научно обосновывается категория «региональный молодежный субсоциум».

Предмет исследования — определенный ракурс, угол зрения, под которым данной наукой изучается объект. Каждому объекту исследования может соответствовать несколько предметов изучения, т. е., определяя предмет исследования, мы делаем акцент на изучении одной из сторон объекта. Конкретизация и содержательная интерпретация понятия «регион» как объекта исследования осуществляется в рамках предмета той или иной науки — географии, экономики, социологии. Иными словами, регионы выделяются из территории в соответствии с предметом, целями и задачами той или иной науки. Например, для ученых-экономистов территориальное разделение труда является объективной основой формирования регионов, а под регионом как объектом исследования понимается выделившаяся в процессе общественного разделения труда часть территории страны.

Социология региона — отраслевая теория, изучающая пространственную форму организации социальной жизни людей и процесс изменения социального облика регионов. Объектом региональной социологии выступают различные социально-территориальные общности региона. Важно подчеркнуть, что социология региона как научная теория находится в объективной тесной взаимосвязи с научным направлением — регионологией. Факторы, определяющие появление социологии региона и регионологии как научных дисциплин, во многом совпадают, так как отражают территориальную неоднородность экономического, социального, культурного развития, но объект и предмет, цели и задачи исследований весьма специфичны. На наш взгляд, регионология выступает интегратором всех относительно самостоятельных элементов и структур целостной социально-природной жизнедеятельности на конкретных территориях. Регион в предметно-объектном поле регионологии — это относительно самостоятельное, целостное, территориально очерченное природно-социальное явление, обладающее способностью к самовоспроизводству [1, с. 3].

Основным предметом социологии региона прежде всего выступают форма и динамика развития территориальной организации социальной структуры общества, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов, социальных общностей и групп. В предметной сфере региональной социологии находятся устойчивые социально-территориальные общности и социальные процессы, развивающиеся на микро- и макроуровнях социума.

Народ региона, представляющий собой устойчивую социальную общность и характеризующийся единством условий жизнедеятельности, общностью культуры, правомерно рассматривать в качестве социума. Региональный социум любого уровня (район, город, область, республика) изоморфно и регионально специфически воспроизводит в себе общие элементы и структуру социума в целом. Ведущей социальной функцией регионального социума является воспроизводство социальных структур и отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в региональном социуме, т. е. воспроизводство территориально организованного образа

© С. В. Полутин, 2011

жизни. При этом социальное воспроизводство является не только простым, продуцирующим структуры и функции в их неизменном виде, но и расширенным, специфичным в плане совершенствования всей системы региональной жизнедеятельности, включая социальные институты, механизмы социального управления и контроля, обслуживающие организационные системы и т. д.

Важнейшей функцией социологии региона является научное обоснование оптимальной стратегии его социального развития. Естественно, комплексное решение социальных проблем внутрирегионального характера базируется на региональной экономике, но в полной мере оно достигается при опоре на региональные социологические исследования материальных и духовных потребностей населения, его социальных ориентаций. Социологическое изучение регионального социума, специфики региональной жизнедеятельности позволяет, с одной стороны, уточнить общие тенденции развития социума (общества) в целом, с другой — создать типологический портрет регионального социума и на основе этого разработать основные принципы, стратегии и направления региональной политики, определить цели регионального управления.

Одной из ведущих научных тем кафедры социологии является исследование процессов социального воспроизводства регионального социума и роли в этом процессе молодежи. По данной проблеме готовятся курсовые и дипломные проекты, защищаются кандидатские и докторские диссертации. Молодежь региона, являясь составной частью регионального социума, вместе с тем отражает в развитии объективные характеристики, присущие всей молодежи. В данном случае ее правомерно рассматривать в качестве регионального молодежного субсоциума.

В предметном поле социологической науки понятие «региональный молодежный субсоциум» (РМС) может интерпретироваться как устойчивая социально-территориальная общность, выделяемая на основе возрастных признаков, объединяемая сходством условий жизнедеятельности в едином экономическом, политическом, правовом, экологическом и этнокультурном пространстве. Объективными предпосылками институциализации РМС выступают социальные процессы, интенсивно развивающиеся в различных пространственно-временных плоскостях (полях) социума. Во-первых, глобальные тенденции модернизации и децентрализации, проявляясь на национальном и региональном уровнях, качественным образом изменяют социальную структуру, расщепляя ее на множество относительно автономных подструктур, а также изменяют характер отношений между субъектами социальной жизнедеятельности, в том числе между «молодыми» и «взрослыми». Во-вторых, содержательную сторону понятия «региональный молодежный субсоциум» во многом определяют качественные изменения, происходящие в молодежной среде. В современном цивилизованном обществе, как мы уже отмечали, возрастные рамки достаточно условны, молодежь выступает как основной носитель инновационного потенциала и соответственно в большей степени является активным субъектом социальной деятельности, нежели объектом воздействия и управления со стороны государственных институтов. Естественно, это усиливает процессы дифференциации в молодежной среде, определяет многообразие интересов и форм жизнедеятельности молодого поколения.

Современная российская молодежь не представляет собой единого целого в том представлении, которое складывалось на протяжении десятилетий. Она дифференцирована по различным основаниям: уровню жизни, качеству образования, политическим пристрастиям и т. д. Высокая социальная мобильность молодежи, условность возрастных границ фазы молодости позволяют некоторым исследователям рассматривать понятие «молодежь» в качестве искусственной социологической концепции и «психосоциальной конструкции». Действительно, с одной стороны, невозможно (и ненаучно) рассматривать современную российскую молодежь в обобщенном виде, подводя данное понятие под общий знаменатель тех проблем, с которыми молодое поколение (как и все общество) столкнулось в последнее десятилетие. Однако данный подход не представляется продуктивным, когда объектом исследования становится региональный молодежный субсоциум, уровень социальной сплоченности которого достаточно высок. Именно на региональном (и местном) уровне объективно появляется возможность для эффективного социального планирования и социального управления в сфере молодежных проблем, которая может быть реализована посредством эффективной региональной молодежной политики. Кроме того, исследование региональной специфики жизнедеятельности молодежи позволяет сформировать эффективную региональную систему социальной защиты и поддержки молодежи, характерными чертами которой выступают адресность и конкретность.

Социальная дифференциация молодежи в определенной степени обусловлена спецификой ее социальной адаптации к условиям окружающей среды. Молодежь, в силу объективных причин, представляет собой не жестко структурированную группу с устоявшейся нормативно-ценностной структурой, а «мягкую» структуру, обусловленную неполнотой социального статуса входящих в нее индивидов и в целом переходным характером возрастной фазы молодости. Данная структура более динамична и восприимчива к внешним социальным влияниям и может пластично изменяться в зависимости от изменений условий внешней среды. В качестве примера можно привести тот неоспоримый факт, что молодые люди значительно легче адаптируются к условиям рынка, чем представители старшего поколения. В то же время результатом «пластичности» молодежного сознания в мировоззренческой и нравственной сферах становится значительный рост девиантных и криминальных форм поведения в молодежной среде.

Региональный молодежный субсоциум не является в полной мере саморазвивающейся системой, так как он — часть регионального социума и включен во всем многообразии его связей и отношений. В то же время РМС представляет собой открытую систему, постоянно взаимодействующую с внешней средой, цели и векторы развития которой определяют внешние и внутренние факторы. Для регионального молодежного субсоциума как системы характерны специфические функции, обусловленные, во-первых, особенностями жизненной фазы молодости, во-вторых, особенностями организации региональной жизнедеятельности.

Важнейшей социальной функцией РМС является воспроизводство социальных структур и отношений, сложившихся на определенном историческом этапе в региональном социуме, т. е. воспроизводство территориально организованного образа жизни. При этом социальное воспроизводство является не только простым, продуцирующим структуры и функции в их неизменном виде, но и расширенным, специфичным в плане совершенствования всей системы региональной жизнедеятельности, включая социальные институты, механизмы социального управления и контроля, обслуживающие организационные системы и т. д. В частности, масштаб, направленность и темпы развития РМС зависят от состояния социально-демографической, образовательной и профессионально-трудовой региональных структур, развития социальной инфраструктуры.

Другой важнейшей функцией РМС, органически связанной с воспроизводственной, является инновационная, которая отражает потенциальные возможности молодых людей участвовать в активном совершенствовании и преобразовании сложившейся в регионе структуры общественных отношений. Инновационный потенциал молодежи может быть успешно реализован через ее интеграцию в общество, через объединение и координацию усилий государственных, муниципальных и общественных организаций по созданию системы социальной поддержки молодежи. Насколько успешно молодежь интегрируется в общество, во многом зависит от условий, которые им создаст мир взрослых.

Как и для любого социума, для молодежного характерны три субстанциональных уровня: вещественно-энергетический, организационно-функциональный, информационный. Первый уровень представлен социальными общностями (возрастные когорты, этнические группы молодежи, молодые мужчины и женщины и т. д.), второй уровень — это институты воспитания и образования, обеспечивающие развитие молодежи в условиях изменяющейся среды, третий уровень включает в себя элементы традиционной культуры и молодежной новационной субкультуры. Анализ регионального молодежного субсоциума может быть осуществлен на каждом из трех уровней.

В законодательно-правовом смысле понятие «региональный молодежный субсоциум» находит отражение в региональной государственной молодежной политике, призванной наряду с другими целями определить компетенцию федерального, регионального и местного уровней в сфере государственной молодежной политики. Занимая особое место в структуре регионального социума, РМС предстает в виде объективно существующей, эмпирически фиксируемой совокупности индивидов. Социолого-статистическая информация о региональном молодежном субсоциуме включает в себя количественные и качественные показатели, которые в совокупности составляют «портрет» РМС, характеризуют состояние и динамику изменения социального статуса молодежи.

В современных условиях крайне необходимым представляется формирование социологического подхода к проблеме обеспечения социального развития РМС. Проведение государственной политики в отношении молодежи предполагает организацию информационно-социологического наблюдения (мониторинга) процесса функционирования РМС

на региональном и местном уровне, обеспечивающего регулярную и многоаспектную оценку процессов, происходящих в молодежной среде. Социальный мониторинг, как известно, представляет собой структурно и функционально организованную систему информационно-аналитических служб, компьютерных и коммуникационных технологий, обеспечивающих регулярный сбор, накопление, хранение, обработку, анализ и предоставление пользователям сведений о состоянии и динамике изменений социального пространства страны и региона в целях диагностики и прогнозирования происходящих в нем социальных процессов.

Важнейшей функцией социального мониторинга регионального молодежного субсоциума является научно-информационное обеспечение региональной молодежной политики на всех ее этапах — от изучения социальных характеристик РМС до принятия управленческого решения. Социальный мониторинг РМС включает в себя четыре последовательных этапа:

1) сбор, систематизация и первичная обработка статистической и социологической информации об изучаемом объекте с учетом количественных и качественных показателей (социально-демографических, профессиональных, образовательных, отражающих социальное самочувствие и ценностные ориентации);

2) социальная диагностика сущностных характеристик и параметров развития РМС, определение точек «социального напряжения» в молодежной среде;

3) выработка рекомендаций для принятия обоснованных управленческих решений в сфере молодежной политики для органов исполнительной власти;

4) анализ результатов принятия управленческого решения на основе наблюдения за ходом его реализации в молодежной среде.

Таким образом, анализируя процессы развития молодежи в отдельном регионе, сравнивая их с процессами, происходящими в других регионах, мы получаем возможность создания типологического портрета регионального молодежного субсоциума как составной части молодого поколения страны. Развертывание в 1995 г. системы мониторинга РМС в Республике Мордовия позволило осуществить оперативный и регулярный сбор и анализ информации о состоянии и тенденциях развития молодежи региона, подготовить целый ряд научно обоснованных управленческих решений, которые нашли отражение в ежегодных докладах Правительству РМ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сухарев А. И. Основы регионологии : об. ст. / А. И. Сухарев ; НИИ регионологии. — Саранск, 1996. — 120 с.

Поступила 13.07.11.

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. А. Вишнякова, Е. И. Долгаева

В статье анализируются результаты социологических исследований морально-нравственных ориентаций российской молодежи, определяются приоритетные ценности и жизненные цели молодого поколения.

Вопросы морали и нравственности современного молодого поколения часто ставятся и бурно обсуждаются в российском обществе. О проблемах, облике и перспективах современной российской молодежи много говорят и пишут. Ряд публикаций в СМИ, высказывания известных деятелей страны да и простых обывателей носят критический характер. Молодежь упрекают в аморальности, отказе от традиционных для россиян ценностей и меркантилизме. Вместе с тем существует и противоположная точка

© Н. А. Вишнякова, Е. И. Долгаева, 2011

зрения: государство под руководством Президента реализует множество проектов, направленных на молодежь; многие считают, что современные молодые люди достойно продолжают традиции родителей.

При изучении молодежи достаточно трудно провести комплексное исследование, которое смогло бы дать ответы на все вопросы относительно морали и нравственности современного молодого поколения. При изучении молодежи социологи часто используют понятия «морально-нравственные ценности», «ценностные ориентации», «принципы». Одним из наиболее значимых и объемных исследований молодежи XXI в. стал аналитический доклад, подготовленный Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации [1]. Исследование проводилось в марте-апреле 2007 г., в опросе участвовали 1 796 чел. в возрасте от 17 до 26 лет включительно. Исследователи пытались выяснить, насколько значимы для молодежи моральные нормы и принципы (табл. 1). Ответы на данный вопрос показывают, что 54 % респондентов считают моральные нормы актуальными и не подверженными влиянию времени.

Таблица 1

Суждения молодежи об актуальности моральных норм

Вариант ответа	Процент от общего числа респондентов
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы уже устарели	45
Основные моральные принципы подвержены влиянию времени, они всегда актуальны	54
Затрудняюсь ответить	1

В то же время 55 % опрошенных отметили, что в современном жестоком мире им иногда приходится переступать через моральные нормы (табл. 2). Принципиальных последователей морали оказалось 44 %.

Таблица 2

Суждения молодежи о возможности (невозможности) переступить через моральные принципы

Вариант ответа	Процент от общего числа респондентов
Современный мир жесток, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	55
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	44
Затрудняюсь ответить	1

Таким образом, в ответах респондентов наблюдается противоречие: 54 % молодых людей отмечают актуальность и неизменность моральных норм в жизни человека, но лишь 44 % готовы отстаивать собственные принципы даже в ущерб личному успеху.

Далее респондентам был задан вопрос: «Какие из следующих поступков никогда не могут быть оправданы, какие могут быть допустимы иногда, а к чему надо относиться снисходительно?». Выяснилось, что подавляющее большинство респондентов не могут оправдать заброшенность и плохое воспитание детей (93 %), жестокое обращение с животными (83 %) и употребление наркотиков (82 %). Недопустимы измена Родине (78 %), гомосексуализм (67 %), публичное проявление неприязни к людям других национальностей (62 %). Неодобрение опрошенных вызывают также пьянство и алкоголизм (59 %), хамство, грубость, нецензурная брань (55 %). Показательно, что в отношении моральных норм, регулирующих сферу семейной жизни (супружеская измена — 49 %, аборты — 34 %), молодежь оказалась не так строга, как к хамству и грубости. Более половины современных молодых людей могут оправдать измену, 66 % допускают аборты. Если учитывать, что более 90 % опрошенных не приемлют заброшенность и плохое воспита-

ние детей, то аборт оказывается для современных молодых людей своеобразным выходом, позволяющим не дать родиться ребенку, который потом может оказаться ненужным. Неоднозначно складывается ситуация и с патриотизмом. С одной стороны, 78 % опрошенных считают недопустимой измену Родине, с другой — почти столько же (76 %) оправдывают уклонение от службы в армии. Скорее всего, служба в армии в сознании молодежи никак не связана с патриотизмом.

Распределение ответов на вопрос об ориентации молодежи на Россию или зарубежную страну как место постоянного жительства выглядит следующим образом: 56 % респондентов считают, что большинство молодых людей предпочли бы жить и работать в России, 43 % уверены, что их сверстники хотят уехать и жить за границей. В целом немногим менее половины опрошенных убеждены, что зарубежные страны предпочтительнее для жизни. Результаты исследования показывают, что примерно пятая часть молодежи не считает жизнь и труд в другой стране изменой Родине.

Важным представляется анализ суждений молодежи о том, что является необходимым в воспитании детей, так как прививаемые ценности должны быть значимы и для родителей. Тремя главными ценностями, которые нужно воспитывать в детях, по мнению молодежи, являются доброта, честность, отзывчивость (53 %), хорошее образование (50 %), любовь к семье, близким (47 %). Гораздо менее актуально воспитание веры в Бога (6 %), хотя именно она, по мнению молодежи, формирует все наиболее значимые ценности.

Цели современной молодежи изучались Фондом общественного мнения в 2002 г. По результатам опроса 1 500 респондентов в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик Российской Федерации были собраны данные относительно приоритетных целей и опасений молодежи [2].

В табл. 3 показаны ответы на вопрос: «Как вы думаете, к чему стремится современная молодежь, какие цели она ставит перед собой?». Таким образом, наличие социально неодобряемых целей (или отсутствие целей) отмечают более 60 % опрошенных, в то время как только треть из них уверены в наличии у молодежи социально одобряемых целей.

Таблица 3

Вариант ответа	% по России	% по Москве
Материальное благополучие, обогащение	35	44
Получение образования	16	14
Наркомания и пьянство	8	4
Работа, карьера	7	4
Безделье	4	1
Самореализация	4	5
Удовольствия, развлечения	3	3
Независимость	3	3
Воровство	1	1
Подражание Западу	1	0
Другое	2	1
Нет цели	17	18

Главную опасность 54 % молодых людей видят в утрате средств к существованию, что подтверждает наличие у них в качестве одного из жизненных приоритетов материальное благополучие. Значительная часть опрошенных (39 %) опасаются за свою жизнь и жизнь близких. Тревогу по поводу собственной семейной жизни выразили лишь 28 % респондентов, что можно объяснить уверенностью в собственных возможностях или низким приоритетом данной ценности в сравнении с другими.

Результаты этого социологического опроса в основном соответствуют данным об иерархии ценностей молодежи. По результатам экспертного исслелования, проведенного в 2007 г. Фондом имени Питирима Сорокина [3], иерархия доминирующих ценностей

молодых россиян выстраивается следующим образом:

1) материальное благополучие;
2) ценность «Я» (индивидуализм);
3) карьера (самореализация);
4) семья;
5) стабильность;
6) свобода;
7) уважение к старшим;
8) бог (вера в Бога);
9) патриотизм;
10) долг и честь.

Таким образом, результаты приведенных исследований являются в какой-то степени противоречивыми, что подтверждает мнение подавляющего большинства ученых о том, что ценностная система молодежи находится в стадии формирования. Это связано со спецификой социализации молодежи, завершением первичной ее стадии и началом вторичной. Сложность социализации молодежи состоит в том, что новые адаптационные процессы накладываются на прежние, пройденные в первичной социализации. Именно это порождает проблему согласования между ними.

В целом можно сказать, что ведущими ценностями молодежи являются индивидуальные (достаток, независимость и самореализация). Общественные ценности (уважение старших, патриотизм) тоже принимаются молодежью, но в меньшей степени и не в ущерб личным интересам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Молодежь новой России : ценностные приоритеты. Аналитический доклад Института социология РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации, Москва 2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html. — Загл. с экрана.

2. Цели современной молодежи, ФОМ, отчет от 20.06.2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bd.fom.ru/report/cat/val_/dd022434. — Загл. с экрана.

3. Ценности в современной России : итоги экспертного исследования, проведенного с 15 июня по 10 сентября 2007 года / Фонд имени Питирима Сорокина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.salvador-d.ru/files/cennosti.ppt. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

РЕСУРСНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

А. А. Зинин

В статье представлена социологическая оценка ресурсных притязаний молодежи в Республике Мордовия. На основании гипотезы авторского социологического исследования и предложенных индикаторов анализируются материальные и профессионально-статусные притязания молодежи региона. Автор также рассматривает притязания молодых людей в сфере культурно-досуговых практик.

В начале нового столетия Россия столкнулась с ситуацией хронического отставания от мировых конкурентов (в первую очередь западных стран), а российское общество застыло в состоянии напряженного ожидания будущего. Понимая все это, современная российская власть в социальной риторике сделала упор на слово «модернизация», предполагающее не только внедрение новых технологий, но и приход новых людей, особенно молодых, без которых невозможно проводить преобразования и разрабатывать инновационные технологии. Молодежь постепенно становится стратегическим ресурсом процессов обновления страны. В связи с этим представляется интересным рассмотре-

© А. А. Зинин, 2011

ние тех социальных изменений, которые в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которыми стоит проблема жизненного самоопределения. От того, каким образом решает эту задачу российская молодежь, зависит настоящее и будущее российского общества.

Сегодня наиболее определяющими в социуме стали не профессиональные качества, моральные или ценностные установки, а уровень благосостояния, статус человека в обществе, многочисленные «нужные» связи, правильная протекция и т. д. Все это предопределило изменение «ресурсных притязаний» молодежи, под которыми мы понимаем стремление молодого человека следовать цели, которая, с одной стороны, соответствует, по субъективному мнению последнего, его реальным способностям и возможностям, с другой — воплощает желаемые им стандарты удовлетворения потребностей.

В январе 2010 г. автором статьи был проведен социологический опрос «Ресурсные притязания молодежи в региональном социуме», в котором участвовали учащиеся 10—11 классов средних школ и студенты вузов Республики Мордовия. Объем выборочной совокупности составил 576 чел. — 384 студента и 192 старшеклассника. Гипотеза авторского социологического исследования состояла в следующем: мы предполагали, что в зависимости от таких индикаторов, как среднедушевой доход на одного члена семьи, гендерные особенности и место проживания, материальные (богатство) и профессионально-статусные (власть и престиж), притязания молодежи (в данном случае — старшеклассников и студентов) будут существенно дифференцированы, в то время как притязания в сфере культурно-досуговых практик не будут особо отличаться.

Проанализировав ответы респондентов, мы пришли к выводу, что выдвинутая гипотеза социологического исследования подтвердилась. В частности, рассмотрев ответы молодых людей относительно первого индикатора (среднедушевой доход на одного члена семьи), можно отметить некоторые специфические особенности ресурсных притязаний старшеклассников и студентов республики.

Распределение ответов по среднедушевому доходу на одного члена семьи при ответе на вопрос: «Укажите, какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?» — показало, что в семьях, где уровень дохода ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ) (в Российской Федерации в 2010 г. он составлял 4 330 руб.), ресурсные притязания старшеклассников также ниже: сумму до 5 тыс. руб. указали 29,5 % учащихся 10—11 классов. Одновременно с ростом среднедушевого дохода растет и потребность в материальном достатке, что, скорее всего, обусловлено установками старше-классников на достижение максимально возможных целей. В среде студентов с ростом благосостояния семьи также наблюдается увеличение ресурсных притязаний. Данная тенденция, по нашему мнению, обусловлена процессом социализации молодого человека, который заканчивается именно в вузе, где у молодежи формируются собственное представление о жизни, возможность самореализации.

Однако у этого процесса есть и обратная сторона — как правило, у студентов преобладает стремление к максимализму, их амбиции нередко бывают слишком завышенными. Поскольку вопрос: «Укажите, какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?» — был открытым, при обработке данных автор статьи не раз сталкивался с вариантами «500 тыс. руб.», «1 млн руб.», что также характеризует максимализм материальных притязаний студентов. В подтверждение ресурсной составляющей притязаний молодежи можно также привести двумерное распределение по среднедушевому доходу на одного члена семьи при ответе на вопрос: «Какой смысл Вы вкладываете в словосочетание „хорошо жить" в первую очередь?». Как старшеклассники, так и студенты вузов, наряду с традиционными ценностями («создать семью», «любить и быть любимым») отмечают такие варианты ответа, как «быть материально обеспеченным» и «иметь престижную должность». В то же время, как показывают социологические опросы В. С. Магуна и М. В. Энговатова, еще 20—25 лет назад типичный советский выпускник школы или студент вуза хотел бы в будущем руководить небольшим коллективом внутри предприятия, иметь квартиру, где комнат на одну меньше, чем членов семьи, владеть небольшим деревянным домом или даже не иметь дачного участка, а также садить на «Жигулях» или вовсе не иметь машины [1].

При ответе на вопрос анкеты: «Каким образом Вы собираетесь поступать (поступили) в выбранное учебное заведение?» — большинство молодых людей отметили вариант «самостоятельно, сдав все вступительные экзамены». Однако в этом вопросе можно было указать несколько вариантов ответа, за счет чего в них проявились различия исходя из среднедушевого дохода на одного члена

семьи. Так, опрос показал, что профессионально-статусные притязания наиболее прагматично оценивают респонденты с высоким материальным достатком в семье (как среди старшеклассников, так и в среде студенчества). Например, молодые люди, чей среднедушевой доход на одного члена семьи составил более 12 900 руб., наряду с собственными возможностями (знания, умения и навыки) при поступлении надеются на дополнительную помощь родителей, влиятельных родственников, друзей (среди наиболее обеспеченных старшеклассников такой вариант выбрали 71,4 %). В свою очередь в ответах студентов можно увидеть следующую закономерность: чем выше среднедушевой доход, тем выше профессионально-статусные притязания, выражающиеся в последовательном росте выбора варианта ответа «помогли связи родителей (родственников, друзей и т. д.)» и снижения популярности ответа «самостоятельно, сдав все вступительные экзамены (собеседование, ЕГЭ, тесты и т. п.)»;

Старшеклассники достаточно незамысловато организовывают досуг, в основном предпочитая прогулки на улице (79,3 %) и встречи с друзьями (75,6 %). Походы на вечеринки, в кино, магазины и спортзалы, где практически всегда тратятся денежные средства, являются разнообразием в досуге в среднем лишь у четверти опрошенных, что косвенно подтверждает заниженные ресурсные притязания молодежи в сфере организации досуга. Дома молодые люди с разным среднедушевым доходом в семье (как старшеклассники, так и студенты) предпочитают проводить свободное время практически идентично: либо сидя за компьютером (в Интернете), либо смотря телевизор; некоторые пытаются выспаться или занять себя любимым делом. В свою очередь вне дома молодые люди (как старшеклассники, так и студенты) вне зависимости от дохода в семье тратят свободное время на встречи с друзьями, прогулки на свежем воздухе, посещение магазинов и походы в кинотеатр.

Наряду со среднедушевым доходом, автором статьи были проанализированы ответы респондентов относительно второго индикатора (место проживания), которые также представляют интерес для более полного раскрытия ресурсных притязаний молодежи в регионе.

Распределение ответов по месту жительства при ответе на вопрос: «Укажите, какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?» — показало, что в среде школьников 10–11 классов преобладают умеренные материальные притязания — до 5 тыс. руб. вполне достаточно для 29,3 % сельских старшеклассников и 24,6 % городских. Иная картина наблюдается при ответе на тот же вопрос в студенческой среде — самым популярным ответом стал вариант «От 5 001 до 10 000 руб.». Данное распределение ответов свидетельствует, на наш взгляд, с одной стороны, о росте материальных притязаний при переходе молодого человека из статуса школьника в ранг студента (в том числе в зависимости от места проживания), с другой — об их умеренности (до 10 000 руб.) и адекватности реалиям региона.

Сельские старшеклассники чаще хотят получить желаемую профессию, чем их городские сверстники (73,0 и 58,2 % соответственно). Одновременно среди желающих поступить в вуз больше горожан (38,8 % городских старшеклассников и 22,2 % сельских). Также исследование показало, что старшеклассники из города не испытывают ложных социальных ожиданий относительно перспективности и престижности специальности, которую они собираются получать. Сельские учащиеся 10–11 классов считают важной и перспективной для российского общества будущую специальность на 16,3 % выше, чем их городские сверстники (на 19,5 % выше — важной для Республики Мордовия). Настораживает то, что выбранная в будущем специальность неинтересна 16,4 % городских старшеклассников, в то время как сельские школьники более основательно подходят к выбору будущей профессии.

При ответе на вопрос: «Чем Вы обычно занимаетесь в свободное время вне дома?» — в культурно-досуговых практиках городской и сельской молодежи также не прослеживается существенных различий. Однако среди студентов доля горожан, посещающих ночные клубы, на 10,0 % выше, чем среди сельчан. Это, по-видимому, обусловлено тем, что посещение ночных клубов для многих горожан является обыденным явлением (своего рода постоянной практикой), в то время как у сельских студентов, не избалованных такими увеселительными заведениями в районах республики, привычка посещать их еще не сформировалась. Еще более поразительна разница в количестве посещений кинотеатров в городской и сельской местно-сти среди старшеклассников (39,1 % против 1,5 %), что, на наш взгляд, объясняется катастрофической нехваткой или отсутствием кинотеатров в районах республики. С другой стороны, практически одинаковое число студентов из городской и сельской местности, посещающих кинотеатры (22,2 и 23,1 % соответственно), вполне объяснимо,

так как молодые люди из села в основном обучаются в городе и имеют возможность ходить на кинопоказы.

Наконец, проанализировав ответы молодых людей относительно третьего индикатора (гендерных особенностей), также можно отметить некоторые специфические особенности ресурсных притязаний среди старшеклассников и студентов.

Распределение ответов по среднедушевому доходу на одного члена семьи при ответе на вопрос: «Укажите, какая сумма Вам необходима в месяц для достойного уровня жизни?» — показало, что юноши демонстрируют более высокие материальные притязания, чем девушки, как среди старшеклассников, так и среди студентов (вариант ответа «выше 30 001 руб.» указали 23,1 % старшеклассников и 23,3 % студентов, в то время как среди старшеклассниц аналогичный вариант ответа выбрали только 16,4 %, а среди студенток — 10,3 %). Обратной стороной указанных выше особенностей является стремление девушки быть материально обеспеченной — либо при поддержке любимого молодого человека (семьи), либо самостоятельно. В нашем исследовании как старшеклассницы чаще, чем старшеклассники (39,0 % против 33,9 %), так и студентки чаще, чем студенты (44,5 % против 33,7 %), хотят быть материально обеспеченными.

Дифференциация по гендерному признаку относительно профессионально-статусных притязаний прослеживается при ответе на вопрос: «Для чего Вы собираетесь поступать в выбранное учебное заведение?». С целью получить желаемую профессию собираются поступать в вуз 69,9 % старшеклассниц и только 59,6 % юношей-старшеклассников. Одновременно с этим парни в большей степени, чем старшеклассницы, преследуют при поступлении еще одну цель — получить высшее образование без особых притязаний на его качество, престижность и т. п. Эта тенденция, возможно, обусловлена тем, что, с одной стороны, юноши хотят поступить в вуз, чтобы получить отсрочку от службы в армии, с другой — получить высшее образование, которое им пригодится при поиске высокооплачиваемой работы. Диаметрально противоположные тенденции наблюдаются при ответе на этот вопрос в среде студенчества. Корреляция по гендерному признаку показала, что юноши-студенты в большей степени, чем их сверстницы, ценят важность получа-емой профессии. Однако девушки чаще склонны считать, что они получают важную, но бесперспективную профессию (9,0 % у девушек против 13,9 % у юношей (в России) и 17,2 % против 31,3 % (в Республике Мордовия). Не представляет никакого интереса выбранная в будущем специальность для 17,9 % городских старшеклассников (в основном из числа юношей) и у небольшого числа студентов (практически в равной степени как среди юношей, так и среди девушек).

Проведенное исследование показало, что традиционно девушки и юноши по-разному организуют досуг в зависимости от гендерных установок. Например, парни больше времени уделяют спорту, а девушки — прогулкам по магазинам и хобби. Однако указанные различия имеются только по специфическим для каждого пола вариантам ответа (занятия спортом — у юношей, шопинг — у девушек и т. п.), а самые популярные из них («смотрю телевизор», «сижу за компьютером», «гуляю на улице» и «встречаюсь с друзьями») являются наиболее часто называемыми при ответах как у юношей, так и у девушек.

Обобщая, можно отметить тот факт, что распространенный стереотип о «молодежной меркантильности» не нашел полного подтверждения в ходе проведенного анализа относительно ресурсных притязаний молодежи региона и пока является явным преувеличением для Республики Мордовия. Одновременно можно констатировать, что происходит постепенная трансформация системы ценностей и притязаний молодежи в сторону материальной составляющей (общества потребления) — благополучие стало ассоциироваться у молодежи не только с общепризнанными ценностями (семья, здоровье, любовь и т. д.), но и с ресурсными установками (быть материально обеспеченным, хорошо зарабатывать, занимать высокую и престижную должность и т. п.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Магун В. С.** Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи : 1965–2005 годы / В. С. Магун // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — М., 2007. — Вып. 6. — С. 199.

Поступила 13.07.11.

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

С. Е. Назарьева, Е. И. Долгаева

В статье рассматриваются результаты социологического исследования, посвященного поведению молодежи в области охраны здоровья, представлены особенности общественного мнения молодых людей о здоровом образе жизни, состоянии здоровья и вредных привычках.

В настоящее время мы наблюдаем заинтересованность российского государства в улучшении качества и увеличении продолжительности жизни населения, снижении заболеваемости, в борьбе с наркоманией и алкоголизмом. В стране растет количество спортивных комплексов, ограничивается продажа табачных изделий и алкоголя, пропагандируется здоровый образ жизни. Несмотря на это, проблема сохранения здоровья россиян по-прежнему остра и связана прежде всего с низкой активностью граждан в этой сфере. В связи с этим актуальными являются исследования самосохранительного поведения россиян. В социологии медицины и здравоохранения *самосохранительное поведение* обычно определяется как система действий и отношений, направленных на сохранение здоровья и продление сроков жизни [2]. Оно выражается в действиях индивидов по охране собственного здоровья и своевременной профилактике заболеваний, в сознательной ориентации на здоровый образ жизни [1, с. 85]. Особенно актуально самосохранительное поведение молодежи, так как данная социальная группа закладывает основу будущего здоровья общества. Именно она займет со временем ведущие позиции как в экономике и политике, так и в социальной, духовной жизни страны.

В январе 2011 г. нами было проведено пилотажное социологическое исследование самосохранительного поведения молодежи г. Инза методом очного анкетирования респондентов по месту жительства. Опрошено 100 респондентов в возрасте 18—35 лет. Доверительный интервал равен 9 %.

Результаты исследования оказались в основном оптимистичными. Более половины опрошенных оценивают собственное здоровье как хорошее, утверждая, что очень редко болеют и обычно хорошо себя чувствуют. Около трети респондентов назвали свое здоровье средним, отмечая, что довольно часто болеют и чувствуют себя нездоровыми (табл. 1).

Таблица 1

Оценка респондентами собственного здоровья

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Здоровье очень хорошее (никогда не болею)	2
Здоровье хорошее (болею очень редко, обычно хорошо себя чувствую)	63
Здоровье среднее (довольно часто болею или чувствую себя нездоровым(ой)	29
Здоровье плохое (есть хронические заболевания)	4
Здоровье очень плохое (постоянно плохо себя чувствую)	0
Затрудняюсь ответить	2
Всего	100

Большинство молодых людей (72 %) утверждают, что заботятся о своем здоровье. Тех, кто не уделяет внимания этой стороне жизни, почти в три раза меньше (25 %). Что именно включают респонденты в понятие «забота о здоровье»? Самыми популярными ответами на этот вопрос были: «правильное питание» (81 %), «личная гигиена»

© С. Е. Назарьева, Е. И. Долгаева, 2011

(74 %) и «отказ о вредных привычек» (60 %). Вместе с тем другие не менее важные составляющие здорового образа жизни упоминались гораздо реже: «занятия спортом» (48 %), «рациональный режим труда и отдыха» (39 %), «занятия физическими упражнениями и гимнастикой» (32 %), «закаливание, предупреждение заболеваний» (13 %) и «регулярное обращение к врачам, выполнение их рекомендаций» (12 %) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, включает в себя забота о здоровье?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Правильное питание	81
Занятия спортом	48
Занятия физическими упражнениями, гимнастикой	32
Личная гигиена	74
Отказ от вредных привычек	60
Рациональный режим труда и отдыха	39
Закаливание, предупреждение заболеваний	13
Регулярное обращение к врачам, выполнение их рекомендаций	12
Другое	1
Затрудняюсь ответить	0

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Итак, большинство молодых людей называют заботой о здоровье достаточно узкий перечень элементарных норм поведения. Если молодой человек правильно питается, соблюдает нормы личной гигиены и не имеет вредных привычек, то он уже полагает, что его здоровью ничего не угрожает. Вместе с тем молодежь крайне редко включает в заботу о здоровье регулярное обращение к врачам, выполнение их рекомендаций (12 %), закаливание, предупреждение заболеваний (13 %). Более половины респондентов называют правильное питание важным элементом самосохранительного поведения, а две трети — стремятся правильно питаться (табл. 3). Вместе с тем 29 % не задумываются об этом.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Стремитесь ли Вы правильно питаться?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Да	16
Скорее да, чем нет	51
Всего положительных ответов	**67**
Скорее нет, чем да	22
Нет	7
Всего отрицательных ответов	**29**
Затрудняюсь ответить	4
Итого	100

Мы выяснили, что представители молодого поколения очень внимательно относятся к соблюдению правил личной гигиены: чистят зубы утром и вечером (94 %), моют руки перед едой (89 %), ухаживают за кожей (66 %), принимают душ утром и вечером (50 %) (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие правила личной гигиены Вы соблюдаете?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Чищу зубы утром и вечером	94
Принимаю душ утром и вечером	50
Мою руки перед едой	89
Ухаживаю за кожей рук, лица и тела	66
Ухаживаю за одеждой и обувью	74
Соблюдаю режим дня	23
Другое	1
Затрудняюсь ответить	0

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Вместе с тем настораживает, что доля молодого населения г. Инзы, употребляющего алкоголь, составляет абсолютное большинство (81 %). Почти половина респондентов употребляют спиртные напитки несколько раз в месяц. Большая часть опрошенных (41 %) убеждены в том, что иногда позволительно немного выпить, примерно пятая часть (23 %) — что следует пить, соблюдая чувство меры. О том, что лучше не пить совсем, заявили менее трети опрошенных (30 %). Остальные уверены в безвредности нечастых выпивок и алкоголя для здорового человека (соответственно 5 и 1 %). Другая вредная привычка — курение — у молодого поколения непопулярна: курят всего 23 % респондентов. Абсолютное большинство (96 %) считают, что лучше не курить совсем. Только некоторые уверены в безвредности нескольких выкуренных сигарет и курения для здорового человека (соответственно 2 и 1 %).

Отношение к физическим нагрузкам у молодежи неоднозначное: число занимающихся и не занимающихся физкультурой практически равно (соответственно 41 и 40 %). Чаще всего респонденты говорили, что бегают, делают зарядку, качают пресс и т. п. Доля профессиональных спортсменов среди опрошенных незначительна (9 %) (табл. 5). Некоторые указали другие варианты ответов, объяснив, что играют в баскетбол, футбол, хоккей, периодически посещают тренажерный зал, отмечали, что подвергают организм частым физическим нагрузкам на работе, им приходиться много ходить, поднимать тяжести и т. д.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какие физические нагрузки Вы выполняете?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Занимаюсь спортом профессионально	9
Занимаюсь физкультурой (делаю зарядку, бегаю, качаю пресс, занимаюсь фитнесом, шейпингом и др.)	40
Занимаюсь танцами	4
Занимаюсь йогой	1
Другое	9
Ничем не занимаюсь	41

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Препятствует сохранению здоровья и то, что при первых признаках болезни около 70 % респондентов не сразу обращаются к врачу, считая, что сначала нужно полечиться самостоятельно. Лишь 17 % придерживаются противоположной линии поведения, полагая, что врач поможет предотвратить болезнь на ранних стадиях. Некоторые (7 %) вообще не доверяют медицине и лечатся самостоятельно. Возможно, это связано с уверенностью в том, что молодой организм сможет побороть болезнь сам или при помощи самолечения. Респонденты регулярно посещают врачей во время медицинских осмотров, обязательных в учебных заведениях. Большинство опрошенных (72 %) отметили, что проходят медицинский осмотр хотя бы один раз в год. Половина опрошенных последний раз были у врача несколько месяцев назад, четверть — около года назад, 18 % — в течение последнего месяца. В связи с этим интересно, каким видят респонденты собственное здоровье в будущем. Мы попросили их ответить на вопрос: «Как Вы думаете, каким будет Ваше здоровье через 30 лет?». Более половины (55 %) назвали его средним, около трети (27 %) — хорошим и очень хорошим и 8 % — плохим и очень плохим. Если сравнить ответы на этот вопрос с оценками, которые дают респонденты сегодня, то получается, что многие молодые люди прогнозируют ухудшение собственного здоровья. Половина из тех, кто в настоящее время называют свое здоровье хорошим и очень хорошим, ожидают, что через 30 лет оно ухудшится и станет средним.

В результате исследования можно назвать следующие особенности самосохранительного поведения молодежи. С одной стороны, большинство молодых людей имеют представление об основных элементах охраны здоровья и придерживаются элементарных норм здорового образа жизни (правильное питание, личная гигиена, отказ от курения). Такое поведение не требует от них особых усилий и больших затрат времени. С другой стороны, поступки, для которых необходимы усилия и время, не вызывают у молодежи энтузиазма. Большинство не обращаются к врачам при первых признаках заболевания, многие занимаются самолечением и не уделяют времени спорту. У молодых людей сформировалось особое отношение к алкоголю: 81 % из них довольно часто употребляют спиртные напитки и более 50 % не считают это вредным.

Таким образом, главными направлениями государственной политики в области воспитания у молодого поколения ответственного отношения к своему здоровью являются:

— выработка отрицательного отношения к алкоголю как потенциальной угрозе;

— формирование общественного мнения о том, что обязательным элементом заботы о своем здоровье является своевременное обращение в медицинские учреждения;

— стимулирование профилактики заболеваемости;

— широкое привлечение молодежи к занятиям физкультурой и спортом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Репетников А. В.** Социология медицины : учебник / А. В. Репетников. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. — 256 с.

2. **Ядов В. А.** Социология в России : глоссарий / В. А. Ядов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.voluntary.ru/dictionary/579/word/. — Зал. с экрана.

Поступила 13.07.11.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ю. В. Москалева

В данной статье посредством проведенного пилотажного исследования предпринята попытка выявить специфику электорального поведения молодежи Саранска. Также сформулированы рекомендации для оптимизации молодежных практик в рамках избирательного процесса.

Организация выборов различного уровня требует глубокого анализа электоральных предпочтений, выявления факторов, влияющих на избирательное поведение различных групп населения. Именно решение данной задачи позволит в преддверии будущих выборов дать достаточно достоверный прогноз относительно их политических ориентаций и избирательной активности. По данным средств массовой информации, последние выборы Президента и депутатов Государственной Думы прошли при достаточно высокой явке молодых россиян. Однако исследования, проведенные в российских регионах, показывают, что молодые люди часто не могут объяснить свой выбор.

Молодежь Республики Мордовия также продемонстрировала довольно высокую избирательную активность на последних выборах, однако нам было необходимо получить более полную картину электорального поведения в данном регионе, в частности в Саранске. Для выявления особенностей избирательного поведения молодых людей в данном городе в мае 2010 г. было проведено пилотажное исследование. Методом уличного очного индивидуального анкетирования было опрошено 100 чел. в возрасте 18—30 лет. Примечательно, что исследование проведено не в преддверии выборов, как это обычно делается, а в период, относительно свободный от предвыборной борьбы.

Предмет исследования был рассмотрен с помощью следующих критериев: удовлетворенность деятельностью органов власти, общее отношение к выборам, электоральный опыт и электоральная культура молодых людей. Наиболее высоко участники опроса оценили работу Президента РФ. Как отличную или хорошую ее рассматривают 63 % респондентов. Достаточно высокую оценку получила и деятельность Главы Республики Мордовия. Наиболее низкой оценки удостоена работа Государственной Думы РФ. Молодежь, возможно, не в полной мере информирована о деятельности данного органа власти, и поэтому результаты работы депутатов вызывают вопросы. Деятельность других органов и представителей власти, таких как Правительство РФ, Глава республики, Государственное Собрание РМ, Администрация города (района), признана в целом положительной, хотя средние оценки близки к удовлетворительным (табл. 1).

Таблица 1

Оценка молодежью деятельности органов власти, %

Орган власти	Отлично, хорошо	Удовлетворительно	Плохо, очень плохо	Затрудняюсь ответить
Президент РФ	63	20	12	5
Правительство РФ	38	36	21	5
Государственная Дума РФ	20	46	26	8
Глава республики	46	32	21	1
Государственное Собрание РМ	30	40	14	16
Администрация города (района)	31	35	24	10

© Ю. В. Москалева, 2011

Институт выборов, наряду с участием в деятельности органов власти, представляется молодым людям наиболее эффективным средством защиты собственных интересов по сравнению с референдумом, массовыми акциями протеста, членством в общественно-политических организациях и партиях. Таковым его назвали более трети опрошенных (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие способы защиты собственных интересов Вы считаете наиболее эффективными», %

Вариант ответа	Молодежь в целом	Возраст, лет		
		18–19	20–24	25–30
Участие в выборах	35	11	43	39
Участие в референдумах	5	16	2	3
Участие в массовых акциях протеста	26	32	26	23
Участие в общественно политических организациях к партиях	22	21	29	15
Участие в деятельности органов власти	29	21	29	33
Другое (напишите)	6	5	7	5
Затрудняюсь ответить	15	21	7	21

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Однако реалии российского общества вносят свои коррективы: отношение к выборам среди молодежи не является однозначно положительным и наблюдается заметный протестный потенциал. Эффективным средством защиты интересов 26 % респондентов назвали участие в массовых акциях протеста, не отрицая возможности личного участия в них. Основными носителями протестного потенциала при этом являются представители младшей возрастной группы (18–19 лет) (см. табл. 2). Кроме того, треть опрошенных считают выборы формальностью, где их голос ничего не решает. Так как объектом нашего исследования является молодежь, впервые участвовавшая в избирательном процессе, то можем предположить, что такие впечатления оставили именно последние выборы Президента РФ и депутатов Государственной Думы РФ. Несмотря на наличие критических высказываний о выборах, абсолютное большинство молодых людей намерены участвовать в них в будущем и только 11 % отрицают такую возможность.

Фактически для электорального поведения молодежи характерен один преобладающий мотив — желание гражданского долга. Варианты «хочу таким образом участвовать в решении общественных проблем» и «этого требует закон» выбрали соответственно 31,8 и 26,1 % респондентов. Остальные мотивации оказались менее значимыми. Позиция абсентеизма обычно детерминирована различными причинами: более половины опрошенных, отказавшихся от участия в выборах, не верят в их «честность». Почти треть респондентов считают, что их участие в выборах ничего не решит. Здесь прослеживается негативное восприятие выборов вообще. Считают, что нет достойных кандидатов, 15,8 % молодых людей.

Для определения мотивов электорального поведения важны идейно-политические предпочтения молодежи. Как правило, они расходятся при определении оптимального пути развития России. Судя по ответам, наибольшее число сторонников получили идеи национального возрождения, поиска самостоятельного пути и сочетание различных идей (табл. 3).

Эти идеи не противоречат друг другу, их выбор обусловлен, вероятно, отрицательной реакцией на любой политический радикализм, способный дестабилизировать положение. Обратим внимание, что очень малая доля опрошенных являются сторонниками социализма. Отметим также, что путь, по которому движется страна в настоящее время, оценен сравнительно невысоко. Оптимальным его не назвал ни один представитель младшей возрастной группы. Это согласуется со сделанным выше выводом о том, что

данная группа по сравнению с другими в большей степени является носителем протестного потенциала. В целом можно сделать вывод, что политические предпочтения действительно влияют на электоральное поведение, однако, на наш взгляд, у большей части молодежи они недостаточно четко определены и, следовательно, их влияние на избирательную активность будет неоднозначным.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«По какому пути, на Ваш взгляд, должна развиваться Россия?»

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Радикальные рыночные реформы и сближение со странами Запада	9
Сотрудничество со странами Востока (итай, Индия)	10
Национальное возрождение, поиск самостоятельного пути	25
Возрождение социализма	3
Сочетание различных идей, стремление избегать крайностей	22
Путь, по которому Россия движется в настоящее время	14
Затрудняюсь ответить	17

Проанализируем имеющийся электоральный опыт молодых людей. В выборах Президента РФ участвовали 69 % респондентов; в выборах депутатов Государственной Думы РФ — 61 %; в выборах депутатов Государственного Собрания РМ — 33 %. Таким образом, налицо тенденция к снижению электоральной активности в зависимости от статуса выборов. В выборах Президента РФ в марте 2008 г. не участвовали около 25 % молодых респондентов. Голоса политически активной части молодежи в основном распределились между двумя кандидатами, правда, неравномерно: Д. А. Медведев и В. В. Жириновский получили 56 и 8 % соответственно. На прямой вопрос: «Если бы выборы Президента РФ с участием тех же кандидатов состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого бы Вы проголосовали?» — треть респондентов не дали однозначного ответа. Среди определившихся голоса разделились так же, как и на последних выборах. При достаточно четких электоральных предпочтениях опрошенная молодежь не проявляет большого интереса к перипетиям предвыборной борьбы. Лишь каждый десятый указал, что, как правило, внимательно следит за ней. Более половины молодых людей следят за ходом предвыборной кампании периодически, 12 % из них указали, что вообще не видят на выборах никакой борьбы. Подобное впечатление от хода избирательной кампании также не способствует повышению электоральной активности.

В выборах в Государственную Думу участвовал 61 % молодых людей. Мы проанализировали, как изменился электорат партий (табл. 4).

Таблица 4

Реальный и потенциальный молодежный электорат партий, %

Реальный электорат на 2 марта 2008 года	Потенциальный электорат							
	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Яблоко	Гражданская сила	Не принимали бы участия в выборах	Затруднялись ответить
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единая Россия	73,4	40,0	—	—	—	—	9,1	26,8
КПРФ	2,2	60,0	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ЛДПР	2,2	—	54,5	—	—	—	9,1	4,7
Справедливая Россия	2,2	—	—	100	—		—	—
Партия социальной справедливости	—	—	9,1	—	—	—	—	—
Яблоко	—	—	—	—	50,0	—	—	—
Гражданская сила	—	—	—	—	—	100	—	—
Не принимал участие в выборах	2,2	—	9,1	—	—	—	54,5	28,8
Не мог участвовать, так как на день выборов мне не исполнилось 18 лет	17,8	—	27,3	—	50,0	—	18,2	14,1
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—	—	—	9,1	23,6
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Около 75 % опрошенных вновь отдали бы голоса за «Единую Россию». Электорат данной партии немного пополнился за счет приверженцев КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», а также пятую часть электората составили не участвовавшие в прошлых выборах. Более половины респондентов снова проголосовали бы за ЛДПР. Электорат данной партии значительно пополнился за счет молодых респондентов, еще не участвовавших в выборах. Более трети голосующих за ЛДПР делают это из-за чувства протеста (36,4 %). Стоит отметить, что более половины не участвовавших в последних выборах подтвердили позицию абсентеизма. За другие партии отдали голоса очень малое число респондентов, поэтому анализ данного электората представляется неэффективным.

Заметим, что если сложить ответы затруднившихся, отказывающихся участвовать в парламентских выборах, не желающих голосовать ни за одну из представленных партий, а также протестные голоса из электоратов КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» и «Яблока», то наберется почти 40 % протестных голосов.

Как мы уже отмечали, более двух третей опрошенных имеют электоральный опыт, а потому лишь они способны более или менее компетентно судить об организации выборов. Около 44 % молодых людей, принимавших участие в выборах, оценивают их организацию как хорошую и отличную. Но половина ответивших не столь оптимистичны и рассматривают ее либо как плохую и удовлетворительную, либо вообще не высказали какого-либо мнения. В большинстве случаев молодые люди определяют организацию выборов как плохую из-за недостаточного информирования о кандидатах (67 %), порядке голосования (33 %), плохого технического обеспечения процедуры голосования (56 %). Среди причин плохой оценки организации выборов респондентами были представлены мнения, касающиеся агитации за одну из партий в день выборов на избирательном участке, что недопустимо.

Таким образом, данное исследование фиксирует неоднозначное отношение молодых людей к выборам. Молодые люди считают выборы аффективным способом защиты собственных интересов. Одновременно многие респонденты воспринимают их как формальность, где их участие ничего не решает. Несмотря на это, большинство все же намерено участвовать в будущих выборах, так как молодые следуют велению гражданского долга, закона, хотят участвовать в решении общественных проблем. Если есть такая возможность, они хотят ею воспользоваться. Позицию абсентеизма опрошенные в большинстве случаев объясняют неверием в честность выборов. Кроме того, исследование позволяет диагностировать наличие у саранской молодежи заметный протестный потенциал. Такое положение вещей вызывает тревогу.

Респонденты обладают сравнительно невысоким уровнем избирательной культуры: часто не знакомы с избирательным законодательством; не всегда следят за ходом предвыборной борьбы; часто не имеют полного представления обо всех кандидатах; многие обладают несформированными или неопределенными политическими ориентациями, которые могли бы помочь в выборе достойных кандидатов и партий. Однако молодые люди стараются осознанно подходить к вы-

борам и к мотивам своего поведения как избирателей.

Отметим, что, хотя исследование является экспериментальным, соблюдение социологической методики на всех этапах его разработки, проведения и анализа данных позволяет считать его репрезентативным и предложить следующие рекомендации:

1. Данное исследование важно для прогноза избирательного поведения молодежи Саранска. Проведение подобных исследований должно стать нормой. Причем желательно привлечь к участию в подобных исследованиях молодежь Республики Мордовия в целом.

2. Нужна система мер, направленных на стимулирование избирательной активности молодежи, привлечение к выборам именно данной группы населения.

3. На наш взгляд, целесообразно усилить работу по электорально-правовому просвещению начиная со школьного возраста. Необходима популяризация избирательного законодательства и избирательных практик среди молодежи, возможно, за счет подготовки и распространения массовых, доступных изданий.

3. Важно оказание поддержки молодежным организациям, способствующим вовлечению молодежи в политическую жизнь, представляющим ее интересы.

4. Необходимо больше внимания уделять организации выборов, в частности техническому обеспечению, а также усилить контроль на избирательных участках с целью устранения возможной агитации и склонения к выбору определенных кандидатов.

Поступила 13.07.11.

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Г. А. Трафимова

Приводятся результаты исследования миграционных намерений современной российской молодежи в Самарском государственном аэрокосмическом университете им. академика С. П. Королева. Опрошены 218 респондентов 18—22 лет. Проведен анализ факторов, влияющих на уровень миграционных намерений студентов. Дано сравнение с результатами ранее проведенных социологических исследований, касающихся миграционных стратегий молодых россиян.

В современном мире миграция стала фактором, влияющим не только на демографические, но и на экономические, социальные, политические и этнокультурные процессы. Общее число мигрантов в мире оценивается примерно в 192 млн, что составляет 3 % населения Земли [1]. Миграция все чаще рассматривается в качестве неотъемлемого процесса эпохи глобализации. В сентябре 2006 г., впервые в истории, ООН провела встречу на высшем уровне по вопросам миграции. Ее участники поддержали предложение о создании Глобального форума по миграции и развитию, поскольку миграция становится одним из ведущих факторов, определяющих облик мировой экономики. Крайне важными являются совместные усилия различных государств по международному регулированию миграции. Особенно ярко это проявилось в последнее время, когда в Европу хлынул поток беженцев из Туниса и Ливии.

Российская Федерация в 1990-е гг. занимала третье место в мире по объемам иммиграции (13,3 млн чел.), в дальнейшем перешла на второе, уступив лишь США (35,0 млн чел.) [2, с. 25]. Для современной России миграция во многом является средством замещения убыли населения: по официальным данным, в 2010 г. миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения на 61,2 % [7].

Одной из серьезных проблем является отношение россиян к мигрантам. На протя-

© Г. А. Трафимова, 2011

жении последних 20 лет социологи констатируют довольно высокий уровень неприязни к выходцам из других государств, особенно иноэтничным. Недавние опросы Левада-Центра выявили, что 66 % опрошенных россиян выступают за ограничение потока приезжих (в столице и других крупных городах эти показатели равных 78 и 75 % соответственно). Лишь 26 % наших соотечественников высказываются за либерализацию политики в отношении иммигрантов [4]. В то же время готовится принятие новой Концепции миграционной политики Российской Федерации, которая предполагает снятие ограничений для иммигрантов. Очевидно, что в данном случае речь идет о противоречиях позиции государства и граждан относительно иммиграции в нашу страну.

Не менее существенна для РФ проблема эмиграции. На протяжении последнего столетия исследователи насчитывают шесть волн эмиграции из России. При этом практически всегда из России уезжали наиболее образованные, культурные и активные люди. В последние годы у многих людей возникло субъективное ощущение того, что эмиграция за рубеж усиливается. В этом плане статистические данные нельзя рассматривать как точные показатели динамики реальных эмиграционных процессов. Исследователи констатируют, что, «поскольку поэтапная и латентная формы миграции подразумевают выезд из страны по временным визам, а затем уже получение постоянной визы и изменение своего статуса в стране-реципиенте, категория граждан, выезжающих по этим „теневым" каналам, остается за рамками учета национальной статистикой» [8].

Намерения и установки относительно возможной эмиграции в другую страну позволяют выявить социологические опросы. Приведем примеры таких исследований. Исследование Левада-Центра «Средний класс», проведенное в июле 2008 г. по заказу EU-Russia Centre, показало, что эмиграционные настроения посещают каждого второго представителя среднего класса России. Среди умеренных или активных сторонников переезда в другую страну 75 % людей младше 35 лет, имеющих большой доход (более 15 % из них относятся к высшему слою среднего класса) и хорошо владеющих минимум одним иностранным языком. Заявили, что хотели бы, чтобы их дети учились и работали за границей, 63 % опрошенных [5].

Опрос Левада-Центра, проведенный в апреле 2009 г., выявил, что лишь около 13 % россиян хотели бы жить за границей. Желания и намерения далеко не всегда приводят к действиям. Это находит подтверждение в том, что лишь около 1 % россиян оформляют документы на выезд. По данным Левада-Центра, эти показатели с 1992 г. практически не изменились, хотя мысли о переезде чаще возникают у молодых людей. Хотели бы переехать 29 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 17 % опрошенных в возрасте от 25 до 39 лет [6].

Таким образом, в настоящее время налицо тенденция к усилению намерений эмигрировать у молодых высокообразованных россиян. К этой группе относятся и люди в возрасте 30—40 лет, имеющие определенный социальный статус, и люди более молодые, часто только окончившие вуз (или даже еще не окончившие), осознавшие отсутствие перспектив для себя на Родине.

Проблема, которую принято называть «утечкой умов», активно изучается начиная с начала 1990-х гг. Под этим термином понимается процесс массовой эмиграции, при которой страну или регион покидают по политическим, экономическим, религиозным или иным причинам специалисты, ученые и квалифицированные рабочие. При оценке этого процесса с нейтральной точки зрения можно отметить, что государствам, из которых происходит утечка специалистов, наносится весьма значительный экономический, культурный, а иногда и политический ущерб, и напротив, страны, принимающие и обеспечивающие специалистов-эмигрантов, приобретают огромный и дешевый интеллектуальный капитал. Признавая социально-экономические причины «утечки умов», некоторые ее формы, например выезд за рубеж для учебы и профессиональной подготовки, принято считать неотъемлемой характеристикой современности. Вместе с тем все чаще подчеркивается, что вымывание из России наиболее способных и перспективных специалистов является сильнейшим вызовом отечественному интеллектуальному потенциалу [3].

Формирование миграционных стратегий начинается задолго до принятия конкретных решений. Однако их можно попытаться выявить, например, изучая миграционные настроения студентов — наиболее активной и мобильной части российской молодежи. Оценка миграционных настроений студентов осуществлялась по итогам социологических опросов в середине 1990-х и начале 2000-х гг. Так, опрос студентов МГУ им. М. В. Ломоносова, проведенный в 2002 г., показал, что только четверть опрошенных выпускников университета имеют

желание жить и работать в своей стране. Подавляющее же большинство не принимают Россию в качестве места приложения профессиональных знаний и в той или иной форме хотели бы решать свою судьбу за ее пределами. Наиболее предпочтительная стратегия миграционно-профессионального поведения для 59 % респондентов — постоянное проживание в России с возможностью работы за рубежом на контрактной основе. В целом активный миграционный потенциал опрошенных студентов МГУ оценивался на уровне 25 % [6]. При этом 44 % планирующих научную деятельность респондентов имели одновременно миграционные намерения и связывали реализацию собственных научных амбиций с выездом за рубеж. Одним из выводов данного исследования было то, что желание высококвалифицированной российской молодежи заниматься научным трудом в естественно-научных областях знаний становится мощным фактором, выталкивающим из страны.

Применимы ли эти результаты только к столичным студентам или они отражают общероссийские тенденции? Для того чтобы это выяснить, в марте 2011 г. мы провели социологическое исследование, целью которого было выявление миграционных установок и намерений студентов Самарского государственного аэрокосмического университета им. С. П. Королева (СГАУ). Изложим первые результаты проведенного опроса, в котором участвовали 218 студентов, получающих разных специальности, преимущественно технические: «Радиотехника», «Прикладная математика и информатика», «Автоматизированные системы обработки информации и управления», «Комплексное обеспечение информационной безопасности автоматизированных систем» и др. Было опрошено 75,7 % юношей и 24,3 % девушек (с учетом специфики вуза преобладание молодых людей среди опрошенных вполне оправданно). Возраст респондентов — от 18 до 22 лет.

«Качественные» характеристики опрошенных студентов следующие: у 57,1 % из них в зачетной книжке преобладают отличные оценки; 30,1 % побеждали в конкурсах и олимпиадах; 12,1 % имеют научные публикации; 3,8 % получали именные стипендии и гранты; 24,6 % свободно владеют иностранным языком; 2,9 % участвовали в международных исследовательских проектах; 3,0 % ездили за рубеж с учебно-профессиональными целями (летние школы, стажировки, программы обмена); 5,2 % имеют профессиональные контакты за рубежом.

На вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что многие россияне высказывают идею отъезда в другую страну?» — получены следующие ответы: 10,1 % опрошенных полностью поддерживают идею отъезда в другую страну, 24,3 % относятся к таким идеям «скорее положительно», 43,1 % — «нейтрально», 17,4 % — отрицательно и 5,0 % негативно реагируют на такие идеи.

Главными причинами миграционных намерений россиян респонденты назвали следующие: отсутствие работы по профессии (19,0 %); рост преступности, угроза личной безопасности (22,7 %); надежда реализовать профессиональные и жизненные планы (58,7 %); желание получить хорошее образование (12,6 %); желание продолжить учебу по специальности/получить еще одну (10,4 %); желание повысить качество жизни (78,9 %); большинство близких уехали или собираются уезжать (6,7 %).

Оценивая возможность изменения в ближайшие годы числа уезжающих из России за рубеж, 42,2 % студентов заявили, что этот показатель будет увеличиваться, 29,4 % считают, что он не изменится, и 13,3 % — что будет уменьшаться. Таким образом, у значительной части респондентов есть субъективное ощущение растущего потока эмигрантов из России.

Отвечая на вопрос: «Где бы вы хотели проживать?», 33,2 % опрошенных выбрали ответ «постоянное проживание и постоянная работа в России», еще 41,0 % готовы постоянно проживать в России «с возможностью работы за рубежом на контрактной основе». Итак, 74,2 % респондентов ориентируются на постоянное проживание на Родине. Постоянно проживать и работать за рубежом хотели бы 18,9 % опрошенных студентов, еще 4,6 % заявили о желании постоянно проживать за рубежом «с возможностью работы на контрактной основе в России». Таким образом, ответы на данный вопрос позволяют говорить о том, что почти четверть опрошенных студентов декларируют свои миграционные намерения.

По сравнению с опрошенными в 2002 г. студентами МГУ студенты СГАУ чаще выбирали вариант постоянного проживания и работы за рубежом (18,9 % по сравнению с 6,5 %). Постоянно проживать и работать в России хотели бы треть опрошенных в Самаре (по сравнению с четвертью в Москве). Постоянно проживать в России «с возможностью работы за рубежом на контрактной основе» хотят 41 % самарских и 59 % московских студентов.

Ответы на вопрос: «Если Вы намерены

переехать, то куда именно?» — показали, что 44,1 % опрошенных хотели бы переехать за границу, 18,4 % — в Москву или Санкт-Петербург, 2,1 % — в другой регион России. Не дали ответа на данный вопрос 22 % респондентов, что позволяет сделать предположение о том, что для них идея переезда, во всяком случае в данный момент времени, неактуальна.

Проблема адаптации к новой социальной среде, возможной неприязни со стороны населения принимающей страны побудила нас задать вопрос о вероятном недоброжелательном отношении к эмигрантам со стороны местного населения в выбранном ими новом обществе. Более половины опрошенных (53,3 %) допускают такую возможность, 20,0 % — не допускают, остальные затруднились однозначно выразить свое мнение. При этом лишь 9,7 % опрошенных признали, что в случае недоброжелательного к ним отношения они готовы вернуться в Россию. Подавляющее большинство (70,0 %) готовы приспосабливаться к такой ситуации, воспринимая ее, видимо, как естественную трудность.

О некоторых формах такого приспособления можно предположить, учитывая ответы на вопрос: «Если Вы собираетесь выезжать за пределы России, каковы Ваши конкретные действия по реализации выездного намерения?». Большинство студентов ответили «зарабатываю, коплю деньги» (43,8 %), «собираю информацию о возможностях выезда за рубеж» (40,8 %). Менее популярны были следующие ответы: «интенсивно изучаю иностранные языки» (14,0 %), «сдаю экзамены, прохожу тестирования» (6,3 %), «обращаюсь в посольства» (5,4 %), «устанавливаю связи с зарубежными родственниками, нахожу друзей, знакомых за границей» (4,7 %), «рассылаю заявки, подготавливаю документы» (3,2 %).

Половина опрошенных для того, чтобы учиться за рубежом, собираются работать там же, 43,7 % рассчитывают на стипендию принимающих университетов, 12,7 % планируют учебу за границей на родительские средства, 10,4 % надеются получить грант на обучение от зарубежных фондов, 2,9 % думают о получении заемных средств на учебу.

Одной из гипотез исследования была гипотеза о наличии зависимости уровня миграционных намерений от специальности обучения респондентов. Мы предположили, что студенты так называемых «престижных» специальностей больше ориентированы на эмиграцию. Это предположение частично подтвердилось. Так, почти 40,0 % студентов специальности «Прикладная математика и информатика» заявили о желании жить за рубежом (в том числе 28,6 % — постоянно проживать и работать за рубежом). Жить и работать в России намерены всего 17,9 % опрошенных этой группы. В то же время неожиданно мало желающих жить и работать за рубежом оказалось среди обучающихся по специальностям «Комплексное обеспечение информационной безопасности автоматизированных систем» (13,0 %) и «Прикладные математика и физика» (16,0 %).

Наиболее высокой оказалась нацеленность на временную эмиграцию у студентов инженерно-конструкторских специальностей (53,8 % из них хотели бы жить в России с возможностью работы за рубежом на контрактной основе). Поскольку СГАУ имеет широкие контакты с зарубежными университетами и научными центрами, часть студентов уже во время учебы получают возможность сравнить профессиональные перспективы в России и других странах. Кроме того, примеры удачной карьеры выпускников СГАУ за рубежом не могут не иметь определенный миграционно-мобилизационный эффект.

В целом результаты проведенного нами опроса подтверждают высокий уровень миграционных настроений молодых образованных россиян. Будущее России во многом зависит от того, будут увеличиваться или снижаться подобные настроения, реализовываться или останаться лишь мечтами. Успех построения инновационной экономики, основанной на знаниях, в немалой степени зависит от миграционных установок молодежи. Анализ проблем миграции на основе мнений студентов дополняет исследования эмиграционных ориентаций россиян, а также позволяет выработать конкретные предложения для структур, принимающих решения в сфере образовательной, трудовой, миграционной и научно-технической политики России.

С одной стороны, высокообразованные россияне сами предлагают себя в качестве интеллектуального «товара», обладающего набором востребованных знаний и навыков. С другой стороны, налицо политика заинтересованных в интеллектуальных мигрантах стран-реципиентов в отношении высокообразованных и талантливых россиян. В настоящее время представительства многочисленных фондов и специализированных образовательных служб зарубежных государств есть практически во всех крупных россий-

ских городах. Существует система преференций при финансировании обучения и выдаче въездных виз, нередко осуществляется индивидуальный отбор талантливых школьников и студентов для участия в программах интеллектуальной миграции.

Если Россия действительно заинтересована в своих молодых, образованных, активных гражданах, то самое время противопоставить «интеллектуальному насосу», выкачивающему лучших специалистов, особую систему мер, которая будет ясно и четко демонстрировать отечественной молодежи, что именно она — будущее страны, именно за нее государство готово бороться и побеждать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 1 из 33 человек в современном мире является мигрантом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iom.int/jahia/Jahia/about-migration/facts-and-figures/lang/en. — Загл. с экрана.

2. **Акмалова А. А.** Социальная работа с мигрантами и беженцами : учеб. пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. — М. : Инфра-М, 2010. — 220 с.

3. **Леденева Л. И.** Утечка молодых умов : миграционные вызовы построению в России инновационной экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusrand.ru/konf1/ledeneva.pdf. — Загл. с экрана.

4. Политика в отношении приезжих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.old.levada.ru/press/2011032201.html. Загл. с экрана.

5. Российский средний класс. Ваше мнение? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.old.levada.ru/press/2008070101.html. — Загл. с экрана.

6. Россияне об отъезде на ПМЖ за границу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.old.levada.ru/press/2009051503.html. — Загл. с экрана.

7. Росстат. Демография [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru. — Загл. с экрана.

8. Эмиграционные намерения элитарной научной молодежи // Демоскоп Weekly (выпуск № 115—116, 2—15 июня 2003 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/tema05.php. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

СЕМЬЯ И СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

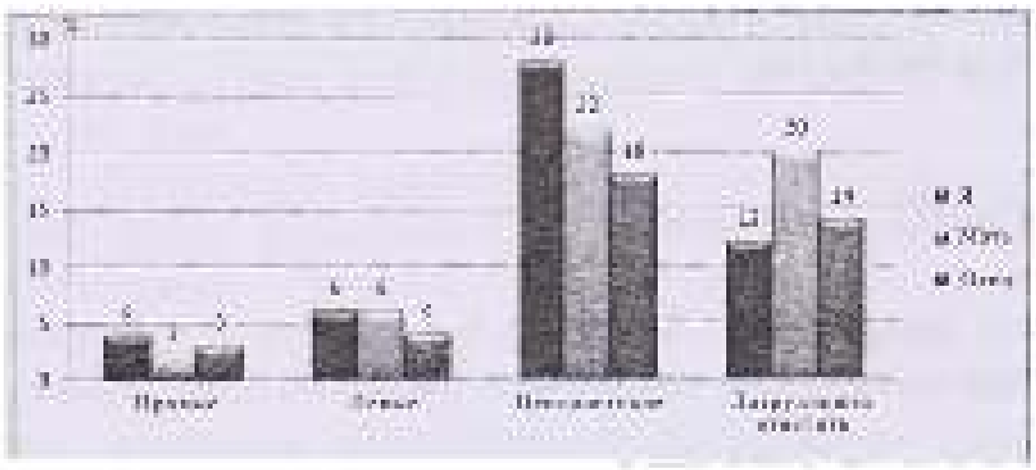
Н. А. Радаева

Статья посвящена анализу результатов пилотажного исследования, проведенного в мае 2010 г. с целью выявления роли семьи и СМИ в политической социализации молодежи. Опрос проводился среди студентов четырех вузов Саранска (МГУ, МГПИ, СКИ, МГИ). В работе раскрываются роли основных агентов политической социализации молодежи.

Семья закладывает в индивида свод норм и правил, которые становятся информационной «картой». Из нее всегда следует, чего он ожидает от себя, а чего склонен требовать от других во всех областях жизни, включая, разумеется, и политические аспекты. Не меньшую роль играют и средства массовой информации. С одной стороны, они дают полезную информацию, с другой — недостоверную, которая может отрицательно влиять на сознание молодого поколения страны. Влияние СМИ на политиче-

© Н. А. Радаева, 2011

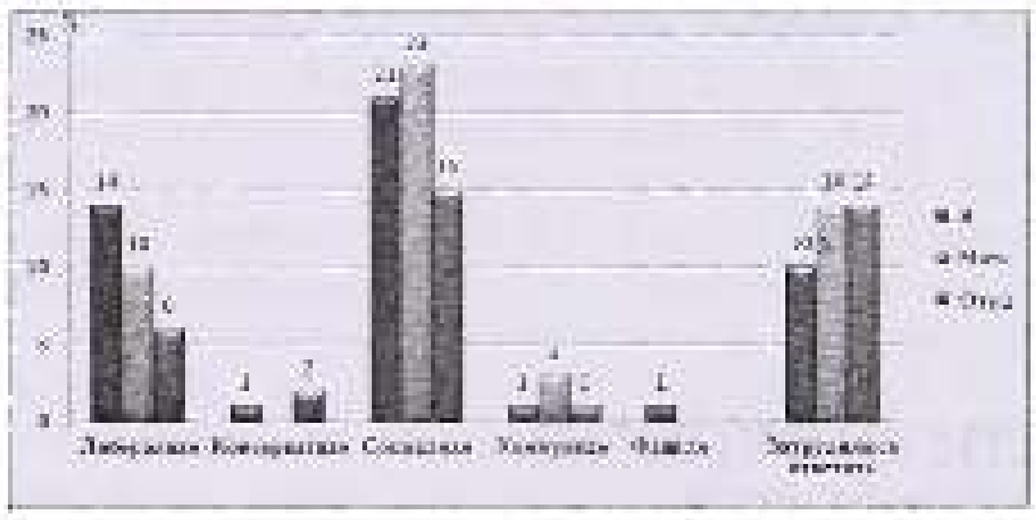
скую социализацию очень велико. Для выявления роли семьи определены политические предпочтения студентов и их родителей. На рис. 1 показаны ответы на вопрос, сторонниками каких политических взглядов они являются.



Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие политические взгляды наиболее близки Вам и Вашим родителям?»

Разница между предпочтениями родителей и студентов невелика, даже если учесть, что это два разных поколения. При этом 52 % опрошенных указали, что вся семья является сторонником центристских идей, что подтверждает зависимость предпочтений студентов от предпочтений их родителей.

Та же тенденция, что и в первом случае, наблюдается с предпочтениями политической идеологии (рис. 2).

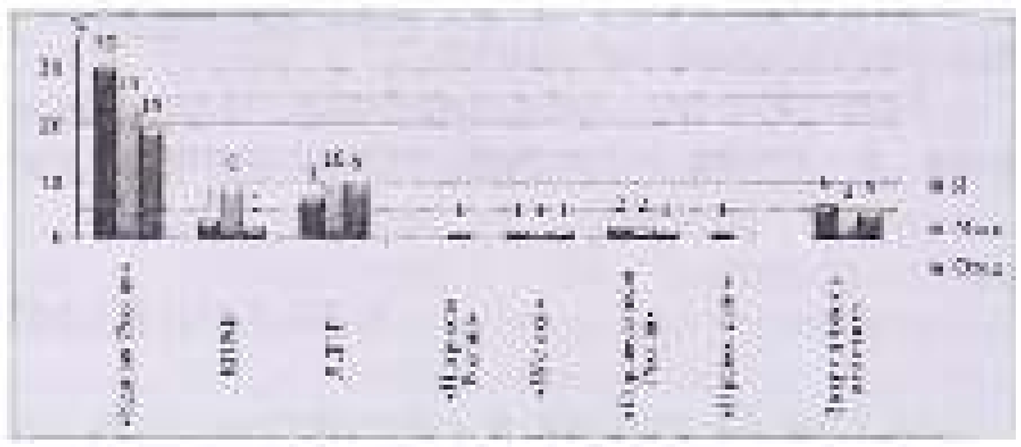


Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какой идеологии придерживаетесь Вы и Ваши родители?»

Как видим, в основном родители и студенты придерживаются идеологии социализма, меньше — идеологии либерализма. При этом 38 % опрошенных, отметили, что вся семья придерживается идеологии социализма, 12 % — идеологии либерализма. Из этого следует, что 50 % студентов полностью разделяют предпочтения в идеологии с родителями.

Нельзя оставить без внимания и партийные предпочтения (рис. 3).

Как видим, сторонниками «Единой России» является большее число опрошенных — как студенты, так и родители. При этом 52 % респондентов поддерживают эту партию всей семьей. Значимость предпочтений родителей весьма велика для студентов и в этом случае.



Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос: «Сторонниками какой партии являетесь Вы и Ваши родители?»

Далее мы выяснили, с какого возраста интерес молодых людей к политике возрастает и появляются первые серьезные вопросы к родителям на соответствующую тему (табл. 1).

Таблица 1

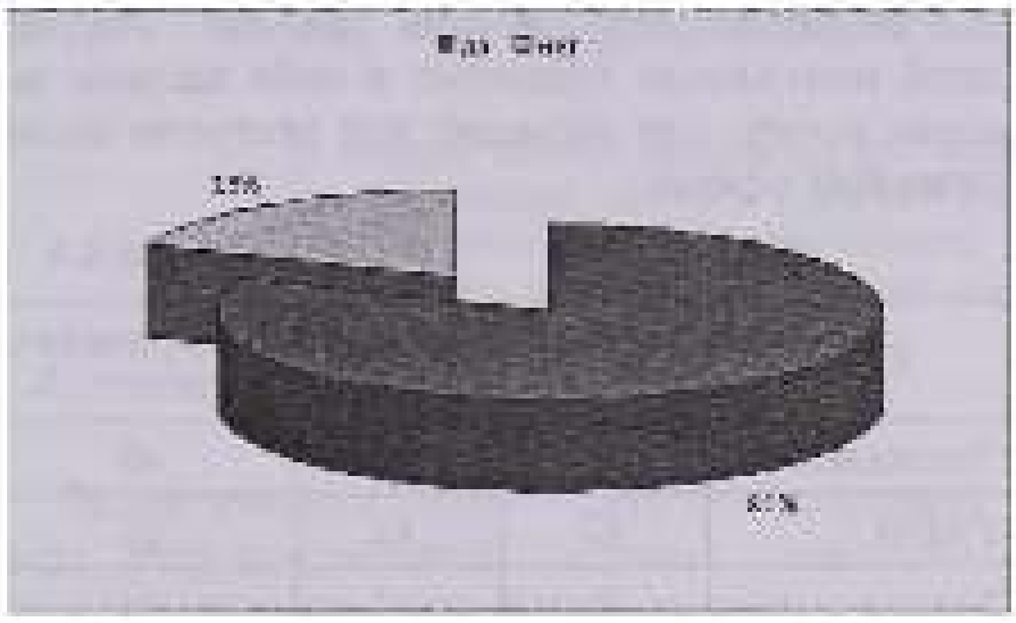
Распределение ответов на вопрос: «Попытайтесь вспомнить, с каких лет Вы стали задавать родителям вопросы на тему политики?»

Возраст	Доля опрошенных, %
С 17 лет	4
С 16 лет	12
С 15 лет	22
С 14 лет	16
С 13 лет	4
С 12 лет	10
С 10 лет	8
С 9 лет	2
Не задавал	22

Итак, из табл. 1 видно, что с 14—15 лет интерес к политической сфере увеличивается. Получая объем новых сведений в школе, подросток в первую очередь обращается за пояснениями к родителям, которые должны ответить на все вопросы, не оставляя пробелов и не отбивая интереса к политике. Ведь именно в этот период в сознании подростка начинают отражаться первые важнейшие события политической жизни. Нас интересовало, отвечали ли родители на вопросы подростков (рис. 4).

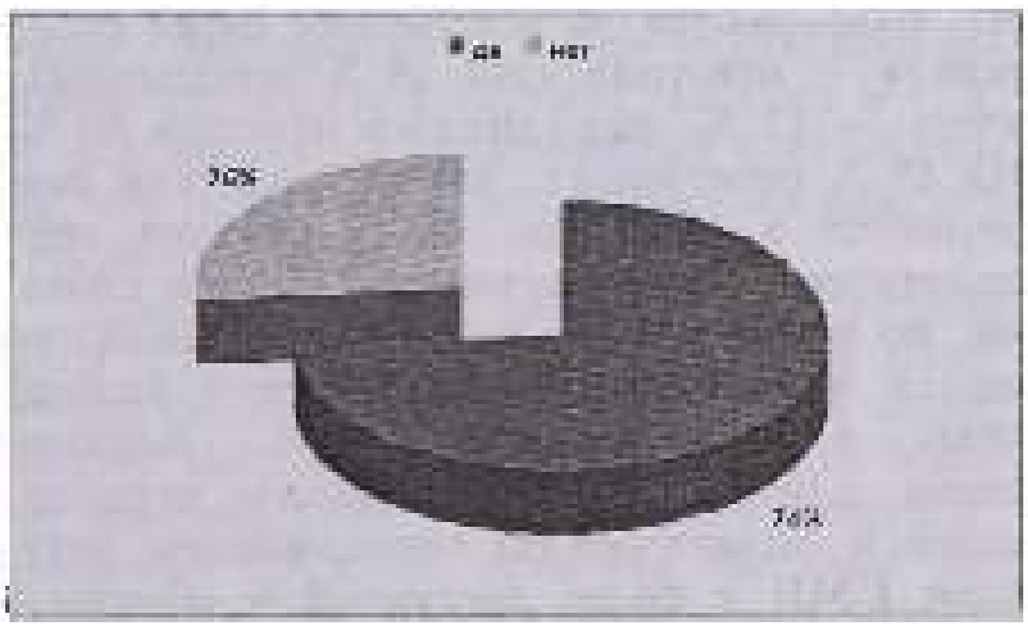
Естественно, родители не оставляют вопросы подростков без ответа. Тем более, что возраст 13—15 лет — самый опасный. Не получая ответов и поддержки в семье, подро-

сток отдаляется от родителей и частично находит понимание среди сверстников. Результатом этого может стать ресоциализация.



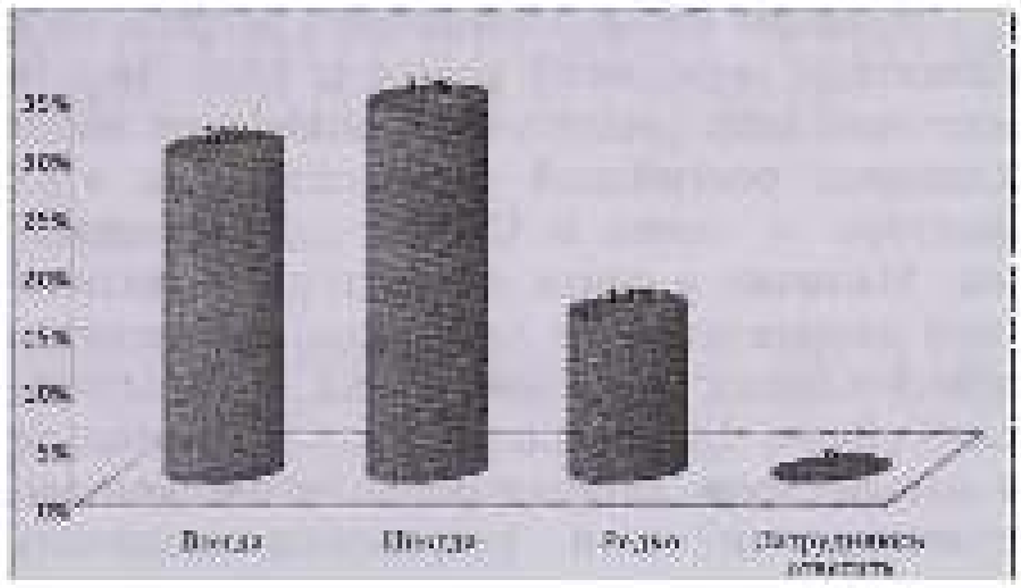
Р и с. 4. Распределение ответов на вопрос: «Давали ли родители Вам ответы на задаваемые вопросы?»

Темами семейных обсуждений может быть что угодно, в том числе политические деятели. Это может быть началом включения подростка в обсуждение. С бесед о политиках интерес переходит на их деятельность, на всю политическую сферу. Более того, пояснения родителей понятнее, так как даются в привычной обстановке. Рис. 5 показывает, что обсуждения политических деятелей в семьях весьма часты. Это говорит о уровне вовлеченности семьи в процесс политической социализации молодежи. Безусловно, обсуждения политиков проходят не только в рамках семьи, но именно в этих условиях имеют большее значение.



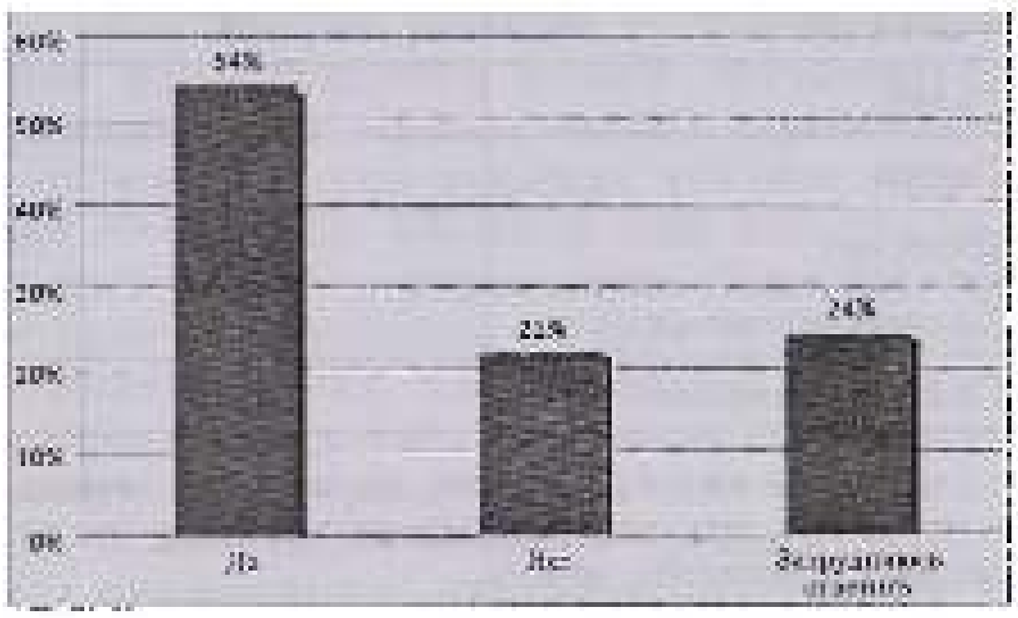
Р и с. 5. Распределение ответов на вопрос: «Обсуждаете ли Вы с семьей политических деятелей?»

На рис. 6 показаны ответы 74 % молодых людей, обсуждающих с семьей политических деятелей, на вопрос: «Всегда ли Вы согласны с мнением родителей в отношении политических деятелей?».



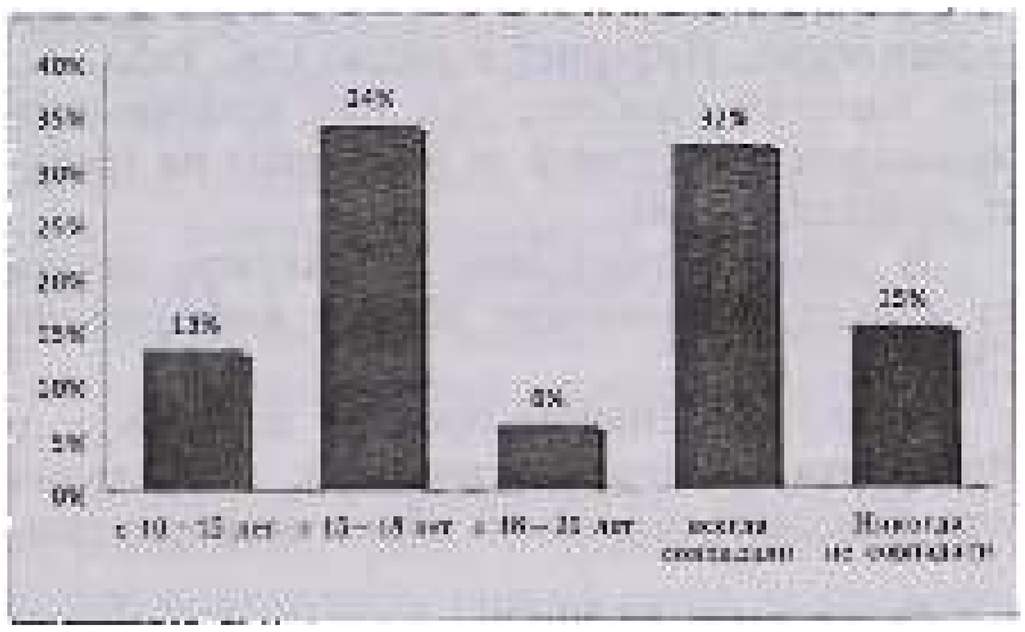
Р и с. 6

Мы видим, что большинство респондентов иногда соглашаются с родителями, что говорит о наличии некоторых разногласий, дискуссий, обмене взглядами. Это значит, что молодежь не просто соглашается с мнением родителей, а приобретает с их помощью собственное мнение. Но при этом и число всегда соглашающихся также велико, значит, мнение родителей в обоих случаях весомо для молодых людей. Итогом можно считать результат ответов на вопрос: «Оказало ли влияние на Ваши политические взгляды мнение родителей?» (рис. 7).



Р и с. 7

Мы также выяснили, в каком возрасте политические взгляды респондентов и их родителей совпадали (рис. 8).



Р и с. 8

Влияние семьи, безусловно, велико, но с развитием технологий возросла роль средств массовой информации в политической социализации российской молодежи. Два этих фактора — семья и СМИ — взаимосвязаны. Наличие в семье литературы политической направленности дает право расценивать осведомленность членов семьи о политической сфере. Был задан вопрос: «Имеется ли в вашем доме литература политической направленности?», и результаты поначалу очень удивили, так как ответивших «да» всего 36 %, а ответивших «нет» — 42 %, затруднились ответить 22 %. При этом к данной литературе обращаются в основном родители (так ответили 6 % опрошенных), бабушки с дедушками (4 %), студенты (2 %). Вариант «никто» указали 14 % респондентов. Согласно нашему опросу 64 % студентов интересуются политическими событиями, в то время как 36 % данная тема безразлична. В табл. 2 показано, из каких источников молодые люди получают политическую информацию.

Таблица 2

Источник информации	Доля опрошенных, %
Телевидение	40
Радио	22
Газеты	18
Интернет	36
Со слов знакомых	6
Со слов родителей	2

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Итак, можно объяснить, почему столь мал процент имеющих дома литературу политического содержания при большом проценте интересующихся политикой. Дело в том, что больше всего информации молодежь получает именно из таких источников, как телевидение, Интернет и радио (см. табл. 2). Это намного удобнее, так как информация обновляется быстрее и ее получение не требует лишних затрат.

В табл. 3 показаны результаты ответа на вопрос: «Доверяете ли Вы информации СМИ?».

Итак, наименьший процент доверия — у Интернета, и это обоснованно: глобальная сеть содержит огромный объем информации, доступ к которой тоже имеют большинство пользователей. Часто наряду с правдивой информацией в Сети встречается ложная, и немногие могут ее выявить. В газетах, тем более политических, обмана меньше. Российский менталитет включает в себя полное доверие всему, что выходит под статусом политической сферы.

Таблица 3

СМИ	Да, %	Нет, %	Затрудняюсь ответить, %
Телевидение	48	12	40
Радио	62	12	26
Газеты	76	10	14
Интернет	30	36	34

Как показал наш опрос, политическая информация в СМИ начинает интересовать респондентов начиная с 10–14 лет (12 %). Это связано в первую очередь с домашними заданиями в школе, далее развивается личный интерес, и обращения к СМИ учащаются. Так, на вопрос: «С какого возраста Вы стали обращаться к СМИ за политической информацией?» — самый большой процент ответов пришелся на период 15–17 лет (51 %). Как уже было замечено ранее, именно в этот период появляется серьезный интерес к политической сфере (см. табл. 1).

Семья на начальном этапе развивает политический интерес подростка, и то, насколько разбираются в политике родители, влияет на политическую осведомленность подростков. Так, на вопрос: «Как Вы считаете, разбираются ли в политике Ваши родители?» — ответили «да» 48 % опрошенных, «нет» — 12 %, затруднились ответить 40 %. Из 48 % ответивших, что их родители разбираются в политике, 26 % считают себя политически просвещенными. Иными словами, по крайней мере у половины разбирающихся в политике родителей дети разборчивы в политической сфере. Влияние семьи длится до определенного периода, далее в политическую социализацию вступают СМИ с более доступной и объемной информацией.

Последним был задан вопрос, считают ли студенты необходимым быть политически осведомленными. Результат оказался вполне ожидаемым: 94 % опрошенных ответили, что современному человеку нужно разбираться в политике.

Поступила 13.07.11.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М. А. Курочкина, Н. А. Помелова

В данной статье производится анализ проблем современных политических элит, а также на основе данных социологического исследования анализируется мнение студенческой молодежи о современных политических лидерах и ее отношение к политике. На основе полученных данных составлен социальный портрет современной политической (правящей) элиты.

Политическая элита — это неотъемлемая часть государственной системы, непосредственно связанная со всеми направлениями деятельности государства. Представим на мгновение, что элиты не существует, тогда вся масса людей должна обладать компетентностью в политических вопросах и при этом должна заниматься и другим делом, что нереально. Поэтому из толпы выделяются несколько человек, которые выступают от имени народа, и они в свою очередь имеют тенденцию превращаться в политическую верхушку, т. е. элиту. Без нее немыслимо существование государства.

Политическая элита внутренне дифференцированна. Она делится на *правящую*, которая непосредственно обладает государственной властью, т. е. *политическую элиту власти*, *оппозиционную* (т. е. *контрэлиту*); на *высшую*, которая принимает значимые для всего государства решения; *среднюю*, которая выступает барометром общественного мнения (включает около 5 % населения); *административную* — это служащие-управленцы (бюрократия). Также различают политические элиты в партиях, классах и т. д. Но разграничение политических элит не значит, что между ними нет взаимного влияния и взаимодействия.

Элита охватывает наиболее влиятельные круги и группировки экономически и политически господствующего класса. Это люди, которые сосредоточили в своих руках большие материальные ресурсы, технико-организационные средства, средства массовой информации. Это профессиональные служащие, политики, идеологи и т. д. Но политическая элита — это не просто арифметическая сумма правителей и властителей, это образование более сложное. Суть не только в том, что ее члены концентрируют в своих руках власть путем монополизации права на принятие решения, на определение целей, но это прежде всего особая социальная группа, которая основана на глубоких внутренних связях входящих в нее политиков, идеологов и т. д. Их объединяют общие интересы, которые связаны с обладанием рычагами реальной власти. Довольно долго не прекращаются дискуссии о том, кто именно обладает «властью» в обществе. Интуитивно мы чувствуем, что некоторые люди наделены ею в значительней мере, в то время как другие — нет. Но для исследователя недостаточно интуиции. Нам требуется нечто вроде диагностики, позволяющей точно идентифицировать, о ком мы ведем речь, когда говорим об элите.

Политическое развитие России традиционно характеризуется особой значимостью административно-политического управления в системе факторов развития, что обусловливает особую роль властных элит как субъекта политического управления. Несмотря на глубину происшедших в 1990-е гг. социально-экономических преобразований и существенных изменений, сложившихся в предшествующий период модели элитообразования, политическая элита по-прежнему является приоритетным фактором политического процесса. Более того, анализ ряда особенностей современного политического процесса в России убедительно свидетельствует о том, что в современном российском обществе политическая элита не только сохранила, но и значительно укрепила свою роль. Это обусловлено как глобализацией социальной жизни, увеличившимися возможностями влияния СМИ на массовое сознание, так и спецификой общественного мнения современной России, которое выражается в критическом отношении к государственным институтам, ослаблении веры во власть, доминировании в массовых настроениях тоски по прошлому и т. п.).

Элитарность современного общества — это реальность, факт. Устранить же политическую элитарность можно лишь за счет об-

© М. А. Курочкина, Н. А. Помелова, 2011

щественного самоуправления. Однако на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации самоуправление народа — это скорее привлекательный идеал, утопия, чем реальность. Уровень решения этой задачи во многом характеризует социальная представительность элиты, т. е. представление различных слоев общества, выражение их интересов и мнений в политической элите. Такое представительство зависит от многих причин. Одна из них — социальное происхождение и социальная принадлежность. Строго говоря, социальная принадлежность во многом определяется принадлежностью к элите, поскольку вхождение в элиту обычно означает приобретение нового социального и профессионального статуса и утрату старого. Таким образом, перспективы развития российского общества определяются сегодня, как и вчера, значимым активным меньшинством, квалифицируемым в качестве российской «элиты».

Бурные демократические преобразования, охватившие Россию в 1990 е гг., внесли изменения во все сферы общественной жизни. В первую очередь это коснулось политической обстановки в целом: отношений тех, кто делает политику, и тех, кто ее оценивает. Ключевыми стали выражения «наличие свободного выбора», «право участвовать в принятии решений» и др.

Сегодня как политики, так и окружающие их люди понимают, что у большинства появилась возможность не только оценивать политических лидеров по результатам их деятельности, но и влиять на предоставление им возможности вершить политику, находиться у власти. Чрезвычайно важный, знаковый характер несут в себе фигуры политических деятелей. Какой личностью является тот или иной политик, какие чувства, символы и идеи ассоциируются с ним, имеет для публики первостепенный интерес.

Для многих не секрет, что современный политик сочетает в себе как природный дар, харизму, так и элементы политического ритуала, профессиональные навыки, дипломатические качества. Немаловажная роль в этом процессе отводится отслеживанию его деятельности, (особенно во время выборов), которая обозревается СМИ. Важно выявить основные черты, качества, присущие этим людям, и другие особенности, мало зависящие от личностных качеств человека, находящегося на вершине пирамиды власти. Поэтому обратимся к молодежи с вопросами: «Что означает в наши дни понятие „политическая элита"?», «Как же должен выглядеть идеальный политик?», «Какие функции он должен выполнять?» и т. п.

В апреле 2010 г. в Мордовии было проведено пилотажное социологическое исследование на тему «Политическая элита в сознании студенческой молодежи». Исходя из полученных данных был составлен социальный портрет современной российской элиты глазами студентов МГУ имени Н. П. Огарева. Рассмотрев и проанализировав ряд вопросов, посвященных выяснению основных характеристик современной политической элиты, можно сделать определенные выводы.

Подавляющее большинство представителей правящей современной российской элиты, не обладая высокими управленческими и нравственными качествами, получив громадные привилегии в результате «приватизации» значительной части общенародного достояния, оказались неспособными достойно управлять страной и во многом виновна в развитие кризиса. Это видно из ответов респондентов на вопросы: «На Ваш взгляд, „правящая элита" — это...» и «Что Вас не устраивает в работе политических деятелей, руководителей?». Большинство респондентов (86 %) ответили, что политическая элита — это «говорящие головы» при Президенте, главной функцией которых является его поддержка. Только 7 % выбрали варианты ответов «самая образованная группа общества, занимающая наилучшие позиции (посты) в сфере государственной власти» и «руководство политических партий». Молодых людей в работе политических деятелей больше всего не устраивают несоблюдение ими законов и коррумпированность.

На вопросы о характеристиках личности политика также получены интересные ответы. Главным качеством политика, по мнению юношей, является твердость и жесткость характера (36 %), по мнению девушек, — честность и порядочность (32 %). Такое качество, как патриотизм, у респондентов на втором месте (22 и 23 % соответственно). Можно предположить, что данный факт свидетельствует о том, что такие качества, как непорядочность и слабость характера политических лидеров, настолько сильно проявляются в их работе (поведении), что создают определенную негативную картину. Можно быть патриотом, но быть при этом непорядочным гражданином.

По вопросам социально-демографического блока вопросы распределялись с небольшими разногласиями. На вопрос: «Какого возраста, на Ваш взгляд, должен быть современный российский политический ли-

дер?» — 97 % респондентов ответили: «Не старше 50 лет». И лишь 3 % посчитали, что «чем старше будет политический лидер, тем лучше (мудрее)». И юноши, и девушки практически единогласно (91 и 87 % соответственно) считают, что политический лидер должен быть мужского пола. Из общего числа опрошенных 96 % утверждают, что современный российский политический лидер, должен быть русской национальности, 4 % респондентов считают, что национальность не имеет значения.

Большая часть студенческой молодежи доверяют Президенту Д. А. Медведеву (юноши — 26 %, девушки — 21 %) и премьер-министру В. В. Путину (юноши — 49 %, девушки — 43 %). В список «доверия» добавился президент Русского географического общества, «главный спасатель страны» С. К. Шойгу (юноши — 18 %, девушки — 22 %). В варианте ответа «другое» респонденткой был предложен такой политический лидер, как Г. Каспаров (1 %), некоторые студенты писали, что никому не доверяют.

Далее респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос: «Кто из действующих политиков в наибольшей степени выражает Ваши интересы и надежды?». В целом ответы молодых людей на данный вопрос частично совпадают с ответами на предыдущий. Большинство назвали также Д. А. Медведева (22 %), В. В. Путина (53 %) и С. К. Шойгу (19 %). Интересы некоторых девушек выражает В. И. Матвиенко (2 %), юношей — В. В. Жириновский (1 %). 3 % респондентов затруднились ответить на наш вопрос. Портрет современной элиты получился нерадостным. Нашему государству не хватает сильных и порядочных лидеров, которые будут следовать не только личным интересам и интересам государственной бюрократии, но и интересам народа.

Большая часть населения бессознательно голосует за того или иного кандидата, не веря в возможность своим голосом как-то повлиять на политический курс в государстве («от нас ничего не зависит»), а потом искренне удивляются, как во властных структурах могли оказаться те люди, кого они там хотели меньше всего видеть. В реальности портрет политической элиты выглядит примерно так: безалетельность, некомпетентность, нежелание и неумение решать проблемы социально-экономического и культурного развития, будь то уровень страны, региона или местного поселения. Люди сегодня больше страдают от элементарной некомпетентности властей, чем от их злодеяний. А профессиональная работа чиновника требует наряду с инициативностью и деловой активностью еще и глубоких знаний.

Мы сегодня страдаем от коррупции, политической неинформированности политических лидеров и закрытости политической системы. Чиновники не должны принимать решения исходя из ограниченных, узкоотраслевых представлений об интересах общества. Люди должны знать, какое общество строится в результате реформ, каким национальным интересам оно будет соответствовать и какой в нем будет преобладающая система ценностей.

Поступила 13.07.11.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В МОРДОВИИ (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н. П. ОГАРЕВА)

Т. М. Дадаева, Н. А. Вишнякова, О. Н. Инявина, М. А. Курочкина

В данной статье на основе использования качественных методов социологического исследования осуществлена попытка определить основные аспекты адаптации иностранных студентов, прибывших на обучение в Мордовский государственный университет, и выяснить, как происходит взаимодействие разных культур, на конкретных примерах.

Адаптация, в силу многоаспектности, является «сквозным» предметом изучения целого ряда наук о человеке — философии, социологии, социальной психологии, педагогики, медицины и ряда других. В отечественных социологических исследованиях (В. К. Бальсевич, Ю. Н. Галагузова, П. С. Горулев, И. И. Калачаева, Я. Л. Коломинский, Г. П. Филонова, Б. Д. Эльконин и др.) под адаптацией принято понимать процесс и результат установления взаимоотношений между личностью и социальной средой [3]. Адаптационные процессы уже более 60 лет остаются в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых, рассматривающих различные адаптационные стратегии человека, попавшего в новую социокультурную реальность. К таким теориям можно отнести концепцию культурного шока (К. Оберг, П. Бок, П. Аллер, К. Левил) и концепцию W-образной кривой адаптации (Г. Триандис), описывающую основные фазы адаптации к новой культуре (оптимизм, фрустрация, удовлетворение), и многие другие [2].

Ежегодно все больше молодых людей приезжают в Россию из-за рубежа для получения высшего образования, и каждый из них объективно проходит процесс адаптации. Попадая в иную социокультурную среду, иностранный гражданин испытывает необходимость адаптироваться к ней с разных позиций: как представитель своей страны, т. е. носитель своей культуры, традиций, обычаев, норм поведения, системы ценностей; как молодой человек, т. е. личность с присущими ей специфическими личностными особенностями; как студент, т. е. субъект деятельности педагогической среды и как объект воздействия этой среды на него [1]. Важен процесс приспособления представителя иной этнической группы к принимающей среде. На этот процесс влияет множество факторов, в том числе величина социально-культурной дистанции между населением принимающей среды и иностранными студентами, индивидуальная психологическая гибкость, особенности родной культуры, религиозные убеждения, языковые способности и даже пол и возраст [3]. Однако под влиянием новой социокультурной среды эти факторы могут по-разному воздействовать на процесс адаптации. В связи с вышеизложенным тема адаптации иностранных студентов является весьма актуальной.

В Мордовском государственном университете обучаются около 300 чел. из 26 стран мира. Большая часть из них — студенты Медицинского института. В ходе пилотажного исследования были проведены три качественных полуструктурированных интервью со студентами вышеназванного института из Бангладеш, Пакистана и Судана. В интервью анализировались следующие тематические блоки: 1) причины и мотивы приезда в Мордовию; 2) испытываемые трудности; 3) отношения с местными жителями; 4) отношение к нашей культуре; 5) культурные заведения, посещаемые иностранными студентами; 6) национальные праздники иностранных студентов; 7) планы на будущее.

При анализе интервью был выявлен ряд особенностей адаптации иностранных студентов к жизни в нашей республике. Самым главным стимулом для приезда в Мордовию иностранные студенты назвали учебу в Медицинском институте («Учеба дорогая, поэтому приехал сюда. Раньше учиться стоило

© Т. М. Дадаева, Н. А. Вишнякова, О. Н. Инявина, М. А. Курочкина, 2011

5 000 долл. в год, сейчас, говорят, 10. Дорого. А чтобы поступить на бесплатное отделение, надо умным быть» (3; 4—5)).

В Мордовии иностранные студенты столкнулись с рядом трудностей. Для одного информанта затруднения вызвала дорога — сначала на самолете, потом на поезде, 8 часов нужно оставаться не на земле [имеется в виду перелет на самолете], и в общей сложности получается, что я добираюсь два дня. Вот проблема» (1; 27—29). Для второго студента проблемным стало приготовление пищи, так как это отнимает много времени, для третьего проблемой стала погода. Конечно, самой большой трудностью после приезда в Мордовию у всех опрашиваемых студентов был так называемый «языковой барьер» («Самая большая трудность — это язык. Очень сложно было. Приехал — ни одного слова не понимал» (3; 23—25)).

Большинство респондентов общаются с местными жителями. Это и одногруппники, и соседи по общежитию. Среди них у студентов очень много друзей. По мнению информантов, местные жители относятся к ним с пониманием, и нет неприязни как к представителям другой расы или этноса («Относятся к нам дружно, и мы с ними дружим, то есть здесь такого нет, чтобы ты с других стран или что то в этом роде, нет. Друзей очень много среди местных» (2; 24—26)). Тем не менее, как замечают респонденты, этого общения иногда бывает недостаточно. Нередко оно ограничивается приветствием и парой фраз за день. Один из трех студентов говорил, что общаться хотелось бы больше, ведь им есть что рассказать про свою культуру.

Все информанты отношения с местными жителями определяют как хорошие. Хорошие отношения у них не только с юношами, но и с девушками. Об этом свидетельствуют заключенные браки между русскими девушками и иностранными студентами («Много браков с русскими девушками. У нас это разрешается. Главное, чтобы она скромной была, доброй и верующей, а не только делала вид, что такая» (3; 38—40).

Отношение к нашей культуре у информантов в целом положительное. Есть различия в одежде, но иностранные студенты это принимают и понимают. Это объясняется различиями в религии, обычаях и традициях. Иностранные студенты отмечают, что им нравится русская кухня. Большинство из них с удовольствием едят наши национальные блюда, например пельмени, блинчики («Я употребляю русскую пищу. Покупаю иногда, как они называются, пельмени. Употребляю и другие блюда, просто их трудно назвать» (3; 51—54). Один студент считает, что майонез — тоже национальное блюдо, так как русские его очень любят и в магазинах его очень много. Но не все студенты употребляют русскую пищу. Один из трех студентов принципиально готовит по рецептам своей страны, чтобы не отходить от традиций («Готовлю я свою кухню, поэтому про еду сказать ничего не могу» (2; 43—44). Он жалуется только на то, что трудно найти «халяль» — мясо, зарезанное рукой («Для своей еды трудно найти „халяль", чтобы рукой резаное и там как бы слова сказали, ну самое главное, чтобы рукой резаный был» (2; 44—46). Не нравится в нашей культуре то, что народ очень много выпивает по праздникам и без них. Информанты стараются прекращать общение с сильно пьющими людьми («У вас принято много пить, я вообще не пью! И с такими людьми стараюсь не общаться. Просто „Здорово! Привет!"» (3; 49—50)).

Иностранные студенты любят российский кинематограф, слушают русские песни и, что особенно радует, — мордовские. В ходе интервью выяснилось, что они отдают предпочтение таким российским фильмам, как «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Белое солнце пустыни». Один студент с удовольствием смотрит телепередачу «Кривое зеркало». Большинство информантов заметили, что у русских людей (конечно, не все попадают в эту категорию) нет уважения к старшим. У иностранных студентов принято называть родителей на «вы» и считается недопустимым пить или курить в их присутствии. («То, что нехватка в воспитании как бы уважения к родителям, не то что как бы обращаться к ним на „ты", на „вы", а как бы перед ними не курить, с ними не пить, то есть такие вот вещи тоже. Если вообще родители узнают, что мы там вообще пьем или курим, это ну очень даже плохо» (2; 30—34)).

Студенты посещают разнообразные культурные заведения: Музей им. С. Д. Эрьзи, музыкальный драматический театр. Также любят посещать ночные заведения: Red club, Rado («В клуб хожу, редко, конечно. В Red club, Rado, „Гагарин", „Викторию", практически во все» (2; 50—51)). Но не все студенты любят отдыхать в ночных заведениях. В основном иностранные студенты — мусульмане, и для них это большой грех. У них на родине вообще нет клубов, а танцевать и развлекаться можно только на свадьбах («На дискотеки и в клубы не

хожу: религия запрещает. У нас вообще клубов нет. Гуляем, танцуем мы на свадьбах» (3; 60–61)). Более приемлемо для них остаться дома и почитать какую-нибудь книгу. Один из информантов говорил, что у него в комнате есть все что нужно и нет необходимости куда-то выходить («Я домашний человек. И я считаю, что у меня в комнате все есть» (1; 130)).

Несмотря на жизнь в новой для себя культуре, все опрашиваемые отмечают национальные праздники и соблюдают традиции своего народа, находясь на территории Мордовии. Самые распространенные религиозные праздники — Курбан-байрам и Рамазан. Их отмечают все иностранные студенты-мусульмане. Они в эти дни даже не ходят на занятия. Также они празднуют Новый год как у себя на родине, так и в России. Отмечают такие праздники, как 8 Марта, 26 марта, День матери, который у них на родине очень почитается («Самый большой у нас праздник — это месяц Рамадан, Курбан-Байрам. 26 марта, как у Нас 9 Мая, — День Победы. Тоже есть 8 Марта, на работе выходной, но дома не отмечаем. Больше празднуем День матери» (3; 69–72)).

Что касается планов на будущее, то большинство опрошенных нацелены на то, чтобы уехать после учебы на родину. Они очень скучают по дому, так как во время студенчества там почти не бывают. На родине они планируют работать врачами и лечить друзей и близких. Хотят уехать и из-за того, что в России очень развито взяточничество. («У вас документы на дорогах правильно сделал — деньги, неправильно — тоже деньги! Кто не берет, очень тех уважаю! У нас нет такого, если возьмешь — сразу уволят!» (3; 86–90)). Один из информантов хочет остаться в России, но не в Мордовии. Он планирует уехать в Москву или в какую-то другую страну. («На родину я не поеду. Ну это как бы дальше судьба решит, конечно. Я бы хотел поехать куда-нибудь в другую страну или, может быть, в Москву» (2; 66–68)).

Итак, из полученных данных можно сделать вывод, что главной причиной для приезда в Мордовию служит учеба. Адаптация иностранцев проходит немного затруднительно, так как большинство из них по приезде в Россию не знают русского языка. Тем не менее после года обучения на подготовительных курсах практически в совершенстве владеют им и быстро приспосабливаются к новым условиям. Отношения с местными жителями складываются довольно неплохо. У иностранных граждан немало хороших друзей среди российских студентов. Русскую культуру информанты уважают и почитают, но не забывают и о национальной культуре. Иностранные студенты отмечают в России национальные праздники и соблюдают традиции. Они с удовольствием посещают здесь культурные заведения, а также смотрят российские фильмы и слушают нашу музыку. После учебы многие студенты, но не все, планируют вернуться домой.

Подводя итоги, еще раз отметим, что, попадая в иную социокультурную среду, иностранный студент испытывает необходимость адаптироваться к ней с разных позиций. Но, как показывает проведенное исследование, у большинства иностранных студентов наблюдается высокий уровень адаптированности. Студенты не только легко приспосабливаются к новой среде, но и перенимают традиции и обычаи нашей культуры, хотя на начальных этапах и сталкиваются с рядом трудностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адаптация студентов-иностранцев к обучению в России // Один Мир : газ. — 2002. — Вып. 1.

2. **Витковская М. И.** Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России / М. И. Витковская, И. З. Трощук // Вестн. РУДН. Сер. Социология. — 2004. — № 6–7. — С. 267–283.

3. **Жерлицына Н. А.** Социально-культурная адаптация африканских студентов в вузах России / Н. А. Жерлицына [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.inafran.ru/ru/content/view/120/51/. — Загл. с экрана.

Поступила 13.07.11.

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК ОДНА ИЗ СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

М. Ю. Барсев

В данной статье рассматривается молодежный экстремизм как одна из системных проблем современного российского общества. Дается социологический анализ текущей ситуации, формулируются соответствующие выводы и обобщения. Также предлагаются возможные пути решения обозначенной проблемы.

Молодежь как объект информационного и правового воздействия обладает рядом особенностей, отличающих ее от взрослых. Как правило, степень активности личности молодых людей ограничена: нередко виды, формы и пределы социального взаимодействия устанавливают взрослые. Молодые не выбирают себе национальную семью, школу, учителей, преподавателей, они в подавляющем большинстве случаев вплоть до окончания учебы в школе или даже институте не самостоятельны в социально-экономическом отношении [3, с. 468—470].

Следует отметить, что в настоящее время для России характерна еще одна особенность: пошатнулся последний оплот общества — семья, что породило многочисленные дефекты семейного воспитания. Молодое поколение сейчас часто не заботится о том, одобряют ли его поведение родители или нет. Причины этого явления очень сложны. Можно упомянуть лишь несколько. Крушение прежнего символа власти и авторитета государства отразилось и на личных символах авторитета, т. е. на родителях. Несостоятельность государства по многим направлениям управления страной оказалась причиной несостоятельности, в первую очередь финансово-экономической, многих родителей. Как следствие, родители теряли авторитет в глазах детей. Другая причина этого явления в том, что в новых информационных условиях старшее поколение растерялось и оказалось гораздо менее приспособленным к существованию, чем более «гибкая» молодежь. В результате молодое поколение ощутило превосходство и уже не может всерьез воспринимать поучения старших. Кроме того, социально-экономическая стагнация общества, шквал национализма и экстремизма отняли у родителей традиционную роль гарантов будущего их детей.

Экстремизм представляет собой исключительно большую опасность, особенно в условиях еще до конца не завершившегося кризиса. Это подчеркивает и глава государства Д. И. Медведев, признавший, что «огромную тревогу за последнее время вызывают проявления экстремизма» [1]: массовые выступления молодежи на Манежной площади в Москве — яркое тому подтверждение. Тенденция роста проявлений экстремизма в молодежной среде действительно настораживает. В настоящее время в России насчитывается более 200 экстремистских организаций, которые объединяют свыше 10 тыс. чел. Членами экстремистских группировок, как правило, являются молодые люди в возрасте 16—25 лет.

Вместе с тем в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства России от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, говорится, что молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам [5]. В условиях глобализации и вынуждешного притока мигрантов именно молодежь должна выступить проводником идеологии толерантности и укрепления межнациональных отношений.

В настоящее время в некоторых субъектах Российской Федерации и отделениях муниципальных образований приняты нормативные акты, направленные на усиление противодействия экстремизму. Однако правовое регулирование противодействия экстремизму характеризуется отсутствием единой, скоординированной стратегии, рассчитанной на длительный срок. Большинство планов и программ не корреспондируют друг с другом, ресурсно не обеспечены, а значит, полностью не выполнимы. При разработке данных нормативных правовых ак-

© М. Ю. Барсев, 2011

тов, как правило, не учитываются многочисленные факторы, характеризующие экстремизм, например, не учитывается социальная составляющая этого явления, что впоследствии не позволяет выработать адекватные меры против экстремистских проявлений в молодежной среде.

На наш взгляд, обострение экстремистской активности молодежи связано с определенным эталом развития общества. Также представляется, что молодежный экстремизм является своего рода показателем социально-экономического развития общества, более того, индикатором его перехода в постиндустриальную фазу развития. Широта распространения молодежного экстремизма показывает, что для его проявления существуют определенные социокультурные и экономические предпосылки, а не просто случайное стечение обстоятельств. Условием формирования экстремистских выступлений молодежи являются противоречия переходного периода общества, вступившего в постиндустриальную эпоху [4].

Информационное общество предъявляет повышенные требования к образованию и квалификации своих представителей, в результате чего значительно увеличивается время на подготовку к профессиональной деятельности. Длительный период времени молодым людям, как уже было обозначено выше, приходится находиться в зависимости от старшего поколения. С одной стороны, они уже физически развились, с другой — в социальном плане им еще только предстоит осваивать собственные социальные роли. К этому добавляется психологическая неустойчивость юношеского возраста с его повышенной эмоциональностью и максимализмом. Подобные диспропорции развития находят отражение в демонстрации молодым поколением своей силы и энергии способами, далеко не оптимальными для социального общежития. Поводом могут явиться любые общественные противоречия: обострение национальных отношений, экономические трудности, социальное неравенство, политические катаклизмы.

По мнению некоторых экспертов, указанные поводы, сопутствующие развитию экстремизма в России, вовсе не поводы, а причины. Действительно, в благополучной Европе, где нет большого числа мигрантов, Соединенных Штатах Америки, Австралии и других странах экстремизма как такового нет. В политических науках к факторам, порождающим в обществе экстремизм, в первую очередь относятся социально-экономические и политические кризисы, деформация политических институтов и структур, их неспособность решать назревшие вопросы общественного развития, авторитарный и тоталитарный характер режимов, подавление властями оппозиции, преследование инакомыслия, национальный гнет [2, с. 259—268].

Проблема молодежного экстремизма как активного нарушения норм морали и права, ксенофобии и протестного поведения весьма оживленно обсуждается в различных СМИ, нередко становится объектом конкретных социологических исследований. Так, кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского филиала Российской правовой академии (г. Саранск) при непосредственном участии автора в феврале-марте 2010 г. проведено социологическое исследование, посвященное изучению указанного явления. В связи с этим весьма интересным, на наш взгляд, представляется, что думает молодежь по этому поводу. Так, большинство молодых людей считают, что существует взаимосвязь между проявлениями экстремизма в стране и уровнем жизни ее граждан. Также подавляющее большинство респондентов называют основными причинами развития экстремизма в стране «отсутствие полноценных возможностей для самореализации значительного числа молодых людей». Невысокий уровень образования и культуры отступает на второй план, а неудовлетворительная работа правоохранительных органов — на третий. Причины этого явления, как и у коррупции, — системные, и бороться с экстремистскими проявлениями в молодежной среде нужно, по-видимому, системными методами. В связи с этим создание новой информационной среды по противодействию экстремизму является одной из приоритетных, наряду с экономической, методик борьбы с этой болезнью современного российского общества.

Итак, проблема молодежного экстремизма возникает в ситуации так называемого транзитивного общества и сопровождается экономическими и политическими проблемами внутри государства, которые в наибольшей степени резонируют в молодежной среде. Молодое поколение гораздо острее реагирует на нарастающую социальную несправедливость, однако пока не может облечь недовольство в социально-конструктивные формы, выбирая спонтанные, чрезвычайные и не всегда адекватные методы противодействия. Помочь молодежи адаптироваться к сложной социальной ситуации, приобщиться к новым общественным реалиям призвана система образования. Однако и здесь далеко

не все в порядке. Практически все российское научно-педагогическое сообщество высказало недовольство относительно изменений некоторых образовательных стандартов, в частности относительного нового Закона «Об образовании». Таким образом, в той сфере, которая наряду с правоохранительными структурами призвана противостоять экстремизму, наблюдаются серьезные проблемы, поэтому, на наш взгляд, чтобы решить проблему молодежного экстремизма, необходимо серьезно реформировать не только систему МВД, но и всю современную систему образования. Все государственные решения должны быть в первую очередь направлены на повышение престижа работы в системе образования и, как следствие, на повышение требований к педагогам разных уровней. Вообще, развитие социального института образования, совершенствование (а не деградация, как это происходит сейчас) его структурных подразделений — основной метод борьбы с молодежным экстремизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел : 6 февраля 2009 года, Москва // Президент России : офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.archive.kremlin.ru/text/appears/2009/02/212563.shtml. — Загл. с экрана.

2. **Горбунов А.** Экстремизм и особенности его проявления в отечественной политической теории и практике / А. Горбунов, Б. Кретов // Вестн. Рос. науки. — 2010. — № 4—5. — С. 259—283.

3. Криминология : учебник / ред. В. Н. Бурлаков, В. П. Сальников. — СПб. : МВД России. — 1998. — С. 576.

4. **Левикова С. И.** Молодежная субкультура / С. И. Левикова. — М. : ФИАР-ПРЕСС, 2004. — 608 с.

5. Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1716-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 52 (Ч. III). — Ст. 5622.

Поступила 13.07.11.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

В. М. Сидоркина, Е. М. Голованова

В статье раскрывается сущность и роль свадебной обрядности в современном обществе и отношение к ней молодежи.

Обряды и ритуалы в современном обществе имеют хотя и меньшее по сравнению с предшествующими (включая и социалистический) периодами истории, но немаловажное значение. Однако в современной социологии нет исследований, посвященных этому феномену. Традиционно эти проблемы рассматриваются в ракурсе философских и культурологических подходов [1—2; 4], где главной проблемой выступает смысловое, архетипическое содержание самих обрядов, но вне исследовательского поля остаются вопросы их роли в современном обществе и восприятия их современниками, особенно молодежью, которой в этих обрядах отводится главная роль.

В. И. Даль понятие «обряд» определяет как введенный законом или обычаем порядок в чем-либо. В современной научной литературе это определение варьируется в зависимости от контекста и парадигмальной потребности. В частности, одно из последних и

© В. М. Сидоркина, Е. М. Голованова, 2011

достаточно удачных определений трактует его следующим образом: «Обряд – это совокупность условных, традиционных действий, способ передачи в символической форме определенных социальных отношений, совместное проявление переживаний людей» [3, с. 14]. Они делятся на церковные, праздничные и бытовые, но все обладают мощной энергетикой воздействия на эмоциональное состояние людей, на психику. Яркая и выразительная символика, эстетические элементы, настроенность на один общий характер переживаний, делает обряды непреходящей ценностью, сохраняемой и развиваемой одновременно.

Обряды представляют собой значимую часть культуры общества, так как выполняют определенные, необходимые для существования народа социальные функции. Во-первых, обряды выступают связующим звеном в культурно-исторической связи поколений, преемственности опыта. Во-вторых, они являются действенным механизмом социального регулирования, установления групповой солидарности. Также это эффективная форма усвоения этнических ценностей и норм, этносоциальной идентификации, так как обряды всегда имеют определенную этническую окраску. Более того, значительная часть бытовых и праздничных обрядов имеет еще и локальный местный колорит.

Свадьба – один из праздничных обрядов. Современная свадебная обрядность имеет эклектический характер. В ней сосуществуют элементы традиционной русской (и не только русской: часто встречающийся ведущий тамада – образ из кавказской традиции, бывают и вкрапления мордовских, татарских традиций) свадебной обрядности, советские наслоения, постоянно вводятся новые фрагменты. Из традиционных осталась трехчастная структура: досвадебный, свадебный и послесвадебный этапы. Досвадебный элемент обряда потерял и этическую, и символическую, и эстетически-игровую составляющие. Вместо ритуалов традиционного сватовства между родственниками молодых идет преимущественно деловой разговор. Поскольку таких встреч несколько, иногда их слегка приближают к традиции, называя «сговор», «запой», «помолвка», особенно если активную роль в этих мероприятиях играют родственники из деревни, еще помнящие смысл и форму этих элементов обряда. Второй, собственно свадебный, этап отличается многообразием элементов. Из традиционных можно назвать «выкуп невесты»; обсыпание молодых, выходящих из загса, зерном или монетами; использование для проезда молодых конной упряжки, обыгрывание каравая хлеба и др. Из советских времен — посещение Вечного огня и других исторических памятных мест, ритуалы, производимые в загсе, поздравления и напутственные документы, которые вручают в некоторых городах. К новейшим элементам можно отнести фейерверки и разнообразные игры, состязания, шоу, предлагаемые организаторами свадеб. Разумеется, это неполный перечень мероприятий и ритуалов, тем более что отдельные элементы неустойчивы и присутствуют не на всех свадьбах. Третий этап – послесвадебный – это второй день. В свадьбах, насыщенных ритуалами, он является самым обрядовым. Наиболее часто используемыми элементами выступают «поиски крючка» и проход ряженых. Все элементы свадебного обряда, как идущие из глубины веков, так и создаваемые современными институтами (государственные органы, институт организаторов обрядовых церемоний) насыщены смыслами и символами. Но сложность и глубина этих смыслов уже не воспринимается современной молодежью в полном объеме.

В марте-апреле 2011 г. было проведено комплексное исследование, включающее экспертный и пилотажный опросы студентов трех факультетов (выборочная совокупность – 100) Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В качестве экспертов (16 чел.) выступали профессиональные организаторы свадеб, срок работы которых в этой сфере составлял не менее трех лет. Исследование выявило ряд социальных аспектов свадебной обрядности и отношения к ней. Выяснилось, что готовый сценарий (иногда не один) свадебных мероприятий имеет каждый организатор, но нередко эти мероприятия охватывают ту часть, которая ограничивается банкетным залом начиная с встречи молодых после загса и до завершения банкета. Однако организаторы нередко подсказывают и другие элементы торжества, а иногда и участвуют в них. Сценарий согласовывается с заказчиками, причем как вступающие в брак, так и родители могут от чего-то отказаться или, наоборот, попросить включить что-то дополнительно. На вопрос: «Кто в этом выборе играет ведущую роль?» — эксперты единодушно ранжировали по степени убывания: родители невесты, родители жениха, невеста (редко), а жених, «как правило, относится к этим обрядам скептически».

Размышляя об изменениях, происшедших в проведении свадебного обряда, эксперты высказали следующие соображения.

Теряется, а возможно, и совсем утрачено первоначальное значение различных элементов обряда. Причем это касается не только старинных обрядов, но и советских, например, посещения свадебным кортежем Вечного огня и других памятных мест. «Свадебные обряды потеряли свой смысл и стали лишь частью шоу-программы. Никто не задумывается об их первоначальном смысле», «сейчас на свадьбах преобладают различные клубные развлечения».

Это мнение подтверждают и результаты опроса студентов. Более 90 % из них холосты, но бывали хотя бы единожды на чьей-то свадьбе; 85 % опрошенных предполагают в будущем пройти этот обряд и в целом относятся к нему положительно. Что в этом обряде нравится? «Много интересного и разнообразного, весело, конкурсы разные». Больше всего мужской части студенчества нравится выкуп невесты, особенно если он интересно и многоэтапно организован: «Это та часть свадьбы, где можно импровизировать, показать изобретательность». Почти все студенты отметили как наиболее понравившийся ритуал регистрацию брака: «Волнительно, все почувствовали волнение». А среди особо не понравившихся — поздравления новобрачных гостями: «Длинно, скучно, одни говорят — остальные томятся, после 3—4-го поздравляющего вообще никто не слушает», длинные проезды, различные смешные конкурсы: «Конкурсы выставляют нередко в смешном виде, это не всем по вкусу». Итак, всем нравится именно ритуальная сторона бракосочетания: обмен кольцами, напутственные слова, подписи. Причем завораживает строгость, значимость этих ритуалов. Меньше или совсем не нравится те элементы, которые снижают эмоциональную планку торжества.

«Свадьба — дорогое удовольствие», — отметил один из экспертов. Выяснилось, что влияние финансовой составляющей на характер свадебного обряда заметно не столько в содержательной стороне, сколько в качественной. На богатой свадьбе дороже и стильнее одежда новобрачных, а иногда и других участников мероприятия. Дороже кольца, разнообразнее праздничное меню, длиннее и красивее свадебный кортеж, красивее фейерверк. Общий сценарий торжества включает почти тот же набор мероприятий. Безусловно, это усредненный образ, и индивидуальные предпочтения могут быть различными при разных финансовых возможностях.

Ни один эксперт не вспомнил безалкогольную свадьбу. При этом 65 % респондентов считают, что без алкоголя на свадьбе «будет скучно... не обязательно напиваться, немного выпив, чувствуешь себя свободнее, легче общаться». Противниками спиртного на свадьбе являются 5 % опрошенных, 30 % не определились: «Подожду, когда надо будет решать по поводу своей свадьбы».

Эксперты отметили еще одну намечающуюся тенденцию. Уже с конца 1900-х гг. стала расти доля молодых людей, ограничивающихся сокращенным, включающим только необходимые мероприятия, ритуалом в загсе и скромным застольем только с близкими родственниками либо отказывающихся от застолья. Причем это связано не только с финансовыми проблемами. Основной мотив такого подхода к свадебному торжеству: «А кому и зачем нужно это бессмысленное мотовство? Нам не нужно. Оно ничего не добавляет к сути акта бракосочетания, но требует огромных затрат денег, времени, сил. Лучше распорядиться всем этим с большей пользой». По мнению экспертов, раньше такую позицию имели преимущественно те, кто вступал в брак после 30 лет, даже если этот брак был первым. Сказывались уже некоторый жизненный опыт и меньшая зависимость от родителей, которые, как правило, выступают главными инициаторами пышных свадеб.

В настоящее время растет число таких свадеб, инициированных и 20—25-летними молодыми людьми. Это подтвердил и опрос студентов. Многолюдные и продолжительные свадьбы импонируют 72 % студентов, непродолжительное свадебное застолье в кругу семьи поддержали 12 %. Зато 16 % респондентов хотели бы видеть собственную свадьбу необычной, нетрадиционной. Определенную роль в формировании такого рода предпочтений сыграли массмедиа, показывая варианты свадеб под куполом парашюта, в аквалангах, на мотоциклах и т. д. Возможно, сказались и возраст респондентов (21—23 года), тяга к романтичному, необычному. В Саранске уже проводились подобные свадьбы. Как правило, они организуются сторонниками какого-либо спортивного увлечения — страйкбола, байка и др. Церемония бракосочетания без отрыва от любимого спорта, в кругу единомышленников представляется естественной. Ритуальная сторона таких свадеб строится на импровизации и далека от каких-либо традиций.

Таким образом, свадебная обрядность в современном обществе трансформируется. После распада советского строя были утрачены многие атрибуты свадьбы, с ним связанные: безалкогольные свадьбы, честнова-

ние в трудовых коллективах, поздравления известных, почетных граждан. Зато все больше и больше тех, кто сочетает свадьбу с венчанием в церкви. Постепенно слабеют и трансформируются национальные традиции. Теряют смысл и изменяются старинные народные ритуалы. На их основе организаторы свадеб пытаются создавать новые элементы свадебного обряда. У этой трансформации серьезные причины, воплощенные в демократизации и большей свободе нравов, обессмысливающей подчеркивание, например, «невинности» невесты или ее переход в семью мужа; в растущем рационализме населения; многовариантности форм и сценариев, являющихся следствием информационного потока, и др. Исследование показало, что свадебная обрядность востребована, что в ее элементах, ритуалах вступающие в брак и их родственники видят символы благополучия и стабильности молодой семьи, но наряду с серьезным и значимым большую роль играет праздничный, развлекательный характер свадебных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Байбурин А. К.** Ритуал : между биологическим и социальным / А. К. Байбурин. — СПб. : Наука, 1992. — 126 с.

2. **Байбурин А. К.** Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — СПб. : Наука, 1993. — 237 с.

3. **Гостиев К. И.** Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования : монография. — 2-е изд., перераб. и доп. / К. И. Гостиев. — Владикавказ : Изд-во ФГОУ ВПО «Горский госагроуниверситет», 2010. — 160 с.

4. **Ионин Л. Г.** Социология культуры / Л. Г. Ионин. — М. : Логос, 1998. — 280 с.

Поступила 13.07.11.

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ОТЦА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. А. Вишнякова, Н. А. Помелова

В данной статье подведены итоги исследования образа современного идеального отца в сознании студенческой молодежи. Сделаны выводы о том, какими качествами и чертами характера должен обладать мужчина, чтобы в глазах общества быть идеальным отцом.

На протяжении столетий люди не устают обсуждать и определять роль и место мужчины и женщины в человеческом обществе. Сложившийся к XIX в. патриархат был заметно разрушен в XX в. различными феминистическими движениями. Отцы хотели быть отцами, воплощающими себя в детях, но не могли. Это привело к тому, что сегодня в значительной мере занижено значение отца в доме и в обществе [1]. Многие зарубежные и отечественные исследования убедительно показывают доминирующее материнское влияние на детей. Иными словами, по-прежнему актуален тезис М. Мид: «Отец — это биологическая необходимость, но социальная случайность» [Цит. по: 4, с. 83]. На наш взгляд, роль отца в семье и в нашем обществе является слишком важной, чтобы не обращать внимания на проблему отцовства, которая является неотъемлемой частью общей проблемы института семьи в России. Формирование образов идеальной семьи, отца и матери происходит у человека по мере взросления. Под образом идеального отца мы будем понимать формируемое сознанием человека представление об образце личных качеств, способностей мужчины, у которого есть дети, наиболее совершенное выпол-

© Н. А. Вишнякова, Н. А. Помелова, 2011

нение биологических, правовых и воспитательных функций, выполняемых мужчиной по отношению к собственным детям.

В 2009 г. среди 50 студентов Историкосоциологического института МГУ им. Н. П. Огарева было проведено пилотажное исследование методом анкетного опроса на тему «Образ идеального отца у студенческой молодежи». В ходе исследования мы попытались воссоздать представления студенческой молодежи об образе идеального отца. Анализируя результаты исследования, мы нашли подтверждение гипотезы, что гендерные особенности оказывают наиболее серьезное влияние на формирование образа идеального отца у современной молодежи. Это доказывает распределение ответов на ряд вопросов. Ответы юношей и девушек на вопрос: «Как Вы думаете, в каком возрасте мужчина идеально готов стать отцом в первый раз?» — показаны в табл. 1.

Таблица 1

Вариант ответа, лет	Юноши, %	Девушки, %
22—25	71	25
25—30	29	75

Ответы на вопрос: «Зависит ли отношение детей к отцу от его материального благополучия?» — распределились следующим образом: 86 % девушек и 82 % молодых людей не связывают достаток отца и отношение детей к нему, однако 14 % девушек считают, что между данными показателями нет зависимости только в случае полного достатка в семье. Считают, что чем больше они будут зарабатывать, тем больше будет любовь детей, 18 % юношей. Это можно объяснить сложившимися в обществе стереотипами о том, что мужчина является в первую очередь добытчиком в семье и несет скорее материальную, чем моральную ответственность за нее.

На вопрос: «Влияет ли внешний вид отца на его авторитет у ребенка?» — мы также получили ответы, на которых сказался гендерный фактор (табл. 2).

Таблица 2

Вариант ответа	Юноши, %	Девушки, %
Да	88	11
В некоторой мере	12	49
Нет	0	40

Несмотря на существующие в обществе стереотипы о том, что отец в семье имеет более тесный контакт с сыном, нежели дочерью, 100 % респондентов согласились с утверждением, что отец должен принимать участие в воспитании ребенка независимо от пола.

В ответах, касающихся распределения обязанностей по уходу за ребенком, также прослеживается влияние гендерного фактора. Так, мужчины предпочитают брать на себя более формальные, стандартизированные обязанности: водить (забирать) в детский сад/школу — 72 %, делать с ребенком задания (уроки) — 55 %. Большая часть девушек доверили бы отцу более творческие, нерегламентированные занятия: занимать досуг ребенка — 55 % и проводить воспитательные мероприятия — 81 %.

Занимать досуг ребенка идеальный отец должен следующим (табл. 3).

Таблица 3

	Делать уроки	Заниматься спортом	Гулять	Заниматься рисованием (лепкой, поделками)	Ходить в парк, зоопарк	Смотреть мультфильмы (фильмы)
Юноши, %	68	92	34	6	69	28
Девушки, %	32	80	64	18	65	29

К тому же 91 % опрошенных юношей готовы остаться с ребенком, если тот заболел и не посещает детский сад или школу, и лишь 9 % молодых людей не пойдут на этот шаг и оставят с ребенком маму. Девушки в этом вопросе чаще выражают недоверие мужчинам: 36 % считают, что остаться с заболевшим ребенком может только мать, и 64 % не видят принципиальной разницы в том, кто останется с ребенком.

Наша гипотеза, что у мужчин образ идеального отца чаще будет соответствовать стандартам «нормативной мужественности», тогда как у женщин он окажется менее традиционным, более эмоционально насыщенным, нашла подтверждение. Свидетельством этому является распределение ответов на вопрос: «В роли кого ребенок должен воспринимать отца?» (табл. 4).

Как видим, большинство ответов юношей соответствуют стандартам «нормативной мужественности», т. е. в отношениях отца и ребенка они не ставят себя на одну ступень

с детьми, считая себя опытнее, мудрее, поэтому и воспринимают свою роль как роль воспитателя и защитника. Девушки желают видеть между отцом и ребенком близкие, дружеские отношения. Это доказывают и ответы на вопросы: «Должен ли отец посещать родительские собрания в школе?» и «Является ли необходимым присутствие отца на утренниках и праздниках в детском саду?».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «В роли кого ребенок должен воспринимать отца?»

Вариант ответа	Юноши, %	Девушки, %
Авторитета	0	23
Помощника	73	37
Друга	25	78
Советчика	25	61
Воспитателя	85	37
Защитника	80	27
Источника материального благополучия	0	23

Данные свидетельствуют о том, что мужчины предпочитают брать на себя более четко регламентированные роли и посещать те мероприятия, где необходим их авторитет. Так, 64 и 0 % юношей будут регулярно посещать родительские собрания и детские праздники в саду соответственно, однако 36 % юношей все же посетят детский праздник, если он является значимым. Девушки предпочли бы равномерное посещение как праздников, так и родительских собраний и желают видеть их как на формальных (100 %), так и неформальных мероприятиях (63 %).

Особенно заметны гендерные различия на примере распределения ответов на вопрос: «Как Вы считаете, должен ли отец открыто говорить ребенку о своей любви?». Так, 88 % юношей и всего 21 % девушек ответили, что поступки лучше всяких слов, 12 % молодых людей и 58 % девушек считают необходимым иногда напоминать ребенку о своей любви, 21 % девушек и 0 % юношей думают, что стоит всегда говорить о своих чувствах.

Также в ходе социологического исследования были получены данные о необходимом наборе качеств идеального отца (табл. 5). Исходя из распределения ответов на данный вопрос мы можем сделать вывод, что главными качествами идеального отца являются честность, отзывчивость, внимательность, далее можно выделить такие качества, как доброта, заботливость, чуткость. При этом остальные качества также играют не менее важную роль, но их важность варьируется в зависимости от ситуации. Например, такие качества, как суровость и строгость, которые большинство респондентов (46 и 55 % соответственно) оценили на 3 (как не столь важные), являются необходимыми для отца при непослушании ребенка, а отзывчивость и заботливость необходимы идеальному отцу при помощи ребенку в решении проблем.

Таблица 5

Качества идеального отца, по мнению респондентов

Качество	Выбрали указанную оценку, %				
	1	2	3	4	5
Доброта	0	0	9	36	55
Честность	0	0	0	18	82
Мягкость	0	9	45	18	28
Суровость	18	9	46	27	0
Чуткость	0	0	27	18	55
Строгость	0	9	55	18	18
Заботливость	0	0	0	45	55
Спокойствие	0	9	18	46	27
Отзывчивость	0	0	9	18	73
Внимательность	0	0	0	27	73
Материальное благополучие	0	0	10	45	45
Физическая подтянутость	9	0	36	36	19
Требовательность	9	0	27	55	9

Наша гипотеза, что отношения между супругами будут влиять на формирование образа идеального отца, подтвердилась. Большинство респондентов (82 %) считают необходимым быть хорошим мужем, чтобы стать идеальным отцом. Взаимосвязь отношений супругов и отношения с детьми представлена в табл. 6.

Таблица 6

Высказывание	Юноши, %	Девушки, %
Чем более гармоничны и благополучны отношения родителей, тем больший авторитет они вызывают у ребенка	82	82
Если отношения родителей неблагополучны, то ребенок сближается с одним из них	18	7
Если отношения родителей неблагополучны, ребенок отдаляется от обоих	0	11

Однако 73 % опрошенных уверены, что, даже не любя жену, отец может любить детей, 27 % считают, что если мужчина любит жену, то он будет любить и детей.

Таким образом, обработав результаты социологического исследования, мы пришли к выводу, что образ идеального отца складывается под большим влиянием гендерных стереотипов. К тому же, как мы и предполагали, женские представления об образе отца более эмоциональны.

В заключение отметим, что идеальный отец может выглядеть следующим образом: становиться отцом вполне мужчина должен в 25–30 лет; строить теплые гармоничные отношения с женой; сохранять подтянутый и аккуратный внешний вид; самое главное — любить своего ребенка и принимать участие в его жизни. Идеальный отец в первую очередь добрый, честный, чуткий, заботливый и внимательный. В зависимости от ситуации он ведет себя либо как авторитет, наставник, либо как друг, советчик. Данный образ составлен исходя из мнения большинства респондентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Валеева Д.** Представление мужчин об отцовстве / Д. Валеева // Вариации на тему гендера : материалы III междунар. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе / под ред. Мелешко Т. А., Рабкасовой М. В. — СПб., 2004. — С. 262–267.

2. **Кананов Т.** Международная благотворительная программа «Отцы к Детям» / Т. Кананов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.parkp.ru/index.php/problemy/1-stat/3-otezdeti. — Загл. с экрана.

3. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. — М. : Инфра-М ; Норма, 1998. — 672 с.

4. **Семенова Л. Э.** Идеальный отец — современная версия : гендерный анализ обыденных представлений / Л. Э. Семенова, П. А. Казакова // Женщина и мужчина в современном обществе : сб. ст. Вып. 2 / под ред. Л. Э. Семеновой, В. Э. Семеновой. — Н. Новгород, 2007. — С. 82–96.

Поступила 13.07.11.

ИЗУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Н. В. Шумкова

Статья посвящена актуальной для современной науки проблеме изучения молодежных субкультур. Несмотря на достаточную изученность темы, исследователи сталкиваются с определенными трудностями при изучении данного феномена. Большинство авторитетных источников, описывающих современное состояние феномена молодежной субкультуры, все чаще отмечают происходящие коренные изменения, касающиеся региональных особенностей молодежных субкультур. Данные особенности остаются малоизученными и требуют дальнейшего теоретического и эмпирического анализа.

В последние годы с изменением общенаучного подхода к решению ряда социальных проблем возникла потребность в целостном подходе к изучению всего многообразия общих связей и закономерностей молодого поколения, в рассмотрении молодежи как органического субъекта развития общества. Сегодня изучением этой темы занимаются исследовательские центры в России и за рубежом. В центре внимания оказываются наиболее актуальные социальные проблемы молодежи, разработка прогнозов поведения

© Н. В. Шумкова, 2011

различных групп, в том числе субкультурных групп молодежи.

Существуют два подхода к определению субкультур: через содержание культурно-символических комплексов и через сообщества ее носителей. Большинство современных определений субкультуры базируются на ее взаимодействии с доминантной культурой. Здесь можно привести пример определения М. Титтлея, который обозначает субкультуру как определенную группу в составе доминантной культуры, члены которой имеют интересы, стили и идентичность, отличающиеся от интересов, стилей и идентичности тех, кто принадлежит к основному руслу доминантной культуры. «Субкультуры можно рассматривать как присущие поколениям общие формы идентификации, которые пересекаются с другими маркерами коллективной идентичности, как раса, пол, класс, сексуальная ориентация. Культурный консенсус появляется тогда, когда члены субкультурной группы имеют общие взгляды» [6, с. 123]. Д. Лэйт, С. Келлер и К. Калхаун также определяют субкультуру как группу людей, «чья перспектива и жизненный стиль заметно отличаются от определяемых доминантной культурой и которые идентифицируют себя как отличные от других. Члены субкультуры разделяют общие нормы, ценности и аттитюды» [Цит. по: 5, с. 120—121].

Термин «субкультура» появился в научной литературе в 30-х гг. XX в. и связывается в первую очередь с исследованиями в рамках Чикагской школы (исследования Ф. Трэшера, К. Шоу, У. Уайта, А. Коэна, Р. Кловарда и Л. Олина). Однако действительно широкое распространение данного термина было связано с изучением молодежных движений в 1960—1970-х гг. Весомый вклад в понимание феномена субкультур внесли исследователи Бирмингемского центра современных культурных исследований (С. Холл, Т. Джефферсон, К. Гриффин, П. Уиллис, Ф. Коен, М. Брейк, Д. Хебдидж). На страницах коллективной монографии «Сопротивление посредством ритуалов» (Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain) исследователи Бирмингемского центра выделяют пять конкретных социальных изменений, которые привели к появлению молодежных субкультур: 1) рост благосостояния молодежи, возросшее значение рынка и потребления, и, соответственно, рост товаров и услуг, ориентированных на молодежь и молодежный досуг; 2) широкое распространение культуры из-за улучшения средств связи, которое привело к возникновению средств массовых коммуникаций, массовых развлечений, массового искусства и массовой культуры; 3) разрушительные последствия войны, безработица, которые привели к росту уровня молодежной преступности; 4) изменения в сфере образования, прежде всего «среднее образование для всех» и доступность высшего образования; 5) появление огромного ассортимента различных по стилю одежды и музыки, что привело к созданию целого ряда различных культур (или субкультур) в пределах основной молодежной культуры [9].

1980—1990-е гг. характеризуются критикой Бирмингемского подхода и попытками переосмысления субкультур, что в свою очередь привело к «пост-субкультурным» исследованиям, разнообразным по содержанию и не имеющим единства в определении термина «субкультура». Как альтернатива были введены такие термины, как «клубкультура» (С. Редхед), и «клубная культура» (С. Торнтон), «стиль жизни» (М. Фезерстоун), «вкусовая культура» (Дж. Льюис), «тематический парк стилей уличной культуры» (Дж. Т. Полхемус), «нео-племя» (А. Беннет), «сцена» (К. Кан-Харрис) и др. Так, например, А. Беннет рассматривает пространство культуры молодежи как *neo-tribes* — неоплемена, объединения, целевой задачей которых являются получение удовольствия, развлечения и отдых [8]. Можно сказать, что субкультурные теории, сформулированные в работах представителей чикагской и бирмингемской школы, по-прежнему не теряют теоретико-методологической ценности, но уже не соответствуют динамичному развитию современного мира.

Субкультурный дискурс в отечественной науке возник в конце 1980-х гг., когда в стране лавинообразно возникали многочисленные молодежные субкультуры, вошедшие в историю под общим названием «неформальные»[1]. Так, по данным социологического опроса Высшей комсомольской школы, в

[1] Следует отметить, что термин «молодежная субкультура» стал использоваться российскими социологами в последние 10—15 лет, а до этого наибольшей популярностью пользовался закрепившийся в отечественной научной и публицистической литературе, а также в повседневном словоупотреблении термин «неформальные молодежные объединения».

марте 1987 г. в Москве к разным неформальным группам причисляли себя 52,7 % молодых инженерно-технических работников, 65,1 % молодых рабочих, 71,4 % студентов, 71,7 % десятиклассников и 89,4 % учащихся ПТУ [2, с. 149]. Когда факт существования неформальных молодежных объединений в СССР был официально признан, вокруг проблем существования этого феномена стали разворачиваться дискуссии, в которых неформальные молодежные объединения воспринимаются большинством исследователей как форма девиантного поведения. В конце 1980 — начале 1990-х гг. в различных научных изданиях было опубликовано много статей посвященных неформальным молодежным объединениям. В. В. Семенова выделяет три направления в исследованиях молодежных субкультур того времени: 1) изучение отношения молодежи к неформальным объединениям и явлениям субкультуры (проекты под руководством В. Лиханова, В. Левичевой и Ф. Шереги); 2) включенное наблюдение (Н. В. Кофырин); 3) исследования собственно преступных молодежных группировок (И. Сундиев, Г. Забрянский) [3, с. 112].

Постепенно в современной России не только ученые, но и общественность становится более толерантной к такому явлению, как молодежные субкультуры. Во-первых, шквал стихийно возникающих непривычных «неформальных молодежных объединений» идет на спад, во-вторых, начинают появляться публицистические работы, серьезно подходящие к данному явлению, не делающие панических выводов о падении нравов среди молодежи, а спокойно разъясняющие особенности различных молодежных субкультур. Среди таких работ можно отметить труды Т. Б. Щепанской, З. В. Сенкевич, А. П. Файн, А. С. Запесоцкого. Постепенно появляется множество работ, освещающих особенности отдельных молодежных субкультур — панков (О. А. Аксютина), растафари (Н. А. Сосновский), нацистскинхедов (А. Н. Тарасов), участников уличных группировок (Д. В. Громов).

Как отмечает Т. Б. Щепанская, «понятие „субкультура“ сформировалось в результате осознания неоднородности культурного пространства, ставшей особенно очевидной в урбанизированном обществе» [7]. Потому более глубоко и четко молодежные субкультуры прослеживаются в мегаполисах. Так, С. А. Сергеев в статье «Молодежные субкультуры в республике» пишет: «Обращает внимание и то обстоятельство, что преимущественно изучаются субкультуры молодежи Москвы, реже Санкт-Петербурга... Исследований молодежных субкультур в регионах и республиках в составе Российской Федерации меньше. Это в известной мере оправданно, так как субкультурные мода и стиль „западнического“ характера распространялись в первую очередь среди молодежи столиц. Вместе с тем изучение субкультурной ситуации в российских регионах, региональных особенностей представляется интересной и важной задачей, учитывая, в частности, увеличение значения регионов в сегодняшней России» [4, с. 96]. Среди работ, освещающих региональные особенности молодежных субкультур, необходимо выделить исследования С. А. Сергеева, А. Л. Салагаева, А. З. Бадмаева, А. Ю. Буяновой, И. Ю. Верчагиной. Представляется необходимым отметить также деятельность ульяновского научно-исследовательского центра НИЦ «Регион» под управлением Е. Л. Омельченко.

Проводя анализ исследований, посвященных региональным особенностям молодежных субкультур, можно увидеть некоторые общие тенденции. Так, например, в большинстве исследований в качестве важной характеристики провинциального сообщества рассматривается отсутствие строгого разделения между молодежными субкультурами, границы между ними более прозрачны. Нередко провинциальная «неформальная молодежь» держится вместе и хорошо знакома друг с другом. Так, А. Ю. Буянова отмечает, что «в силу того что Улан-Удэ сравнительно небольшой город, то в отличие от мегаполисов неформалы так или иначе пересекаются в общих местах встреч. Поэтому одно из главных отличий улан-удэнских неформалов от неформалов мегаполисов — то, что все молодые люди знакомы между собой (или хотя бы наслышаны друг о друге), что, естественно, не представляется возможным в Москве или Санкт-Петербурге» [1, с. 51].

Благодаря развитию СМИ, а также массовой компьютеризации современного общества процессы развития молодежных субкультур и их признаки отчетливо проявляются сегодня и в провинциальных городах и районах страны. Однако вопросы исследования молодежных субкультур в республиках и новые тенденции в их развитии остаются крайне слабо изученными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Буянова А. Ю.** Неформальная молодежь Улан-Удэ : вчера и сегодня / А. Ю. Буянова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 92. — С. 51—53.

2. **Кон И. С.** Психология ранней юности : кн. для учителя / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1989. — 252 с.

3. **Семенова В. В.** Социология молодежи / В. В. Семенова // Социология в России : учеб. пособие для вузов / под ред. В. А. Ядова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1998. — С. 103—116.

4. **Сергеев С. А.** Молодежные субкультуры в республике / С. А. Сергеев // Социол. исследования. — 1998. — № 11. — С. 95—102.

5. Социология молодежи в контексте социальной работы : учеб. пособие / В. Н. Яркая, Л. С. Яковлев, А. Ю. Слепухин [и др.]. — Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2004. — 300 с.

6. **Тітлей М.** Новий підхід до теорії молодіжної субкультури / М. Тітлей // «І». Незалежний культурологічний часопис. — 2002. — № 4. — С. 109—127.

7. **Щепанская Т. Б.** «Традиция городских субкультур» / Т. Б. Щепанская [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.poehaly.narod.ru/subcult-f.htm. — Загл. с экрана.

8. **Bennett A.** Subcultures or Neo-tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste / A. Bennett // Sociology. — 1999. — Vol. 33. № 3, august. — P. 599—617.

9. **Hall S.** Resistance through Rituals : Youth Subcultures in Post War Britain / S. Hall, T. Jefferson. — L., 1993. — 288 p.

Поступила 13.07.11.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ МОРДОВИИ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Французов

В статье предпринимается попытка рассмотрения факторов, влияющих на этнокультурную социализацию молодежи. Опираясь на результаты пилотажного исследования, автор рассматривает степень влияния и взаимозависимость факторов этнокультурной социализации.

Познание роли и места этничности в современном обществе несет и глубоко личностный смысл. Каждый человек в течение жизни неоднократно пытается ответить на вопрос: «Кто я?». Смысл этого вопроса скрывается в невозможности однозначного и окончательного ответа на него. Ведь на каждом возрастном этапе мы по-новому осмысливаем себя и окружающих нас людей, мы чувствуем себя ближе к одним и отдаляемся от других, мы примеряем жизненные роли, пытаясь соответствовать определенным из них и отвергая не подходящие для себя. Этот процесс является поиском идентичности или идентичностей, что более близко к пониманию данного феномена современной наукой. Роль этнического фактора также неоднозначна в течение жизни человека. Открывая многообразные аспекты присутствия и проявления феномена этничности в прошлом и современности, человек реализует вечные потребности в самореализации, самоактуализации, привязанности и уважении себя в группе.

Для изучения этнической идентичности современной студенческой молодежи в мае-июне 2010 г. методом анкетного опроса по месту обучения среди студентов I—V курсов

© В. В. Французов, 2011

Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева естественных, технических и гуманитарных специальностей нами было проведено пилотажное социологическое исследование. Всего в опросе приняли участие 100 чел. Результаты исследования показали, что большая часть респондентов относят себя к той же этнической группе, что и их родители. Это свидетельствует о том, что основным критерием, влияющим на формирование этнической идентичности, выступает семья. Вышесказанное вполне закономерно. Индивид начинает долгий путь социализации с семьи, в которой он находится. Он воспринимает все, что происходит в семье, начиная от языка, способов поведения и эмоций и заканчивая неуловимой ментальностью той или иной этнической группы, к которой принадлежат родители. В то же время родители воспитывают ребенка так же, как воспитывали их, в соответствии с нормами и традициями своей этнической группы.

Следующим важным аспектом этнической принадлежности выступает язык, который используется для повседневного общения. Более 50 % респондентов ответили, что помимо государственного языка они свободно владеют национальным языком, и только десятая часть опрошенных им не владеют. Об этом наглядно свидетельствует рис. 1. Респонденты отмечают, что национальный язык в подавляющем большинстве случаев знают оба родителя. Следует отметить тот факт, что на вопрос о месте и способе изучения национального языка практически 100 % опрошенных на первый план выдвигают обучение в семье. Далее идет изучение языка в учебных заведениях. Почти нет тех, кто изучал бы национальный язык самостоятельно. Не менее интересные данные мы получили, анализируя вопрос о сфере применения национального языка. Большая часть респондентов постоянно общаются на национальном языке в своей семье. Около 70 % опрошенных разговаривают на мордовском с друзьями и сверстниками периодически и практически никогда — на улице.

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы владеете национальным языком?»

Для проверки гипотезы о том, что с увеличением плотности этнического окружения вырастает уровень идентификации с окружающим этносом, мы спросили: «Какое количество окружающих Вас людей знают язык Вашей национальности?». Более половины опрошенных ответили, что менее четверти, около трети — что менее половины. После тщательной проверки данных мы пришли к выводу: респонденты уже достаточно долгое время проживают на территории г. о. Саранск, который по результатам переписи населения 2002 г. и статистическим данным является населенным пунктом с преобладающей долей русского населения. Следовательно, респонденты, долгое время живущие в этнических населенных пунктах, видят большую разницу в уровне знания населенных пунктов и Саранска. Поэтому абсолютное большинство опрошенных отмечают такой маленький уровень этнической насыщенности окружения. Семьи респондентов в основном стараются соблюдать обычаи и традиции своего этноса, но сами опрошенные этого практически не делают. Более подробные данные можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Следуете ли Вы обычаям и традициям своей национальности?», %

Группа респондентов \ Вариант ответа	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Молодежь	12	24	48	12	4
Старшее поколение	36	22	12	6	24

Такой низкий процент молодых людей, следующих традициям, прямо связан с местом проживания. Большая часть студентов проживают отдельно от родителей, следовательно, не могут участвовать в обрядах, которые проводят их родители. На это

влияет ряд факторов, среди которых незнание процесса проведения какого-либо обряда, отсутствие времени или единомышленников.

Как ни печально, мордовские мифы, легенды и сказания знают всего около трети опрошенных. Молодое поколение не стремится собирать информацию о жизни своего этноса. Уже никто не боится домового или лешего, Ведь-авы или Вирь-авы. Современная молодежь, хоть и ассоциирует себя с коренным этносом, все больше приобщается к западной культуре. Вместо народных сказок и легенд родители все чаще читают детям книги про Гарри Поттера или Бильбо Бэггинса. По этой причине в историю уходят разного рода предания, которые еще 100 лет назад составляли неотъемлемую часть процесса этнической социализации. Вероятно, через несколько лет фольклором будут интересоваться исключительно ученые. В настоящее время основным источником получения знаний об этнической культуре выступает школа, а семья находится на втором плане. В то же время не может не радовать факт, что в Республике Мордовия в школьную программу включены дисциплины по изучению культурного наследия родного края.

Перейдем к вопросу о субъективной оценке молодежью своей этнической группы. Большая часть опрошенных определяют мордву как группу людей, объединенных по национальному признаку. На втором месте ответ, что мордва — это исторически сложившаяся нация, на третьем — что мордва — люди, живущие на территории Мордовии (табл. 2).

В процессе социализации участвует не только ближайшее окружение индивида, но и гражданское общество. В Мордовии не совсем так. На территории республики зарегистрировано около десяти организаций этнокультурной направленности, но они, как показал опрос, практически бездействуют. Из предложенного списка организаций только две известны среди молодежи города (табл. 3). Из 100 респондентов ни один не состоит в подобной организации, из чего следует вывод: они существуют только на бумаге.

Таблица 2

Определение респондентами мордвы (составлена на основе сложного ответа)

Вариант ответа	Доля опрошенных, %
Группа людей, объединенных по национальному признаку	58
Народность, нация	22
Группа людей, объединенных по территориальному признаку	18
Исторически сложившаяся нация	52
Группа людей, объединенных по языковому признаку	10
Люди, сходные по человеческим качествам	6
Искусственно создаваемый этнос	2
Люди, живущие на территории Мордовии	44
Другое	0

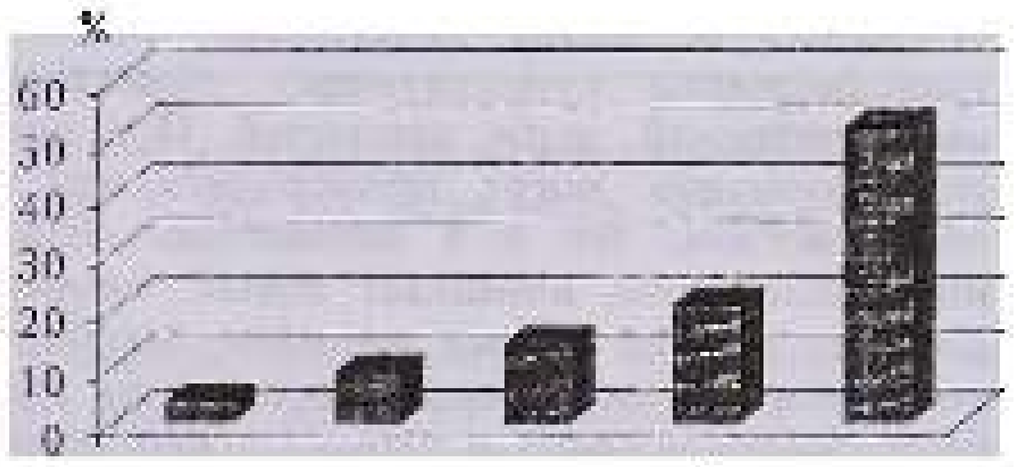
Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о действующих на территории Мордовии общественных организациях этнокультурной направленности?»

Название организации	Вариант ответа	
	да, %	нет, %
Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа	0	100
Мордовский региональный финно-угорский общественный фонд культурного и экономического сотрудничества «Масторава»	36	64
Общественный фонд спасения эрзянского языка им. А. П. Рябова	0	100
Городское саранское эрзянско-мокшанское общественное молодежное движение «Од вий»	28	72
Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа «Юрхтава»	0	100
Другое	0	100

Молодежь г. о. Саранск не стремится повышать культурный уровень, несмотря на все усилия правительства республики, не проявляет интерес к национальному искусству. Всего 25 % опрошенных были в Мордовском государственном национальном драматическом театре, частота посещений которого среди молодежи практически сводится к нулю. Подавляющее большинство респондентов посещают данный театр не чаще одного раза в год. Дальнейшее распределение ответов показано на рис. 2.

На основе вышеизложенных результатов опроса можно заключить, что, во-первых, процесс этнической социализации проходит в основном в семье; во-вторых, респонденты получают основные понятия о культуре и истории этноса в учебных заведениях. Безусловно, продолжение исследований, но уже не в пилотажном, а в теоретико-прикладном формате с использованием репрезентативной выборки, позволит уточнить имеющиеся данные и получить новую информацию, на основе которой можно совершать конкретные шаги для регулирования и формирования этнической идентичности студенческой молодежи.



Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы посещаете Мордовский государственный драматический театр?»

Поступила 13.07.11.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Г. Ушкин, Т. М. Дадаева

В статье предпринимаются попытки социологического анализа сети Интернет. Опираясь на результаты пилотажного исследования, автор делает определенные выводы, связанные с влиянием принципиально нового социального института на жизнь студенческой молодежи. Конкретному рассмотрению подвергаются процессы социализации, протекающие посредством Всемирной компьютерной сети.

В современном социуме особая роль в процессе формирования нового информационного общества принадлежит глобальной сети Интернет, которая является не только средством массовой коммуникации, но и образует принципиально новую область социального взаимодействия, приводящую к изменениям в реальных областях жизни человека. Выявление специфики протекания процессов социализации посредством сети Интернет определяет необходимость социологического осмысления социокультурных аспектов формирования постиндустриального общества. Происходящие под влиянием развития интернет-технологий изменения в социокультурном поле требуют внимания исследователей к информационным взаимодействиям агентов виртуальной социальной системы.

На сегодняшний день более 30 % пользователей Интернета составляет молодежь, которая, по сути, является инновационным по-

© С. Г. Ушкин, Т. М. Дадаева, 2011

тенциалом и, по мнению немецкого социолога К. Манхейма, выполняет функцию оживляющего посредника социальной жизни [1]. Интеграция сети Интернет в повседневную человеческую жизнь непременно ведет к трансформации существующих общественных отношений, норм, ценностей. При этом трансформации могут происходить как в общественном, так и в личностном сознании. Более того, возникает новый, «виртуальный» мир, со своими законами, всеобщей доступностью информации, правом на свободу самовыражения и своими проблемами. Однако сегодня, когда этот мир находится, особенно в России, в зародышевой стадии, его новые законы и различные влияния остаются малоизученными.

XXI в. кардинальным образом преобразует предметные и социальные миры новыми знаковыми системами, что особенно отчетливо проявляет себя в сфере информационных технологий. Изменение условий уже определяет характер влияния на особенности развития новых поколений, особенно на развитие стиля самопрезентации и самобытия реальной личности в условиях виртуального мира. Находясь на определенном этапе социализации, студенческая молодежь активно использует возможности Интернета в повседневной жизни. Это может привести как к позитивным, так и к негативным последствиям. Для того чтобы их предвидеть, необходимо рассмотреть факторы использования сети Интернет студенческой молодежью.

Для изучения роли и значения сети Интернет в жизни студенческой молодежи в мае 2010 г. методом анкетного опроса по месту обучения среди студентов I—V курсов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева естественных, технических и гуманитарных специальностей нами было проведено пилотажное социологическое исследование. Всего в опросе приняли участие 100 чел. С целью выявления влияния сети Интернет на процессы социализации нами был рассмотрен ряд более конкретных индикаторов. Процесс социализации был условно разбит нами на две составляющие: сферы процесса социализации и оценку воздействия процесса социализации на личность. В процессе исследования выявлялись мотивация студенческой молодежи при использовании сети Интернет, основные виды деятельности, осуществляемой в Сети, отношение к Всемирной паутине и ее влияние на личность респондентов.

Как показали результаты исследования, большая часть респондентов (88 %) используют Интернет для учебы. Данный социальный факт подтверждает заинтересованность молодежи в получении новых знаний, а это является необходимым условием развития общества. В структуре осуществляемой деятельности в Сети немаловажное значение также занимает общение (45 %). Дело в том, что постепенно Интернет интегрируется в повседневную жизнь социума, охватывая сферу межличностной коммуникации. Обладая значительным социализирующим свойством, общение распространяет эту функцию и на Сеть. Также можно предположить, что при помощи Всемирной паутины респонденты компенсируют дефицит общения, возникающий в обыденной жизни. Дальнейшее распределение ответов показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Для чего Вам прежде всего необходим доступ в Интернет?»

Вариант ответа	Доля респондентов, %
1	2
Для учебы	88
Для работы	21
Для чтения книг	22
Для того, чтобы следить за новостями в мире и стране	28
Для пользования электронной почтой	34
Чтобы слушать музыку, смотреть фильмы	33
Чтобы играть в сетевые игры	6
Для просмотра сайтов эротического содержания	6
Для общения с другими пользователями в чатах, на форумах и т. д.	45

Окончание табл. 1

1	2
Для поиска друзей, людей, близких по интересам	27
Другие	1
Затрудняюсь ответить	2

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответа.

В структуре мотивов, как и следовало ожидать, доминирует когнитивный (87 %). Коммуникативный мотив стоит у респондентов на втором месте. Деловым мотивом в сети Интернет руководствуются треть опрошенных студентов, что детерминируется все возрастающим значением не знаний самих по себе, а умения их использовать (табл. 2). Интернет-пространство, по нашему мнению, дает множество возможностей не только для добычи информации, но и для ее успешной реализации на практике.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Какими мотивами Вы руководствуетесь при использовании сети Интернет?»

Вариант ответа	Доля респондентов, %
Деловым мотивом	34
Познавательным мотивом	87
Мотивом общения (коммуникативным мотивом)	66
Кооперативным мотивом (мотивом сотрудничества)	3
Мотивом самоутверждения	5
Игровым мотивом	13
Мотивом самоидентификации	1
Другим	1
Затрудняюсь ответить	2

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответа.

Таким образом, мотивация студенческой молодежи вытекает не только из потребности индивида в получении знаний, но и из его потребности в общении. Иными словами, студенческая молодежь использует возможности сети Интернет преимущественно для удовлетворения когнитивных и коммуникативных потребностей.

Отношение студентов к сети Интернет скорее положительное (табл. 3). Примечательно, что категорично отрицательного отношения нет. На наш взгляд, это связано с тем, что в настоящее время Интернет полностью вошел в социальную жизнь, так, как ранее это сделали радио и телевидение, став, таким образом, частью досуговых практик.

Таблица 3

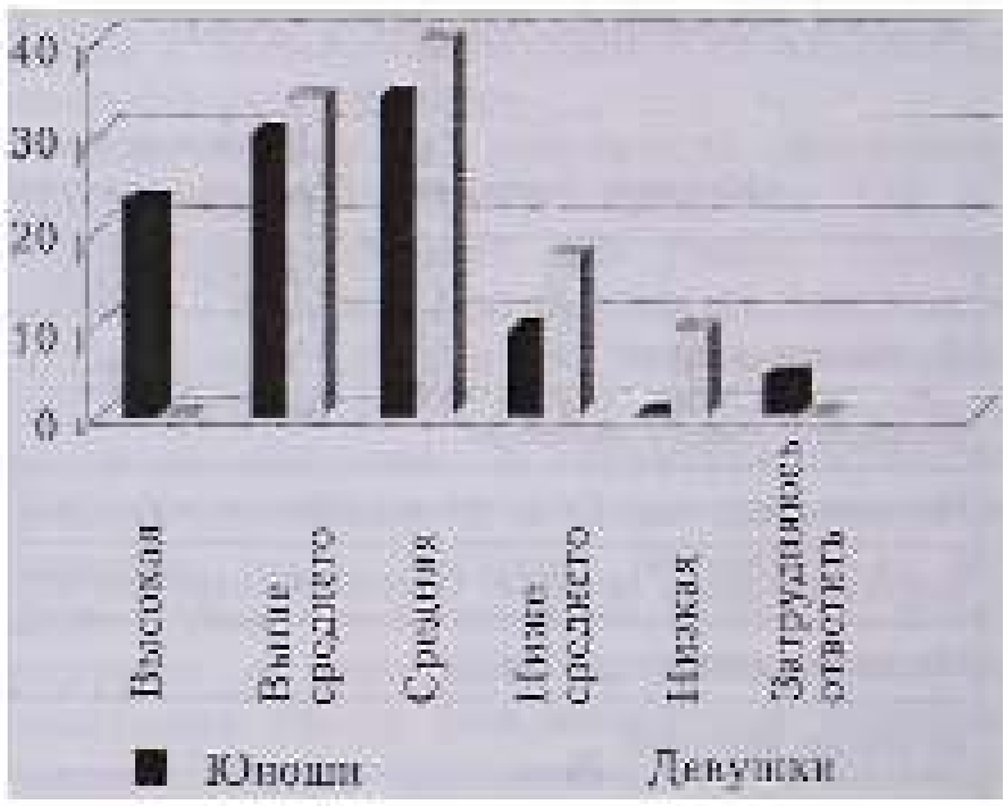
Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к сети Интернет?»

Вариант ответа	Доля респондентов, %
Положительно	62
Скорее положительно, чем отрицательно	36
Скорее отрицательно, чем положительно	1
Отрицательно	0
Затрудняюсь ответить	1

Большая часть опрошенных (56 %) согласны с утверждением, что Интернет на данный момент представляет собой мощный ресурс получения оперативной и достоверной информации. Информационное общество определяется как «общество, построенное на знании», но не стоит забывать, что накопление больших объемов хаотичной, разрозненной информации приводит к определенным трудностям в процессе ее обработки. Требуются систематизация накопленных знаний, их обобщение в единое целое. Обществу не хватает методов извлечения нужной информации, ее анализа и интерпретации. Надвигающаяся «информационная лавина» поглощает все большее число людей, в том числе студенческую молодежь. В настоящее время многие процессы, такие как социализация, воспитание, обучение и т. д., могут осуществляться посредством Сети. Так, большая часть респондентов отмечают, что именно за Интернетом будущее. Лишь шестая часть опрошенных не согласны с данным утверждением, а десятая часть затруднились ответить.

Немногочисленные и разрозненные исследовательские данные, имеющиеся в настоящее время, позволяют судить о неоднозначности и разнообразии влияния, оказываемого информационными технологиями на личность. В частности, в зависимости от мотивации, целей и условий деятельности Интернет и многочисленные сетевые услуги могут быть использованы и для «ухода» в некий виртуальный мир, где трудности и проблемы реального мира отсутствуют, и в качестве своеобразной творческой лаборатории, позволяющей приобрести новый психологический опыт. Большая часть опрошенных (39 %) считают, что Интернет способствует пополнению знаний. Как мы видим, здесь вновь находит отражение когнитивный подтекст использования Сети студенческой молодежью. Также 18 % респондентов считают, что Интернет способствует развитию личности.

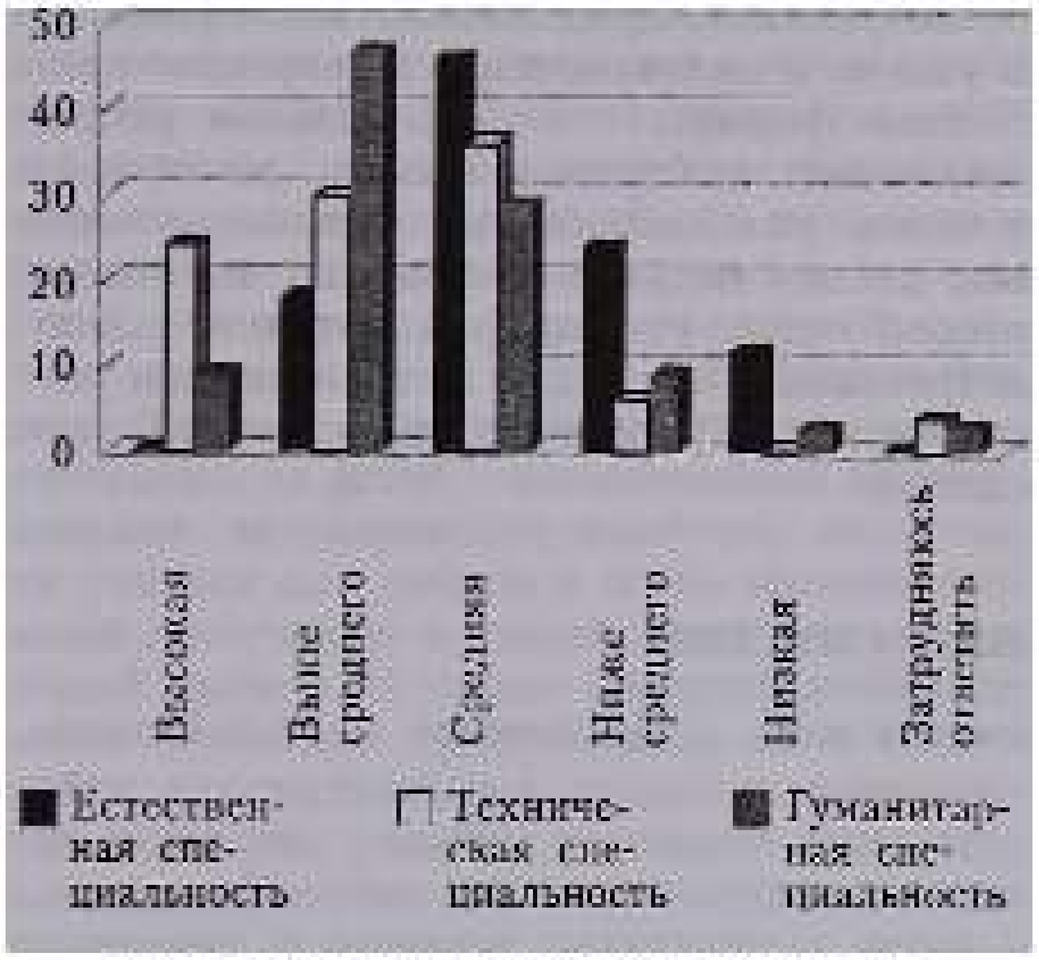
Теперь перейдем к субъективной оценке уровня владения навыками пользования Интернетом. В целом респонденты достаточно высоко оценивают собственную квалификацию: 11 % считают свои навыки высокими, 34 % — выше среднего. Большая часть респондентов (37%) оценивают свою степень владения как среднюю, ниже средней ее видят 13 % опрошенных, совсем низкой — 5 %. На наш взгляд, одним из факторов владения навыками пользования Интернетом выступают гендерные различия. Дело в том, что в обществе укоренился стереотип, что техника лучше осваивается мужской частью населения. Одной из задач мы ставили рассмотреть данную зависимость. Как показало распределение респондентов по полу, почти четверть (24 %) юношей оценили свой уровень владения Интернетом как высокий, в то время как девушки не допускали такого предположения. Наглядное распределение ответов на данный вопрос можно получить из рис. 1. В целом наблюдается некое смещение юношей в сторону более высокой оценки своих знаний, нежели у девушек. На наш взгляд, кроется это именно в женском сознании, которое поглощает сложившиеся в обществе стереотипы.



Р и с. 1. Оценка владения респондентов навыками пользования Интернетом

Достаточно интересным, на наш взгляд, представляется зависимость от профиля получаемого образования. Так, в процессе работы над программой данного исследования мы условно разделили студентов на три группы. В первую вошли студенты, получающие естественное образование, во вторую — получающие техническое образование, в третью — получающие гуманитарное образование. Основным предположением выступало то, что студенты, обучающиеся на технических специальностях, лучше владеют навыками пользования Интернетом в силу профиля своего образования. В целом данное предположение подтвердилось. Как можно видеть из рис. 2, студенты технических специальностей более широко используют сеть Интернет. Средний показатель — у студентов гуманитарных специальностей. Ниже всех оценивают уровень компьютерной грамотности студенты, обучающиеся на естественных специальностях. Однако стоит подчеркнуть, что данные результаты не являются полностью объективными. Для выявления степени владения навыками пользова-

ния Интернетом необходимо проводить всесторонние тесты, направленные не на самооценку, а на оценку со стороны.



Р и с. 2. Оценка владения навыками пользования Интернетом студентами разных специальностей

В целом социально-демографический портрет студента, имеющего доступ в Интернет, выглядит следующим образом. Это не состоящий в браке молодой человек с уровнем доходов чуть выше прожиточного минимума или на его уровне, относящий себя к средней части среднего слоя, тратящий на оплату доступа в Интернет от 350 до 450 руб. в месяц. В основном студенты уже имеют значимый опыт работы с Интернетом (от трех лет) и пользуются им практически ежедневно. Можно сделать вывод, что роль Интернета в жизни студенческой молодежи достаточно велика. Наличие многих функций Сети в настоящее время позволяет нам говорить о ней как о социальном институте. Следовательно, Интернет в полной мере способен оказывать влияние на различные общественные процессы, в том числе на процесс социализации.

Более конкретные результаты по проведенному исследованию следующие.

Во-первых, мотивация использования сети Интернет обусловлена прежде всего когнитивными и коммуникативными мотивами. Как мы видим, молодые люди активно используют мировую паутину в целях подготовки к учебе. Таким образом, Интернет как социальный институт предоставляет им конкретные знания. Одновременно со знаниями предоставляются и образцы поведения, присущие сетевой культуре (арго, сленг и т. д.). Таким образом, можно констатировать, что Интернет как прямо, так и косвенно влияет на процесс социализации, способствуя удовлетворению когнитивных и коммуникативных потребностей, направляя обучение и общение в то или иное русло.

Во-вторых, деятельность респондентов в Сети, как мы выяснили в процессе исследования, направлена в основном на получение новых знаний. Это способствует формированию интеллектуально развитой личности. Следовательно, посредством Интернета формируется образ будущего интеллектуального работника, так как в процессе взаимодействия с Всемирной паутиной происходит нарастающее накопление индивидом соответствующих знаний и опыта социально одобряемого поведения, а также опыта имитации социально одобряемого поведения и конфликтного или бесконфликтного избегания выполнения социальных норм. Но не стоит забывать о том, что для этого необходимо контролировать Интернет и направлять социализирующие процессы.

В-третьих, в молодежной студенческой среде доминирует положительное отношение к Интернету. Превалирует достаточно спокойное отношение, хотя респонденты отмечают, что Сеть дает множество ранее недоступных возможностей. Одна из возможностей, особенно значимых для процесса социализации, — самореализация. Дело в том, что на данный момент многим молодым людям проще самореализоваться в виртуальном мире, нежели в реальном. Таким образом, можно констатировать, что Интернет стал частью нашей повседневной жизни (как, например, радио, телевидение, газеты) и способен оказывать многопланное воздействие на личность. Пользование Сетью стало одной из досуговых практик.

В-четвертых, субъективная оценка влияния Интернета на личность студентов носит положительный характер. Большая часть студентов считают, что Сеть способствует пополнению знаний (что выводится из когнитивного мотива использования Сети). Можно сказать, что в ходе данного исследования было доказано, что Интернет влияет на личность студентов, вызывая различного рода преобразования. В конечном счете это есть процесс социализации.

В-пятых, субъективная степень владения навыками пользования Интернетом среди студентов зависит от таких характеристик, как пол и профиль обучения. Мужчины традиционно выше оценивают свои навыки, нежели женщины. Профиль обучения также имеет значение: высокая оценка навыков пользования Сетью доминирует среди сту-

лектов технических специальностей. Однако, на наш взгляд, данные обстоятельства объясняются устоявшимися в обществе стереотипами. Интернет, как и любой другой социальный институт, должен быть массовым, а это достигается посредством предоставления равного доступа и равных возможностей.

На основе вышеизложенных результатов можно заключить: 1) Интернет оказывает наибольшее влияние на процессы социализации, которые протекают в когнитивной и коммуникативной сфере; 2) процессы социализации, протекающие посредством Всемирной паутины, носят положительный характер (хотя, безусловно, стоит оговориться, что в будущем социализацию в Сети стоит направлять).

Безусловно, продолжение исследования, но уже не в пилотажном, а в теоретико-прикладном формате с использованием репрезентативной выборки позволит, во-первых, уточнить уже полученные данные, во-вторых, добыть новую информацию, на основе которой можно совершать конкретные административные шаги для регулирования использования Интернета студенческой молодежью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Манхейм К.** Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. — М. : Юристъ, 1994. — 700 с.

Поступила 13.07.11.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПОДДЕРЖКИ ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ

Л. П. Канаева, И. Э. Резяпова

В статье анализируются основные элементы республиканской системы образования интеллектуально одаренных детей, а также потенциал Республики Мордовия для реализации основного направления приоритетного национального проекта «Образование» — государственной поддержки способной и талантливой молодежи.

Будущее человечества в определенной степени зависит от того, какие люди будут обеспечивать его прогресс. В связи с происходящими социально-экономическими изменениями в обществе возрастает потребность в людях творческих, способных быстро и оригинально решать проблемы, возникающие в различных сферах деятельности. Таланты — стратегический потенциал страны, поэтому возрастает понимание, которое придается во всем мире работе с одаренными детьми. С 1975 г. работает Всемирный совет по одаренным и талантливым детям, координирующий работу по изучению, обучению и воспитанию таких детей и организующий международные конференции. Задача международных организаций — не только обмен информацией между учеными разных стран, но и разработка и внедрение глобальных образовательных моделей. Разрабатываемая сегодня концепция личностно ориентированного образования, являясь современной и адекватной реакцией на запросы общества, предлагает в образовательном процессе исходить из задатков, способностей, возможностей и личных потребностей ребенка, т. е. учитывать различные параметры гармоничного развития личности.

Термины «талантливый» и «одаренный» употребляются как синонимы. Понятие «одаренность» происходит от слова *дар* и означает особо благоприятные внутренние предпосылки развития. Под одаренностью детей и молодежи понимается более высокая, чем у их сверстников, при прочих равных условиях, восприимчивость к учению и бо-

© Л. П. Канаева, И. Э. Резяпова, 2011

лее выраженные творческие проявления. В толковом словаре С. И. Ожегова талант определяется как выдающиеся врожденные качества, особые природные способности [2]. В силу личностных особенностей одаренные дети наиболее чувствительны к неадекватным оценкам, несправедливым и негативным воздействиям. Дефицит знаний об особенностях мышления одаренных детей, их личностном развитии и воспитании приводит к трудностям, связанным с целенаправленной организацией работы с ними. Необходимость разработки особых учебных программ, рассчитанных на детей с повышенными возможностями, актуализирует проблему подготовки учителя для работы с особо восприимчивыми к обучению и творческими детьми, который должен не только овладеть необходимыми учебными программами, но и суметь найти индивидуальный подход к одаренности питомцев, увидеть в каждом индивидуальность. Именно социально-педагогическая поддержка и развитие талантливых детей и молодежи как бесценного национального достояния и основного интеллектуального и творческого потенциала страны стали одним из приоритетных направлений государственной политики. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. успех важнейшего направления — повышения национальной конкурентоспособности — определяется развитием человеческого капитала, созданием условий для формирования целостной системы поддержки обладающей лидерскими навыками, инициативной и талантливой молодежи [1].

Достижение этой цели обеспечивается необходимостью максимально эффективно использовать человеческий потенциал и создать условия для максимально полной творческой самореализации каждого талантливого человека. Это не акт социальной благотворительности, а залог дальнейшего поступательного развития общества. Появившаяся в нашей стране возможность открывать классы или школы для детей с высокими способностями привела к тому, что практика обучения одаренных детей опередила создание соответствующих научно обоснованных программ. Развитие системы общего образования предусматривает индивидуализацию, ориентацию на практические навыки и фундаментальные умения, расширение сферы дополнительного образования. Существующий разрыв между наукой и практикой приводит к отрицательным результатам. Общество еще недостаточно способствует повышению престижа интеллектуальных достижений одаренных детей. В связи с этим масштабный национальный проект в сфере образования, по сути, представляет инновационный подход к достижению основной цели российской образовательной политики — обеспечение современного качества образования в соответствии с требованиями инновационного развития экономики и потребностями общества.

В основу приоритетного национального проекта «Образование» положены такие принципы проектной деятельности, как открытость образования внешним запросам, применение проектных методов, конкурсное выявление и поддержка лидеров, успешно реализующих новые подходы на практике, адресность инструментов ресурсной поддержки и комплексный характер принимаемых решений. Эта стратегическая цель заявлена и в Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г., реализация которой предполагает решение такой приоритетной задачи, как формирование системы работы с одаренными детьми и талантливой молодежью, включая их эффективное сопровождение на всех этапах получения образования, развитие системы интернатов для талантливой молодежи, проведение летних научных лагерей и школ, развитие системы конкурсов и олимпиад с использованием возможностей ведущих учебных заведений и научных организаций. Проект не просто дополняет сложившуюся систему мер по модернизации образования, но и стимулирует инновационные подходы, прежде всего через поддержку инициативной, способной, талантливой молодежи. Для реализации одного из направлений национального проекта, а именно государственной поддержки способной и талантливой молодежи, наша республика имеет достаточный потенциал.

Реформирование системы образования в начале 90-х гг. XX в. привело к дифференциации образовательных учреждений, возникновению инновационных школ, позволяющих более целенаправленно организовывать работу с талантливыми учащимися. В 1992 г. по инициативе Саранского клуба ученых начал работу Саранский городской естественно-технический лицей — новое учебное заведение физико-технического направления. Основная его функция — содействие формированию высокоразвитого интеллектуального потенциала путем целенаправленной подготовки одаренных школьников к учебе на естественных и технических факультетах вузов с преимущественной ориентацией на последующую работу в научно-исследова-

тельских, проектно-конструкторских и технологических учреждениях. С 1995 г. лицей функционирует при Институте физики и химии Мордовского государственного университета. В 1996 г. на базе МГУ им. Н. П. Огарева начала работу Республиканская многопрофильная академическая гимназия — принципиально новое образовательное учреждение, наиболее полно использующее потенциал ученых университета в становлении и развитии целостной региональной системы образования. Гимназия стала системообразующим звеном в работе с одаренными детьми региона. Основная ее задача — содействие формированию интеллектуального потенциала республики, создание системы поддержки, развития и обучения одаренных детей.

В Мордовии выстроена многоуровневая система поддержку талантливой молодежи, которая включает в себя четыре основных направления: развитие и поддержку сети учреждений и организаций, работающих с одаренными учащимися; государственную поддержку и социальную защиту одаренных детей; развитие системы работы с кадрами; научно-методическую работу. С одаренными детьми в регионе работают педагоги гимназий, лицеев, школ с углубленным изучением предметов. Развивается сеть очно-заочных школ, деятельность которых регламентируется специальным положением и пакетом учебных программ, рекомендованных Республиканским экспертным советом при Министерстве образования РМ; широко распространены межшкольные факультативы; традиционными стали летние сборы одаренных детей, которые ежегодно проводятся на базе профильных лагерей во всех районах республики. Ежегодно увеличивается количество экспериментальных площадок разного уровня. Создано Государственное типовое общеобразовательное учреждение «Республиканский лицей — Центр для одаренных детей». Оно стало начальным этапом в непрерывной образовательной системе «школа — вуз — технопарк» и важнейшим звеном инновационной структуры подготовки кадров для технопарка Мордовии. В рамках программы «Интеллектуальное будущее Мордовии» Министерство образования республики совместно с Региональным учебным округом ежегодно проводит республиканский конкурс научно-исследовательских проектов учащихся средних школ и образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, студентов первых курсов вузов Мордовии. Итоги конкурса подводятся на научно-практической конференции.

Большую популярность среди старшеклассников завоевала научно-практическая конференция «Школьники города — науке XX века», которая стала начальным этапом формирования научных ценностных ориентаций для молодых людей, выбравших научную деятельность. Научные исследования, получившие положительную оценку жюри, публикуются в сборнике научно-методических материалов «Эврика». Стали традицией прочные связи гимназий, лицеев, школ с углубленным изучением отдельных предметов, в которых успешно внедряются инновационные учебные программы. Работа ведется в нескольких направлениях: инновационные образовательные учреждения привлекают преподавателей для чтения спецкурсов и отдельных учебных дисциплин, учащиеся инновационных образовательных учреждений принимают участие в научно-исследовательской деятельности на базе различных лабораторий и кафедр, преподаватели вузов проводят теоретические и методические семинары по современным технологиям образования. Ежегодные городские и республиканские конференции и олимпиады выявляют наибольшее число победителей и дипломантов, обучающихся именно в этих образовательных учреждениях республики. Важно отметить, что олимпиады, которые проводятся с целью выявления и развития у обучающихся интереса к научно-исследовательской деятельности, — один из главных элементов республиканской системы образования интеллектуально одаренных детей.

Сегодня необходимо говорить о создании целостной системы повышения квалификации педагогических кадров, работающих над проблемами диагностики, обучения и развития талантливых детей. Одаренные дети — особые, и обычные методы работы для них не подходят. В связи с этим представляется необходимым создание организационно-правового поля для программ, ориентированных на поддержку талантливой молодежи. В целях формирования основ системы устойчивого и плодотворного развития интеллектуальных ресурсов общества представляется актуальной разработка Концепции работы с талантливыми детьми, базирующейся на возможностях основного и дополнительного образования, на системе взаимодействия учреждений высшего профессионального и общего образования по реализации общеобразовательных программ старшей школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.consultant.ru. — Загл. с экрана.

2. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. академия наук ; Рос. фонд культуры. — 3-е изд., стер. — М. : АЗЪ, 1996 — 928 с.

Поступила 26.04.11.

НАРКОДЕВИАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ю. В. Зеткина

В статье представлен анализ современной наркоситуации в молодежной среде Республики Мордовия. На основе результатов социологического исследования выявлены факторы и условия наркотизации молодежи, а также новые наркопрактики. Рассматривается современное состояние социальной профилактики наркотизма в Республике Мордовия.

Масштабы распространения наркомании в современной России среди подростков и молодежи, ее опасные социальные, экономические, правовые и нравственные последствия определяют необходимость противодействия этому явлению. Степень опасности этой формы девиантного поведения осознается на всех уровнях государственной власти. Так, в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г. среди основных направлений отмечается интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества, в том числе лиц, оказавшихся в зависимости от употребления психоактивных веществ [2]. Широкое обсуждение получила Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации [3], предлагающая комплекс мер по сокращению предложения и спроса на наркотики и совершенствованию организационного и правового обеспечения антинаркотической деятельности.

Состояние криминальной обстановки в совокупности с различными социально-экономическими и общественно-политическими факторами в значительной степени влияет на наркоситуацию. Несмотря на то что Республика Мордовия имеет самый низкий в Приволжском федеральном округе уровень преступности (Республика Мордовия — 1 135 преступлений на 100 тыс. населения, Приволжский федеральный округ — 2 116 на 100 тыс. населения, Российская Федерация — 2 111 на 100 тыс. населения) и уровень наркотизации населения — 163 в расчете на 100 тыс. чел. (в среднем по ПФО — 370), наркоситуацию в регионе нельзя назвать благополучной. В настоящее время в органах здравоохранения Мордовии состоят на учете 1 359 чел., допускающих немедицинское потребление наркотических средств. Рост потребителей наркотических средств в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составил 5,6 %. Диагноз «наркомания» поставлен 761 чел., из них 89 % в возрасте от 18 до 39 лет. Молодежная наркотизация является базой для развития этого явления во взрослой среде, поэтому серьезно ослабить наркотизацию взрослого населения можно лишь при определенных успехах в борьбе с наркотизацией молодежи.

В 2009—2010 гг. автором было проведено социологическое исследование «Отноше-

© Ю. В. Зеткина, 2011

лие молодежи к потреблению наркотиков в Республике Мордовия». Объем выборочной совокупности составил 897 чел. Выявлено, что наибольшее число опрошенных, кому хотя бы один раз доводилось пробовать наркотические вещества, приходится на учащихся колледжей (18,2 %), профтехучилищ (15,6 %) и техникумов (13,6 %). Почти в два раза меньше пробовавших наркотики среди студентов вузов (6,7 %), учащихся вечерних школ (6,3 %) и работающей молодежи (6,0 %). Наименьшая доля наркопотребителей зафиксирована среди учащихся школ (2,0 %). Самым популярным наркотиком в молодежной среде является марихуана (53,1 %). Молодые люди также активно экспериментируют с наркотиками кустарного производства (41,3 %), курительными смесями («спайсы», «миксы») (38,9 %) и гашишем (30,6 %). Опий и экстази употребляют работающая молодежь (по 28, 6%) и студенты вузов (3,8 %). Потребление ЛСД отметили 3,8 % студентов вузов.

Первый опыт употребления наркотиков молодые люди получают в 13—15 лет (26,5 %). Это подтверждает широкое распространение наркотиков в подростковой среде. Однако наиболее опасным является возрастной промежуток от 16 до 18 лет, на который приходится 53,1 % первых проб наркотиков. Настораживает тот факт, что значительна доля лиц, начавших употребление наркотиков в 19—20 лет (8,2 %) и старше 20 лет (12,2 %), что свидетельствует о затянутости процесса социализации в молодежной среде и недостаточной социальной зрелости. Среди пробовавших наркотики 40,8 % тех, кто продолжил их употреблять в дальнейшем, что подтверждает опасность однократного приема наркотиков. Регулярно употребляющие наркотики молодые люди отмечены только среди работающей молодежи (50,0 %). Для учащейся молодежи характерно «крайне редкое» (70,2 %) и «спонтанное» (29,0 %) наркопотребление.

Одним из немаловажных факторов, влияющим на принятие решения об употреблении наркотиков, является социальное окружение. Так как тенденция к подражанию является объективной особенностью процесса социализации формирующейся личности, нельзя не учитывать явление наркомании как одну из моделей социального поведения. Серьезное беспокойство вызывает тот факт, что опрошенные имеют 17,3 % друзей и знакомых, употребляющих наркотики. Причем у учащихся вечерних школ и ПТУ — самое наркотизированное окружение (36,4 и 28,1 % соответственно). Юноши по сравнению с девушками находятся в более опасной ситуации. Так, 22,5 % юношей указали, что среди их друзей и знакомых есть лица, употребляющие наркотики. У девушек этот показатель равен 14,3 %. Полученные результаты не могут не тревожить, так как согласно данным правоохранительных органов и медицинских работников наркоман за свою жизнь может привлечь к пагубному пристрастию 10 и более человек.

На вопрос исследования: «Была ли в Вашей жизни ситуация, когда Вам предлагали попробовать наркотики и токсические вещества?» — 27,1 % опрошенных ответили положительно, 70,0 % — отрицательно, 2,9 % затруднились ответить. Опрошенные, у которых когда-либо было желание попробовать наркотики, но они этого не сделали, среди причин, удерживших их от наркотиков, указали: знание о негативных последствиях (64,9 %), боязнь стать зависимым (25,2 %), нежелание огорчить родителей и близких (7,9 %), недоступность наркотических средств (4,0 %), и лишь 2,6 % — на нехватку материальных средств. Примечательно, что 17,2 % опрошенных можно отнести к «группе риска» исходя из их признания, что не было подходящего случая для первой пробы наркотика. Именно они в любое время могут быть втянуты в потребление наркотиков и наркодеятельность друзьями, товарищами либо знакомыми.

Многие исследователи считают, что употребление алкоголя и сигарет в юности является ранними симптомами, которые могут свидетельствовать о наличии других проблем, связанных с потреблением психоактивных веществ [4; 6]. Д. Кандел, исследуя проблему последовательности в употреблении наркотиков, обнаружила, что «употребление более слабого наркотика как следствие — необходимое, но не существенное условие для движения к более высокой стадии, показывающей увлечение более тяжелыми наркотиками» [5]. Можно выделить четыре стадии: 1) пиво или вино; 2) сигареты и крепкие алкогольные напитки; 3) марихуана; 4) другие нелегальные наркотические средства. Исследование показало, что курят среди не потребляющих наркотические средства — 29,9 %, среди потребляющих — 81,6 %. Выявленная особенность позволяет констатировать наличие тесной связи между курением и тем, что среди потребляющих наркотики большинство привержены препаратам конопли, а также сделать вывод, что приобщение детей и подростков к потреблению табачных изделий таит в себе потенциальную опасность перейти в будущем к

препаратам конопли. Наркотизация молодежной среды Республики Мордовия, ее опасные социальные, экономические, правовые и нравственные последствия определяют необходимость противодействия этому явлению.

Под социальной профилактикой наркотизма мы понимаем научно обоснованную систему мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих приобщению индивидов или групп риска к наркотическим веществам. Характерная особенность профилактики наркотизма среди молодежи — то, что в ней участвуют множество субъектов (организации, отдельные лица). Это не узковедомственная профессиональная, а массовая социальная деятельность. Массовый характер профилактической деятельности ставит задачи по ее организации, координации, управлению.

В структуру субъектов, занимающихся профилактикой молодежного наркотизма в Республике Мордовия, входят органы государственной власти; учреждения здравоохранения, образования, социальной защиты, культуры, физической культуры, спорта и туризма; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; средства массовой информации; общественные организации; религиозные организации. Также в профилактической деятельности участвуют правоохранительные органы (УФСКН РФ по РМ и МВД РМ).

Н. Кремнева отмечает, что существенным недостатком реализуемого в настоящее время межведомственного подхода является то, что принцип сотрудничества даже на уровне документов распространяется прежде всего на непосредственно подконтрольные государственным органам власти учреждения [1]. По-прежнему основными акторами реализуемых программ являются учреждения образования, здравоохранения, внутренних дел и наркоконтроля. Именно они, согласно документам, реализуют основную долю антинаркотической активности и, соответственно, выделяемого финансирования. На наш взгляд, представляется необходимым рациональное использование растущего потенциала гражданского участия в решении актуальных социальных проблем, в том числе наркотизма. Опыт работы системы социального партнерства в нашей стране (в том числе с зарубежными организациями) показал эффективность данного подхода, основанного на комплексности мер и приоритете образовательных технологий, ориентированных на воспитание позитивного и адекватного мировоззрения. Данный акцент весьма важен, поскольку мотивация молодежи по применению психоактивных веществ в настоящее время имеет четко выраженный мировоззренческий и нравственный характер.

Только предотвратив вовлечение в наркотизм наиболее неустойчивой юношеской части, можно обеспечить не только блокировку дальнейшего развития, но и подготовить условия для понижения общего уровня наркотизма. При этом общие приемы борьбы с правонарушениями в молодежной среде нередко оказываются не только малоэффективными, но и часто ведут к противоположному результату. Юношеский конформизм обеспечивает в этом возрасте один из наиболее действенных механизмов личностного самоутверждения. Поэтому прямое запрещение и преследование может лишь стимулировать интерес к наркотикам, демонстрирующий личностную независимость от взрослых. В то же время внешне нейтральное («ненавязчивое») внедрение в эту среду конкурентных (совсем не обязательно непосредственно антинаркотических) ценностей способно на данном этапе социализации защитить человека от наркотических соблазнов гораздо эффективнее, чем запреты и преследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Кремнева Н.** «Программное» решение проблемы наркомании / Н. Кремнева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.regioncentre.ru/resources/books/13step/13step2/. — Загл. с экрана.

2. Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1716-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 52 (ч. III). — Ст. 5622.

3. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stratgap.ru/pages/strategy/project/index.shtml. — Загл. с экрана.

4. Do Higher Cigarette Prices Encourage Youth to Use Marijuana? / F. Chaloupka [et. al.] //

National Bureau of Economic Research (February 1999) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.uic.edu/~fjc/Presentations/Papers/W6939.pdf. — Загл. с экрана.

5. **Kandel D.** Stages in adolescent involvement in drug use / D. Kandel // Science. — 1975. — № 190. — P. 912—914.

6. The Joint Demand for Cigarettes and Marijuana : Evidence from the National Household Surveys on DrugAbuse / M. Farrelly [et al.] // Journ. of Health Economics. — 2001. — № 20. — P. 51—68.

Поступила 13.07.11.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

О. Н. Тюлякова

В статье рассматривается влияние института СМИ на медиапредпочтения и профессиональные стратегии молодого поколения в условиях экономического кризиса. Проанализированы факторы влияния на формирование профессиональных стратегий молодежи и медиавыбор. Рассмотрены тенденции развития медиасреды.

Экономический кризис и его последствия — нестабильность, изменчивость, социально-экономические проблемы, формирование новых состояний общественной жизни — обостряют стремление личности молодого человека конструировать профессиональные стратегии и медиапредпочтения, заставляют ориентироваться в профессиональной жизни в современных условиях. В современном информационном обществе в условиях рыночной экономики обнаруживается множество противоречий и конфликтов в связи с включением личности в профессиональную сферу, получением профессиональной квалификации, позиционированием в профессиональной жизни, развитием профессиональной компетентности и конкурентоспособности. Поиск новых путей и возможностей развития профессионализации, профессиональной социализации в постоянно изменяющихся условиях жизни требует методологических, теоретических и прикладных разработок в области профессионализации личности российской молодежи.

Огромную социальную значимость приобретает феномен конструирования профессиональных стратегий молодых людей, обеспечивающий их профессиональную адаптацию к рыночным отношениям в профессиональной сфере. Также значимы выбор профессии, конкурентоспособность на рынке труда, ценностные ориентации, карьерный рост, реализация профессиональных стратегий, медиапредпочтения молодого поколения. Для современного российского общества особенно актуален поиск социальных и медиатехнологий, средств и механизмов конструирования профессиональных и медиапредпочтений молодежи в профессиональной сфере. Процесс формирования профессиональных стратегий и медиапредпочтений личности в определенной степени управляем. Технологии и механизмы профессиональных стратегий и медиапредпочтений молодого поколения становятся основой развития профессионализации, повышения конкурентоспособности на рынке труда даже в условиях экономического кризиса.

Современные молодые профессионалы включены в широкий контекст социальных отношений. Они имеют много коллег и знакомых в различных странах, что позволяет иметь ускоренный доступ к ключевым источникам информации и решать различные задачи. Как правило, профессиональная деятельность молодого человека оказывает

© О. Н. Тюлякова, 2011

огромное влияние на динамику его личностных качеств. Профессиональные качества человека — это прежде всего его индивидуально-личностные и социально-психологические особенности, в комплексе обеспечивающие успешность работы на какой-либо должности. С повышением профессионального уровня молодежи возрастают требования к таким психологическим качествам, как чувство ответственности, способность перспективно мыслить, настойчивость и целеустремленность в достижениях стратегических целей. Также немаловажное значение имеет способность к социальной активизации других людей, способность «заражать» их своей энергией, волей, уверенностью в своих силах. Например, менеджеры или руководители высшего уровня должны обладать профессиональными качествами, позволяющими выявлять проблему с учетом ее взаимосвязей с другими профессиональными задачами, принимать оптимальные решения с учетом мнения различных специалистов, оперативно руководить и контролировать работу сотрудников.

Стратегия как способ действий становится необходимой в ситуации, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов. Задачей стратегии является эффективное использование подобных ресурсов для достижения цели. Тактика является инструментом реализации цели стратегии и подчинена основной цели стратегии. С другой стороны, профессионализм является особым свойством людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых различных условиях. В понятии «профессионализм» отражается такая степень овладения человеком психологической структурой профессиональной деятельности, которая соответствует существующим в обществе стандартам и объективным требованиям.

В настоящее время одним из социальных институтов, влияющих на сознание, мышление, поведение, ценностные ориентации и формирование профессиональных стратегий молодого поколения является институт СМИ. Средства массовой информации стали главным инструментом распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание молодых людей. Например, телевизионный образ разворачивается на экране в виде мозаики презентативных символов, которые не претендуют на истинность или ложность представляемых ими картинок, но оказываются для молодых людей основным источником информации об окружающем мире. Информационная коммуникация осуществляется кем-либо для кого-либо или чего-либо. Все, что происходит в рамках информационной коммуникации, так или иначе связано с достижением некоторых целей индивидами или социальными группами. В. П. Коломиец в статье констатирует: «Современные россияне, особенно городские жители, погружены в насыщенное медиапространство. Живущие в городах люди не просто сталкиваются с информацией и коммуникационными технологиями и „используют“ их, а скорее их действия являются частью этих технологий. Телевизор необходимо, по крайней мере, включить, чтобы он превратился в средство коммуникации. Зачастую использование технических средств выходит за пределы их коммуникационных функций. Например, вечером аудиоцентр может стать эффективным спотворным, а утром — будильником» [1].

Тем не менее среди наших соотечественников с каждым годом растет уровень доверия к СМИ. Прежде всего это объясняется тем, что созданные в России передачи информационного характера не только предлагают населению ознакомиться с различными видами информации, но и доносят до широких масс мнение различных специалистов в комментируемых процессах. К тому же современные СМИ положительно влияют на выбор и реализацию профессиональных стратегий и медиапредпочтений молодого поколения. Молодежь применяет многие PR-технологии в реализации проектов. Средства массовой информации оказывают в этом прямую поддержку. Современные СМИ никогда открыто не навязывают какую-либо точку зрения, однако при помощи некоторых психологических манипуляций могут привести молодых людей к определенным выводам и действиям. Как правило, по всем серьезным вопросам в СМИ высказывается много разнообразных и аргументированных мнений, и каждый молодой человек вправе выбрать суждения и мнения, которые ему более всего интересны. Молодые люди как в крупных городах, так и в регионах чаще читают материалы о моде, кино, знаменитостях. СМИ подталкивают молодежь к переосмыслению понятий и норм, поэтому во многих современных обществах молодое поколение не всегда подчиняется социальному порядку. Сегодня более чем когда-либо молодежь нуждается во внимательном к себе отношении. При этом роль родителей становится более ответственной. Искренние и близкие отношения между родителями и детьми являются главным фактором социа-

тания молодого поколения в условиях экономического кризиса.

Существующее в обществе информационное неравенство в отношении молодежи проявляется не только в том, что потребности разных молодежных групп в информации не удовлетворяются в полной мере, но и в том, что данные группы в определенной степени отчуждены от СМИ. Набирающий силу процесс использования современных медиатехнологий и технологий для оптимизации отношений молодежной аудитории и СМИ требует глубокого осмысления и систематизации, выявления позитивных тенденций, создающих проблемные ситуации, связанные с формированием профессиональных стратегий и медиапредпочтений молодежи в условиях экономического кризиса. Таким образом, в условиях экономического кризиса информационное пространство оказывает самое непосредственное влияние на выбор профессиональных стратегий и медиапредпочтений молодежи в современном информационном обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Коломиец В. П.** Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе / В. П. Коломиец // Социс. – 2010. – № 1. – С. 58–66.

Поступила 15.10.11.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. А. Сычев

Прослежена эволюция природоохранного движения и социально-экологического дискурса от 1960-х гг. до современности. Выделены три основных этапа, условно названные локальным, глобальным и глокальным. Определены основные формы и характеристики процесса глокализации в социально-экологической сфере.

Появление интереса широкой общественности к вопросам экологии можно датировать началом 1960-х гг. Непосредственным поводом для беспокойства стало осознание последствий «зеленой революции». Новые сельскохозяйственные практики, как выяснилось, не только повысили качество жизни значительной части населения Земли, но и привели к масштабному загрязнению почвы и воды. Впервые вопрос о крайне негативном воздействии химических веществ сельскохозяйственного назначения на живые организмы был поднят в книге Рейчел Карсон «Молчаливая весна» (1962). Считается, что публикация этой работы обозначила переломный момент в процессе развития экологической деятельности: после нее на Западе начало оформляться протестное природоохранное движение.

Экологическая обеспокоенность общества росла вместе с осознанием того, что доминирующая парадигма, которая определяла социальное развитие на протяжении нескольких предыдущих столетий, исчерпала себя. Более того, привычная система ценностей (призывавшая к безостановочному повышению прибыльности, эффективности и темпов потребления) стала выказывать деструктивный потенциал. Началось активное формирование движений социального протеста, отличавшихся последовательным неконформизмом, критицизмом и оппозиционностью по отношению к официальной идеологии. Действия, направленные на защиту природы, оценивались в общем контексте этого противостояния и рассматривались в одном ряду с выступлениями против проявлений социальной несправедливости: войн, расизма, дискриминации женщин, нарушения прав человека. Активистов радикальных движений интересовали не столько теоретические основания природоохранных ценностей, сколько их социально-преобразовательный потенциал. В центре внимания находилась возможность их использования в качестве средств дискредитации и демонтажа господствовавшей ценностной системы. На первый план выдвигалось то, что могло конвертироваться в практические действия, то, что способствовало активному противостоянию системе под лозунгами защиты природы. Теория, напротив, рассматривалась как дело «кабинетных» ученых, не имеющее выхода на общественную практику.

В 1960-х гг. активно формировались природоохранные группы и проводились многочисленные протестные акции. Такие акции, несмотря на их масштабность, происходили, как правило, без всякого централизованного контроля, путем спонтанной самоорганизации на местном уровне. Во многом по этим причинам экологическое движение на начальном этапе было сильно фрагментировано. Выступления, митинги, акты гражданского неповиновения проходили в разных регионах мира и не были связаны друг с другом ни в организационном плане, ни с точки зрения общности целей. Каких-либо консолидированных требований на них не выдвигалось: каждая акция была нацелена

© А. А. Сычев, 2011

на решение конкретных локальных проблем, связанных, например, с вырубкой леса, строительством завода, загрязнением реки и т. д. Пути решения этих проблем понимались как сугубо ситуационные: вывод предприятия в другой регион, строительство очистных сооружений, замена вредных химических веществ на менее опасные и т. д. В ряде случаев населению удавалось отстоять права на благоприятную окружающую среду. Например, беспокойство общественности за судьбу крупных водоемов заставило власти вывести наиболее вредные предприятия за пределы густонаселенных районов Европы и США. Это позволило существенно улучшить качество воды, а в отдельных местах восстановить оригинальную флору и фауну. При всей неоднородности и фрагментарности природоохранное движение 1960-х гг. стало важным этапом развития гражданского общества и непосредственной, «низовой» демократии на Западе. Во многом оно являлось одним из решающих факторов развития различных форм самоорганизации и самоуправления, мобилизации населения, организации давления на органы местной власти, формирования тесных горизонтальных связей и т. д.

В целом можно утверждать, что как проблемы, так и пути их решения на первом этапе формирования экологического движения воспринимались преимущественно как *локальные*. Они рассматривались изолированно друг от друга, а если акцентировались какие-либо связи между ними, то лишь самые непосредственные и очевидные. Экологические проблемы не воспринимались в качестве составных частей единой планетарной проблемы, тем более их не связывали с кризисными тенденциями в других сферах общественной жизни. Успешность решения таких проблем связывалась с непосредственной деятельностью активистов и групп «на местах» — там, где затрагивались конкретные интересы людей, а сообщество обладало детальным знанием своих проблем и способностью к самоорганизации.

Однако уже в 1970-е гг. стало очевидно, что экологические проблемы чрезвычайно масштабны и их невозможно понять, а тем более решить исходя из частных, региональных или национальных представлений и интересов. С точки зрения экологии Земля — закрытая система, и все локальные проблемы неразрывно связаны, составляя, по сути, единую планетарную проблему. Перенос вредных производств за пределы загрязненных зон или другое действие локального характера может временно решить экологическую проблему для конкретной местности, но ничего не изменит в глобальном и долгосрочном плане. Это значит, что временные и пространственные рамки экологических проблем необходимо предельно расширить, охватив уже всю планету, а не только отдельные ее территории.

Складывавшаяся ситуация изменила масштабы рассмотрения проблем. В новом контексте необходимо было говорить не просто об ответственности отдельных людей и групп, бизнеса и власти, а о глобальной ответственности человечества. Обсуждение экологических проблем было перенесено с локальных площадок на широкую международную арену. В 1972 г. в Стокгольме прошла конференция ООН по проблемам окружающей среды, которая признала универсальный характер экологических проблем и необходимость выработки глобальных мер их решения.

В начале 1970-х гг. развитие компьютерной техники предоставило возможности для количественного анализа кризисных факторов (экономических, экологических, демографических и социальных) в их взаимодействии. Первые прогнозы на будущее, учитывающие эти расчеты, были представлены в докладе «Пределы роста» (1972), который был в рамках проекта Римского клуба. В докладе локальные проблемы природоохранного характера были представлены в качестве составных элементов единой проблемы. При помощи математических подсчетов и моделирования ученые выяснили, что уже ближайшие поколения дойдут до пределов роста, а экологическая катастрофа станет необратимой к середине XXI в.

Параллельно с осознанием масштабности проблем в 1970-е гг. проходили институционализация и формализация природоохранной деятельности. Появились национальные законы об охране окружающей среды, после чего были организованы специализированные органы (комиссии, комитеты, министерства), отвечающие за реализацию этих законов. В 1972 г. появились первые партии «зеленых» (в Австралии и Новой Зеландии). Начали создаваться и международные природоохранные организации. Например, в 1971 г. был основан «Гринпис», а годом позже при ООН был создан постоянно действующий международный институт, названный Программой по окружающей среде (ЮНЕП). В ходе этих процессов проявились тенденции смещения акцентов в природоохранной деятельности с локального на национальный и далее — на международный уровень.

Лейтмотивом второго этапа развития социально-экологического дискурса стала убежденность, что локальные действия малоэффективны, а успешное решение экологических проблем возможно только на международном уровне при условии аккумуляции усилий всех народов и согласованной работы специально созданных национальных и межнациональных структур. Эти претензии были подкреплены формирующейся теорией, где и проблемы, и пути их решения рассматривать в едином, *глобальном*, контексте. Холмс Ролстон III писал об этом: «В таком масштабе думать как земляне важнее, чем действовать как американцы, бразильцы или немцы... В фундаментальном смысле Земля и ее богатства никому не принадлежат, поскольку они принадлежат нам всем» [9, с. 48].

Но уже к концу 1970-х гг. стало очевидно, что ожидаемых позитивных изменений в сфере охраны природы не происходит. Участник Программы ООН по развитию Джеймс Шлет констатировал: «Мое поколение останется в истории как поколение великих болтунов, разглагольствовавших на конференциях. Мы постоянно анализировали, спорили, пытались согласовать друг с другом вопросы. Но в том, что касается практических действий, мы потерпели полную неудачу» [10, с. 19].

Для того чтобы сдвинуть ситуацию с «мертвой точки», потребовались экстремальные ситуации, способные кардинально изменить отношение национальных государств и общественности к проблеме охраны окружающей среды. Поворотными моментами в этом процессе стали катастрофы на химическом заводе в Бхопале (1984) и на атомной станции в Чернобыле (1986), унесшие десятки тысяч жизней. Катастрофы показали, что общество вошло в период перепроизводства рисков, где направление развитию стали задавать не столько потребности, сколько опасения человечества. Стало ясно, что решение экологических проблем не может быть сугубо локальным или сугубо глобальным, а только локальным и глобальным одновременно. Необходимо не только бесконечно согласовывать политические интересы на международном уровне, но и совершать действия, направленные на решение конкретных проблем на местах. При расчете сегодняшних выгод необходимо просчитать долговременные потери и риски, а при анализе локальных действий нужно учитывать их влияние на глобальную ситуацию. Решения, принятые на международном уровне, должны последовательно адаптироваться к условиям конкретной страны, региона, домохозяйства, а в долгосрочных проектах необходимо учитывать нужды тех локальных сообществ, которые могут пострадать от их последствий (например, жители ряда островных государств и Крайнего Севера, жизнь которых резко изменит глобальное изменение климата). Таким образом, реалистичное решение природоохранных проблем зависит от координации действий на всех уровнях — от локального до глобального.

В принятой ЮНЕСКО Хартии Земли (2000) сказано: «Мы являемся одновременно гражданами различных наций и единого мира, в котором локальное и глобальное взаимосвязаны» [4]. Эта связь всеобщего и частного, краткосрочного и долговременного меняет и модели принятия решений. Последствия индивидуальных действий приобретают глобальный масштаб, а при реализации глобальных проектов чаще учитываются локальные контексты. Определенное пренебрежение локальным (традициями, обычаями, правами), господствовавшее на предыдущем этапе, сменяется пристальным интересом к местным природоохранным традициям. Но теперь они рассматриваются не изолированно, а во всеобщем контексте — как интегральные элементы мирового культурного разнообразия, которые вносят уникальный и незаменимый вклад в глобальную культурную устойчивость. Локальное начинает пониматься как необходимое условие существования глобального.

Повсеместно наблюдается нарастание глобализирующих тенденций, которое воспринимается как цивилизационный вызов, брошенный локальным культурам. Логичным и адекватным ответом на этот вызов представляется возрождение и развитие культурного самосознания. История показывает, что любая изоляция приводит к постепенной деградации культуры, а для ее развития необходимы диалог или борьба. Поэтому локальные культуры черпают ресурсы для развития не только в собственной традиции, но и в глобальных ценностях, отвергая одни и приспосабливая другие к своим потребностям. В итоге идентичность современных обществ складывается из неповторимого сочетания глобальных и локальных потоков. Такое тесное переплетение глобальных и локальных нитей в ткани современности является проявлением и следствием процесса, который британский социолог Р. Робертсон называет *глокализацией* [8].

На рубеже 1980 – 1990-х гг. были очерчены основные составляющие устойчивого развития, а масштабные политические измене-

ния давали надежду на то, что мир войдет в XXI в. с консолидированной повесткой дня, посвященной охране окружающей среды. Однако третий (собственно глокальный) этап развития социально-экологического движения все еще далек от завершения. Когда стало очевидно, что политические интересы ряда промышленных стран не совместимы с требованиями, предъявляемыми к устойчивому развитию, темпы изменений вновь начали замедляться. Так, процесс подписания Киотского протокола выявил серьезные разногласия в понимании степени климатической ответственности, а итоги переговоров на саммите в Копенгагене в 2009 г. показали неспособность стран-участников прийти к консенсусу по поводу распределения ответственности.

Глокализация пока является процессом, а не результатом. Население все так же пытается решать локальные проблемы в их изоляции друг от друга, отказываясь верить алармистским прогнозам. На международном уровне принимаются декларативные документы. Решения на глобальном и инициативы на локальном уровнях и сегодня не согласуются. В такой ситуации важно понять, способна ли *глокальная* парадигма обеспечить более адекватную реакцию на экологические вызовы, чем локальная и гло-бальная парадигмы. Если это так, то различные формы проявления глокализации в современном мире можно воспринимать в качестве основных ориентиров для осуществления природоохранной деятельности.

В отношениях общества и природы глокализация подразумевает прежде всего взаимную «подгонку» универсальных и партикулярных природоохранных ценностей и практик друг к другу, что находит выражение в различных конкретных конфигурациях. С этой точки зрения глокализация может быть рассмотрена прежде всего как адаптация глобальных практик и ценностей к локальным условиям: усиление влияния локальных действий и традиций на глобальные процессы; взаимодействие микро- и макроуровня, минуя мезоуровень; координация глобальных теорий с локальными действиями. Рассмотрим каждое из этих проявлений глокальности подробнее.

Глокализация как *адаптация глобальных практик и ценностей к локальным условиям* может быть проанализирована как с позиции носителей глобализирующих тенденций, так и изнутри локальной культуры, подвергающейся глобализации. Известно, что термин «глокализация» изначально появился в Японии для обозначения приспособления хозяйственных практик к местным условиям [11], и до сих пор это значение является для этого термина основным. У. Бек указывает, что для современных транснациональных корпораций такое приспособление подразумевает прежде всего включенность в локальную культуру на правах интегральной ее части: «Концерны „Кока-кола" и „Сони" называют свою стратегию „глобальной локализацией". Их руководители и менеджеры подчеркивают, что применительно к глобализации речь идет не о том, чтобы повсюду в мире строить фабрики, а о том, чтобы стать частью той или иной культуры» [2, с. 87].

В процессе распространения природоохранных ценностей и практик глокализация проявляется схожим образом. Она подразумевает превращение глобальных принципов природоохраны, отраженных в международных декларациях (ценность биоразнообразия, уважение всех форм жизни и т. д.) в органичные элементы системы ценностей какой-либо локальной культуры, группы или организации. Примером наполнения таких (достаточно абстрактных) принципов и идей конкретным содержанием является развитие концепции устойчивого развития. В глобальной «Повестке дня на XXI век» (1992), принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, оговаривается, что «большинству местных органов управления в каждой стране следует начать процесс консультаций со своим населением и выработать консенсус в отношении „местной Повестки дня на XXI век" для той или иной общины» [3, с. 28]. Дальнейшая конкретизация идей устойчивого развития предполагает, что свои «повестки дня» появятся на каждом предприятии и в каждом учебном заведении. Возможно, в ходе такого «снижения» чрезвычайно размытое понятие «устойчивое развитие» будет операционализировано в серии конкретных индикаторов, частично поддающихся количественному анализу.

Однако на приоритетное место в локальной культуре претендуют не только глобальные экологические ценности. Многие элементы глобализации (унифицирующая массовая культура, агрессивное навязывание потребительского стиля жизни и т. д.) несут с собой тенденции, разрушительные для местных традиций. Поэтому процесс глокализации, рассмотренный с точки зрения интересов локальной культуры, приобретает иные характеристики. Здесь важны не просто адаптация к глобальным идеям и практикам, но и «отсеивание» тех из них, кото-

рые опасны для сохранения культурной идентичности. Глокализация в этом отношении может пониматься как механизм выборочной фильтрации. Способность к глокализации — это способность культуры балансировать между изоляцией, которая делает культуру рассадником фундаментализма, и ассимиляцией, которая превращает ее в модный этнографический орнамент. Томас Фридман пишет об этом так: «Я определяю здоровую глокализацию как способность культуры, когда она сталкивается с другой сильной культурой, абсорбировать влияния, которые подходят ей и могут ее обогатить, противостоять тем влияниям, которые чужды ей, а также выявлять те элементы, которые являются чужими, но от которых можно получать удовольствие именно как от чего-то чужого, необычного» [6, с. 295].

Конечно, только способности к глокализации недостаточно, чтобы сохранить культуру, особенно культуру малочисленных народов, исчезающую из-за глобальных изменений в окружающей среде — таяния многолетней мерзлоты, вырубки лесов, строительства дамб и т. д. Поэтому важно создавать и пространства, полностью огражденные от глобализации, где уникальные формы приспособления человека к окружающей среде (скажем, оленеводство или террасное земледелие) могли бы сохраняться неопределенно долгое время. Для этого большие территории, определяющие образ жизни тех или иных локальных культур, должны быть защищены от вмешательств извне.

Глокализация, помимо прочего, проявляется в том, что повышается *степень влияния локальных действий и традиций на глобальные процессы*. Такое влияние двойственно: оно может быть как разрушительным, так и созидательным.

Негативный аспект глокализации связан с усложнением современного общества, при котором непродуманное локальное действие может стать «спусковым крючком» для масштабных катастрофических событий. Человечество в ходе научно-технического прогресса вызвало к жизни силы, с которыми оказалось неспособно справиться. Бхопал, Чернобыль, Фукусима показали, что ошибка в расчетах, небрежность рабочих, стечение многих малозначимых обстоятельств могут стать причиной самых серьезных аварий. Ульрих Бек утверждает: «Причина катастрофы не в ошибке людей, а в системах, которые превращают вполне объяснимую человеческую ошибку в непостижимую разрушительную силу» [1, с. 6]. По сути, для неустойчивой экологии современности такой «эффект бабочки» становится правилом. То, что локализовано на небольшом участке пространства (реактор на АЭС, емкость для хранения химикатов на заводе, нефтяная вышка в море), может при определенных условиях оказать влияние на всех жителей планеты. Локальное и глобальное в «обществе риска» переплетены настолько тесно, что отделить одно от другого невозможно.

То, что верно для пространства, применимо и к времени. Последствия сегодняшних краткосрочных действий могут оказывать негативное влияние на окружающую среду на протяжении неопределенно долгого периода. Типичным примером могут служить радиоактивные отходы. То же можно сказать и по поводу активной эксплуатации невосполнимых ресурсов нынешними поколениями, что лишает будущие поколения возможностей для подобной деятельности. Многие экологи утверждают, что эмиссия парниковых газов может привести (если уже не привела) к необратимым изменениям в климате планеты. При этом негативные последствия будут оказывать влияние на климат несоизмеримо дольше, чем длился тот период, за который человечество получает выгоды от использования загрязняющих технологий. Во всех названных случаях краткосрочные выгоды для ограниченного круга людей оборачиваются долговременными потерями для всего человечества.

Однако влияние локальных действий и традиций на глобальные процессы может быть и созидательным. В последнее время чрезвычайно усилился интерес к природоохранным традициям различных народов, к их образу жизни и хозяйственным практикам. Выяснилось, что некоторые традиции устойчивого земледелия, складывавшиеся в сельскохозяйственных обществах на протяжении тысячелетий, могут стать альтернативой современному земледелию промышленно-коммерческого типа. Современные практики, связанные с использованием технологий глубокой вспашки, пестицидов, химических удобрений и т. д., нацелены на получение краткосрочной выгоды и не способны сохранить плодородие почвы в течение достаточно длительного периода. После ограниченного периода сверхурожаев земля становится непригодной для использования из-за эрозии, засоления, опустынивания. Некоторые древние практики, даже более трудоемкие, доказали способность поддерживать урожайность земли на протяжении неопределенно долгого времени. Таким образом, в долгосрочной перспективе локаль-

ные практики оказываются более выгодными и устойчивыми, чем современные формированные методы ведения сельскохозяйственных работ.

В целом, если еще совсем недавно знания локальных культур о мире считались примитивными, а формы хозяйственной организации — отсталыми, то в последние десятилетия отношение к местным культурам кардинально изменилось. Все чаще утверждается, что для сохранения биоразнообразия конкретное локальное знание гораздо предпочтительнее навязываемых извне научных теорий, а хозяйственная деятельность, основанная на местных традициях и доверии, демонстрирует, как правило, большую эффективность, чем решения, продиктованные государством или рынком [7]. Востребованными на глобальном уровне могут стать не только традиционные, но и инновационные ценности и практики. Начиная с 1960-х гг. в мире создаются коммуны единомышленников, организующих альтернативные экопоселения (хозяйства, деревни, кварталы, целые города), где активно используется энергия ветра и солнца, идут эксперименты по энергосбережению, оптимизации сбора и переработки отходов, выращиванию экологически чистых продуктов. Многие из подобных наработок уже сейчас достойны повсеместного внедрения. Ряд природоохранных инициатив, первоначально возникших на локальном уровне, уже получил широкое распространение во многих городах мира. Среди них — ограничение движения транспорта в городах, создание инфраструктуры для велосипедистов и т. д.

С развитием средств массовой коммуникации (прежде всего Интернета) гораздо проще стало привлекать широкое общественное внимание к локальным протестным действиям и отстаивать права людей на благоприятную окружающую среду. По сути, глокализация в этом понимании может рассматриваться как своеобразный «информационный лифт» для проблем, претендующих на широкую аудиторию. Многие локальные инициативы защитников природы, которые ранее были бы обречены на невнимание и замалчивание, получили возможность выйти на международную дискурсивную арену. Их перевод с локального на глобальный уровень, конечно, все еще затруднен. Но, как правило, если за дело принимаются убежденные люди, вооруженные необходимыми знаниями и опытом, задача привлечения внимания к проблеме становится технической.

Непосредственное отношение к процессу массовой коммуникации имеет форма глокализации, основанная на *прямом взаимодействии микро- и макроуровня*, т. е. взаимодействие локального и международного без посредничества на государственном (мезо) уровне. Примером такого сетевого взаимодействия может служить коммуникация локальных культур, инициативных групп, регионов на международном уровне без посредничества национальных государств. Необходимость подобного взаимодействия очевидна прежде всего из-за тупиковых ситуаций, которые все чаще возникают в переговорах по поводу охраны окружающей среды. Установление для всех стран одинакового «бремени экологической ответственности» невозможно: чтобы справедливо распределить ее между странами, необходимо принять во внимание множество дополнительных факторов. Это, например, экономический статус страны, ее энергетическая политика, жизненные стандарты, возможность платить за ущерб, степень сохранности биоразнообразия, исторический уровень эмиссий парниковых газов и т. д. Разброс в оценках значимости факторов может быть очень большим, что практически перекрывает возможность государств прийти к консенсусу.

Глокализация может быть рассмотрена как возможность решить вопрос на местном уровне, не дожидаясь соответствующих решений государства. Так, низкая эффективность Киотского протокола во многом связывалась с тем, что он не был подписан США. Однако многие американские города проявили инициативу и ратифицировали этот документ на муниципальном уровне, приняв в полном соответствии с требованиями протокола обязательства по снижению загрязнения атмосферы. Можно предположить, что даже самые серьезные глобальные проблемы сегодня могут успешно решаться без обращения к центру, в процессе «локальной дипломатии» — подписания договоренностей между городами, областями, регионами вплоть до обязательств, принимаемых организациями и инициативными группами.

Другим примером деятельности, не требующей административного давления со стороны национальных правительств, можно считать массовые кампании по бойкотированию некоторых товаров или производителей. Так, в 1995 г. транснациональная корпорация Shell намеревалась затопить нефтяную платформу в Северном море, при этом британское правительство выдало на это разрешение. Активисты «Гринпис» призвали к массовому бойкоту продукции Shell. После

падения котировок своих акций, вызванных отказом потребителей пользоваться заправками компании и отрицательным общественным мнением, Shell была вынуждена отступиться от своих намерений. Произошедшая в 2010 г. утечка нефти в Мексиканском заливе привела к призывам бойкотировать продукцию British Petroleum. Описанные ситуации, как и множество других, показывают, что в современном мире общественное мнение способно оказывать решающее давление даже на крупных игроков международного рынка и для регулирования общезначимых вопросов можно действовать без санкции, даже вопреки решениям национального государства. При этом нет никакой необходимости создавать какое-либо «глобальное правительство».

Потребители могут не только бойкотировать товары, но и поддерживать производителя, оказывая предпочтение определенным продуктам. Так, в 1999 г. была организована ассоциация под названием FLA (Ассоциация честного труда). Различные группы, выступающие в поддержку прав человека, договорились о минимальных стандартах для условий труда на зарубежных предприятиях (запрет детского труда, достойная заработная плата, отсутствие загрязнения окружающей среды и т. д.) Знак FLA ставится на товары, при производстве которых эти условия были соблюдены. Соответственно потребители, покупая этот товар, фактически способствуют соблюдению прав человека за рубежом.

Стратегия подобных групп серьезно отличается от тех акций, которые были популярны в 1960-х гг. Ранее люди должны были выйти на улицу, чтобы оказать давление на власть, которая в свою очередь должна была оказать давление на бизнес. При этом эта длинная цепь взаимодействий могла искусственно затягиваться или прерываться на каком-то этапе. При бойкоте и поддержке товаров сокращается как цепь взаимодействий, так и время отклика, прежде всего за счет того, что посредник (государство) оказывается «вышесенным за скобки». В современной модели воздействия потребители влияют на прибыльность предприятия непосредственно, искусственно понижая или повышая ее. Производители в свою очередь изменяют модели поведения не из-за административного нажима, а из-за понимания того, что пренебрежение экологией становится экономически невыгодным. Гибкий сетевой путь решения проблемы оказывается более эффективным, чем традиционный ригидный путь прямого администрирования. «Тем самым производственная и научно-техническая деятельность получает новое политическое и моральное измерение, которое ранее казалось чуждым ее сущности. Если угодно, можно сказать, что бес экономики должен окропить себя святой водой общественной морали и окружить себя нимбом экологической и социальной заботливости» [1, с. 282].

Необходимым условием, обеспечивающим реализацию сетевых практик, является развитие средств непосредственной массовой коммуникации, прежде всего Интернета и мобильной связи. В последнее время распространение информации о различных акциях бойкотирования или поддержки совершается посредством интернет- и СМС-рассылок, общения на уровне электронных социальных сетей. Поскольку «низовое» решение проблем нередко оказывается более эффективным, все чаще звучит мнение, что все, что может решаться на местном уровне, должно быть делегировано на этот уровень. Решение проблем все больше зависит не от величины властного ресурса, а от устойчивости связей между людьми (социального капитала), от способности информации беспрепятственно проходить по каналам связи, наконец, от убежденности потребителей в собственной моральной правоте. Устранение национального государства как руководящего и направляющего центра из процесса принятия решений изменяет характер социального взаимодействия в природоохранной сфере. Из вертикального оно становится горизонтальным, из директивного — равноправным. Все ярче проявляется тенденция смены иерархических отношений сотрудничеством, партнерством, кооперацией.

Не менее характерной формой проявления глокализации является *сочетание глобальных теорий с локальными действиями*. Общим лозунгом экологического движения является принцип «Мыслить глобально, действовать локально», популяризованный на саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Этот лозунг указывает, во-первых, что ответственность за действенное решение глобальных проблем лежит не только на (меж)государственных структурах, но и на действующих лицах «низового» уровня, в том числе на отдельных индивидах. Во-вторых, принцип «мыслить глобально» противостоит любым попыткам замкнуться в рамках своей культуры, нации и даже вида. Наконец реализация этого лозунга предполагает осознание отдаленных (глобальных) последствий каждого действия. Последствия многих действий сложно предугадать, поскольку они значительно отсрочены от самого действия как во

времени, так и в пространстве. Экологические издержки часто перекладываются на будущие поколения, жителей стран третьего мира и т. д. Люди редко осознают настолько отдаленные следствия. С этой точки зрения важны адекватные информационно-образовательные меры, позволяющие выявить причинно-следственные связи между локальными действиями и их глобальными последствиями, осознать величину «экологического следа», который человек оставляет на планете.

Общество чаще прислушивается не только к мета-нарративам прогресса, выраженным в экономико-техническом императиве развития, но и к голосам локальных культур, призывающим к устойчивости. «В нынешней ситуации неопределенности, анонимности, а также высокой скорости распространения рисков, — пишет О. Н. Яницкий, — вненаучные источники социально-экологического знания, прежде всего социальной опыт конкретной группы или сообщества — местного или сетевого, обладают значительным преимуществом, поскольку дают быстрые и однозначные ответы на вызовы глобальных структур, к тому же — в доверительной личностной форме» [5, с. 47].

Если по меркам прогрессивного развития локальные культуры могли рассматриваться как «отсталые», то в координатах экологических вызовов они могут оказаться более «продвинутыми», поскольку способны лучше обеспечить устойчивость природопользования. При этом дискурс устойчивости не вытесняет дискурс развития, но переплетается с ним, вступает с ним в диалог. В этом открытом диалоге проходит не просто возрождение локальных смыслов, но их переосмысление с учетом глобальных идей. Обогащение глобального и локального проходит по схеме, напоминающей герменевтический круг: целое понимается через части, а части — через целое. На каждом новом витке этого взаимодействия происходит углубление понимания как глобального целого, так и его локальных частей. Глокальность в таком аспекте является как характеристикой проблем, стоящих перед человечеством, так и наиболее адекватной моделью для понимания этих проблем, а значит, и их успешного решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бек У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

2. **Бек У.** Что такое глобализация? / У. Бек. — М. : Прогресс-традиция, 2001. — 304 с.

3. Повестка дня на 21-й век. — М. : СоЭС, 1999. — 218 с.

4. Хартия Земли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.earthcharterinaction.org.

5. **Яницкий О. Н.** Экосоциология как перспектива / О. Н. Яницкий // Россия трансформирующаяся. Вып. 8. — М., 2009. — С. 36—56.

6. **Friedman T. L.** The Lexus and the Olive Tree. Understanding Globalization / T. L. Friedman. — New York : Anchor Books, 2000. — 490 p.

7. **Ostrom E.** Governing the Commons / E. Ostrom. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 298 p.

8. **Robertson R.** Glocalization : Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / R. Robertson // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. — L., 1995. — P. 25—44.

9. **Rolston H.** Intrinsic Value on Earth : Nature and Nations / H. Rolston // Environmental Ethics and International Policy. — Paris, 2006. — P. 47—68.

10. **Speth J. G.** The Bridge at the Edge of the World / J. G. Speth. — Yale : Yale University Press, 2008. — 320 p.

11. The Oxford Dictionary of New Words / comp. by S. Tulloch. — Oxford : Oxford University Press, 1999. — 368 p.

Поступила 13.07.11.

ПРИРОДООХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

О. С. Калачина

В статье рассматриваются механизмы взаимодействия государственных и общественных организаций экологической направленности в регионе. Определяются пути оптимизации государственно-общественного управления сферой охраны окружающей среды и природопользования.

В Республике Мордовия все больший размах и значение приобретает детское и молодежное экологическое движение. Детская экологическая организация (ДЭО) «Зеленый мир» — одна из старейших общественных организаций республики. В настоящее время она насчитывает в своих рядах более 2 тыс. учащихся и учителей, имеет 16 филиалов в школах Саранска, в муниципальных районах Республики Мордовия, а также в Московской и Нижегородской областях. Главная функция «Зеленого мира» — экологиче-ское образование школьников. Основными направлениями деятельности организации являются формирование экологической культуры, экологически ориентированного мировоззрения молодого поколения, вовлечение его в деятельность, направленную на решение экологических проблем.

ДЭО «Зеленый мир» тесно сотрудничает с республиканскими органами государственной власти. Министерство лесного, охотничьего хозяйства и природопользования РМ ежегодно выделяет средства на проведение экологического сбора школьников «Сура», научно-практических конференций по экологии. Министерство образования РМ и Государственный комитет РМ по делам молодежи предоставляют организации методическую помощь, поддерживают инициативы экологических организаций. Участвуя в учебно-исследовательских экологических проектах, учащиеся развивают умение решать проблемы в непредвиденных ситуациях, учатся делать обоснованные заключения о состоянии окружающей среды. Подростки приобретают опыт, навыки исследовательской работы и активной природоохранной деятельности в партнерстве с природоохранными ведомствами и местными органами власти, становятся активными пропагандистами экологических знаний среди сверстников и населения республики.

В рамках системы экологического образования и воспитания детей и молодежи работают станции юных натуралистов. В Республике Мордовия насчитывается пять учреждений дополнительного образования детей, способствующих распространению в республике опытнического и природоохранного движения. Практически в каждом образовательном учреждении Республики Мордовия реализуются детские экологические программы, проводятся детские эколого-туристские экспедиции, стали традиционными природоохранные акции, профильные экологические смены в детских оздоровительных лагерях. В организации экологической воспитательной работы значительную роль играют Мордовский государственный заповедник им. П. Г. Смидовича и национальный парк «Смольный». Их сотрудники совместно с учеными и представителями общественных организаций разработали программы учебно-познавательных экскурсий, проводят научно-исследовательские работы, проектируют тропы экологического туризма по заповедным местам Мордовии.

Анализ деятельности организаций и учреждений экологической направленности республики показывает, что они ведут активную и результативную деятельность, направленную на формирование экологически ориентированного мировоззрения у подрастающего поколения, на пропаганду природоохранного движения.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2008 и 2010 гг., общественность республики мало информирована о деятельности экологических организаций. В массовом опросе (объем выборки 200 чел.), проведенном в 2008 г. в рамках гранта РГНФ № 06-03-23301 а/В «Методологические основы создания государственно-общественной системы управления природопользованием и охраной окружающей среды

© О. С. Калачина, 2011

(на примере Республики Мордовия)», выяснилось, что большинство населения вообще не знает о деятельности организаций экологической направленности.

Респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность различных организаций по охране окружающей природной среды?» (таблица). Оценивалась деятельность государственных органов власти, общественных экологических объединений и организаций, а также деятельность профсоюзных, молодежных, женских и политических организаций. В итоге более 25,0 % респондентов из Республики Мордовия положительно отзываются о деятельности государственных органов власти и экологических организаций по охране окружающей природной среды. В Саранске положительную оценку такой деятельности дают 32,7 % респондентов, в Кочкуровском районе — 27,3, в Рузаевском — 23,8, в Темьгушевском — 18,8, в Лямбирском — 9,1 %. Отрицательно оценивают деятельность данных организаций 13,5 % опрошенных из Республики Мордовия, ничего не знают об их деятельности 30,5, затрудняются ответить 29,5 %.

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность различных организаций по охране окружающей природной среды?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Место проживания					
	г. о. Саранск	Рузаевский район	Кочкуровский район	Лямбирский район	Темьгушевский район	РМ
1	2	3	4	5	6	7
Деятельность государственных органов по охране окружающей среды						
Положительно	32,7	23,8	27,3	9,1	18,8	26,5
Отрицательно	13,8	19,0	9,1	15,2	18,8	13,5
Об их деятельности ничего не знаю	28,7	33,3	36,4	30,3	37,4	30,5
Затрудняюсь ответить	24,8	23,9	27,2	45,4	25,0	29,5
Общественные экологические объединения и организации						
Положительно	41,6	14,3	—	12,1	12,4	26,5
Отрицательно	5,9	9,5	9,1	9,1	6,3	6,5
Об их деятельности ничего не знаю	28,7	42,9	36,4	30,3	37,5	32,5
Затрудняюсь ответить	23,8	33,3	54,5	48,5	43,8	34,5
Деятельность профсоюзных организаций						
Положительно	13,9	4,8	—	6,1	18,7	11,0
Отрицательно	13,9	9,5	9,1	9,1	6,3	11,0
Об их деятельности ничего не знаю	49,4	47,6	36,4	30,3	43,8	44,0
Затрудняюсь ответить	22,8	38,1	54,5	54,5	31,2	34,0
Деятельность молодежных организаций						
Положительно	37,6	14,3		12,1	25,0	25,5
Отрицательно	6,9	4,8	9,1	9,1	6,3	6,5
Об их деятельности ничего не знаю	34,7	42,9	36,4	33,3	31,3	36,0
Затрудняюсь ответить	20,8	38,0	54,5	45,5	37,4	32,0
Деятельность женских организаций						
Положительно	6,9	9,5	—	3,0	25,0	8,0

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Отрицательно	7,9	4,8	9,1	9,1	6,3	7,0
Об их деятельности ничего не знаю	60,4	42,9	36,4	36,4	31,3	49,5
Затрудняюсь ответить	24,8	42,8	54,5	51,5	37,4	35,5
Деятельность политических партий						
Положительно	8,9	–	–	6,1	6,3	6,5
Отрицательно	9,9	9,5	9,1	12,1	12,5	10,0
Об их деятельности ничего не знаю	46,5	38,1	27,3	33,3	31,2	40,5
Затрудняюсь ответить	34,7	52,4	63,6	48,5	50,0	43,0

Как показывает таблица, деятельность политических партий, профсоюзных и женских организаций в сознании респондентов устойчиво не связывается с решением экологических проблем. Совсем иная ситуация складывается с молодежными организациями. Их деятельность положительно оценивают более 25,0 %, опрошенных, причем в Саранске активность молодежных организаций более заметна: положительную оценку их деятельности дают 37,6 % респондентов.

Аналогичны результаты экспертного опроса по развитию гражданского общества в Республике Мордовия, проведенного Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия в 2010 г. Опрос показал, что только 4,3 % респондентов высоко оценивают степень эффективности работы природоохранных общественных организаций, 27,7 % дали среднюю оценку деятельности, более 40,0 % оценили степень эффективности деятельности как низкую, а 27,7 % либо не знают о деятельности экологических организаций, либо не считают ее полезной для общества. Это самые низкие оценки степени эффективности работы среди республиканских некоммерческих организаций.

Основная причина сложившейся ситуации, на наш взгляд, заключается в том, что в Мордовии отсутствуют профессиональные экологические организации, деятельность которых была бы ориентирована на взрослое население республики. Отчасти это связано с тем, что территория республики относится к регионам с низкой экологической напряженностью. Кроме того, экологические проблемы и участие общественности в их решении недостаточно освещаются в средствах массовой информации, а органы государственной власти не относят проблемы, связанные с экологией, к числу приоритетных.

Несмотря на то что структуры гражданского общества не заменят государство, они могут инициировать постановку экологических проблем, предлагать пути их решения и активно участвовать в реализации природоохранных проектов через систему общественных экспертных советов при министерствах и ведомствах республики, на региональном и муниципальном уровнях. Необходимо, чтобы представители СМИ входили в состав общественных экологических советов и были привлечены к совместному участию в реализации их проектов.

Поступила 13.07.11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Андрей Михайлович, соискатель кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Абрамова Екатерина Александровна, старший научный сотрудник ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Абудеева Наталья Юрьевна, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Агишев Руслан Ряфатевич, старший научный сотрудник ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Азисова Надия Низаметдиновна, кандидат социологических наук, доцент, Средне-Волжский (г. Саранск) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Акимова Зинаида Ивановна, кандидат педагогических наук, директор МОУ «Гимназия № 19» г. Саранска.

Бареев Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры методологии науки и прикладной социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Баринова Ольга Николаевна, научный сотрудник отдела информатизации ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Богатова Ольга Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Борисов Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Бурова Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Вдовин Сергей Михайлович, ректор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Вдовина Екатерина Николаевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Вишнякова Наталья Анатольевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Голованов Алексей Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Голованова Елена Михайловна, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Данилов Анатолий Викторович, студент специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Демьянов Евгений Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Дергунова Ольга Сергеевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Долгаева Евгения Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Ефанова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Волгоградского государственного университета.

Зеткина Юлия Владимировна, соискатель кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Зинин Александр Алексеевич, преподаватель кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Ивашкина Наталия Владимировна, заведующий сектором региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Инякина Ольга Николаевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Калачина Ольга Семеновна, старший научный сотрудник отдела мониторинга демографии и трудовых процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Канаева Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Капаева Людмила Петровна, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск), кандидат социологических наук.

Касаткина Наталья Петровна, аспирант кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, научный сотрудник НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Каштанова Елизавета Юрьевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Кирдяшкина Татьяна Ивановна, научный сотрудник отдела мониторинга демографии и трудовых процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Кирдяшов Василий Филиппович, кандидат философских наук, профессор кафедры регионоведения и политологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, член Межрегионального совета мордовского (мокшанского и эрзянского) народа.

Козин Владимир Васильевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Козина Ольга Васильевна, старший преподаватель кафедры педагогики Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Кулешова Галина Петровна, доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Курков Владимир Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Курочкина Марина Александровна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Максимова Лариса Юрьевна, научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Манякина Елена Васильевна, выпускница специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Мартынов Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Миничкина Валентина Павловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, и. о. директора ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Морозова Надежда Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и педагогики Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Москалева Юлия Валерьевна, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Мотькин Владислав Николаевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Мукасеева Надежда Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий сектором социально-экономических программ НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Мухаметзянова Алиса Рашидовна, научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Назарьева Светлана Евгеньевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Нежданов Владимир Анатольевич, кандидат географических наук, заведующий отделом мониторинга демографии и трудовых процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Никонова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Помелова Наталья Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Пустынникова Лариса Владимировна, заместитель директора департамента по делам молодежи и спорта администрации г. Сарова, аспирант кафедры социологии Историко социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Радаева Наталья Александровна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Резяпова Ирина Эльдаровна, студентка специальности «Регионоведение» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Роздина Юлия Олеговна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Рузавина Эльвира Александровна, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Салаков Ярослав Сергеевич, аспирант кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Салмова Ольга Валентиновна, аспирант кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Сидоркина Валентина Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Слугина Татьяна Валерьевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Стародубцева Любовь Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления образованием Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева.

Судакова Алина Игоревна, студентка юридического факультета Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации.

Суконкина Татьяна Николаевна, научный сотрудник НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Сульдина Наталья Николаевна, студентка специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Суняйкина Ольга Николаевна, научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Сургучева Марина Александровна, выпускница специальности «Социология» Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Сухарев Александр Иванович (1931—2010), доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии для гуманитарных специальностей Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Тихонова Екатерина Владимировна, магистрант направления 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Трофимова Галина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и истории НИУ «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева».

Тюлякова Олеся Николаевна, аспирант кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Ушкин Сергей Геннадьевич, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Фофанова Катерина Владиславовна, доктор социологических наук, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Французов Владимир Владимирович, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Фролочкина Елена Андреевна, студентка юридического факультета Средне-Волжского (г. Саранск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Шевцова Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра международных образовательных программ кафедры ЮНЕСКО факультета международного образования Московского института открытого образования.

Шичкин Игорь Алексеевич, кандидат экономических наук старший научный сотрудник отдела мониторинга экономических процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Шумкова Наталья Викторовна, научный сотрудник НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Шанкина Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, заместитель директора — ученый секретарь ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

Юскаева Марина Витальевна, магистрант направления подготовки 040200.68 «Социология» (Программа специализированной магистерской подготовки «Социология социальных изменений») Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Якушкин Максим Васильевич, кандидат философских наук, заведующий отделом мониторинга социальных процессов ГУ «Научный центр социально-экономического мониторинга РМ» (г. Саранск).

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» ОБЪЯВЛЯЕТ О НАБОРЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

К публикации принимаются **статьи, хроника, рецензии, обзоры** кандидатов и докторов наук, преподавателей университета, аспирантов.

Материалы, выполненные **в текстовом редакторе MS Word**, представляются в редакцию **в распечатанном и электронном вариантах.**

Поля: левое — 3 см, верхнее и нижнее — 2 см, правое — 1,5 см.

Гарнитура — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5.

Объем статей — 6—10 страниц.

Для хроник, рецензий, обзоров — до 6 страниц.

Обязательна **аннотация статьи** (кегль 12).

Ссылки на литературу приводятся **в квадратных скобках** (например: [1, с. 222]). **Библиографический список** сортируется по алфавиту и оформляется согласно требованиям **ГОСТа 7.1—2003. Фамилии и инициалы авторов в библиографическом списке, а также названия источников должны быть верными и как можно более полными.**

Рисунки должны быть черно-белыми, в **отдельных файлах**, пронумерованы, с верными подписями, хорошего качества. **В формате JPEG рисунки не принимаются, так как их нельзя править. Таблицы** также нумеруются и подписываются.

ОБЯЗАТЕЛЬНА авторская справка (в отдельном файле). В ней необходимо указать:

— фамилию, имя, отчество (полностью);
— должность;
— контактный телефон;
— адрес электронной почты (для иногородних авторов **обязателен**);
— домашний либо рабочий адрес (для иногородних авторов).

Стоимость публикации — 20 рублей за 1 страницу формата А4.

Статьи, не отвечающие вышеуказанным требованиям, к публикации не принимаются.

Редакция сохраняет за собой право отказать в публикации статьи с объяснением причин отказа.

Необоснованное копирование материалов из интернет-источников недопустимо.

Уведомляем, что электронные версии статей будут размещены на сайте Научной электронной библиотеки.

Адрес редакции: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 31, кв. 3.
Телефон: (8342) 24-25-18.
e-mail: vestnik_mrsu@mail.ru.

МИТЬКОВА Жанна Владимировна — ответственный секретарь.
САВОЙСКАЯ Елена Владимировна — редактор.

Подписано в печать 12.12.11. Формат 70×100 ¼. Усл. печ. л. 24,05.
Тираж 200 экз. Заказ № 1882.

Издательство Мордовского университета
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISSN 0236-2910
ВЕСТН. МОРДОВ. УН-ТА. 2011. № 3. С. 1—296.